Разработка и поддержка:
Зоологический институт РАН

Русская версия Английская версия

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Morimonella bednariki Podany
Фото А.Мирошникова

- Введение
- Морфология и анатомия
- Биология и экология
- Географическое распространение
- Систематика и филогения
- Мир жуков и человек
- Ученые-колеоптерологи (Personalia)
- Коллекции
- Наши публикации и важнейшая библиография
- Изображения жуков
- Наши базы данных
- Жуки в Интернете
- О сайте и его авторах
- Новости, указатели и прочее

Жуки или жесткокрылые (научное латинское название - Coleoptera, от греческих слов "coleos" - ножны и "pteron" - крыло) - самый большой по числу видов отряд не только в классе насекомых (Insecta), но и во всем царстве животных (Animalia). Не менее четверти всех видов животных на нашей планете - жуки. Жуки встречаются во всех частях света и почти во всех типах местообитаний. Их изучением занимается специальный раздел зоологии - колеоптерология. В Зоологическом институте (ЗИН) Российской Академии наук (РАН), находящемся в Санкт-Петербурге, исследования жуков ведутся с момента его основания. Здесь работали такие известные колеоптерологи, как Э. Ф. Менетрие, А. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Г. Якобсон, А. Н. Рейхардт, М. Е. Тер-Минасян, О. Л. Крыжановский и многие другие. Отделение жесткокрылых Лаборатории систематики насекомых ЗИН, которым, как и всей Лабораторией, руководит колеоптеролог с мировым именем профессор Г. С. Медведев, является центром исследований жуков для всей России. Коллектив колеоптерологов ЗИН с помощью своих коллег из других научных учреждений решил создать и поддерживать в Интернете специальный сайт о жуках и колеоптерологах, который должен быть интересен как специалистам, так и тем, кто только начинает интересоваться жуками или вообще случайно набрел на наши страницы.
Добро пожаловать в мир жуков и изучающих их ученых!

Этот сайт был создан при частичной поддержке РФФИ (гранты N 96-07-89086 и N 99-07-90315) и ГНТП "Биоразнообразие" (2.1.91.бр).
В 2002-2004 гг. он развивался при специальной поддержке РФФИ (грант N 02-07-90105).

Жуки в прозе

Обложка книги В. Пелевина (М., изд. **"Вагриус"**, 2000 г., художник Е. Вельчинский)

Эта страница еще ждет своего автора и поэтому нижеследующее нужно рассматривать только как дилетантское временное введение к проблеме "Жуки в литературной прозе".

Что приходит в голову прежде всего, когда начинаешь обдумывать эту тему? Конечно, те произведения, где жуки фигурируют прямо в названии:

Эдгар По -- "Золотой жук"
Константин Паустовский -- "Похождения жука-носорога"
Пьер Грипари -- "Мадемуазель Скарабей"
Клиффорд Саймак -- "Золотые жуки"
Аркадий и Борис Стругацкие -- "Жук в муравейнике"
Аркадий Бухов -- "Жуки на булавках"

Но названия обманчивы. У Бухова про жуков вообще ничего нет - они ему понадобились только для заголовка. У Стругацких - жуку посвящен всего один абзац, объясняющий название. Оказывается они имели в виду не симбиоз мирмекофильного жука с муравьями, а случайное попадание жука в муравейник, вызывающее переполох у его обитателей, но заканчивающееся благополучным уходом жука. (Более профессионально об этом - **в научном исследовании Владимира Борисова**).

Иногда жуки играют важную роль в рассказе или романе, но при этом в заглавии не упоминаются. Один из последних примеров - роман **Виктора Пелевина "Жизнь насекомых"**. Вот небольшой отрывок из его сюрреалистической фантазии на темы жизни жуков-навозников (глава "Инициация"):

Мальчик поглядел на папу, недоверчиво пожал плечами и уставился в неровную поверхность своего свежеслепленного шара. Под его взглядом она постепенно разгладилась и даже заблестела. Потом она начала делаться прозрачной, и внутри шара стало заметно движение. Мальчик вздрогнул.

Из глубины шара на него глядела шипастая черная голова с крошечными глазками и мощными челюстями. Шеи не было - голова переходила в твердый черный панцирь, по бокам которого шевелились зазубренные черные лапки.

- Что это такое? - спросил мальчик.

- Это отражение.

- Чего?

- Ну как же так? Ведь только что все понял, а? Давай опять логически. Спроси себя сам - если я вижу перед собой отражение и знаю, что передо

мной Йа, что я вижу?

- Себя, наверно, - сказал мальчик.

- Вот, - сказал отец, - понял наконец.

Мальчик задумался.

- Но ведь отражение всегда бывает в чем-то, - сказал он, поднимая взгляд на рогатую и черную папину морду, поблескивающую бусинками глаз.

- Правильно, - сказал отец, - ну и что?

- В чем оно?

- Как в чем? Ну ты даешь. Все же у тебя перед глазами. Конечно, в самом себе, в чем же еще?

Мальчик долго молчал, вглядываясь в навозный шар, а потом закрыл лапками морду.

- Да, - наконец сказал он изменившимся голосом. - Конечно. Понял. Это Йа. Конечно, это же Йа и есть.

- Молодец, - сказал отец, слезая со спички и чуть привставая на четырех задних лапках, чтобы передними ухватиться за свой шар. - Идем дальше.

Иллюстрация к новелле Ф. Кафки "Превращение" (**рисунок Ивана Земцова**)

Иногда даже литературоведы не знают, что речь в произведении идет о жуке. Франц Кафка часто прибегал к таким средствам сатирического иносказания и философского обобщения, как гротеск, аллегория, притча. Герой его **новеллы "Превращение"** маленький чиновник Грегор Замза обнаруживает, что превратился в огромное насекомое. Правда, сам Кафка не называет описываемое насекомое жуком и многие комментаторы думали, что он описывал таракана; но Владимир Набоков - писатель и энтомолог - в своем **эссе об этой новелле** доказывает, что это был именно жук (**Рита Снайп нашла в двух публикациях рисунки самого Набокова к этому эссе**). Это неправдоподобное событие изображается обстоятельно и подробно, с большим количеством натуралистических деталей и в конечном счете вызывает жуткое ощущение достоверности. Но подлинно ужасное заключается в другом: Грегор Замза оказывается совершенно одиноким и беспомощным в своей беде. Добрые отношения, которые связывали героя с людьми, были лишь видимостью: даже семья Замзы не чает, как избавиться от чудовищного человека-насекомого, и в конце концов способствует его гибели.

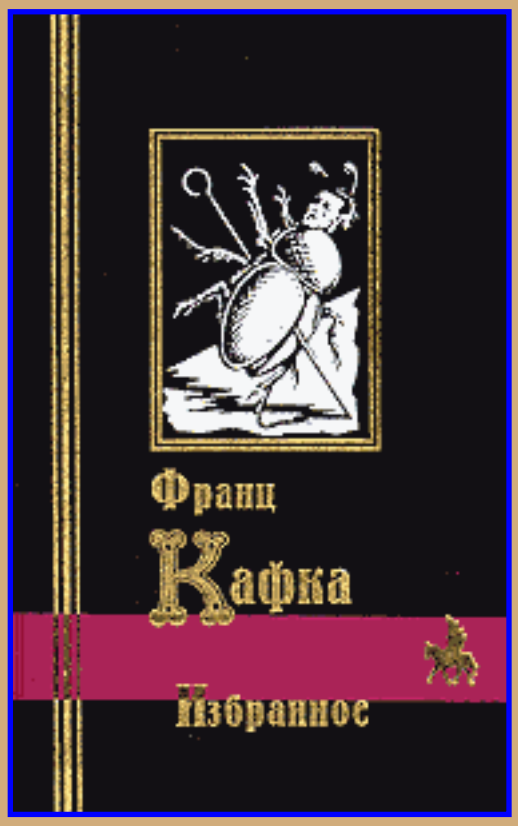
И саму **новеллу Кафки** и **эссе Набокова** вы можете прочесть прямо у нас на сайте.

Если человеко-жуков Кафки и Пелевина расположить на одном конце вектора реальности, то на противоположном можно себе представить героя **"солдатской сказки" Константина Паустовского** -- вполне настоящего жука-носорога. Вот начало этой сказки:

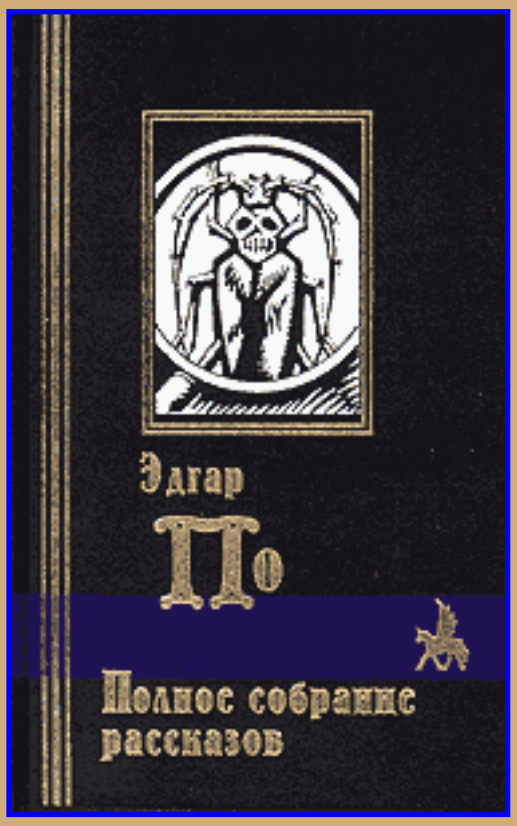
Когда Петр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Степа не знал, что подарить отцу на прощание, и подарил, наконец, старого

жука-носорога. Поймал он его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорог сердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили.

Близок к реальности и **"золотой жук" Эдгара По**. Нереальна только его тяжесть. Скорее всего прототипом "золотого жука" был один из американских видов рода Plusiotis (Scarabaeidae). Золотистый хрущ из этого рода действительно кажется отлитым из чистого золота, но весит он, конечно, не больше других жуков. У описанного Эдгаром По жука еще есть темные пятна на надкрыльях, отсутствующие у серебряного и золотого видов Plusiotis, поэтому комментаторы обычно считают, что По смешал признаки двух разных видов. Как представляли себе "золотого жука" разные художники - **посмотрите на отдельной странице.**



В начале 2000 года тема жуков в классической прозе неожиданно выплеснулась на обложки очень солидной серии "Библиотека мировой литературы", выпускаемой в Санкт-Петербурге издательством **"Кристалл"**. Почти один за другим вышли объемистые тома Франца Кафка и Эдгара По. И на обеих обложках главными персонажами рисунков художника И.Г. Мосина выступают жуки. На обложке "Избранного" Ф. Кафки изображен явный человеко-жук (а не просто человеко-насекомое). Художник, вероятно, знаком с доказательствами В. В. Набокова (а может быть он просто интуитивно верно воспринял описание, сделанное Кафкой). Прототипом жука избран, на мой взгляд, какой-то навозник. И это повлекло за собой не совсем верный выбор энтомологической основы для обложки "Полного собрания рассказов" Э. По. Все комментаторы По сходятся в том, что "золотой жук" относится к семейству пластинчатоусых (Scarabaeidae). Но этот тип габитуса был только что использован для иллюстрации к Кафке. Вероятно поэтому художник



Санкт-Петербург, издательство **"Кристалл"**, 1999. Художник И. Г. Мосин.

изобразил на обложке Э. По явного усача (Cerambycidae) и почти бесспорно -- из подсемейства Prioninae. С точки зрения энтомолога это явное отступление от замысла писателя. Даже самые металлически блестящие представители родов Pyrodes и Psalidognathus на "золотого жука" все-таки не похожи. Но сам факт такого массового выхода жуков на обложки солидного издания -- отрадный для колеоптерологов факт.

Санкт-Петербург, издательство **"Кристалл"**, 2000. Художник И. Г. Мосин.

Интересное переплетение чисто сказочного сюжета и традиционных сказочных приемов с биологическими реалиями и описанием деталей образа жизни жуков-навозников можно видеть в сказке французского писателя Пьера Грипари **"Мадемуазель Скарабей"**. Книгу с этой прелестной сказкой предложила нашему вниманию **Рита Снайп** - активный автор нашего сайта.

Неутомимая **Рита Снайп** заметила наше непростительное упущение - у нас даже не упоминалась любимая фантастическая повесть нескольких поколений наших соотечественников (начиная с 30-х годов XX века) - **"Необыкновенные приключения Карика и Вали"**, написанная **Яном Леопольдовичем Ларри**. Чудесным образом уменьшившиеся в размерах герои повести - профессор Енотов, мальчик Карик и девочка Валя - переживают увлекательные приключения в мире насекомых, ставших для них гигантами. Автор щедро рассеял в своей книге интересные и уже совсем нефантастические сведения о животных и растениях. Среди персонажей повести множество жуков - жужелицы, бронзовка, навозник, плавунец, медляк, долгоносик, кожееды, светляк, майка, листоеды ... Повесть экранизирована в 1987 году и на сайте будет отдельная страница, посвященная этому художественному фильму.

Явно под влиянием успеха повести Я.Ларри в конце 40-х годов был написан роман-сказка **"В Стране Дремучих Трав"**, о котором я тоже забыл, а никто из энтомологов не напомнил. Это еще одно непростительное упущение нам помогла ликвидировать София Давидовна Степаньянц - новый автор нашего сайта. С.Д. так была обижена отсутствием у нас упоминания о своей любимой книге, что принесла бережно сохраняемый в домашней библиотеке экземпляр для немедленного представления романа на наших страницах. Автор романа - Владимир Григорьевич Брагин - использовал идею Я.Ларри: герои тоже съедают "уменьшительный" порошок, убывают в размерах в 100 или 200 раз и испытывают приключения в мире насекомых. Но его произведение отличается явно более научной направленностью и обилием философских отступлений. Особо выделяется в книге тема неисчерпаемости "патентов" живой природы - щедро предлагаемых насекомыми решений технических задач, которые дают богатый материал для исследований в области бионики. Предисловие к художественной книге написал академик А.И.Опарин, а научным редактором выступил Н.Н. Плавильщиков - один из крупнейших отечественных колеоптерологов. Это не удивительно - среди действующих лиц романа - стафилинид ломехуза (в книге почему-то "ламехуза"), ощупник, вертячка, скарабей и другие жуки. Многие из них очень правдоподобно изображены на иллюстрациях, выполненных художником В.А.Милашевским (часть из них можно увидеть **в заметке С.Д.Степаньянц**).

До сих пор мы обсуждали в этом разделе уже опубликованные и знакомые многим нашим посетителям произведения. Теперь мы переходим в новое качество - сразу два автора передали нам для первой публикации свои еще неизвестные широкому кругу читателей опусы. **Сергей Сергеевич Ижевский** подарил нам свой поучительный и познавательный рассказ **"Часы смерти или губитель антиквариата"**, где один из главных героев - мебельный точильщик. А София Давидовна Степаньянц прислала чудесную сказку из жизни божьих коровок

"Ледибедик Мыч". Слово "ледибедик" происходит от английского "ladybird" (божья коровка). А необычные имена героев (Мыч и Тэк) произведены от имен детей, которым предназначалась эта сказка (Димыч и Витэк).

Самый активный за последнее время корреспондент нашего сайта **Рита Снайп** продолжает находить все новые книги, связанные с жуками. Она собрала столько материалов на эту тему, что мы выделили для нее **отдельную страницу**, на которой будем помещать ее находки.

Иногда трудно провести границу между художественной и научно-популярной прозой. Примером могут служить **поэтичные этюды о насекомых Юрия Линника**, собранные в его книге "Параллельная вселенная" и подготовленные для нашего сайта **Павлом Корзуновичем**. Эту книгу сейчас трудно найти, но теперь вы можете прочесть у нас удивительные, наполненные восхищением чудесами природы строки о жуках.

Очень весомое дополнение в наш список колеоптерологической беллетристики внесла Т.Д. Березина - она первой заметила появление романа **Д. Липскерова "Пространство Готлиба"**, где выдуманный жук (эндопаразит человека под названием рогач-зимник) является главным героем. Роль жука в книге настолько важна и автор сообщает столько биологических подробностей, что это произведение вполне может послужить предметом литературоведческого анализа и посылкой к созданию отдельного эссе (вроде **набоковского анализа "Превращения"** Франца Кафки).

Благодаря усилиям А.Ф. Емельянова у нас появилась страница, посвященная **упоминаниям жуков в повести Марка Твена "Приключения Тома Сойера"**. Помимо памятного всем с детства большого эпизода с жуком-кусакой в церкви, мы нашли еще два упоминания жуков. В переводе Н. Дарузес обнаружилась грубая энтомологическая ошибка - точильщик "часы смерти" назван могильщиком.

Я надеюсь, что эти отрывочные заметки не помешают кому-нибудь написать для нашего сайта литературоведческое исследование, которое будет более достойно грандиозной темы жуков в мировой литературе.
Так я написал при открытии этой страницы сайта и это было справедливо до сентября 2001 года, пока почти профессиональный исследователь творчества братьев Стругацких **Владимир Борисов** не попал на наш сайт и не вдохновился на исчерпывающее изучение произведений этих фантастов в колеоптерологическом аспекте. В результате этого кропотливого труда появилась **новая большая страница** в этом разделе нашего сайта (я затрудняюсь с точной классификацией жанра - эссе? статья? очерк?), которую я настоятельно рекомендую прочесть всем любителям жуков (даже далеким от увлечения фантастикой). Теперь, после того, как нам подарили это замечательное произведение, уже нельзя сказать, что тема жуков недостаточно представлена в литературоведении. Остается только пожелать, чтобы и другие отечественные "*-веды" ("звездочка" означает возможность подстановки любой фамилии писателя) достойно продолжили почин Владимира Борисова.

Андрей Лобанов, июль 2000 - апрель 2002 г.

- **Франц Кафка - "Превращение"**
- **Владимир Набоков - "Превращение" Франца Кафки**
- **Виктор Пелевин - "Жизнь насекомых"**
- **Эдгар По - "Золотой жук"**
- **К.Г. Паустовский - "Похождения жука-носорога"**
- **Клиффорд Саймак - "Золотые жуки"**

- К вопросу о жуках (Coleoptera) в творчестве братьев Стругацких (опыт научного исследования)
- Ганс Христиан Андерсен - "Навозный жук"
- Ян Ларри - "Необыкновенные приключения Карика и Вали"
- Спасет ли нас ломехуза? (о книге В. Брагина "В Стране Дремучих Трав")
- София Степаньянц - "Ледибедик Мыч"
- Артур Конан Дойл - "Охотник за жуками"
- Павел Крусанов: "Мало пишут о жесткокрылых"
- Жук-зимник Hiprotomus viktotolamus в "Пространстве Готлиба" Д.Липскерова (нашла Т.Д. Березина)
- Жуки в "Приключениях Тома Сойера" Марка Твена
- Жуки на обложках книг серии "Библиотека мировой литературы"
- Жуки в латышских детских книгах (из библиотеки Дмитрия Тельнова)
- Жуки и колеоптерологи в прозаических произведениях (находки Риты Снайп)
- Ондржей Секора - "Муравьи не сдаются" (находка Елены Кухаренко)
- Виталий Бианки - роль жуков в "Приключениях муравьишки" (исследование Людмилы Лобановой)
- Виталий Бианки - малоизвестная колеоптерологическая сказка (находка Н.Е.Захаровой)
- Виталий Бианки - раннее издание сказки "Репортаж со стадиона Жукамо"
- Жуки-грибовики в обучении детей счету (из библиотеки Эдвина Тельнова)
- "Жук-рогач" - рассказ Марии Елагиной (найден Ритой Снайп в газете "Gaude")
- "Он живой и светится..." - жук-светляк в рассказ Виктора Драгунского
- Елена Косинова - "Господин Навозный жук" (из сказок с деревенского двора) - находка И.С.Смирнова
- Мария Грипе - "Навозный жук летает в сумерках" (необычная повесть для детей) - находка И.С.Смирнова
- Дональд Биссет - "Жук-философ", "Жук и бульдозер" и другие сказки (находка Н.Е. Захаровой)
- П. Вайль, А. Генис - "Формула жука" (... Жук - ключ ко всем проблемам...) - находка И.С. Смирнова
- "Жук и его имя (жуки в творчестве А. Милна)" - эссе Е.А. Кухаренко
- Эдвин Хернле - "Майский жук и пчела" - сказка (находка Е.А.Кухаренко)
- Роберт Асприн - "Война жуков и ящериц" - фантастический роман (находка Е.А. Кухаренко)
- Еще один вариант книжки Ондржея Секоры "Приключения муравья Ферды" (находка Н. А.Виноградова)
- Игорь Куберский - "Жук-носорог" - рассказ (находка Н.А.Виноградова)

Франц Кафка - "Превращение"

1

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Лежа на панцирнотвердой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделенный дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого еле держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами.

"Что со мной случилось? " - подумал он. Это не было сном. Его комната, настоящая, разве что слишком маленькая, но обычная комната, мирно покоилась в своих четырех хорошо знакомых стенах. Над столом, где были разложены распакованные образцы сукон - Замза был коммивояжером, - висел портрет, который он недавно вырезал из иллюстрированного журнала и вставил в красивую золоченую рамку. На портрете была изображена дама в меховой шляпе и боа, она сидела очень прямо и протягивала зрителю тяжелую меховую муфту, в которой целиком исчезала ее рука.

Иллюстрация к новелле Ф. Кафки "Превращение" (**рисунок Ивана Земцова**)

Затем взгляд Грегора устремился в окно, и пасмурная погода - слышно было, как по жести подоконника стучат капли дождя - привела его и вовсе в грустное настроение. "Хорошо бы еще немного поспать и забыть всю эту чепуху", - подумал он, но это было совершенно неосуществимо, он привык спать на правом боку, а в теперешнем своем состоянии он никак не мог принять этого положения. С какой бы силой ни поворачивался он на правый бок, он неизменно сваливался опять на спину. Закрыв глаза, чтобы не видеть своих барахтающихся ног, он проделал это добрую сотню раз и отказался от этих попыток только тогда, когда почувствовал какую-то неведомую дотоле, тупую и слабую боль в боку.

"Ах ты, господи, - подумал он, - какую я выбрал хлопотную профессию! Изо дня в день в разъездах. Деловых волнений куда больше, чем на месте, в торговом доме, а кроме того, изволь терпеть тяготы дороги, думай о расписании поездов, мирись с плохим, нерегулярным питанием, завязывай со все новыми и новыми людьми недолгие, никогда не бывающие сердечными отношения. Черт бы побрал все это! " Он почувствовал вверху живота легкий зуд; медленно подвинулся на спине к прутьям кровати, чтобы удобнее было поднять голову; нашел зудевшее место, сплошь покрытое, как оказалось, белыми непонятными точечками; хотел было ощупать это место одной из ножек, но сразу отдернул ее, ибо даже простое прикосновение вызвало у него, Грегора, озноб.

Он соскользнул в прежнее свое положение. "От этого раннего вставания, - подумал он, - можно совсем обезуметь. Человек должен высыпаться. Другие коммивояжеры живут, как одалиски. Когда я, например, среди дня возвращаюсь в гостиницу, чтобы переписать полученные заказы, эти господа только завтракают. А осмелься я вести себя так, мой хозяин выгнал бы меня сразу. Кто знает, впрочем, может быть, это было бы даже очень хорошо для меня. Если бы я не сдерживался ради родителей, я бы давно заявил об уходе, я бы подошел к своему хозяину и выложил ему все, что о нем думаю. Он бы так и свалился с конторки! Странная у него манера - садиться на конторку и с ее высоты разговаривать со служащим, который вдобавок вынужден подойти вплотную к конторке из-за того, что хозяин туг на ухо. Однако надежда еще не совсем потеряна: как только я накоплю денег, чтобы выплатить долг моих родителей - на это уйдет еще лет пять-шесть, - я так и поступлю. Тут-то мы и распрощаемся раз и навсегда. А пока что надо подниматься, мой поезд отходит в пять".

И он взглянул на будильник, который тикал на сундуке. "Боже правый! " - подумал он. Было половина седьмого, и стрелки спокойно двигались дальше, было даже больше половины, без малого уже три четверти. Неужели будильник не звонил? С кровати было видно, что он поставлен правильно, на четыре часа; и он, несомненно, звонил. Но как можно было спокойно спать под этот сотрясающий мебель трезвон? Ну, спал-то он неспокойно, но, видимо, крепко. Однако что делать теперь? Следующий поезд уходит в семь часов; чтобы поспеть на него, он должен отчаянно торопиться, а набор образцов еще не упакован, да и сам он отнюдь не чувствует себя свежим и легким на подъем. И даже поспей он на поезд, хозяйского разноса ему все равно не избежать - ведь рассыльный торгового дома дежурил у пятичасового поезда и давно доложил о его, Грегора, опоздании. Рассыльный, человек бесхарактерный и неумный, был ставленником хозяина. А что, если сказаться больным? Но это было бы крайне неприятно и показалось бы подозрительным, ибо за пятилетнюю свою службу Грегор ни разу еще не болел. Хозяин, конечно, привел бы врача больничной кассы и стал попрекать родителей сыномлентяем, отводя любые возражения ссылкой на этого врача, по мнению которого все люди на свете совершенно здоровы и только не любят работать. И разве в данном случае он был бы так уж неправ? Если не считать сонливости, действительно странной после такого долгого сна, Грегор и в самом деле чувствовал себя превосходно и был даже чертовски голоден.

Покуда он все это торопливо обдумывал, никак не решаясь покинуть постель, - будильник как раз пробил без четверти семь, - в дверь у его изголовья осторожно постучали.

- Грегор, - услыхал он (это была его мать), - уже без четверти семь. Разве ты не собирался уехать?

Этот ласковый голос! Грегор испугался, услыхав ответные звуки собственного голоса, к которому, хоть это и был, несомненно, прежний его голос, примешивался какой-то подспудный, но упрямый болезненный писк, отчего слова только в первое мгновение звучали отчетливо, а потом искажались отголоском настолько, что нельзя было с уверенностью сказать, не ослышался ли ты. Грегор хотел подробно ответить и все объяснить, но ввиду этих обстоятельств сказал только:

Да, да, спасибо, мама, я уже встаю.

Снаружи, благодаря деревянной двери, по-видимому, не заметили, как изменился его голос, потому что после этих слов мать успокоилась и зашаркала прочь. Но короткий этот разговор обратил внимание остальных членов семьи на то, что Грегор вопреки ожиданию все еще дома, и вот уже в одну из боковых дверей стучал отец - слабо, но кулаком.

- Грегор! Грегор! - кричал он. - В чем дело? И через несколько мгновений позвал еще раз, понизив голос:

- Грегор! Грегор!

А за другой боковой дверью тихо и жалостно говорила сестра:

- Грегор! Тебе нездоровится? Помочь тебе чем-нибудь?

Отвечая всем вместе: "Я уже готов", - Грегор старался тщательным выговором и длинными паузами между словами лишить свой голос какой бы то ни было необычности. Отец и в самом деле вернулся к своему завтраку, но сестра продолжала шептать:

- Грегор, открой, умоляю тебя.

Однако Грегор и не думал открывать, он благословлял приобретенную в поездках привычку и дома предусмотрительно запирать на ночь все двери.

Он хотел сначала спокойно и без помех встать, одеться и прежде всего позавтракать, а потом уж поразмыслить о дальнейшем, ибо - это ему стало ясно - в постели он "и до чего путного не додумался бы. Ом вспомнил, что уже не раз, лежа в постели, ощущал какую-то легкую, вызванную, возможно, неудобной позой боль, которая, стоило встать, оказывалась чистейшей игрой воображения, и ему было любопытно, как рассеется его сегодняшний морок. Что изменение голоса всего-навсего предвестие профессиональной болезни коммивояжеров - жестокой простуды, в этом он нисколько не сомневался.

Сбросить одеяло оказалось просто; достаточно было немного надуть живот, и оно упало само. Но дальше дело шло хуже, главным образом потому, что он был так широк.

Ему нужны были руки, чтобы подняться; а вместо этого у него было множество ножек, которые не переставали беспорядочно двигаться и с которыми он к тому же никак не мог совладать. Если он хотел какую-либо ножку согнуть, она первым делом вытягивалась; а если ему наконец удавалось выполнить этой ногой то, что он задумал, то другие тем

временем, словно вырвавшись на волю, приходили в самое мучительное волнение. "Только не задерживаться понапрасну в постели", - сказал себе Грегор.

Сперва он хотел выбраться из постели нижней частью своего туловища, но эта нижняя часть, которой он, кстати, еще не видел, да и не мог представить себе, оказалась малоподвижной; дело шло медленно; а когда Грегор наконец в бешенстве напропалую рванулся вперед, он, взяв неверное направление, сильно ударился о прутья кровати, и обжигающая боль убедила его, что нижняя часть туловища у него сейчас, вероятно, самая чувствительная.

Поэтому он попытался выбраться сначала верхней частью туловища и стал осторожно поворачивать голову к краю кровати. Это ему легко удалось, и, несмотря на свою ширину и тяжесть, туловище его в конце концов медленно последовало за головой. Но когда голова, перевалившись наконец за край кровати, повисла, ему стало страшно продвигаться и дальше подобным образом. Ведь если бы он в конце концов упал, то разве что чудом не повредил бы себе голову. А терять сознание именно сейчас он ни в коем случае не должен был; лучше уж было остаться в постели.

Но когда, переведя дух после стольких усилий, он принял прежнее положение, когда он увидел, что его ножки копошатся, пожалуй, еще неистовей, и не сумел внести в этот произвол покой и порядок, он снова сказал себе, что в кровати никак нельзя оставаться и что самое разумное - это рискнуть всем ради малейшей надежды освободить себя от кровати. Одновременно, однако, он не забывал нет-нет да напомнить себе, что от спокойного размышления толку гораздо больше, чем от порывов отчаяния. В такие мгновения он как можно пристальнее глядел в окно, "о. к сожалению, в зрелище утреннего тумана, скрывшего даже противоположную сторону узкой улицы, нельзя было. почерпнуть бодрости и уверенности. "Уже семь часов, - сказал он себе, когда снова послышался бой будильника, - уже семь часов, а все еще такой туман". И несколько мгновений он полежал спокойно, слабо дыша, как будто ждал от полной тишины возвращения действительных и естественных обстоятельств.

Но потом он сказал себе: "Прежде чем пробьет четверть восьмого, я должен во что бы то ни стало окончательно покинуть кровать. Впрочем, к тому времени из конторы уже придут справиться обо мне, ведь контора открывается раньше семи". И он принялся выталкиваться из кровати, раскачивая туловище по всей его длине равномерно. Если бы он упал так с кровати, то, видимо, не повредил бы голову, резко приподняв ее во время падения. Спина же казалась достаточно твердой; при падении на ковер с ней, наверно, ничего не случилось бы. Больше всего беспокоила его мысль о том, что тело его упадет с грохо-том и это вызовет за всеми дверями если не ужас, то уж, во всяком случае, тревогу. И все же на это нужно было решиться.

Когда Грегор уже наполовину повис над краем кровати - новый способ походил скорей на игру, чем на утомительную работу, нужно было только рывками раскачиваться, - он подумал, как было бы все просто, если бы ему помогли. Двух сильных людей - он подумал об отце и о прислуге - было бы совершенно достаточно; им пришлось бы только, засунув руки под выпуклую его спину, снять его с кровати, а затем, нагнувшись со своей ношей, подождать, пока он осторожно перевернется на полу, где его ножки получили бы, надо полагать, какой-то смысл. Но даже если бы двери не были заперты, неужели он действительно позвал бы кого-нибудь на помощь? Несмотря на свою беду, он не удержался от улыбки при этой мысли.

Он уже с трудом сохранял равновесие при сильных рывках и уже вот-вот должен был Окончательно решиться, когда с парадного донесся звонок. "Это кто-то из фирмы", - сказал он себе и почти застыл, но зато его ножки заходили еще стремительней. Несколько мгновений все было тихо. "Они не отворяют", - сказал себе Грегор, отдаваясь какой-то безумной надежде. Но потом, конечно, прислуга, как всегда, твердо прошагала к парадному и открыла. Грегору достаточно было услыхать только первое приветственное слово гостя, чтобы тотчас узнать, кто он: это был сам управляющий. И почему Грегору суждено было служить в фирме, где малейший промах вызывал сразу самые тяжкие подозрения? Разве ее служащие были все как один прохвосты, разве среди них не было надежного и преданного человека, который, хоть он и не отдал делу нескольких утренних часов, совсем обезумел от угрызений совести и просто не в состоянии покинуть постель? Неужели недостаточно было послать справиться ученика - если такие расспросы вообще нужны, - неужели непременно должен был прийти сам управляющий и тем самым показать всей ни в чем не повинной семье, что расследование этого подозрительного дела по силам только ему? И больше от волнения, в которое привели его эти мысли, чем по-настоящему решившись, Грегор изо всех сил рванулся с кровати. Удар был громкий, но не то чтобы оглушительный. Падение несколько смягчил ковер, да и спина оказалась эластичнее, чем предполагал Грегор, поэтому звук получился глухой, не такой уж разительный. Вот только голову он держал недостаточно осторожно и ударил

ее; он потерся ею о ковер, досадуя на боль.

- Там что-то упало, - сказал управляющий в соседней комнате слева.

Грегор попытался представить себе, не может ли и с управляющим произойти нечто подобное тому, что случилось сегодня с ним, Грегором; ведь вообще-то такой возможности нельзя было отрицать. Но как бы отметая этот вопрос, управляющий сделал в соседней комнате несколько решительных шагов, сопровождавшихся скрипом его лакированных сапог. Из комнаты справа, стремясь предупредить Грегора, шептала сестра:

- Грегор, пришел управляющий.

- Я знаю, - сказал Грегор тихо; повысить голос настолько, чтобы его услыхала сестра, он не отважился.

- Грегор, - заговорил отец в комнате слева, - к нам пришел господин управляющий. Он спрашивает, почему ты не уехал с утренним поездом. Мы не знаем, что ответить ему. Впрочем, он хочет поговорить и с тобой лично. Поэтому, пожалуйста, открой дверь. Он уж великодушно извинит нас за беспорядок в комнате.

- Доброе утро, господин Замза, - приветливо вставил сам управляющий.

- Ему нездоровится, - сказала мать управляющему, покуда отец продолжал говорить у двери. - Поверьте мне, господин управляющий, ему нездоровится. Разве иначе Грегор опоздал бы на поезд! Ведь мальчик только и думает что о фирме. Я даже немного сержусь, что он никуда не ходит по Вечерам; он пробыл восемь дней в городе, но все вечера провел дома. Сидит себе за столом и молча читает газету или изучает расписание поездов. Единственное развлечение, которое он позволяет себе, - это выпиливание. За каких-нибудь два-три вечера он сделал, например, рамочку; такая красивая рамочка, просто загляденье; она висит там в комнате, вы сейчас ее увидите, когда Грегор откроет. Право, я счастлива, что вы пришли, господин управляющий; без вас мы бы не заставили Грегора открыть дверь; он такой упрямый; и наверняка ему нездоровится, хоть он и отрицал это утром.

- Сейчас я выйду, - медленно и размеренно сказал Грегор, но не шевельнулся, чтобы не пропустить ни одного слова из их разговоров.

- Другого объяснения, сударыня, у меня и нет, - сказал управляющий. - Будем надеяться, что болезнь его не опасна. Хотя, с другой стороны, должен заметить, что нам, коммерсантам, - то ли к счастью, то ли К несчастью - Приходится часто в интересах дела просто превозмогать легкий недуг.

- Значит, господин управляющий может уже войти к тебе? - спросил нетерпеливый отец и снова постучал в дверь.

- Нет, - сказал Грегор. В комнате слева наступила мучительная тишина, в комнате справа зарыдала сестра.

Почему сестра не шла к остальным? Вероятно, она только сейчас встала с постели и еще даже не начала одеваться. А почему она плакала? Потому что он не вставал и не впускал управляющего, потому что он рисковал потерять место и потому что тогда хозяин снова стал бы преследовать родителей старыми требованиями. Но ведь покамест это были напрасные страхи. Грегор был еще здесь и вовсе не собирался покидать свою семью. Сейчас он, правда, лежал на ковре, а, узнав, в каком он находится состоянии, никто не стал бы требовать от него, чтобы он впустил управляющего. Но не выгонят же так уж сразу Грегора из-за этой маленькой невежливости, для которой позднее легко найдется подходящее оправдание! И Грегору казалось, что гораздо разумнее было бы оставить его сейчас в покое, а не докучать ему плачем и уговорами. Но ведь всех угнетала - и это извиняло их поведение - именно неизвестность.

- Господин Замза, - воскликнул управляющий, теперь уж повысив голос, - в чем дело? Вы заперлись в своей комнате, отвечаете только "да" и "нет", доставляете своим родителям тяжелые, ненужные волнения и уклоняетесь - упомяну об этом лишь вскользь - от исполнения своих служебных обязанностей поистине неслыханным образом. Я говорю сейчас от имени ваших родителей и вашего хозяина и убедительно прошу вас немедленно объясниться. Я удивлен, я поражен! Я считал вас спокойным, рассудительным человеком, а вы, кажется, вздумали выкидывать странные номера. Хозяин, правда, намекнул мне сегодня утром на возможное объяснение вашего прогула - оно касалось недавно доверенного вам инкассо, - но я, право, готов был дать честное слово, что это объяснение не соответствует действительности. Однако сейчас, при виде вашего непонятного упрямства, у меня пропадает всякая охота в какой бы то ни было мере за вас заступаться. А положение ваше отнюдь не прочно. Сначала я намеревался сказать вам это с глазу на глаз, но поскольку вы заставляете меня напрасно тратить здесь время, я не вижу причин утаивать это от ваших уважаемых родителей. Ваши успехи "в последнее время были, скажу я вам, весьма неудовлетворительны; правда, сейчас не то время года, чтобы заключать большие сделки, это мы признаем; но такого времени года, когда не заключают никаких сделок, вообще

не существует, господин Замза, не может существовать.

- Но, господин управляющий, - теряя самообладание, воскликнул Грегор и от волнения забыл обо всем другом, - я же немедленно, сию минуту открою. Легкое недомогание, приступ головокружения не давали мне возможности встать. Я и сейчас еще лежу в кровати. Ноя уже совсем пришел в себя. И уже встаю. Минутку терпения! Мне еще не так хорошо, как я думал. Но уже лучше. Подумать только, что за напасть! Еще вчера вечером я чувствовал себя превосходно, мои родители это подтвердят, нет, вернее, уже вчера вечером у меня появилось какое-то предчувствие. Очень возможно, что это было заметно. И почему я не уведомил об этом фирму! Но ведь всегда думаешь, что переможешь болезнь на ногах. Господин управляющий! Пощадите моих родителей! Ведь для упреков, которые вы сейчас мне делаете, нет никаких оснований; мне же и не говорили об "том ни слова. Вы, наверно, не видели последних заказов, которые я прислал. Да я еще и уеду с восьмичасовым поездом, несколько лишних часов сна подкрепили мои силы. Не задерживайтесь, господин управляющий, я сейчас сам приду в фирму, будьте добры, так и скажите и засвидетельствуйте мое почтение хозяину!

И покуда Грегор все это поспешно выпаливал, сам не зная, что он говорит, он легко - видимо, наловчившись в кровати - приблизился к сундуку и попытался, опираясь на него, выпрямиться во весь рост. Он действительно хотел открыть дверь, действительно хотел выйти и поговорить с управляющим; ему очень хотелось узнать, что скажут, увидев его, люди, которые сейчас так его ждут. Если они испугаются, значит, с Грегора уже снята ответственность и он может быть спокоен. Если же они примут все это спокойно, то, значит, и у него нет причин волноваться и, поторопившись, он действительно будет на вокзале в восемь часов. Сначала он несколько раз соскальзывал с полированного сундука, но наконец, сделав последний рывок, выпрямился во весь рост; на. боль в нижней части туловища он уже не обращал внимания, хотя она была очень мучительна. Затем, навалившись на спинку стоявшего поблизости стула, он зацепился за ее края ножками. Теперь он обрел власть над своим телом и умолк, чтобы выслушать ответ управляющего.

- Поняли ли вы хоть одно слово? - спросил тот родителей. - Уж не издевается ли он над нами?

- Господь с вами, - воскликнула мать, вся в слезах, - может быть, он тяжело болен, а мы его мучим. Грета! Грета! - крикнула она затем.

- Мама? - отозвалась сестра с другой стороны.

- Сейчас же ступай к врачу. Грегор болен. Скорей за врачом. Ты слышала, как говорил Грегор?

- Это был голос животного, - сказал управляющий, сказал поразительно тихо по сравнению с криками матери.

- Анна! Анна! - закричал отец через переднюю в кухню и хлопнул в ладоши. - Сейчас же приведите слесаря!

И вот уже обе девушки, шурша юбками, пробежали через переднюю - как же это сестра так быстро оделась? - и распахнули входную дверь. Не слышно было, чтобы дверь захлопнулась - наверно, они так и оставили ее открытой, как то бывает в квартирах, где произошло большое несчастье.

А Грегору стало гораздо спокойнее. Речи его, правда, уже не понимали, хотя ему она казалась достаточно ясной, даже более ясной, чем прежде, - вероятно потому, что его слух к ней привык. Но зато теперь поверили, что с ним творится что-то неладное, и были готовы ему помочь. Уверенность и твердость, с какими отдавались первые распоряжения, подействовали на него благотворно. Он чувствовал себя вновь приобщенным к людям и ждал от врача и от слесаря, не отделяя по существу одного от другого, удивительных свершений. Чтобы перед приближавшимся решающим разговором придать своей речи как можно большую ясность, он немного откашлялся, стараясь, однако, сделать это поглуше, потому что, возможно, и эти звуки больше не походили на человеческий кашель, а судить об этом он уже не решался. В соседней комнате стало между тем совсем тихо. Может быть, родители сидели с управляющим за столом и шушукались, а может быть, все они приникли к двери, прислушиваясь.

Грегор медленно продвинулся со стулом к двери, отпустил его, навалился на дверь, припал к ней стоймя - на подушечках его лапок было какое-то клейкое вещество - и немного передохнул, натрудившись. А затем принялся поворачивать ртом ключ в замке. Увы, у него, кажется, не было настоящих зубов - чем же схватить теперь ключ? - но зато челюсти оказались очень сильными; с их помощью он и в самом деле задвигал ключом, не обращая внимания на то, что, несомненно, причинил себе вред, ибо какая-то бурая жидкость выступила у него изо рта, потекла по ключу и закапала на пол.

- Послушайте-ка, - сказал управляющий в соседней комнате, - он поворачивает ключ.

Это очень ободрило Грегора; но лучше бы все они, и отец, и мать, кричали ему, лучше бы они все кричали ему: "Сильней, Грегор! Ну-ка, поднатужься, ну-ка, нажми на замок! " И вообразив, что все напряженно следят за его усилиями,

он самозабвенно, изо всех сил вцепился в ключ. По мере того как ключ поворачивался, Грегор переваливался около замка с ножки на ножку; держась теперь стоймя только с помощью рта, он по мере надобности то повисал на ключе, то наваливался на него всей тяжестью своего тела. Звонкий щелчок поддавшегося наконец замка как бы разбудил Грегора. Переведя дух, он сказал себе:

"Значит, я все-таки обошелся без слесаря", - и положил голову на дверную ручку, чтобы отворить дверь.

Поскольку отворил он ее таким способом, его самого еще не было видно, когда дверь уже довольно широко отворилась. Сначала он должен был медленно обойти одну створку, а обойти ее нужно было с большой осторожностью, чтобы не шлепнуться на спину у самого входа в комнату. Он был еще занят этим трудным передвижением и, торопясь, ни на что больше не обращал внимания, как вдруг услышал громкое "О! " управляющего - оно прозвучало, как свист ветра, - и увидел затем его самого: находясь ближе всех к двери, тот прижал ладонь к открытому рту и медленно пятился, словно его гнала какая-то невидимая, неодолимая сила. Мать - несмотря на присутствие управляющего, она стояла здесь с распущенными еще с ночи, взъерошенными волосами - сначала, стиснув руки, взглянула на отца, а потом сделала два шага к Грегору я рухнула, разметав вокруг себя юбки, опустив к груди лицо, так что его совсем не стало видно. Отец угрожающе сжал кулак, словно желая вытолкнуть Грегора в его комнату, потом нерешительно оглядел гостиную, закрыл руками глаза и заплакал, и могучая его грудь сотрясалась.

Грегор вовсе и не вошел в гостиную, а прислонился изнутри к закрепленной створке, отчего видны были только половина его туловища и заглядывавшая в комнату голова, склоненная набок. Тем временем сделалось гораздо светлее; на противоположной стороне улицы четко вырисовывался кусок бесконечного серо-черного здания - это была больница - с равномерно и четко разрезавшими фасад окнами; дождь еще шел, но только большими, в отдельности различимыми и как бы отдельно же падавшими на землю каплями. Посуда для завтрака стояла на столе в огромном количестве, ибо для отца завтрак был важнейшей трапезой дня, тянувшейся у него, за чтением газет, часами. Как раз на противоположной стене висела фотография Грегора времен его военной службы; "а ней был изображен лейтенант, который, положив руку на эфес шпаги и беззаботно улыбаясь, внушал уважение своей выправкой и своим мундиром. Дверь в переднюю была отворена, и так как входная дверь тоже была открыта, виднелась лестничная площадка и начало уходившей вниз лестницы.

- Ну вот, - сказал Грегор, отлично сознавая, что спокойствие сохранил он один, - сейчас я оденусь, соберу образцы и поеду. А вам хочется, вам хочется, чтобы я поехал? Ну вот, господин управляющий, вы видите, я не упрямец, я работаю с удовольствием; разъезды утомительны, но я не мог бы жить без разъездов. Куда же вы, господин управляющий? В контору? Да? Вы доложите обо всем? Иногда человек не в состоянии работать, но тогда как раз самое время вспомнить о прежних своих успехах в надежде, что тем внимательней и прилежнее будешь работать в дальнейшем, по устранении помехи. Ведь я так обязан хозяину, вы же отлично это знаете. С другой стороны, на мне лежит забота о родителях и о сестре. Я попал в беду, ко я выкарабкаюсь. Только не ухудшайте моего и без того трудного положения. Будьте в фирме на моей стороне! Коммивояжеров не любят, я знаю. Думают, они зарабатывают бешеные деньги и при этом живут в свое удовольствие. Никто просто не задумывается над таким предрассудком. Но вы, господин управляющий, вы знаете, как обстоит дело, знаете лучше, чем остальной персонал, и даже, говоря между нами, лучше, чем сам хозяин, который, как предприниматель, легко может ошибиться в своей оценке в невыгодную для того или иного служащего сторону Вы отлично знаете также; что, находясь почти весь год вне фирмы, коммивояжер легко может стать жертвой сплетни, случайностей и беспочвенных обвинений, защититься от которых он совершенно не в силах, так как по большей части он о них ничего не знает и только потом, когда, измотанный, возвращается из поездки, испытывает их скверные, уже далекие от причин последствия на собственной шкуре. Не уходите, господин управляющий, не дав мне ни одним словом понять, что вы хотя бы отчасти признаете мою правоту!

Но управляющий отвернулся, едва Грегор заговорил, и, надувшись, глядел на него только поверх плеча, которое непрестанно дергалось. И во время речи Грегора он ни секунды не стоял на месте, а удалялся, не спуская с Грегора глаз, к двери - удалялся, однако, очень медленно, словно какой-то тайный запрет не позволял ему покидать комнату. Он был уже в передней, и, глядя на то, как неожиданно резко он сделал последний шаг из гостиной, можно было подумать, что он только что обжег себе ступню. А в передней он протянул правую руку к лестнице, словно там его ждало прямо-таки неземное блаженство.

Грегор понимал, что он ни в коем случае не должен отпускать управляющего в таком настроении, если, не хочет

поставить под удар свое положение в фирме. Родители не сознавали всего этого так ясно; с годами они привыкли думать, что в этой фирме Грегор устроился на всю жизнь, а свалившиеся на них сейчас заботы и вовсе лишили их проницательности. Но Грегор этой проницательностью обладал. Управляющего нужно было задержать, успокоить, убедить и в конце концов расположить а свою пользу; ведь от этого зависела будущность Грегора и его семьи! Ах, если бы сестра не ушла! Она умна, она плакала уже тогда, когда Грегор еще спокойно лежал на спине. И, конечно же, управляющий, этот дамский угодник, повиновался бы ей; она закрыла бы входную дверь и своими уговорами рассеяла бы его страхи. Но сестра-то как раз и ушла, Грегор должен был действовать сам. И, не подумав о том, что совсем еще не знает теперешних своих возможностей передвижения, не подумав и о том, что его речь, возможно и даже вероятней всего, снова осталась непонятой, он покинул створку дверей; пробрался через проход; хотел было направиться к управляющему, - который, выйдя уже на площадку, смешно схватился обеими руками за перила, - но тут же, ища опоры, со слабым криком упал на все свои лапки. Как только это случилось, телу его впервые за это утро стало удобно; под лапками была твердая почва; они, как он к радости своей отметил, отлично его слушались; даже сами стремились перенести его туда, куда он хотел; и он уже решил, что вот-вот все его муки окончательно прекратятся. Но в тот самый миг, когда он покачивался от толчка, лежа на полу неподалеку от своей матери, как раз напротив нее, мать, которая, казалось, совсем оцепенела, вскочила вдруг на ноги, широко развела руки, растопырила пальцы, закричала: "Помогите! Помогите ради бога! " - склонила голову, как будто хотела получше разглядеть Грегора, однако вместо этого бессмысленно отбежала назад; забыла, что позади нее стоит накрытый стол; достигнув его, она, словно по рассеянности, поспешно на него села и, кажется, совсем не заметила, что рядом с ней из опрокинутого большого кофейника хлещет на ковер кофе.

- Мама, мама, - тихо сказал Грегор и поднял на нее глаза.

На мгновение он совсем забыл об управляющем; однако при виде льющегося кофе он не удержался и несколько раз судорожно глотнул воздух. Увидев это, мать снова вскрикнула, спрыгнула со стола и упала на грудь поспешившему ей навстречу отцу. Но у Грегора не было сейчас времени заниматься родителями; управляющий был уже па лестнице; положив подбородок на перила, он бросил последний, прощальный взгляд Назад. Грегор пустился было бегом, чтобы вернее его догнать; но управляющий, видимо, догадался о его намерении, ибо, перепрыгнув через несколько ступенек, исчез. Он только воскликнул:

"Фу! " - и звук этот разнесся по лестничной клетке. К сожалению, бегство управляющего, видимо, вконец расстроило державшегося до сих пор сравнительно стойко отца, потому что вместо того, чтобы самому побежать за управляющим или хотя бы не мешать Грегору догнать его, он схватил правой рукой трость управляющего, которую тот вместе со шляпой и пальто оставил на стуле, а левой взял со стола большую газету и, топая ногами, размахивая газетой и палкой, стал загонять Грегора в его комнату. Никакие просьбы Грегора не помогли, да и не понимал отец никаких его просьб; как бы смиренно Грегор ни мотал головой, отец только сильнее и сильнее топал ногами. Мать, несмотря на холодную погоду, распахнула окно настежь и, высунувшись в него, спрятала лицо в ладонях. Между окном и лестничной клеткой образовался сильный сквозняк, занавески взлетели, газеты на столе зашуршали, несколько листков поплыло по полу: Отец неумолимо наступал, издавая, как дикарь, шипящие звуки. А Грегор еще совсем не научился пятиться, он двигался назад действительно очень медленно. Если бы Грегор повернулся, он сразу же оказался бы в своей комнате, но он боялся раздражить отца медлительностью своего поворота, а отцовская палка в любой миг могла нанести ему смертельный удар по спине или по голове. Наконец, однако, ничего другого Грегору все-таки не осталось, ибо он, к ужасу своему, увидел, что, пятясь назад, не способен даже придерживаться определенного направления; и поэтому, не переставая боязливо коситься на отца, он начал - по возможности быстро, на самом же деле очень медленно - поворачиваться. Отец, видно, оценил его добрую волю и не только не мешал ему поворачиваться, но даже издали направлял его движение кончиком своей палки. Если бы только не это несносное шипение отца! Из-за него Грегор совсем терял голову. Он уже заканчивал поворот, когда, прислушиваясь к этому шипению, ошибся и повернул немного назад. Но когда он наконец благополучно направил голову в раскрытую дверь, оказалось, что туловище его слишком широко, чтобы свободно в нее пролезть. Отец в его теперешнем состоянии, конечно, не сообразил, что надо открыть другую створку двери и дать Грегору проход. У него была одна навязчивая мысль - как можно скорее загнать Грегора в его комнату. Никак не потерпел бы он и обстоятельной подготовки, которая требовалась Грегору, чтобы выпрямиться во весь рост и таким образом, может быть, пройти через дверь. Словно не было никакого препятствия, он гнал теперь

Грегора вперед с особенным шумом; звуки, раздававшиеся позади Грегора, уже совсем не походили на голос одного только отца; тут было и в самом деле не до шуток, и Грегор - будь что будет - втиснулся в дверь. Одна сторона его туловища поднялась, он наискось лег в проходе, один его бок был совсем изранен, на белой двери остались безобразные пятна; вскоре он застрял и уже не мог самостоятельно двигаться дальше, на одном боку лапки повисли, дрожа, вверху; на другом они были больно прижаты к полу. И тогда отец с силой дал ему сзади поистине спасительного теперь пинка, и Грегор, обливаясь кровью, влетел в свою комнату. Дверь захлопнули палкой, и наступила долгожданная тишина.

2

Лишь в сумерках очнулся Грегор от тяжелого, похожего на обморок сна. Если бы его и не побеспокоили, он все равно проснулся бы ненамного позднее, так как чувствовал себя достаточно отдохнувшим и выспавшимся, но ему показалось, что разбудили его чьи-то легкие шаги и звук осторожно запираемой двери, выходившей в переднюю. На потолке и на верхних частях мебели лежал проникавший с улицы свет электрических фонарей, но внизу, у Грегора, было темно. Медленно, еще неуклюже шаря своими щупальцами, которые он только теперь начинал ценить, Грегор подполз к двери, чтобы досмотреть, что там произошло. Левый его бок казался сплошным длинным, неприятно саднящим рубцом, и он по-настоящему хромал на оба ряда своих ног. В ходе утренних приключений одна ножка - чудом только одна - была тяжело ранена и безжизненно волочилась по полу.

Лишь у двери он понял, что, собственно, его туда повлекло; это был запах чего-то съедобного. Там стояла миска со сладким молоком, в котором плавали ломтики белого хлеба. Он едва не засмеялся от радости, ибо есть ему хотелось еще сильнее, чем утром, и чуть ли не с глазами окунул голову в молоко. Но вскоре он разочарованно вытащил ее оттуда; мало тога. что из-за раненого левого бока есть ему было трудно, - а есть он мог, только широко разевая рот и работая всем своим туловищем, - молоко, которое всегда было его любимым напитком и которое сестра, конечно, потому и принесла, показалось ему теперь совсем невкусным; он почти с отвращением отвернулся от миски и пополз назад, к середине комнаты.

В гостиной, как увидел Грегор сквозь щель в двери, зажгли свет, но если обычно отец в это время громко читал матери, а иногда и сестре вечернюю газету, то сейчас не было слышно ни звука. Возможно, впрочем, что это чтение, о котором ему всегда рассказывала и писала сестра, в последнее время вообще вышло из обихода. Но и кругом было очень тихо, хотя в квартире, конечно, были люди. "До чего же, однако, тихую жизнь ведет моя семья", - сказал себе Грегор и, уставившись в темноту, почувствовал великую гордость от сознания, что он сумел добиться для своих родителей и сестры такой жизни в такой прекрасной квартире. А что, если этому покою, благополучию, довольству пришел теперь ужасный конец? Чтобы не предаваться подобным мыслям, Грегор решил размяться и принялся ползать по комнате.

Один раз в течение долгого вечера чуть приоткрылась, но тут же захлопнулась одна боковая дверь и еще раз - другая; кому-то, видно, хотелось войти, но опасения взяли верх. Грегор остановился непосредственно у двери в гостиную, чтобы каким-нибудь образом залучить нерешительного посетителя или хотя бы узнать, кто это, но дверь больше не отворялась, и ожидание Грегора оказалось напрасным. Утром, когда двери были заперты, все хотели войти к нему, теперь же, когда одну дверь он открыл сам, а остальные были, несомненно, отперты в течение дня, никто не входил, а ключи между тем торчали снаружи.

Лишь поздно ночью погасили в гостиной свет, и тут сразу выяснилось, что родители и сестра до сих пор бодрствовали, потому что сейчас, как это было отчетливо слышно, они все удалились на цыпочках. Теперь, конечно, до утра к Грегору никто не войдет, значит, у него было достаточно времени, чтобы без помех поразмыслить, как ему перестроить свою жизнь. Но высокая пустая комната, в которой он вынужден был плашмя лежать "а полу, пугала его, хотя причины своего страха он не понимал, ведь он жил в этой комнате вот уже пять лет, и, повернувшись почти безотчетно, он не без стыда поспешил уползти под диван, где, несмотря на то, что спину ему немного прижало, а голову уже нельзя было поднять, он сразу же почувствовал себя очень уютно и пожалел только, что туловище его слишком широко, чтобы поместиться целиком под диваном.

Там пробыл он всю ночь, проведя ее отчасти в дремоте, которую то и дело вспугивал голод, отчасти же в заботах и смутных надеждах, неизменно приводивших его к заключению, что покамест он должен вести себя спокойно и обязан своим терпением и тактом облегчить семье неприятности, которые он причинил ей теперешним своим состоянием.

Уже рано утром - была еще почти ночь - Грегору представился случай испытать твердость только что принятого решения, когда сестра, почти совсем одетая, открыла дверь из передней и настороженно заглянула к нему в комнату. Она не сразу заметила Грегора, но, увидев его под диваном - ведь где-то, о господи, он должен был находиться, не мог же он улететь! - испугалась так, что, не совладав с собой, захлопнула дверь снаружи. Но словно раскаявшись в своем поведении, она тотчас же открыла дверь снова и на цыпочках, как к тяжелобольному или даже как к постороннему, вошла в комнату. Грегор высунул голову к самому краю дивана и стал следить за сестрой. Заметит ли она, что он оставил молоко, причем вовсе не потому, что не был голоден, и принесет ли какую-нибудь другую еду, которая подойдет ему больше? Если бы она не сделала этого сама, он скорее бы умер с голоду, чем обратил на это ее внимание, хотя его так и подмывало выскочить из-под дивана, броситься к ногам сестры и попросить у нее какой-нибудь хорошей еды. Но сразу же с удивлением заметив полную еще миску, из которой только чуть-чуть расплескалось молоко, сестра немедленно подняла ее, правда, не просто руками, а при помощи тряпки, и вынесла прочь. Грегору было очень любопытно, что она принесет взамен, и он стал строить всяческие догадки на этот счет. Но он никак не додумался бы до того, что сестра, по своей доброте, действительно сделала. Чтобы узнать его вкус, она принесла ему целый выбор кушаний, разложив всю эту снедь на старой газете. Тут были лежалые, с гнильцой овощи; оставшиеся от ужина кости, покрытые белым застывшим соусом; немного изюму и миндаля; кусок сыру, который Грегор два дня назад объявил несъедобным; ломоть сухого хлеба, ломоть хлеба, намазанный маслом, и ломоть хлеба, намазанный маслом и посыпанный солью. Вдобавок ко всему этому она поставила ему ту же самую, раз и навсегда, вероятно, выделенную для Грегора миску, налив в нее воды. Затем она из деликатности, зная, что при ней Грегор не станет есть, поспешила удалиться и даже повернула ключ в двери, чтобы показать Грегору, что он может устраиваться, как ему будет удобнее. Лапки Грегора, когда он теперь направился к еде, замелькали одна быстрее другой. Да и раны его, как видно, совсем зажили, он не чувствовал уже никаких помех и, удивившись этому, вспомнил, как месяц с лишним назад он слегка обрезал палец ножом и как не далее чем позавчера эта рана еще причиняла ему довольно сильную боль. "Неужели я стал теперь менее чувствителен? " - подумал он и уже жадно влился в сыр, к которому его сразу потянуло настойчивее, чем к какой-либо другой еде. Со слезящимися от наслаждения глазами он быстро уничтожил подряд сыр, овощи, соус; свежая пища, напротив, ему не нравилась, даже запах ее казался ему несносным, и он оттаскивал в сторону от нее куски, которые хотел съесть. Он давно уже управился с едой и лениво лежал на том же месте, где ел, когда сестра в знак того, что ему пора удалиться, медленно повернула ключ. Это его сразу вспугнуло, хотя он уже почти дремал, и он опять поспешил под диван. Но ему стоило больших усилий пробыть под диваном даже то короткое время, покуда сестра находилась в комнате, ибо от обильной еды туловище его несколько округлилось и в тесноте ему было трудно дышать. Превозмогая слабые приступы удушья, он глядел выпученными глазами, как ничего не подозревавшая сестра смела веником в одну кучу не только его объедки, но и снедь, к которой Грегор вообще не притрагивался, словно и это уже не пойдет впрок, как она поспешно выбросила все это в ведерко, прикрыла его дощечкой и вынесла. Не успела она отвернуться, как Грегор уже вылез из-под дивана, вытянулся и раздулся.

Таким образом Грегор получал теперь еду ежедневно - один раз утром, когда родители и прислуга еще спали, а второй раз после общего обеда, когда родители опять-таки ложились поспать, а прислугу сестра усылала из дому с каким-нибудь поручением. Они тоже, конечно, не хотели, чтобы Грегор умер с голоду, но знать все подробности кормления Грегора им было бы, вероятно, невыносимо тяжело, и, вероятно, сестра старалась избавить их хотя бы от маленьких огорчений, потому что страдали они и в самом деле достаточно.

Под каким предлогом выпроводили из квартиры в то первое утро врача и слесаря, Грегор так и не узнал: поскольку его не понимали, никому, в том числе и сестре, не приходило в голову, что он-то понимает других, и поэтому, когда сестра бывала в его комнате, ему доводилось слышать только вздохи да взывания к святым. Лишь позже, когда она немного привыкла ко всему - о том, чтобы привыкнуть совсем, не могло быть, конечно, и речи, - Грегор порой ловил какое-нибудь явно доброжелательное замечание. "Сегодня угощение пришлось ему по вкусу", - говорила она, если Грегор съедал все дочиста, тогда как в противном случае, что постепенно стало повторяться все чаще и чаще, она говорила почти печально: "Опять все осталось".

Но не узнавая никаких новостей непосредственно, Грегор подслушивал разговоры в соседних комнатах, и стоило ему откуда-либо услыхать голоса, он сразу же спешил к соответствующей двери и прижимался к ней всем телом. Особенно в первое время не было ни одного разговора, который так или иначе, хотя бы и тайно, его не касался. В течение двух дней

за каждой трапезой совещались о том, как теперь себя вести; но и между трапезами говорили на ту же тему, и дома теперь всегда бывало не менее двух членов семьи, потому что никто, видимо, не хотел оставаться дома один, а покидать квартиру всем сразу никак нельзя было. Кстати, прислуга - было не совсем ясно, что именно знала она о случившемся, - в первый же день, упав на колени, попросила мать немедленно отпустить ее, а прощаясь через четверть часа после этого, со слезами благодарила за увольнение как за величайшую милость и дала, хотя этого от нее вовсе не требовали, страшную клятву, что никому ни о чем не станет рассказывать.

Пришлось сестре вместе с матерью заняться стряпней; это не составило, впрочем, особого труда, ведь никто почти ничего не ел. Грегор то и дело слышал, как они тщетно уговаривали друг друга поесть и в ответ раздавалось "Спасибо, я уже сыт" или что-нибудь подобное. Пить, кажется, тоже перестали. Сестра часто спрашивала отца, не хочет ли он пива, и охотно вызывалась сходить за ним, а когда отец молчал, говорила, надеясь этим избавить, его от всяких сомнений, что может послать за пивом дворничиху, но тогда отец отвечал решительным "нет", и больше об этом не заговаривали.

Уже в течение первого дня отец разъяснил матери и сестре имущественное положение семьи и виды на будущее. Он часто вставал из-за стола и извлекал из своей маленькой домашней кассы, которая сохранилась от его погоревшей пять лет назад фирмы, то какую-нибудь квитанцию, то записную книжку. Слышно было, как он отпирал сложный замок и, достав то, что искал, опять поворачивал ключ. Эти объяснения отца были отчасти первой утешительной новостью, услышанной Грегором с начала его заточения. Он считал, что от того предприятия у отца решительно ничего не осталось, во всяком случае, отец не утверждал противного, а Грегор его об этом не спрашивал. Единственной в ту пору заботой Грегора было сделать все, чтобы семья как можно скорей забыла банкротство, приведшее всех в состояние полной безнадежности. Поэтому он начал тогда трудиться с особым пылом и чуть ли не сразу сделался из маленького приказчика вояжером, у которого были, конечно, совсем другие заработки и чьи деловые успехи тотчас же, в виде комиссионных, превращались в наличные деньги, каковые и можно было положить дома на стол перед удивленной и счастливой семьей. То были хорошие времена, и лотом они уже никогда, по крайней мере в прежнем великолепии, не повторялись, хотя Грегор и позже зарабатывал столько, что мог содержать и действительно содержал семью. К этому все привыкли - и семья, и сам Грегор; деньги у него с благодарностью принимали, а он охотно их давал, но особой теплоты больше не возникало. Только сестра осталась все-таки близка Грегору; и так как она в отличие от него очень любила музыку и трогательно играла на скрипке, у Грегора была тайная мысль определить ее на будущий год в консерваторию, несмотря на большие расходы, которые это вызовет и которые придется покрыть за счет чего-то другого. Во время коротких задержек Грегора в городе в разговорах с сестрой часто упоминалась консерватория, но упоминалась всегда как прекрасная, несбыточная мечта, и даже эти невинные упоминания вызывали у родителей неудовольствие; однако Грегор думал о консерватории очень определенно и собирался торжественно заявить о своем намерении в канун рождества.

Такие, совсем бесполезные в нынешнем его состоянии мысли вертелись в голове Грегора, когда он, прислушиваясь, стоймя прилипал к двери. Утомившись, он нет-нет да переставал слушать и, нечаянно склонив голову, ударялся о дверь, но тотчас же опять выпрямлялся, так как малейший учиненный им шум был слышен за дверью и заставлял всех умолкать. "Что он там опять вытворяет? " - говорил после небольшой паузы отец, явно глядя на дверь, и лишь после этого постепенно возобновлялся прерванный разговор.

Так вот, постепенно (ибо отец повторялся в своих объяснениях - отчасти потому, что давно уже отошел от этих дел, отчасти же потому, что мать не все понимала с первого раза) Грегор с достаточными подробностями узнал, что, несмотря на все беды, от старых времен сохранилось еще маленькое состояние и что оно, так как процентов не трогали, за эти годы даже немного выросло. Кроме того, оказалось, что деньги, которые ежемесячно приносил домой Грегор - он оставлял себе всего несколько гульденов, - уходили не целиком и образовали небольшой капитал. Стоя за дверью, Грегор усиленно кивал головой, обрадованный такой неожиданной предусмотрительностью и бережливостью. Вообще-то он мог бы этими лишними деньгами погасить часть отцовского долга и приблизить тот день, когда он, Грегор, волей был бы отказаться от своей службы, но теперь оказалось несомненно лучше, что отец распорядился деньгами именно так.

Денег этих, однако, было слишком мало, чтобы семья могла жить на проценты; их хватило бы, может быть, на год жизни, от силы на два, не больше. Они составляли, таким образом, только сумму, которую следовало, собственно, отложить на черный день, а не тратить; а деньги на жизнь надо было зарабатывать. Отец же был хоть и здоровым, но старым человеком, он уже пять лет не работал и не очень-то на себя надеялся; за эти пять лет, оказавшиеся первыми

каникулами в его хлопотливой, но неудачливой жизни, он очень обрюзг и стал поэтому довольно тяжел на подъем. Уж не должна ли была зарабатывать деньги старая мать, которая страдала астмой, с трудом передвигалась даже по квартире и через день, задыхаясь, лежала на кушетке возле открытого окна? Или, может быть, их следовало зарабатывать сестре, которая в свои семнадцать лет была еще ребенком и имела полное право жить так же, как до сих пор, - изящно одеваться, спать допоздна, помогать в хозяйстве, участвовать в каких-нибудь скромных развлечениях и прежде всего играть на скрипке. Когда заходила речь об этой необходимости заработка, Грегор всегда отпускал дверь и бросался на прохладный кожаный диван, стоявший близ двери, потому что ему делалось жарко от стыда и от горя.

Он часто лежал там долгими ночами, не засыпая ни на одно мгновение, и часами терся о кожу дивана или не жалея трудов, придвигал кресло к окну, вскарабкивался к проему и, упершись в кресло, припадал к подоконнику что было явно только каким-то воспоминанием о чувстве освобождения, охватывавшем его прежде, когда он выглядывал из окна. На самом же деле все сколько-нибудь отдаленные предметы он видел день ото дня все хуже и хуже; больницу напротив, которую он прежде проклинал - так она примелькалась ему, Грегор вообще больше не различал, и не знай он доподлинно, что живет на тихой, но вполне городской улице Шарлоттенштрассе, он мог бы подумать, что глядит из своего окна на пустыню, в которую неразличимо слились серая земля и серое небо Стоило внимательной сестре лишь дважды увидеть, что кресло стоит у окна, как она стала каждый раз, прибрав комнату, снова придвигать кресло к окну и даже оставлять отныне открытыми внутренние оконные створки.

Если бы Грегор мог поговорить с сестрой и поблагодарить ее за все, что она для него делала, ему было бы легче принимать ее услуги; а так он страдал из-за этого.

Правда, сестра всячески старалась смягчить мучительность создавшегося положения, и чем больше времени проходило, тем это, конечно, лучше у нее получалось, но ведь и Грегору все становилось гораздо яснее со временем. Самый ее приход бывал для него ужасен. Хотя вообще-то сестра усердно оберегала всех от зрелища комнаты Грегора, сейчас она, войдя, не тратила времени на то, чтобы закрыть за собой дверь, а бежала прямо к окну, поспешно, словно она вот-вот задохнется, распахивала его настежь, а затем, как бы ни было холодно, на минутку задерживалась у окна, глубоко дыша. Этой шумной спешкой она пугала Грегора два раза в день; он все время дрожал под диваном, хотя отлично знал, что она, несомненно, избавила бы его от страхов, если бы только могла находиться в одной комнате с ним при закрытом окне.

Однажды - со дня случившегося с Грегором превращения минуло уже около месяца, и у сестры, следовательно, не было особых причин удивляться его виду - она пришла немного раньше обычного и застала Грегора глядящим в окно, у которого он неподвижно стоял, являя собой довольно страшное зрелище. Если бы она просто не вошла в комнату, для Грегора не было бы в этом ничего неожиданного, так как, находясь у окна, он не позволял ей открыть его, но она не просто не вошла, а отпрянула назад и заперла дверь; постороннему могло бы показаться даже, что Грегор подстерегал ее и хотел укусить, Грегор, конечно, сразу же спрятался под диван, но ее возвращения ему пришлось ждать до полудня, и была в ней какая-то необычная встревоженность. Из этого он понял, что она все еще не выносит и никогда не сможет выносить его облика и что ей стоит больших усилий не убегать прочь при виде даже той небольшой части его тела, которая высовывается из-под дивана. Чтобы избавить сестру и от этого зрелища, он однажды перенес на спине - на эту работу ему потребовалось четыре часа - простыню на диван и положил ее таким образом, чтобы она скрывала его целиком и сестра, даже нагнувшись, не могла увидеть его. Если бы, по ее мнению, в этой простыне не было надобности, сестра Могла бы ведь и убрать ее, ведь Грегор укрылся так не для удовольствия, это было достаточно ясно, но сестра оставила простыню на месте, и Грегору показалось даже, что он поймал благодарный взгляд, когда осторожно приподнял головой простыню, чтобы посмотреть, как приняла это нововведение сестра.

Первые две недели родители не могли заставить себя войти к нему, и он часто слышал, как они с похвалой отзывались о теперешней работе сестры, тогда как прежде они то и дело сердились на сестру, потому что она казалась им довольно пустой девицей. Теперь и отец и мать часто стояли в ожидании перед комнатой Грегора, покуда сестра там убирала, и, едва только она выходила оттуда, заставляли ее подробно рассказывать, в каком виде была комната, что ел Грегор, как он на этот раз вел себя и заметно ли хоть маленькое улучшение. Впрочем, мать относительно скоро пожелала навестить Грегора, но отец и сестра удерживали ее от этого - сначала разумными доводами, Которые Грегор, очень внимательно их выслушивая, целиком одобрял. Позднее удерживать ее приходилось уже силой, и когда она кричала: "Пустите меня к Грегору, это же мой несчастный сын! Неужели вы не понимаете, что я должна пойти к нему? " - Грегор думал, что,

наверно, и в самом деле было бы хорошо, если бы мать приходила к нему. конечно, не каждый день, но, может быть, раз в неделю; ведь она понимала все куда лучше, чем сестра, которая при всем своем мужестве была только ребенком и в конечном счете, наверно, только по детскому легкомыслию взяла на себя такую обузу.

Желание Грегора увидеть мать вскоре исполнилось. Заботясь о родителях, Грегор в дневное время уже не показывался у окна, ползать же по нескольким квадратным метрам пола долго не удавалось, лежать неподвижно было ему уже и ночами трудно, еда вскоре перестала доставлять ему какое бы то ни было удовольствие, и он приобрел привычку ползать для развлечения по стенам и по потолку. Особенно любил он висеть на потолке; это было совсем не то, что лежать на полу; дышалось свободнее, тело легко покачивалось; в том почти блаженном состоянии и рассеянности, в котором он там наверху пребывал, он подчас, к собственному своему удивлению, срывался и шлепался на пол. Но теперь он, конечно, владел своим телом совсем не так, как прежде, и с какой бы высоты он ми падал, он не причинял себе при этом никакого вреда. Сестра сразу заметила, что Грегор нашел новое развлечение - ведь ползая, он повсюду оставлял следы клейкого вещества, - и решила предоставить ему как можно больше места для этого занятия, выставив из комнаты мешавшую ему ползать мебель, то есть прежде всего сундук и письменный стол. Но она была не в состоянии сделать это одна; позвать на помощь отца она не осмеливалась, прислуга же ей, безусловно, не помогла бы, ибо, хотя эта шестнадцатилетняя девушка, нанятая после ухода прежней кухарки, не отказывалась от места, она испросила разрешение держать кухню на запоре и открывать дверь лишь по особому оклику; поэтому сестре ничего не оставалось, как однажды, в отсутствие отца, привести мать. Та направилась к Грегору с возгласами взволнованной радости, но перед дверью его комнаты умолкла. Сестра, конечно, сначала проверила, все ли в порядке в комнате; лишь после этого она впустила мать. Грегор с величайшей поспешностью скомкал и еще дальше потянул простыню; казалось, что простыня брошена на диван и в самом деле случайно. На этот раз Грегор не стал выглядывать из-под простыни; он отказался от возможности увидеть мать уже а этот раз, но был рад, что она наконец пришла.

- Входи, его не видно, - сказала сестра и явно повела мать за руку.

Грегор слышал, как слабые женщины старались сдвинуть с места тяжелый старый сундук и как сестра все время брала на себя большую часть работы, не слушая предостережений матери, которая боялась, что та надорвется. Это длилось очень долго. Когда они провозились уже с четверть часа, мать сказала, что лучше оставить сундук там, где он стоит: во-первых, он слишком тяжел и они не управятся с ним до прихода отца, а стоя посреди комнаты, сундук и вовсе преградит Грегору путь, а во-вторых, еще неизвестно, приятно ли Грегору, что мебель выносят. Ей, сказала она, кажется, что ему это скорей неприятно; ее, например, вид голой стены прямо-таки удручает; почему же не должен он удручать и Грегора, коль скоро тот привык к этой мебели и потому почувствует себя в пустой комнате совсем заброшенным.

- И разве, - заключила мать совсем тихо, хотя она и так Говорила почти шепотом, словно не желая, чтобы Грегор, местонахождения которого она не знала, услыхал хотя бы звук ее голоса, а в том, что слов он не понимает, она не сомневалась, - разве, убирая мебель, мы не показываем, что перестали надеяться на какое-либо улучшение и безжалостно предоставляем его самому себе? По-моему, лучше всего постараться оставить комнату такой же, какой она была прежде, чтобы Грегор, когда он к нам возвратится, не нашел в ней никаких перемен и поскорее забыл это время.

Услыхав слова матери, Грегор подумал, что отсутствие непосредственного общения с людьми при однообразной жизни внутри семьи помутило, видимо, за эти два месяца его разум, ибо иначе он никак не мог объяснить себе появившейся у него вдруг потребности оказаться в пустой комнате. Неужели ему и в самом деле хотелось превратить свою теплую, уютно обставленную наследственной мебелью комнату в пещеру, где он, правда, мог бы беспрепятственно ползать во все стороны, но зато быстро и полностью забыл бы свое человеческое прошлое? Ведь он и теперь уже был близок к этому, и только голос матери, которого он давно не слышал, его встормошил. Ничего не следовало удалять; все должно было оставаться на месте; благотворное воздействие мебели на его состояние было необходимо; а если мебель мешала ему бессмысленно ползать, то это шло ему не во вред, а на великую пользу.

Но сестра была, увы, другого мнения; привыкнув - и не без основания - при обсуждении дел Грегора выступать в качестве знатока наперекор родителям, она и сейчас сочла совет матери достаточным поводом, чтобы настаивать на удалении не только сундука, но и вообще всей мебели, кроме дивана, без которого никак нельзя было обойтись. Требование это было вызвано, конечно, не только ребяческим упрямством сестры и ее так неожиданно и так нелегко обретенной в последнее время самоуверенностью; нет, она и в самом деле видела, что Грегору нужно много места для передвижения, а мебелью, судя по всему, он совершенно не пользовался. Может быть, впрочем, тут сказалась и

свойственная девушкам этого возраста пылкость воображения, которая всегда рада случаю дать себе волю и теперь побуждала Грету сделать положение Грегора еще более устрашающим, чтобы оказывать ему еще большие, чем до сих пор, услуги. Ведь в помещение, где были бы только Грегор да голые стены, вряд ли осмелился бы кто-либо, кроме Греты, войти.

Поэтому она не вняла совету матери, которая, испытывая в этой комнате какую-то неуверенность и тревогу, вскоре умолкла и принялась в меру своих сил помогать сестре, выставлявшей сундук за дверь. Без сундука Грегор, на худой конец, мог еще обойтись, но письменный стол должен был остаться. И едва обе женщины, вместе с сундуком, который они, кряхтя, толкали, покинули комнату, Грегор высунул голову из-под дивана, чтобы найти способ осторожно и по возможности деликатно вмешаться. Но на беду первой вернулась мать, а Грета, оставшаяся одна в соседней комнате, раскачивала, обхватив его обеими руками, сундук, который, конечно, так и не сдвинула с места. Мать же не привыкла к виду Грегора, она могла даже заболеть, увидев его, и поэтому Грегор испуганно попятился к другому краю дивана, отчего висевшая спереди простыня все же зашевелилась. "Этого было достаточно, чтобы привлечь внимание матери. Она остановилась, немного постояла и ушла к Грете.

Хотя Грегор все время твердил себе, что ничего особенного не происходит и что в квартире просто переставляют какую-то мебель, непрестанное хождение женщин, их негромкие возгласы, звуки скребущей пол мебели - все это, как он вскоре признался себе, показалось ему огромным, всеохватывающим переполохом; и, втянув голову. прижав ноги к туловищу, а туловищем плотно прильнув к полу, он вынужден был сказать себе, что не выдержит этого долго. Они опустошали его комнату, отнимали у него все, что было ему дорого; сундук, где лежали его лобзик и другие инструменты, они уже вынесли; теперь они двигали успевший уже продавить паркет письменный стол, за которым он готовил уроки, учась в торговом, в реальном и даже еще в народном училище, - и ему было уже некогда вникать в добрые намерения этих женщин, о существовании которых он, кстати, почти забыл, ибо от усталости они работали уже молча и был слышен только тяжелый топот их ног.

Поэтому он выскочил из-под дивана - женщины были как раз в смежной комнате, они переводили дух, опершись на письменный стол, - четырежды поменял направление бега, и впрямь не зная, что ему спасать в первую очередь, увидел особенно заметный на уже пустой стене портрет дамы в мехах, поспешно вскарабкался на него и прижался к стеклу, которое, удерживая его, приятно охлаждало ему живот. По крайней мере этого портрета, целиком закрытого теперь Грегором, у него наверняка не отберет никто. Он повернул голову к двери гостиной, чтобы увидеть женщин, когда они вернутся.

Они отдыхали не очень-то долго и уже возвращались; Грета почти несла мать, обняв ее одной рукой.

- Что же мы возьмем теперь? - сказала Грета и оглянулась. Тут взгляд ее встретился со взглядом висевшего на стене Грегора. По-видимому, благодаря присутствию матери сохранив самообладание, она склонилась к ней, чтобы помешать ей обернуться, и сказала - сказала, впрочем, дрожа и наобум:

- Не возвратиться ли нам на минутку в гостиную? Намерение Греты было Грегору ясно - она хотела увести мать в безопасное место, а потом согнать его со стены. Ну что ж, пусть попробует! Он сидит на портрете и не отдаст его. Скорей уж он вцепится Грете в лицо.

Но слова Греты как раз и встревожили мать, она отступила в сторону, увидела огромное бурое пятно на цветастых обоях, вскрикнула, прежде чем до ее сознания по-настоящему дошло, что это и есть Грегор, визгливо-пронзительно: "Ах, боже мой, боже мой! " - упала с раскинутыми в изнеможении руками на диван и застыла.

- Эй, Грегор! - крикнула сестра, подняв кулак и сверкая глазами.

Это были первые после случившегося с ним превращения слова, обращенные к нему непосредственно. Она побежала в смежную комнату за какими-нибудь каплями, с помощью которых можно было бы привести в чувство мать; Грегор тоже хотел помочь матери - спасти портрет время еще было; но Грегор прочно прилип к стеклу и насилу от него оторвался; затем он побежал в соседнюю комнату, словно мог дать сестре какой-то совет, как в прежние времена, но вынужден был праздно стоять позади нее; перебирая разные пузырьки, она обернулась и испугалась; какой-то пузырек упал на пол и разбился; осколок ранил Грегору лицо, а его всего обрызгало каким-то едким лекарством; не задерживаясь долее, Грета взяла столько пузырьков, сколько могла захватить, к побежала к матери; дверь она захлопнула ногой. Теперь Грегор оказался отрезан от матери, которая по его вине была, возможно, близка к смерти; он не должен был открывать дверь,

если не хотел прогнать сестру, а сестре следовало находиться с матерью; теперь ему ничего не оставалось, кроме как ждать; и, казнясь раскаянием и тревогой, он начал ползать, облазил все: стены, мебель и потолок - и наконец, когда вся комната уже завертелась вокруг него, в отчаянии упал на середину большого стола.

Прошло несколько мгновений. Грегор без сил лежал на столе, кругом было тихо, возможно, это был добрый знак. Вдруг раздался звонок. Прислуга, конечно, заперлась у себя в кухне, и открывать пришлось Грете. Это вернулся отец.

- Что случилось? - были его первые слова; должно быть, вид Греты все ему выдал. Грета отвечала глухим голосом, она, очевидно, прижалась лицом к груди отца:

- Мама упала в обморок, но ей уже лучше. Грегор вырвался.

- Ведь я же этого ждал, - сказал отец, - ведь я же вам всегда об этом твердил, но вы, женщины, никого не слушаете.

Грегору было ясно, что отец, превратно истолковав слишком скупые слова Греты, решил, что Грегор пустил в ход силу. Поэтому теперь Грегор должен был попытаться как-то смягчить отца, ведь объясниться с ним у него не было ни времени, ни возможности. И подбежав к двери своей комнаты, он прижался к ней, чтобы отец, войдя из передней, сразу увидел, что Грегор исполнен готовности немедленно вернуться к себе и что не нужно, следовательно, гнать его назад, а достаточно просто отворить дверь - и он сразу исчезнет.

Но отец был не в том настроении, чтобы замечать подобные тонкости.

- А! - воскликнул он, как только вошел, таким тоном, словно был одновременно зол и рад. Грегор отвел голову от двери и поднял ее навстречу отцу. Он никак не представлял себе отца таким, каким сейчас увидел его; правда, в последнее время, начав ползать по всей комнате, Грегор уже не следил, как прежде, за происходившим в квартире и теперь, собственно, не должен был удивляться никаким переменам. И все же, и все же - неужели это был отец? Тот самый человек, который прежде устало зарывался в постель, когда Грегор отправлялся в деловые поездки; который в вечера приездов встречал его дома в халате и, не в состоянии встать с кресла, только приподнимал руки в знак радости; а во время редких совместных прогулок в какое-нибудь воскресенье или по большим праздникам в наглухо застегнутом старом пальто, осторожно выставляя вперед костылик, шагал между Грегором и матерью, - которые и сами-то двигались медленно, - еще чуть-чуть медленней, чем они, и если хотел что-либо сказать, то почти всегда останавливался, чтобы собрать около себя своих провожатых. Сейчас он был довольно-таки осанист; на нем был строгий синий мундир с золотыми пуговицами, какие носят банковские рассыльные; над высоким тугим воротником нависал жирный двойной подбородок; черные глаза глядели из-под кустистых бровей внимательно и живо; обычно растрепанные, седые волосы были безукоризненно причесаны на пробор и напомажены. Он бросил на диван, дугой через всю комнату, свою фуражку с золотой монограммой какого-то, вероятно, банка и, спрятав руки в карманы брюк, отчего фалды длинного его мундира отогнулись назад, двинулся на Грегора с искаженным от злости лицом. Он, видимо, и сам не знал, как поступит; но он необычно высоко поднимал ноги, и Грегор поразился огромному размеру его подошв. Однако Грегор не стал мешкать, ведь он же с первого дня новой своей жизни знал, что отец считает единственно правильным относиться к нему с величайшей строгостью. Поэтому он побежал от отца, останавливаясь, как только отец останавливался, и спеша вперед, стоило лишь пошевелиться отцу. Так сделали они несколько кругов по комнате без каких-либо существенных происшествий, и так как двигались они медленно, все это даже не походило на преследование. Поэтому Грегор пока оставался на полу, боясь к тому же, что если он вскарабкается на стену или на потолок, то это покажется отцу верхом наглости. Однако Грегор чувствовал, что даже и такой беготни он долго не выдержит; ведь если отец делал один шаг, то ему, Грегору, приходилось проделывать за это же время бесчисленное множество движений. Одышка становилась все ощутимее, а ведь на его легкие нельзя было вполне полагаться и прежде. И вот, когда он, еле волоча ноги и едва открывая глаза, пытался собрать все силы для бегства не помышляя в отчаянии ни о каком другом способе спасения и уже почти забыв, что может воспользоваться стенами, заставленными здесь, правда, затейливой резной мебелью со множеством острых выступов и зубцов, - вдруг совсем рядом с ним упал и покатился впереди него какой-то брошенный сверху предмет. Это было яблоко; вдогонку за первым тотчас же полетело второе; Грегор в ужасе остановился; бежать дальше было бессмысленно, ибо отец решил бомбардировать его яблоками. Он наполнил карманы содержимым стоявшей на буфете вазы для фруктов и теперь, не очень-то тщательно целясь, швырял одно яблоко за другим. Как наэлектризованные, эти маленькие красные яблоки катались по полу и сталкивались друг с другом. Одно легко брошенное яблоко задело Грегору спину, но скатилось, не причинив ему вреда. Зато другое, пущенное сразу вслед, накрепко застряло в спине у Грегора. Грегор хотел отползти подальше, как будто перемена места могла унять внезапную

невероятную боль; но он почувствовал себя словно бы пригвожденным к полу и растянулся, теряя сознание. Он успел увидеть только, как распахнулась дверь его комнаты и в гостиную, опережая кричавшую что-то сестру, влетела мать в нижней рубашке - сестра раздела ее, чтобы облегчить ей дыхание во время обморока; как мать подбежала к отцу и с нее, одна за другой, свалились на пол развязанные юбки и как она, спотыкаясь о юбки, бросилась отцу на грудь и, обнимая его, целиком слившись с ним, - но тут зрение Грегора уже отказало, - охватив ладонями затылок отца, взмолилась, чтобы он сохранил Грегору жизнь.

3

Тяжелое ранение, от которого Грегор страдал более месяца (яблоко никто не отважился удалить, и оно так и осталось в теле наглядной памяткой), тяжелое это ранение напомнило, кажется, даже отцу, что, несмотря на свой нынешний плачевный и омерзительный облик, Грегор все-таки член семьи, что с ним нельзя обращаться как с врагом, а нужно во имя семейного долга подавить отвращение и терпеть, только терпеть.

И если из-за своей раны Грегор навсегда, вероятно. утратил прежнюю подвижность и теперь, чтобы пересечь комнату, ему, как старому инвалиду, требовалось несколько долгих-предолгих минут - о том, чтобы ползать вверху, нечего было и думать, - то за это ухудшение своего состояния он был, по его мнению, вполне вознагражден тем, что под вечер всегда отворялась дверь гостиной, дверь, за которой он начинал следить часа за два до этого, и, лежа в темноте своей комнаты, не видимый из гостиной, он мог видеть сидевших за освещенным столом родных и слушать их речи, так сказать, с общего разрешения, то есть совершенно иначе, чем раньше.

Это были, правда, уже не те оживленные беседы прежних времен, о которых Грегор всегда с тоской вспоминал в каморках гостиниц, когда падал, усталый, на влажную постель. Чаще всего бывало очень тихо. Отец вскоре после ужина засыпал в своем кресле; мать и сестра старались хранить тишину; мать, сильно нагнувшись вперед, ближе к свету, шила тонкое белье для магазина готового платья; сестра, поступившая в магазин продавщицей, занималась по вечерам стенографией и французским языком, чтобы, может быть, когда-нибудь позднее добиться лучшего места. Иногда отец просыпался и, словно не заметив, что спал, говорил матери: "Как ты сегодня опять долго шьешь! " - после чего тотчас же засыпал снова, а мать и сестра устало улыбались друг другу.

С каким-то упрямством отец отказывался снимать и дома форму рассыльного; и в то время как его халат без пользы висел на крючке, отец дремал на своем месте совершенно одетый, словно всегда был готов к службе и даже здесь только и ждал голоса своего начальника. Из-за этого его и поначалу-то не новая форма, несмотря на заботы матери и сестры, утратила опрятный вид, и Грегор, бывало, целыми вечерами глядел на эту хоть и сплошь в пятнах, но сверкавшую неизменно начищенными пуговицами одежду, в которой старик весьма неудобно и все же спокойно спал.

Когда часы били десять, мать пыталась тихонько разбудить отца и уговорить его лечь в постель, потому что в кресле ему не удавалось уснуть тем крепким сном, в котором он, начинавший службу в шесть часов, крайне нуждался. Но из упрямства, завладевшего отцом с тех пор, как он стал рассыльным, он всегда оставался за столом, хотя, как правило, засыпал снова, после чего лишь с величайшим трудом удавалось убедить его перейти из кресла в кровать. Сколько ни уговаривали его мать и сестра, он не меньше четверти часа медленно качал головой, не открывая глаз и не поднимаясь. Мать дергала его за рукав, говорила ему на ухо ласковые слова, сестра отрывалась от своих занятий, чтобы помочь матери, но на отца это не действовало. Он только еще глубже опускался в кресло. Лишь когда женщины брали его под мышки, он открывал глаза, глядел попеременно то на мать, то та сестру и говорил: "Вот она, жизнь. Вот мой покой на старости лет". И, опираясь на обеих женщин, медленно, словно не мог справиться с весом собственного тела, поднимался, позволял им довести себя до двери, а дойдя до нее, кивал им, чтобы они удалились, и следовал уже самостоятельно дальше, однако мать в спехе бросала шитье, а сестра - перо, чтобы побежать за отцом и помочь ему улечься в постель.

У кого в этой переутомленной и надрывавшейся от трудов семье оставалось время печься о Грегоре больше, чем то было безусловно необходимо? Расходы на хозяйство все больше сокращались; прислугу в конце концов рассчитали; для самой тяжелой работы приходила теперь по утрам и по вечерам огромная костистая женщина с седыми развевающимися волосами; все остальное, помимо своей большой швейной работы, делала мать. Приходилось даже продавать семейные драгоценности, которые мать и сестра с великим удовольствием надевала прежде в торжественных случаях, - Грегор узнавал об этом по вечерам, когда все обсуждали вырученную сумму. Больше всего, однако, сетовали

всегда на то, что эту слишком большую по теперешним обстоятельствам квартиру нельзя покинуть, потому что неясно, как переселить Грегора. Но Грегор понимал, что переселению мешает не только забота о нем, его-то можно было легко перевезти в каком-нибудь ящике с отверстиями для воздуха; удерживали семью от перемены квартиры главным образом полная безнадежность и мысль о том, что с ними стряслось такое несчастье, какого ни с кем из их знакомых и родственников никогда не случалось. Семья выполняла решительно все, чего требует мир от бедных людей, отец носил завтраки мелким банковским служащим, мать надрывалась за шитьем белья для чужих людей, сестра, повинуясь покупателям, сновала за прилавком, но на большее у них не хватало сил. И рана на спине Грегора каждый раз начинала болеть заново, когда мать и сестра, уложив отца, возвращались в гостиную, но не брались за работу, а садились рядом, щека к щеке; когда мать, указывая на комнату Грегора, говорила теперь: "Закрой ту дверь, Грета" - и Грегор опять оказывался в темноте, а женщины за стеной вдвоем проливали слезы или сидели, уставясь в одну точку, без слез.

Ночи и дни Грегор проводил почти совершенно без сна. Иногда он думал, что . вот откроется дверь и он снова, совсем как прежде, возьмет в свои руки дела семьи; в мыслях его после долгого перерыва вновь появлялись хозяин и управляющий, коммивояжеры и ученики-мальчики, болван-дворник, два-три приятеля из других фирм, горничная из одной провинциальной гостиницы - милое мимолетное воспоминание, кассирша из одного шляпного магазина, за которой он всерьез, но слишком долго ухаживал, - все они появлялись вперемежку с незнакомыми или уже забытыми людьми, но вместо того, чтобы помочь ему и его семье, оказывались, все как один, неприступны, и он бывал рад, когда они исчезали. А потом он опять терял всякую охоту заботиться о семье, его охватывало возмущение плохим уходом, и, не представляя себе, чего бы ему хотелось съесть, он замышлял забраться в кладовку, чтобы взять все, что ему, хотя бы он и не был голоден, причиталось. Уже не раздумывая, чем бы доставить Грегору особое удовольствие, сестра теперь утром и днем, прежде чем бежать в свой магазин, ногою запихивала в комнату Грегора какую-нибудь еду, чтобы вечером, независимо от того, притронется он к ней или - как бывало чаще всего - оставит ее нетронутой, одним взмахом веника вымести эту снедь. Уборка комнаты, которой сестра занималась теперь всегда по вечерам, проходила как нельзя более быстро. По стенам тянулись грязные полосы, повсюду лежали кучи пыли и мусора. Первое время при появлении сестры Грегор забивался в особенно запущенные углы, как бы упрекая ее таким выбором места. Но если бы он даже стоял там неделями, сестра все равно не исправилась бы; она же видела грязь ничуть не хуже, чем он, она просто решила оставить ее. При этом она с совершенно не свойственной ей в прежние времена обидчивостью, овладевшей теперь вообще всей семьей, следила за тем, чтобы уборка комнаты Грегора оставалась только ее, сестры, делом. Однажды мать затеяла в комнате Грегора большую уборку, для чего извела несколько ведер воды - такое обилие влаги было, кстати, неприятно Грегору, и, обидевшись, он неподвижно распластался на диване, - но мать была за это наказана. Как только сестра заметила вечером перемену в комнате Грегора, она, до глубины души оскорбившись, вбежала в гостиную и, несмотря на заклинания заламывавшей руки матери, разразилась рыданиями, на которые родители - отец, конечно, испуганно вскочил со своего кресла - глядели сначала беспомощно и удивленно; потом засуетились и они: отец, справа, стал упрекать мать за то, что она не предоставила эту уборку сестре; сестра же, слева, наоборот, кричала, что ей никогда больше не дадут убирать комнату Грегора; тем временем мать пыталась утащить в спальню отца, который от волнения совсем потерял власть над собой; сотрясаясь от рыданий, сестра колотила по столу своими маленькими кулачками; а Грегор громко шипел от злости, потому что никому не приходило в голову закрыть дверь и избавить его от этого зрелища и от этого шума.

Но даже когда сестре, измученной службой, надоело заботиться, как прежде, о Грегоре, матери не пришлось заменять ее, но без присмотра Грегор все-таки не остался. Теперь пришел черед служанки. Старая эта вдова, которая за долгую жизнь вынесла, вероятно, на своих могучих плечах немало горестей, в сущности не питала к Грегору отвращения. Без всякого любопытства она однажды случайно открыла дверь его комнаты и при виде Грегора, который, хотя его никто не гнал, от неожиданности забегал по полу, удивленно остановилась, сложив на животе руки. С тех пор она неизменно, утром и вечером, мимоходом приоткрывала дверь и заглядывала к Грегору. Сначала она даже подзывала его к себе словами, которые, вероятно, казались ей приветливыми, такими, например, как: "Поди-ка сюда, навозный жучок! " или: "Где наш жучище? " Грегор не отвечал ей, он не двигался с места, словно дверь вовсе не открывалась. Лучше бы этой служанке приказали ежедневно убирать его комнату, вместо того чтобы позволять ей без толку беспокоить его, когда ей заблагорассудится! Как-то ранним утром - в стекла бил сильный дождь, должно быть, уже признак наступающей весны, - когда служанка начала обычную свою болтовню, Грегор до того разозлился, что, словно бы изготовившись для

нападения, медленно, впрочем, и нетвердо, повернулся к служанке. Та, однако, вместо того чтобы испугаться, только занесла вверх стоявший у двери стул и широко открыла при этом рот, и было ясно, что она намерена закрыть его не раньше, чем стул в ее руке опустится на спину Грегору.

- Значит, дальше не полезем? - спросила она, когда Грегор от нее отвернулся, и спокойно поставила стул в угол, на прежнее место.

Грегор теперь почти ничего не ел. Только когда он случайно проходил мимо приготовленной ему снеди, он для забавы брал кусок в рот, а потом, продержав его там несколько часов, большей частью . выплевывал. Сперва он думал, что аппетит у него отбивает вид его комнаты, но как раз с переменами в своей комнате он очень быстро примирился. Сложилась уже привычка выставлять в эту комнату вещи, для которых не находилось другого места, а таких вещей было теперь много, потому что одну комнату сдали троим жильцам. Эти строгие люди - у всех троих, как углядел через щель Грегор, были окладистые бороды - педантично добивались порядка, причем порядка не только в своей комнате, но, коль скоро уж они здесь поселились, во всей квартире и, значит, особенно в кухне. Хлама, тем более грязного, они терпеть не могли. Кроме того, большую часть мебели они привезли с собой. По этой причине в доме оказалось много лишних вещей, которые нельзя было продать, но и жаль было выбросить.

Все они перекочевали в комнату Грегора. Равным образом - ящик для золы и мусорный ящик из кухни. Все хотя бы лишь временно ненужное служанка, которая всегда торопилась, просто швыряла в комнату Грегора; к счастью, Грегор обычно видел только выбрасываемый предмет и державшую его руку. Возможно, служанка и собиралась при случае водворить эти вещи на место или; наоборот, выбросить все разом, но пока они так и оставались лежать там, куда их однажды бросили, если только Грегор, пробираясь сквозь эту рухлядь, не сдвигал ее с места - сначала поневоле, так как ему негде было ползать, а потом со все возрастающим удовольствием, хотя после таких путешествий он часами не мог двигаться от смертельной усталости и тоски.

Так как жильцы порою ужинали дома, в общей гостиной, дверь гостиной в иные вечера оставалась запертой, но Грегор легко мирился с этим, тем более что даже и теми вечерами, когда она бывала отворена, часто не пользовался, а лежал, чего не замечала семья, в самом темном углу своей комнаты. Но однажды служанка оставила дверь в гостиную приоткрытой; приоткрытой осталась она и вечером, когда вошли жильцы и зажегся свет. Они уселись с того края стола, где раньше ели отец, мать и Грегор, развернули салфетки и взяли в руки ножи и вилки. Тотчас же в дверях появилась мать с блюдом мяса и сразу же за ней сестра - с полным блюдом картошки. От еды обильно шел пар. Жильцы нагнулись над поставленными перед ними блюдами, словно желая проверить их, прежде чем приступить к еде, и тот, что сидел посредине и пользовался, видимо, особым уважением двух других, и в самом деле разрезал кусок мяса прямо на блюде, явно желая определить, достаточно ли оно мягкое и не следует ли отослать его обратно. Он остался доволен, а мать и сестра, напряженно следившие за ним, с облегчением улыбнулись.

Сами хозяева ели на кухне. Однако, прежде чем отправиться на кухню, отец зашел в гостиную и, сделав общий поклон, с фуражкой в руках обошел стол. Жильцы дружно поднялись и что-то пробормотали в бороды. Оставшись затем одни, они ели в полном почти молчании. Грегору показалось странным, что из всех разнообразных шумов трапезы то и дело выделялся звук жующих зубов, словно это должно было показать Грегору, что для еды нужны зубы и что самые распрекрасные челюсти, если они без зубов, никуда не годятся. "Да ведь и я чего-нибудь съел бы, - озабоченно говорил себе Грегор, - но только не того, что они. Как много эти люди едят, а я погибаю! "

Именно в тот вечер - Грегор не помнил, чтобы за все это время он хоть раз слышал, как играет сестра, - из кухни донеслись звуки скрипки. Жильцы уже покончили с ужином, средний, достав газету, дал двум другим по листу, и теперь они сидели откинувшись и читали. Когда заиграла скрипка, они прислушались, поднялись и на цыпочках подошли к двери передней, где, сгрудившись, и остановились. По-видимому, их услыхали на кухне, и отец крикнул:

- Может быть, музыка господам неприятна? Ее можно прекратить сию же минуту.

- Напротив, - сказал средний жилец, - не угодно ли барышне пройти к нам и поиграть в этой комнате, где, право же, гораздо приятнее и уютнее?

- О, пожалуйста! - воскликнул отец, словно на скрипке играл он.

Жильцы вернулись в гостиную и стали ждать. Вскоре явились отец с пюпитром, мать с нотами и сестра со скрипкой. Сестра спокойно занялась приготовлениями к игре;

родители, никогда прежде не сдававшие комнат и потому обращавшиеся с жильцами преувеличенно вежливо, не осмелились сесть на свои собственные стулья; отец прислонился к двери, засунув правую руку за борт застегнутой ливреи, между двумя пуговицами; мать же, которой один из жильцов предложил стул, оставила его там, куда тот его случайно поставил, а сама сидела в сторонке, в углу.

Сестра начала играть. Отец и мать, каждый со своей стороны, внимательно следили за движениями ее рук. Грегор, привлеченный игрой, отважился продвинуться немного дальше обычного, и голова его была уже в гостиной. Он почти не удивлялся тому, что в последнее время стал относиться к другим не очень-то чутко; прежде эта чуткость была его гордостью. А между тем именно теперь у него было больше, чем когда-либо, оснований прятаться, ибо из-за пыли, лежавшей повсюду в его комнате и при малейшем движении поднимавшейся, он и сам тоже был весь покрыт пылью; на спине и на боках он таскал с собой нитки, волосы, остатки еды; слишком велико было его равнодушие ко всему, чтобы ложиться, как прежде, по нескольку раз в день на спину и чиститься о ковер. Но, несмотря на свой неопрятный вид, он не побоялся продвинуться вперед по сверкающему полу гостиной.

Впрочем, никто не обращал на него внимания. Родные были целиком поглощены игрой на скрипке, а жильцы, которые сначала, засунув руки в карманы брюк, стали у самого пюпитра сестры, откуда все они заглядывали в ноты, что, несомненно, мешало сестре, отошли вскоре, вполголоса переговариваясь и опустив головы, к окну, куда и бросал теперь озабоченные взгляды отец. Было и впрямь похоже на то, что они обманулись в своей надежде послушать хорошую, интересную игру на скрипке, что все это представление им наскучило и они уже лишь из вежливости поступались своим покоем. Особенно свидетельствовало об их большой нервозности то, как они выпускали вверх из ноздрей и изо рта дым сигар. А сестра играла так хорошо! Ее лицо склонилось набок, внимательно и печально следовал ее взгляд за нотными знаками. Грегор прополз еще немного вперед и прижался головой к полу, чтобы получить возможность встретиться с ней глазами. Был ли он животным, если музыка так волновала его? Ему казалось, что перед ним открывается путь к желанной, неведомой пище. Он был полон решимости пробраться к сестре и, дернув ее за юбку, дать ей понять, чтобы она прошла со своей скрипкой в его комнату, ибо здесь никто не оценит ее игры так, как оценит эту игру он. Он решил не выпускать больше сестру из своей комнаты, по крайней мере до тех пор, покуда он жив; пусть ужасная его внешность сослужит ему наконец службу; ему хотелось, появляясь у всех дверей своей комнаты одновременно, шипеньем отпугивать всякого, кто подступится к ним; но сестра должна остаться у него не по принуждению, а добровольно; пусть она сядет рядом с ним на диван и склонит к нему ухо, и тогда он поведает ей, что был твердо намерен определить ее в консерваторию и что об этом, не случись такого несчастья, он еще в прошлое рождество - ведь рождество, наверно, уже прошло? - всем заявил бы, не боясь ничьих и никаких возражений. После этих слов сестра, растрогавшись, заплакала бы, а Грегор поднялся бы к ее плечу и поцеловал бы ее в шею, которую она, как поступила на службу, не закрывала ни воротниками, ни лентами.

- Господин Замза! - крикнул средний жилец отцу и, не тратя больше слов, указал пальцем на медленно продвигавшегося вперед Грегора. Скрипка умолкла, средний жилец сначала улыбнулся, сделав знак головой друзьям, а потом снова взглянул на Грегора. Отец, по-видимому, счел более необходимым, чем прогонять Грегора, успокоить сначала жильцов, хотя те вовсе не волновались и Грегор занимал их, казалось, больше, нежели игра на скрипке. Отец поспешил к ним, стараясь своими широко разведенными руками оттеснить жильцов в их комнату и одновременно заслонить от их глаз Грегора своим туловищем. Теперь они и в самом. деле начали сердиться - то ли из-за поведения отца, то ли обнаружив, что жили, не подозревая о том, с таким соседом, как Грегор. Они требовали от отца объяснений, поднимали в свою очередь руки, теребили бороды и лишь медленно отступали к своей комнате. Между тем сестра преодолела растерянность, в которую впала оттого, что так внезапно прервали ее игру; несколько мгновений она держала в бессильно повисших руках смычок и скрипку и, словно продолжая играть, по-прежнему глядела на ноты, а потом вдруг встрепенулась и, положив инструмент на колени матери - та все еще сидела на своем стуле, пытаясь преодолеть приступ удушья глубокими вздохами, - побежала в смежную комнату, к которой под натиском отца быстро приближались жильцы. Видно было, как под опытными руками сестры взлетают и укладываются одеяла и пуховики на кроватях. Прежде чем жильцы достигли своей комнаты, сестра кончила стелить постели и выскользнула оттуда. Отцом, видимо, снова настолько овладело его упрямство, что он забыл о всякой почтительности, с которой как-никак обязан был относиться к своим жильцам. Он все оттеснял и оттеснял их, покуда уже в дверях комнаты средний жилец не топнул громко ногой и не остановил этим отца.

- Позвольте мне заявить, - сказал он, подняв руку и поискав глазами также мать и сестру, - что ввиду мерзких порядков, царящих в этой квартире и в этой семье, - тут он решительно плюнул на пол, - я наотрез отказываюсь от комнаты. Разумеется, я ни гроша не заплачу и за те дни, что я здесь прожил, напротив, я еще подумаю, не предъявить ли мне вам каких-либо претензий, смею вас заверить, вполне обоснованных.

Он умолк и пристально посмотрел вперед, словно чего-то ждал. И действительно, оба его друга тотчас же подали голос:

- Мы тоже наотрез отказываемся.

После этого он взялся за дверную ручку и с шумом захлопнул дверь.

Отец ощупью проковылял к своему креслу и повалился в него; с первого взгляда можно было подумать, что он расположился, как обычно, вздремнуть, но по тому, как сильно и словно бы неудержимо качалась у него голова, видно было, что он вовсе не спал. Грегор все время неподвижно лежал на том месте, где его застигли жильцы. Разочарованный неудачей своего плана, а может быть, и от слабости после долгого голодания, он совсем утратил способность двигаться. Он не сомневался, что с минуты на минуту на него обрушится всеобщее негодование, и ждал. Его не вспугнула даже скрипка, которая, выскользнув из дрожащих пальцев матери, упала с ее колен и издала гулкий звук.

- Дорогие родители, - сказала сестра, хлопнув, чтобы призвать к вниманию, рукою по столу, - так жить дальше нельзя. Если вы этого, может быть, не понимаете, то я это понимаю. Я не стану произносить при этом чудовище имя моего брата и скажу только: мы должны попытаться избавиться от него. Мы сделали все, что было в человеческих силах, мы ухаживали за ним и терпели его, нас, по-моему, нельзя ни в чем упрекнуть.

- Она тысячу раз права, - сказал отец тихо. Мать, которая все еще задыхалась, начала глухо кашлять в кулак с безумным выражением глаз.

Сестра поспешила к матери и придержала ей голову ладонью. Отец, которого слова сестры навели, казалось, на какие-то более определенные мысли, выпрямился в кресле; он играл своей форменной фуражкой, лежавшей на столе среди все еще неубранных после ужина тарелок, и время от времени поглядывал на притихшего Грегора.

- Мы должны попытаться избавиться от него, - сказала сестра, обращаясь только к отцу, ибо мать ничего не слышала за своим кашлем, - оно вас обоих погубит, вот увидите. Если так тяжело трудишься, как мы все, невмоготу еще и дома сносить эту вечную муку. Я тоже не могу больше.

И она разразилась такими рыданиями, что ее слезы скатались на лицо матери, которое сестра принялась вытирать машинальным движением рук.

- Дитя мое, - сочувственно и с поразительным пониманием сказал отец, - но что же нам делать?

Сестра только пожала плечами в знак растерянности, которая - в противоположность прежней ее решимости - овладела ею, когда она плакала.

- Если бы он понимал нас. . . - полувопросительно сказал отец.

Сестра, продолжая плакать, резко махнула рукой в знак того, что об этом нечего и думать.

- Если бы он понимал нас, - повторил отец и закрыл глаза, разделяя убежденность сестры в невозможности этого, - тогда, может быть, с ним и удалось бы о чем-то договориться. А так. . .

- Пусть убирается отсюда! - воскликнула сестра - Это единственный выход, отец. Ты должен только избавиться от мысли, что это Грегор. В том-то и состоит наше несчастье, что мы долго верили в это. Но какой же он Грегор? Будь это Грегор, он давно бы понял, что люди не могут жить вместе с таким животным, и сам ушел бы. Тогда бы у нас не было брата, но зато мы могли бы по-прежнему жить и чтить его память. А так это животное преследует нас, прогоняет жильцов, явно хочет занять всю квартиру и выбросить нас на улицу. Гляди, отец, - закричала она внезапно, - он уже опять принимается за свое!

И в совершенно непонятном Грегору ужасе сестра даже покинула мать, буквально оттолкнувшись от стула, словно предпочитала пожертвовать матерью, но не оставаться рядом с Грегором, и поспешила к отцу, который, встревожившись только из-за ее поведения, тоже встал и протянул навстречу ей руки, как бы желая ее защитить. .

Но ведь у Грегора и в мыслях не было пугать кого бы то ни было, а тем более сестру. Он просто начал поворачиваться, чтобы уползти в свою комнату, а это действительно сразу же бросилось в глаза, потому что из-за болезненного своего состояния он должен был при трудных поворотах помогать себе головой, неоднократно поднимая ее и стукаясь ею об пол. Он остановился и оглянулся. Добрые его намерения, казалось, были распознаны, испуг прошел. Теперь все

смотрели на него молча и грустно. Мать полулежала на стуле, вытянув ноги, глаза ее были от усталости почти закрыты; отец и сестра сидели рядом, сестра обняла отца за шею.

"Наверно, мне уже можно повернуться", - подумал Грегор и начал свою работу снова. Он не мог не пыхтеть от напряжения и вынужден был то и дело отдыхать. Впрочем, его никто и не торопил, его предоставили самому себе. Закончив поворот, он сразу же пополз прямо. Он удивился большому расстоянию, отделявшему его от комнаты, и не мог понять, как он при своей слабости недавно еще умудрился проделать этот же путь почти незаметно. Заботясь только о том, чтобы поскорей доползти, он не замечал, что никакие слова, никакие возгласы родных ему уже не мешают. Лишь оказавшись в дверях, он повернул голову, не полностью, потому что почувствовал, что шея у него деревенеет, но достаточно, чтобы увидеть, что позади него ничего не изменилось и только сестра встала. Последний его взгляд упал на мать, которая теперь совсем спала.

Как только он оказался в своей комнате, дверь поспешно захлопнули, заперли на задвижку, а потом и на ключ. Внезапного шума, раздавшегося сзади, Грегор испугался так, что у него подкосилась лапки. Это сестра так спешила. Она уже стояла наготове, потом легко метнулась вперед - Грегор даже не слышал, как она подошла, - и, крикнув родителям: "Наконец-то! " - повернула ключ в замке.

"А теперь что? " - спросил себя Грегор, озираясь а темноте. Вскоре он обнаружил, что вообще уже не может шевелиться. Он этому не удивился, скорее ему показалось неестественным, что до сих пор он ухитрялся передвигаться на таких тонких ножках. В остальном ему было довольно покойно. Он чувствовал, правда, боль во всем теле, но ему показалось, что она постепенно слабеет и наконец вовсе проходит. Сгнившего яблока в спине и образовавшегося вокруг него воспаления, которое успело покрыться пылью, он уже почти не ощущал. О своей семье он думал с нежностью и любовью. Он тоже считал, что должен исчезнуть, считал, пожалуй, еще решительней, чем сестра. В этом состоянии чистого и мирного раздумья он пребывал до тех пор, пока башенные часы не пробили три часа ночи. Когда за окном все посветлело, он еще жил. Потом голова его помимо его воли совсем опустилась, и он слабо вздохнул в последний раз.

Когда рано утром пришла служанка - торопясь, дюжая эта женщина, сколько ее ни просили не поднимать шума, хлопала дверьми так, что с ее приходом в квартире уже прекращался спокойный сон, - она, заглянув, как всегда, к Грегору, ничего особенного сначала не заметила. Она решила, что это он нарочно лежит так неподвижно, притворяясь обиженным: в смышлености его она не сомневалась. Поскольку в руке у нее случайно был длинный веник, она попыталась пощекотать им Грегора, стоя в дверях. Но так как и это не оказало ожидаемого действия, она, рассердившись, легонько толкнула Грегора и насторожилась только тогда, когда, не встретив никакого сопротивления, сдвинула его с места. Поняв вскоре, что произошло, она сделала большие глаза, присвистнула, но не стала медлить, а рванула дверь спальни и во весь голос крикнула в темноту:

- Поглядите-ка, оно издохло, вот оно лежит совсем-совсем дохлое!

Сидя в супружеской постели, супруги Замза сначала с трудом преодолели испуг, вызванный у них появлением служанки, а потом уже восприняли смысл ее слов. Восприняв же его, господин и госпожа Замза, каждый со своего края, поспешно встали с постели, господин Замза накинул на плечи одеяло, госпожа Замза поднялась в одной ночной рубашке; так вошли они в комнату Грегора. Тем временем отворилась и дверь гостиной, где ночевала, с тех пор как появились жильцы, Грета; она была совсем одета, как если бы не спала, да и бледность ее лица говорила о том же.

- Умер? - сказала госпожа Замза, вопросительно глядя на служанку, хотя могла сама это проверить и даже без проверки понять.

- О том и твержу, - сказала служанка и в доказательство оттолкнула веником труп Грегора еще дальше в сторону. Госпожа Замза сделала такое движение, словно хотела задержать веник, однако же не задержала его.

- Ну вот, - сказал господин Замза, - теперь мы можем поблагодарить бога.

Он перекрестился, и три женщины последовали его примеру. Грета, которая не спускала глаз с трупа, сказала:

- Поглядите только, как он исхудал. Ведь он так давно ничего не ел. Что ему ни приносили из еды, он ни к чему не притрагивался.

Тело Грегора и в самом деле было совершенно сухим и плоским, это стало по-настоящему видно только теперь, когда его уже не приподнимали ножки, да и вообще ничего больше не отвлекало взгляда.

- Зайди к нам на минутку, Грета, - сказала госпожа Замза с печальной улыбкой, и Грета, не переставая оглядываться на

труп, пошла за родителями в спальню. Служанка закрыла дверь и распахнула настежь окно. Несмотря на ранний час, свежий воздух был уже тепловат. Стоял конец марта.

Трое жильцов вышли из своей комнаты и удивились, не увидев завтрака: о них забыли.

- Где завтрак? - угрюмо спросил служанку средний. Но служанка, приложив палец к губам, стала быстро и молча кивать жильцам, чтобы они вошли в комнату Грегора. Они вошли туда и в уже совсем светлой комнате обступили труп Грегора, спрятав руки в карманах потертых своих пиджачков.

Тут отворилась дверь спальни и появился господин Замза в ливрее и с ним под руку с одной стороны жена, а с другой - дочь. У всех были немного заплаканные глаза; Грета нет-нет да прижималась лицом к плечу отца.

- Сейчас же оставьте мою квартиру! - сказал господин Замза и указал на дверь, не отпуская от себя обеих женщин.

- Что вы имеете в виду? - несколько смущенно сказал средний жилец и льстиво улыбнулся. Два других, заложив руки за спину, непрерывно их потирали, как бы в радостном ожидании большого спора, сулящего, однако, благоприятный исход.

- Я имею в виду именно то, что сказал, - ответил господин Замза и бок о бок со своими спутницами подошел к жильцу. Тот несколько мгновений постоял молча, глядя в пол, словно у него в голове все перестраивалось.

- Ну что же, тогда мы уйдем, - сказал он затем и поглядел на господина Замзу так, словно, внезапно смирившись, ждал его согласия даже и в этом случае.

Господин Замза только несколько раз коротко кивнул ему, вытаращив глаза. После этого жилец и в самом деле тотчас направился широким шагом в переднюю; оба его друга, которые, прислушиваясь, уже перестали потирать руки, пустились за ним прямо-таки вприпрыжку, словно боялись, что господин Замза пройдет в переднюю раньше, чем они, и отрежет их от их вожака. В передней все три жильца сняли с вешалки шляпы, вытащили из подставки для тростей трости, молча поклонились и покинули квартиру. С каким-то, как оказалось, совершенно необоснованным недоверием господин Замза вышел с обеими женщинами на лестничную площадку; облокотясь на перила, они глядели, как жильцы медленно, правда, но неуклонно спускались по длинной лестнице, исчезая на каждом этаже на определенном повороте и показываясь через несколько мгновений опять; чем дальше уходили они вниз, тем меньше занимали они семью Замзы, а когда, сначала навстречу им, а потом высоко над ними, стал, щеголяя осанкой, подниматься с корзиной на голове подручный из мясной, господин Замза и женщины покинули площадку и все с каким-то облегчением вернулись в квартиру.

Они решили посвятить сегодняшний день отдыху и прогулке; они не только заслуживали этого перерыва в работе, он был им просто необходим. И поэтому они сели за стол и написали три объяснительных письма: господин Замза - своей дирекции, госпожа Замза - своему работодателю, а Грета - своему шефу. Покуда они писали, вошла служанка сказать, что она уходит, так как утренняя ее работа выполнена. Писавшие сначала только кивнули, не поднимая глаз, но когда служанка, вместо того чтобы удалиться, осталась на месте, на нее недовольно взглянули.

- Ну? - спросил господин Замза.

Служанка, улыбаясь, стояла в дверях с таким видом, как будто у нее была для семьи какая-то счастливая новость, сообщить которую она собиралась только после упорных расспросов. Почти вертикальное страусовое перышко на ее шляпе, всегда раздражавшее господина Замзу, покачивалось во все стороны.

- Так что же вам нужно? - опросила госпожа Замза, к которой служанка относилась все-таки наиболее почтительно.

- Да, - отвечала служанка, давясь от добродушного смеха, - насчет того, как убрать это, можете не беспокоиться. Уже все в порядке.

Госпожа Замза и Грета склонились над своими письмами, словно намереваясь писать дальше; господин Замза, который заметил, что служанка собирается рассказать все подробно, решительно отклонил это движением руки. И так как ей не дали говорить, служанка вспомнила, что она очень торопится, крикнула с явной обидой: "Счастливо оставаться! " - резко повернулась и покинула квартиру, неистово хлопая дверьми.

- Вечером она будет уволена, - сказал господин Замза, но не получил ответа ни от жены, ни от дочери, ибо служанка нарушила их едва обретенный покой. Они поднялись, подошли к окну и, обнявшись, остановились там. Господин Замза повернулся на стуле в их сторону и несколько мгновений молча глядел на них. Затем он воскликнул:

- Подите же сюда! Забудьте наконец старое. И хоть немного подумайте обо мне.

Женщины тотчас повиновались, поспешили к нему, приласкали его и быстро закончили свои письма.

Затем они покинули квартиру все вместе, чего уже много месяцев не делали, и поехали на трамвае за город. Вагон, в котором они сидели одни, был полон теплого солнца. Удобно откинувшись на своих сиденьях, они обсуждали виды на будущее, каковые при ближайшем рассмотрении оказались совсем не плохими, ибо служба, о которой они друг друга до сих пор, собственно, и не спрашивали, была у всех у них на редкость удобная, а главное - она многое обещала в дальнейшем. Самым существенным образом улучшить их положение легко могла сейчас, конечно, перемена квартиры; они решили снять меньшую и более дешевую, но зато более уютную и вообще более подходящую квартиру, чем теперешняя, которую выбрал еще Грегор. Когда они так беседовали, господину и госпоже Замза при виде их все более оживлявшейся дочери почти одновременно подумалось, что, несмотря на все горести, покрывшие бледностью ее щеки, она за последнее время расцвела и стала пышной красавицей. Приумолкнув и почти безотчетно перейдя на язык взглядов, они думали о том, что вот и пришло время подыскать ей хорошего мужа. И как бы в утверждение их новых мечтаний и прекрасных намерений, дочь первая поднялась в конце их поездки и выпрямила свое молодое тело.

Франц Кафка

Перевод с немецкого С. Апта

Эдгар По - "Золотой жук"

Перевод А. Старцева
OCR: Alexander D. Jurinsson

Глядите! Хо! Он пляшет, как безумный.
Тарантул укусил его...
"Все не правы"
А. Мерфи

Много лет тому назад мне довелось близко познакомиться с некиим Вильямом Леграном. Он происходил из старинной гугенотской семьи и был прежде богат, но неудачи, следовавшие одна за другой, довели его до нищеты. Чтобы избегнуть унижений, связанных с потерей богатства, он покинул Новый Орлеан, город своих предков, и поселился на Сэлливановом острове, поблизости от Чарлстона в Южной Каролине.

Это очень странный остров. Он тянется в длину мили на три и состоит почти что из одного морского песка. Ширина его нигде не превышает четверти мили. От материка он отделен едва заметным проливом, вода в котором с трудом пробивает себе путь сквозь тину и густой камыш - убежище болотных курочек. Деревьев на острове мало, и растут они плохо. Настоящего дерева не встретишь совсем. На западной оконечности острова, где возвышается форт Моултри и стоит несколько жалких строений, заселенных в летние месяцы городскими жителями, спасающимися от лихорадки и чарлстонской пыли, - можно увидеть колючую карликовую пальму. Зато весь остров, если не считать этого мыса на западе и белой, твердой как камень, песчаной каймы на взморье, покрыт частой зарослью душистого мирта, столь высоко ценимого английскими садоводами. Кусты его достигают нередко пятнадцати - двадцати футов и образуют сплошную чащу, наполняющую воздух тяжким благоуханием и почти непроходимую для человека.

В сокровенных глубинах миртовой чащи, ближе к восточной, удаленной от материка оконечности острова, Легран соорудил себе хижину, где и обитал, когда я, по воле случая, с ним познакомился. Знакомство вскоре перешло в дружбу. Многое в характере отшельника внушало интерес и уважение. Я увидел, что он отлично образован и наделен недюжинными способностями, но вместе с тем заражен мизантропией и страдает от болезненного состояния ума, впадая попеременно то в восторженность, то в угрюмость. У Леграна было немало книг, но он редко к ним обращался. Он предпочитал охотиться и ловить рыбу или же бродить по прибрежному песку и миртовым зарослям в поисках раковин и насекомых. Его коллекции насекомых позавидовал бы Сваммердам. В этих странствиях Леграна обычно сопровождал старый негр Юпитер. Он был отпущен на волю еще до разорения семьи; однако ни угрозами, ни посулами Юпитера нельзя было убедить, что он лишился неотъемлемого, как он полагал, права следовать повсюду за своим "масса Биллом". Возможно, впрочем, что родные Леграна, обеспокоенные его психической неуравновешенностью, поддерживали это упорство в Юпитере, чтобы не оставить беглеца без всякого попечения.

Зимы на широте Сэлливанова острова редко бывают очень суровыми, и в

осеннее время почти никогда не приходится разводить огонь в помещении. В средних числах октября 18... года выдался, однако, необычайно холодный день. Перед самым заходом солнца я пробрался сквозь вечнозеленые заросли к хижине моего друга, которого не видел уже несколько недель. Я жил в Чарлстоне, в девяти милях от острова, и удобства сообщения в те дни далеко отставали от нынешних. Добравшись до хижины, я постучал, как обычно, и, не получив ответа, разыскал в тайном месте ключ, отомкнул замок и вошел. В камине пылал славный огонь. Это было неожиданно и весьма кстати. Я сбросил пальто, опустился в кресло поближе к потрескивавшим поленьям и стал терпеливо ждать возвращения хозяев.

Они пришли вскоре после наступления темноты и сердечно меня приветствовали. Юпитер, улыбаясь до ушей, стал хлопотать но хозяйству, приготовляя на ужин болотных курочек. У Леграна был очередной приступ восторженности - не знаю, как точнее именовать его состояние. Он нашел двустворчатую раковину, какой не встречал ранее, и, что еще более радовало его, выследил и с помощью Юпитера поймал жука, неизвестного, по его словам, доселе науке. Он сказал, что завтра хочет услышать мое суждение об этом жуке.

- А почему не сегодня? - спросил я, потирая руки у огня и мысленно посылая к чертям всех жуков на свете.

- Если бы я знал, что вы здесь! - воскликнул Легран. - Но ведь мы так давно не виделись. Как я мог угадать, что именно сегодня вечером вы к нам пожалуете? Когда мы с Юпитером шли домой, то повстречали лейтенанта Дж. из форта, и я но какой-то глупости отдал ему на время жука. Так что сейчас жука не достанешь. Переночуйте, и мы пошлем за ним Юпа, как только взойдет солнце. Это просто восторг.

- Что? Восход солнца?

- К черту солнце! Я - о жуке! Он ослепительно золотой, величиной с крупный лесной орех, и на спине у него три пятнышка, черных как смоль. Два круглых повыше и одно продолговатое книзу. А усики и голову...

- Где же там олово, масса Вилл, послушайте-ка меня, - вмешался Юпитер, - жук весь золотой, чистое золото, внутри и снаружи; только вот пятна на спинке. Такого тяжелого жука я еще в жизни не видел.

- Допустим, что все это так, и жук из чистого золота, - сказал Легран, как мне показалось, более серьезным тоном, чем того требовали обстоятельства, - но почему же, Юп, мы должны из-за этого есть пережаренный ужин? Действительно, жук таков, - продолжал он, обращаясь ко мне, - что я почти готов согласиться с Юпитером. Надкрылья излучают яркий металлический блеск - в этом вы сами сможете завтра же убедиться. Пока что я покажу вам, каков он на вид.

Легран сел за столик, где было перо и чернильница. Бумаги не оказалось. Он поискал в ящике, но и там ничего не нашел.

- Не беда, - промолвил он наконец, - обойдусь этим. - Он вытащил из жилетного кармана очень грязный клочок бумаги и, взяв перо, стал бегло набрасывать свой рисунок. Пока он был этим занят, я продолжал греться; озноб мой еще не прошел. Легран закончил рисунок и протянул его мне, не поднимаясь со стула. В эту минуту послышался громкий лай и царапанье у входной двери. Юпитер распахнул ее, и огромный ньюфаундленд Леграна ворвался в комнату и бурно меня приветствовал, положив свои лапы мне прямо на плечи; я подружился с ним еще в прежние посещения. Когда нес утих, я взглянул на бумагу, которую все это время держал в руке, и, по правде сказать, был немало озадачен рисунком моего друга.

- Что же, - сказал я, наглядевшись на него вдосталь, - это действительно странный жук. Признаюсь, совершеннейшая новинка, никогда

ничего подобного не видывал. По-моему, больше всего этот жук походит на череп, каким его принято изображать на эмблемах. Да что там походит... Форменный череп!

- Череп? - отозвался Легран. - Пожалуй, что так, в особенности на моем рисунке. Общая форма овальная. Два черных пятнышка сверху напоминают глазницы, не так ли? А нижнее удлиненное пятнышко можно счесть за оскал черепа.

- Может быть, что и так, Легран, - сказал я ему, - но рисовальщик вы слабый. Я подожду судить о жуке, пока не увижу его собственными глазами.

- Как вам угодно, - отозвался он с некоторой досадой, - но, по-моему, я рисую недурно, по крайней мере, я привык так считать. У меня были отличные учителя, и позволю себе заметить, чему-то я должен был у них научиться.

- В таком случае вы дурачите меня, милый друг, - сказал я ему. - Вы нарисовали довольно порядочный череп, готов допустить даже, хотя я и полный профан в остеологии, что вы нарисовали замечательный череп, и если ваш жук на самом деле похож на него, это самый поразительный жук на свете. Жук с такой внешностью должен вызывать суеверное чувство. Я не сомневаюсь, что вы назовете его Scarabaeus caput hominis [Жук; здесь: человеческая голова (лат.).] или как-нибудь еще в этом роде; естественная история полна подобных наименований. Хорошо, а где же у него усики?

- Усики? - повторил Легран, которого наш спор почему-то привел в дурное расположение духа. - Разве вы их не видите? Я нарисовал их в точности, как в натуре. Думаю, что большего вы от меня не потребуете.

- Не стоит волноваться, - сказал я, - может быть, вы их и нарисовали, Легран, но я их не вижу. - И я отдал ему рисунок без дальнейших замечаний, не желая сердить его. Я был удивлен странным оборотом, который приняла эта история. Раздражение Леграна было мне непонятно. На его рисунке не было никаких усиков, и жук как две капли воды походил на череп.

Он с недовольным видом взял у меня бумагу и уже скомкал ее, намереваясь, видимо, бросить в огонь, когда что-то в рисунке вдруг завладело его вниманием. Легран сперва залился яркой краской, потом стал белее мела. Некоторое время он разглядывал своп рисунок, словно изучая его. Потом встал и, забрав свечу со стола, пересел на сундук в другом конце комнаты. Там он снова уставился на бумагу, поворачивая ее то так, то эдак, однако хранил молчание. Хотя его поведение было довольно странным, я счел за лучшее тоже молчать; как видно, он погружался в свое угрюмое настроение. Легран достал из кармана бумажник, тщательно спрятал туда рисунок, затем положил бумажник в бюро и замкнул его там на ключ. Он как будто очнулся, но прежнее оживление уже не вернулось к нему. Он не был мрачен, но его мысли где-то блуждали. Рассеянность Леграна все возрастала, и мои попытки развлечь его не имели успеха. Я думал сперва заночевать в гостях, как бывало уже не раз, но, считаясь с настроением хозяина, решил вернуться домой. Легран меня не удерживал; однако, прощаясь, пожал мне руку сердечнее обыкновенного.

По прошествии месяца, в течение которого я не имел ни малейших сведений о Легране, меня посетил в Чарлстоне Юпитер. Я никогда не видел старого добряка-негра таким удрученным, и меня охватила тревога: уж не случилось ли чего с моим другом?

- Ну, Юп, - сказал я, - что там у вас? Как поживает твой господин?

- По чести говоря, масса, он нездоров.

- Нездоров? Ты пугаешь меня! На что он жалуется?

- В том-то и штука! Ни на что он не жалуется. Но он очень болен.

- Очень болен, Юпитер? Что же ты сразу мне не сказал? Лежит в постели?

- Где там лежит! Его и с собаками не догонишь! В том-то и горе! Ох,

болит у меня душа! Бедный мой масса Вилл!..

- Юпитер, я хочу все-таки знать, в чем у вас дело. Ты сказал, что хозяин твой болен. Не говорил он тебе, что у него болит?

- Вы не серчайте, масса. Не знаю, что с ним стряслось. А я вот спрошу вас, почему масса Вилл ходит весь день, уставившись в землю, а сам белый, как гусь? И почему он все время считает?

- Что он делает?

- Считает да цифры пишет, таких чудных цифр я отроду не видал. Страх за него берет. Смотрю за ним в оба, глаз не спускаю. А вчера проворонил, он убежал, солнце еще не вставало, и пропадал до ночи. Я вырезал толстую палку, хотел отлупить его, когда он придет, да пожалел, старый дурак, уж очень он грустный вернулся...

- Как? Что? Отлупить его?.. Нет, Юпитер, не будь слишком суров с беднягой, не бей его, он этого не перенесет. Скажи лучше вот что: как ты считаешь, что послужило причиной болезни твоего господина или, вернее, этого странного поведения? Не приключилось ли с ним что дурное после того, как я приходил к вам?

- После того, как вы приходили, масса, ничего такого не приключилось. А вот до того приключилось. В тот самый день приключилось.

- Что? О чем ты толкуешь?

- Известно, масса, о чем! О жуке!

- О чем?

- О жуке. Я так думаю, что золотой жук укусил масса Вилла в голову.

- Золотой жук укусил его? Эка напасть!

- Вот-вот, масса, очень большая пасть, и когти тоже здоровые. В жизни не видел такого жука, бьет ногами, как лошадь, и кусает все, что ему подвернется. Масса Вилл схватил его, да и выронил, тут же выронил, вот тогда жук, наверно, и укусил его. А мне морда этого жука не понравилась, и я сразу решил - голыми руками брать его ни за что не стану. Поднял я клочок бумаги, да в бумагу и завернул его, а край бумаги в пасть ему сунул, вот что я сделал!

- Значит, ты действительно думаешь, что твоего хозяина укусил жук и это причина его болезни?

- Ничего я не думаю - точно вам говорю. Если бы его не укусил золотой жук, разве ему снилось бы золото? Я много кое-чего слыхал про таких золотых жуков.

- А откуда ты знаешь, что ему снится золото?

- Откуда я знаю? Да он говорит про это во сне. Вот откуда я знаю.

- Хорошо, Юп, может быть, ты и прав. Ну а каким же счастливым обстоятельствам я обязан чести твоего сегодняшнего визита?

- О чем это вы толкуете, масса?

- Ты привез мне какое-нибудь послание от господина Леграна?

- Нет, масса. Но он приказал передать вам вот это. И Юпитер вручил мне записку следующего содержания:

"Дорогой N!

Почему вы совсем перестали бывать у нас? Неужели вы приняли близко к сердцу какую-нибудь очередную мою brusquerie? [Резкость (франц.).] Нет, это, конечно, не так.

За время, что мы не виделись с вами, у меня появилась забота. Хочу рассказать вам о ней, но не знаю, как браться за это, да и рассказывать ли вообще.

Последние дни я был не совсем здоров, и старина Юп вконец извел меня своим непрошеным попечением. Вчера, представьте, он приготовил огромнейшую дубину, чтобы побить меня за то, что я ускользнул от него и прогулял весь

день solus [Один (лат.).] в горах на материке. Кажется, только нездоровье спасло меня от неожиданной взбучки.

Со времени нашей встречи ничего нового в моей коллекции не прибавилось.

Если у вас есть хоть какая-нибудь возможность, приезжайте вместе с Юпитером. Очень прошу вас. Мне нужно увидеться с вами сегодня же вечером по важному делу. Поверьте, что это дело великой важности. Ваш, как всегда,

Вильям Легран".

Что-то в тоне этой записки сразу вселило в меня тревогу. Весь ее стиль был так непохож на Леграна. Что взбрело ему в голову? Какая новая блажь завладела его необузданным воображением? Что за "дело великой важности" могло быть у него, у Леграна? Рассказ Юпитера не предвещал ничего доброго. Я опасался, что неотвязные мысли о постигшем его несчастье надломили рассудок моего друга. Не колеблясь, я решил тотчас же ехать вместе с негром.

Когда мы пришли к пристани, я увидел на дне лодки, на которой нам предстояло плыть, косу и лопаты, как видно, совсем новые.

- Это что, Юп? - спросил я.

- Коса и еще две лопаты, масса.

- Ты совершенно прав. Но откуда они взялись?

- Масса Вилл приказал мне купить их в городе, и я отдал за них чертову уйму денег.

- Во имя всего, что есть таинственного на свете, зачем твоему "масса Виллу" коса и лопаты?

- Зачем - я не знаю, и черт меня побери, если он сам знает. Все дело в жуке!

Видя, что от Юпитера толку сейчас не добьешься и что все его мыслительные способности парализованы этим жуком, я вскочил в лодку и поднял парус. Сильный попутный ветер быстро пригнал нас в опоясанную скалами бухточку к северу от форта Моултри, откуда нам оставалось до хижины около двух миль. Мы пришли в три часа пополудни. Легран ожидал нас с видимым нетерпением. Здороваясь, он крепко стиснул мне руку, и эта нервическая горячность вновь пробудила и усилила мои недавние опасения. В лице Леграна сквозила какая-то мертвенная бледность, запавшие глаза сверкали лихорадочным блеском. Осведомившись о его самочувствии и не зная, о чем еще говорить, я спросил, получил ли он от лейтенанта Дж. своего золотого жука.

- О да! - ответил он, заливаясь ярким румянцем. - На другое же утро! Ничто не разлучит меня теперь с этим жуком. Знаете ли вы, что Юпитер был прав?

- В чем Юпитер был прав? - спросил я, и меня охватило горестное предчувствие.

- Жук - из чистого золота!

Он произнес эти слова с полной серьезностью. Я был глубоко потрясен.

- Этот жук принесет мне счастье, - продолжал Легран, торжествующе усмехаясь, - он вернет мне утраченное родовое богатство. Что ж удивительного, что я его так ценю? Он ниспослан самой судьбой и вернет мне богатство, если только я правильно пойму его указания. Юпитер, пойди принеси жука!

- Что? Жука, масса? Не буду я связываться с этим жуком. Несите его сами.

Легран поднялся с важным видом и вынул жука из застекленного ящика, где он хранил его.

Жук был действительно великолепен. В научной ценности находки Леграна не могло быть сомнений - натуралисты в то время еще не знали таких жуков. На спинке виднелись с одной стороны два черных округлых пятнышка, и ниже с

другой еще одно, подлиннее. Надкрылья были удивительно твердыми и блестели действительно как полированное золото. Тяжесть жука была тоже весьма необычной. Учитывая все это, можно было не так уж строго судить Юпитера. Но как мог Легран разделять суждение Юпитера, оставалось для меня неразрешимой загадкой.

- Я послал за вами, - начал Легран торжественным тоном, когда я кончил осмотр, - я послал за вами, чтобы испросить совета и вашей помощи для уяснения воли Судьбы и жука...

- Дорогой Легран, - воскликнул я, прерывая его, - вы совсем больны, вам надо лечиться. Ложитесь сейчас же в постель, и я побуду с вами несколько дней, пока вам не станет полегче. Вас лихорадит.

- Пощупайте мне пульс, - сказал он.

Я пощупал ему пульс и вынужден был признать, что никакой лихорадки у него не было.

- Бывают болезни и без лихорадки. Послушайтесь на этот раз моего совета. Прежде всего в постель. А затем...

- Вы заблуждаетесь, - прервал он меня. - Я совершенно здоров, но меня терзает волнение. Если вы действительно желаете мне добра, помогите мне успокоиться.

- А как это сделать?

- Очень просто. Мы с Юпитером собираемся в экспедицию на материк, в горы, и нам нужен верный помощник. Вы единственный, кому мы полностью доверяем. Ждет нас там успех или же неудача, все равно это волнение во мне сразу утихнет.

- Я буду счастлив, если смогу быть полезным, - ответил я, - но, скажите, этот дурацкий жук имеет какое-нибудь отношение к вашей экспедиции в горы?

- Да!

- Если так, Легран, я отказываюсь принимать участие в вашей нелепой затее.

- Жаль! Очень жаль! Нам придется идти одним.

Идти одним! Он действительно сумасшедший!

- Погодите! Сколько времени вы намереваетесь пробыть там?

- Должно быть, всю ночь. Мы выйдем сию же минуту и к восходу солнца вернемся домой, что бы там ни было.

- А вы поклянетесь честью, что, когда ваша прихоть будет исполнена и вся эта затея с жуком (боже правый!) благополучно закончится, вы вернетесь домой и станете слушаться меня, как если бы я был вашим домашним врачом?

- Да. Обещаю. Скорее в путь! Время не ждет!

С тяжелым сердцем решился я сопровождать моего друга. Было около четырех часов дня, когда мы пустились в путь - Легран, Юпитер, собака и я. Юпитер нес косу и лопаты; он настоял на этом не от избытка любезности или же прилежания, но, как я полагаю, из страха доверить эти орудия своему господину. Вид у него был преупрямый. "Чертов жук!" - вот единственное, что я услышал от него за все путешествие. Мне поручили два потайных фонаря. Легран нес жука. Жук был привязан к концу шнура, п Легран крутил его на ходу, как заклинатель. Когда я заметил это новое явное доказательство безумия моего друга, я с трудом удержался от слез. Тем не менее я пока решил ни в чем не перечить Леграну и ждать случая, когда я смогу предпринять какие-либо энергичные меры. Я попытался несколько раз завязать беседу о целях похода, но безуспешно. Уговорив меня идти вместе с ним и довольный этим, Легран, видимо, не хотел больше вести никаких разговоров, и на все мои расспросы отвечал односложно: "Увидим! "

Дойдя до мыса, мы сели в ялик и переправились на материк. Потом

взобрались по высокому берегу и, взяв направление на северо-запад, углубились в дикий, пустынный край, где, казалось, никогда не ступала нога человека. Легран уверенно вел нас вперед, лишь изредка останавливаясь и сверяясь с ориентирами, которые, видимо, заприметил, посещая эти места до того.

Так мы шли часа два, и на закате перед нами открылась угрюмая местность, еще более мрачная, чем все, что мы видели до сих пор. Это был род плато, раскинувшегося у подножья почти неприступного склона и поросшего лесом от низу до самого верха. Склон был усеян громадными валунами, которые, казалось, ие падали вниз в долину лишь потому, что деревья преграждали им путь. Глубокие расселины пересекали плато во всех направлениях и придавали пейзажу еще большую дикость.

Плоскогорье, по которому мы поднимались, сплошь поросло ежевикой. Вскоре стало ясно, что без косы нам сквозь заросли не пробраться. По приказу Леграна Юпитер стал выкашивать для нас тропинку к тюльпановому дереву необыкновенной высоты, которое стояло, окруженное десятком дубов, и далеко превосходило и эти дубы, и вообще все деревья, какие мне приходилось когда-либо видеть, раскидистой кроной, величавой красотой листвы и царственностью общих очертаний. Когда мы пришли наконец к цели, Легран обернулся к Юпитеру и спросил, сможет ли он взобраться на это дерево. Старик был сперва озадачен вопросом и ничего не ответил. Потом, подойдя к лесному гиганту, он обошел ствол кругом, внимательно вглядываясь. Когда осмотр был закончен. Юпитер сказал просто:

- Да, масса! Еще не выросло такого дерева, чтобы Юпитер не смог на него взобраться.

- Тогда не мешкай и лезь, потому что скоро станет темно и мы ничего не успеем сделать.

- Высоко залезть, масса? - спросил Юпитер.

- Взбирайся вверх по стволу, пока я не крикну... Эй, погоди. Возьми и жука!

- Жука, масса Вилл? Золотого жука? - закричал негр, отшатываясь в испуге. - Что делать жуку на дереве? Будь я проклят, если его возьму.

- Слушай, Юпитер, если ты, здоровенный рослый негр, боишься тронуть это безвредное мертвое насекомое, тогда держи его так, на шнурке, но если ты вовсе откажешься взять жука, мне придется, как это ни грустно, проломить тебе голову вот этой лопатой.

- Совсем ни к чему шуметь, масса, - сказал Юпитер, как видно, пристыженный и ставший более сговорчивым. - Всегда вы браните старого негра. А я пошутил, и только! Что я, боюсь жука? Подумаешь, жук!

И, осторожно взявшись за самый конец шнура, чтобы быть от жука подальше, он приготовился лезть на дерево.

Тюльпановое дерево, или Liriodendron Tulipiferum, - великолепнейшее из деревьев, произрастающих в американских лесах. В юном возрасте оно отличается необыкновенно гладким стволом и выгоняет ветви лишь на большой высоте. Однако, по мере того как оно стареет, кора на стволе становится неровной и узловатой, а вместе с тем появляются короткие сучья. Так что задача, стоявшая перед Юпитером, казалась невыполнимой только на первый взгляд. Крепко обняв огромный ствол коленями и руками, нащупывая пальцами босых ног неровности коры для упора и раза два счастливо избежав падения, Юпитер добрался до первой развилины ствола и, видимо, считал свою миссию выполненной. Главная опасность действительно была позади, но Юпитер находился на высоте в шестьдесят или семьдесят футов.

- Куда мне лезть дальше, масса Вилл? - спросил он.

- По толстому суку вверх, вон с той стороны, - ответил Легран.

Негр тотчас повиновался, лезть было, должно быть, нетрудно. Он поднимался все выше, и скоро его коренастая фигура исчезла из виду, потерявшись в густой листве. Потом послышался голос как будто издалека:

- Сколько еще лезть?

- Где ты сейчас? - спросил Легран.

- Высоко, высоко! - ответил негр. - Вижу верхушку дерева, а дальше - небо.

- Поменьше гляди на небо и слушай внимательно, что я тебе скажу. Посмотри теперь вниз и сочти, сколько всего ветвей на суку, на который ты влез. Сколько ветвей ты миновал?

- Одна, две, три, четыре, пять. Подо мной пять ветвей, масса.

- Поднимись еще на одну.

Вскоре Юпитер заверил нас, что он добрался до седьмой ветви.

- А теперь, Юп, - закричал Легран, вне себя от волнения, - ты полезешь по этой ветви, пока она будет тебя держать! А найдешь что-нибудь, крикни.

Если у меня еще оставались какие-нибудь сомнения по поводу помешательства моего друга, то теперь их не стало. Увы, он был сумасшедший! Следовало подумать о том, как доставить его домой. Пока я терялся в мыслях, опять послышался голос Юпитера:

- По этой ветви я боюсь дальше лезть. Она почти вся сухая.

- Ты говоришь, что она сухая, Юпитер? - закричал Легран прерывающимся голосом.

- Да, масса, мертвая, готова для того света.

- Боже мой, что же делать? - воскликнул Легран, как видео, в отчаянии.

- Что делать? - откликнулся я, обрадованный, что наступил мой черед сказать свое слово. - Вернуться домой и сразу в постель. Будьте умницей, уже поздно, и к тому же вы мне обещали.

- Юпитер! - закричал он, не обращая на мои слова никакого внимания. - Ты слышишь меня?

- Слышу, масса Вилл, как не слышать?

- Возьми нож. Постругай эту ветвь. Может быть, она не очень гнилая.

- Она, конечно, гнилая, - ответил негр, немного спустя, - да не такая гнилая. Пожалуй, я немного продвинусь вперед. Но только один.

- Что это значит? Разве ты и так не один?

- Я про жука. Жук очень, очень тяжелый. Если я брошу его вниз, я думаю, одного старого негра этот сук выдержит.

- Старый плут! - закричал Легран с видимым облегчением. - Не городи вздора! Если ты бросишь жука, я сверну тебе шею. Эй, Юпитер, ты слышишь меня?

- Как не слышать, масса? Нехорошо так ругать бедного негра.

- Так вот, послушай! Если ты проберешься еще немного вперед, осторожно, конечно, чтобы не грохнуться вниз, и если ты будешь держать жука, я подарю тебе серебряный доллар, сразу, как только ты спустишься.

- Хорошо, масса Вилл, лезу, - очень быстро ответил Юпитер, - а вот уже и конец.

- Конец ветви? - вскричал Легран. - Ты вправду мне говоришь, ты на конце ветви?

- Не совсем на конце, масса... Ой-ой-ой! Господи боже мой! Что это здесь на дереве?

- Ну? - крикнул Легран, очень довольный. - Что ты там видишь?

- Да ничего, просто череп. Кто-то забыл свою голову здесь на дереве, и вороны склевали все мясо.

- Ты говоришь - череп?! Отлично! А как он там держится? Почему он не

падает?

- А верно ведь, масса! Сейчас погляжу. Что за притча такая! Большой длинный гвоздь. Череп прибит гвоздем.

- Теперь, Юпитер, делай в точности, что я скажу. Слышишь меня?

- Слышу, масса.

- Слушай меня внимательно! Найди левый глаз у черепа.

- Угу! Да! А где же у черепа левый глаз, если он вовсе безглазый?

- Ох, какой ты болван, Юпитер! Знаешь ты, где у тебя правая рука и где левая?

- Знаю, как же не знать, левой рукой я колю дрова.

- Правильно. Ты левша. Так вот, левый глаз у тебя с той стороны, что и рука. Ну, сумеешь теперь отыскать левый глаз у черепа, то место, где был левый глаз?

Юпитер долго молчал, потом он сказал:

- Левый глаз у черепа с той стороны, что и рука у черепа? Но у черепа нет левой руки... Что ж, на нет и суда нет! Вот я нашел левый глаз. Что мне с ним делать?

- Пропусти сквозь него жука и спусти его вниз, сколько хватит шнура. Только не урони.

- Пропустил, масса Вилл. Это самое плевое дело - пропустить жука через дырку. Смотрите-ка!

Во время этого диалога Юпитер был скрыт листвой дерева. Но жук, которого он спустил вниз, виднелся теперь на конце шнурка. Заходящее солнце еще освещало возвышенность, где мы стояли, и в последних его лучах жук сверкнул, как полированный золотой шарик. Он свободно свисал между ветвей дерева, и если б Юпитер сейчас отпустил шнурок, тот упал бы прямо к нашим ногам. Легран быстро схватил косу и расчистил участок диаметром в девять - двенадцать футов, после чего он велел Юпитеру отпустить шнурок и слезать поскорее вниз.

Забив колышек точно в том месте, куда упал жук, мой друг вытащил из кармана землемерную ленту. Прикрепив ее за конец к стволу дерева, как раз напротив забитого колышка, он протянул ее прямо, до колышка, после чего, продолжая разматывать ленту и отступая назад, отмерил еще пятьдесят футов. Юпитер с косой в руках шел перед ним, срезая кусты ежевики. Дойдя до нужного места, Легран забил еще один колышек и, принимая его за центр, очистил круг диаметром примерно в четыре фута. Потом он дал по лопате мне и Юпитеру, сам взял лопату и приказал нам копать.

Откровенно скажу, я не питаю склонности к такого рода забавам даже при свете дня; теперь же спускалась ночь, а я и так изрядно устал от нашей прогулки. Всего охотнее я отказался бы. Но мне не хотелось противоречить моему бедному другу и тем усугублять его душевное беспокойство. Так что выхода не было. Если бы я мог рассчитывать на помощь Юпитера, то, ничуть не колеблясь, применил бы сейчас силу и увел бы безумца домой. Но я слишком хорошо знал старого негра и понимал, что ни при каких обстоятельствах он не поддержит меня против своего господина. Что до Леграна, мне стало теперь ясно, что он заразился столь обычной у нас на Юге манией кладоискательства и что его и без того пылкое воображение было подстегнуто находкой жука и еще, наверное, упрямством Юпитера, затвердившего, что найденный жук - "из чистого золота".

Подобные мании могут легко подтолкнуть к помешательству неустойчивый разум, особенно если они находят себе пищу в тайных стремлениях души. Я вспомнил слова моего бедного друга о том, что жук вернет ему родовое богатство. Я был раздосадован и вместе с тем глубоко огорчен. В конце концов

я решил проявить добрую волю (поскольку не видел иного выхода) и принять участие в поисках клада, чтобы быстрейшим и самым наглядным образом убедить моего фантазера в беспочвенности его замысла.

Мы зажгли фонари и принялись рыть с усердием, которое заслуживало лучшего применения. Свет струился по нашим лицам, и я подумал, что мы втроем образуем весьма живописную группу и что случайный путник, который наткнется на нас, должен будет преисполниться странных мыслей и подозрений.

Так мы копали не менее двух часов. Мы сохраняли молчание, и нас смущал только лай собаки, которая выказывала необычайный интерес к нашей работе. Этот лай становился все более настойчивым, и мы начали опасаться, как бы он не привлек какого-нибудь бродягу, расположившегося по соседству на отдых. Точнее, боялся Легран; я был бы только доволен, если бы смог при содействии постороннего человека вернуть домой моего путешественника. Разбушевавшегося пса утихомирил Юпитер, проявив при этом немалую изобретательность. Он вылез из ямы с решительным видом и стянул ему пасть своими подтяжками, после чего, хмуро посмеиваясь, снова взялся за лопату.

После двухчасовых трудов мы вырыли яму глубиной в пять футов, однако никаких признаков клада не было видно. Мы приостановились, и я стал надеяться, что комедия подходит к концу. Однако Легран, хотя и расстроенный, как я мог заметить, отер пот со лба и снова взялся за работу. Яма уже имела четыре фута в диаметре и занимала всю площадь очерченного Леграном круга. Теперь мы расширили этот круг, потом углубили яму еще на два фута. Результаты остались все теми же. Мой золотоискатель, которого мне было жаль от души, наконец вылез из ямы и принялся медленно и неохотно натягивать свой сюртук, который сбросил перед началом работы. В каждой черточке его лица сквозило горькое разочарование. Я молчал, Юпитер по знаку своего господина стал собирать инструменты. Потом он снял с собаки свой самодельный намордник, и мы двинулись в путь, домой, не произнеся ни слова.

Не успели пройти мы и десятка шагов, как Легран с громким проклятием повернулся к негру и крепко схватил его за ворот. Пораженный Юпитер разинул рот, выпучил глаза и, уронив лопаты, упал на колени.

- Каналья, - с трудом промолвил Легран сквозь сжатые зубы, - проклятый черный негодяй, отвечай мне немедленно, отвечай без уверток, где у тебя левый глаз?

- Помилуй бог, масса Вилл, вот у меня левый глаз, вот он! - ревел перепуганный Юпитер, кладя руку на правый глаз и прижимая его изо всей мочи, словно страшась, что его господин вырвет ему этот глаз.

- Так я и думал! Я знал! Ура! - закричал Легран отпуская негра. Он исполнил несколько сложных танцевальных фигур, поразивших его слугу, который, поднявшись на ноги и словно окаменев, переводил взгляд с хозяина на меня и с меня опять на хозяина.

- За дело! - сказал Легран. - Вернемся! Мы еще выиграем эту игру! - И он повел нас обратно к тюльпановому дереву.

- Ну, Юпитер, - сказал Легран, когда мы снова стояли втроем у подножья дерева, - говори: как был прибит этот череп к ветке, лицом или наружу?

- Наружу, масса, так чтоб вороны могли клевать глаза без хлопот.

- Теперь говори мне, в какой ты глаз опустил жука - в тот или этот? - И Легран тронул пальцем сперва один глаз Юпитера и потом другой.

- В этот самый, масса, в левый, как вы велели! - Юпитер указывал пальцем на правый глаз.

- Отлично, начнем все сначала!

С этими словами мой друг, в безумии которого, как мне показалось, появилась теперь некоторая система, вытащил колышек, вбитый им ранее на месте падения жука, и переставил его на три дюйма к западу. Снова связав

землемерной лентой колышек со стволом дерева, он отмерил еще пятьдесят футов до новой точки, отстоявшей от нашей ямы на несколько ярдов.

Мы очертили еще раз круг, несколько большего диаметра, чем предыдущий, и снова взялись за лопаты.

Я смертельно устал, но хотя и сам еще не отдавал себе в том отчета, прежнее отвращение к работе у меня почему-то исчезло. Каким-то неясным образом я стал испытывать к ней интерес, более того, меня охватило волнение. В нелепом поведении Леграна сквозило что-то похожее на предвидение, на продуманный план, и это, вероятно, оказало на меня свое действие. Продолжая усердно копать, я ловил себя несколько раз на том, что и сам со вниманием гляжу себе под ноги, в яму, словно тоже ищу на дне ее мифическое сокровище, мечта о котором свела с ума моего бедного друга. Мы трудились уже часа полтора, и эти странные прихоти мысли овладевали мной все настойчивее, когда нас опять всполошил отчаянный лай нашего пса. Если раньше он лаял из озорства или же из каприза, то теперь его беспокойство было нешуточным. Он не дался Юпитеру, когда тот опять хотел напялить ему намордник, и, прыгнув в яму, стал яростно разгребать лапами землю. Через пять-шесть секунд он отрыл два человеческих скелета, а вернее, груду костей, перемешанных с обрывками полуистлевшей шерстяной материи и металлическими пуговицами. Еще два удара лопатой - и мы увидели широкое лезвие испанского ножа и несколько монет, золотых и серебряных.

При виде монет Юпитер предался необузданной радости, но на лице его господина выразилось сильнейшее разочарование. Он умолял нас, однако, не прекращать работу. Не успел он вымолвить эту просьбу, как я оступился и тут же упал ничком, зацепившись ногой за большое железное кольцо, прикрытое рыхлой землей.

Теперь работа пошла уже не на шутку. Лихорадочное напряжение, испытанное за эти десять минут, я не решусь сравнить ни с чем в своей жизни. Мы отрыли продолговатый деревянный сундук, прекрасно сохранившийся. Необыкновенная твердость досок, из которых он был сколочен, наводила на мысль, что дерево подверглось химической обработке, вероятно, было пропитано двухлористой ртутью. Сундук был длиною в три с половиной фута, шириной в три фута и высотой - в два с половиной. Он был надежно окован железными полосами и обит заклепками. Перекрещиваясь, железные полосы покрывали сундук, образуя как бы решетку. С боков сундука под самую крышку было ввинчено по три железных кольца, всего шесть колец, так что за него могли взяться разом шесть человек. Взявшись втроем, мы сумели только что сдвинуть сундук с места. Стало ясно, что унести такой груз нам не под силу. По счастью, крышка держалась лишь на двух выдвижных болтах. Дрожащими руками, не дыша от волнения, мы выдернули болты. Мгновение, и перед нами предстало сокровище. Когда пламя фонарей осветило яму, от груды золота и драгоценных камней взметнулся блеск такой силы, что мы были просто ослеплены.

Чувства, с которыми я взирал на сокровища, не передать словами. Прежде всего я, конечно, был изумлен. Легран, казалось, изнемогал от волнения и почти не разговаривал с нами. Лицо Юпитера на минуту стало смертельно бледным, если можно говорить о бледности применительно к черноте негра. Он был словно поражен громом. Потом он упал на колени и, погрузив по локоть в сокровища свои голые руки, блаженно застыл в этой позе, словно был в теплой ванне. Наконец, глубоко вздохнув, он произнес примерно такую речь:

- И все это сделал золотой жук! Милый золотой жук, бедный золотой жучок. А я-то его обижал, я бранил его! И не стыдно тебе, старый негр? Отвечай!..

Я оказался вынужденным призвать их обоих - и слугу и господина - к

порядку; нужно было забрать сокровище. Спускалась ночь, до рассвета нам предстояло доставить его домой. Мы не знали, как взяться за дело, голова шла кругом, и много времени ушло на раздумья. Наконец мы извлекли из сундука две трети его содержимого, после чего, тоже не без труда, вытащили сундук из ямы. Вынутые сокровища мы спрятали в ежевичных кустах и оставили под охраной нашего пса, которому Юпитер строго-настрого приказал ни под каким видом не двигаться с места и не разевать пасти до нашего возвращения. Затем мы подняли сундук и поспешно двинулись в путь. Дорога была нелегкой, но к часу ночи мы благополучно пришли домой. Слишком измученные, чтобы идти обратно, - ведь и человеческая выносливость имеет предел, - мы закусили и дали себе отдых до двух часов; после чего, захватив три больших мешка, отыскавшихся, к нашему счастью, тут же на месте, мы поспешили назад. Около четырех часов, - ночь уже шла на убыль, - мы подошли к тюльпановому дереву, разделили остатки добычи на три примерно равные части, бросили ямы как есть, незасыпанными, снова пустились в путь и сложили драгоценную ношу в хижине у Леграна, когда первый слабый проблеск зари осветил восток над кромкою леса.

Мы изнемогали от тяжкой усталости, но внутреннее волнение не оставляло нас. Проспав три-четыре часа беспокойным сном, мы, словно уговорившись заранее, поднялись и стали рассматривать наши сокровища.

Сундук был наполнен до самых краев, и мы потратили весь этот день и большую часть ночи, перебирая сокровища. Они были свалены как попало. Видно было, что их бросали в сундук не глядя. После тщательной разборки выяснилось, что доставшееся нам богатство даже значительнее, чем нам показалось с первого взгляда. Одних золотых монет, исчисляя стоимость золота по тогдашнему курсу, было не менее чем на четыреста пятьдесят тысяч долларов. Серебра там не было вовсе, одно только золото, иностранного происхождения и старинной чеканки - французское, испанское и немецкое, несколько английских гиней и еще какие-то монеты, нам совсем незнакомые. Попадались тяжелые большие монеты, стертые до того, что нельзя было прочитать на них надписи. Американских не было ни одной. Определить стоимость драгоценностей было труднее. Бриллианты изумили нас своим размером и красотой. Всего было сто десять бриллиантов, и среди них ни одного мелкого. Мы нашли восемнадцать рубинов удивительного блеска, триста десять превосходных изумрудов, двадцать один сапфир и одип опал. Все камни были, как видно, вынуты из оправ и брошены в сундук небрежной рукой. Оправы же, перемешанные с другими золотыми вещами, были сплющены молотком, видимо, для того, чтобы нельзя было опознать драгоценности. Кроме того, что я перечислил, в сундуке было множество золотых украшений, около двухсот массивных колец и серег; золотые цепочки, всего тридцать штук, если не ошибаюсь; восемьдесят три тяжелых больших распятия; пять золотых кадильниц огромной ценности; большая золотая чаша для пунша, изукрашенная виноградными листьями и вакхическими фигурами искусной ювелирной работы; две рукоятки от шпаг с изящными чеканными украшениями и еще много мелких вещиц, которые я не в силах сейчас припомнить. Общий вес драгоценностей превышал триста пятьдесят английских фунтов. Я уж не говорю о часах, их было сто девяносто семь штук, и трое из них стоили не менее чем по пятьсот долларов. Часы были старинной системы, и ржавчина разрушила механизмы, но украшенные драгоценными камнями золотые крышки были в сохранности. В эту ночь мы оценили содержимое нашего сундука в полтора миллиона долларов. В дальнейшем, когда мы продали драгоценные камни и золотые изделия (некоторые безделушки мы сохранили на память), оказалось, что наша оценка клада была слишком скромной.

Когда наконец мы завершили осмотр и владевшее нами необычайное волнение чуть-чуть поутихло, Легран, который видел, что я сгораю от нетерпения и

жажду получить разгадку этой поразительной тайны, принялся за рассказ, не упуская ни малейшей подробности.

- Вы помните, - сказал он, - тот вечер, когда я показал вам свой беглый набросок жука. Вспомните также, как я был раздосадован, когда вы сказали, что мой рисунок походит на череп. Вначале я думал, что вы просто шутите; потом я припомнил, как характерно расположены пятнышки на спинке жука, и решил, что ваше замечание не столь уж нелепо. Все же насмешка ваша задела меня - я считаюсь недурным рисовальщиком. Потому, когда вы вернули мне этот клочок пергамента, я вспылил и хотел скомкать его и швырнуть в огонь.

- Клочок бумаги, вы хотите сказать, - заметил я.

- Нет! Я сам так думал вначале, но как только стал рисовать, обнаружилось, что это тонкий-претонкий пергамент. Как вы помните, он был очень грязен. Так вот, комкая его, я ненароком взглянул на рисунок, о котором шла речь. Представьте мое изумление, когда я тоже увидел изображение черепа на том самом месте, где только что нарисовал вам жука. В первую минуту я растерялся. Я ведь отлично знал, что сделанный мною рисунок не был похож на тот, который я увидел сейчас, хотя в их общих чертах и можно было усмотреть нечто сходное. Я взял свечу и, усевшись в другом конце комнаты, стал исследовать пергамент более тщательно. Перевернув его, я тотчас нашел свой рисунок, совершенно такой, каким он вышел из-под моего пера. Близость этих изображений на двух сторонах пергамента была поистине странной. На обороте пергамента, в точности под моим рисунком жука, был нарисован череп, который напоминал моего жука и размером и очертаниями! Невероятное совпадение на минуту ошеломило меня. Это обычное следствие такого рода случайностей. Рассудок силится установить причинную связь явлений и, потерпев неудачу, оказывается на время как бы парализованным. Когда я пришел в себя, меня осенила вдруг мысль, которая была еще удивительнее, чем то совпадение, о котором я говорю. Я совершенно ясно, отчетливо помнил, что, когда я рисовал своего жука, на пергаменте не было никакого другого рисунка. Я был в этом совершенно уверен потому, что, отыскивая для рисунка местечко почище, поворачивал пергамент то одной, то другой стороной. Если бы череп там был, я бы, конечно, его заметил. Здесь таилась загадка, которую я не мог объяснить. Впрочем, скажу вам, уже тогда, в этот первый момент, где-то в далеких тайниках моего мозга чуть мерцало, подобное светлячку, то предчувствие, которое столь блистательно подтвердила вчера наша ночная прогулка. Я встал, спрятал пергамент в укромное место и отложил все дальнейшие размышления до того, как останусь один.

Когда вы ушли и Юпитер крепко уснул, я приступил к более методическому исследованию стоявшей передо мною задачи. Прежде всего я постарался восстановить обстоятельства, при которых пергамент попал ко мне в руки. Мы нашли жука на материке, в миле к востоку от острова и поблизости от линии прилива. Когда я схватил жука, он меня укусил, и я его сразу выронил. Юпитер, прежде чем взять упавшего возле него жука, стал с обычной своей осторожностью искать листок или еще что-нибудь, чем защитить свои пальцы. В ту же минуту иония, одновременно, увидели этот пергамент; мне показалось тогда, что это бумага. Пергамент лежал полузарытый в песке, только один уголок его торчал на поверхности. Поблизости я приметил остов корабельной шлюпки. Видно, он пролежал здесь немалый срок, потому что от деревянной обшивки почти ничего не осталось.

Итак, Юпитер поднял пергамент, завернул в него золотого жука и передал его мне. Вскоре мы собрались домой. По дороге мы встретили лейтенанта Дж., я показал ему нашу находку, и он попросил у меня позволения взять жука с собой в форт. Я согласился, он быстро сунул жука в жилетный карман, оставив

пергамент мне. Лейтенант поспешил воспользоваться моим разрешением и спрятал жука, быть может, боясь, что я передумаю; вы ведь знаете, как горячо он относится ко всему, что связано с естествознанием. Я, в свою очередь, сунул пергамент в карман совсем машинально.

Вы помните, когда я подсел к столу, чтобы нарисовать жука, у меня не оказалось бумаги. Я заглянул в ящик, но и там ничего не нашел. Я стал рыться в карманах, рассчитывая отыскать какой-нибудь старый конверт, и нащупал пергамент. Я описываю с наивозможнейшей точностью, как пергамент попал ко мне: эти обстоятельства имеют большое значение.

Можете, если хотите, считать меня фантазером, но должен сказать, что уже в ту минуту я установил некоторую связь событий. Я соединил два звена длинной логической цепи. На морском побережье лежала шлюпка, неподалеку от шлюпки пергамент - не бумага, заметьте, пергамент, на котором был нарисован череп. Вы, конечно, спросите, где же здесь связь? Я отвечу, что череп - всем известная эмблема пиратов. Пираты, вступая в бой, поднимали на мачте флаг с изображением черепа.

Итак, я уже сказал, то была не бумага, пергамент. Пергамент сохраняется очень долго, то, что называется вечно. Его редко используют для ординарных записей уже потому, что писать или рисовать на бумаге гораздо легче. Это рождало мысль, что череп на нашем пергаменте был неспроста, а с каким-то особым значением. Я обратил внимание и на формат пергамента. Один уголок листа был по какой-то причине оборван, но первоначально пергамент был удлиненным. Это был лист пергамента, предназначенный для памятной записи, которую следует тщательно, долго хранить.

- Все это так, - прервал я Леграна, - но вы ведь сами сказали, что, когда рисовали жука на пергаменте, там не было черепа. Как же вы утверждаете, что существует некая связь между шлюпкой и черепом, когда вы сами свидетель, что этот череп был нарисован (один только бог знает кем!) уже после того, как вы нарисовали жука?

- А! Здесь-то и начинается тайна. Хотя должен сказать, что разгадка ее в этой части не составила для меня большого труда. Я не давал своим мыслям сбиться с пути, логика же допускала только одно решение. Рассуждал я примерно так. Когда я стал рисовать жука, на пергаменте не было никаких признаков черепа. Я кончил рисунок, передал его вам и пристально за вами следил, пока вы мне не вернули пергамент. Следовательно, не вы нарисовали там череп. Однако помимо вас нарисовать его было некому. Значит, череп вообще нарисован не был. Откуда же он взялся?

Тут я постарался припомнить с полной отчетливостью решительно все, что случилось в тот вечер. Стояла холодная погода (о, редкий, счастливый случай!), в камине пылал огонь. Я разогрелся от быстрой ходьбы и присел у стола. Ну а вы пододвинули свое кресло еще ближе к камину. В ту же минуту, как я передал вам пергамент и вы стали его разглядывать, вбежал Волк, наш ньюфаундленд, и бросился вас обнимать. Левой рукой вы гладили пса, стараясь его отстранить, а правую руку с пергаментом опустили между колен, совсем близко к огню. Я побоялся даже, как бы пергамент не вспыхнул, и хотел уже вам об этом сказать, но не успел, потому что вы тут же подняли руку и стали снова его разглядывать. Когда я представил в памяти всю картину, то сразу уверился, что череп возник на пергаменте под влиянием тепла.

Вы, конечно, слыхали, что с давних времен существуют химические составы, при посредстве которых можно тайно писать и на бумаге и на пергаменте. Запись становится видимой под влиянием тепла. Растворите цафру в "царской водке" и разведите потом в четырехкратном объеме воды, чернила будут зелеными. Растворите кобальтовый королек в нашатырном спирте - они будут красными. Ваша запись вскоре исчезнет, но появится вновь, если вы

прогреете бумагу или пергамент вторично.

Я стал тщательно рассматривать изображение черепа на пергаменте. Наружный контур рисунка - я имею в виду очертания его, близкие к краю пергамента, - выделялся отчетливее. Значит, действие тепла было либо малым, либо неравномерным. Я тотчас разжег огонь и стал нагревать пергамент над пылающим жаром. Вскоре очертания черепа проступили более явственно; когда же я продолжил свой опыт, то по диагонали от черепа в противоположном углу пергамента стала обозначаться фигура, которую я сперва принял за изображение козы. Более внимательное изучение рисунка убедило меня, что это козленок.

- Ха-ха-ха! - рассмеялся я. - Конечно, Легран, я не вправе смеяться над вами, полтора миллиона долларов не тема для шуток, но прибавить еще звено к вашей логической цепи вам здесь не удастся. Пират и коза несовместны. Пираты не занимаются скотоводством; это - прерогатива фермеров.

- Но я же сказал вам, что это была не коза.

- Не коза, так козленок, не вижу большой разницы.

- Большой я тоже не вижу, но разница есть, - ответил Легран, - сопоставьте два слова kid (козленок) и Kidd! Доводилось ли вам читать или слышать о капитане Кидде? Я сразу воспринял изображение животного как иероглифическую подпись, наподобие рисунка в ребусе. "Подпись" я говорю потому, что козленок был нарисован на нашем пергаменте именно в том самом месте, где ставится подпись. А изображение черепа в противоположном по диагонали углу, в свою очередь, наводило на мысль о печати или гербе. Но меня обескураживало отсутствие главного - текста моего воображаемого документа.

- Значит, вы полагали, что между печатью и подписью будет письмо?

- Да, в этом роде. Сказать по правде, мною уже овладевало непобедимое предчувствие огромной удачи. Почему, сам не знаю. Это было, быть может, не столько предчувствие, сколько самовнушение. Представьте, глупая шутка Юпитера, что жук - из чистого золота, сильно подействовала на меня. К тому же эта удивительная цепь случайностей и совпадений!.. Ведь все события пришлись на тот самый день, выпадающий, может быть, раз в году, когда мы топим камин. А ведь без камина и без участия нашего пса, который явился как раз в нужный момент, я никогда не узнал бы о черепе и никогда не стал бы владельцем сокровищ.

- Хорошо, что же дальше?

- Вы, конечно, знаете, что есть множество смутных преданий о кладах, зарытых Киддом и его сообщниками где-то на атлантическом побережье. В основе этих преданий, конечно, лежат факты. Предания живут с давних пор и не теряют своей живучести; на мой взгляд, это значит, что клад до сих пор не найден. Если бы Кидд сперва спрятал сокровище, а потом пришел и забрал его, едва ли предания дошли бы до нас все в той же устойчивой форме. Заметьте, предания рассказывают лишь о поисках клада, о находке в них нет ни слова. Но если бы пират отрыл сокровище, толки о нем затихли бы. Мне всегда казалось, что какая-нибудь случайность, скажем, потеря карты, где было обозначено местонахождение клада, помешало Кидду найти его и забрать. О несчастье Кидда разведали другие пираты, без того никогда не узнавшие бы о зарытом сокровище, и их бесплодные поиски, предпринятые наудачу, и породили все эти предания и толки, которые разошлись по свету и дожили до нашего времени. Доводилось вам слышать хоть раз, чтобы в наших местах кто-нибудь отыскал действительно ценный клад?

- Нет, никогда.

- А ведь всякий знает, что Кидд владел несметным богатством. Итак, я сделал вывод, что клад остался в земле. Не удивляйтесь же, что во мне

родилась надежда, граничившая с уверенностью, что столь необычным путем попавший ко мне пергамент укажет мне путь к сокровищу Кидда.

- Что вы предприняли дальше?

- Я снова стал нагревать пергамент, постепенно усиливая огонь, но это не дало мне ничего нового. Тогда я решил, что, быть может, мешает грязь, наросшая на пергаменте. Я осторожно обмыл его теплой водой. Затем положил его на железную сковороду, повернув вниз той стороной, где был нарисован череп, и поставил сковороду на уголья. Через несколько минут, когда сковорода накалилась, я вынул пергамент и с невыразимым восторгом увидел, что кое-где на нем появились знаки, напоминавшие цифры и расположенные в строку. Я снова положил пергамент на сковороду и подержал еще над огнем. Тут надпись выступила вся целиком - сейчас я вам покажу.

Легран разогрел пергамент и дал его мне. Между черепом и козленком, грубо начертанные чем-то красным, стояли такие знаки:

53##+305))6*;4826)4#.)4#);806*;48+8||60))85;;]8*;:#*8+83(88)5*
+;46(;88*96*?;8)*#(;485);5*+2:*#(;4956*2(5*=4)8||8*;4069285);)
6+8)4##;1#9;48081;8:8#1;48+85;4)485+528806*81(#9;48;(88;4(#?34
;48)4#;161;:188;#?;

- Что ж! - сказал я, возвращая Леграну пергамент, - меня это не подвинуло бы ни на шаг. За все алмазы Голконды я не возьмусь решать подобную головоломку.

- И все же, - сказал Легран, - она не столь трудна, как может сперва показаться. Эти знаки, конечно, - шифр; иными словами, они скрывают словесную запись. Кидд, насколько мы можем о нем судить, не сумел бы составить истинно сложную криптограмму. И я сразу решил, что передо мной примитивный шифр, но притом такой, который незатейливой фантазии моряка должен был показаться совершенно непостижимым.

- И что же, вы сумели найти решение?

- С легкостью! В моей практике встречались шифры в тысячу раз сложнее. Я стал заниматься подобными головоломками благодаря обстоятельствам моей жизни и особым природным склонностям и пришел к заключению, что едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, которую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы раскрыть. Прямо скажу, если текст зашифрован без грубых ошибок и документ в приличной сохранности, я больше ни в чем не нуждаюсь; последующие трудности для меня просто не существуют.

Прежде всего, как всегда в этих случаях, возникает вопрос о языке криптограммы. Принцип решения (в особенности это относится к шифрам простейшего типа) в значительной мере зависит от языка. Выяснить этот вопрос можно только одним путем, испытывая один язык за другим и постепенно их исключая, пока не найдешь решение. С нашим пергаментом такой трудности не было; подпись давала разгадку. Игра словами kid и Kidd возможна лишь по-английски. Если б не это, я начал бы поиски с других языков. Пират испанских морей скорее всего избрал бы для тайной записи французский или испанский язык. Но я уже знал, что криптограмма написана по-английски.

Как видите, текст криптограммы идет в сплошную строку. Задача была бы намного проще, если б отдельные слова были выделены просветами. Я начал тогда бы с анализа и сличения более коротких слов, и как только нашел слово из одной буквы (например, местоимение я или союз и), счел бы задачу решенной. Но просветов в строке не было, и я принялся подсчитывать однотипные знаки, чтобы узнать, какие из них чаще, какие реже встречаются в криптограмме. Закончив подсчет, я составил такую таблицу:

Знак 8 встречается 34 раза

знак ; встречается 27 раз

знак 4 встречается 19 раз
знак) встречается 16 раз
знак # встречается 15 раз
знак * встречается 14 раз
знак 5 встречается 12 раз
знак 6 встречается 11 раз
знак + встречается 8 раз
знак 1 встречается 7 раз
знак 0 встречается 6 раз
знак 9 и 2 встречается 5 раз
знак : и 3 встречается 4 раза
знак ? встречается 3 раза
знак || встречается 2 раза
знак = и] встречается 1 раз.

В английской письменной речи самая частая буква - е. Далее идут в нисходящем порядке а, о, i, d, h, n, r, s, t, u, y, c, f, g, I, m, w, b, k, p, q, x, z. Буква е, однако, настолько часто встречается, что трудно построить фразу, в которой она не занимала бы господствующего положения.

Итак, уже сразу у нас в руках путеводная нить. Составленная таблица, вообще говоря, может быть очень полезна, но в данном случае она нам понадобится лишь в начале работы. Поскольку знак 8 встречается в криптограмме чаще других, мы примем его за букву е английского алфавита. Для проверки нашей гипотезы взглянем, встречается ли этот знак дважды подряд, потому что в английском, как вам известно, буква е очень часто удваивается, например в словах meet или fleet, speed или seed, seen, been, agree и так далее. Хотя криптограмма невелика, знак 8 стоит в нем дважды подряд не менее пяти раз.

Итак, будем считать, что 8 - это е. Самое частое слово в английском - определенный артикль the. Посмотрим, не повторяется ли у нас сочетание из трех знаков, расположенных в той же последовательности, и оканчивающееся знаком 8. Если такое найдется, это будет, по всей вероятности, определенный артикль. Приглядевшись, находим не менее семи раз сочетание из трех знаков ;48. Итак, мы имеем право предположить, что знак ; - это буква t, а 4 - h; вместе с тем подтверждается, что 8 действительно е. Мы сделали важный шаг вперед.

То, что мы расшифровали целое слово, потому так существенно, что позволяет найти границы других слов. Для примера возьмем предпоследнее из сочетаний этого рода ;48. Идущий сразу за 8 знак ; будет, как видно, начальной буквой нового слова. Выписываем, начиная с него, шесть знаков подряд. Только один из них нам незнаком. Обозначим теперь знаки буквами и оставим свободное место для неизвестного знака:

t.eeth

Ни одно слово, начинающееся на t и состоящее из шести букв, не имеет в английском языке окончания th, в этом легко убедиться, подставляя на свободное место все буквы по очереди. Потому мы отбрасываем две последние буквы как посторонние и получаем:

t.ee

Для заполнения свободного места можно снова взяться за алфавит. Единственным верным прочтением этого слова будет:

tree (дерево).

Итак, мы узнали еще одну букву - г, она обозначена знаком (, и мы можем теперь прочитать два слова подряд:

the tree

Немного дальше находим уже знакомое нам сочетание ;48. Примем его опять за границу нового слова и выпишем целый отрывок, начиная с двух расшифрованных нами слов. Получаем такую запись:

the tree ;4(#?34 the

Заменим уже известные знаки буквами:

the tree thr # ? 3h the

А неизвестные знаки точками:

the tree thr...h the

Нет никакого сомнения, что неясное слово - through (через). Это открытие дает нам еще три буквы - о, u и g, обозначенные в криптограмме знаками # ? и 3.

Внимательно вглядываясь в криптограмму, находим вблизи от ее начала группу знакомых нам знаков:

83(88

которое читается так: egree. Это, конечно, слово degree (градус) без первой буквы. Теперь мы знаем, что буква d обозначена знаком +.

Вслед за словом degree, через четыре знака, встречаем такую группу:

;46(;88*

Заменим, как уже делали раз, известные знаки буквами, а неизвестные точками:

th.rtee.

Сомнения нет, перед нами слово thirteen (тринадцать). К известным нам буквам прибавились i и n, обозначенные в криптограмме знаками 6 и *.

Криптограмма начинается так:

5 3 # # +

Подставляя по-прежнему буквы и точки, получаем:

.good

Недостающая буква, конечно, a, и, значит, два первые слова будут читаться так:

A good (хороший).

Чтобы теперь не сбиться, расположим знаки в виде такой таблицы.

5 означает a
+ означает d
8 означает e
3 означает g
4 означает h
6 означает i
* означает n
^ означает o
(означает r
; означает t

Здесь ключ к десяти главным буквам. Я думаю, нет нужды рассказывать вам, как я распознал остальные. Я познакомил вас с общей структурой шифра и, надеюсь, что убедил, что он поддается разгадке. Повторяю, впрочем, что криптограмма - из самых простейших. Теперь я даю вам полный текст записи. Вот она в расшифрованном виде:

"A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat twenty one degrees and thirteen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out".

(Хорошее стекло в трактире епископа на чертовом стуле двадцать один градус и тринадцать минут северо-северо-восток главный сук седьмая ветвь восточная сторона стреляй из левого глаза мертвой головы прямая от дерева через выстрел на пятьдесят футов.)

- Что же, - сказал я, - загадка осталась загадкой. Как перевести на человеческий язык всю эту тарабарщину: "трактир епископа", "мертвую голову", "чертов стул"?

- Согласен, - сказал Легран, - текст еще смутен, особенно с первого взгляда. Мне пришлось расчленить эту запись по смыслу.

- Расставить точки и запятые?

- Да, в этом роде.

- И как же вы сделали это?

- Я исходил из того, что автор намеренно писал криптограмму в сплошную строку, чтобы затруднить тем разгадку. Причем человек не слишком утонченный, задавшись такой целью, легко ударяется в крайность. Там, где в тексте по смыслу нужен просвет, он будет ставить буквы еще теснее. Взгляните на запись, и вы сразу увидите пять таких мест. По этому признаку я разделил криптограмму на несколько фраз:

"Хорошее стекло в доме епископа на чертовом стуле - двадцать один градус и тринадцать минут - северо-северо-восток - главный сук седьмая ветвь восточная сторона - стреляй из левого глаза мертвой головы - прямая от дерева через выстрел на пятьдесят футов".

- Запятые и точки расставлены, - сказал я, - но смысла не стало больше.

- И мне так казалось первое время, - сказал Легран. - Сперва я расспрашивал всех, кого ни встречал, нет ли где по соседству с островом Сэлливановым какого-нибудь строения, известного под названием "трактир епископа". Никто ничего не знал, и я уже принял решение расширить мои поиски и повести их систематичнее, как вдруг однажды утром мне пришло в голову, что, быть может, это название "трактир епископа" (bishop's hostel) нужно связать со старинной фамилией Бессопов (Bessop), владевшей в давние времена усадьбой в четырех милях к северу от нашего острова. Я пошел на плантацию и обратился там к неграм, старожилам этого края. После многих расспросов самая дряхлая из старушек сказала, что действительно знает место, которое называлось "трактиром епископа", и думает, что найдет его, но что это совсем не трактир и даже не таверна, а высокий скалистый утес.

Я обещал ей хорошо заплатить за труды, и после некоторых колебаний она согласилась пойти туда вместе со мной. Мы добрались до места без каких-либо приключений. Отпустив ее, я осмотрелся кругом. "Трактир" оказался нагромождением скал и утесов. Одна скала, стоявшая особняком, выделялась своей высотой и странностью формы, напоминая искусственное сооружение. Я добрался до самой ее вершины и стал там в смущении, не зная, что делать дальше.

Пока я раздумывал, взор мой упал на узкий выступ в скале, на восточном ее склоне, примерно в ярде от места, где я стоял. Выступ имел в ширину около фута и выдавался наружу дюймов на восемнадцать. За ним в скале была ниша, и вместе они походили на кресло с полой спинкой, какие стояли в домах наших прадедов. Я сразу понял, что это и есть "чертов стул" и что я проник в тайну записи на пергаменте.

"Хорошее стекло" могло означать только одно - подзорную трубу; моряки часто пользуются словом "стекло" в этом смысле. Нужно было смотреть отсюда в трубу, причем с заранее определенной позиции, не допускающей никаких отклонений. Слова "двадцать один градус и тринадцать минут" и "северо-северо-восток" указывали направление подзорной трубы. Сильно взволнованный своими открытиями, я поспешил домой, взял трубу и вернулся в "трактир епископа".

Опустившись на "чертов стул", я убедился, что сидеть на нем можно только в одном положении. Догадка моя таким образом подтверждалась. Я поднял

трубу. Направление по горизонтали было указано - "северо-северо-восток". Следовательно, "двадцать один градус и тринадцать минут" значили высоту над видимым горизонтом. Сориентировавшись по карманному компасу, я направил трубу приблизительно под углом в двадцать один градус и стал осторожно передвигать ее вверх, пока взор мой не задержался на круглом отверстии или просвете в листве громадного дерева, поднявшего высоко свою крону над окружающим лесом. В центре просвета я приметил белое пятнышко, но не мог сперва распознать, что это такое. Отрегулировав лучше трубу, я взглянул еще раз и ясно увидел человеческий череп.

Открытие окрылило меня, и я счел загадку решенной. Было ясно, что "главный сук, седьмая ветвь, восточная сторона" означают место, где надо искать череп на дереве, а приказ "стреляй из левого глаза мертвой головы" допускает тоже лишь одно толкование и указывает местонахождение клада. Надо было спустить пулю в левую глазницу черепа и потом провести "прямую", то есть прямую линию от ближайшей точки ствола через "выстрел" (место падения пули) на пятьдесят футов вперед. Там, по всей вероятности, и было зарыто сокровище.

- Все это выглядит убедительно, - сказал я, - и при некоторой фантастичности все же логично и просто. Что же вы сделали, покинув "трактир епископа"?

- Хорошенько приметив дерево, я решил возвращаться домой. В ту же минуту, как я поднялся с "чертова стула", круглый просвет исчез и, сколько я ни старался, я его больше не видел. В том-то и состояло все остроумие замысла, что просвет в листве дерева (как я убедился, несколько раз вставая и снова садясь) открывался зрителю с одной лишь единственной точки, с узкого выступа в этой скале.

К "трактиру епископа" мы ходили вместе с Юпитером, который, конечно, приметил за эти дни, что я веду себя как-то странно, и потому не отставал от меня ни на шаг. Но назавтра я встал чуть свет, ускользнул от его надзора и ушел один в горы разыскивать дерево. Разыскал я его с немалым трудом. Когда я вернулся вечером, Юпитер, как вы уже знаете, хотел отдубасить меня. О дальнейших событиях я могу не рассказывать. Они вам известны.

- Значит, - сказал я, - первый раз вы ошиблись местом из-за Юпитера; он опустил жука в правую глазницу черепа вместо левой?

- Разумеется! Разница в "выстреле", иными словами, в положении колышка не превышала двух с половиной дюймов, и если бы сокровище было зарыто под деревом, ошибка была бы пустячной. Но ведь линия через "выстрел" лишь указывала нам направление, по которому надо идти. По мере того как я удалялся от дерева, отклонение все возрастало, и когда я прошел пятьдесят футов, клад остался совсем в стороне. Не будь я так свято уверен, что сокровище здесь, наши труды пропади бы даром.

- Не пиратский ли флаг внушил Кидду эту странную выдумку с черепом, в пустую глазницу которого он велит опускать пулю? Обрести драгоценный клад через посредство зловещей эмблемы пиратов - в этом чувствуется некий поэтический замысел.

- Быть может, вы правы, хотя я лично думаю, что практический смысл играл здесь не меньшую роль, чем поэтическая фантазия. Увидеть с "чертова стула" столь малый предмет можно только в единственном случае - если он будет белым. А что тут сравнится с черепом? Череп ведь не темнеет от бурь и дождей. Напротив, становится все белее...

- Ну а ваши высокопарные речи и верчение жука на шнурке?! Что за странное это было чудачество! Я решил, что вы не в себе. И почему вам вдруг вздумалось опускать в глазницу жука вместо пули?

- Что же, не скрою! Ваши намеки на то, что я не в себе, рассердили

меня, и я решил отплатить вам маленькой мистификацией в моем вкусе. Сперва я вертел жука на шнурке, а потом решил, что спущу его с дерева. Кстати, сама эта мысль воспользоваться жуком вместо пули пришла мне на ум, когда вы сказали, что поражены его тяжестью.

- Теперь все ясно. Ответьте еще на последний вопрос. Откуда взялись эти скелеты в яме?

- Об этом я знаю не больше вашего. Тут допустима, по-видимому, только одна догадка, но она предполагает дьявольскую жестокость. Понятно, что Кидд - если именно он владелец сокровища, в чем я совершенно уверен, - не мог обойтись без подручных. Когда они, выполнив все, что им было приказано, стояли внизу в яме, Кидд рассудил, наверно, что не нуждается в лишних свидетелях. Два-три удара ломом тут же решили дело. А может, и целый десяток - кто скажет?

- **"Золотой жук" Эдгара По - издания в разных странах с иллюстрациями разных художников**

К.Г. Паустовский - "Похождения жука-носорога"

"Солдатская сказка" Константина Георгиевича Паустовского давно была намечена к помещению в этом разделе, так как это несомненно классическое произведение и один из его героев - жук. **Н.А.Виноградов** первым скопировал текст для нашего сайта в одной из сетевых библиотек и прислал копии обложек двух изданий замечательной сказки. В апреле 2009 г. **Е.А.Кухаренко** добавила копию еще одной обложки, гдке жук-носорог изображен крупным планом.

Константин Георгиевич Паустовский

Похождения жука-носорога

(Солдатская сказка)

Когда Петр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Степа не знал, что подарить отцу на прощание, и подарил наконец старого жука-носорога. Поймал он его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорог сердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили. Но Степа его не выпускал, а подсовывал ему в коробок травинки, чтобы жук не умер от голода. Носорог травинки сгрызал, но все равно продолжал стучать и браниться.

Степа прорезал в коробке маленькое оконце для притока свежего воздуха. Жук высовывал в оконце мохнатую лапу и старался ухватить Степу за палец, - хотел, должно быть, поцарапать от злости. Но Степа пальца не давал. Тогда жук начинал с досады так жужжать, что мать Степы Акулина кричала:

- Выпусти ты его, лешего! Весь день жундит и жундит, голова от него распухла!

Петр Терентьев усмехнулся на Степин подарок, погладил Степу по головке шершавой рукой и спрятал коробок с жуком в сумку от противогаза.

- Только ты его не теряй, сбереги, - сказал Степа.

- Нешто можно такие гостинцы терять, - ответил Петр. - Уж как-нибудь сберегу.

То ли жуку понравился запах резины, то ли от Петра приятно пахло шинелью и черным хлебом, но жук присмирел и так и доехал с Петром до самого фронта.

На фронте бойцы удивлялись жуку, трогали пальцами его крепкий рог, выслушивали рассказ Петра о сыновьем подарке, говорили:

- До чего додумался парнишка! А жук, видать, боевой. Прямо ефрейтор, а не жук.

Бойцы интересовались, долго ли жук протянет и как у него обстоит дело с пищевым довольствием - чем его Петр будет кормить и поить. Без воды он, хотя и жук, а прожить не сможет.

Петр смущенно усмехался, отвечал, что жуку дашь какой-нибудь колосок - он и питается неделю. Много ли ему нужно.

Однажды ночью Петр в окопе задремал, выронил коробок с жуком из сумки. Жук долго ворочался, раздвинул щель в коробке, вылез, пошевелил усиками, прислушался. Далеко гремела земля, сверкали желтые молнии.

Жук полез на куст бузины на краю окопа, чтобы получше осмотреться. Такой грозы он еще не видал. Молний было слишком много. Звезды не висели неподвижно на небе, как у жука на родине, в Петровой деревне, а взлетали с земли, освещали все вокруг ярким светом, дымились и гасли. Гром гремел непрерывно.

Какие-то жуки со свистом проносились мимо. Один из них так ударил в куст бузины, что с него посыпались красные ягоды. Старый носорог упал, прикинулся мертвым и долго боялся пошевелиться. Он понял, что с такими жуками лучше не связываться, - уж очень много их свистело вокруг.

Так он пролежал до утра, пока не поднялось солнце. Жук открыл один глаз, посмотрел на небо. Оно было синее, теплое, такого неба не было в его деревне. Огромные птицы с воем падали с этого неба, как коршуны. Жук быстро перевернулся, стал на ноги, полез под лопух, - испугался, что коршуны его заклюют до смерти.

Утром Петр хватился жука, начал шарить кругом по земле.

- Ты чего? - спросил сосед-боец с таким загорелым лицом, что его можно было принять за негра.

- Жук ушел, - ответил Петр с огорчением. - Вот беда!

- Нашел об чем горевать, - сказал загорелый боец. - Жук и есть жук, насекомое. От него солдату никакой пользы сроду не было.

- Дело не в пользе, - возразил Петр, - а в памяти. Сынишка мне его подарил напоследок. Тут, брат, не насекомое дорого, дорога память.

- Это точно! - согласился загорелый боец. - Это, конечно, дело другого порядка. Только найти его - все равно что махорочную крошку в океане-море. Пропал, значит, жук.

Старый носорог услышал голос Петра, зажужжал, поднялся с земли, перелетел несколько шагов и сел Петру на рукав шинели. Петр обрадовался, засмеялся, а загорелый боец сказал:

- Ну и шельма! На хозяйский голос идет, как собака. Насекомое, а котелок у него варит.

С тех пор Петр перестал сажать жука в коробок, а носил его прямо в сумке от противогаза, и бойцы еще больше удивлялись: "Видишь ты, совсем ручной сделался жук!"

Иногда в свободное время Петр выпускал жука, а жук ползал вокруг, выискивал какие-то корешки, жевал листья. Они были уже не те, что в деревне. Вместо листьев березы много было листьев вяза и тополя. И Петр, рассуждая с

бойцами, говорил:

- Перешел мой жук на трофейную пищу.

Однажды вечером в сумку от противогаза подуло свежестью, запахом большой воды, и жук вылез из сумки, чтобы посмотреть, куда это он попал.

Петр стоял вместе с бойцами на пароме. Паром плыл через широкую светлую реку. За ней садилось золотое солнце, по берегам стояли ракиты, летали над ними аисты с красными лапами.

- Висла! - говорили бойцы, зачерпывали манерками воду, пили, а кое-кто умывал в прохладной воде пыльное лицо. - Пили мы, значит, воду из Дона, Днепра и Буга, а теперь попьем и из Вислы. Больно сладкая в Висле вода.

Жук подышал речной прохладой, пошевелил усиками, залез в сумку, уснул.

Проснулся он от сильной тряски. Сумку мотало, она подскакивала. Жук быстро вылез, огляделся. Петр бежал по пшеничному полю, а рядом бежали бойцы, кричали "ура". Чуть светало. На касках бойцов блестела роса.

Жук сначала изо всех сил цеплялся лапками за сумку, потом сообразил, что все равно ему не удержаться, раскрыл крылья, снялся, полетел рядом с Петром и загудел, будто подбодряя Петра.

Какой-то человек в грязном зеленом мундире прицелился в Петра из винтовки, но жук с налета ударил этого человека в глаз. Человек пошатнулся, выронил винтовку и побежал.

Жук полетел следом за Петром, вцепился ему в плечи и слез в сумку только тогда, когда Петр упал на землю и крикнул кому-то: "Вот незадача! В ногу меня задело!" В это время люди в грязных зеленых мундирах уже бежали, оглядываясь, и за ними по пятам катилось громовое "ура".

Месяц Петр пролежал в лазарете, а жука отдали на сохранение польскому мальчику. Мальчик этот жил в том же дворе, где помещался лазарет.

Из лазарета Петр снова ушел на фронт - рана у него была легкая. Часть свою он догнал уже в Германии. Дым от тяжелых боев был такой, будто горела сама земля и выбрасывала из каждой лощинки громадные черные тучи. Солнце меркло в небе. Жук, должно быть, оглох от грома пушек и сидел в сумке тихо, не шевелясь.

Но как-то утром он задвигался и вылез. Дул теплый ветер, уносил далеко на юг последние полосы дыма. Чистое высокое солнце сверкало в синей небесной глубине. Было так тихо, что жук слышал шелест листа на дереве над собой. Все листья висели неподвижно, и только один трепетал и шумел, будто радовался чему-то и хотел рассказать об этом всем остальным листьям.

Петр сидел на земле, пил из фляжки воду. Капли стекали по его небритому подбородку, играли на солнце. Напившись, Петр засмеялся и сказал:

- Победа!

- Победа! - отозвались бойцы, сидевшие рядом.

Один из них вытер рукавом глаза и добавил:

- Вечная слава! Стосковалась по нашим рукам родная земля. Мы теперь из нее сделаем сад и заживем, братцы, вольные и счастливые.

Вскоре после этого Петр вернулся домой. Акулина закричала и заплакала от радости, а Степа тоже заплакал и спросил:

- Жук живой?

- Живой он, мой товарищ, - ответил Петр. - Не тронула его пуля. Воротился он в родные места с победителями. И мы его выпустим с тобой, Степа.

Петр вынул жука из сумки, положил на ладонь.

Жук долго сидел, озирался, поводил усами, потом приподнялся на задние лапки, раскрыл крылья, снова сложил их, подумал и вдруг взлетел с громким жужжанием - узнал родные места. Он сделал круг над колодцем, над грядкой укропа в огороде и полетел через речку в лес, где аукались ребята, собирали грибы и дикую малину. Степа долго бежал за ним, махал картузом.

- Ну вот, - сказал Петр, когда Степа вернулся, - теперь жучище этот расскажет своим про войну и про геройское свое поведение. Соберет всех жуков под можжевельником, поклонится на все стороны и расскажет.

Степа засмеялся, а Акулина сказала:

- Будя мальчику сказки рассказывать. Он и впрямь поверит.

- И пусть его верит, - ответил Петр. - От сказки не только ребятам, а даже бойцам одно удовольствие.

- Ну, разве так! - согласилась Акулина и подбросила в самовар сосновых шишек.

Самовар загудел, как старый жук-носорог. Синий дым из самоварной трубы заструился, полетел в вечернее небо, где уже стоял молодой месяц, отражался в озерах, в реке, смотрел сверху на тихую нашу землю.

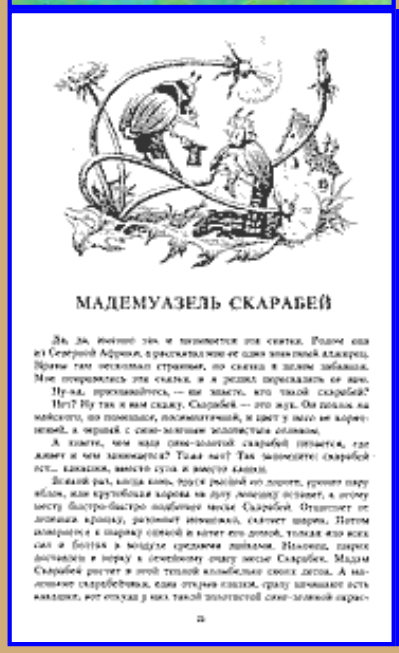
(c) "Книжная полка", http://www.rusf.ru/books/: 21.05.2002 15:35

Пьер Грипари - "Мадемуазель Скарабей"

Новый, но очень активный автор нашего сайта Рита Снайп обратила наше внимание на прелестную сказку известного во Франции, но малоизвестного у нас писателя Пьера Грипари.

Пьер Грипари - современный прозаик и драматург. Веселые сказки - лишь одна из сторон его творчества. Еще у него есть книга коротких, но очень емких пьес-шуток. Русские издатели и переводчики объединили под одной обложкой две книги П.Грипари - "Семь французских сказок" и "Семь пьес-шуток для детей". Получилась новая книга "Семь + семь", которой еще нет даже во Франции.

Пьер Грипари. Семь плюс семь (перевод З.Световой и Г.Сибиряковой) - Москва, СП "Прогресс-Ашет" и РИК "Культура". 1992. 144 с.



МАДЕМУАЗЕЛЬ СКАРАБЕЙ

Да, да, именно так и называется эта сказка. Родом она из Северной Африки, и рассказывала мне ее одна знакомая алжирец. Нравы там несколько странные, но сказка в целом забавная. Мне понравилась эта сказка, и я решил пересказать ее вам.

Ну-ка, признайтесь, — вы знаете, кто такой скарабей?

Нет? Ну так я вам скажу. Скарабей — это жук. Он похож на майского, но поменьше, посимпатичней, и цвет у него не коричневый, а черный с сине-зеленым золотистым отливом.

А знаете, чем наш сине-золотой скарабей питается, где живет и чем занимается? Тоже нет? Так запомните: скарабей ест... навозом, вместо супа и вместо кашки.

Всякий раз, когда конь, труся рысцой по дороге, уронит пару яблок, или крутобокая корова на лугу лепешку оставит, а этому месту быстро-быстро полетит мелкий Скарабей. Отщипает от лепешки кусочек, разомнет немножко, скатает шарик. Потом примостится к шарику спиной и катит его домой, толкая изо всех сил и болтая в воздухе задними лапками. Наконец, шарик дкатывается к норке в земляному очагу мелкие Скарабея. Мадам Скарабей рожает в этой теплой колыбельке своих детов. А маленькие скарабеятки, едва открыв глазки, сразу начинают есть кашицу, вот откуда у них такой золотистый сине-зеленый окрас-

ки рубашки. Что? Вы тоже хотите стать сине-зелеными скарабей-чиками? Ослышался? Не хотите ни за что на свете? А я вот еще не решил. И кто знает, может, в один прекрасный день...

Но послушайте, лишь в один прекрасный день произошла история. Мадемуазель Скарабей стала необычайно рано, причесала челку, умылась, причесалась, покусала губы, подвела глазки, накрасила губки, надела новую бархат и белоснежную юбку, надела шляпку с пропуском, хорошенькую-прехорошенькую и устроилась на лавочке возле дома у забора. Сидит, поглядывает по сторонам. Цок-цок, скачет мимо господин Конь. Видит — девица. Как не остановиться!

— Доброе утро, милая барышня! Вы пришли на мое свидание?

— Вовсе нет, я искать себе пару, вот я и принарядилась.

— Повезло мне! — обрадовался господин Конь. — А я собрался жениться. Выходите за меня замуж!

— Может, я выйду, — отозвалась прелестная мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Пусть поть и тешиться,
Не хотелось бы, друзья,
Твой услышать голосок!

Господин Конь мигом кучкался в галоп — бум! — трах! — тарарам! И заиграл: Иго-го-го! Иго-го-го!

Мадемуазель Скарабей затыкула в ужасе уши.

— Не пойду за тебя замуж! Ох тебя слишком много шума!

Заплакал господин Конь и ушел.

Не прошло и пяти минут, как на улицу выскочил господин Пес.

— Добрый день, красавица! Ты мне очень нравишься!

— Я надумала выйти замуж, вот и принарядилась!

— Ур-р-ра! — рявкнул господин Пес. — Я тоже по-р-ре-жениться. Давай поженимся!

— Может, и поженимся! — ответила мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Пусть поть и тешиться,
Не хотелось бы, друзья,
Твой услышать голосок!

Господин Пес тотчас заскулился, подпрыгнул себе: Гав! Гав! Гав! Р-р-р!

Мадемуазель Скарабей затыкула уши.

— Не буду твоей женой! Ох тебя слишком много!

Заплакал господин Пес и ушел.

Прошло еще полчаса. И на улице появился господин Кот, богатый жених.

— Честь имею, милая барышня! — заговорил он жирным гнусавым голосом. — С вами я посидеть рядом желал!

— Я ищу себе жениха.

— А я — невесту! Почему бы нам не жить с вами вместе?

— Может быть, и заживем, — ответила мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Пусть поть и тешиться,
Но хотелось бы, друзья,
Твой услышать голосок!

Господин Кот тут же начал стену и гнусаво промурлыкал:

— Мур-р-р! Мур-р-р!

Мадемуазель Скарабей затыкула уши.

— Не хочу! Голос у тебя гнусный!

Господин Кот медленно и ушел.

Сидит на лавочке мадемуазель Скарабей, смотрит на пустую улицу. Час сидит. Два сидит. Три сидит. И вдруг... по улице шествует жук. Да еще какой! Сам господин Скарабей. Видит мадемуазель Скарабей, остановливается и кланяется ей.

— Добрый день, прелестная мадемуазель Скарабей! Что вы здесь делаете?

— Сижу, скучаю. Думаю, не возьмет ли меня кто-нибудь замуж.

— Я бы вас взял с удовольствием! Давно мечтаю зажить своим домом с молодой хозяйкой!

— Но сначала придется провести испытание, — ответила мадемуазель Скарабей и запела:

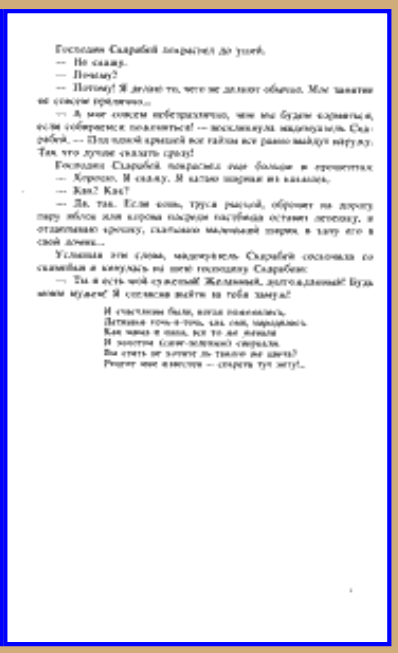
Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Пусть поть и тешиться,
Но хотелось бы, друзья,
Твой услышать голосок!

— А я... я не поэт... — потупился господин Скарабей.

— Не поешь? Не умеешь?

— Не умею. Не поэт.

— А что же ты делаешь? Чем занимаешь?



Господин Скарабей покраснел до ушей.

— Не сказу.

— Почему?

— Потому! Я делаю то, чего не делают обычно. Мое занятие не совсем прилично...

— А мне совсем неприлично, чем мы будем кормиться, если собираемся пожениться! — воскликнула мадемуазель Скарабей. — Или одной кашицей все гайки все равно выйдут наружу. Так что лучше сказать сразу!

Господин Скарабей покраснел еще больше и прошептал:

— Хорошо. Я сказу. Я катаю шарики из навозика.

— Как? Как?

— Да, так. Если конь, труся рысцой, обронит на дорогу пару яблок или корова подрыв пахбища оставит лепешку, я отщипываю кусочку, скатываю маленький шарик и тащу его в свой домик...

Услышав эти слова, мадемуазель Скарабей соскочила со скамейки и кинулась на шею господину Скарабею:

— Ты и есть мой суженый! Желанный, долгожданный! Будь моим мужем! Я согласна выйти за тебя замуж!

И счастливо были, когда поженились.
Летают год-в-год, как сыр, нарядились.
Как чинно и сыно, все то да ладили
И золотом (сине-зеленым) сверкали.
Вы спеть не хотите ль такую же песню?
Рецепт мне известен — спасать тут нету!..

Клиффорд Саймак - "Золотые жуки"

День начался отвратительно.

Артур Белсен, живущий по ту сторону аллеи, включил в шесть утра свой оркестр, чем и заставил меня подпрыгнуть в постели.

Белсен, скажу я вам, по профессии инженер, но его страсть - музыка. И поскольку он инженер, то не довольствуется тем, что наслаждается ею сам. Ему просто необходимо всполошить всех соседей. Год или два назад ему в голову пришла идея о симфонии, исполняемой роботами, и, надо отдать ему должное, он оказался талантливым человеком. Он принялся работать над своей идеей и создал машины, которые могли читать - не просто играть, но и читать музыку прямо с нот, - и смастерил машина для транскрипции нот. Затем он сделал несколько таких машин в своей мастерской в подвале.

И он их испытывал!

Вполне понятно, что то была экспериментальная работа, когда неизбежны переделки и настройки, а Белсен был очень придирчив к звукам, издаваемым каждой из его машин. Поэтому он много и подолгу их настраивал - и очень громко, - пока не получал то воспроизведение, которое, как он считал, должно было получиться.

Одно время соседи вяло поговаривали, что неплохо бы его линчевать, но разговор так и остался разговором. В этом-то и беда, одна из бед с нашими соседями - на словах они способны на что угодно, но на деле палец о палец не ударят.

Так что конца этому безобразию пока не было видно. Белсену потребовалось больше года, чтобы настроить секцию ударных инструментов, что само по себе было не подарок. Но теперь он взялся за струнные, а это оказалось еще хуже.

Элен села на постели рядом со мной и заткнула уши пальцами, но это ее не спасло. Белсен врубил свою пыточную машину на полную мощь, чтобы, как он говорил, лучше прочувствовать музыку.

По моим прикидкам, к этому времени он наверняка разбудил всю округу.

- Ну, началось, - сказал я, слезая с постели.

- Хочешь, я приготовлю завтрак?

- Можешь спокойно начинать, - отозвался я. - Еще никому не удалось спать, когда эта гадость включена.

Пока она готовила завтрак, я пошел в садик за гаражом поглядеть, как поживают мои георгины. Я вовсе не возражаю, если вы узнаете, что я обожаю георгины. Приближалось начало выставки, и несколько штук должны были расцвести как раз ко времени.

Я направился к садику, но не дошел. Это тоже одна из особенностей района, где мы живем. Человек начинает что-то делать и никогда не заканчивает, потому что всегда найдется кто-то, кто захочет с ним

поболтать.

На сей раз это оказался Добби. Добби - это доктор Добби Уэллс, почтенный старый чудак с бакенбардами на щеках, живущий в соседнем доме. Мы все зовем его Добби, и он ничуть не возражает, поскольку это в своем роде знак уважения, которое ему оказывают. В свое время Добби был довольно известным энтомологом в университете, и это имя ему придумали студенты.

Но теперь Добби на пенсии, и заняться ему особо нечем, если не считать длинных и бесцельных разговоров с каждым, кого ему удастся остановить.

Едва заметив его, я понял, что погиб.

- По-моему, прекрасно, - произнес Добби, облокачиваясь на свой забор и начиная дискуссию, едва я приблизился настолько, чтобы его расслышать, - что у человека есть хобби. Но я утверждаю, что с его стороны невежливо демонстрировать это так шумно и свет ни заря.

- Вы имеет в виду это? - спросил я, тыча пальцем в сторону дома Белсена, откуда продолжали в полную силу доноситься скрежет и кошачьи вопли.

- Совершенно верно, - подтвердил Добби, приглаживая седые бакенбарды с выражением глубокого раздумья на лице. - Но заметьте, я ни на одну минуту не перестаю восхищаться этим человеком...

- Восхищаться? - переспросил я. Бывают случаи, когда я с трудом понимаю Добби. Не столько из-за его привычки разговаривать напыщенно, сколько из-за манеры размышлять.

- Верно, - подтвердил Добби. - Но не из-за его машин, хотя они сами по себе электрическое чудо, а из-за того, как он воспроизводит свои записи. Созданная им машина для чтения нот - весьма хитроумное сооружение. Иногда она мне кажется почти что человеком.

- Когда я был мальчиком, - сказал я, - у нас было механическое пианино, которое тоже играло записанную музыку.

- Да, Рэндолл, вы правы, - признал Добби, - принцип схож, но исполнение - подумайте об исполнении! Все эти старые пианино лишь весело бренчали, а Белсену удалось передать самые тонкие нюансы.

- Должно быть, я не уловил этих нюансов, - ответил я, не выразив ни малейшего восхищения. - Все, что я слышал - просто бред.

Мы говорили о Белсене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Едва я уселся за стол, она начала зачитывать свой черный список.

- Рэндолл, - решительно произнесла она, - на кухне опять кишат муравьи. Они такие маленькие, что их почти не видно, зато они пролезают в любую щель.

- Я думал, ты от них уже избавилась.

- Да, раньше. Я выследила их гнездо и залила его кипятком. Но на сей раз этим придется заняться тебе.

- Будь спокойна, непременно займусь, - пообещал я.

- То же самое ты говорил и в прошлый раз.

- Я уже было собрался; но ты меня опередила.

- Но это еще не все. На чердаке в вентиляционных щелях завелись осы. На днях они ужалили девочку Монтгомери.

Она хотела сказать еще что-то, но тут по лестнице скатился наш одиннадцатилетний сын Билли.

- Смотри, пап! - восторженно воскликнул он, протягивая мне небольшую пластиковую коробочку. - Таких я раньше никогда не видел!

Я мог не спрашивать, кого он еще не видел. Я знал, что это очередное насекомое. В прошлом году - марки, в этом - насекомые, и это еще одно следствие того, что рядом живет энтомолог, которому нечем заняться.

Я нехотя взял коробочку в руки.

- Божья коровка.

- А вот и нет, - возразил Билли. - Этот жук гораздо больше. И точки другие, и цвет не тот. Этот золотой, а божьи коровки оранжевые.

- Ну тогда поищи его в справочнике, - нетерпеливо сказал я. Парень был готов заниматься чем угодно, лишь бы не брать в руки книгу.

- Уже смотрел, - сказал Билли. - Всю перелистал, а такого не нашел.

- Боже мой, - в сердцах произнесла Элен, - сядь, наконец, за стол и позавтракай. Мало того что житья не стало от муравьев и ос, так еще ты целыми днями ловишь всяких других жуков.

- Мама, но это поучительно, - запротестовал Билли. - Так говорил доктор Уэллс, Он сказал, что существует семьсот тысяч видов насекомых...

- Где ты его нашел, сынок? - спросил я, немного устыдившись, что мы оба набросились на парня.

- Да в моей комнате.

- В доме! - завопила Элен. - Мало нам муравьев...

- Как только поем, покажу его доктору Уэллсу.

- А ты ему еще не надоел?

- Надеюсь, что надоел. - Элен поджала губы. - Этот самый Добби и приучил его заниматься глупостями.

Я отдал коробочку Билли. Тот положил ее рядом с тарелкой и принялся за еду.

- Рэндолл, - сказала Элен, приступая к третьему пункту обвинения, - я не знаю, что мне делать с Норой.

Нора - наша уборщица. Она приходит дважды в неделю.

- И что она на этот раз сделала?

- В том-то и дело, что ничего. Она просто-напросто не вытирает пыль. Помашет для вида тряпкой, и все. И ни разу еще не переставила лампу или вазу, чтобы протереть в этом месте.

- Ну, найди вместо нее кого-нибудь.

- Рэндолл, ты не понимаешь, о чем говоришь. Уборщицу найти очень трудно, и на них нельзя полагаться. Я говорила с Эми...

Я слушал и вставлял нужные замечания. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

Сразу после завтрака я пошел в контору. Было слишком рано для посетителей, но мне нужно было заполнить несколько страховых полисов и сделать еще кое-какого работу, так что было чем заняться лишние час-другой.

Около полудня мне позвонила очень взволнованная Элен.

- Рэндолл! - выпалила она безо всяких предисловий. - Кто-то бросил валун в самую середину сада.

- Повтори, пожалуйста, - попросил я.

- Ну, знаешь, такую большую каменную глыбу. Она раздавила все георгины.

- Георгины! - взвыл я.

- И самое странно, что не осталось никаких следов. Такую глыбу можно было привезти разве что на грузовике...

- Ладно, успокойся. Скажи мне лучше, камень очень большой?

- Да почти с меня.

- Быть того не может! - забушевал было я, но сразу постарался успокоиться. - Это какая-то дурацкая шутка. Кто-то решил подшутить.

Кто бы это мог сделать? Я задумался, но не припомнил никого, кто решился бы на такую канитель, чтобы этак пошутить. Джордж Монтгомери? Он человек здравомыслящий. Белсен? Тот слишком занят своей музыкой, чтобы отвлекаться. Добби? Но я не мог себе представить, чтобы он вообще когда-то шутил.

- Ничего себе шуточка! - сказала Элен. Никто из моих соседей, сказал я себе, этого не сделал бы. Все знали, что я выращивал георгины, дабы получить новые почетные ленточки на выставках.

- Я сегодня закончу работу пораньше, - сказал я, и посмотрю, что можно с ним сделать.

Хотя я знал, что сделать можно будет очень немногое и лишь оттащить его в сторону.

- Я буду у Эми, - сказала Элен. - Постараюсь вернуться пораньше.

Я положил трубку и занялся работой, но дело не клеилось. В голове были одни георгины.

Я кончил работать вскоре после полудня и купил в аптеке баллончик с инсектицидом. Этикетка утверждала, что средство эффективно против муравьев, тараканов, ос, тлей и кучи другой нечисти.

Когда я подошел к дому, Билли сидел на крыльце.

- Привет, сынок. Нечем заняться?

- Мы с Тони Гендерсоном поиграли в солдатики, да надоело.

Я поставил баллончик на кухонный стол и отправился в сад. Билли молча последовал за мной.

Глыба лежала в саду, точнехонько в середине клумбы с георгинами, и не была ни на сантиметр меньше, чем говорила Элен. Выглядела она странно. То был не просто щербатый кусок скалы, а почти правильный шар чистого красного света.

Я обошел ее вокруг, оценивая ущерб. Несколько георгинов уцелело, но самые лучшие погибли. Не было никаких следов, даже намека на то, каким образом этот камень оказался в саду. Он лежал в добрых десяти метрах от дороги, и чтобы перенести его сюда из грузовика, потребовался бы кран, но это было практически невыполнимо, потому что вдоль улицы тянулись провода.

Я подошел к глыбе и внимательно ее рассмотрел. Вся ее поверхность оказалась усеянной маленькими ямками неправильной формы, не более полудюйма в глубину, виднелись и тускло поблескивающие гладкие места, как будто часть первоначальной поверхности была сколота. Более темные и гладкие участки блестели, словно отполированный воск, и мне вспомнилось то, что я видел очень давно - когда один из моих приятелей ненадолго

увлекся коллекционированием минералов.

Я склонился над гладкой восковой поверхностью, и мне показалось, что я различаю внутри камня волнистые линии.

- Билли, ты знаешь, как выглядит агат? - спросил я.

- Не знаю, пап. Но Томми знает. Он просто охотится за разными камнями.

Он подошел поближе и стал рассматривать один из гладких участков, потом послюнявил палец и провел им по восковой поверхности. Камень заблестел, как атлас.

- Не уверен, - сказал он, - но, похоже, это агат.

Билли отошел немного и стал рассматривать камень с новым выражением на лице.

- Послушай, пап, если это действительно агат - я хочу сказать, если это один большой агат, - то он должен стоить кучу денег, так ведь?

- Не знаю. Наверное, должен.

- Может, целый миллион.

Я покачал головой.

- Ну уж не миллион.

- Я пойду приведу Томми, прямо сейчас.

Он молнией промчался мимо гаража, и я услышал, как он побежал по дорожке к воротам в сторону дома Томми.

Я несколько раз обошел валун и попытался прикинуть его вес, но не знал, как это делается.

Потом вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом, снял колпачок и нажал на распылитель. Он работал.

Закончив приготовления, я опустился на колени у кухонного порога и попытался отыскать дорожку, по которой муравьи проникали в дом. Я не видел ни одного, но по прошлому опыту знал, что они чуть крупнее песчинки и к тому же почти прозрачные, так что увидеть их очень трудно.

Краем глаза я заметил что-то блестящее, движущееся в одном из углов кухни. Я повернулся и увидел блестящий золотой комочек, бежавший по полу вдоль плинтуса к ящику под раковиной.

Это была еще одна большая божья коровка.

Я направил на нее баллончик и нажал кнопку, но коровка продолжала ползти и вскоре скрылась под ящиком.

Когда жук уполз, я продолжил поиски муравьев, но не нашел даже их следов. Ни один не ползал по полу, Ни один не вылезал. Не было их ни в раковине, ни на столе.

Поэтому я вышел, завернул за угол дома и приступил к операции "Оса". Я знал, что она окажется непростой. Гнездо располагалось в вентиляционной щели чердака, и добраться до него будет трудновато. Разглядывая его с улицы, я решил, что единственный выход - дождаться ночи, когда можно быть полностью уверенным, что все осы сидят в гнезде. Я приставлю лестницу, подберусь к гнезду и задам им по первое число, после чего постараюсь слезть вниз с максимально возможной скоростью. Но не такой, чтобы свернуть себе шею. Если говорить честно, такое занятие меня мало привлекало, но по тону, каким Элен разговаривала за завтраком, я понял, что мне не отвертеться.

Вокруг гнезда летало несколько ос. Пока я смотрел, две осы упали из гнезда на землю.

Удивленный, я подошел поближе и увидел, что земля под гнездом усеяна мертвыми или умирающими осами. Пока я их разглядывал, упала еще одна оса и стала жужжать и вертеться.

Я немного отступил в сторону, чтобы получше рассмотреть, что происходит в гнезде, но лишь обнаружил, что время от времени вниз падает очередная оса. Я решил, что мне повезло. Если что-то убивает ос в гнезде, то мне не придется с ними возиться. Я уже хотел отнести инсектицид обратно на кухню, как с заднего двора прибежали запыхавшиеся Билли и Томми Гендерсон.

- Мистер Марсден, - сказал Томми, - этот ваш камень и в самом деле агат. Ленточный агат.

- Что ж, прекрасно, - отозвался я.

- Да вы не поняли! - воскликнул Томми. - Таких больших агатов не бывает. А ленточные, наиболее ценные, вообще не крупнее вашего кулака.

Тут до меня дошло. В голове у меня прояснилось, и я рванул вокруг дома, чтобы еще раз посмотреть на камень в саду. Мальчики помчались следом.

Камень был просто прекрасен. Я протянул руку и погладил его. Как мне повезло, подумал я, что кто-то забросил его в мой сад. Про георгины я к тому времени уже забыл.

- Готов поспорить, - сказал мне Томми, глядя на меня глазами размером с тарелку, - что вы получите за него кучу денег.

Не стану отрицать, что приблизительно такая же мысль пронеслась и в моей голове.

Я протянул руку и прижал ее к камню, просто чтобы почувствовать его твердость и реальность.

И камень слегка покачнулся! Удивившись, я толкнул посильнее, и он качнулся опять. Томми выпучил глаза.

- Странно, мистер Марсден. Вроде бы он двигаться не должен. Ведь в нем тонна, не меньше. Должно быть, вы очень сильный.

- Я не сильный, - ответил я. - По крайней мере, не настолько.

Неверной походкой я вошел в дом и спрятал инсектицид, потом вышел, уселся на ступеньках и задумался.

Мальчиков не было видно. Наверное, они побежали рассказывать обо всем соседям.

Если это агат, как сказал Томми, если это действительно один большой агат, то он должен представлять собой огромную музейную ценность и соответственно стоить. Но если это агат, то почему он такой легкий? Его и десять человек не должны были сдвинуть с места.

И еще, подумал я, каковы мои права на него, если это действительно агат? Он лежит на принадлежащей мне земле и, значит, мой. Но что, если появится кто-нибудь и предъявит на него права?

И еще: как он, в конце концов, попал ко мне в сад? Все эти мысли успели хорошо перепутаться у меня в голове, когда из-за угла выкатился Добби и уселся рядом со мной на ступеньках.

- Удивительные вещи происходят, - сказал он. - Слыхал, у вас в саду

появилась агатовая глыба.

- Так мне сказал Томми Гендерсон. Думаю, он не ошибся. Билли говорил, что он увлекается камнями.

Добби поскреб бакенбарды.

- Великая вещь - хобби, - сказал он. - Особенно для ребят. Они многое узнают.

- Ага, - вяло отозвался я.

- Ваш сын принес мне сегодня после завтрака насекомое для идентификации.

- Я велел ему не беспокоить вас.

- Я рад, что он мне его принес, - возразил Добби. - Такого мне не приходилось видеть.

- Смахивает на божью коровку.

- Да, - согласился Добби, - определенное сходство есть. Но я не совсем уверен... Короче, дело в том, что я не уверен даже, что это насекомое. Честно говоря, оно больше похоже на черепаху, чем на насекомое. У него нет никакой сегментации тела, которое есть у любого насекомого. Внешний покров чрезвычайно тверд, голова и ноги втягиваются и вытягиваются, усиков нет. - Он с легким недоумением покачал головой. - Конечно, я не могу быть полностью уверен. Необходимо более обширное исследование, прежде чем я попытаюсь провести классификацию. Вам случайно не доводилось найти еще несколько?

- Не так давно я видел, как один такой полз по полу.

- Вам не трудно будет в следующий раз, когда вы их увидите, поймать для меня одного?

- Ничуть, - сказал я. - Постараюсь поймать для вас парочку.

Я решил сдержать свое слово. После того как он ушел, я спустился в погреб и стал искать. Мне попались на глаза несколько штук жуков, но поймать я не смог ни одного. Я плюнул и сдался.

После ужина ко мне неожиданно зашел Артур Белсен. Он весь дрожал, но в этом не было ничего странного. Он вообще человек нервный, немного смахивает на птицу, и не требуется больших усилий, чтобы вывести его из равновесия.

- Я слышал, что камень в вашем саду оказался агатом, - сказал он мне. - Что вы собираетесь с ним делать?

- Ну, пока не знаю. Продам, наверное, если кто-нибудь захочет купить.

- Он может очень дорого стоить, - сказал Белсен. - Вы не должны оставлять его в саду просто так, без охраны. Кто-нибудь может его стащить.

- По-моему, я ничего здесь не могу поделать, - сказал я. - Сдвинуть его с места я не в состоянии, а сидеть рядом с ним всю ночь - не собираюсь.

- А вам и не нужно сидеть с ним всю ночь, - сказал Белсен. - Я все устрою. Мы сможем окружить его проводами и подключить к ним сигнализацию.

Его слова не произвели на меня большого впечатления, и я постарался его разубедить, но он вцепился в эту идею, как клещ. Он сходил в свой подвал и вернулся с мотком проводов и инструментами, и мы принялись за работу.

Мы провозились часов до одиннадцати, протягивая провода, и установили

сигнальный звонок возле кухонной двери. Элен посмотрела на него без одобрения. Она не выносила беспорядка на кухне и не собиралась менять свои принципы из-за какого-то агата.

В середине ночи звонок выбросил меня из постели, и я долго соображал, в чем дело. Затем я вспомнил и бросился вниз по лестнице. На третьей ступеньке сверху я наступил на что-то скользкое и загремел вниз. Я упал ничком и наткнулся на лампу, которая свалилась и аккуратно ударила меня по голове. Оглушенный, я привалился к стулу.

Мраморный шарик, подумал я. Проклятый мальчишка опять расшвырял их по всему дому. Он уже вырос из этого возраста. Он у меня узнает, как бросать шарики на лестнице.

В ярком лунном свете, льющемся в окно, я увидел шарик. И он быстро полз - не катился, а полз! И было еще много таких шариков, бегающих по полу. Блестящих в лунном свете золотых шариков.

И это еще не все - в центре комнаты стоял холодильник! Звонок продолжал громко звонить. Я поднялся, отшвырнул лампу и рванулся к кухонной двери. Элен что-то кричала за моей спиной, стоя на лестнице. Я открыл дверь и побежал босиком вокруг дома по мокрой от росы траве.

Возле глыбы стояла изумленная собака. Она ухитрилась запутаться лапой в одном из дурацких проводов и теперь стояла на трех лапах, пытаясь освободиться. Я заорал на нее, наклонился и стал шарить в траве, пытаясь отыскать что-нибудь, чтобы в нее бросить. Пес резко дернулся и освободился, потом побежал вверх по улице, болтая ушами.

Звонок за моей спиной смолк.

Я повернулся и поплелся к дому, чувствуя себя последним дураком.

Неожиданно я вспомнил, что видел стоящий посреди комнаты холодильник. Здесь что-то не так, подумал я. Он был на кухне, и никто его оттуда не вытаскивал. Не было никаких причин тащить его в комнату - его место на кухне. Никому бы и в голову не пришло его двигать, а если бы и пришло, то от шума проснулся бы весь дом.

Мне показалось, решил я. Этот камень и жуки довели меня до ручки, и мне уже стало мерещиться черт знает что.

Но мне не померещилось.

Холодильник стоял в центре комнаты. Штепсель был вывернут из розетки, шнур волочился по полу. Натекшая вода впиталась в ковер.

- Он мне погубит ковер! - завопила Элен, стоя в углу и глядя на заблудившийся холодильник. - И вся еда протухнет...

По ступенькам стал спускаться спотыкающийся полусонный Билли.

- Что случилось? - спросил он.

- Не знаю.

Я едва не рассказал ему о бегающих по дому жуках, но вовремя остановился. Не стоило еще больше раздражать Элен.

- Давайте поставим этот сундук на место, - предложил я насколько мог небрежно. - Втроем мы справимся.

Мы принялись толкать, пихать, сопеть и поднимать, и в конце концов водворили холодильник на место и включили в розетку. Элен отыскала несколько тряпок и стала осушать ковер.

- Был кто-нибудь у камня, пап? - спросил Билли.

- Собака, - ответил я. - И никого больше.

- Я с самого начала была против этой затеи, - объявила Элен, стоя на коленях и промакивая ковер тряпкой. - Сплошная глупость. Никто бы этот камень не украл. Его не так-то просто поднять и унести. Твой Артур Белсен просто псих.

- Тут я с тобой согласен, - уныло подтвердил я, - но он человек добросовестный и целеустремленный, и в голове у него одни механизмы...

- Теперь нам всю ночь не сомкнуть глаз, - сказала она. - Нам еще не раз придется вскакивать и выпутывать из проводов бродячих кошек и собак. И я не верю, что этот камень из агата. Почему я должна верить Томми Гендерсону?

- Томми разбирается в камнях, - сказал Билли, защищая своего приятеля. - Если он увидит агат, то ни с чем не спутает. У него дома этих агатов целая большая коробка из-под ботинок. И он их сам нашел.

И спорим-то мы о камне, подумал я, хотя больше всего нас должно волновать поразительное происшествие с холодильником.

И вдруг мне в голову пришла мысль - смутная, ускользающая, прилетевшая неизвестно откуда и - принялась вертеться у меня в мозгу.

Я отогнал ее, но она вернулась, впилась в меня и потрясла до глубины души.

Что, если между холодильником и жуками есть какая-то связь?

Элен поднялась с пола.

- Вот, - с вызовом произнесла она, - это все, что я смогла сделать. Надеюсь, ковер не испорчен.

Но жук, подумал я, жук не может сдвинуть холодильник. Ни один жук, ни тысяча. Более того, ни один жук не захочет этого делать. Жукам плевать, в кухне он стоит или в комнате.

Элен вела себя по-деловому. Она разложила мокрые тряпки сушиться, потом прошла в комнату и выключила в ней свет.

- Теперь можем идти в спальню, - сказала она. - Если повезет, то удастся немного поспать.

Я подошел к приколоченному возле кухонной двери звонку и выдрал из него провода.

- Вот теперь, - сказал я, - мы попробуем уснуть. Если честно, то уснуть я не надеялся. Я решил, что так всю ночь и не усну, потому что буду думать о холодильнике. Но все-таки уснул, хотя и ненадолго.

В половине седьмого меня снова разбудил оркестр Белсена.

Элен села и зажала уши.

- Нет, только не это!

Я встал и закрыл окно. Стало немного потише.

- Накрой голову подушкой, - посоветовал я.

Я оделся и спустился вниз. Холодильник стоял на кухне, все как будто было в порядке. По кухне ползало несколько жуков, но они ничего не делали.

Я приготовил себе завтрак, потом пошел на работу. Уже второй день я приходил в контору спозаранку. Если так пойдет и дальше, сказал я себе, соседи непременно соберутся и сделают что-нибудь с Белсеном и его симфонией.

Дела шли хорошо. За утро я продал три страховых полиса и договорился

о заключении четвертого.

Когда я вернулся в контору после обеда, меня уже поджидал какой-то тип с безумными глазами.

- Вы Марсден? - брякнул он. - Тот, у которого агатовая глыба.

- Так мне сказали, - ответил я.

Человек был невысок, одет в потрепанные брюки света хаки и грубые ботинки. На поясе висел геологический молоток - этакая штука с молотком на одном конце головки и острым отбойником на другом.

- Я услышал о нем, - сказал человек возбужденно и немного воинственно, - и не смог поверить. Таких больших агатов не бывает.

Мне не понравился его тон.

- Если вы пришли сюда спорить...

- Вовсе нет, - сказал он. - Меня зовут Кристиан Барр. Как вы поняли, я геолог-любитель. Увлекаюсь этим делом всю жизнь. Имею большую коллекцию. Получаю призы почти на каждой выставке. И я подумал, что если у вас есть такой образец...

- И что?

- Короче, если у вас есть такой камень, я мог бы его купить. Но сначала мне надо на него взглянуть.

Я нахлобучил на макушку шляпу.

- Пошли.

Увидев камень, Барр закружил вокруг него. Казалось, он впал в транс. Он слюнявил палец и смачивал гладкие места. Он наклонялся и разглядывал его. Он его щупал. Он бормотал что-то себе под нос.

- Ну? - спросил я.

- Это агат, - сказал Барр, затаив дыхание. - Очевидно, цельный, одной глыбой. Посмотрите на эту неровную, пупырчатую поверхность - это обратный отпечаток вулканической полости, внутри которой он образовался. А здесь характерная крапчатость, которая тоже должна быть. И в тех местах, где поверхность надколота, видны раковинообразные трещины. И конечно, есть признаки ленточности.

Он отцепил от пояса молоток и слегка стукнул по глыбе. Она загудела, словно огромный колокол.

Барр застыл, у него отвисла челюсть.

- Он не должен так звучать, - объяснил он мне сразу, как только немного пришел в себя. - Звук такой, словно он внутри пуст.

Он стукнул снова. Глыба опять загудела.

- Агат - удивительный материал, - сказал он. - Он тверже самой лучшей стали. Вы могли бы сделать из него колокол, если бы только были в состоянии его обработать.

Он прицепил молоток к поясу и, пригнувшись, стал рассматривать глыбу со всех сторон.

- Возможно, это громовое яйцо, - пробормотал он. - Нет, не может быть. У громового яйца агат находится внутри, а не снаружи. И этот агат ленточный, а такие в громовых яйцах не встречаются.

- Что такое громовое яйцо? - спросил я, но он не ответил. Сидя на корточках, он разглядывал нижнюю часть глыбы.

- Марсден, сколько вы за него просите?

- Назовите сумму сами, - ответил я. - Понятия не имею, сколько он может стоить.

- Даю тысячу за такой, какой он есть.

- Не согласен, - сказал я. Не скажу, что этого было мало, но в принципе глупо соглашаться с первой же названной суммой.

- Не будь он пустой, - заметил Барр, - он стоил бы гораздо больше.

- Вы не можете точно знать, что он пустой.

- Вы же сами слышали, как он звучал.

- А может, он так и должен звучать.

Барр потряс головой.

- Здесь все неправильно, - пожаловался он. - Ленточные агаты не бывают такими большими. Ни один агат не бывает пустым. И вы даже не знаете, откуда он взялся.

Я не ответил ему. Незачем было.

- Посмотрите, - сказал он немного погодя, - в нем дыра. Здесь, возле дна.

Я согнулся и посмотрел туда, куда указывал его палец. Там была круглая аккуратная дырка не более полудюйма диаметром. И не просто пробитая, а с четкими краями, словно ее высверлили.

Барр пошарил вокруг, нашел прочную травинку и очистил ее от листьев. Она вошла в дыру фута на два. Барр отклонился назад и замер, глядя на валун.

- Он пустой, это уж точно, - сказал он. Я не обращал на него особого внимания, потому что меня понемногу начал прошибать пот еще от одной сумасшедшей мысли: "Эта дыра как раз такого диаметра, что через нее может пролезть один из тех жуков".

- Вот что я вам скажу, - произнес Барр. - Даю две тысячи и забираю прямо сейчас.

Я затряс головой, чтобы отделаться от того странного состояния, в котором связал воедино жуков и глыбу - ведь в глыбе была просверлена дыра по размерам жука.

Я вспомнил, что почти так же связал воедино жуков и холодильник - хотя каждому должно быть очевидно, что жуки не могут иметь никакого отношения к холодильнику. Да и к глыбе.

Это не обычные жуки - ну, может, не совсем обычные, но все же жуки. Они задали задачку Добби, но сам же Добби первый скажет, что существует много неклассифицированных насекомых. Некоторые виды внезапно появляются неизвестно откуда и начинают процветать благодаря какому-то капризу экологии после многих лет тайного существования.

- Так вы говорите, что не возьмете две тысячи? - удивленно спросил Барр.

- Что? - спросил я, вернувшись на землю.

- Я только что предложил вам две тысячи за эту глыбу.

Я посмотрел на него долго и пристально. Он не был похож на человека, способного выбросить две тысячи ради хобби. Скорее всего он сразу углядел стоящего вещь и хочет приобрести ее за бесценок. Ему хочется захапать эту глыбу раньше, чем я узнаю ее истинную стоимость.

- Мне хотелось бы подумать, - осторожно произнес я. - Если я

соглашусь на ваше предложение, то как смогу с вами связаться?

Он грубовато мне объяснил и сразу попрощался. Его раздражало, что я не взял его две тысячи. Он протопал вокруг гаража. Немного позже я услышал, как он завел свою машину и уехал.

Я сидел на корточках и гадал, стоит ли соглашаться на две тысячи. Это большие деньги, и они мне пригодились бы. Но слишком уж он разволновался и слишком жадно на нее смотрел.

Зато в одном я теперь был уверен. Я не должен оставлять глыбу в саду. Она слишком ценная вещь, чтобы бросать ее без присмотра. Каким-нибудь способом мне надо перетащить ее в гараж, где можно ее запереть. У Джорджа Монтгомери есть блок и тачка. Может, я смогу их одолжить и передвинуть глыбу.

Я направился к дому, чтобы сообщить Элен хорошие новости, хотя и был уверен, что она прочтет мне целую лекцию о том, чтобы я не продавал камень за две тысячи.

Она встретила меня у двери кухни, обняла за шею и поцеловала.

- Рэндолл, - проворковала она, - это просто чудесно.

- Согласен, - ответил я, недоумевая, как она смогла обо всем узнать.

- Ты только посмотри на них! - воскликнула она. - Жуки чистят дом!

- Что они делают?! - рявкнул я.

- Пойди и посмотри, - настаивала она. - Видел ли ты когда-нибудь такое? Все просто сверкает!

Я поплелся за ней и, остановившись на пороге комнаты, с удивлением, граничащим с ужасом, уставился на происходящее.

Они работали целыми батальонами и очень целеустремленно. Одна группа обрабатывала спинку кресла, взбираясь по ней вверх четырьмя рядами. Зрелище было потрясающее: верхняя часть спинки была пыльной и тусклой, а нижняя - как новенькая.

Другая компания очищала от пыли стол, еще одна трудилась в углу над плинтусом, а небольшая армия наводила блеск на телевизор.

- Они вычистили весь ковер! - взвизгнула от восторга Элен. - В этом углу уже нет ни пылинки, а некоторые уже забрались в камин. Нору я не могла заставить даже притронуться к камину. А теперь мне не нужна Нора. Рэндолл, ты понимаешь, что эти жуки будут экономить нам двадцать долларов в неделю, которые мы платили Норе? Ты не будешь против, если я стану брать себе эти двадцать долларов? Мне так много нужно всего купить. У меня уже тысячу лет не было нового платья, мне нужна еще одна шляпка. А на днях я видела такие прелестные туфельки...

- Но жуки! - рявкнул я. - Ты же боишься жуков. Ты их терпеть не можешь. И к тому же жуки не чистят ковров. Они их жрут.

- Эти жуки хорошенькие, - запротестовала Элен. - И я их не боюсь. Это совсем не то, что муравьи или пауки. От них мурашки по спине не поползут. Они такие чистенькие, такие опрятные. Просто прелесть. Мне так нравится смотреть, как они работают. Собираются в такие симпатичные кучки и работают. Совсем как пылесос. Там, где они проползут, и пыль и грязь пропадают.

Я стоял, смотрел, как они усердно трудятся, и чувствовал, как по моей спине сверху вниз проводят ледяным пальцем. Потому что теперь я знал -

неважно, насколько это противоречит здравому смыслу; все, что я думал о холодильнике и глыбе, не было и наполовину так глупо, как могло показаться.

- Я пойду позвоню Эми, - сказала Элен, направляясь на кухню. - Разве можно скрывать такое необыкновенное событие? Быть может, мы и ей дадим несколько жуков? Как ты считаешь, Рэндолл? Немного для начала, чтобы они потом у нее развелись.

- Эй, подожди-ка, - окликнул я ее. - Это не жуки.

- А мне все равно, кто они такие, - небрежно отозвалась Элен, набирая номер Эми, - если они умеют чистить дом.

- Но, Элен, если ты меня выслушаешь...

- Ш-ш-ш, - игриво произнесла она, - как я смогу разговаривать с Эми, если ты... О, алло! Эми, это ты?..

Я понял, что все мои увещевания безнадежны, признал свое полное поражение и ушел.

Я направился в гараж, намереваясь расчистить в нем место для глыбы.

Дверь в гараж была распахнута. Внутри оказался Билли, который усердно трудился за верстаком.

- Привет, - произнес я насколько мог беззаботно. - Что ты тут мастеришь?

- Делаю ловушки для жуков, пап. Хочу поймать несколько из тех, что чистят дом. Томми - мой компаньон. Он пошел домой за приманкой.

- Приманкой?

- Ну да. Мы обнаружили, что им нравятся агаты.

Я протянул руку и ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. События стали развиваться слишком быстро, и я не успевал с ними освоиться.

- Мы испытали ловушки в подвале, - сказал Билли. - Перепробовали кучу приманок. Пробовали ловить на сыр, на яблоки, на дохлых мух и кучу всякой всячины, но жуки на них и не посмотрели. У Томми был в кармане агат, маленький такой кусочек. И мы попробовали ловить на него.

- Но почему агат, сынок? Самая что ни на есть неподходящая...

- Видишь ли, дело было так. Мы перепробовали все...

- Да, - сказал я. - Теперь я понял вашу логику.

- Беда в том, - сказал Билли, - что ловушки приходится делать из пластика. Это единственное, что их удерживает. В любом другом материале они тут же проделывают дырку.

- Погоди-ка, - перебил я его. - Когда вы наловите жуков, то что собираетесь с ними делать?

- Продавать, конечно, - сказал Билли. - Мы с Томми решили, что они всем будут нужны. Как только люди узнают, что они умеют чистить дом, все захотят их иметь. Мы думаем продавать полдюжины за пять долларов. Это куда дешевле пылесоса.

- Но разве могут шесть жуков...

- Они размножаются. Они должны очень быстро размножаться. День или два назад их было всего несколько штук, а теперь дом ими просто кишит.

Билли снова занялся ловушкой. Повозившись немного, он спросил:

- Может, ты хочешь войти в долю? Нам нужно немного денег. Надо купить еще пластика, чтобы наделать ловушек побольше и получше. Мы сможем на этом

хорошо заработать.

- Послушай, сынок, ты уже продал кому-нибудь жуков?

- Знаешь, мы пробовали, но нам никто не поверил. Поэтому мы решили подождать, пока мама не растрезвонит о них на всю округу.

- А что вы сделали с пойманными?

- Отнесли доктору Уэллсу. Я вспомнил, что ему хотелось получить несколько штук. Ему мы их дали бесплатно.

- Билли, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

- Конечно. Что?

- Не продавай ни одного жука. По крайней мере сейчас. Пока я не разрешу.

- Но послушай, пап...

- Мне кажется... Я думаю, что эти жуки не с Земли.

- Похоже на то. Мы с Томми тоже так решили.

- Что?

- Дело вот как было. Сначала мы решили продавать их просто так, потому что они очень интересные на вид. Это было еще до того, как мы узнали, что они могут чистить дома. Мы подумали, что кто-нибудь захочет их купить, потому что они не слишком похожи на обычных жуков, и мы решили их как-нибудь назвать - чтобы лучше брали. И Томми сказал, что неплохо бы назвать их инопланетными жуками, например, марсианскими или еще как-нибудь. И тут мы задумались, и чем больше думали, тем больше нам казалось, что они и в самом деле с Марса. Они же не насекомые и, насколько мы поняли, не что-либо другое. Они не похожи ни на что на Земле...

- Хорошо, - сказал я. - Хватит!!!

Таковы современные дети. С ними невозможно держаться на равных. Стоит решить, что все продумано и сделано, как появляются они и переворачивают все вверх ногами. И так все время.

- Сдается мне, - сказал я, - что когда вы все это придумывали, то заодно сообразили, как они могли к нам попасть.

- Мы не беремся утверждать, но у нас есть теория. Эта глыба в саду... мы нашли в ней дырку как раз размером с жука. Поэтому нам пришло в голову, что они вылезли оттуда.

- Ты мне не поверишь, сынок, - сказал я, - но я думаю точно так же. Но я никак не могу понять, какой энергией они пользовались. Что заставляло глыбу двигаться?

- Ну, пап, этого и мы не знаем. Но есть еще кое-что. Они могли питаться этой глыбой, пока летели. Скорее всего, поначалу их было только несколько штук. Они залезли в глыбу, это была их еда, ее могло хватить на несколько лет. И вот они ели агат, проели в нем пустоту, и он смог лететь быстрее. Ну, если и не быстрее, то двигать его стало немножко легче. Но они были очень осторожны и не проели в нем ни одной сквозной дыры, пока не приземлились и не пришло время вылезать.

- Но агат же просто камень...

- Ты плохо слушал, пап, - нетерпеливо произнес Билли. - Я ведь тебе говорил, что агат - единственная приманка, которая их привлекает.

- Рэндолл, - сказала Элен, направляясь по дорожке к гаражу. - Если ты не возражаешь, я хотела бы взять машину и съездить к Эми. Она хочет, чтобы

я ей все рассказала про этих жуков.

- Езжай, - согласился я. - Как ни крути, все равно день пропал. Я могу остаться дома.

Машина выехала из гаража и направилась к шоссе, а я сказал Билли:

- Отложи-ка все, пока я не вернусь.

- А ты куда?

- Хочу повидаться с Добби.

Я нашел Добби развалившимся на скамейке под яблоней. Лицо у него прямо-таки перекосилось от раздумий, но это не помешало ему болтать.

- Рэндолл, - сказал он, едва заметив меня, - у меня сегодня день печали. Всю свою жизнь я гордился, что профессионально точен в выбранной мною области науки. Но сегодня я не сдержался и сознательно, намеренно нарушил каждый из принципов экспериментального наблюдения и лабораторной техники.

- Ужасно, - сказал я, не понимая, что он имеет в виду. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Говоря с ним, частенько приходилось задумываться о том, куда он клонит.

- Это все ваши чертовы жуки! - выпалил он.

- Вы хотели иметь несколько штук. Билли вспомнил и принес их вам.

- Я тоже о них помнил. Мне хотелось продолжить их изучение, Вскрыть одного из них и посмотреть, как он устроен. Возможно, вы помните, что я упоминал о твердости их панцирей?

- Да, конечно, помню.

- Рэндолл, - печально произнес Добби, - поверите ли вы мне, что этот панцирь оказался настолько твердым, что я не смог с ним справиться? Я не смог его разрезать и не смог проколоть. И знаете, что я тогда сделал?

- Понятия не имею, - объявил я несколько раздраженно. Я надеялся, что он быстро доберется до сути, но торопить его было бесполезно. Предоставленное ему время он всегда использовал полностью.

- Ну, так я вам скажу! - вскипел Добби. - Я взял одного из этих мерзавцев и положил на наковальню. Затем я взял молоток - и отвел душу. Скажу вам честно, я не горжусь тем, что сделал. Это во всех отношениях наиболее неподходящий лабораторный прием.

- Меня это мало волнует, - сказал я. - Могли бы просто упомянуть об этом, как о необычном обстоятельстве. Важно, как мне кажется, то, что вы узнали о жуке... - Тут мне в голову пришла страшная мысль. - Только не говорите, что молоток его не взял!

- Как раз наоборот, - отметил Добби с некоторым удовлетворением. - Он прекрасно сработал. Разнес его в порошок.

Я уселся на скамейку рядом с ним и приготовился ждать. Я знал, что он мне все расскажет - дай только время.

- Удивительная вещь, - молвил Добби. - Да, удивительнейшая. Жук состоял из кристаллов - или еще из чего-то, что выглядело как чистейший кварц. В нем не было протоплазмы. Или, по крайней мере, - рассудительно отметил он, - я ее не нашел.

- Кристаллический жук! Но это невозможно!

- Невозможно, - согласился Добби. - Конечно, по всем земным стандартам. Это противоречит всему тому, что мы знаем. Но возникает

вопрос: могут ли наши земные стандарты хотя бы в некоторой степени быть универсальными?

Я сидел, молчал и чувствовал большое облегчение от того, что кто-то еще думает так же, как я. Это доказывало, хотя и неопределенно, что я еще не свихнулся.

- Конечно, - сказал Добби, - подобное должно было когда-нибудь случиться. Рано или поздно какой-нибудь инопланетный разум нас бы отыскал. И, зная это, мы воображали чудовищ и всякие ужасы, но у нас не хватило фантазии представить себе истинную степень ужа...

- Пока нет никаких причин, - резко произнес я, - опасаться этих жуков. Они могут оказаться полезными союзниками. Даже сейчас они с нами сотрудничают. Похоже, они предлагают своего рода сделку. Мы предоставляем им место для обитания, а они, в свою очередь...

- Вы ошибаетесь, Рэндолл, - с важным видом предостерег меня Добби. - Это чужаки. И не пытайтесь даже на секунду поверить в то, что у них с людьми могут быть хоть какие-то общие цели. Их жизненные процессы, какими бы они ни были, совершенно не схожи с нашими. Такова же должна быть и их точка зрения. По сравнению с ними даже паука можно назвать вашим кровным братом.

- Но у нас в доме были муравьи и осы, и они прогнали их.

- Может, они их и прогнали. Но это не было, я уверен, проявлением доброй воли. С их стороны это не было попыткой сблизиться с человеком, на чьей планете им случилось найти прибежище, или разбить лагерь, или захватить плацдарм - называйте это как хотите. Я сильно сомневаюсь, что они вообще осознают ваше присутствие, разве что вы им кажетесь таинственным и непонятным чудовищем, которым пока нет времени заняться. Да, они убили насекомых, но для них это было действие, совершенное на уровне, сходном с их собственным. Насекомые могли просто путаться у них под ногами, или они увидели в них возможную угрозу или помеху.

- Но даже если так, мы все равно можем использовать их, - нетерпеливо сказал я, - чтобы контролировать численность насекомых-паразитов или переносчиков инфекции.

- А можем ли? Что заставило вас так подумать? Ведь это будут не только паразиты, а все насекомые вообще. Согласитесь ли вы лишить растения тех, кто их опыляет?

- Возможно, вы и правы, - согласился я. - Но не станете же вы утверждать, что нам следует бояться жуков, пусть даже кристаллических? Даже если они и станут опасны, мы сможем найти способ справиться с ними.

- Я сидел тут, думал и пытался во всем разобраться, - сказал Добби, - и мне пришло в голову, что здесь мы, возможно, имеем дело с социальной концепцией, которую еще не встречали на своей планете. Я убежден, что жуки обязательно должны действовать по принципу коллективного разума. Мы имеем дело не с каждым поодиночке и не со всем их числом, а с неким целым, неким единым разумом и единым выражением целей и средств.

- Если вы действительно считаете их опасными, то что же нам делать?

- У меня есть наковальня и молоток.

- Бросьте шутить, Добби.

- Вы правы. Это не предмет для шуток и даже для молотка с

наковальней. Мое лучшее предложение заключается в том, что всю округу следует эвакуировать и сбросить сюда атомную бомбу.

Я увидел, что по дорожке сломя голову несется Билли.

- Папа! - вопил он. - Папа!

- Успокойся, - сказал я, сжав его руку. - В чем дело?

- Кто-то ломает мебель, - выпалил Билли, - и потом выбрасывает ее на улицу.

- Постой, ты в этом уверен?

- Сам видел! - вопил Билли. - Боже, что мама скажет?!

Я не стал мешкать и со всех ног помчался к дому. За мной по пятам топал Билли, замыкал цепочку Добби, бакенбарды которого тряслись, как козлиная борода.

Дверь в кухню была открыта, словно кто-то распахнул ее пинком, а на улице возле ступенек валялась куча мятой ткани и обломков разломанных стульев.

Я взлетел на крыльцо одним прыжком. Но, оказавшись у двери, я увидел летящую в меня кучу обломков и отскочил в сторону. Сплющенное и искореженное кресло, кувыркаясь, вылетело в дверь и приземлилось на кучу хлама.

К этому моменту я успел хорошо разозлиться. Я наклонился и выудил из кучи ножку стула. Ухватив ее покрепче, я бросился через кухню в комнату. Дубинку я уже держал наготове, словно видел того, на кого хотел ее обрушить.

Но в комнате никого не было. Холодильник снова стоял в центре, а вокруг него громоздилась куча кастрюль и сковородок. Из нее под дикими углами торчали пружины от бывшего кресла, а по ковру были рассыпаны болты, гайки, гвозди и несколько кусков проволоки.

Я услышал за спиной странное потрескивание и быстро обернулся на звук.

В углу медленно, умело и любовно разбиралось на части мое любимое кресло. Обивочные гвозди плавно вылезали из своих гнезд и падали на пол, тихонько позвякивая. Пока я смотрел, на пол упал болт, у кресла отвалилась ножка и оно опрокинулось. Гвозди продолжали вылезать.

Наблюдая эту картину, я почувствовал, как моя ярость медленно испаряется, а ее место занимает страх. Я похолодел, по спине пробежали мурашки.

Я начал потихоньку выбираться на улицу. Я не решился повернуться спиной к комнате, поэтому аккуратно пятился, держа дубинку наготове.

Наткнувшись на что-то, я взвизгнул, резко обернулся и замахнулся ножкой стула.

Это был Добби. Я вовремя остановил руку.

- Рэндолл, - спокойно сказал Добби, - это снова ваши жуки.

Он указал на потолок. Я поднял голову. Потолок был покрыт сплошным слоем золотистых спинок.

Увидев их, я успокоился и снова стал понемногу злиться. Я замахнулся и уже собрался бросить дубинку в потолок, когда Добби схватил меня за руку.

- Не надо их трогать! - крикнул он. - Откуда мы знаем, что они в

ответ сделают?

Я попытался вырвать руку, но он повис на ней и не отпускал.

- Мое продуманное мнение таково, - произнес он, продолжая удерживать меню, - что ситцами зашла слишком далеко, чтобы с ней справилось частное лицо.

Я сдался. Было несолидно пытаться вырвать руку из цепких пальцев Добби, к тому же я стал соображать, что дубинка - неподходящее оружие для борьбы с жуками.

- Может быть, вы и правы, - сказал я.

Я заметил, что в дверь подглядывает Билли.

- Уходи отсюда! - рявкнул я. - Ты сейчас на линии огня. Они почти покончили с креслом и сейчас выбросят его через дверь.

Билли исчез.

Я пошел на кухню и порылся в выдвижном ящике стола, пока не отыскал телефонного книгу, потом позвонил в полицию.

- Сержант Эндрюс слушает, - раздалось в трубке.

- Выслушайте меня внимательно, сержант. У меня здесь жуки...

- А у меня их разве нет? - весело спросил сержант.

- Сержант, - повторил я, стараясь говорить как можно рассудительней. - Я знаю, что это звучит смешно. Но это особый вид жуков. Они ломают мою мебель и выбрасывают ее на улицу.

- Вот что я тебе скажу, - все еще весело отозвался сержант. - Ложись-ка ты в постельку и постарайся проспаться. Если ты этого не сделаешь, мне придется засадить тебя в участок.

- Сержант, - сказал я. - Я совершенно трезв.

В трубке раздался щелчок. Телефон смолк. Я позвонил снова.

- Сержант Эндрюс.

- Вы только что повесили трубку! - заорал я. - Что вы хотели этим показать? Я трезвый, законопослушный, платящий налоги гражданин и прошу защиты. Даже если вы со мной не согласны, то хотя бы ведите себя вежливо. И если я говорю, что у меня жуки...

- Ладно, - устало произнес сержант, - ты сам напросился. Имя и адрес.

Я сказал.

- И еще, мистер Марсден.

- Что еще?

- Хорошо, если у вас действительно окажутся эти жуки. Для вашей же пользы. Не дай Бог, если их не будет.

Я швырнул трубку и обернулся. В кухню ворвался Добби.

- Посмотрите! Летит! - крикнул он.

Мое любимое кресло - вернее, то, что от него осталось - со свистом пронеслось мимо меня, ударилось о дверь и там застряло. Оно сильно задергалось, высвободилось и плюхнулось на кучу мусора на улице.

- Изумительно, - пробормотал Добби. - Просто изумительно. Но это многое объясняет.

- Так расскажите мне, что именно это объясняет! - гаркнул я.

Мне уже осточертело его бормотание.

- Телекинез, - произнес Добби.

- Теле... что?

- Ну, возможно, всего лишь телепортация, - робко уточнил Добби. - Это способность перемещать предметы усилием мысли.

- И вы считаете, что эта самая телепортация подтверждает вашу теорию коллективного разума?

Добби взглянул на меня с некоторым удивлением.

- Именно это я и имел в виду.

- Чего я не пойму, - отозвался я, - так только того, зачем они это делают?

- И не поймете, - сказал Добби. - Никто от вас этого и не ждет. Потому что никто не может претендовать на понимание мотивов чужого разума. Создается впечатление, что они собирают металл, и не исключено, что именно этим они и занимаются. Но этот голый факт мало о чем говорит. Истинное понимание их мотивов.

С улицы донесся вой полицейской сирены.

- Прибыли, - сказал я и бросился к двери.

Полицейская машина остановилась у кромки тротуара. Из нее вылезли двое.

- Вы Марсден? - спросил один из них. Я сказал, что да.

- Странно, - отозвался второй. - Сержант говорил, что тот мужик нажрался.

- Послушайте, - сказал первый, разглядывая кучу обломков возле кухонной двери, - что здесь происходит?

Через дверь вылетели две ножки от стула.

- Кто это там расшвырялся? - осведомился второй.

- Жуки, - ответил я. - Там только жуки и Добби. Думаю, он все еще там.

- Пошли, повяжем этого Добби, пока он не разнес всю хибару, - сказал первый.

Я остался на улице. Не было смысла заходить в дом вместе с ними. Они лишь задали бы кучу глупых вопросов, многие из которых я хотел бы задать сам.

Начала собираться небольшая толпа. Билли привел нескольких своих приятелей, а соседские женщины забегали от дома к дому, кудахча, как перепуганные наседки. Остановилось несколько машин, и их пассажиры присоединились к зевакам.

Я вышел на улицу и присел на бордюр.

Теперь, подумал я, все немного прояснилось. Если Добби оказался прав насчет телепортации - а все факты говорят об этом - то глыба могла быть кораблем, на котором жуки прилетели на Землю. Если они могут ломать мебель и выбрасывать ее на улицу, то они в состоянии тем же манером передвигать в пространстве что угодно. И не только эту глыбу.

Билли с его пытливым мальчишеским умом смог, как видно, угадать и другое - они выбрали эту глыбу, потому что она служила им пищей.

Недоумевающие полисмены вышли из дома и остановились возле меня.

- Скажите, мистер, у вас есть хоть какая-то идея насчет того, что происходит? - спросил один из них.

Я покачал головой.

- Поговорите с Добби. Он все расскажет.

- Он говорит, что эти жуки с Марса.

- Не с Марса, - возразил второй. - Это ты говорил, что они могут быть с Марса. Он сказал "со звезд".

- Этот старый чудак очень странно разговаривает, пожаловался первый. - Он так много сразу говорит, что не успеваешь переваривать.

- Джейк, - сказал второй, - надо бы что-то сделать с толпой. Нельзя, чтобы они стояли так близко.

- Я вызову по радио подмогу, - сказал Джейк.

Он подошел к полицейской машине и залез в нее.

- А вы будьте поблизости, - сказал второй.

- Я никуда не собираюсь уходить.

К этому времени собралась уже порядочная толпа. Остановились еще несколько машин, некоторые пассажиры повылезали, но большинство сидели внутри и смотрели. Набежала целая куча мальчишек, а женщины все шли и шли - наверное, даже те, что жили за несколько кварталов от нас. В нашем районе новости разлетаются быстро.

Черед двор легкой походкой прошел Добби. Он сел рядом со мной и принялся теребить бакенбарды.

- Глупо все это, - сказал он. - Да по-другому и быть не могло.

- Я никак не пойму, - отозвался я, - зачем они чистили дом? Зачем им нужно было, чтобы все заблестело, прежде чем они начали собирать металл. Должна же быть какая-то причина.

По улице промчалась машина и остановилась рядом с нами. Из нее выскочила Элен.

- Стоит мне отлучиться на минуту, - заявила она, - как обязательно что-нибудь да произойдет.

- Это твои жуки, - сказал я. - Твои миленькие жучки, которые так хорошо вычистили весь дом. Теперь они его дочищают.

- Почему же ты их не остановишь?

- Потому что не знаю как.

- Это инопланетяне, - спокойно сказал Добби. - Они прилетели откуда-то из космоса.

- Добби Уэллс, не лезьте не в свое дело! Все это из-за вас. Это вы заинтересовали Билли насекомыми! Все лето в доме был сплошной кавардак!

По улице мчался человек. Подбежав ко мне, он вцепился в мою руку. Это был Барр, геолог-любитель.

- Марсден, - возбужденно произнес он. - Я передумал. Я дам вам пять тысяч за этот камень. И чек выпишу прямо сейчас.

- Какой камень? - спросила Элен. - Глыба, что лежит в саду?

- Она самая, - подтвердил Барр. - Я должен ее иметь.

- Продай ее, - сказал Элен.

- Не продам, - ответил я.

- Рэндолл Марсден! - завопила она. - Ты не можешь вот так взять и плюнуть на пять тысяч! Ты только подумай, сколько можно...

- Я не могу ее продать за бесценок, - твердо ответил я. - Она стоит гораздо дороже. Теперь это не просто глыба агата. Это первый космический корабль, прилетевший на Землю. Я могу получить за него любую сумму.

Элен ахнула.

- Добби, - чуть слышно произнесла она, - он правду говорит?

- Думаю, - ответил Добби, - что на этот раз он прав.

Мы встали.

- Леди, - сказал полисмен Элен, - перегоните машину в другое место. А вы перейдите улицу, - велел он нам с Добби. - Как только приедут остальные, мы оцепим ваш дом.

Мы зашагали через улицу.

- Леди, - повторил полицейский, - отгоните машину.

- Если хотите остаться вместе, - предложил Добби, - то я отведу машину в сторону.

Элен дала ему ключи, и мы вдвоем перешли через дорогу. Добби сел в машину и уехал. Другим машинам полисмены тоже велели уехать.

Подъехало несколько полицейских машин. Из них выскочили люди: одни стали оттеснять толпу, другие начали окружать дом. Время от времени из дверей кухни продолжали вылетать обломки мебели, постельное белье, одежда, занавески. Куча росла на глазах.

Мы стояли на противоположной стороне улицы и смотрели, как разрушается наш дом.

- Скоро они должны закончить, - сказал я со странной отрешенностью. - Интересно, что будет дальше?

- Рэндолл, - со слезами произнесла Элен, - что нам теперь делать? Они испортили все мои вещи. А они... это все застраховано?

- Откуда я знаю? Никогда об этом не думал. В том-то и дело - такое никогда не приходило мне в голову. И кому - страховому агенту!

Я сам выписывал полис и теперь отчаянно пытался вспомнить, что там было напечатано мелким шрифтом. Мне стало не по себе. Ну как, спросил я себя, как можно было подобное предвидеть?

- В любом случае, - сказал я, - у нас есть кое-какие вещи. Мы сможем их продать.

- Мне кажется, тебе стоит согласиться на пять тысяч. Что, если приедет кто-нибудь из властей и увезет камень?

А ведь она права, подумал я. Это один из тех случаев, которые могуч весьма заинтересовать власти.

Я принялся раздумывать, стоит ли соглашаться на пять тысяч.

Трое полицейских пересекли двор, вошли в дом и почти сразу выскочили обратно. Следом за ними вылетел золотой рой. Жуки гудели, жужжали и летели так быстро, что, казалось, следом за ними в воздухе остаются золотистые полоски. Полицейские бежали зигзагом, спотыкаясь, ругаясь и размахивая руками над головами.

Толпа подалась назад и начала разбегаться. Полицейский кордон разорвался и удалился, пытаясь сохранить достоинство.

Я опомнился за соседским домом по ту сторону улицы и обнаружил, что продолжаю мертвой хваткой сжимать руку Элен. Она была зла, как оса.

- Незачем было меня так быстро волочить, - сказала она. - Сама бы добежала. Из-за тебя я потеряла туфли.

- Да наплюй ты на туфли, - резко ответил я. - Дело становится серьезным. Пойди отыщи Билли и уходите отсюда. Поезжайте к Эми.

- Ты знаешь, где Билли?

- Где-то здесь. Со своими приятелями. Походи, поищи ребят.

- А ты?

- Я останусь.

- Ты будешь осторожен, Рэндолл?

Я сжал ее плечо и поцеловал.

- Я буду осторожен. Ты ведь знаешь, какой из меня храбрец. А теперь иди и отыщи мальчишку.

Она ушла, затем вернулась.

- А мы вообще вернемся домой?

- Думаю, что да, - ответил я. - И скоро. Кто-нибудь придумает, как их выгнать.

Я смотрел ей вслед, и ложь, произнесенная вслух, наставила меня похолодеть.

Вернемся ли мы в свой дом, если рассуждать честно? И вернется ли весь мир, все человечество в свой дом? Не отнимут ли золотые жуки тот комфорт и уютную безопасность, которыми человек веками единолично обладал на своей планете?

Я отыскал туфли Элен и сунул их в карман. Затем вернулся за дом и выглянул из-за угла.

Жуки больше никого не преследовали, а образовав сверкающее кольцо, медленно кружились вокруг и чуть повыше дома. Было ясно, что это их патруль.

Я нырнул обратно за дом и сел на траву, прислонившись спиной к стене. Стоял теплый летний день, небо было чистое и голубое. В такие дни хорошо косить газон перед домом.

Слюнявый страх, подумал я, каким бы постыдным он ни был, можно понять и прогнать. Но холодную уверенность, с какой золотые жуки шли к своей цели, ту зловещую эффективность их действий понять было гораздо труднее.

И их безличная отрешенность, их полное пренебрежение к нам наполняли душу ледяным страхом.

Я услышал шаги, поднял глаза и вздрогнул. Передо мной стоял Артур Белсен. Он был печален.

В этом не было ничего необычного. Белсен мог расстроиться из-за любого пустяка.

- Я вас повсюду ищу, - быстро заговорил он. - Я только что встретил Добби, и он мне рассказал, что эти ваши жуки...

- Это не мои жуки, - резко возразил я. - Мне уже осточертело, что все считают их моими, словно я в ответе за то, что они явились на Землю.

- Ну, в общем, он сказал мне, что им нужен металл.

Я кивнул.

- За этим они и явились. Быть может, у них это большая ценность. Наверное, там, откуда они явились, его не очень много.

И я подумал об агатовой глыбе. Будь у них металл, наверняка они не воспользовались бы камнем.

- Я с таким трудом добрался до дома, - пожаловался Белсен. - Думал, что пожар. Несколько кварталов вокруг забито машинами, да еще огромная толпа. Еле пробился.

- Садитесь, - сказал я ему. - Бросьте терзаться.

Но он не обратил на мои слова внимания.

- У меня очень много металла, - сказал он. - Все эти машины в подвале. Я вложил в них много труда, времени и денег и не могу допустить, чтобы с ними что-то случилось. Как вы считаете, жуки будут расползаться?

- Расползаться?

- Ну да. Знаете, когда они покончат со всем, что есть в вашем доме, они могут начать перебираться в другие.

- Об этом я не подумал. Кажется, такое возможно.

Я сидел и думал о том, что он сказал, и представлял, как они захватывают дом за домом, вышвыривают весь металл, складывают его в одну большую кучу, которая покрывает целый квартал, а наконец и город.

- Добби сказал, что они кристаллические. Не странно ли, что есть такие жуки?

Я промолчал. В конце концов, он разговаривал сам с собой.

- Но кристалл не может быть живым, - запротестовал Белсен. - Кристалл - это вещество, из которого что-то делают, радиолампы и все прочее. В нем нет жизни.

- Не старайтесь переубедить меня, - отозвался я. - Если они и кристаллические, то тут я не в состоянии ничего изменить.

Мне показалось, что на улице поднялась какая-то суета. Я встал и выглянул из-за угла.

Поначалу я ничего не заметил. Все выглядело мирно. По улице возбужденно пробегали один или двое полицейских, но ничего вроде бы не происходило. Все было по-старому.

Затем от одной из полицейских машин, стоявших возле тротуара, медленно и почти величественно отделилась дверь и поплыла к открытой кухонной двери. Долетев до нее, она аккуратно развернулась влево и исчезла внутри.

Затем в воздухе промелькнуло автомобильное зеркальце. За ним последовала сирена. Оба предмета исчезли в доме.

Боже, сказал я себе, жуки взялись за машины!

Теперь я заметил, что у некоторых машин недостает капота и крыльев, а у других - дверей.

Теперь жуки нашли себе золотое дно, подумал я, Они не остановятся, пока не разденут машины до колес.

И еще я подумал, ощущая какую-то странную радость, что в доме просто не хватит места, чтобы запихать в него все разломанные машины. Интересно, что они станут делать, когда заполнят весь дом?

Пока я смотрел, через улицу в сторону дома бросилось несколько полицейских. Они успели достичь лужайки, когда их заметил жучиный патруль, и со свистом описав дугу, помчался им навстречу.

Полицейские убежали сломя голову. Патруль, сделав свое дело, снова закружил вокруг дома. В дверь опять принялись влетать крылья, дверцы, антенны, подфарники и другие предметы.

Откуда-то прибежала собака и стала перебегать лужайку, помахивая хвостом.

От патруля отделилась небольшая группа и помчалась к ней. Собака, напуганная свистом приближающихся жуков, повернулась, собираясь убежать.

Но не успела.

Послышался глухой звук, словно в нее попали пули.

Собака высоко подпрыгнула и упала на спину.

Жуки снова взмыли в воздух. В их рядах потерь не было.

Собака лежала, подергиваясь, на траву лилась кровь. Я резко отпрянул за угол. Меня мутило, я согнулся, с трудом сдерживаясь.

Наконец мне это удалось, и спазмы в желудке прекратились, Я выглянул из-за угла.

Все снова выглядело мирно. На лужайке валялась мертвая собака. Жуки разламывали автомобили. Все полицейские куда-то пропали. И вообще никого не было видно. Даже Белсен куда-то делся.

Теперь все изменилось, сказал я себе. Из-за собаки. До сих пор жуки были лишь загадкой; теперь они стали смертельной опасностью. Каждый из них был разумной винтовочной пулей.

Я вспомнил то, что всего лишь час назад сказал мне Добби. Всех эвакуировать, а затем сбросить атомную бомбу.

Дойдет ли дело до такого, подумал я. Неужели опасность настолько велика?

Никто пока еще так не думал, но со временем станет. Это всего лишь начало. Сегодня город встревожен и действует полиция; завтра губернатор может прислать солдат. Затем наступит черед федерального правительства. И к тому времени решение, предложенное Добби, станет единственным.

Пока еще жуки не расползлись. Но страх Белсена имел под собой основание - со временем они распространятся, расширяя плацдарм, захватывая квартал за кварталом, как только их станет больше. Билли был прав, когда говорил, что они размножаются быстро.

Я попытался представить, каким способом они могут размножаться, но так ничего и не придумал.

Конечно, сперва правительство попытается установить с ними контакт, наладить какую-нибудь связь - возможно, не с самими жуками, а, скорее всего, с их коллективным разумом, как предположил Добби.

Но можно ли установить контакт с такими существами? На каком интеллектуальном уровне пытаться это сделать? И какова может быть польза, даже если попытка удастся? Где искать основу для взаимопонимания между этими существами и людьми? Это была, конечно, не моя проблема, но, размышляя над ней, я увидел смертельную опасность - кто-то из людей, обладающих политической властью, кто бы он ни был, в поисках объективности может промедлить слишком долго.

Должен существовать способ остановить жуков; должен быть и способ контроля над ними. Прежде чем пытаться установить контакт, нам необходимо их сдержать.

И я вспомнил, как Билли говорил мне, что пойманного жука может удержать только пластиковая ловушка.

Я попытался догадаться, как он смог это узнать. Наверное, просто путем проб и ошибок. В конце концов, они с Томми Гендерсоном перепробовали разные ловушки. Пластик мог быть решением проблемы, над которой я думал. Но лишь в том случае, если мы начнем действовать раньше, чем они расползутся.

Но почему пластик? - подумал я. Какой из содержащихся в нем элементов не дает им вырваться, когда они попадают в ловушку? Какой-то фактор, который мы, возможно, и обнаружим при длительном и осторожном исследовании. Но сейчас это неважно; главное, что мы знаем, что пластик подходит.

Я постоял немного, обдумывая эту проблему и куда с ней направиться.

Я мог, конечно, пойти в полицию, но у меня было предчувствие, что там я немногого добьюсь. То же самое наверняка относится и к городским властям. Возможно, они и выслушают меня, но им, захочется все обсудить, собрать совещание, выслушать мнение какого-нибудь эксперта прежде, чем они станут что-либо предпринимать. А о том, чтобы обратиться к правительству в Вашингтон, сейчас нечего было и думать.

Беда в том, что пока еще никто не был серьезно напуган. Чтобы люди стали действовать быстро, как только могут, их надо грубо напугать - а у меня для этого было куда больше времени, чем у остальных. И тут я подумал о другом человеке, который был напуган не меньше, чем я.

Белсен.

Белсен мне поможет. Он здорово перепугался. Он инженер и наверняка сможет сказать, принесет ли пользу то, что я задумал. Он сможет рассчитать все действия. Он знает, где достать нужный нам пластик и определить самый подходящий тип. И он может знать кого-нибудь, к кому можно обратиться за советом.

Я вышел из-за дома и огляделся.

Вдалеке маячили несколько полицейских, но не очень много. Они ничего не делали, просто стояли и смотрели, как жуки трудились над их машинами. К этому времени твари успели полностью разобрать кузова и теперь принялись за двигатели. На моих глазах один из двигателей поднялся и поплыл к дому. Из него текло масло и отваливались комки грязи, смешанной со смазкой. Я представил, во что превратился любимый ковер Элен, и содрогнулся.

Тут и там виднелись кучки зевак, но все на порядочном расстоянии от дома.

Я решил, что без помех доберусь до дома Белсена, если обойду квартал, и зашагал.

Я гадал, будет ли Белсен дома, и боялся, что не застану его. Большинство домов по соседству выглядели пустыми. Но я не должен упускать этот шанс. Если Белсена не окажется дома, придется его разыскивать.

Я подошел к его дому, поднялся по ступенькам и позвонил. Никто не ответил, и я вошел.

- Белсен, - позвал я.

Он не ответил. Я крикнул снова.

Я услышал стук шагов по ступенькам. Дверь подвала распахнулась, из щели высунулась голова Белсена.

- А, это вы, - сказал он. - Рад, что вы пришли. Мне потребуется помощь. Я отослал свою семью.

- Белсен, я знаю, что мы можем сделать. Достать огромный кусок пластика и накрыть им дом. Тогда они не смогут вырваться. Может быть, удастся достать несколько вертолетов, хорошо бы четыре, для каждого угла по одному...

- Спускайтесь вниз, - велел Белсен. - Для вас найдется работа.

Я спустился вслед за ним в мастерскую. Там было опрятно, как и должно быть у такого чистюли, как Белсен.

Музыкальные машины стояли ровными и сверкающими рядами, рабочий стол безукоризненно чист, все инструменты на своих местах. В одном из углов стояла записывающая машина, она светилась лампочками, как рождественская елка.

Перед ней стоял стол, загроможденный книгами одни из них были раскрыты, другие свалены в кучи. Там же валялись исписанные листки бумаги. Скомканные и исчерканные листы усеивали пол.

- Я не должен ошибиться, - сказал мне Белсен, встревоженный, как всегда. - Все должно сработать с первого раза. Второй попытки не будет. Я потратил уйму времени на расчеты, но думаю, что своего добился.

- Послушайте, Белсен, - произнес я с некоторым раздражением, - не знаю, над какой заумной схемой вы работаете, но что бы это ни было, мое дело неотложное и гораздо более важное.

- Потом, - ответил Белсен, почти подпрыгивая от нетерпения. - Потом расскажете. Мне надо закончить запись. Я все рассчитал...

- Но я же говорю о жуках!

- А я о чем? - рявкнул Белсен. - Чем же я еще, по-вашему, занят? Вы ведь знаете, я не могу допустить, чтобы они добрались до моей мастерской и утащили все, что я построил!

- Но послушайте, Белсен...

- Видите эту машину? - перебил меня он, указывая на одну, самую маленькую. - Ею мы и воспользуемся. Она работает от батарей. Попробуйте подтащить ее к двери.

Он повернулся, подбежал к записывающей машине и сел перед ней на стул. Затем медленно и осторожно начал нажимать клавиши на панели. Машина зашумела, защелкала и замигала лампочками.

Я понял, что, пока он не закончит, с ним разговаривать бесполезно. И был, конечно, шанс, что он знает, что делает - или придумал какой-то способ защитить свои машины или остановить жуков.

Я подошел к машине. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Я начал ее толкать и смог передвинуть лишь на несколько дюймов, но я не сдавался.

И тут я понял, что придумал Белсен.

И удивился, почему не подумал об этом сам и почему Добби, со всеми его разговорами об атомной бомбе, тоже об этом не подумал. Но конечно же, только Белсену с его необычным хобби могла прийти в голову подобная мысль.

Идея была такой старой, такой древней - и все же должна была сработать.

Белсен оторвался от своего занятия и вынул сбоку из цилиндра ролик с записью. Потом торопливо подошел ко мне и опустился на колени возле машины, которую я почти дотащил до двери.

- Я не могу точно знать, что они из себя представляют, - сказал он мне. - Кристаллические. Конечно, я знаю, что они состоят из кристаллов, но из какого вида кристаллов, и какого типа? Поэтому я изготовил узконаправленный генератор ультразвука с постепенно меняющейся частотой. Какая-нибудь из них, я надеюсь, попадет в резонанс с их структурой.

Он откинул в маленькой машине дверцу и стал вставлять ленту с записью.

- Что-то вроде той скрипки, которая разрушила бокал, - сказал я.

Он нервно улыбнулся.

- Классический пример. Вижу, вы о нем знаете.

- Это все знают.

- Теперь слушайте меня внимательно, - сказал Белсен. - Нам надо только нажать эту кнопку, и запись начнет прокручиваться. Вот этой ручкой регулируется громкость, я поставил ее на максимум. Мы откроем дверь и потащим машину. И постараемся протащить как можно дальше. Я хочу подобраться к ним поближе.

- Но не слишком близко, - предупредил я. - Жуки только что убили собаку. Налетели несколько штук и прошили ее насквозь. Они как живые пули.

Белсен облизнул губы.

- Я предполагал что-то вроде этого.

Он направился к двери.

- Подождите, Белсен. А есть ли у нас на это право?

- Право на что?

- Право убить их. Они первые живые существа, прилетевшие к нам с другой планеты. Мы многое сможем у них узнать, если договоримся с ними...

- Договоримся?

- Ну, установим контакт. Попытаемся их понять.

- Понять? После того что они сделали с собакой? И после того что они сделали с вами?

- Думаю, что да. Даже после того что они сделали с моим домом.

- Да вы сумасшедший! - крикнул Белсен.

Он распахнул дверь.

- Ну! - крикнул он мне.

Я помедлил секунду, потом взялся за ручку. Машина была тяжелая, но мы подняли ее и вынесли во двор. Потом вытащили на улицу и остановились перевести дух.

Я посмотрел на свой дом и увидел, что жучиный патруль все еще кружится вокруг него на уровне крыши, сверкая золотом в лучах заходящего солнца.

- Может быть, - выдохнул Белсен, - может быть, мы сможем подойти поближе.

Я наклонился, собираясь ухватиться за ручку, но тут заметил, что круг разорвался.

- Смотрите! - завопил я.

Жуки мчались прямо на нас.

- Кнопку! - взревел я. - Нажмите кнопку!

Но Белсен молча продолжал стоять, глядя на жуков.

Он оцепенел.

Я кинулся к машине, нажал кнопку, а затем бросился на землю, стараясь стать как можно меньше и тоньше. Я не услышал никакого звука и, конечно, знал, что не услышу, но это не помешало мне удивиться, почему его нет. А вдруг оборвалась лента? - подумал я. Или машина не сработала?

Краем глаза я видел летящих к нам по широкой дуге жуков, и мне

показалось, будто они застыла в воздухе. Но я знал, что это не так, что это всего лишь вызванная страхом зрительная иллюзия.

Да, я был испуган, но не так, как Белсен. Он все еще стоял во весь рост, не в силах шевельнуться, и с недоумением глядел на приближающуюся смерть.

Жуки были уже почти рядом. Так близко, что я различал каждое танцующее золотое пятнышко, - и вдруг они превратились в облачко сверкающей пыли.

Рой исчез.

Я медленно встал и отряхнулся.

- Выключите ее, - сказал я Белсену и потряс его, выводя из оцепенения.

Он медленно повернулся ко мне, и я увидел, как с его лица постепенно сходит напряжение.

- Сработало, - вяло произнес он. - Я наверняка знал, что сработает.

- Я это заметил, - сказал я. - Теперь вы герой.

Я произнес эти слова с горечью, даже не знаю почему.

Оставив его стоять на месте, я медленно побрел по улице.

Дело сделано, подумал я. Правильно мы поступили или нет, но дело сделано. Первые существа явились к нам из космоса, и мы стерли их в порошок.

А не случится ли и с нами, когда мы отправимся к звездам, чего-либо подобного? Найдем ли мы там хоть немного терпения и понимания? И станем ли мы действовать столь же самоуверенно, как эти золотые жуки?

И всегда ли будут находиться Белсены, берущие верх над Марсденами? И будут ли чувство страха и нежелание понять всегда стоять на пути пришедших со звезд?

И самое странное, думал я, что из всех людей именно я задаю себе подобные вопросы. Потому что именно мой дом разрушили жуки.

Хотя, если поразмыслить, все это не стоило мне ни цента. Кто знает, быть может, я на них еще и заработал. Ведь у меня осталась агатовая глыба, а она стоит кучу денег.

Я бросил взгляд в сад, но глыбы там не было!

С трудом переводя дыхание, я побежал к дому, остановился у сада и в ужасе уставился на аккуратную кучку блестящего песка.

Я забыл, что агат, как и жуки, тоже кристаллический!

Я повернулся к куче спиной и побрел через двор, злой как черт.

Этот Белсен, подумал я, чтоб его разорвало вместе с его постепенно меняющейся частотой!

Я запихну его в одну из его машин!

И тут я замер на месте. Я понял, что ничего не смогу ни сказать, ни сделать. Белсен стал героем, и я сам только что произнес эти слова.

Он тот самый человек, что в одиночку отразил нашествие из космоса.

Так назовут его в заголовках газет и так станет думать весь мир. За исключением разве что нескольких ученых и немногих других - но с их мнением никто не станет считаться.

Белсен стал героем, и, если я его хоть пальцем трону, меня растерзают.

И я оказался прав. Теперь Белсен герой.

Каждое утро в шесть часов он включает свой оркестр, и никто во всем квартале не говорит ему ни слова.

Вы случайно не знаете, во сколько обойдется звукоизоляция целого дома?

К вопросу о жуках (Coleoptera) в творчестве братьев Стругацких (опыт научного исследования)

Владимир Борисов

Тщательное исследование роли насекомых в системе художественной образности произведений братьев Стругацких еще впереди. Мы полагаем, пытливый исследователь будет щедро вознагражден, обнаружив благодатнейший материал в книгах этих замечательных писателей, которые уже в ранних рассказах вполне профессионально строили свои сюжеты с использованием энтомологической тематики. Достаточно вспомнить рассказ «Чрезвычайное происшествие», сюжет и содержание которого предвосхитили проблемы возможного биологического заражения на планетах Солнечной системы тогда, в конце 50-х годов, когда никто серьезно не задумывался о такой опасности. Будущий исследователь обратит внимание и на то, что при необходимости авторы приводили в своих книгах латинские видовые названия (Anthrax morio, Cimex lectularius), резонно полагая, что о серьезных проблемах и писать следует весьма серьезно, и на то, что отдельные представители отрядов полужесткокрылых (Hemiptera) или двукрылых (Diptera) играют огромную роль в таком произведении, как «Сказка о Тройке». Несомненно, огромный интерес представляют упоминания в книгах Стругацких о фауне иных планет; вполне возможно, это потребует даже существенного пересмотра некоторых положений современной систематики животного мира.

Однако настоящая работа не претендует на столь глобальное исследование творчества Аркадия и Бориса Стругацких. Предметом нашего скромного опуса является рассмотрение упоминаний в их книгах лишь представителей жесткокрылых. На первый взгляд кажется, что жуки не слишком интересовали авторов. Однако мы попытаемся опровергнуть этот поверхностный тезис. Да, в книгах Стругацких мы ничего не найдем об отдельных представителях большинства семейств жуков, но ведь и дело мы имеем не с определителем насекомых европейской части России, а с художественными произведениями. Гораздо важнее то, что жучиная тема была не чужда авторам с самого начала их творческого пути.

Вот так заканчивается рассказ «Шесть спичек»: «Директор и Горчинский стояли на площади и, задрав головы, смотрели, как большой серебристый **жук** со слабым гудением проплыл над семнадцатиэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе». Серебристый жук — это вертолет, в котором улетает инспектор Рыбников, расследовавший несчастный случай в Центральном институте мозга.

Конечно, данный «жук» — всего лишь поэтический эпитет, но уже в первом крупном произведении Стругацких, в повести «Страна багровых туч», образ жука наполнен новым смыслом. Вот небольшая цитата об испытаниях вездехода-транспортера «Мальчик»:

«С вершины холма транспортер казался маленьким серым **жучком**, пробирающимся по вспаханному полю. Вот серый **жучок** полез на стену. Каким-то непонятным образом ему удалось проползти несколько метров. Затем он дрогнул,

сорвался и в тучах красной пыли опрокинулся на спину. /.../

Что-то случилось там, под красноватой стеной. **Жук** зашевелился. Из его туловища вдруг вытянулись в стороны коленчатые блестящие ноги, медленно согнулись и снова перевернули его спиной вверх. Мгновение, другое... Упираясь тремя стальными стержнями в подножие стены и осторожно нащупывая опору четвертым, «Мальчик» подтянулся до вершины, вцепился в нее гусеницами и двинулся дальше, на ходу убирая внутрь себя опорные рычаги».

Удачная придумка — сравнить вездеход с жуком — здесь уже не просто образная метафора, скорее, это одна из первых попыток применения на практике принципов бионики — науки об использовании в технике решений, «придуманных» и проверенных живой природой (напомним, что официально рождение этой науки произошло в 1960 году, когда состоялась первая международная конференция в США, а «Страна багровых туч» была написана в 1957 году). При этом художественный образ настолько органично вписался в ткань повествования, что стал работать независимо от конкретных деталей технического описания: в повести у «Мальчика» — четыре опоры-штанги, используемых при перемещении по пересеченной местности, и два манипулятора в передней части, которые в тексте повести именуются руками, но на всех известных мне иллюстрациях к повести художники рисовали именно «жука» с шестью ногами (на рисунке И.Ильинского, который предлагается вашему вниманию, правда, видны лишь пять конечностей, но шестая, надо полагать, просто скрыта корпусом вездехода). Именно этот «жук» стал первым памятником в городе покорителей Урановой Голконды на Венере — символом победы человеком стихии.

Тема сравнения необычных механизмов, созданных руками человека, продолжена в цикле новелл «Полдень, XXII век»: помните историю про шесты на колесиках и семиногих **жуков**, которых создавал Коллектор Рассеянной Информации, тщетно пытаясь решить задачу Буриданова барана?

Но уже в новелле «Благоустроенная планета» впервые в творчестве Стругацких мы встречаемся с инопланетным жуком: «Большой черный **жук** прилетел неизвестно откуда, тяжело гудя, сделал два круга над Следопытами и улетел». Здесь тема жука пока не получила продолжения, так же, как и в романе «Трудно быть богом», где упоминается «источенная **жучками** мебель», надо полагать, что речь идет об арканарском аналоге наших точильщиков (Anobiidae) или дровосеков (Cerambycidae).

А вот в «Улитке на склоне», где действие происходит в загадочном, непонятном Лесу (по ранней версии — в повести «Беспокойство» — этот Лес расположен на планете Пандора), авторы вводят такой вид жуков, аналогов которым на Земле я не знаю — хмельные или пьяные жуки, которых, судя по конексту, можно использовать по назначению, в качестве заменителя алкоголя. В этой же повести, видимо, впервые у Стругацких встречается образ колеоптеролога.

Мужчина, которого звали Обида-Мученик, по рассказам Навы серьезно интересовался вопросом: «Почему **жуки** хмельные бывают, а муравьи нет?». Конечно, жаль, что описание этих жуков ограничивается лишь таким упоминанием: «с тонким воем пронесся рой мягких белесых **жуков**, из которых делают хмельные настойки», которого совершенно недостаточно для более тщательного исследования.

Ясно лишь, что в сложном биоценозе Леса эти и другие виды жуков играют далеко не последнюю роль. Мы позволим себе привести обширную цитату, которая может представить масштаб и размах необычных процессов, постоянно протекающих в Лесу: «На холме и вокруг холма происходило что-то странное, какие-то грандиозные приливы и отливы. Из леса с густым басовым гудением вдруг вырывались исполинские стаи мух, устремлялись к вершине холма и скрывались в тумане. Склоны оживали колоннами муравьев и пауков, из кустарников выливались сотни слизней-амеб, гигантские рои пчел и ос, тучи многоцветных **жуков** уверенно проносились под дождем. Поднимался шум, как от бури. Эта волна поднималась к вершине, всасывалась в лиловое облако, исчезала, и тогда вдруг наступала тишина. Холм снова становился мертвым и голым, а потом проходило какое-то время, снова поднимался шум и гул, и все это вновь извергалось из тумана и устремлялось в лес. Только слизни оставались на вершине, но зато вместо них по склонам ссыпались самые невероятные и неожиданные животные: катились волосатики, ковыляли на ломких ногах неуклюжие рукоеды и еще какие-то неизвестные, никогда не виданные, пестрые, многоглазые, голые, блестящие не то звери, не то насекомые...»

А вот таинственная Зона в повести «Пикник на обочине», наоборот, по свидетельствам сталкеров, не жалует многие виды обычных обитателей земных ландшафтов. В частности, Рэдрик Шухарт признавался: «Ни разу я еще **жучков**-паучков в Зоне не видел». Видимо, эта особенность Зоны объясняется воздействием инопланетян, существенно изменивших экологические параметры пространства в этом районе.

В ряде произведений Стругацкие упоминают отдельных представителей жесткокрылых. Так, в повести «Хищные вещи века» представитель Совета Безопасности, впервые увидев слег, «держит его, как **жужелицу**» (Carabidae). А в повести С.Ярославцева (псевдоним Аркадия Стругацкого) «Экспедиция в преисподнюю» юная Галя с удовольствием «запускала Арамису за шиворот больших **жуков-оленей**, которых он боялся хуже погибели» (видимо, имеются в виду Lucanus cervus). С этой повестью связан, кстати, один любопытный парадокс.

В свое время Иван Антонович Ефремов, классифицируя в статье «Наука и научная фантастика» «нечистую» фантастику, приводил три шуточных аббревиатуры такой литературы:

— BEM (Bug-Eyed Monsters) — **жукоглазые** чудовища (постоянное присутствие чудовищ или гигантских насекомых, вторгающихся на Землю из Космоса или встречающих астронавтов на планетах иных звезд);

— MS (Mad Scientist) — сумасшедший ученый;

— UL (Upheaval Literature) — литература катастроф.

Исследователь группы «Людены» Александр Диденко обнаружил, что в «Экспедиции в преисподнюю» обыграны все три эти издевательских прозвища: и чудовища там вторгаются на нашу планету, и имеется некий Мээс — мерзкий старикашка, и космический пират по имени Двуглавый Юл. Но вот ведь забавная деталь: какие там инопланетные зверюги только не упоминаются — и богомолы, и сколопендры, и спайдеры-пауки... а вот жуков нам не удалось найти! Хотя «жукоглазость» несомненно присутствует, правда, в опосредованном виде...

Однако вся эта «колеоптерология», несомненно, была лишь прологом к одному из самых серьезных произведений братьев Стругацких. Мы имеем в виду роман «**Жук** в муравейнике». Собственно жук в этом романе упоминается всего лишь в одном абзаце:

— Мы все устали, Мак, — проговорил он [Рудольф Сикорски]. — Как мы все устали! Мы уже больше не можем думать на эту тему. От усталости мы становимся беспечными и все чаще говорим друг другу: «А, обойдется!» Раньше Горбовский был в меньшинстве, а теперь семьдесят процентов Комиссии приняли его гипотезу. «**Жук** в муравейнике»... Ах, как это было бы прекрасно! Как хочется верить в это! Умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник **жука** и с огромным прилежанием регистрируют все нюансы муравьиной психологии, все тонкости их социальной организации. А муравьи-то перепуганы, а муравьи-то суетятся, переживают, жизнь готовы отдать за родимую кучу, и невдомек им, беднягам, что **жук** сползет в конце концов с муравейника и убредет своей дорогой, не причинив никому никакого вреда... Представляешь, Мак? Никакого вреда! Не суетитесь, муравьи! Все будет хорошо... А

если это не «**Жук** в муравейнике»? А если это «Хорек в курятнике»? Ты знаешь, что это такое, Мак, — «Хорек в курятнике»?..

Тем не менее, образ жука в муравейнике цементирует весь проблемный слой романа в единое целое, переводя его из области метафоры на уровень серьезного размышления об ответственности власти и любого человека перед обществом, о том, какое место мы занимаем в планетарном или даже галактическом масштабе. В этом случае, как в параболическом зеркале, отразилось умение писателей найти очень емкое, очень образное, запоминающееся и понятное сравнение, одновременно лаконичное и экономное, для передачи основного смыслового послания читателю. Этот прием братья Стругацкие демонстрируют довольно часто, и не случайно вынесение этого образа в заглавие произведения (ранее такой чести удостоилась «улитка на склоне»). Примечательно, что первоначально роман в черновиках обозначался названием «Стояли звери», но позже авторы приняли решение использовать другое название, и этот выбор, на наш взгляд, был блистательным.

Забавно, что в еще в 70-х годах среди любителей фантастики ходили слухи о том, что Стругацкие работают над новым романом «Знак **жука**». Сейчас, наверное, уже невозможно установить, что послужило источником таких слухов, но это лишь подтверждает нашу гипотезу о важности образа жука для творчества Стругацких в целом.

Столь же концептуален образ жука в романа С.Витицкого (псевдоним Бориса Стругацкого) «Поиск Предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики». Этот образ в некоторой степени перекликается, конечно, с историей Льва Абалкина, но приобретает совершенно новое значение и смысл. Мы позволим себе привести очень обширную цитату, которая иллюстрирует отношение следователя Красногорского к его подопечному Станиславу Красногорову:

«...Мировая Линия, как я ее себе представляю, есть последовательность событий в жизни каждого человека, протянутая ОТ и ДО. Проследить ее, а тем более — предсказать, разумеется, в принципе невозможно, как невозможно даже просто перечислить все, скажем, допустимые позиции шахматной партии. Однако принципиальная эта невозможность вовсе не отрицает само СУЩЕСТВОВАНИЕ Линии. Линия — есть, независимо от нашей способности или неспособности ее прочертить, она существует реально, она протянута ОТ и ДО и, так сказать, овеществляется по мере хода времени.

Можно представить ее в виде некоего тоннеля в тумане — ты движешься, и он открывается перед тобою с каждым твоим шагом, а то, что тобою уже пройдено, вновь затягивает мгла. Но у тоннеля есть стенки, поэтому, может быть, правильнее представлять себе Линию как поток ветра в чистом поле, или напряженную струю воды в стоячей воде, и человек в этом потоке, словно большой **жук**, увлекаемый шквалом и ничего об этом шквале не знающий, или — рыба в этой прозрачной бесцветной струе, тоже ничего об этой струе не ведающая... Но шквал этот и справа, и слева от **жука**, и ниже, и выше его, может быть, валит кого-то с ног, и срывает крыши, и закручивает хоботы смерчей — **жук** ничего не знает об этом, знать не может и не хочет, он знай себе гудит по своим делам. («...На нем мундир сапфирный, а сам любовью тает, и к розе он летит — зум-зум, зум-зум...»).

Все это, повторяю, можно было себе представить, но я не желал этого делать. Человек — не **жук**. Человек способен управлять своей судьбой, и свою Мировую Линию он в значительной мере протягивает ОТ и ДО сам, напрягая волю и совершая поступки, которые полагает верными. А раз так, то первый и главный вопрос: что это за человек?

Главное качество его, на мой взгляд: наивность. Простодушие, переходящее временами в сущий инфантилизм. Верность неким принципам, сформулированным и усвоенным в незапамятные времена. Абсолютная негибкость поведения, если речь идет о сопротивлении наглой силе, и при этом — чуть ли не угодливая податливость в ответ на слабость, беспомощность, неумелость. Полное неприятие закона джунглей — в удивительном сочетании с немедленной готовностью воспринять этот закон, если его тебе навязывают силой. На силу ответ — сила, на слабость ответ — мягкость. Он — рыцарь, вот он кто. В самом безнадежно-романтическом, вальтер-скоттовском и даже донкихотском смысле этого подзабытого слова. И как всякий рыцарь — бессилен перед ловкой слабостью и расчетливой ловкостью.

Я не предвидел с ним особенных проблем.

Проблема, еще и еще раз повторяю это, была в другом. Проблема возникала и гляделась совершенно непреодолимой в случае, если он — лишь подопечный Рока, роководимый, как он сам называл героя своего романа, — тот самый ничего не ведающий **жук**, которого несет на себе невидимый и не осязаемый им шквал, сокрушающий все по сторонам

и на пути. /.../

Я окончательно утвердился в мысли, что он НИЧЕГО не знает о своей Мировой Линии. Это было и хорошо, и плохо. Он был **жуком** — и это было плохо, потому что невероятно осложняло путь к Силе. Но ведь он был — разумным **жуком**! Еще не все было потеряно. Надо было начинать сотрудничество. Еще оставался шанс. Мой последний шанс: раскрыть ему глаза и ждать, что осознание происходящего произведет некий эффект, как производит эффект психоаналитическое действо, когда застарелая порча вдруг всплывает из наболевшего подсознания в потрясенное сознание и происходит чудо.

Творцом этого чуда мог бы стать я. Именно я мог дать Разум и Силу безмозглому **жуку**, которого Рок нес в никуда. И тогда он стал бы воистину — МОИМ. /.../

У меня тоже интуиция не из самых завалящих. Оказался, действительно, инсульт. Но — не совсем обычный инсульт. А если не стремиться обязательно использовать стандартную терминологию, то, прямо скажем, — и вовсе не инсульт, а черт его знает что. Это был мой Номер Девять (если считать вместе с Неизвестным Людоедом из романа). Рок удалил со своего пути еще одно препятствие (или — не со своего, а с пути моего беззаботного **жука**, занятого своими небольшими делами?)».

Нам нечего добавить к этим словам, заметим лишь, что здесь, как и в «Жуке в муравейнике», образ жесткокрылого позволяет автору скупыми, но точными мазками обрисовать сложную картину мироздания, выделить в ней главную мысль, занимающую автора, и сосредоточить внимание читателя на ней. Интересно, как автор в дальнейшем закольцовывает эти рассуждения, когда образ жука возникает уже в мыслях самого Станислава Красногорова, в статье, которую тот готовит в качестве кандидата в президенты:

«Я прекрасно понимаю, зачем нужны люди творческие — ученые, писатели, архитекторы, живописцы, философы, поэты, композиторы... Этих набирается — тысячи, десятки тысяч, ну — сотни тысяч, если брать по всему свету. И не обязательно творческие — вообще талантливые люди. В том числе и слесаря Божьей Милостью, Божьей Милостью токари, гончары, дантисты, шоферы, сантехники, змееловы, кулинары, врачи — все, кто способны делать свое дело ХОРОШО. Этих набирается еще больше, может быть, даже и миллионы. Пусть — десятки миллионов.

Но куда мне девать СОТНИ миллионов и миллиарды тех, кто творческой жилки от Бога не заполучил, а ремесло свое знает плохо — не способен или даже не желает делать свое — или хоть какое-нибудь — дело ХОРОШО? Как с ними быть? Зачем они? На что имеют право? И — имеют ли? Что полагается человеку просто и только за то, что он человек? Не **жук**, не лягушка, не лось какой-нибудь, а — человек?

Лосю, например, ничего не полагается за то, что он лось. В лучшем случае — соли ему насыпать в деревянный желоб, чтобы посолонцевал. А человеку? Хлеб, соль, покой? Уважение? За что? А — по справедливости...

А что это вообще такое: справедливо устроенный мир? Это мир, в котором ВСЕМ ХОРОШО? Однако же что это за справедливость: когда хорошо и трудяге, и бездельнику, и тому, кто дает другим много, и тому, кто вообще ничего не дает (не может, не умеет, не хочет), а только берет? Каждому по труду? Но если труд твой — со всем его потом, надрывом, с кровавыми мозолями — НИКОМУ не нужен? (Классический пример: адов труд графомана или — труд Сизифа). Ничего тебе такому не давать? Сизифу этакому. Но ты же РАБОТАЛ, работал, КАК ПРОКЛЯТЫЙ!..»

Собственно, на этом можно было бы закончить разговор о вкладе Стругацких в колеоптерологию, но мы не можем себе позволить отказать в удовольствии поговорить о побочных линиях и дополнительных упоминаниях жесткокрылых в их произведениях и некоторых порожденных этим параллелях.

Прежде всего следует упомянуть несколько примеров, когда названия жуков используются для обозначения людей. Например, в «Стране багровых туч» Юрковский, желая показать излишнее милосердие Дауге, обзывает того «**божьей коровкой**» (Coccinellidae): «И не успокаивай меня, б-брат милосердия, **божья коровка**!». В одном из вариантов «Хромой судьбы» встречается такой пассаж: «какой-то **жук** из Академии наук охмурил нашего Теодор Михеича и гонит себе сейчас докторскую из нашего трудового пота». Наконец, в «Поиске Предназначения» приведено ироническое прозвище Никиты Хрущева, которое совпадает с русскими названиями некоторых пластинчатоусых жуков (Scarabaeidae): «Ах, как давно это было! **Хрущ**, кукуруза, глоток свободы, оттепель...».

В этой связи следует упомянуть и о фамилиях некоторых персонажей у Стругацких: начальник экспедиции Алексей Эдуардович **Жуков** («Полдень, XXII век»); Николай **Долгоносиков**, именуемый себя телепатом и спиритом

(«Сказка о Тройке»); некий **Жуковицкий** («Хромая судьба»); Сергей Сергеевич **Жукованов** или Серега **Жучок** («Поиск Предназначения»).

Интересное астрономическое название встречается в повести «Парень из преисподней». Главный герой этой повести, Бойцовый Кот Гаг с планеты Гиганда, попадает на Землю. Оказывается, наше Солнце с Гиганды наблюдается как седьмая звезда «эклиптикального созвездия из двенадцати ярких звезд, видимого в летнее время года». А как называется это созвездие, догадываетесь? Правильно, созвездие **Жука**!..

Наконец, в «Поиске Предназначения» и в повести С.Ярославцева «Дьявол среди людей» упоминается «**жучок**» в переносном смысле — некое подслушивающее устройство, встроенное в мебель или стены.

И уж совершенно экзотические примеры использования названия семейств Cleridae и Gyrinidae встречаются у Стругацких для обозначения шифрованных или гипотетических явлений. Первое — в речи Ваги Колеса с доном Рэбой: «Выстребаны обстряхнутся, и дутой чернушенькой объятно хлюпнут по маргазам. Это уже двадцать длинных хохарей. Марко было бы тукнуть по **пестрякам**. Да хохари облыго ружуют. На том и покалим сростень» («Трудно быть богом»). Второе — в перечислении артефактов Зоны: «Браслеты»! «Иголки»! «Белые **вертячки**»! И мало того — какие-то «рачьи глаза», какие-то «сучьи погремушки», «гремучие салфетки», черт бы их подрал!» («Пикник на обочине»).

Жизнь подбрасывает нам поразительные параллели и аналоги, которые кажутся совершенно невероятными. Когда исследователи группы «Людены» разбирали вопрос о возможности существования в нашей реальности люгера с оптическим прицелом необычного калибра в повести «Отель «У погибшего альпиниста», возникла необходимость проконсультироваться в серьезных работах по оружию. Таковой стала книга А.Б.**Жука** «Револьверы и пистолеты».

Вполне естественно, что столь яркие и выразительные образы жуков, созданные братьями Стругацкими, неизбежно вызвали обращение к ним у самых разных авторов. Так, люден Константин Рублев предложил шуточный гимн группы:

По обочинам и склонам
То улиткой, то **жуком**
Мы войдем в контакт с КОМКОНом
Третьей импульсной торчком...

Геннадий Прашкевич, вспоминая о конференции Соцкон 1989 года, пишет: «Целое Черное море колыхалось рядом, но воды не было ни в баре, ни, ужас, в туалетах. В вечерней мгле десятки любителей фантастики взволнованно бродили в сырых кустах. Сам Аркадий Натанович Стругацкий, добыв где-то брезентовый плащ, тащил в свой номер ведро воды, сердитый, как **жук** в муравейнике. А вдали кричала верблюдица Дашка».

Наконец, Юлий Буркин и Константин Фадеев в своем романе «Осколки неба, или Подлинная история «Битлз» вполне естественно назвали вторую книгу романа «**Жук** в муравейнике». Думается, нет необходимости пояснять, откуда здесь возникли параллели с жуками.

Но это уже совсем другая история...

В.И. Борисов,
вице-координатор группы "Людены"
сентябрь 2001 г.

Виктор Пелевин - "Жизнь насекомых"

> I was living in a most mysterious world and, like everyone else, I was a most mysterious being, and yet I was no more important than a beetle.
>
> Карлос Кастанеда

1. РУССКИЙ ЛЕС

Главный корпус пансионата, наполовину скрытый старыми тополями и кипарисами, был мрачным серым зданием, как бы повернувшимся к морю задом по команде безумного Иванушки. Его фасад с колоннами, потрескавшимися звездами и навек согнутыми порывом гипсового ветра снопами был обращен к узкому двору, где смешивались запахи кухни, прачечной и парикмахерской, а на набережную выходила монолитная стена с двумя или тремя окнами. В нескольких метрах напротив колоннады поднимался бетонный забор, по которому уходили вдаль поблескивающие в лучах заката трубы теплоцентрали. Высокие торжественные двери, скрытые в тени опирающегося на колонны циклопического балкона (скорее даже террасы) были заперты так давно, что даже щель между ними исчезла под несколькими слоями спекшейся краски, и двор обычно пустовал - только иногда в него осторожно протискивался грузовик, привозивший из Феодосии молоко и хлеб.

Но в этот день во дворе не было даже грузовика, поэтому опершийся локтями на лепное ограждение балкона гражданин не был виден никому, кроме, может быть, пары патрульных чаек, белыми точками висевших в небе. Гражданин глядел вниз и вправо, на маленький домик лодочной станции, под крышей которого помещалась воронка репродуктора. Шумело море, но когда ветер начинал дуть в сторону пансионата, можно было разобрать обрывки обращенных к пустому пляжу радиопредложений.

- ...Вовсе не одинаковы, не скроены по одному и тому же шаблону...
- ...Создал нас разными - не часть ли это великого замысла, рассчитанного, в отличие от скоротечных планов человека, на многие...
- ...Чего ждет от нас Господь, глядящий на нас с надеждой, что мы сумеем воспользоваться его даром?

- ...Он и сам не знает, как проявят себя души, посланные им на...

Долетели звуки органа. Мелодия была довольно величественной, только время от времени ее прерывало непонятное "умпс-умпс"; впрочем, особенно вслушаться не удалось, потому что музыка играла очень недолго и снова сменилась голосом диктора:

- Вы слушали передачу из цикла, подготовленного специально для советского радио по заказу американской благотворительной организации "Вавилонские реки"... по воскресеньям... по адресу: "Голос Божий", Блисс, Айдахо, США.

Репродуктор смолк, и мужчина загнул указательный палец.

- Ага, - пробормотал он, - сегодня воскресенье. Значит, танцы будут.

Выглядел он странно. Несмотря на теплый вечер, на нем была серая тройка, кепка%h#галстук (почти так же был одет стоявший внизу небольшой южный Ленин, по серебристое лоно увитый виноградом). Но мужчина, судя по всему, не страдал от жары и чувствовал себя вполне в своей тарелке. Иногда только он посматривал на часы, оглядывался и что-то укоризненно шептал.

Репродуктор несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински. Тут мужчина услышал за спиной шаги и обернулся. По балкону к нему шли двое. Первым шагал низенький толстяк в белых шортах и пестрой майке. Следом шел иностранец в панаме, легкой рубашке и светлых бежевых штанах, с большим кейсом обтекаемых форм в руке. То, что это иностранец, было ясно не столько по одежде, сколько по хрупким очкам в тонкой черной оправе и по нежному загару того особого набоковского оттенка, которым кожа покрывается исключительно на других берегах.

Мужчина в кепке показал пальцем на часы у себя на запястье и погрозил толстяку кулаком, на что тот ответил криком:

- Спешат! Врут все!

Сойдясь, они обнялись.

- Привет, Арнольд.

- Здравствуй, Артур. Знакомьтесь, - толстяк повернулся к иностранцу, - это Артур, о котором я вам рассказывал. А это Сэмюэль Саккер. Говорит по-русски.

- Просто Сэм, - сказал иностранец, протягивая руку.

- Очень приятно, - сказал Артур. - Как добрались, Сэм?

- Спасибо, - ответил Сэм, - нормально. А что тут у вас?

- Все как обычно, - сказал Артур. - Вы себе представляете ситуацию в Москве, Сэм? Считайте, тут то же самое, только несколько больше гемоглобина и глюкозы. Ну и витаминов, конечно - корм тут хороший, фрукты, виноград.

- И потом, - добавил Арнольд, - насколько мы знаем, вы на Западе просто задыхаетесь от различных репеллентов и инсектицидов, а наша упаковка экологически абсолютно чиста.

- А санитарно?

- Простите?

- Санитарно она чиста? Вы ведь про кожу? - сказал Сэм.

Арнольд несколько смутился.

- Н-да, - нарушил Артур неловкую паузу, - а вы к нам надолго?

- Дня, думаю, на три-четыре, - ответил Сэм.

- И вы успеете за это время провести маркетинг?

- Я бы не стал употреблять слово "маркетинг". Просто хочу набраться впечатлений. Составить, так сказать, общее мнение, насколько целесообразно развивать здесь наш бизнес.

- Отлично, - сказал Артур. - Я уже наметил несколько образцов, которые в достаточной степени репрезентативны, и, думаю, завтра с утречка...

- О нет, - сказал Сэм. - Никаких потемкинских деревень. Я предпочитаю двигаться наугад. Как ни странно, при этом получаешь самое верное представление о ситуации. И не завтра с утра, а прямо сейчас.

- Как? - ахнул Артур. - А отдохнуть? Выпить с дорожки?

- Действительно, - сказал Арнольд, - лучше бы завтра. И по нашим адресам. А то у вас сложится искаженное представление.

- Если у меня сложится искаженное представление, у вас будет достаточно времени, чтобы его исправить, - ответил Сэм.

Уверенным спортивным движением он влез на перила балкона и сел, свесив в пустоту ноги. Двое остальных, вместо того, чтобы удержать его, влезли на ограждение сами. Артур проделал эту операцию без труда, а Арнольду она удалась только со второй попытки, и сел он не так, как первые двое, а спиной ко двору, словно чтобы голова не кружилась от высоты.

- Вперед, - сказал Сэм, и прыгнул вниз.

Артур молча последовал за ним. Арнольд вздохнул и спиной вперед повалился следом, как аквалангист, опрокидывающийся в море с борта лодки.

Окажись у этой сцены свидетель, он, надо полагать, перегнулся бы через перила, ожидая увидеть внизу три изувеченных тела. Но он не увидел бы там ничего, кроме нескольких небольших луж, расплющенной пачки от сигарет "Приморские" и трещин на асфальте.

Зато если бы он обладал нечеловечески острым зрением, он смог бы разглядеть вдалеке трех комаров, улетающих в сторону скрытого за деревьями поселка.

Что почувствовал бы этот воображаемый наблюдатель и как бы он поступил - растерянно полез бы вниз по ржавой пожарной лестнице, единственному пути, ведущему прочь с давно и наглухо заколоченной террасы, или - кто знает - ощутив в своей душе новое неведомое чувство, сел бы на серое каменное ограждение и повалился бы следом за тремя собеседниками? Не знаю. Да и вряд ли кто-нибудь знает, как поступил бы тот, кто на самом деле не

существует, но зато обладает нечеловечески острым зрением.

Отлетев на несколько метров от стены, Сэм оглянулся на компаньонов. Артур с Арнольдом превратились в небольших комаров характерного цвета "мне избы серые твои", когда-то доводившего до слез Александра Блока; теперь они с мутной завистью глядели на своего спутника, покачиваясь в потоке воздуха, восходящем от нагретой за день земли.

Только неудобное устройство ротовых органов удержало Сэма Саккера от самодовольной гримасы. Он выглядел совсем иначе: он был шоколадно-коричневой раскраски, с изящными длинными лапами, поджарым брюшком и реактивно скошенными назад крыльями; если изменившиеся лица Артура и Арнольда заканчивались толстым штырем, похожим не то на иглу титанического шприца, не то на измеритель скорости на носу реактивного истребителя, то губы Сэма элегантно вытягивались в шесть тонких упругих отростков, между которыми торчал длинный острый хоботок - словом, понятно, как выглядел москит-анофилис рядом с двумя простыми русскими насекомыми. К тому же Артур с Арнольдом летели каким-то бабьим брассом, а движения крыльев Сэма скорее напоминали баттерфляй, поэтому двигался он намного быстрее, и ему даже приходилось зависать в воздухе, чтобы подождать спутников.

Летели молча. Сэм описывал широкие круги вокруг Артура и Арнольда, которые угрюмо посматривали на его высший пилотаж; особенно плохо было Арнольду, которого тянула к земле перекатывающаяся в его брюхе рубиновая капля. Куда летел Сэм, было непонятно - он выбирал дорогу по только ему известным приметам, несколько раз поворачивал и менял высоту, а потом зачем-то влетел в чердачное окно, промчался по длинному пустому чердаку и вылетел с другой стороны; наконец, навстречу поплыла белая стена с окном в синей раме, и все вокруг накрыла густая тень росших вокруг дома груш. Сэм снизился почти до земли, подлетел к невысокому окну, затянутому белой марлевой сеткой, и приземлился на криво прибитую доску, служившую карнизом. Артур с Арнольдом сели рядом. Как только стихло тонкое жужжание крыльев, перекрывавшее почти все остальные звуки, стал слышен доносящийся из-за марли храп.

Сэм вопросительно посмотрел на Артура.

- Тут дырка должна быть в углу, - шепотом сказал тот. - Обычно наши делают.

Дырка оказалась узкой щелью между рамой и марлевым полотном. Артур с Сэмом протиснулись в нее без особого труда, а у Арнольда возникли проблемы с брюхом; он долго сопел и отдувался, и пролез только тогда, когда спутники втянули его внутрь за лапки.

В комнате было темно; пахло одеколоном, плесенью и потом. В центре размещался большой стол, покрытый клеенкой; в углу стояли кровать и тумбочка, на которой блестел ровный ряд граненых

флаконов. На кровати, в ворохе скомканных простыней, лежало голое по пояс тело, свесившее одну синюю трикотажную ногу к полу. Оно содрогалось в спазмах неспокойного сна, и, естественно, не заметило появления на тумбочке возле своей головы трех комаров.

- Что это у него за татуировка? - тихо спросил Сэм, когда его глаза привыкли к полумраку. - Ну, Ленин и Сталин - это понятно, а почему снизу написано "Лорд"? Это что, местный аристократ?

- Нет, - ответил Артур. - Это аббревиатура. "Лягавым отомстят родные дети."

- Он ненавидит собак?

- Понимаете, - снисходительно ответил Арнольд, - это сложный культурный пласт. Если я сейчас начну давать объяснения, мы буквально утонем. Давайте лучше, раз уж прилетели, брать пробу, пока материал спит.

- Да-да, - сказал Сэм, - Вы совершенно правы.

Он взмыл в воздух и, после грациозного иммельмана над лежащим, приземлился на участок тонкой и нежной кожи возле уха.

- Арнольд, - восхищенно прошептал Артур, - ну и ну... Он же беззвучно летает.

- Америка, - констатировал Арнольд. - Ты лети присмотри за ним, а то мало ли.

- А ты?

- Я здесь подожду, - сказал Арнольд и похлопал себя лапкой по брюху.

Артур взлетел, и, стараясь жужжать по возможности тише, подлетел к Сэму. Тот пока еще не сверлил лунки и задумчиво сидел на буграх кожи, из ямок между которыми торчали волосы, похожие на молодые березки.

Сэм стоял, прислонясь к одной из березок, и задумчиво глядел на далекие холмы сосков в густых рыжих зарослях.

- Знаете, - сказал он, когда Артур приземлился рядом, - я много путешествую, и что меня всегда поражает, это уникальная неповторимость каждого пейзажа. Я недавно был в Мексике - конечно, не сравнить. Такая богатая, знаете, щедрая природа, даже слишком щедрая. Бывает, чтобы напиться, долго бредешь сквозь грудной чапараль, пока не находишь подходящего места. Не на миг нельзя терять бдительности - с вершины волоса на тебя может прыгнуть дикая вша, и тогда...

- А что, вша может напасть? - недоверчиво спросил Артур.

- Видите ли, мексиканские вши очень ленивые, и им, конечно, легче прогрызть тонкое комариное брюшко, чем добывать пищу честным трудом. Но они очень неповоротливы, и если вша нападает, обычно все же успеваешь взлететь. А в воздухе может настичь блоха. Словом, это суровый мир, жестокий, но в то же время прекрасный. Я, правда, больше люблю Японию. Знаете, эти долгие желтые пространства, почти лишенные растительности, но все же не

похожие на пустыню. Когда смотришь на них с высоты, кажется, что попал в глубокую древность. Но все это, конечно, надо видеть самому. Ничего нет красивее японских ягодиц, когда их чуть золотит первый рассветный луч, и обдувает тихий ветер... Боже, как прелестна бывает жизнь!

- А здесь вам нравится?

- Каждый пейзаж имеет свое очарование, - уклончиво ответил Сэм. - Я бы сравнил эти места (он кивнул головой в сторону нависшего над шеей уха) с Канадой в районе Великих Озер. Только здесь все ближе к неосвоенной природе, все запахи естественные... - он ткнул лапкой в основание волоса, - мы ведь и забыли, как она пахнет, мать-сыра кожа...

По интонации, с которой Сэм произнес последние слова, Артур понял, что тот щеголяет знакомством с русской идиоматикой.

- В общем, - добавил Сэм, - разница примерно как между Японией и Китаем.

- А вы и в Китае бывали? - спросил Артур.

- Приходилось.

- А в Африке?

- Сколько раз.

- Ну и как?

- Не могу сказать, чтобы мне особо понравилось. Такое ощущение, что попадаешь на другую планету. Все черное, мрачное. И потом - поймите меня правильно, я не расист - но местные комары...

Артур не нашелся, о чем еще спросить, и Сэм, вежливо улыбнувшись, приступил к работе. Выглядело это непривычно. Он отогнул боковые отростки, его острый хоботок с невероятной скоростью завертелся и, словно нож в колбасу, погрузился в почву у основания ближайшей березки.

Артур тоже собирался напиться, но, представив себе, как его грубый и толстый нос будет с хрустом входить в неподатливую кожу, застеснялся и решил подождать. Сэм ухитрился попасть в капилляр с первой попытки, и теперь его брюшко из коричневого постепенно делалось красноватым.

Поверхность под ногами дрогнула, и донесся мычащий выдох - Артур был уверен, что тело сделало это по своим внутренним причинам, без всякой связи с происходящим, но все же ему стало чуть не по себе.

- Сэм, - сказал он, - сворачивайтесь. Тут вам не Япония.

Сэм не обратил на его слова никакого внимания. Артур поглядел на него и вздрогнул. Рыльце Сэма, минуту назад бывшее осмысленным и интеллигентным, странно исказилось, а выпуклые волосатые глаза, обведенные похожей на очки тонкой черной линией, перестали выражать вообще что-нибудь, словно из зеркала души превратились в две потушенные фары. Артур приблизился и слегка толкнул Сэма.

- Эй, - настойчиво сказал он, - пора.

Сэм никак не отреагировал. Тогда Артур толкнул его сильнее, но тот словно врос в землю. Его брюшко продолжало надуваться. Вдруг тело заворочалось и издало хриплый рык. Артур в панике подпрыгнул и заорал что было мочи:

- Арнольд! Сюда!

Но Арнольд, встревоженный суетой и криками, уже подлетал сам.

- Что ты жужжишь на всю комнату? Что случилось?

- Что-то с Сэмом, - отвечал Артур, - его, по-моему, парализовало. Никак растолкать не могу.

- Давай его под крылья. Ага, вот так. Осторожно, ты ему на лапку наступил. Сэм, лететь можете?

Сэм слабо кивнул. Кожа, на которой они стояли, затряслась и стала крениться вправо.

- Быстро вверх! Он встает! Сэм, машите крыльями, потом поздно будет! - кричал Артур, поддерживая погрузневшее туловище Сэма и еле успевая уворачиваться от его крыльев, бессмысленно ходящих взад-вперед.

Наконец, кое-как удалось сесть на тумбочку. Тело поднялось с кровати, нависло над комарами, и в страшной тишине из-под потолка на них черной тенью понеслась огромная ладонь. Когда Артур с Арнольдом уже собирались швырнуть Сэма навстречу его судьбе и взмыть в разные стороны, ладонь изменила направление, метко схватила один из стоящих на тумбочке флаконов и исчезла вверху; раздался далекий рев пружин, и тело опять закачалось на койке.

- Артур, - тихо спросил Арнольд, - ты не знаешь, что в этих флаконах?

- А это лес, - вдруг сказал Сэм. - Русский наш лес.

- Какой лес?

- Кипр шипр, - непонятно отозвался Сэм.

- Сэм, вы в порядке? - спросил Арнольд.

- Я? - зловеще усмехнулся Сэм. - Я-то в порядке. А вот с вами порядок мы еще наведем...

- Надо его на воздух быстрее, - озабоченно сказал Артур.

Арнольд кивнул и попытался поднять Сэма, но тот хлестнул его крылом по морде, взмыл в воздух, понесся к окну и с невероятной ловкостью пролез через узкую щель между рамой окна и марлевым экраном, за которым уже синели сгустившиеся южные сумерки.

Утро следующего дня было тихим. Сползающий с гор туман затекал в обсаженные кипарисами аллеи, и сверху казалось, что под его поверхностью, рассеченной параллельными зелеными дамбами, нет никакого дна, а если и есть, то очень далеко. Прохожие, изредка попадавшиеся внизу, казались чем-то вроде рыб, медленно плывущих недалеко от поверхности; их очертания были неясными, и Артур с Арнольдом уже два раза

снижались впустую, приняв за Сэма Саккера сначала размокшую коробку от телевизора, а потом маленький стог сена, накрытый куском полиэтилена.

- Может, сел на попутку и в Феодосию уехал? - нарушил молчание Артур.

- Может, может, - отвечал Арнольд. - Все может.

- Гляди, - сказал Артур, - не он?

- Нет, - всмотревшись, сказал Арнольд, - не он. Это статуя волейболиста.

- Да нет, дальше, у ларька. Из кустов выходит.

Арнольд увидел крупный округлый предмет, издалека похожий на большой навозный шар. Предмет вывалился из кустов, покачиваясь, докатился до скамейки и плюхнулся на нее, вытянув вперед странно тонкие ноги.

- Садимся, - сказал Арнольд.

Через минуту они вышли из-за пустого газетного ларька, оглядели три или четыре метра видимого пространства и сели на лавку по бокам от толстяка. Несомненно, это был Сэм, но от того Сэма, который вчера вечером стоял на балконе пансионата, он отличался очень сильно. Дело было не в увеличившемся в несколько раз животе - эта обычная для комаров трансформация не заслуживала внимания - а в лице, которое, оставаясь по чертам тем же самым, казалось теперь набитым чем-то изнутри, но не так, как, например, фаршированный яблоками гусь, а скорее как фаршированное гусем яблоко.

"Черт, - подумал Артур, глядя на спокойный и жутковатый профиль иностранца, - может, ему эту группу крови нельзя? Может, у него аллергия?"

- Еле вас нашли, Сэм, - заговорил Арнольд.

- А чего меня искать, - сказал Сэм, - вот он я. Сами, значит, подрулили.

Говорил он новым, незнакомым голосом, глухим и медленным.

- Где же вы ночевали? - спросил Артур. - Неужели прямо на лавке? Тут ведь места для вас незнакомые, а народ сейчас знаете какой...

Сэм неожиданно повернулся к Артуру и сгреб его за лацканы.

- Что вы, Сэм... - отдирая его руки, зашипел Артур, - пустите! Пустите! На нас люди смотрят!

Это было неправдой - на него и Сэма смотрел только растерянный Арнольд.

- Признайся, блядь, - сурово сказал Сэм, - ведь сосешь русскую кровь?

- Сосу, - тихонько ответил Артур.

Сэм высвободил одну руку и чугунными пальцами схватил за шею Арнольда.

- И ты сосешь?

- И я, - потрясенно сознался Арнольд.

Рука давила на плечи Арнольда с такой силой, что он осел

под ней, как штангист, попытавшийся взять слишком большой вес, и даже вспомнил про каменную десницу из трагедии Пушкина, которую читал еще личинкой. Сэм погрузился в молчание, как бы обдумывая, что еще сказать.

- Так что ж вы ее сосете-то? - туповато спросил он минуты через три.

- Пить хочется, - жалко сказал Артур.

Арнольд не видел его - все заслоняло выпирающее брюхо Сэма, похожее на раскрывшийся красный парашют. Арнольд почувствовал обиду за униженный голос товарища.

- А что это за намеки такие? - язвительно спросил он. - Мы всякую сосем. Да и вы разве не сосете? Я такие разговоры давно понял. Просто сами все высосать хотите до последней капли, и все. Вон брюхо-то какое. Нам с Артуром за неделю столько не выпить.

Сэм отпустил Артура и потрогал ладонью свой огромный колышущийся живот.

- Вставай, страна огромная, - пробормотал он и с напряжением приподнялся, чуть не размазав Арнольда по скамейке. Запрокинув лицо вверх, он несколько раз коротко глотнул воздух, потом нагнул голову, но вместо того, чтобы чихнуть, как можно было предположить по увертюре, окатил асфальт перед собой струей темно-вишневой рвоты, пахнущей кровью и одеколоном, и его огромный живот уменьшился сразу наполовину.

- Где я? - озираясь, спросил он голосом, уже немного напоминающим прежнего Сэма.

- Вы у друзей, - сказал полураздавленный Арнольд, чувствуя, как слабеет сдавившая его плечо рука. - Не волнуйтесь.

Сэм помотал головой и посмотрел на огромную кровавую лужу у себя под ногами.

- Что происходит? - спросил он.

- Понимаете, - заговорил Артур, - произошла техническая ошибка. Попался бракованный экземпляр. Вы не думайте, что все у нас "Русский лес" пьют...

От этих слов глаза Сэма сразу заволокло прежней мутью, и он снова сгреб Артура с Арнольдом.

- А ну пошли, - сказал он.

- Куда это? - испуганно спросил Артур.

- Увидишь. Пить им, сукам, захотелось...

Увлекая за собой слабо сопротивляющихся компаньонов, он несколько раз монументально шагнул по аллее в сторону набережной, и его снова вырвало, на этот раз намного более основательно. Широкий темный ручей, обдав Артура с Арнольдом небывалым запахом (так могли бы пахнуть, наверное, картонные орхидеи демонстрантов), заструился по асфальтовому уклону. Арнольд почувствовал, что кисть, только что крюком тягача тащившая его за собой, теперь сама цепляется за его шею в поисках опоры.

- Вроде все, - сказал он Артуру, перехватывая руку Сэма. - Проведем его по набережной, пусть отдышится.

- Что это с ним было? - спросил Артур.

- Не очень устойчивая психика, - ответил Арнольд. - Перепил крови и потерял контроль. Что-то вроде транса.

Аллея кончилась, и все трое повернули на набережную. Сэм уже шел сам, слегка пошатываясь и поправляя на носу очки, на одном из стекол которых успела появиться трещина.

- Сэм, вы в порядке? - спросил Арнольд.

- Кажется да, - слабым голосом ответил Сэм.

- Идти сами можете?

- Господа, - сказал Сэм, - прошу меня извинить. Я в ужасе от своего поведения.

- Ерунда какая, - весело сказал Арнольд. - Подумаешь. Мы уж и забыли все.

- Говорил я, - влез Артур, - отдохнуть надо сначала.

- Я извиняюсь, - сказал Сэм, - а где мой портфель?

Арнольд огляделся по сторонам. Пластмассового чемоданчика нигде не было видно.

- Вот незадача. А что у вас там? Что-нибудь ценное?

- Ничего особенного. Материалы для консервации. Видеокамера. Но как теперь пробы брать?

- Ясно, - сказал Арнольд, - вы его там и забыли. Сейчас вернемся... Ну хорошо, хорошо, Сэм. Понимаю. Я лично слетаю и все выясню.

- Но какой шквал эмоций, - проговорил Сэм, - какой водопад чувств! Поверите, меня чуть не смело.

Артур с Арнольдом бережно усадили худенькое дрожащее тело на лавку и устроились по бокам. Сэм мелко дрожал.

- Успокойтесь, Сэм, - по-матерински зашептал Арнольд, - видите, как вокруг хорошо и тихо. Вон чайки летают, девушки ходят. Вон кораблик плывет. Красота какая, а?

Сэм поднял глаза. Сквозь туман над бетонными плитам набережной уже брели первые утренние отдыхающие. Со стороны столовой долетели два голоса: детский, что-то неразборчиво спросивший, и авторитетный басок, так же неразборчиво что-то ответивший.

Из тумана появился невысокий мужчина в спортивном костюме, вслед за которым шел мальчик с наполненной чем-то тяжелым пляжной сумкой в руке. Он догнал мужчину и пошел рядом с ним, косясь на Сэма и его спутников. На ногах у мальчика были синие вьетнамки, и он шаркал левой ногой, потому что одна из резиновых тесемок была порвана.

2. ИНИЦИАЦИЯ

- Папа, видел, какие странные дяди, - сказал мальчик, когда

лавка осталась позади.

Отец сплюнул на дорогу.

- Пьянь, - сказал он. - Будешь себя так вести, тоже вроде них вырастешь.

Откуда-то в его руках появился кусок слежавшегося навоза. Он кинул его сыну, и мальчик еле успел подставить руки. Из отцовских слов было не очень ясно, как надо или не надо себя вести, чтобы вырасти таким, как эти дяди, но как только в ладони шлепнулся теплый навоз, все стало понятно очень хорошо, и мальчик молча опустил папин подарок в сумку.

Из тумана выплыла длинная и узкая палатка, похожая на стоящий на боку спичечный коробок. В ее витрине за разноцветными сигаретными пачками, парфюмерными флаконами и позорными кооперативными штанами скучала продавщица. За ее спиной дымилось замызганное стекло гриль-машины, в которой жарились белые равнодушные куры. На стене палатки висела колонка, из которого рывками вылетала музыка, словно ее сквозь черный пластмассовый динамик прокачивал невидимый велосипедный насос.

- Простите, а где тут пляж? - спросил отец у продавщицы.

Продавщица высунула руку из окошка и молча указала пальцем в туман.

- Гм... А сколько эти стаканчики стоят? - спросил отец.

Продавщица тихо ответила.

- Ничего себе, - сказал отец. - Ну давайте.

Он протянул стаканчики сыну, тот положил их в сумку, и они двинулись дальше. Палатка исчезла, а впереди появился небольшой мост. За ним туман оказался еще гуще - ясно был виден только бетон под ногами, и еще по бокам просвечивали размытые зеленые полосы, похожие не то на огромные стебли травы, не то на деревья. Вместо неба над головой был низкий белый свод тумана, а слева иногда появлялись пустые бетонные клумбы с ребристыми стенками - они расширялись кверху и из-за этого напоминали перевернутые пивные пробки.

- Папа, - спросил мальчик, - а из чего состоит туман?

Отец задумался.

- Туман, - сказал он, протягивая сыну несколько маленьких кусочков навоза, - это мельчайшие капельки воды, висящие в воздухе.

- А почему они не падают на землю?

Отец поразмышлял и протянул мальчику еще один кусок.

- Потому что они очень маленькие, - сказал он.

Мальчик опять не успел заметить, откуда папа взял навоз, и поглядел по сторонам, словно пытаясь разглядеть эти маленькие капельки.

- Мы не заблудимся? - озабоченно спросил он. - Ведь вроде уже должен быть пляж.

Отец не ответил. Он молча шел дальше в туман, и ничего не оставалось делать, кроме как следовать за ним. Мальчику

померещилось, что они с отцом ползут у подножия главной елки мира сквозь огромные клочья изображающей снег ваты, ползут неясно куда, и отец только делает вид, что знает дорогу.

- Папа, и куда это мы только идем, идем...

- Чего?

- Так.

Мальчик поднял глаза и увидел сбоку неясное мерцание. За белой мглой нельзя было разобрать, где находится его источник, и что это светится - то ли совсем рядом часть тумана сияет голубым огнем, то ли издалека пытается пробиться луч включенного неизвестно кем прожектора.

- Папа, гляди!

Отец поднял глаза и остановился.

- Что это такое?

- Не знаю, - сказал отец, трогаясь дальше. - Наверно, фонарь какой-нибудь забыли погасить.

Мальчик пошел следом, косясь на уплывающий назад свет.

Несколько минут они шли молча; мальчик иногда оглядывался, но света больше не было видно. Зато в голову опять стали приходить странные, ни на что не похожие мысли, какие в нормальном месте никогда бы не возникли.

- Слышишь, пап, - сказал мальчик, - мне сейчас вдруг показалось, что мы с тобой давно заблудились. Что мы только думаем, что идем на пляж, а никакого пляжа на самом деле нет. И даже страшно стало...

Отец рассмеялся и потрепал мальчика по голове. Потом в его руках откуда-то появился такой здоровый кусок навоза, что его хватило бы на голову крупной снежной бабы.

- Знаешь, как в народе говорят, - сказал он, передавая его сыну, - жизнь прожить - не поле перейти.

Мальчик уклончиво кивнул, с трудом втиснул папин подарок в свою сумку и перехватил ее руками, потому что тонкий полиэтилен ручек уже начал растягиваться.

- А бояться не надо, - сказал отец, - этого не надо... Ты ведь мужчина, солдат. На вот.

Перехватив новый кусок навоза, мальчик попытался удержать его в руках, но сразу же выронил, а следом на бетон шлепнулась сумка, в которой хрустнули разбившиеся стаканы. Мальчик сел на корточки у сумки, из которой при падении вывалилась большая часть навоза, потрогал ее рукой, испуганно поднял глаза на отца, но вместо ожидаемой хмурой гримасы обнаружил на его лице торжественное и немного официальное умиление.

- Вот ты и стал взрослым, - помолчав, сказал отец и вручил сыну новую пригоршню навоза. - Считай, сегодня твой второй день рождения.

- Почему?

- Теперь ты уже не сможешь нести весь свой навоз в руках. У тебя теперь будет свой Йа, как у меня и мамы.

- Свой Йа? - спросил мальчик. - А что такое Йа?

- Посмотри сам.

Мальчик внимательно поглядел на отца и вдруг увидел рядом с ним большой полупрозрачный серо-коричневый шар.

- Что это? - испуганно спросил он.

- Это мой Йа, - сказал отец. - И теперь такой же будет у тебя.

- А почему я его раньше не видел?

- Ты был еще маленьким. А сейчас ты вырос достаточно и уже можешь увидеть священный шар сам.

- А почему он такой зыбкий? Из чего он?

- Зыбким, - сказал отец, - он тебе кажется потому, что ты только что его увидел. Когда ты привыкнешь, ты поймешь, что это самая реальная вещь на свете. А состоит он из чистого навоза.

- А-а, так вот где ты все время навоз брал, папа, - протянул мальчик. - А то ты его мне все даешь, даешь, а откуда - непонятно. У тебя его вон сколько, оказывается. А какое ты слово сказал?

- Йа. Это священный египетский слог, которым навозники уже много тысячелетий называют свой шар, - торжественно ответил отец. - Пока твой Йа еще маленький, но постепенно он будет становиться все больше и больше. Часть навоза дадим тебе мы с мамой, а потом ты научишься находить его сам.

Мальчик так и сидел на корточках, недоверчиво глядя на отца. Отец улыбнулся и чмокнул губами.

- А где я буду находить навоз? - спросил мальчик.

- Вокруг, - сказал отец, и указал рукой в туман.

- Но там же никакого навоза нет, папа.

- Наоборот там один навоз.

- Я не понимаю, - сказал мальчик.

- Держи. Сейчас поймешь. Чтобы все вокруг стало навозом, надо иметь Йа. Тогда весь мир окажется в твоих руках. И ты будешь толкать его вперед.

- Как это можно толкать вперед весь мир?

Отец положил руки на шар и чуть толкнул его вперед.

- Это и есть весь мир, - сказал он.

- Чего-то я не понимаю, - сказал мальчик, - как это навозный шар может быть всем миром. Или как это весь мир может стать навозным шаром.

- Не все сразу, - сказал отец, - подожди, пока твой Йа станет побольше, тогда поймешь.

- Шарик же маленький.

- Это только так кажется, - сказал отец. - Посмотри, сколько навоза я тебе сегодня дал. А мой Йа от этого совсем не уменьшился.

- Но если это весь мир, то что же тогда все остальное?

- Какое остальное?

- Ну, остальное.

Отец терпеливо улыбнулся.

- Я знаю, что это сложно понять, - сказал он. - Но кроме навоза ничего просто нет. Все, что я вижу вокруг, - отец широким жестом указал в туман, - это на самом деле Йа. И цель жизни - толкать его вперед. Понимаешь? Когда смотришь по сторонам, просто видишь Йа изнутри.

Мальчик наморщился и некоторое время думал. Потом он начал сгребать рассыпанный перед ним навоз ладонями и с удивительной легкостью за несколько минут слепил из него шар, не особо круглый, но все же несомненный. Шар был высотой точь-в-точь с мальчика, и это показалось ему странным.

- Папа, - сказал он, - ведь только что навоза у меня была одна сумка. А здесь его пол-грузовика. Откуда он взялся?

- Здесь весь навоз, который мы с мамой дали тебе с рождения, - сказал отец. - Ты его все время нес с собой, просто не видел.

Мальчик оглядел стоящий перед ним шар.

- Значит, теперь надо толкать его вперед?

Отец кивнул головой.

- А все вокруг и есть этот шар?

Отец опять кивнул.

- Но как же я могу одновременно видеть этот шар изнутри и толкать его вперед?

- Сам не знаю, - развел руками отец. - Вот когда вырастешь, станешь философом и всем нам объяснишь.

- Хорошо, - сказал мальчик, - если ничего кроме навоза нет, то кто же тогда я? Я-то ведь не из навоза.

- Попробую объяснить, - сказал отец, погружая руки в шар и передавая сыну еще горсть. - Правильно, вот так, вот так, ладошками... Теперь погляди внимательно на свой шар. Это ты и есть.

- Как это так? Я ведь вот, - сказал мальчик, и показал на себя большим пальцем.

- Ты неправильно думаешь, - сказал отец. - Ты логически рассуждай. Если ты говоришь про что-то "Йа", то значит, это ты и есть. Твой Йа и есть ты.

- Мое ты и есть Йа? - переспросил мальчик. - Или твое ты?

- Нет, - сказал отец, - твой Йа и есть ты. Сядь на лавку, успокойся, и сам все увидишь.

То, что отец назвал лавкой, было длинным и толстым бревном квадратного сечения, лежащим на границе видимости. Один его торец сильно обгорел - видно, перекинулся огонь из подожженной урны, - и теперь лавка напоминала во много раз увеличенную спичку. Мальчик подкатил свой Йа к лавке, уселся и поглядел на отца.

- А туман не помешает? - спросил он.

- Нет, - ответил отец. - Вон, гляди, уже почти видно. Только больше никуда не смотри.

Мальчик поглядел на папу, недоверчиво пожал плечами и

уставился в неровную поверхность своего свежеслепленного шара. Под его взглядом она постепенно разгладилась и даже заблестела. Потом она начала делаться прозрачной, и внутри шара стало заметно движение. Мальчик вздрогнул.

Из глубины шара на него глядела шипастая черная голова с крошечными глазками и мощными челюстями. Шеи у головы не было - она переходила в твердый черный панцирь, по бокам которого шевелились зазубренные черные лапки.

- Что это такое? - спросил мальчик.

- Это отражение.

- Чего?

- Ну как же так? Ведь только что все понял, а? Давай опять логически. Спроси себя сам - если я вижу перед собой отражение, и знаю, что передо мной Йа, что я вижу?

- Себя, наверно, - сказал мальчик.

- Вот, - сказал отец, - понял наконец.

Мальчик задумался.

- Но ведь отражение всегда бывает в чем-то, - сказал он, поднимая взгляд на рогатую и черную папину морду, поблескивающую бусинками глаз.

- Правильно, - сказал отец, - ну и что?

- В чем оно?

- Как в чем? Ну ты даешь. Все же у тебя перед глазами. Конечно, в самом себе, в чем же еще?

Мальчик долго молчал, вглядываясь в лежащий перед ним навозный шар, а потом закрыл лапками морду.

- Да, - наконец сказал он изменившимся голосом. - Конечно. Понял. Это Йа. Конечно, это же Йа и есть.

- Молодец, - сказал отец, слезая со спички и чуть привставая на четырех задних лапках, чтобы передними ухватиться за свой шар. - Идем дальше.

Туман вокруг достиг такой плотности, что скорее походил на клубы пара в бане, и о движении можно было судить только по медленно уплывающим назад насечкам на бетоне. Через каждые три метра из белого небытия появлялись забитые грязью щели между плитами - в некоторых из них росла трава. На краях плит были неглубокие выемки с ржавыми железными полукольцами, предназначенными для крюка подъемного крана. Больше об окружающем мире ничего сказать было нельзя.

- А Йа есть только у навозников? - спросил мальчик.

- Почему. Йа есть у всех насекомых. Собственно говоря, насекомые и есть их Йа. Но только скарабеи в состоянии его видеть. И еще скарабеи знают, что весь мир - это тоже часть их Йа, поэтому-то они и говорят, что толкают весь мир перед собой.

- Так что, выходит, все вокруг тоже навозники? Раз у них есть Йа?

- Конечно. Но те навозники, которые про это знают,

называются скарабеями. Скарабеи - это те, кто несет древнее знание о сущности жизни, - сказал отец и похлопал лапкой по шару.

- А ты скарабей, папа?

- Да.

- А я?

- Еще не совсем, - сказал отец. - Над тобой должно совершиться главное таинство.

- А что это за главное таинство?

- Понимаешь, сынок, - сказал отец, - его природа настолько непостижима, что лучше о ней даже не говорить. Просто подожди, пока это произойдет.

- А долго ждать?

- Не знаю, - сказал отец. - Может, минуту. А может, три года.

Он с выдохом толкнул свой шар дальше и побежал за ним.

Глядя на отца, мальчик старательно копировал все его движения. Отцовские руки при каждом толчке глубоко погружались в навоз, и было непонятно, как это он успевает их вытаскивать.

Мальчик попытался так же глубоко погрузить руки в шар, и с третьей попытки это удалось - для этого просто надо было сложить пальцы щепоткой. Поворачиваясь, шар утаскивал за собой руки, и выскочить они успевали только тогда, когда казалось, что ноги вот-вот оторвутся от земли. "А что, если еще глубже?" - подумал мальчик и изо всех сил воткнул руки в навоз. Шар повернулся вперед, ноги мальчика оторвались от земли, и сердце екнуло, словно он первый раз в жизни делал "солнышко" на качелях. Он взлетел вверх, замер на миг в полуденной точке, и понесся вниз вместе с накатывающейся на бетон навозной полусферой. Падая, он понял, что шар сейчас проедет по нему, но даже не успел испугаться. Наступила тьма, а когда он пришел в себя, его уже поднимала вверх та самая навозная полусфера, которая только что проволокла его по бетону.

- Доброе утро, - послышался папин голос. - Как спалось?

- Что же это такое, папа? - спросил мальчик, пытаясь перебороть головокружение.

- Это жизнь, сынок, - ответил отец.

Поглядев в его сторону, мальчик увидел серо-коричневый шар, катящийся вперед сквозь белую мглу. Папы нигде не было - но, приглядевшись, мальчик заметил на поверхности навоза размазанный нечеткий силуэт, который поворачивался вместе с шаром. В этом силуэте можно было выделить туловище, руки, ноги и лицо, а на лице мальчик заметил два глаза, которые медленно поднимались от бетона вместе с поверхностью шара. Эти глаза печально смотрели на него.

- Молчи, сынок, молчи. Йа знаю, что ты спросишь. Да. Со всеми происходит именно это. Мы, скарабеи, просто единственные, кто это видит.

- Папа, - спросил маленький шар, - а почему же йа раньше

думал, что ты идешь за своим шаром и толкаешь его вперед?

- А это потому, сынок, что ты был еще маленький.

- И всю жизнь так, мордой о бетон...

- Но все-таки жизнь прекрасна, - с легкой угрозой сказал отец. - Спокойной ночи.

Мальчик глянул вперед и увидел наезжающую на глаза бетонную плиту.

- Доброе утро, - сказал большой шар, когда тьма рассеялась, - как настроение?

- Никак, - ответил маленький.

- А ты старайся, чтобы оно у тебя было хорошее. Ты молодой, здоровый - о чем тебе грустить? То ли де...

Большой шар вздрогнул и замолчал.

- Ты ничего не слышишь? - спросил он у маленького.

- Ничего, - ответил тот. - А что йа должен слышать?

- Да вроде... Нет, показалось, - сказал большой шар, - О чем йа говорил?

- О настроении.

- Да. Ведь мы сами создаем себе настроение и все остальное. И надо стремиться, чтобы... Опять.

- Что? - спросил маленький.

- Шаги. Не слышишь?

- Нет, не слышу. Где?

- Впереди, - ответил большой шар, - как будто слон бежит.

- Это тебе кажется, - сказал маленький. - Спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

- Доброе утро.

- Доброе утро, - вздохнул большой. - Может, и кажется. Ты знаешь, йа ведь старый уже. Здоровье шалит. Иногда утром проснусь, и думаю - вот так буду где-нибудь катиться, и...

- Почему, - сказал маленький, - вовсе ты не старый.

- Старый, старый, - с грустью отозвался большой. - Скоро тебе уже придется обо мне заботиться. А ты, небось, не захочешь...

- Как не захочу. Захочу.

- Это ты сейчас так думаешь. А потом у тебя своя жизнь начнется, и... Вот опять.

- Что опять? - нетерпеливо спросил маленький шар.

- Шаги. Ой... А теперь колокол бьет. Не слышишь?

Большой шар остановился.

- Покатили вперед, - сказал маленький шар.

- Нет, - сказал большой, - ты катись, а йа тебя догоню.

- Ладно, - согласился маленький, покатил вперед и исчез в тумане.

Большой шар оставался на месте. Никаких шагов больше слышно не было, и он медленно тронулся вперед.

- Сынок! - крикнул он, - эй! Ты где?

- Йа здесь, - ответил голос из тумана. - Спокойной ночи!

- Спокойной ночи!
- Доброе утро!
- Доброе утро! - крикнул большой шар, покатился в сторону, откуда долетел ответ, и катился довольно долго, пока не стало ясно, что они с сыном разминулись.
- Эй! - крикнул он снова, - ты где?
- Йа здесь.

На этот раз голос долетел издалека и слева. Большой шар двинулся было туда, но сразу же испуганно замер. Впереди раздался громоподобный удар, такой сильный, что даже бетон под ногами мелко задрожал. Следующий удар раздался ближе, и навозный шар увидел огромную красную туфлю с острым каблуком, врезавшуюся в бетон в нескольких метрах впереди.

- Папа! Я теперь тоже слышу шаги! Что это? - долетел далекий голос сына.
- Сынок! - отчаянно прокричал отец.
- Папа!

Мальчик закричал от страха и поднял глаза. Над его головой мелькнула тень, и на миг ему показалось, что он видит красную туфлю с темным пятном на подошве, уносящуюся в небо, и еще показалось, что в неимоверной высоте, куда взмыла туфля, возник на мгновение силуэт огромной расправившей крылья птицы. Мальчик с трудом отлепил руки от стоявшего перед ним навозного шара и кинулся к месту, откуда последний раз долетел отцовский голос. Через несколько шагов он наткнулся на большое темное пятно на асфальте, поскользнулся и чуть не упал.

- Папа, - тихо сказал он.

Видеть то, что осталось от папы, было слишком тяжело, и он, постепенно понимая, что произошло, побрел назад к своему шару. Перед его глазами встала добрая папина морда со страшными только на вид хитиновыми рогами и полными любви бусинками глаз, и он заплакал. Потом он вспомнил, как папа, протягивая ему кусок навоза, говорил, что слезами горю не поможешь, и перестал плакать.

"Папина душа полетела на небо, - подумал он, вспомнив быстро уносящееся вверх пятно на огромной подошве, - и я уже ничем ему не смогу помочь".

Он поднял глаза на свой шар, удивился, каким тот за последнее время стал большим, потом посмотрел на свои руки и со вздохом положил их на податливую теплую поверхность навоза. Поглядев последний раз туда, где оборвалась папина жизнь (ничего, кроме тумана, видно уже не было), он толкнул Йа вперед.

Шар был таким массивным, что требовал всего внимания и всей силы, и мальчик полностью погрузился в свой нелегкий труд. В его голове мелькали смутные мысли - сначала о судьбе, потом о папе, потом о себе самом - и скоро он приноровился, и уже не надо было толкать шар вперед, а достаточно было просто бежать вслед за ним

на тонких черных лапках, чуть приподняв морду, чтобы длинный хитиновый вырост на нижней челюсти не цеплял за бетон. А еще через несколько шагов лапки достаточно глубоко увязли в навозе, шар поднял мальчика вверх, обрушил вниз, и жизнь вошла в свое русло, по которому шар и покатился вперед.

Бетонная плита наезжала на глаза и наступала тьма, а когда появлялся свет, оставалась только слабая память о том, что минуту назад снилось что-то очень хорошее.

"Йа вырасту большой, женюсь, у меня будут дети, и йа научу их всему, чему меня научил папа. И йа буду с ними таким же добрым, каким он был со мной, а когда йа стану старым, они будут обо мне заботится, и все мы проживем долгую счастливую жизнь,"- думал он, просыпаясь и поднимаясь по плавной окружности навстречу новому дню движения сквозь холодный туман по направлению к пляжу.

3. ЖИТЬ ЧТОБЫ ЖИТЬ

Вверху было только небо и облако в его центре, похожее на чуть улыбающееся плоское лицо с закрытыми глазами. А внизу долгое время не было ничего кроме тумана, и когда он, наконец, рассеялся, Марина так устала, что еле держалась в воздухе. С высоты было заметно не так уж много следов цивилизации: несколько бетонных молов, дощатый навес над пляжем, корпуса пансионата и домики на далеких склонах. Еще была видна глядящая ввысь чаша антенны на вершине холма и стоящий рядом вагончик вроде тех, что называют наваристым словом "бытовка". Вагончик и антенна были ближе всего к небу, с которого медленно спускалась Марина, и она разглядела, что антенна ржавая и сломанная, дверь вагончика крест-накрест заколочена досками, а стекла в его окне выбиты. От всего этого повеяло печалью, но ветер пронес Марину мимо, и она сразу же забыла об увиденном. Расправив полупрозрачные крылья, она сделала в воздухе прощальный круг, взглянула напоследок в бесконечную синеву над головой и стала выбирать место для посадки.

Выбирать было особенно не из чего - достаточно пустого пространства было только на набережной, и она понеслась над бетонными плитами, еще в воздухе начав перебирать ногами. Посадка чуть не кончилась катастрофой, потому что между плит попадались металлические решетки для стока воды, и Марина чудом не угодила в одну из них тонким каблуком туфли. Коснувшись ногами земли, она быстро побежала вперед, стуча красными каблучками по бетону, метров через тридцать погасила инерцию, остановилась и огляделась.

Первым объектом, с которым она встретилась в новом для нее мире, оказался большой фанерный щит на котором было нарисовано несбывшееся советское будущее и его прекрасные обитатели -

Марина на минуту впилась глазами в их выцветшие нордические лица, над которыми висели похожие на ватрушки из "книги о вкусной и здоровой пище" космические станции, а потом перевела взгляд на закрывавшую полстенда афишу, вручную написанную на ватмане широким плакатным пером:

ПРИШЕЛЬЦЫ СРЕДИ НАС
Лекция о летающих тарелках и их пилотах
Новые факты. Демонстрация фотографий.
Для желающих после лекции проводится
СЕАНС ЛЕЧЕБНОГО ГИПНОЗА
Лекцию и сеанс проводит лауреат
воронежского слета экстрасенсов
кандидат технических наук
А.У. Пауков

В кустах за афишей подрагивали последние сгустки тумана, но небо над головой было уже ясным, и с него вовсю светило солнце. В конце набережной был мост над впадающим в море сточным ручьем, а за ним стоял стоял ларек, от которого доносилась музыка - именно такая, какая и должна играть летним утром над пляжем. Справа от Марины, на лавке перед душевым павильоном, дремал старик с гривой желтовато-седых волос, а в нескольких метрах слева, возле похожих на маленькую белую виселицу весов, ждала клиентов женщина в медицинском халате.

Марина услыхала над головой шуршание крыльев, подняла голову и увидела еще двух снижающихся муравьиных самок, повторяющих маневры, которые несколько минут назад проделала она. С их плеч свисали точно такие же сумки, как у Марины, и одеты они были так же - в джинсовые юбки, кооперативные блузки и красные туфельки на острых каблуках. Та, что летела впереди и ниже, пронеслась над ограждением набережной и, набирая высоту, полетела над морем. Вторая пошла было на посадку, потом, видно, передумала и быстро замахала крыльями, пытаясь опять подняться, но было уже поздно, и она на всей скорости врезалась в витрину палатки. Раздался грохот стекол и крики; Марина сразу же отвела глаза, успев только заметить, как к месту происшествия кинулось несколько прохожих.

Рядом по набережной, задрав крылья вверх и балансируя сумкой, пробежала еще одна только что приземлившаяся самка. Марина поправила на плече сумочку, развернулась и неспешно пошла вдоль длинного ряда скамеек.

На душе у нее было тихо и покойно, и если бы еще не жали туфельки, было бы совсем хорошо. Навстречу попадались загорелые мужчины в плавках - они оценивающе обводили стройную Маринину фигуру глазами, и от каждого такого взгляда делалось тепло и начинало сладко сосать под ложечкой. Марина дошла до моста над

ручьем, полюбовалась белой полосой пены на границе моря и суши, послушала шуршание перекатывающейся под волнами гальки и повернула назад.

Через несколько шагов она ощутила неясное томление - пора было что-то сделать. Марина никак не могла взять в толк, что именно, пока не обратила внимания на тихий шорох за спиной. Тогда она сразу поняла, или скорее вспомнила.

Крылья, которые до сих пор волочились за ней по пыли, были не нужны. Она подошла к краю тротуара, огляделась по сторонам и нырнула в кусты. Там она присела, сунула руку за плечо, поймала ладонью основание крыла и изо всех сил дернула. Ничего не произошло - крыло держалось слишком прочно. Марина дернула второе, и тоже безрезультатно. Тогда она наморщила лоб и задумалась.

- А, ну да, - пробормотала она и открыла сумочку. Первым, что попалось ей под руку, был небольшой напильник.

Пилить крылья было не больно, но все же неприятно; особенно раздражал скребущий звук, от которого в лопатках возникало подобие зубной боли. Наконец, крылья упали в траву, и на ее теле от них остались только выступы возле лопаток и две дыры в кофточке. Марина сунула напильник в сумку, и в ее душу вернулся радостный покой. Она вынырнула из кустов обратно на залитую светом набережную.

Мир вокруг был прекрасен. Но в чем именно заключалась эта красота, сказать было крайне трудно: в предметах, из которых состоял мир - в деревьях, скамейках, облаках, прохожих - ничего особенного вроде бы не было, но все вместе складывалось в ясное обещание счастья, в честное слово, которое давала жизнь. У Марины внутри раздался вопрос, выраженный не в словах, а как-то по другому, но означавший, несомненно:

"Чего ты хочешь, Марина?"

И Марина, подумав, ответила что-то хитрое, тоже невыразимое в словах - но вложила в этот ответ всю упрямую надежду молодого организма.

- Вот такие песни, - прошептала она, глубоко вдохнула пахнущий морем воздух и пошла по набережной навстречу сияющему дню. Вокруг прохаживалось довольно много муравьиных самок; они ревниво поглядывали друг на друга и на Марину, на что она отвечала такими же взглядами; впрочем, смысла в этом не было, потому что различий между ними не существовало абсолютно никаких.

Не успела Марина подумать, что надо чем-нибудь себя занять, как увидела прибитую к деревянному столбу стрелку с надписью:

Кооператив "ЛЮЭС"
Видеобар с непрерывным показом французских
художественных фильмов.

Стрелка указывала на тропинку, ведущую к большому серому зданию за деревьями.

Видеобар оказался затхлым подвалом с кое-как подмалеванными стенами, пустыми сигаретными пачками над стойкой и мерцающим в углу экраном. Сразу за дверью Марину остановил выпуклый мужик в спортивном костюме и потребовал два шестьдесят за вход. Марина полезла в сумку и нашла там маленький кошелек из черного дерматина; в кошельке оказалось два мятых рубля и три двадцатикопеечных монеты. Она пересыпала их в мускулистую ладонь, которая сжала деньги тремя пальцами, а четвертым указала ей на свободное место за столиком.

Вокруг большей частью были недавно приземлившиеся девушки в дырявых на спине блузках. Телевизор, в который они завороженно глядели, очень напоминал небольшой аквариум, по единственной прозрачной стене которого время от времени проходила радужная рябь. Марина устроилась поудобней и тоже стала глядеть в аквариум.

Внутри плавал мордастый мужчина средних лет в накинутой на плечи дубленке. Подплыв к стеклу, он влажно поглядел на Марину, а потом сел в машину красного цвета и поехал домой. Жил он в большой квартире, с женой и похожей на Жанну д'Арк юной служанкой, которая по сюжету вроде не была его любовницей, но немедленно заставила Марину задуматься - трахнул он ее во время съемок или нет.

Мужчина любил очень многих женщин, и часто, когда он стоял у залитого дождем окна, они обнимали его за плечи и задумчиво припадали щекой к его надежной спине. Тут в фильме было явное противоречие - Марина ясно видела, что спина у мужчины очень надежная (она даже сама мысленно припала к ней щекой), но, хотя он только и делал, что туманным утром бросал заплаканных женщин в гостиничном номере, на надежности его спины это не сказывалось никак. Чтобы его напряженная половая жизнь обрела необходимую романтическую полноту, вокруг него иногда возникали то африканские джунгли, где он, чуть пригибаясь под пулями и снарядами, брал интервью у командира наемников, то Вьетнам, где он, в кокетливо сдвинутой каске, с журналистским микрофоном в руке, под дивную французскую песню - тут Марине на глаза навернулись прозрачные слезы - брел среди призывно раскинувшихся трупов молоденьких американцев, которым он, несмотря на возраст, совсем не уступал в отваге и мужской силе. Словом, фильм был очень тонкий и многоплановый, но Марину интересовало только развитие сюжета, и она с облегчением вздохнула, когда герой снова оказался в старом добром Париже, в гостиничном номере, за окном которого было туманное утро, и к его широкой и надежной спине припала окончательная щека.

Под конец Марина так ушла в свои мечты, что толком не заметила, как погас волшебный аквариум, и как она оказалась на улице; в себя она пришла от ударившего в глаза солнца, поспешила

в тень и пошла по кипарисовой аллее, примеряя на себя самые понравившиеся кусочки фильма.

Вот она лежит в кровати, на ней желтый шелковый халат, а на тумбочке рядом стоит корзина цветов. Звонит телефон, она снимает трубку и слышит голос мордастого мужчины:

- Это я. Мы расстались пять минут назад, но вы позволили звонить вам в любое время.

- Но я уже сплю, - грудным голосом отвечает Марина.

- В это время в Париже сотни развлечений, - говорит на это мужчина.

- Хорошо, - отвечает Марина, - но пусть это будет что-то оригинальное.

Или так: Марина (в узких темных очках) запирает автомобиль, и остановившийся рядом мордастый мужчина делает тонкое замечание об архитектуре. Марина поднимает глаза и смотрит на него с холодным интересом:

- Мы знакомы?

- Нет, - отвечает мужчина, - но могли бы быть знакомы, если бы жили в одном номере...

Вдруг Марина позабыла про фильм и остановилась.

"А куда это я иду?"- растерянно подумала она и поглядела по сторонам.

Впереди была одинокая белая пятиэтажка с обвитыми плющом балконами, перед пятиэтажкой - иссеченный шинами пыльный пустырь, на краю которого поваливала декоративная белая мазанка придорожного сортира. Еще была видна пустая автобусная остановка и несколько глухих каменных заборов. Марина совершенно четко ощутила, что вперед ей идти не надо, оглянулась и поняла, что возвращаться назад тоже незачем.

"Надо что-то сделать,"- подумала она. Что-то очень похожее на ампутацию крыльев, но другое - вроде бы она только что это помнила, и даже шла по аллее с туманным пониманием того, куда и для чего она направляется, но сейчас все вылетело из головы. Марина ощутила то же томление, что и на набережной.

- Если бы жили в одном номере, - пробормотала она, - в одном но... Ох, господи.

Она хлопнула себя по лбу. Надо было начинать рыть нору.

Подходящее место нашлось рядом с главным корпусом пансионата - в широкой щели между двумя гаражами, где земля была достаточно сырой и подходила для рытья. Марина туфелькой раскидала пустые бутылки и ржавую консервную жесть, открыла сумочку, вынула новенький красный совок и, присев на корточки, глубоко погрузила его в сухой крымский суглинок.

Первый метр она осилила без особого труда - после слоя почвы началась смешанная с песком глина, рыть которую было несложно. Правда, когда край ямы оказался на уровне груди, она пожалела, что не сделала нору шире - было бы легче выкидывать землю. Но вскоре она придумала, как облегчить себе работу.

Сначала она как следует разрыхляла совком грунт под ногами, а потом, когда его набиралось много, горстями выкидывала его за край ямы. Иногда встречались обломки кирпичей, камни, осколки старых бутылок и гнилые корни давно срубленных деревьев - это осложняло работу, но ненадолго. Марина была настолько поглощена своим занятием, что не знала, сколько прошло времени; выкидывая из ямы очередной мокрый булыжник, она заметила, что небо уже потемнело, и очень удивилась.

Наконец, яма достигла такой глубины, что, выкидывая землю, надо было подниматься на цыпочки, и Марина почувствовала, что пора рыть вбок. Это было сложнее, потому что грунт здесь был неподатливый, и совок часто лязгал о камни, но делать было нечего; Марина, сжав зубы, на время растворила свою личность в работе, и от всего мира остались только земля, камни и совок. Когда она пришла в себя, первая камера была почти готова. Вокруг была темнота, и когда Марина выползла из бокового хода в вертикальную часть норы, высоко над ее головой загадочно мигали звезды.

Марина чувствовала оглушительную усталость, но знала, что ложиться спать ни в коем случае нельзя. Она вылезла из ямы на поверхность и стала раскидывать отработанную землю, чтобы не был заметен вход в нору. Земли было слишком много, и Марина поняла, что поблизости всю ее не спрятать. Она чуть подумала, сняла с себя юбку и завязала ее узлом на одном конце. Получился довольно вместительный мешок. Марина ладонями затолкала в него столько земли, сколько влезло, с трудом закинула его на плечо и, пошатываясь, пошла к пустырю. Светила Луна, и сначала ей было страшно выйти из тени, но потом она решилась, быстро пробежала по залитому голубым светом пустырю за гаражами и ссыпала землю на обочине дороги. Второй раз это было уже не так страшно, а в третий она даже перестала коситься на окна пятиэтажки, в которых не то горели тусклые лампы, не то просто отражалась Луна. Быстро перемещаться мешали туфельки, каблук одной из которых сломался еще когда она рыла нору, и Марина скинула их, поняв, что они больше не нужны.

Босиком бегать стало легче, и довольно скоро на краю дороги выросла куча земли, словно сброшенная самосвалом, а вход в нору перестал быть заметен со стороны. Марина валилась с ног, но у нее все же хватило сил отыскать кусок картонного сигаретного ящика с нарисованным зонтиком и красной надписью "Parisienne", которым она, спускаясь в нору, прикрыла вход. Теперь все было сделано. Она успела.

- Хорошо, - пробормотала она, со счастливой улыбкой сползая по шершавой земляной стене на пол и вспоминая мордастого мужика из фильма, - Хорошо. Но пусть это будет что-нибудь оригинальное...

Весь следующий день она спала - один только раз ненадолго проснулась, подползла к выходу и, чуть отодвинув картонку,

выглянула наружу. В нору ударил косой солнечный луч и долетел щебет птиц, такой счастливый, что даже показался ненатуральным, словно на дереве сидел Иннокентий Смоктуновский и щелкал соловьем. Марина вернула картонку на место и поползла назад в камеру.

Когда она проснулась следующий раз, первым, что она почувствовала, был голод. Она открыла сумку, которая раньше решала все ее проблемы, но там остались только узкие черные очки, совсем как у девушки из фильма. Марина решила вылезти наружу, и тут заметила, что юбки, из которой она прошлой ночью сделала мешок, нигде нет - видно, она так и оставила ее у дороги вместе с последней порцией земли. Туфелек на ногах тоже не было - она вспомнила, что сбросила их, когда они стали мешать. Лезть в таком виде наружу нечего было и думать. Марина села на землю и заплакала, а потом опять уснула.

Когда она проснулась, было темно. За время сна что-то в ней изменилось - теперь она не раздумывала, можно ли выходить в таком виде наружу. Она просто нащупала в темноте совок, откинула картонку, вылезла, присела и подняла глаза к небу.

Удивительно красива крымская ночь. Темнея, небо поднимается выше, и на нем ясно проступают звезды. Из всесоюзной здравницы Крым незаметно превращается в римскую провинцию, и в душе оживают невыразимо понятные чувства всех тех, кто так же стоял когда-то на древних ночных дорогах, слушал треск цикад и, ни о чем особо не думая, глядел в небо. Узкие и прямые кипарисы кажутся колоннами, оставшимися от давно снесенных зданий, море шумит точно так же, как тогда (что бы это "тогда" ни значило), и перед тем, как толкнуть навозный шар дальше, успеваешь на миг понять, до чего загадочна и непостижима жизнь, и какую крохотную часть того, чем она могла бы быть, мы называем этим словом.

Марина опустила глаза и потрясла головой, чтобы собраться с мыслями. Мысли натряслись такие - надо было сходить на рынок и выяснить обстановку.

Она медленно пошла к темной скале пансионата, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться. Видно вокруг почти ничего не было, и как Марина не осторожничала, через несколько шагов она наступила в ямку и упала, чуть не сломав колено. От боли у нее прояснилось в голове, и она поняла, что на четвереньках двигаться гораздо удобней и безопасней. Она вприпрыжку потрусила вперед, выскочила на обсаженную цветами освещенную дорожку и побежала к фонарям набережной - перемещалась она на трех лапках, потому что в четвертой был сжат зазубренный и ободранный долгой работой совок.

Рынок оказался просто частью набережной под плоским металлическим навесом. Вокруг никого не было, и Марина принялась шарить вокруг пустых прилавков, пытаясь отыскать хоть что-нибудь съедобное. Минут за двадцать она нашла множество давленых груш

и яблок, несколько слив, пару полуобглоданных кукурузных початков и совершенно целую виноградную гроздь. Она наполнила всем этим найденный здесь же рваный пластиковый пакет и пошла к пустым столикам возле угасшего мангала - днем она заметила, как здесь пили пиво и ели шашлык, и решила посмотреть, не осталось ли чего на столах.

- Самка, где виноград брали?

Марина от неожиданности так испугалась, что чуть не выронила сумку. Но когда она оглянулась, то испугалась еще сильнее и отпрыгнула на несколько шагов назад. Перед ней стояла худая женщина в измазанных глиной трусах и рваной блузке. Ее глаза дико горели, волосы были набиты землей и всклокочены, а руки и ноги сильно исцарапаны. Одной рукой она прижимала к груди фанерный ящик с объедками, а в другой держала точно такой же совок, как у Марины, и по этому совку Марина поняла, что перед ней тоже муравьиха.

- А там вон, - ответила она, и показала совком в сторону прилавков, - только там нет больше. Кончился.

Женщина сладко улыбнулась, и шагнула к Марине, не спуская с нее горящих глаз. Марина сразу все поняла, пригнулась и выставила перед собой совок. Тогда женщина бросила ящик в траву, зашипела и прыгнула на Марину, целясь ей головой в живот. Марина успела заслониться от удара пакетом и смазала ее совком по лицу, а потом еще пнула ногой. Женщина завизжала и отскочила.

- Катись отсюда, гадина! - крикнула Марина.

- Сама гадина, - пятясь и дрожа, прошипела женщина, - поналетели тут к нам, суки позорные...

Марина шагнула к ней, размахнулась совком, и женщина быстро-быстро убежала в темноту. Марина склонилась над ее ящиком, выбрала несколько мягких мокрых помидоров получше и положила в свой пакет.

- Еще кто к кому поналетел! Сраная уродина! - победно крикнула она в ту сторону, куда скрылась женщина, и зашагала к мосту; не дойдя до него нескольких метров, она остановилась, подумала, вернулась и захватила с собой брошенный сраной уродиной ящик.

"Какая страшная", - с омерзением думала она по дороге.

Сложив продукты в углу норки, Марина опять вылезла и, словно на крыльях, на четвереньках понеслась к пансионату. У нее было очень хорошее настроение.

- Вот такие песни, - шептала она, зорко вглядываясь во тьму.

Наконец, она нашла то, что искала - на газоне стоял маленький стог сена, накрытый полиэтиленом. Марина заметила его еще в первый день. За несколько рейдов она перетаскала к себе все сено, потом, удивляясь и радуясь своей лихости, подкралась к стене пансионата и медленно пошла вдоль нее, пригибаясь, когда проходила мимо окон. Одно из них было открыто, и из-за него

доносилось громкое дыхание спящих. Марина, отворачиваясь, чтобы случайно не увидеть своего отражения в стекле, подкралась к черному проему, подпрыгнула, одним сильным и красивым движением сорвала висящую на окне штору и, не оборачиваясь, кинулась назад к норке.

4. СТРЕМЛЕНЬЕ МОТЫЛЬКА К ОГНЮ

Зеркало в тяжелой полукруглой раме из темного дерева, висевшее над спинкой кровати, казалось совершенно черным, потому что отражало самую темную стену комнаты. Иногда Митя щелкал зажигалкой в поднятой руке, и по черной поверхности зеркала проходили оранжевые волны, но зажигалка быстро нагревалась, и ее приходилось гасить. Из окна на кровать падало чуть-чуть света, но уже был вечер, и на танцплощадке начала играть музыка. Сквозь марлевую занавеску можно было различить в темноте далекие вспышки разноцветных ламп - точнее, не сами вспышки, а их отсветы на листве.

Митя лежал в полутьме, задрав ноги в кроссовках на высокую решетчатую спинку кровати, и поглаживал рукой Марка Аврелия Антонина, сплющенного веками в небольшой зеленый параллелепипед, листать который было уже темно. Рядом лежала другая книга, китайская, называвшаяся "Вечерние беседы комаров У и Цэ".

"Удивительно, - думал он, - чем глупее песня и чем чище голос, тем больше она трогает. Только ни в коем случае не надо задумываться, о чем они поют. Иначе все..."

Лежать дальше было утомительно. Митя вынул из книги исписанный лист бумаги, сложил его вчетверо, сунул в карман и встал. Нашарив на столе сигареты, он отпер дверь и вышел наружу. Узкий проход между курортными домиками освещало только соседнее окно; была видна калитка, лавка у проволочного забора и длинные бледные травы в русле высохшего ручья. Митя запер дверь, увидел свое отражение в стекле и хмыкнул. С некоторых пор он стал выглядеть в темноте довольно странно - тяжелые крылья, сложенные на его спине, казались плащом из серебряной парчи, доходившим почти до земли, и ему иногда бывало интересно, что видят на их месте другие.

За светящейся занавеской соседнего домика играли в карты и разговаривали. Там жила семейная пара, а сейчас у них, судя по голосам, были гости.

- Теперь черви, - говорил мужской голос. - Ну конечно изменилась, Оксан. Ты еще спрашиваешь. С тобой все по-другому стало.

- Ну а лучше или хуже? - требовательно спросил тонкий женский голосок.

- Ну как... Теперь ответственность появилась, - задумчиво

ответил мужской голос. - Знаю, куда после работы идти. Ну и ребенок, сама понимаешь... Играю втемную.

- У тебя же и так минус четыреста, - вмешался другой мужской голос.

- Ну а что делать? - спросил первый. - Девятка червей.

Митя зажег сигарету (на огонек спички метнулось несколько крохотных насекомых), прошел через калитку и перепрыгнул сухое русло. Осторожно преодолев несколько метров полной темноты, он продрался сквозь кусты, вышел на асфальт, остановился и поглядел назад. Светлая линия дороги доходила до вершины холма и обрывалась, а дальше были видны черные силуэты гор. Одна из них, та, что была сейчас справа, напоминала со стороны моря огромного бронированного орла, наклонившего голову вперед; с катера, который ходил по вечерам мимо, бывали иногда заметны непонятные огни на вершине - наверное, там был маяк. Сейчас огней не было.

Сделав несколько затяжек, Митя кинул окурок на асфальт, тщательно раздавил его и медленно побежал вниз по дороге. Крылья расправились и легли на волну набегающего воздуха, а еще через несколько шагов он взлетел, пронесся между кронами деревьев, поджал ноги, чтобы не зацепить натянутый между двумя столбами электрический провод (тот был невидим в темноте, но Митя один раз уже ободрал о него голень) - и, когда сверху осталось только чистое темное небо, стал широкими кругами набирать высоту. Вскоре стало прохладнее, и спина заныла от усталости; Митя решил, что поднялся достаточно высоко, и поглядел вниз.

Внизу, как и в любой другой вечер, горели редкие фонари и окна. Источников света, достаточно ярких для того, чтобы возникло хотя бы слабое желание направиться к ним, было мало - пара ресторанных вывесок, розовая неоновая язвочка слова "Люэс" на углу темной башни пансионата, и мерцающее зарево расположенной рядом танцплощадки. С высоты она была похожа на большой раскрытый цветок, все время меняющий цвета и вместо запаха источающий из себя музыку, которая была слышна даже здесь. Инстинкт гнал к этому цветку всех окрестных насекомых каждый раз, когда чья-то лапка включала электричество, и Митя решил спуститься посмотреть, что там сейчас происходит.

Снизившись, он полетел на бреющем, почти цепляя верхушки деревьев. Когда танцплощадка приблизилась, она перестала походить на цветок и превратилась во что-то виденное в детстве, новогоднее - это был огромный клубок просвечивающих сквозь ветви электрических гирлянд, из которого сочилась музыка удивительной пошлости и красоты.

- Твоя вишневая де-вят-ка давно свела меня с ума, - несся из десятка мощных динамиков голос неизвестной сумасшедшей.

Внимательно вглядываясь в несущуюся под ногами тропинку, на которую он обычно садился, Митя широко раскрыл крылья и повернул их навстречу бьющему в лицо воздуху - крылья задрожали под ветром, и он повис на месте. Мягко спружинив о сухую твердую землю,

он сошел с тропинки и зашагал по газону.

Танцплощадка была просто асфальтовым полем за высоким проволочным забором. В одном ее конце стояла невысокая деревянная эстрада, на которой громоздились черные коробки динамиков. Вдоль забора в несколько беспорядочных рядов стояли заполненные народом лавки, а само пространство для танцев было, как автобус в час червей, заполненно извивающимися распаренными телами. Митя заплатил полтинник за вход, миновал нескольких мух у входа и сел на краю лавки. За вечер состав толпы успевал полностью смениться несколько раз; устав, народ расползался по лавкам или уходил совсем, но на смену вставали другие, и танец ни на миг не прерывался. Митя любил размышлять о том, как это похоже на жизнь - правда, наслаждаться своей отрешенностью немного мешало сознание того, что он тоже почему-то сидит на лавке и глядит на чужие потные лица.

Вдруг музыка стала громче, лампы погасли, а потом стали по очереди вспыхивать на долю секунды, вырывая из темноты то зеленую, то синюю, то красную монолитно-неподвижную толпу, которая в короткие моменты своего существования напоминала свалку гипсовых фигур, свезенных сюда со всех советских скверов и пионерлагерей; так прошло несколько минут, и стало окончательно ясно, что на самом деле нет ни танцев, ни танцплощадки, ни танцующих, а есть множество мертвых парков культуры и отдыха, каждый из которых существует только ту секунду, в течение которой горит лампа, а затем исчезает навсегда, чтобы на его месте через миг появился другой парк культуры и отдыха, такой же безжизненный и безлюдный, отличающийся от прежнего только цветом одноразового неба и углами, под которыми согнуты конечности статуй.

Митя встал, пробрался мимо весело жужжащих девочек в зеленых и синих платьицах и вышел за ворота, у которых сидело несколько качков в тренировочных костюмах предостерегающей окраски. В просвете между деревьями было виден тускло горящий лиловый фонарь. Он ярко загорелся, несколько раз мигнул и погас, и Митя, подчиняясь неожиданному импульсу, пошел вперед, во тьму.

Деревья, закрывавшие небо, скоро кончились, и из кустов на Митю задумчиво глянул позеленевший бюст Чехова, возле которого блестели под лунным светом осколки разбитой водочной бутылки. Набережная была пуста. Под одним из тусклых фонарей сидела компания доминошников с пивом, издававшая бодрые голоса и стук. Дима подумал, что обязательно надо будет искупаться, и пошел вдоль шеренги скамеек, призывно повернутых женственным изгибом к морю.

- Еще кто к кому поналетел! Сраная уродина! - донесся со стороны рынка триумфальный женский крик.

Зажигая сигарету, Митя увидел впереди темную фигуру, опершуюся локтями на парапет.

Разглядев тяжелый длинный плащ знакомого серебристого оттенка, он недоверчиво покачал головой. Такая встреча казалась невероятной.

- Дима! - позвал он.

Фигура повернула голову и повторила Митин недоверчивый жест.

- Митя? Ого. Тоже сюда прилетел?

- Еще кто к кому поналетел, - ответил Митя, подходя и пожимая протянутую руку. - Какое странное совпадение. Ты давно из Москвы?

- Два дня.

- И как там?

- Дожди, - ответил Дима. - Уже осень.

- Ты ждешь кого нибудь?

Дима помотал головой.

- Пройдемся?

Дима кивнул.

Они спустились на пляж по скрипящей деревянной лестнице, прошли по крупной хрустящей гальке и оказались перед узкой полосой пены. К Луне по морю шла широкая и прямая серебряная дорога, напоминающая цветом крылья ночного мотылька.

- Красиво, - сказал Митя.

- Красиво, - согласился Дима.

- Тебе никогда не хотелось полететь к этому свету? В смысле, не просто проветриться, а по-настоящему, до конца?

- Хотелось когда-то, - сказал Дима. - Только не мне.

Они повернули и медленно пошли вдоль сияющей границы моря.

- Ты здесь один?

- Я всегда один, - с достоинством ответил Дима.

- В последнее время я заметил, - сказал Митя, - что от частого употребления некоторые цитаты блестят, как перила.

- А что ты еще в последнее время заметил? - спросил Дима.

Митя задумался.

- Смотря что называть последним временем, - сказал он. - Мы сколько не виделись - год?

- Около того.

- Ну, например, зимой я заметил одну вещь. Что в Москве большую часть времени мы живем в темноте. Не в переносном смысле, а в самом прямом. Вот, помню, стою я на кухне и говорю по телефону. А под потолком слабая желтая лампочка горит. И тут я поглядел в окно, и меня как током ударило - до чего же темно...

- Да, - сказал Дима. - со мной тоже что-то похожее было. А потом я еще одну вещь понял - что мы в этой темноте живем вообще все время, просто иногда в ней бывает чуть светлее. Собственно, ночным мотыльком становишься именно в тот момент, когда понимаешь, какая вокруг тьма.

- Не знаю, - сказал Митя. - По-моему, деление мотыльков и бабочек на ночных и дневных - чистая условность. Все в конце

концов летят к свету. Это же инстинкт.

- Нет. Мы делимся на ночных и дневных именно по тому, кто из нас летит к свету, а кто - к тьме. К какому, интересно, свету ты можешь лететь, если думаешь, что вокруг и так светло?

- Так что же, они все, - Митя кивнул в сторону набережной, - летят во тьму?

- Почти.

- А мы?

- Конечно, к свету.

Митя засмеялся.

- Прямо каким-то масоном себя чувствуешь, - сказал он.

- Брось. Это они масоны. Абсолютно все. Даже эти, которые в домино наверху играют.

- Честно говоря, - сказал Митя, - у меня нет чувства, что я сейчас лечу к свету.

- Если ты думаешь, - сказал Дима, - что мы куда-то летим, а не просто идем по пляжу, то ты, без всякого сомнения, летишь в темноту. Точнее, кружишься вокруг навозного шара, принимая его за лампу.

- Какого шара?

- Неважно, - сказал Дима. - Есть такое понятие. Хотя, конечно, вокруг такая тьма, что ничего удивительного в этом нет.

Некоторое время они шли молча.

- Вот смотри, - сказал Митя, - ты говоришь - тьма. Я сегодня вечером взлетел - действительно, тьма. А на танцплощадке народ, все смеются, танцуют, и песня играет, вот как сейчас. Глупая страшно. Вишневая девятка и все такое прочее. А меня эта музыка почему-то трогает.

- Бывает, - сказал Дима.

- Я тебе даже так скажу, - с горячностью продолжал Митя, - если самый главный ленинградский сверчок возьмет лучшую шотландскую волынку и споет под нее весь "Дао Дэ Цзин", он и на сантиметр не приблизится к тому, во что эти вот идиоты, - Митя кивнул в сторону, откуда доносилась музыка, - почти попадают.

- Да во что попадают?

- Не знаю, - сказал Митя. - Как будто раньше было в жизни что-то бесценное, а потом исчезло, и только тогда стало понятно, что оно было. И оказалось, что все абсолютно, чего хотелось когда-то раньше, имело смысл только потому, что было это, непонятное. А без него уже ничего не нужно. И сказать даже про это нельзя. Ты знаешь, до какого огня я действительно хотел бы долететь? Было такое стихотворение, вот послушай: "Не жизни жаль с томительным дыханьем, что жизнь и смерть? А жаль того огня, что просиял над целым мирозданьем, и в ночь идет, и плачет, уходя..."

- По-моему, - сказал Дима, - не тебе жалеть этот огонь. Уместней было бы, если бы этот огонь пожалел тебя. Или ты считаешь, что ты сам этот огонь, который идет во тьму и плачет?

- Может, и считаю.

- Так не иди во тьму, - сказал Дима. - И не плачь.

Над танцплощадкой заиграла новая песня - женщина печально спрашивала у темного неба, луны и двух бредущих по пляжу фигур в темных плащах, где она сегодня, и жаловалась, что не знает, где ей найти не то себя, не то еще кого-то - последнее слово было неразборчивым, но это не имело значения, потому что дело было не в словах, и даже не в музыке, а в другом, таком, что все вокруг тоже погрузилось в печаль и размышляло, где оно сегодня и как ему найти не то себя, не то что-то еще.

- Нравится? - спросил Митя.

- Ничего, - сказал Дима. - Но главное достоинство в том, что она не понимает, о чем поет. Так же, как твой приятель, который не нашел ничего лучше, как пожалеть свет, уходя во тьму. Свет, Митя, никуда не уходит и не плачет, и в нем нет никакой тьмы. А твой приятель как будто табличку в коридоре повесил - "уходя, жалейте свет". Ведь это же не огонь идет в ночь, а он сам уходит от огня.

- Это не мой приятель, - сказал Митя.

- Ну и правильно, - сказал Дима, - я б тоже с таким никаких дел иметь не стал. Понимаешь, все, что вызывает жалость у мертвецов, основано на очень простом механизме. Если мертвому показать, например, муху на липучке, то его вырвет. А если показать ему эту же муху на липучке под музыку, да еще заставить на секунду почувствовать, что эта муха - он сам, то он немедленно заплачет от сострадания к собственному трупу. А завтра сам раздавит десять мух. Впрочем, таких же точно мертвых, как и он сам.

- Выходит, и я тоже мертвый? - спросил Митя.

- Конечно, - сказал Дима, - а какой же еще. Но тебе это хоть можно объяснить. А поэтому ты уже не совсем мертвый.

- Спасибо, - сказал Митя.

- Пожалуйста.

Они поднялись назад на набережную. Доминошники уже исчезли, и от них осталась только колеблемая ветром газета, несколько сдвинутых ящиков, пустые пивные бутылки и рыбья чешуя; из-за меланхолии, которую навеяла музыка, казалось, что они не просто разошлись по домам, а рассосались в окружающей тьме - для полноты ощущения не хватало только их выветренных скелетов рядом с бутылками и чешуей.

- А чего это ты о танцплощадке заговорил? - спросил Дима.

- Я там пролетал сейчас. Спустился даже, посидел немного. Очень странно. Вроде видно, что все они мертвые, прямо как из гипса. Знаешь, есть такая игрушка - два деревянных медведя с молотками? Двигаешь деревянную палочку взад-вперед, и они бьют по наковальне?

- Знаю.

- Так вот там то же самое. Все танцуют, смеются, раскланиваются, а посмотришь вниз - и видишь, как над полом бревна ходят. Взад-вперед.

- Ну и что?

- Как ну и что? Ведь летели-то они все на свет. А как ни летай, светится только танцплощадка. И получается, что все вроде бы летят к жизни, а находят смерть. То есть в каждый конкретный момент движутся к свету, а попадают во тьму. Знаешь, если бы я писал роман о насекомых, я бы так и изобразил их жизнь - какой-нибудь поселок у моря, темнота, и в этой темноте горит несколько электрических лампочек, а под ними отвратительные танцы. И все на этот свет летят, потому что ничего больше нет. Но полететь к этим лампочкам, это...

Митя щелкнул пальцами, подыскивая подходящее слово.

- Не знаю, как объяснить.

- А ты уже объяснил, - сказал Дима. - Когда про Луну говорил. Луна и есть главная танцплощадка. И одновременно главная лампочка главного Ильича. Абсолютно то же самое. Свет не настоящий.

- Да нет, - сказал Митя. - Свет настоящий. Свет всегда настоящий, если он виден.

- Правильно, - сказал Дима. - Свет настоящий. Только откуда он?

- Что значит "откуда"? От Луны.

- Да? А тебе никогда не приходило в голову, что она на самом деле абсолютно черная?

- Я бы сказал, что она скорее желто-белая, - ответил Митя, внимательно поглядев вверх. - Или чуть голубоватая.

- Скажи. Миллиардов пять мух с тобой, конечно, согласятся. Но ведь ты не муха. Из того, что ты видишь желтое пятно, когда смотришь на Луну, совершенно не следует, что она желтая. Я вообще не понимаю, как этого можно не понять. Ведь прямо сверху висит ответ на все вопросы.

- Может быть, - сказал Митя, - но у меня, к сожалению, ни одного из этих вопросов не возникает. Но я тебя понял. Ты хочешь сказать, что когда я смотрю на Луну, я вижу солнечный свет, который она отражает, а сама она не светится. Но по-моему, это не важно. С меня достаточно того, что свет существует. И когда я его вижу, самое главное, что во мне есть, заставляет меня двигаться в его направлении. А откуда он, какой он - это все слова.

- Ну хорошо. К Луне ты двигаться не желаешь. А к какому свету ты идешь сейчас?

- К ближайшему фонарю.

- А потом куда?

- К следующему.

- Ладно, - сказал Дима, - давай тогда поставим эксперимент

на одном насекомом.

Он вытянул вперед руку с разведенными веером пальцами, и все фонари на набережной погасли.

Митя остановился.

- А к какому свету ты направишься сейчас? - спросил Дима.

- Ну ты даешь. Как ты это сделал?

- Именно так, - сказал Дима, - как ты подумал. Договорился с монтером, который сидел в кустах и ждал, когда я дам ему знак. И все это исключительно для того, чтобы произвести на тебя впечатление.

- Я так подумал?

- А разве нет?

- Ну в общем да. Правда, не совсем так. Я действительно подумал про монтера, и про знак, но только не про кусты.

- Про кусты ты тоже подумал.

- Да, но это не про фонари. Это про Луну. Точнее, про Чехова, неважно. Как ты это делаешь?

- Что? Мысли читаю?

- Да нет, это я сам могу. Чужие несложно. Я про фонари.

- Очень просто. Если ты ответил себе на один вопрос, ты можешь управлять всеми видами света.

- Какой вопрос? - спросил Митя.

- Вообще лучше задать его себе самому, но поскольку ты не очень склонен это сделать, тебе его задам я.

Дима выдержал паузу.

- Луна отражает солнечный свет, - сказал он. - А свет чего отражает Солнце?

Митя молча сел на скамейку и откинулся на спинку.

Было тихо; ветер шевелил листву над головой, и шум моря сливался с последними нотами затихающей песни - казалось, этот смешанный звук летит на самом деле от желтого круга висящей в небе танцплощадки. Потом добавился рокот приближающегося к причалу прогулочного катера, и слева появились его медленно наплывающие огни.

- American boy, уеду с тобой, уеду с тобой - Москва, прощай, - взвились над танцплощадкой два чистых юных голоса, и долетел аккомпанемент балалаек, простой и трогательный, как платье пионерки.

5. ТРЕТИЙ РИМ

Крохотный планер пронесся так близко к выступающим из горного склона зубьям скал, что на мгновение почти слился со своей тенью, и над столиками летнего кафе раздался дружный вздох. Но скользящий в небе треугольник, похожий на серебристую ночную бабочку, развернулся и полетел над морем, приближаясь к пляжу. Сэм зааплодировал, и Артур перевел взгляд на него.

- Вас это так впечатляет? - спросил он.

- Как вам сказать, - отозвался тот. - Я в молодости занимался чем-то подобным, поэтому в состоянии оценить чужое мастерство. Пройти так близко к скалам лично я бы не решился.

- А я вообще не понимаю, зачем так бессмысленно рисковать жизнью, - ответил Артур.

- Мы с вами, если задуматься, тоже рискуем ей каждый день, - заметил Сэм.

- Но ведь, согласитесь, по необходимости. А взять и просто расшибить лоб о скалы очень бы не хотелось.

- Это верно, - сказал Сэм, задумчиво следя за треугольником, который опять повернул к скалам, - верно. А откуда они стартуют?

- Вон гора, - сказал Артур. - Видите?

Далеко за пляжем и поселком виднелась невысокая гора, длинная и пологая, на вершине которой можно было разглядеть несколько разноцветных планеров. Сэм вынул маленький коричневый блокнот с золотой надписью "Memo executive", что-то в нем записал и даже схематично зарисовал пляж, поселок и пологую гору.

- Там все время восходящий поток, - сказал Артур. - Поэтому они ее и облюбовали.

Подошла официантка со строгим, как у судьбы, лицом, и молча сгрузила с подноса на стол тарелки, бутылку шампанского и несколько бокалов. Сэм недоуменно поднял на нее глаза и сразу отвел - на щеке официантки был огромный багровый лишай.

- Заказывали, - пояснил Артур.

- А, - улыбнулся Сэм. - Я уж и забыл.

- У нас ресторанная категория, - сказала официантка. - Можете правила посмотреть. Ожидание до сорока минут.

Сэм рассеяно кивнул головой и поглядел в свою тарелку. В меню блюдо называлось "біточкі по-сілянскі з цібулей". Оно состояло из нескольких маленьких прямоугольных кусочков мяса, лежавших в строгом архитектурном порядке, целого моря соуса справа от мяса и пологой горы картофельного пюре, украшенной несколькими цветными точками моркови и укропа. Картофельное пюре лавой наплывало на куски мяса, и содержимое тарелки походило на Помпеи с птичьего полета, одновременно странным образом напоминая панораму приморского городка, которая открывалась со столика. Сэм поднял вилку, занес ее над тарелкой и заметил сидящую на границе пюре и соуса молодую муху, которую он сначала принял за обрывок укропной метелочки. Он медленно протянул к ней руку - муха вздрогнула, но не улетела, - осторожно взял ее двумя пальцами и перенес на пустой стул.

Муха была совсем юной - ее упругая зеленая кожа весело сверкала под солнцем, и Сэм подумал, что ее английское название - "greenbottle fly" - очень точно. Ее лапки были покрыты темными волосками и кончались нежными розовыми присосками - словно на каждой из ее ладоней призывно темнело по два полуоткрытых рта, а

талия была тонка настолько, что, казалось, могла переломиться от легчайшего дуновения ветра. Ее застенчиво подрагивающие крылья, похожие на две пластинки слюды, блестели всеми цветами радуги и были покрыты стандартным узором темных линий, по которым без всякой крыломантии можно было предсказать ее простую судьбу. Глаза у нее тоже были зелеными и глядели немного исподлобья, а со лба на них падала длинная темная челка, из-за которой она казалась даже моложе, чем была, и производила впечатление школьницы, нарядившейся в платье старшей сестры. Поймав взгляд Сэма, муха чуть покраснела.

- How are you? - спросила она, старательно выговаривая слова. - I'm Natasha. And what is your name?

- Сэм Саккер, - ответил Сэм. - Но мы можем говорить по-русски.

Показывая ровные белые зубки, Наташа улыбнулась, перевела быстрые глаза на презрительно улыбающегося Артура и сразу помрачнела.

- Я не помешала? - спросила она и сделала такое движение, словно собиралась встать.

- Да как вам сказать, - процедил Артур, глядя в сторону.

- Ну что вы, - быстро вмешался Сэм, - наоборот. Разве может такое очаровательное существо кому-нибудь помешать? Шампанского?

- С удовольствием, - ответила Наташа, и двумя пальцами взяла протянутый Сэмом бокал.

- А вы тут живете? - спросил Сэм.

Наташа отхлебнула шампанского и утвердительно кивнула.

- Родились тут?

- Нет, - сказала Наташа, - родилась я очень далеко, на севере.

- А чем занимаетесь?

- Музыкой, - ответила Наташа, поставила бокал на стол и сделала такое движение, словно растягивала перед грудью эспандер.

- Да, - сказал Сэм, переводя взгляд с двух бугорков под блестящей зеленой тканью наташиного платья на дешевый серебряный браслетик вокруг ее заприсосья, - интересно было бы вас послушать.

- Простите, - подал голос Артур, - вы не возражаете, если я отойду позвонить? Арнольда долго нет.

Сэм кивнул головой, и Артур пошел к будке автомата, зажатой двумя кооперативными ларьками. Возле будки стояла очередь, и Артур, заняв в ней место, принялся разглядывать книги, разложенные уличным торговцем прямо на газоне. Наташа открыла лежащую у нее на коленях сумочку, достала из нее напильник, с недоумением посмотрела на него, кинула назад и вытащила маленький косметический набор.

- А вы откуда, Сэм? - спросила она, разглядывая себя в зеркало. - Американец?

- Да, - ответил Сэм, - но живу большей частью в Европе. Вообще, даже сложно сказать, где я на самом деле живу - большую часть времени летаю туда-сюда.

- Вы бизнесмен?

Раскрыв цилиндрик с помадой, Наташа подкрасила присоски на лапках, и у Сэма мелькнула мысль, что это делает ее вульгарной, но вдвойне привлекательной.

- В общем можно сказать так, - ответил он. - Но больше всего в жизни меня интересуют новые впечатления.

- Ну и как, много здесь новых впечатлений?

- Хватает, - ответил Сэм. - Но они, знаете, на любителя.

На стол легла тень, и донесся совершенно неуместный в начале осени густой запах цветущих трав и деревьев.

- А ты, значит, не любитель? - раздался над ухом у Наташи громкий голос, от которого она чуть не выронила зеркальце.

Оглянувшись, она увидела невысокого толстяка в пестрой майке, который с ненавистью глядел на Сэма, поигрывая небольшим темным чемоданчиком.

- Арнольд! - обрадованно сказал Сэм, - а мы вас все ждем. Артур звонить пошел. Ну как, удалось что-нибудь выяснить?

- Удалось, - ответил Арнольд, швыряя кейс на стул рядом с Сэмом. - Все теперь ясно стало.

- Нашли! - сказал Сэм. - Ну слава Богу. А я и не заметил, что он у вас с собой. Вот спасибо.

Он раскрыл кейс, бегло осмотрел содержимое и, сомкнув кольцом большой и указательный пальцы, показал Арнольду кружок пустоты размером с металлический доллар. Тот подтянул стул от соседнего столика и тяжело сел.

- А это Наташа, - сказал Сэм, - познакомьтесь. Наташа, это Арнольд.

Арнольд повернул голову к Наташе и впился в нее глазами.

- Понятно, - сказал он, наглядевшись. - А вот чтобы пойти, к примеру, на ткацкую фабрику, крутильщицей или валяльщицей? Или волочильщицей? Это как? Не хочешь?

- Что вы говорите такое? - побледнев, прошептала Наташа. Ей в нос шибануло густым одеколонным запахом, она недоуменно подняла глаза на Сэма и увидела, что улыбка сползает с его лица, а в глазах проступает явный ужас.

- Не пугайте девушку, - сказал он, косясь в сторону телефонной будки, откуда торопливо шел Артур. - Наташа, это он шутит.

- Я? Шучу? Ты сюда, сука, кровь прилетел пить, и думаешь, мы с тобой шутки будем шутить?

- А кто это "мы"? - быстро спросил Сэм.

- Сейчас объясню, - сказал Арнольд, приподнимаясь со стула, и неизвестно, что бы произошло дальше, если бы подбежавший сзади Артур не обрушил на его голову полупустую бутылку шампанского.

Арнольд вместе со стулом повалился на пол и замер. За

соседними столиками стихли разговоры, и несколько граждан даже приподнялось со своих мест, собираясь не то вмешаться, не то убежать. Артур быстро сел верхом на товарища и стал заламывать его руку за спину. Это не очень получалось, хотя Арнольд вроде не сопротивлялся.

- Так и знал, что он не удержится, - нервно бормотал Артур, - тоже попробует. Говорил, у вас психика неустойчивая. А у него, значит, устойчивая. Вы идите, пока он в себя не пришел, уведите девушку. А я...

Арнольд пошевелился, и Артур чуть не слетел с него на асфальт.

- Идемте, Наташа, - сказал Сэм, хватая Наташу за руку.

Они быстро вышли из-за столика и, разминувшись с бегущим к месту драки милиционером, быстро пошли прочь.

- Что это с ним? Наркотики? - спросила Наташа.

- Примерно, - ответил Сэм. - Я бы не хотел обсуждать чужую беду. Не знаете, где здесь можно перекусить? А то поесть так и не дали.

Наташа оглянулась на толпу, сгрудившуюся среди ресторанных столиков.

- Все, - сказала она, - забрали. Что вы говорите? Поесть? Это надо на такси ехать. Дойдем до "Волны" - они там ходят.

- Простите, Наташа, - сказал Сэм, - может быть, у вас какие-нибудь планы?

В ответ Наташа поглядела на Сэма с такой простодушной откровенностью, что все ее планы стали сразу понятны и видны.

Дорога шла мимо глубокого котлована с руинами подземных этажей недостроенного здания. Из трещин в стенах росли трава, кусты и даже несколько молодых деревьев, и казалось, что это не котлован, вырытый под новостройку, а могила погибшего здания или раскопки древнего города. Сэм залюбовался и шел молча; притихла и Наташа.

- Да, - сказал Сэм, когда котлован остался позади, - Удивительно. Я тут заметил одну странную вещь. Россия ведь третий Рим?

- Третий, - сказала Наташа, - точно. И еще второй Израиль. Это Иван Грозный сказал. Я в газете читала.

- Так вот, если написать "третий Рим", а потом дописать слово "третий" наоборот, получится очень интересно. С одной стороны будет читаться "третий Рим", а с другой - "третий мир".

- В Ялте, - сказала Наташа, - часа три отсюда на катере, есть канатная дорога. Садишься на набережной и поднимаешься на гору. Там дворец строили, или музей Ленина, не знаю. А потом бросили. И остались только колонны и часть крыши. Все огромное такое, и вокруг пустырь. Будто храм какой. Точно, третий Рим и есть. Сэм, а вы в первом были?

Сэм кивнул, и Наташа тихонько вздохнула.

- Пришли, - сказала она. - Здесь машину надо ловить.

Асфальтовая дорожка кончалась у длинного здания, где помещались магазин и непонятное заведение под названием "Волна", перед которым грелись на солнце два адидасистых янычара. Под навесом автобусной остановки напротив сверкали белки нескольких худых и загорелых южных старух. Наташа подняла руку, и из тени ив, росших возле остановки, выехала старая серая "Волга" с оленем на капоте. Наташа наклонилась к окошку, посовещалась с шофером, повернулась к Сэму и кивнула.

У шофера были длинные рыжие усы, торчащие в стороны несколько несимметрично, словно он только что кончил что-то ими ощупывать, а пахло в машине бензином и перезрелыми персиками. Попетляв среди утонувших в листве яблонь и груш белых домиков, "Волга" выехала на пыльную грунтовку; шофер разогнался, и пейзаж за задним стеклом скрылся в густых клубах желтой пыли, большие порции которой влетали и в окна.

Сэм закашлялся, закрыв рот рукой, и Наташа заметила, что его губы вытягиваются в длинную трубочку. Делая вид, что поднимает что-то с пола, он нагнулся к спинке переднего сиденья, заговорщически подмигнул Наташе и в знак молчания приложил к палец к своим вытягивающимся вперед губам. Наташа неумело подмигнула в ответ, и заостривший на конце хоботок Сэма мягко вошел в серую обшивку сиденья. Шофер вздрогнул, и его глаза беспокойно поглядели на пассажиров из продолговатого зеркальца над рулем.

- А вы правда думаете, Сэм, что у нас третий мир? - спросила Наташа, стараясь отвлечь шофера.

- Ну в общем да, - не разгибаясь, промычал Сэм. - В этом нет ничего обидного. Если, конечно, не обижаться на факты.

- Непривычно как-то.

- А придется привыкнуть. Это геополитическая реальность. Ведь Россия очень бедная страна. И Украина тоже. Тут... Как это выражение... Земля не родит. Даже если взять самые плодородные почвы где-нибудь на Кубани, это будет ничто по сравнению с землями, скажем, в Огайо...

Сэм произнес "ох-хаййо", и звук получился такой, что его вполне можно было намазывать на бутерброд вместо масла, а уж какие плодородные земли в штате Огайо, стало ясно сразу.

- Какой третий мир, - с горечью сказал шофер, неестественно пошевелив усами, - продали нас. Как есть, всех продали. С ракетами и флотом. Кровь всю высосали.

- Кто продал? - спросила Наташа. - И кому?

- Известно кто, - с уверенной ненавистью сказал шофер. - И кому, тоже известно. Ладно флот продали - так ведь и честь нашу продали...

Сэм что-то промычал, и шофер вяло махнул рукой.

- В спину, понимаешь, - пробормотал он и надолго затих.

Постепенно его лицо сильно побледнело, а глаза, прежде бегающие и настороженные, остекленели в безразличии. Сэм,

наоборот, покрылся румянцем, словно только что вышел из бани. Выдернув губы из сиденья и выпрямившись, он улыбнулся Наташе. Наташа сосредоточенно молчала.

- Наташа, я вас не обидел? - спросил Сэм.

- Чем? - удивилась Наташа.

- Этим третьим миром.

- Что вы, Сэм. Просто мне в детстве нагадали, чтобы я боялась римской цифры три. Но я ее нисколечки не боюсь. А обижаться мне никакого резона нет. Я ведь не Россия. Я Наташа.

- Наташа, - сказал Сэм. - Резон. Красивое имя. Перейдем на "ты"?

- С удовольствием, - сказала Наташа.

С обеих сторон дорогу обступали виноградники. Когда они кончились, слева опять появилось море. Сэм раскрыл свой кейс, вынул оттуда маленькую стеклянную баночку, выплюнул в нее немного красной жидкости, завинтил крышку и кинул банку назад. Наташа тем временем напряженно размышляла, и на лбу у нее даже образовалась маленькая красивая извилинка. Сэм поймал ее взгляд и улыбнулся.

- Все о'кей? - спросил он.

- Ага, - улыбнулась в ответ Наташа. - Я вот о чем думаю. Ну, допустим, первый мир - это Америка, Япония там и Европа. Третий Рим, мир то есть, это, скажем, мы, Африка и Польша. А что такое второй мир?

- Второй? - удивленно спросил Сэм. - Хм. Не знаю. Действительно, интересно. Надо выяснить, откуда это выражение пошло. Наверно, никакого второго мира просто нет.

Он поглядел в окно и заметил высоко в небе серебристый треугольник - то ли тот самый планер, за которым он следил из-за столика в ресторане, то ли другой точно такой же.

- Я другого понять не могу, - сказал он, - куда это мы едем?

- Обедать, - сказала Наташа.

- Я уже сыт, - сказал Сэм.

- Тогда может лучше тут затормозим? - предложила Наташа. - Здесь места очень красивые, дикие. Можно искупаться.

Сэм сглотнул слюну.

- Послушайте, - сказал он шоферу, - мы, пожалуй, здесь вылезем, а?

- Ваше дело, - хмуро сказал шофер. - Давайте пять долларов, как обещали.

Наташа бросила на Сэма извиняющийся взгляд.

Сэм вылез на дорогу и полез за кошельком.

- Матрешки не нужны? - спросил шофер.

- Какие? - спросил Сэм.

- Всякие есть. Горбачев, Ельцин.

- Спасибо,- сказал Сэм.

- А еще новая матрешка есть. Генерал Руцкой, а внутри Никита Михалков и деревянный томик Достоевского. За тридцать долларов

отдам.

Сэм отрицательно покачал головой.

- Будет чесаться, - сказал он, протягивая пятерку в раскрытую дверь, - вы одеколоном протрите.

Шофер мрачно кивнул. Машина развернулась на месте и, обдав их желтой пылью, рванулась назад. Стало тихо. Сэм с Наташей пошли по тропинке, которая зигзагом сбегала вниз по крутому каменистому склону. Спускались они молча, потому что тропинка была очень узкой, и идти по ней надо было осторожно.

Четкой линии берега внизу не было - склон переходил в лабиринт из скал, между которыми плескалось море. Сняв тапочки - Сэм с умилением понял, что на ногах у нее были розовые домашние тапочки, а не туфли необычного фасона, как он подумал сначала, - Наташа зашла по колено в воду, и Сэм, подвернув штаны и разувшись, последовал за ней, держа кейс и мокасины над головой и пытаясь вспомнить, какую же это греческую легенду ему напоминает происходящее. Они долго петляли между коричневых каменных стен, и, наконец, вышли к большой наклонной плите, поверхность которой выступала из воды примерно на полметра.

- Вот тут я загорала, - сказала Наташа, залазя на камень. - С той стороны можно нырять - уже глубоко.

Забравшись на плиту, Сэм полез за видеокамерой.

- Помоги, Сэм, - попросила Наташа.

Повернувшись, Сэм увидел, что она стоит к нему спиной, заведя руку за спину, и пытается дотянуться до тесемок, завязанных на спине. Осторожно положив камеру на мокасины, Сэм прикоснулся к наташиному платью и почувствовал, как она вздрогнула. Тесемки абсолютно ничего не держали, и были, как Сэм помнил из статьи в "Нэшнл Джиографик", просто наивным приспособлением для завязывания знакомства, которым пользовались русские девушки - даже металлические шарики на их концах формой напоминали блесну. Но дрожь, прошедшая по наташиной спине, заставила Сэма забыть о методике правильного поведения, которую рекомендовал журнал, и когда она перешагнула через упавшее на камень платье и осталась в крохотном купальнике из блестящей зеленой ткани, его руки сами потянулись к камере.

Он долго снимал ее худенькое полудетское тело, ее счастливый смех и волну летящих по ветру волос, снимал ее голову над изумрудной водой и мокрые отпечатки ее ступней на камне, а потом, передав ей камеру и объяснив, на что надо нажимать, бросился в море и рванулся к возникшей вдали белой точке прогулочного катера таким безоглядным баттерфляем, словно и правда собирался достичь его вплавь.

Когда, тяжело дыша, он вернулся на плиту, Наташа лежала на спине, ладонью прикрывая глаза от солнца. Сэм устроился рядом, положил щеку на теплую поверхность камня и, прищурясь, поглядел на Наташу.

- Вот вернусь домой, - сказал он, - буду смотреть это по

телевизору и грустить.

- Сэм, - сказала Наташа, - вот в Риме ты был, это я знаю. А во Франции?

- Совсем недавно, - ответил Сэм, придвигаясь к ней поближе. - А почему ты спрашиваешь?

- Так, - вздохнув, сказала Наташа. - Мать у меня часто про Францию говорила. Что ты там делал?

- Как обычно, кровь сосал.

- Нет, я не в том смысле. Ты просто так взял и поехал?

- Не совсем. Меня друзья пригласили. На ежегодный прустовский праздник в город Комбре.

- А что это за праздник такой?

Сэм долго молчал, и Наташа решила, что ему лень рассказывать. Где-то стрекотала машина прогулочного катера. Совсем рядом раздалось несколько чуть слышных мажорных аккордов на гитаре, а потом послышалось тихое жужжание и Наташа ощутила легкий укол в ногу; она рефлекторно хлопнула по этому месту ладонью - под ее пальцами что-то расплющилось, скаталось в крошечный шершавый шарик и отлетело в воду. Сэм заговорил нараспев, гнусаво произнося некоторые звуки в нос:

- Представь небольшую сельскую церковь, построенную около пяти веков назад, с грубо высеченными фигурами христианских королей, глядящих на площадь с облетевшими каштанами, ветви которых металлически блестят в свете нескольких фонарей; на брусчатке перед порталом появляется одинокий усатый мужчина, похожий на мишень из провинциального тира, и уже трудно сказать, что происходит потом, когда непреодолимая сила влечения отнимает у памяти мгновения полета, оставляя ей лишь короткие прикосновения бродящих наугад лапок к пропахшему кельнской водой и сигарным дымом шелку кашне, и грубое...

- Сэм, - прошептала Наташа, - что ты делаешь. Нас же увидят.

-...чем-то даже оскорбительное ощущение близости чужой кожи к твоему рту. Наслаждение усиливается, когда начинаешь различать за прорванными занавесями покровов, отделяющих одно тело от другого, глухой шум, сначала ток крови...

- Ах, Сэм... Не сюда...

- ...а затем - повелительные удары сердца, подобные сигналам, посылаемым с планеты Марс или из какого-то другого мира, так же недоступного нашему взору; их ритм и задает то страстные, то насмешливые движения твоего тела, в долгий выступ которого, блуждающий в пульсирующих лабиринтах чужой плоти, как бы перетекает все сознание; и вдруг все кончается, и ты вновь плывешь куда-то над старыми камнями мостовой...

- Сэм...

Сэм откинулся на камень и некоторое время не чувствовал вообще ничего - словно и сам превратился в часть прогретой солнцем скалы. Наташа сжала его ладонь; приоткрыв глаза, он увидел прямо перед своим лицом две большие фасетчатые полусферы

- они сверкали под солнцем, как битое бутылочное стекло, а между ними, вокруг мохнатого ротового хоботка, шевелились короткие упругие усики.

- Сэм, - прошептала Наташа, - а в Америке много говна?

Сэм улыбнулся, кивнул головой и снова закрыл глаза. Солнце било прямо в веки, и за ними возникало слабое фиолетовое сияние, на которое хотелось глядеть и глядеть без конца.

6. ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

Трудно было сказать, сколько дней Марина углубляла нору и рыла вторую камеру. Дни бывают там, где встает и заходит солнце, а Марина жила и работала в полной тьме. Сначала она передвигалась наощупь, но через некоторое время заметила, что неплохо видит в темноте - заметила совершенно неожиданно, когда в середине главной камеры уже была готова широкая кровать из сена, накрытого украденной в пансионате шторой. Марина как раз думала, что возле кровати, как в фильме, должна обязательно стоять корзина с цветами, и тут увидела в углу камеры трофейный фанерный ящик. Она огляделась и поняла, что видит и остальное - кровать, нишу в полу, где были сложены найденные на рынке продукты, и собственные конечности; все это было бесцветным, чуть расплывчатым, но вполне различимым.

"Наверно, - подумала Марина, - я и раньше видела в темноте, просто не обращала внимания."

Взяв ящик, она поставила его возле кровати, сунула туда клок сена и, как сумела, придала ему форму букета. Отойдя к дальней стене камеры, она с удовольствием осмотрела получившийся интерьер, подошла к кровати и нырнула под штору.

Чего-то не хватало. Промучившись несколько минут, Марина поняла, в чем дело - подтянув к себе лежащую на полу сумочку, она вынула из нее узкие черные очки и нацепила их на нос. Теперь оставалось только ждать звонка. Телефона у Марины в норе не было, но это мало ее смущало - она знала, что в той или иной форме звонок последует, потому что еще тогда, в далекое солнечное утро на набережной, жизнь дала ей в этом честное слово.

Лежать под шторой было тепло и удобно, но немного скучно. Марина сначала думала о всякой всячине, а потом, незаметно для себя, впала в оцепенение.

Разбудил ее донесшийся из-за стены шум. В том, что шум донесся именно из-за стены, Марина была уверена - она уже давно привыкла к звукам, которые прилетали сверху (это были голоса, шаги и рев мотора выезжающей из гаража машины), и автоматически отфильтровывала их, так что они совсем не мешали ей спать. Но этот звук был другим - за стеной определенно рыли землю. Марина

даже слышала звяканье совка о камни, с которыми она сама в свое время немало повозилась. Шум за стеной иногда исчезал, но потом возникал опять, вроде бы даже ближе, чем раньше, и Марина успокаивалась. Иногда из-за стены долетала песня - Марина не могла разобрать слов; было только ясно, что поет мужской голос, а мелодия вроде бы была "Подмосковные вечера", но сказать точно было нельзя. Постепенно у Марины выкристаллизовалась уверенность, что ход за стеной роют именно к ней, и она даже догадывалась, кто именно, но целомудренно боялась до конца в это поверить. Вскакивая с кровати, она подбегала к стене и надолго припадала к ней ухом, потом бросалась назад и замирала под шторой. Когда шум стихал, она приходила в смятение.

"А вдруг, - думала она, - он промахнется и пророе ход к этой сраной уродине?"

Она вспоминала самку с базара, и ее кулаки яростно сжимали сено.

"А сраная уродина, - думала она дальше, - возьмет и скажет, что она - это я. А он ей поверит... Он же такой глупенький..."

От такой подлости у нее даже перехватывало дыхание, и она представляла себе, что сделает с уродиной, если где-нибудь ее встретит.

Так продолжалась довольно долго; наконец, стена, за которой рыли ход, начала подрагивать, и с нее на пол посыпалась земля. Марина последний раз оглядела камеру - все вроде было в порядке - и юркнула под штору. В стену с той стороны начали бить чем-то тяжелым, и не успела Марина последний раз поправить на носу очки, как стена рухнула.

В образовавшейся дыре появился сапог. Он шевельнулся, несколько раз ковырнул землю, расширяя проход, и исчез, а потом в дыру просунулось мясистое лицо, которое Марина узнала сразу же. Это был он, или почти он, только не брюнет, а рыжий, и вместо дубленки на нем была заснеженная шинель с майорскими погонами. Аккуратно, чтобы не запачкаться землей, он протиснулся в дыру, и Марина заметила висящий на его груди тяжелый черный футляр с баяном.

- День добрый, - сказал он, снял баян, поставил его на предохранитель и опустил на пол. - Скучаешь?

Внутри у Марины все сжалось, но она нашла в себе силы изящно приподнять очки и с холодным интересом взглянуть на майора.

- Мы знакомы? - спросила она.

- Сейчас будем, - сказал майор, подходя к кровати и берясь крепкими ладонями за край свисающей с кучи сена шторы.

- Ты не представляешь, Николай, какие вокруг живут звери, - говорила Марина, прижимаясь к лежащей рядом на сене холодной мохнатой тушке. - Вот, например, ходила я недавно на рынок за продуктами. Так меня там чуть не убили. Еле потом до дома

добралась. Николай, ты спишь?

Николай не отвечал, и Марина, повернувшись на спину, уставилась в земляной потолок. Клонило в сон, и скоро ей стало казаться, что потолок над головой исчез, и на его месте выступили звезды. Одна из звездочек мигнула и поползла по потолку, и Марина, вспомнив детские лица со стенда с выгоревшим на солнце будущим, загадала желание.

- Сам я военный, - говорил Николай, - майор. Живу и работаю в городе Магадане. Но главное для меня в жизни - музыка. Так что если ты любишь музыку, у нас с тобой обязательно установится духовная близость...

Марина открыла глаза. Вокруг, как обычно, была тьма, но она знала, что уже настало то единственное утро, которое бывает в норе.

- Ты, Марина, - продолжал Николай, внимательно глядя на свои сапоги, стоящие возле постели, - скоро будешь такая толстая, что уже не сможешь никуда вылезти. А вечером в Магадане сотни развлечений, так что я тебе предлагаю сходить сегодня в театр.

- Хорошо, - сказала Марина, у которой сладко сжалось сердце, - но пусть это будет что-нибудь оригинальное.

Вместо ответа Николай протянул ей два листочка бумаги. "Магаданский ордена Октябрьской революции военный оперный театр" - прочла Марина шапку, перевернула билет и увидела на другой стороне синюю напечатку: "Жизнь за Царя".

- Так ведь где это - Магадан, - сказала она.

Николай кивнул в сторону проделанной им в стене дыры, и Марине показалось, что оттуда повеяло холодом.

До вечера Николай еще несколько раз залазил на Марину, и она, прислушиваясь к своим ощущениям от елозящего на ней холодного влажного тела, с недоумением спрашивала себя - неужели именно в этом все дело, и именно об этом во Франции сочиняют такие красивые песни? Иногда Николай замирал и принимался рассказывать о своей службе, о делах и товарищах, и скоро Марина уже знала их всех по именам и званиям. Когда Николай слазил с нее, он сразу же начинал работать по дому - сначала углубил нишу для еды, а потом принялся заделывать выход, ведущий к двум гаражам. Марина ощутила беспричинную тоску.

- Зачем это ты? - с кровати спросила она.

- Дует сильно, - сказал Николай. - Сквозняк.

- А как мы тогда вылазить будем?

Николай опять кивнул на дыру в стене, из которой он появился несколько часов назад. До вечера он успел придать ей квадратную форму, и даже сплел из соломы небольшой половичок, который положил перед дырой на пол.

Наконец, Николай поглядел на часы и сказал:

- Пора в театр.

Марина слезла с кровати и тут вспомнила, что ей совершено нечего одеть.

- А ты завернись в штору, - сказал Николай, когда она объяснила ему свою проблему, - сейчас все так ходят.

Марина последовала его совету, и получилось не так уж плохо. Николай натянул сапоги, надел шинель, повесил на плечо баян и нырнул в черную дыру в стене; Марина последовала за ним. За дырой был длинный кривой коридор, холодный и темный, который кончался узким лазом вверх; из лаза на земляной пол падал слабый синеватый свет и редкие снежинки. Николай выбрался наружу и протянул Марине руку; придерживая у горла штору, Марина последовала за ним.

Они оказались в полутемном дворе, из которого вышли на широкую заснеженную набережную. За ее ограждением простиралась ровная белая плоскость замерзшего моря, похожая на огромный занесенный снегом каток. Набережную освещало несколько фонарей, а вокруг шли прохожие - большей частью вооруженные баянами офицеры, некоторые из которых вели под руку своих завернутых в шторы жен; Марина, когда увидела их, испытала большое облегчение. Все офицерские жены были босыми, как и она, и Марина успокоилась окончательно; взяв за руку Николая, она пошла по улице, любуясь падающим снегом.

Театр оказался величественным серым зданием с колоннами, очень похожим на главный корпус пансионата; Марина вспомнила южную ночь, звезды на небе и шум моря, и помотала головой - таким это все казалось далеким и нереальным. Но театр удивительно напоминал здание, возле которого она когда-то вырыла нору, и даже лепные снопы на фронтоне были те же самые, только сейчас большая их часть была завешена широкой кумачевой полосой с белой надписью:

МУРАВЕЙ МУРАВЬЮ - ЖУК, СВЕРЧОК И СТРЕКОЗА

В театре было многолюдно, празднично и торжественно; доносились жутковатые звуки настраивающихся инструментов. Офицерские жены оценивающе поглядывали на маринину штору, и Марина с удовлетворением поняла, что ее штора не не хуже, чем у большинства. Правда, были шторы и лучше - например, жена одного генерала была завернута в малиновую бархатную портьеру с золотыми кистями, но зато сама эта жена была старая и морщинистая. Николай представил Марину нескольким своим друзьям - таким же рыжим майорам, и по их влажным зовущим взглядам Марина поняла, что произвела на них впечатление.

Недалеко от Марины остановился пожилой генерал со сточенными временем жвалами, поглядел на нее с благосклонной улыбкой, и Марина подумала, что с ним надо поговорить о культуре.

- Скажите, - спросила она, - вам нравятся французские

фильмы?

- Нет, - по-военному сухо ответил генерал. - Мне не нравятся французские фильмы. Мне нравится творчество кинорежиссера Сергея Соловьева, особенно то место, где его бьют кирпичом по голове, и он падает с табурета на пол.

Тут Марина заметила, что то, что она приняла за благосклонную улыбку, на самом деле было результатом паралича лицевых мышц, а смотрел на нее генерал вовсе не благосклонно, а скорее чуть напугано.

- А ваш муж, - добавил генерал, отходя в сторону и косясь на Николая, - хороший перспективный офицер.

- Служу Советскому Союзу! - щипая Марину за ногу, чтобы она не вздумала сказать что-нибудь еще, ответил вытянувшийся Николай.

Марина ждала, что он станет ее ругать, но он ничего не сказал.

Прозвенел звоночек, и все повалили в зал. Места у Николая с Мариной оказались не очень хорошие - сцена была видна под острым углом; то, что происходило в ее глубине, было неразличимо, и когда начался спектакль, Марина никак не могла взять в толк, о чем он. Николай наклонился к ней и шепотом стал объяснять, что большие черные муравьи напали на муравейник рыжих, и один старый муравей, пообещав провести их в камеру, где лежала главная матка и хранились яйца, на самом деле завел их в норку муравьиного льва. На Николая сзади шикнули, и он замолчал, но Марина уже разобралась, в чем дело.

Большую часть действия она только слышала, но зато когда настал самый главный момент, и на сцене остались старый муравей и муравьиный лев, Марина сумела отлично все рассмотреть. Муравьиный лев был бритым наголо румяным мужчиной в военной форме двадцатых годов, с орденом на груди; он с видимой скукой сидел на стуле, хлопая серой папахой по его ножке и дожидаясь, пока старый муравей кончит петь; когда тот затих и отполз в глубь сцены, муравьиный лев встал и медленно пошел вслед за ним. Тревожно и страшно заиграл оркестр, и по залу прошел вздох ужаса, но Марина уже ничего не видела. Она смотрела на тяжелую зеленую кулису и мечтала о том, что Николай станет генералом и выхлопочет такую же для нее.

Когда спектакль кончился, Николай предложил сходить в буфет выпить шампанского. Марина с радостью согласилась - она помнила, что в фильме мордастый мужчина все время пил со своими женщинами шампанское из высоких узких бокалов. И тут случилась беда.

На пустой лестнице, затянутой широким красным ковром, Николай споткнулся, потерял равновесие и упал, ударившись затылком о ступени. Он сразу же потерял сознание и быстро задрыгал ногами, а на лице у него проступило отвращение. Марина попыталась поднять его, за руку, но Николай был слишком тяжел, и Марина кинулась вниз, чтобы позвать на помощь. К счастью, на

следующей же площадке она наткнулась на двух майоров, которых Николай перед спектаклем представил ей как своих друзей. Они молча курили, дожидаясь, когда подойдет их очередь в буфете. Выслушав Марину, они побросали окурки и поспешили за ней.

Николай лежал все в той же позе и так же подергивал ногами, только теперь у него вдобавок стали непроизвольно двигаться руки - они совершали плавные движения вбок, будто растягивали и сжимали баян, но больше всего Марину напугало то, что Николай тихо-тихо напевал "Подмосковные вечера".

Один из майоров сел на корточки возле Николая, взял его кисть и нащупал пульс, а другой стал отсчитывать время по часам. Через минуту они переглянулись, и тот, который щупал пульс (свободной рукой Николай продолжал играть на невидимом баяне), отрицательно помотал головой.

Оба майора поглядели на Марину, и тут она впервые заметила, какие страшные жвала шевелятся у них под носами. Собственно, и у Николая, и у самой Марины были точно такие же, но раньше она не придавала этому значения. Глаза Марины заволокло слезами; сквозь их мутную пленку она увидела, что ей протягивают большой темный предмет; она подставила руки, и в них лег баян в футляре. Ее словно парализовало - она безучастно наблюдала, как первый майор приподнял николаеву ногу, а второй, быстро работая жвалами, отгрыз ее по пах вместе с защитной штаниной, на которой, в такт движениям его челюстей, подергивался тонкий красный лампас. Когда он перегрызал вторую ногу, вокруг появилось еще несколько майоров; они поставили свои бокалы с шампанским на пол, и работа пошла быстрее. Николай перестал играть на невидимом баяне только тогда, когда один из вновь появившихся стал отгрызать ему голову и, видно, перекусил нерв. Другой майор принес стопку газет "Магаданский муравей" и начал заворачивать в них отпиленные конечности Николая. Дальше у Марины в памяти был длинный провал.

В себя она пришла на улице, от уколов холодных снежинок в лицо. Театр остался далеко за спиной; в одной руке она держала ящик с баяном, а в другой - два продолговатых тяжелых свертка, плотно упакованных в несколько слоев газетной бумаги. Кое-как она дошла до того места, откуда несколько часов назад начинался поход в театр, огляделась и увидела в глубине занесенного снегом двора два ржавых гаража, стоящих под углом друг к другу. Между гаражами, под тонким слоем свежего снега, виднелось круглое углубление и недавние следы. Марина сунула руку в снег, сняла с лаза крышку - это был борт картонного ящика от папирос "Север" - и слезла вниз.

Внизу было темно и тихо. Марина положила свертки в снег, который намело под лазом, и поползла спать. Уже вскарабкавшись на сено, она вспомнила, что произошло в театре, когда Николая почти кончили разделывать: не в силах глядеть на это, она отвернулась и увидела, как по затянутым ковром ступеням, под руку с большим рыжим полковником в сверкающих сапогах, не

спуская с ее лица торжествующего взгляда, спускается сраная уродина с рынка, завернутая в лимонную портьеру с фиолетовыми виноградными гроздями.

7. ПАМЯТИ МАРКА АВРЕЛИЯ

Прогулочный катер успел отойти в море довольно далеко, а шел все прямо, как будто действительно направлялся в Турцию. Слева выступила часть побережья, раньше скрытая горой, и хоть сам берег не был виден в темноте, появились огни. Казалось, что они горят на поверхности моря, словно мимо катера медленно движутся свечи в бумажных коробочках, стоящие на маленьких плотах. Луна тоже казалась висящим среди облаков бумажным шаром с горящей внутри свечей. Облака вокруг нее были высокие и редкие, с ярко-голубой от лунного света кромкой, и небо из-за них казалось в несколько раз выше, чем обычно.

Митя стоял у борта, опершись о него локтями, и молча смотрел на берег.

- О чем ты столько времени думаешь? - спросил Дима.

- Все о том же, - сказал Митя. - О том, что со мной происходит.

- Ты сейчас едешь по морю на катере и смотришь на берег.

- Нет, - сказал Митя, - не прямо сейчас, а вообще в жизни. Никогда не замечал такой странности? Кому-нибудь другому очень просто рассказать, как надо жить и что делать. Я бы любому все объяснил. И даже показал бы, к каким огням лететь и как. А если то же самое надо сделать самому, сидишь на месте или летишь точно в другую сторону.

- Не понимаю, - сказал Дима, - какие сложности. Вон, видишь, сколько их горит. Выбрал любой и лети, пока сил хватит.

- В том-то и дело, - сказал Митя, - что лично во мне выбирают сразу двое. И я даже не могу отделить их друг от друга. Не знаю, кто настоящий, и не знаю, когда один сменит другого. Потому что оба вроде бы намерены двигаться к свету, только по разным маршрутам. А делать они предлагают совершенно противоположное.

- Кому предлагают?

- Мне.

- Ага, - сказал Дима, - значит, в тебе уже трое?

- Как трое?

- Первый, второй, и тот, кому они предлагают.

- Ты цепляешься к словам. Я могу по-другому сказать. Когда я пытаюсь принять решение, я все время натыкаюсь в себе на кого-то, кто принял прямо противоположное, и именно этот кто-то потом все и делает.

- А ты?

- А что я? Когда он появляется, я им и становлюсь.

- Так значит, это ты и есть?

- Но я ведь хотел делать прямо противоположное.

Митя надолго замолчал.

- Эти двое как бы делят мое время, - заговорил он опять. - Один - это настоящий я, окончательный, тот, кого я считаю самим собой. Тот, кто хочет лететь к свету. А второй - это временный я, существующий только секунду. Он тоже, в общем, собирается лететь к свету, но перед этим ему необходим короткий и последний отрезок тьмы. Как бы проститься. Кинуть последний взгляд. И что странно, у того меня, который хочет лететь к свету, есть вся жизнь, потому что он и есть я, а у того, кто хочет лететь к тьме - только одна секунда, и все равно...

- И все равно ты постоянно замечаешь, что летишь во тьму.

- Да.

- И тебя это удивляет?

- Очень.

Дима кинул за борт мятую конфетную бумажку и следил за ней, пока ее не накрыла полоса пены от винта.

- Вся жизнь ночного мотылька, - сказал он, - и есть эта секунда, которую он тратит, чтобы попрощаться с темнотой. Ничего кроме этой секунды просто нет. Понимаешь? Вся огромная жизнь, в которой ты собираешься со временем повернуть к свету, на самом деле и есть тот единственный момент, когда ты выбираешь тьму.

- Почему?

- А что еще может быть кроме этой секунды?

- Вчера. Завтра. Послезавтра.

- И вчера, и завтра, и послезавтра, и даже позавчера тоже существуют только в этой секунде, - сказал Дима. - Только в тот момент, когда ты о них думаешь. Так что если ты хочешь выбрать свет завтра, а сегодня попрощаться с тьмой, то на самом деле ты просто выбираешь тьму.

- А если я хочу перестать выбирать тьму? - спросил Митя.

- Выбери свет, - сказал Дима.

- А как?

- Просто полети к нему. Прямо сейчас. Никакого другого времени для этого не будет.

Митя поглядел на берег.

Что-то мелькнуло в воздухе, и раздался громкий удар о верхнюю палубу. Потом послышалось звяканье ботинок о тонкую металлическую переборку и бодрые голоса.

- Что это там? - задрав голову, спросил Митя.

- Комары, - сказал Дима. - Сразу трое.

- Ночью? - спросил Митя. - И от берега вроде далеко.

- Для них сейчас день, - ответил Дима. - Солнце вовсю светит.

- Что они там делают?

- Откуда я знаю, - сказал Дима. - Кажется, борются за производственное помещение. Не хочу даже им в мозги смотреть.

Справа по борту катера медленно поплыла огромная скалистая

гора. Она была похожа на каменную птицу, расправившую крылья и нагнувшую голову вперед, а на ее вершине горели два мигающих красных огня.

- Видишь, - сказал Дима, - сколько вокруг света и тьмы. Выбирай что хочешь.

- Допустим, я хочу выбрать свет. Но как я узнаю, настоящий он или нет? Ты же сам недавно говорил про Луну говорил, про лампочки Ильича, и так далее.

- Настоящий свет - любой, до которого ты долетишь. А если ты не долетел хоть чуть-чуть, то к какому бы яркому огню ты до этого ни направлялся, это был обман. Дело ведь не в том, к чему ты летишь, а в том, кто летит. Хотя это и одно и то же.

- Да, - сказал Митя, - Наверно. Тогда я выбираю вон те два красных огня на вершине.

Дима поглядел на вершину горы.

- Не так уж близко, - сказал он. - Но это не имеет значения.

- И что теперь делать? - спросил Митя.

- Лететь.

Митя с сомнением посмотрел ему в глаза.

- Ты так на меня смотришь, - сказал Дима, - словно хочешь понять, что у меня на уме.

- Я действительно хочу. Может, ты сам скажешь, что?

- Абсолютно ничего, - сказал Дима, и сделал такое движение руками, словно снял с плеч свою голову и раскрыл ее, как сумку на защелке.

- Что, прямо сейчас?

- А когда же еще? - спросил Дима.

Митя потоптался на месте, а потом перелез через ограждение борта, схватился за привязанную к флагштоку короткую веревку и раскрыл крылья. Ветер рывком поднял его тело, и он стал похож на поднятый на корме темный флаг или взлетевшего над ней воздушного змея. Потом он разжал пальцы, и катер поплыл вперед и вниз; стали видны три фигурки на заваленной складными спасательными плотами верхней палубе.

Когда рядом появился Дима - взлетел он незаметно и быстро, без всякого нарциссизма - фигурки на верхней палубе пришли в движение. Одна из них, с зачехленной гитарой, неожиданно приподнялась с четверенек, в два шага разбежалась, и, провалившись в воздухе почти до поверхности моря, кое-как полетела к берегу, постепенно набирая скорость. Оставшиеся двое начали спорить, и некоторое время яростно жестикулировали, а потом, когда Мите уже трудно было различать их контуры, тоже взлетели. Еще через минуту катер стал просто светлым пятнышком внизу, и Митя перевел взгляд вперед.

Там был отвесный каменный склон. Когда он оказался достаточно близко, лететь пришлось почти вертикально вверх, и через несколько минут этого воздушного восхождения внезапно изменилась перспектива - Мите стало казаться, что склон горы

уходит не вверх, а вдаль, и он летит на небольшой высоте над каменистой пустыней, где в лунном свете различим каждый выступ и каждая трещина; красные огни на вершине стали похожи на лампы далекого железнодорожного семафора.

Ему в спину ударил ветер, и он чуть не врезался в каменный выступ, далеко отходящий от поверхности горы. После этого он полетел медленнее. Иногда в трещинах скалы появлялись кусты, которые казались согнутыми сильным ветром; стоило напомнить себе, что на самом деле они, как и положено, тянутся вверх, и пустынная равнина внизу превращалась в то, чем она и была - в каменную стену. Но стоило только перестать напоминать себе об этом, и внизу опять появлялась бесконечная пустыня, по которой неслись, растягиваясь и искривляясь на трещинах, две длинных черных тени. Митя поднял глаза - впереди уже не было никаких красных огней.

Луна ушла за край облака, и каменистая равнина, над которой они летели, показалась ему крайне мрачной. Далеко за ее границей горели огни нескольких прибрежных поселений, похожие на звезды с какого-то другого неба. Митя еще раз посмотрел в темную пустоту впереди и почувствовал внезапный страх и желание развернуться и полететь вниз.

- Слушай, - сказал он молча летящему рядом Диме, - а куда мы сейчас направляемся? Огней ведь уже нет.

- Как это нет, - сказал Дима, - если мы к ним летим.

- Какой смысл к ним лететь, если их нет? Давай вернемся.

- Тогда нас тоже не будет. Тех нас, которые к ним полетели.

- Может, эти огни просто были не настоящие, - сказал Митя.

- Может быть, - сказал Дима, - а может, мы были не настоящие.

Опять вышла Луна, и на каменной поверхности склона появились короткие резкие тени выступов. Митя ощутил беспричинную тоску и беспокойство, помотал головой, и понял, что уже долгое время слышит странный пронзительный лай. Этот лай был очень громким, но таким тонким, что ощущался не ушами, а животом. Иногда лай стихал, и ему на смену приходил не то вой, не то свист, от которого к горлу подступала легкая тошнота. Свист был очень неприятного тембра, и Митя подумал, что если бы красные кхмеры в Кампучии делали электронные будильники, то они, наверно, звенели бы именно так.

- Слышишь? - спросил он Диму.

- Слышу, - спокойно ответил тот.

- А что это?

- Летучая мышь, - сказал Дима.

Митя даже не успел испугаться - на залитом луной каменном склоне, перекрывая несущиеся вверх тени, мелькнула еще одна - огромная, размытая по краям и бесформенная. Митя с Димой метнулись к скале и с разгона плюхнулись на крохотную площадку, на которой росло несколько маленьких кустов; Митя при этом чуть

не вывихнул ногу. Свист сразу же стих.

- Не шевелись, - прошептал Дима.

- Она нас заметила?

- Конечно, - сказал Дима. - Если ты ее услышал, то она тебя и подавно.

- Она слышит, как мы говорим?

- Нет, - сказал Дима. - У нее очень интересные взаимоотношения с реальностью. Она сначала кричит, а потом вслушивается в отраженный звук и делает соответствующие выводы. Так что если не шевелиться, она может оставить нас в покое.

Несколько минут они стояли молча. Вокруг было тихо, только далеко снизу долетал слабый шум моря.

- Помнишь вопрос, который я тебе задал? - спросил Дима. - Насчет того, какой свет отражает солнце?

- Помню.

- На самом деле и солнце, и свет тут не при чем. О том же самом можно сказать по-другому. Взять хотя бы то, что происходит с нами прямо сейчас. Как ты думаешь, что видит летучая мышь, когда до нее долетает отраженный от тебя звук?

- Меня, надо полагать, - вглядываясь в небо, ответил Митя.

- Но ведь звук ее собственный.

- Значит, не меня, а свой звук, - ответил Митя.

Лай летучей мыши стих, и она была не видна, но Митя чувствовал, что она рядом, и это беспокоило его куда сильней, чем логические построения.

- Да, - сказал Дима, - но ведь звук отразился от тебя.

Митя еще раз оглядел небо. Размеренный неторопливый тон Димы начинал действовать ему на нервы.

- И выходит, - говорил Дима, - что ты просто один из звуков, издаваемых летучей мышью. Так сказать, куплет из ее песни.

Вдруг перед площадкой, обдав их волной воздуха, бесшумно пронеслась тяжелая черная масса и исчезла из виду. Минуту или две не было слышно ничего, а потом издалека донесся прежний пронзительный лай. Он приближался - видимо, летучая мышь легла на боевой курс.

- Ты - один из звуков, издаваемых летучей мышью. А что такое летучая мышь?

- Это то, что нас сейчас есть будет, - ответил Митя, чувствуя, как от несущегося со стороны моря свиста слабеют ноги и наезжают одна на другую мысли в голове.

Далеко в небе мелькнуло темное пятнышко, и свист стал громче; Митя животом различил в нем запредельную, на две октавы выше всего слышанного в жизни, мелодию.

- Подумай, - сказал Дима, - чтобы исчез ты, летучей мыши достаточно перестать свистеть. А что нужно сделать тебе, чтобы исчезла летучая мышь?

Он оттолкнулся от края площадки и головой вперед бросился

вниз. Митя прыгнул следом, и в то место, где он только что стоял, врезалась, с треском ломая кусты, тяжелая черная масса.

Несколько метров он неуправляемо падал вниз, а потом затормозил и быстро полетел вдоль склона, почти цепляя за него крыльями. Дима исчез.

Сзади опять долетел тошнотворный свист. Митя оглянулся и увидел ныряющую вверх-вниз темную тень. Пролетев еще с десяток метров, он заметил узкую расщелину в скале, и метнулся к ней. Втиснувшись внутрь, он вжался в неровности камня и замер. Несколько минут было тихо, и он слышал только собственное громкое дыхание, а потом со стороны моря опять долетел свист, и почти сразу же темная масса мягко врезалась в скалу, закрыла просвет, и в нескольких сантиметрах от его лица полоснула воздух черная когтистая лапа. Митя мельком увидел серую широкоскулую и остроухую морду с маленькими глазками и огромной зубастой пастью - отчего-то она напомнила ему радиатор старой "Чайки". Мышь зашуршала крыльями по скале и исчезла, и от всего этого события у Мити осталось такое ощущение, что в расщелину, где он прятался, попыталась въехать мягкая и мохнатая правительственная машина, управляемая полуслепым шофером.

Митя перенес вес тела на левую ногу, а правую отвел назад. Опять раздался свист, и когда черное тело мыши забилось у входа, Митя изо всех сил пнул его ногой. Он попал во что-то податливое и услышал громкий визг. Мышь исчезла. Затаив дыхание, Митя ждал, но мышь не подавала никаких признаков жизни. Осторожно подобравшись к выходу из расщелины, он высунул голову, и сразу услышал пронзительный свист. У него перед глазами мелькнуло перепончатое крыло, а над ухом лязгнули зубы. Митя отпрыгнул назад и чуть не потерял равновесия.

Прошло несколько минут, и Мите стало казаться, что он различает издаваемые мышью звуки - тихий шорох крыльев и скрип царапающих камень когтей. Может быть, эти звуки производил ветер, но Митя был уверен, что мышь по-прежнему ждет его у входа. "Вот так, - подумал он. - Как только понимаешь, что живешь в полной темноте, из нее немедленно появляются летучие мыши..."

Вдруг у Мити мелькнула слабая надежда.

"А чего она может бояться?" - подумал он.

Первым, что пришло ему в голову, был летучий кот. Закрыв глаза, Митя попытался представить себе, что это такое. Летучий кот оказался сидящим на задних лапах существом с большими мохнатыми крыльями и хвостом с чем-то вроде мухобойки на конце, как рисуют у древних крылатых ящеров; больше всего он почему-то напоминал сфинкса с швейной машинки "Зингер". Старательно представив все подробности, Митя тихо засвистел, и в расщелину сразу свесилась перевернутая морда, глаза которой, как показалось Мите, были недоверчиво выпучены. Митя засвистел громче, и представил себе, как летучий кот раскрывает пасть и

прыгает вперед. Морда в расщелине исчезла, и Митя услышал быстро удаляющееся хлопанье крыльев.

Митя сунул в рот два пальца и изо всех сил свистнул вслед мелькающему вдали темному пятнышку, а потом шагнул из расщелины в пустоту, после короткого падения затормозил в воздухе и повернул вверх.

Димы нигде не было видно. Митя полетел к тому месту, где они расстались - оно было в стороне и значительно выше. На площадке Димы не оказалось, и Митя полетел к вершине. Он был уверен, что с Димой ничего не произошло, но все-таки, несмотря на эйфорию от неожиданной победы, испытывал нехорошее предчувствие. И только через несколько минут полета, когда до вершины было уже недалеко, и мимо него проплывала гладкая, словно вылитая из металла каменная стена без единой неровности, он услышал свист и понял, в чем дело. Мышь вовсе не оставила его в покое. Она просто дожидалась, когда он вылетит из своего убежища и окажется в месте, где спрятаться будет негде.

Митя сунул в рот два пальца и изо всех сил засвистел в ответ, пытаясь снова вызвать в своем воображении образ черного пушистого сфинкса, но свист вышел жалкий, и вся затея показалась крайне глупой. Мышь уже мелькала вдалеке, как черный каучуковый мячик, скачущий к нему по невидимой поверхности, и деться от нее было совершенно некуда. "Что я могу сделать, чтобы она исчезла? - лихорадочно думал Митя. - Чтобы исчез я, ей достаточно перестать свистеть... Я - это то, что она слышит... Чтобы исчезла она... Может, тоже надо перестать что-то делать? А что я делаю, чтобы она возникла?"

Это было совершенно непонятно. То есть было примерно понятно, что имел в виду Дима в метафорическом смысле, но было совершенно неясно, какой толк во всех этих метафорах, когда рядом летает совершенно не интересующаяся ими летучая мышь.

Митя зажмурился, и неожиданно увидел ясный голубой свет - словно он не закрыл глаза, а, наоборот, закрыты они были раньше, и вдруг, открывшись от страха, впервые заметили что-то такое, что находилось перед ними всегда и было настолько ближе всего остального, что делалось из-за этого невидимым. И одновременно в его голове пронеслось мгновенное воспоминание о давно прошедшем дне, когда он тащился по серому ноябрьскому парку, над которым летели с севера низкие свинцовые облака. Он шел и думал о том, что еще несколько дней такой погоды, и небо опустится настолько, что будет, как грузовик с пьяным шофером, давить прохожих, а потом поднял глаза и увидел в облаках просвет, в котором мелькнули другие облака, высокие и белые, а еще выше - небо, такое же, как летом, до того синее и чистое, что сразу стало ясно - с ним, небом, никогда и никаких превращений не происходит, и какие бы отвратительные тучи не слетались на праздники в Москву, высоко над ними всегда сияет эта чистая неизменная синева.

И было большой неожиданностью увидеть в самом себе нечто похожее, так же мало затрагиваемое происходящим вокруг, как одинаковое в любое время года небо - ползущими над землей тучами.

"Весь вопрос в том, - подумал Митя, - откуда смотришь. Если, например, крепко стоять двумя ногами на земле... Стоп. А кто, собственно, смотрит?"

Издалека донесся знакомый свист.

"Господи, - подумал Митя, с усилием открывая глаза, - какие еще мыши..."

Он висел в пятне ярко-синего света, словно на нем скрестились лучи нескольких прожекторов. Но никаких прожекторов на самом деле не было - источником света был он сам. Митя поднял перед лицом руки - они сияли ясным и чистым синим светом, и вокруг них уже крутились крошечные серебристые мушки, непонятно откуда взявшиеся на такой высоте над морем.

Митя полетел вверх, и за все время, пока он поднимался к вершине, в голову ему не пришло ни одной мысли.

Вершина оказалась небольшой плоской площадкой, где росло несколько мелких кустов боярышника и торчал стальной шест маяка. Две красные лампы, до этого скрытые каменным выступом, опять стали видны. Они вспыхивали попеременно, и черные тени кустов меняли направление, будто на землю падала тень раскачивающегося в воздухе маятника. Под шестом с лампами стояли две непонятно откуда взявшиеся складные табуретки, на одной из которых сидел Дима.

Митя помахал ему рукой, сел на свободную табуретку и развернул на колене вынутый из кармана лист бумаги.

- Сейчас, - сказал он внимательно глядящему на него Диме, - сейчас.

Минуту или полторы он писал, потом быстро сложил из листа самолетик, встал, подошел к обрыву и пустил его - тот сначала нырнул вниз, а потом круто взмыл вверх и пошел вправо, туда, где остался поселок.

- Что это ты? - спросил Дима.

- Так, - сказал Митя. - Мистический долг перед Марком Аврелием.

- А, - сказал Дима. - Это бывает. Ну а все-таки, свет чего отражает солнце?

Митя сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой и над ее обрезом возник ярко-синий язычок огня.

- Вот, - сказал Дима. - Как все просто, да?

- Да, - сказал Митя, - удивительно.

Он поднял глаза на мигающие вверху лампы. Возле их стекол воздух трещал от крыльев сотен неведомых насекомых, безуспешно пытающихся пробиться сквозь толстое ребристое стекло, к самому истоку света.

- Куда же все-таки она делась? - спросил Митя.

- Ты про мышь? Куда она могла деться. Вон она летает.

Дима показал не крохотный черный комок, ныряющий вверх-вниз на границе освещенного участка. Митя посмотрел туда и перевел взгляд на свои руки - они по-прежнему были окружены ровным голубоватым сиянием.

- Я сейчас понял, - сказал он, - что мы на самом деле никакие не мотыльки. И не...

- Вряд ли тебе стоит пытаться выразить это в словах, - сказал Дима. - И потом, ведь ничего вокруг тебя не изменилось от того, что ты что-то понял. Мир остался прежним. Мотыльки летят к свету, мухи - к говну, и все это в полной тьме. Но ты - ты теперь будешь другим. И ты никогда не забудешь, кто ты на самом деле, верно?

- Конечно, - ответил Митя. - Вот только одного я не могу понять. Я стал светлячком только что, или на самом деле был им всегда?

8. УБИЙСТВО НАСЕКОМОГО

- И под конец, - с явным удовольствием рассказывал Артур, глядя на Арнольда, подставившего голову под хлещущий кран, - ты закричал на все отделение: "Американские комары наших мух ебут, а мы смотреть будем?"

Арнольд закрыл лицо руками, и вода потекла по его предплечьям, закручиваясь на локтях и двумя потоками падая на кафель.

- Но самое интересное, что в милиции к тебе отнеслись с явным сочувствием, - сказал Артур, - и даже деньги отдали, что бывает очень редко. Ты хоть что-нибудь помнишь?

Арнольд отрицательно потряс головой.

- Минуты три назад еще помнил, - сказал он, закрывая кран и кое-как расправляя на голове волосы. - А сблевал последний раз, и сразу все как отрезало.

- Хоть про масонов-то помнишь? - спросил Арнольд. - Я прямо заслушался.

Арнольд задумался.

- Нет, - сказал он, - не помню.

- А про Магадан духа?

- Тоже не помню.

- Вот это самое интересное и было, - сказал Артур. - Это ты ментам рассказывал, когда протокол составляли. Что есть где-то такой особый город, куда никто просто так не попадет. И там существует особое искусство и особая наука, и все - как в восьмидесятом году. Последний оплот. И время там по другому течет - тут один день проходит, а там - несколько лет. Так сказать, советская Шамбала наоборот. Но вход в нее то ли под землей, то ли в воздухе, это я не понял. И ты еще давал понять,

что у тебя там связи.

- Не помню, - сказал Арнольд. - И вообще, хватит. Проехали.

- Ладно, - сказал Артур. - Проехали так проехали. Ты мне только скажи, чего тебя на приключения потянуло? Ты же видел, что с Сэмом было.

- Даже не знаю, - сказал Арнольд. - Взял чемодан, смотрю - клиент как бревно лежит. Интересно стало. Я подумал - неужели и на меня подействует? Напился, вылетаю - вроде ничего. Ну, думаю, слабый парень этот Сэм. Полетел, значит, с вами встречаться, а потом... Помню только, как Сэма за столом увидел. А что это с ним была за девушка?

- Не знаю, - сказал Артур. - Я и сам не понял. Бац, а она уже за столом. Они сейчас от голода очень проворные. Готов?

Арнольд остановился у зеркала, привел себя, насколько возможно, в порядок, и положил на тумбочку перед старушкой мятый рубль. Выйдя из душевого павильона, приятели направились в сторону моря.

- Слушай, - сказал Артур, - до вечера все равно делать нечего. Давай Арчибальда навестим?

- А он все там же?

- Вроде да, - сказал Артур. - Я иногда прохожу мимо его кибитки, только зайти все недосуг. Но дверь открыта.

Через несколько минут они подошли к стоящему прямо на газоне бревенчатому домику, повернутому приоткрытой дверью к набережной. Домик был очень маленьким и казался перенесенным сюда с детской площадки; над его дверью красовалась вывеска - красный крест, полумесяц и большая капля крови, а сверху была красная надпись "Донорскiй пункт".

Артур толкнул дверь и вошел внутрь; Арнольд последний раз пригладил волосы и шагнул следом.

Внутри было полутемно. Напротив двери помещался невысокий прилавок, на котором стояло несколько банок медицинского вида и электрокипятильник для шприцев, а сзади, у стены, располагалась пыльная конструкция из стеклянных сосудов, соединенных трубками из оранжевой резины. Арнольд знал, что это нагромождение пробирок и колб совершенно бессмысленно и является просто декорацией, но все равно ощутил специфический дух больницы. За прилавком никого не было. На стене висело обьявление, тоже пыльное, выведенное через трафарет шариковой ручкой:

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Ваша кровь нужна другим. Научные исследования доказали, что регулярная сдача крови положительно сказывается на половой функции и увеличивает продолжительность жизни. Выполните свой нравственный, гражданский и религиозный долг!

100 грамм - 25 руб.
150 грамм - 40 руб.
200 грамм - 55 руб.

После сдачи крови бесплатно выдается шоколад "Финиш". Регулярные сдатчики получают значок "Заслуженный донор" и памятную грамоту.

В избушке никого не было. За прилавком была полуоткрытая дверь. Арнольд прошел за прилавок и выглянул наружу. За дверью зеленел небольшой тихий оазис - это был участок газона, со всех сторон закрытый густыми зарослями кустов, так, что попасть туда можно было только из домика. В центре зеленого пятачка стоял маленький круглый мужчина в белом халате и шапочке. У него в руках был пластмассовый вертолет, насаженный на штырь с леской, и в тот самый момент, когда Арнольд выглянул из двери, он изо всех сил дернул леску.

Винт вертолета превратился в прозрачный круг, и игрушка взмыла в воздух. Мужчина задрал голову, издал тихий счастливый смех и несколько раз невысоко подпрыгнул на месте от восторга. Вертолет повис в воздухе, стал косо падать и исчез за кустами. Мужчина кинулся к двери и чуть не налетел на Арнольда. Остановясь, он выпучил глаза.

- Арнольд! - сказал он и выронил штырь с леской на траву.

- Здорово, дружище, - сказал Артур, появляясь из двери домика.

- Привет, ребята, - сказал Арчибальд, растерянно бегая глазами по гостям и по очереди пожимая им руки - Вот хорошо, что зашли. Я уж думал, вы уехали куда. Как дела? Чем занимаетесь?

- Дела отлично, - ответил Артур. - Совместное предприятие с американцами делаем. А ты как?

- У меня все по старому, - сказал Арчибальд, - сейчас, ребята. Вы садитесь пока.

Он нырнул в дверь и через минуту появился с большой ретортой, полной темно-красной жидкости, и тремя стаканами. Поставив стаканы на траву, он до краев налил их и поднял свой.

- А чья это? - поинтересовался Артур.

- Коктейль, - ответил Арчибальд. - Туркменская второй группы и подмосковно-инженерная с отрицательным резусом. За встречу!

Он сделал большой глоток. Артур с Арнольдом тоже отхлебнули.

- Ну и дрянь, - поморщившись, сказал Артур. - Ты извини, конечно. Но как ты можешь это пить, с консервантом?

- А что делать? - развел руками Арчибальд. - Иначе за день сворачивается.

- Что ж ты, так и живешь? Да ты когда свежую кровь пил последний раз?

- Вчера, - сказал Арчибальд, - пятьдесят грамм. Я, когда клиентов много, тоже себе позволяю.

- Из стакана, - фыркнул Артур. - Какой ты комар после

этого? Что бы твой отец сказал, если бы увидел?

- Да какой я комар, - извиняющимся тоном проговорил Арчибальд, - так, слово одно. Мать была божья коровка, вот только крест от нее остался, - он вытянул из-за ворота халата золотую цепочку, - а отец таракан. Я вообще непонятно кто.

- И нравится тебе быть непонятно кем?

Арчибальд одним глотком допил кровь и задумчиво повертел стаканом в воздухе.

- Непонятно кем? - переспросил он. - Не знаю. Нравится, наверно. Тихо, покойно. Конечно, когда молодой был, не думал, что этим кончится. Все казалось, стою на пороге чего-то удивительного, нового, и вот только еще немного...- он запнулся, подыскивая слово, и пошевелил пальцами в воздухе, словно пытаясь показать, чему именно он хотел когда-то посвятить еще немного времени, - еще чуть-чуть, и переступлю. А порог оказался...

Он кивнул головой в сторону двери, ведущей в избушку.

- Ты когда последний раз летал? - спросил Артур.

- Не помню даже. Вы меня, ребята, на грустные мысли наводите. Зачем вам, а?

- А ты ведь не сдался еще в душе, - сказал Артур, - я, как этот вертолетик увидел, так все и понял.

- Может и не сдался, - сказал Арчибальд, и плеснул из колбы себе в стакан. - Вам наливать?

Артур вопросительно поглядел на Арнольда. Тот отрицательно покачал головой.

- Слушай, - сказал Артур, - я тебе вот что предлагаю. Ты запри свою кибитку часа на два, и давай на пляж слетаем. Попьем нормальной крови, проветримся. А?

- Отпадает, - сказал Арчибальд. - Я и ста метров сейчас не пролечу.

- Кончай, - сказал Артур. - Пролетишь. Если не будешь самовнушением заниматься. Ты себя просто настроил так.

- Бросьте, ребят.

- Правда, - заговорил Арнольд, - давай. У тебя аппетит к жизни пропал. А чтобы он появился, надо немного от нее откусить и пожевать. Ведь если сейчас не полетишь, то что тебя потом заставит?

- Так и сдохнешь тут среди шприцев и шлангов, - сказал Артур. - Извини, конечно.

- А может, я уже сдох, - сказал Арчибальд, исподлобья глядя на приятелей.

- Вот и проверим, - не сдавался Артур. - Если летишь, значит жив. Остаешься - значит сдох.

- Полетели, полетели, - заговорил Арнольд. - Мы тебя, если надо, подстрахуем.

Выпитая кровь уже начала действовать на Арчибальда. Он зло засмеялся, встал, качнулся и опрокинул колбу с кровью, но не обратил на это внимания.

- Сейчас, дверь запру только, - сказал он с легким восточным акцентом и скрылся в своем домике.

Через секунду он выглянул, показал Артуру с Арнольдом длинный острый нож, нехорошо улыбнулся и опять исчез за дверью.

Арнольд наклонился к Артуру и прошептал:

- Зря мы это начали. Может, уйдем? Он же действительно за нами увяжется.

- Поздно, - шепотом ответил Артур.

И действительно, было уже поздно - Арчибальд появился из своего домика. Он успел переодеться - теперь на нем были тяжелые туристские ботинки, военная рубашка и джинсы, перетянутые офицерской портупеей; в руке у него была зачехленная гитара, из-за которой он походил на рано постаревшего итээра, собравшегося на слет клуба самодеятельной песни.

- Джамбул на коне, - сказал он, - как птица в небе.

Артур с Арнольдом переглянулись.

- Понимаешь, - заговорил Арнольд, - мы не в том смысле, что прямо сейчас надо все бросать и лететь. Просто надо хотя бы иногда...

- Так летим или не летим? - презрительно спросил Арчибальд.

- Летим, летим, - сказал Артур, не обращая внимания на яростные взгляды Арнольда.

Присев на четвереньки, он поглядел на Арчибальда, раздул щеки, тихо затрещал, приложил руку к груди и резко отвел ее в сторону, словно дергая леску. Полы его пиджака задрожали и превратились в стрекочущий прозрачный полукруг над его спиной; он медленно поднялся на несколько метров вверх, явно пародируя полет пластмассового вертолетика.

Арчибальд покраснел, на удивление легко взмыл вверх и завис напротив обидчика. Артур продолжал валять дурака - трещал, дергал невидимую леску и покачивался из стороны в сторону. Подлетев к мрачно наблюдающему за этим Арчибальду, Арнольд взглянул на него и жалостливо отвел взгляд. Хоботок Арчибальда, загнутый вниз и какой-то мятый, вызвал у него длинный ряд ассоциаций, закончившийся вопросом "Страна, скажи, как твое имя?" (это был, как Арнольд вспомнил, заголовок газетной статьи, слева от которой размещалась реклама пластмассового приспособления от импотенции "Эректор".)

- Куда? - спросил Арчибальд.

- Пролетим над пляжем, - сказал Артур, - сориентируемся.

Внизу поплыла набережная. Потом мелькнули дощатые крыши раздевалок, и открылся берег, у которого неподвижно лежали сотни полуголых тел. Запах моря смешивался с множеством других пляжных запахов; теснота, с которой лежали отдыхающие, напоминала о заводской бане, и желания приземлиться ни у Артура, ни у Арнольда не возникло.

- Может быть, в заповедник? - предложил Артур, кивая хоботком в сторону далеких скал. - Там народу почти не бывает.

- Егерь пристанет, - сказал Арнольд.

- Он там не бывает никогда.

- А клиента найдем?

- Один-два всегда есть, - сказал Артур, наклонил голову и полетел вперед, стараясь двигаться не очень быстро, но и не настолько медленно, чтобы Арчибальд понял, что его щадят.

Берег моря образовывал длинную вогнутую дугу, и друзья полетели по прямой, над морем. Сначала Арчибальд наслаждался полетом и искренне досадовал на то, что уже столько лет добровольно лишает себя наслаждения, доступного в любой момент, но когда скопившаяся в мышцах усталость разогнала ударившую в голову кровь, он посмотрел вниз и обомлел.

Под его поджатыми к брюшку лапками ("Господи, какие худые!" - подумал Арчибальд) и зажатой в них гитарой, похожей на ракету "Хаунд дог" под брюхом бомбардировщика Б-52, расстилалось море - оно было очень далеко, и волны на нем казались неподвижными. Берег оказался на таком расстоянии, что Арчибальд понял - свались он сейчас вниз, вплавь он до него не доберется. Ему стало страшно, и стал смотреть в небо.

Артур с Арнольдом были в превосходном настроении и коротко обменивались впечатлениями о погоде; про него словно забыли. Они отлетали все дальше от берега, и Арчибальд стал ощущать короткие приступы паники. От страха он тратил массу лишних усилий, махая крыльями намного быстрей, чем требовалось; сначала он решил, что все-таки сумеет долететь до заповедника, и уже почти успокоился, решив никогда больше не ввязываться в такие приключения, как вдруг что-то сильно толкнуло его в лицо и грудь.

Арчибальд зажмурился от рези в глазах, поднес к ним одну лапку и протер их - вся лапка, когда он поглядел на нее, оказалась покрытой грубым папиросным табаком. Табак запорошил ему глаза и рот, забился в волосы и в большом количестве попал за шиворот, но задуматься, откуда он мог взяться на такой высоте и в таких количествах, Арчибальд не успел, потому что гитара неожиданно стала очень тяжелой, а в спине возникла настолько острая боль, что стало ясно - еще полсотни метров, и крылья откажут.

- Ребята, - позвал он улетевших чуть вперед Артура с Арнольдом, и, поняв, что его не слышат, зажужжал во весь хоботок:

- Ребята!!

Те обернулись и сразу все поняли.

- До берега дотянешь? - торопливо подлетая, спросил Артур.

- Нет, - задыхаясь, ответил Арчибальд, - я сейчас упаду.

Перед его глазами все слилось в мутное бессмысленное пятно; последним, что он различил, была крошечная белая лодочка прогулочного катера на темно-синем фоне.

- Так, Арнольд, давай его... Садимся на авианосец. До палубы дотянешь?

Эти слова донеслись до Арчибальда из другого измерения - в его мире не оставалось уже ни высоты, ни палубы, ни необходимости куда-нибудь дотянуть. Вслед за этими словами послышались другие, неразборчивые, на которые не было никакой охоты отвечать, потому что были дела поважней и поинтересней, но голоса становились все громче и нахальнее, и кто-то даже начал сильно трясти за плечо, после чего пришлось открыть глаза и увидеть склоненные лица Артура и Арнольда.

- Арчибальд, - позвал Артур, - ты меня слышишь?

Арчибальд молча приподнялся на локтях. Он лежал на верхней палубе, среди оранжевых спасательных плотов - по цвету они так напоминали пыльные резиновые трубки, висящие на стене у него дома, что ему сразу стало спокойно и горько. Под головой у него была гитара, а рядом сидели на корточках Артур с Арнольдом. Теплоход слегка покачивало; с нижней палубы сквозь шум мотора пробивались крики пассажиров.

- Ну ты даешь, - сказал Арнольд. - Мы тебя в последний момент поймали. У тебя что, высотобоязнь?

- Типа того, - ответил Арчибальд.

- Над морем ниже лететь опасно, - сказал Артур. - Чайки.

Он кивнул в сторону кормы, над которой неподвижно висело несколько белых птиц - они летели с той же скоростью, что и катер, но совсем не махали крыльями и казались эмблемами с кулис невидимого МХАТа. Время от времени с палубы бросали в море конфету или печенье, и тогда одна из птиц чуть поворачивала крылья и уносилась назад, превращаясь в покачивающееся на воде белое пятнышко, а ее место над кормой занимала другая.

С кормы в небо взмыли две темных тени и унеслись вверх - это произошло так быстро, что ни Артур, ни Арнольд ничего не заметили.

- Красиво, - сказал Арчибальд и попытался встать.

- Пригнись, - скомандовал Артур, - из рубки увидят.

После нескольких эволюций Арчибальд встал на четвереньки, лицом к белой полосе пенного следа за кормой.

- Господи, - сказал он, - как я живу! Я ведь неправильно живу!

- Успокойся, - велел Артур. - Мы тоже. Только истерики не надо.

- Море, - медленно и членораздельно сказал Арчибальд, - катер идет. Чайки. И все это рядом. А я... На палубу вышел, а палубы нет...

Вдали, у горы, мимо которой шел теплоход, из моря поднимались несколько плоских камней; на вершине одного из них мелькнули два обнаженных тела и сразу исчезли за наехавшей скалой. Арчибальд издал нечленораздельный стон - словно из глубин его сердца вырвалась на свободу вся долго копившаяся ненависть к себе, к своему жирному дряблому телу и бессмысленной жизни, - и, прежде, чем приятели успели среагировать, он схватил

гитару и бросился в воздух.

Его сознание сузилось в подобие ракетной системы наведения - в нем остались только плоский камень с двумя лежащими на нем телами, который становился все ближе, и, наконец, заполнил собой все пространство; тогда новой целью стала стремительно несущаяся на него голая женская нога - Арчибальд ощутил, как его хоботок выпрямился и налился давно забытой силой; он громко зажужжал от счастья и с размаху всадил его в податливую кожу, подумав, что Артур с Арнольдом...

Но с неба вдруг упало что-то страшно тяжелое, окончательное и однозначное, и думать стало некому, нечего, нечем, да и особенно незачем.

- Я не хотела, - повторяла заплаканная Наташа, прижимая к голой груди скомканное платье, - не хотела! Я ничего даже не заметила!

- Никто никого и не обвиняет, - сухо сказал мокрый Артур. - Это просто несчастный случай, очень несчастный.

Сэм молча обнял Наташу за плечи и развернул ее, чтобы она больше не могла смотреть на то, что совсем недавно ходило по земле, радовалось жизни, сосало кровь и называло себя Арчибальдом. Сейчас это был мятый ком кровавого мяса, кое-где прикрытый тканью, из центра которого торчал треснутый гриф гитары - ни рук, ни ног, ни головы уже нельзя было различить.

- Ехали на катере, - сказал мокрый Арнольд, - и он вдруг ни с того ни с сего как взлетит. И с такой скоростью - мы его даже догнать не смогли. Кричали вам, кричали. А когда подлетели... Вы ведь и не заметили ничего. Его назад в море отнесло. Полчаса искали.

- Если кто-нибудь виноват, - сказал Артур, - так это мы. Он сначала никуда не хотел лететь, словно чувствовал. Но потом согласился. Наверно, просто решил умереть, как комар.

- Может быть, - сказал Арнольд. - А что это он сказал про палубу?

- Это из песни, - ответил Артур. - На палубу вышел, а палубы нет. В глазах у него помутилось. Увидел на миг ослепительный свет. Упал, сердце больше не билось...

- Да, - сказал Арнольд. - Когда-нибудь и нас это ждет.

Ему в щеку ударило что-то легкое и острое, и он рефлекторно поймал маленький самолетик, сложенный из исписанного листа бумаги. Арнольд поднял глаза - над ним возвышалась почти отвесная каменная стена, уходившая вверх не меньше, чем на сто метров. Он развернул самолетик (линии, по которым он был сложен, расходились из верхней части листа, как лучи - но точка, из которой они начинались, была за краем листа) и прочел следующее:

ПАМЯТИ МАРКА АВРЕЛИЯ

1. Трезвое и совершенно спокойное настроение
Никогда не приводит к появлению подтянутых строк.
А стихи надо писать со всем стремлением,
Как народный артист выпиливает треугольный брелок.

2. А тут идет дождь, и совершенно нет сил, чтобы
Сосредоточиться. Лежишь себе, лежишь на спине,
И не глядя ясно, что в соседнем доме окна жолты,
И недвижный кто-то людей считает в тишине.

3. Но тоска очищает. А испытывать счастье осенью - гаже,
Чем напудренной интеллигентной старухе давать минет.
Отдыхай, душа. Внутренний плевок попадет в тебя же,
А внешний вызовет бодрый коллективный ответ.

4. Так и живешь. Читаешь всякие книги, думаешь о трехметровой яме,
Хоть и без нее понятно, что любая неудача или успех -
Это как если б во сне ты и трое пожарных мерились хуями,
И оказалось бы, что у тебя короче или несколько длинней, чем у всех.

5. Размышляешь об этом, выполняя назначенную судьбой работу,
И все больше напоминаешь себе человека, построившего весь расчет
На том, что в некой комнате и правда нет никакого комода,
Когда на самом деле нет никакой комнаты, а только Коммод.

6. Бывает еще, проснешься ночью где-нибудь в пол-второго
И долго-долго глядишь в окно на свет так называемой Луны,
Хоть давно уже знаешь, что этот мир - галлюцинация наркомана Петрова,
Являющегося, в свою очередь, галлюцинацией какого-то пьяного старшины.

7. Хорошо еще, что с сумасшедшими возникают трения,
И они гоняются за тобой с гвоздями и бритвами в руках.
Убегаешь то от одного, то от другого, то от третьего,
И не успеваешь почувствовать ни свое одиночество, ни страх.

8. Вообще, хорошо бы куда-нибудь спрятаться и дождаться лета,
И вести себя как можно тише, а то ведь не оберешься бед,
Если в КГБ поймут, что ты круг ослепительно-яркого света,
Кроме которого во Вселенной ничего никогда не было и нет.

Последнее четверостишие было приписано косым размашистым почерком, явно в спешке. "КГБ" было зачеркнуто, сверху было написано "АФБ" и тоже зачеркнуто, а рядом стояло тоже зачеркнутое "МБВД".

9. ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК

Максим прикрыл за собой калитку, поглядел вперед и окаменел. Из-за кустов шиповника к нему медленно шел хозяйский волкодав - задумчивый и тихий, с печальными красными глазами; изо рта у него свисало несколько блестящих, как бриллиантовые подвески, нитей слюны, из-за чего он слегка напоминал заколдованную принцессу. Волкодав с сомнением поглядел на максимову красную пилотку с желтой кисточкой и жирной шариковой надписью "Viva Duce Mussolini" и уже открыл пасть, чтобы гавкнуть, но увидал высокие офицерские сапоги, которые Максим тщательно начистил утром, и несколько успокоился.

- Банзай! - крикнула простоволосая женщина в халате, появляясь из-за кустов вслед за собакой. - Банзай!

- Банзай! - радостно крикнул Максим в ответ, но то, что он принял за неожиданный и тем более прекрасный духовный резонанс, оказалось недоразумением - женщина не приветствовала его, как он решил в первый момент, а звала собаку. Максим звучно кашлянул в кулак, и подумал, что он всегда ошибается в людях, думая о них слишком хорошо.

- Я извиняюсь, - сказал он поставленным баритоном, - а Никита дома?

Хозяйка, не отвечая, потащила оглядывающуюся собаку назад. Максим деликатно постучал в окно, затянутое изнутри рулонной фольгой. В фольге приоткрылся маленький квадратик черноты, и в нем появился внимательный глаз с сильно расширенным зрачком. Потом квадратик закрылся, и из-за расположенной у окна двери донесся скрежет отодвигаемой тумбочки. В щели появилось увитое редкой волнистой бородкой бледное лицо Никиты. Сначала Никита поглядел за Максима, и только убедившись, что никого и ничего больше за дверью нет, снял цепочку.

- Заходи, - сказал он.

Максим вошел. Пока Никита запирал дверь и придвигал к ней тумбочку, Максим огляделся. Никаких изменений в обстановке не произошло, только появился где-то подобранный Никитой стенд "Средства воздушной агрессии империализма", покрытый большими черно-белыми фотографиями самолетов - он был прислонен к груде слежавшегося хлама, в котором Максиму удавалось идентифицировать только несколько старых подрамников. Лежащий у стены матрас, на котором Никита спал, был накрыт несколькими одеялами, а поверх них была расстелена газета с целой горой плана, который Максим по темно-зеленому с рыжеватинкой цвету классифицировал как сильно пересушенную северо-западную чуйку урожая конца прошлой весны; куча была большая, примерно на два стакана и семь кораблей, и Максим ощутил простую и спокойную радость бытия, перешедшую затем в чувство уверенности не только в завтрашнем

дне, но и как минимум в двух следующих неделях. Рядом с газетой лежали большая лупа, лист бумаги, на котором зеленели какие-то точки, и любимая никитина книга "Звездные корабли", раскрытая посередине.

- У тебя папиросы есть? - спросил Никита.

Максим кивнул и вынул из кармана пачку "Казбека".

- Задуй тогда сам, - сказал Никита, взял лупу и склонился над листом.

Максим присел на корточки возле газеты и распечатал папиросы. Черный всадник на пачке тревожил его душу, и Максим, вынув несколько папирос, спрятал пачку назад в карман. Взяв папиросу, он повернул ее серой головкой в сторону стенда и сильно дунул в мундштук. Табачная пробка вылетела из бумажного цилиндра и с силой ударила в один из черных самолетов - прочитав подпись, Максим понял, что попал в бомбардировщик Б-52 "Стратофортресс" с подвешенной ракетой "Хаунд Дог".

- Цель уничтожена, - прошептал он, зажал папиросу в губах, наклонился над кучей плана и стал засасывать его в гильзу.

Никита, признанный мастер пневмозабивки, смотрел на деятельность Максима мрачно и даже немного брезгливо, но никак ее не комментировал. Он был сторонником несколько другой техники, при которой на дне папиросы оставлялось немного табаку - дело было не столько в том, что при такой методике план не попадал в рот, сколько в преемственности по отношению к поколению шестидесятников, которых Никита очень уважал, а Максим, как и все постмодернисты, не ставил ни во что - поэтому, забивая косяк, он просто перекручивал папиросную бумагу у начала картонного мундштука, в результате чего получалась так называемая "бестабачная пятка".

Задув три косяка, Максим протянул один Никите, вторым вооружился сам и чиркнул спичкой.

- Хороший, - сказал он, затянувшись два раза, - но все-таки не план Маршалла. Ближе к тайному плану мирового сионизма, а?

- Я бы не сказал, - отозвался Никита. - Скорее, ленинский план вооруженного восстания.

- А, - встрепенулся Максим, - вроде того, который он в Разливе выращивал и морячкам давал?

- Ну. Еще был план ГОЭЛРО.

- ГОЭЛРО? - переспросил Максим, - который на прошлой неделе курили? Не очень мне понравился. От него потом желтые круги перед глазами.

- Еще там был ленинский кооперативный план, - бормотал Никита, - план индустриализации и план построения социализма в отдельно взятой стране.

- А где "там" - там, где ты брал, или у Ленина?

- Да, - сказал Никита.

- А шалаш, - догадался Максим, - так назывался, потому что весь из шалы был был сделан!

- Но плана Маршалла там не было, - заключил Никита.

Планом Маршалла назывался один удивительный сорт с Дальнего Востока, который в прошлом году проходил на дальней периферии никитиного мира, там, где уже начинались сложные уголовные расклады, и за траву намного охотнее брали патроны для "Макарова", чем деньги. Плана Маршалла перепало совсем немного, но он так запомнился, что каждую новую партию неизбежно сравнивали с ним.

Добив косяк, Никита взял лупу и склонился над листом бумаги, усеянным зелеными точками.

- Что это ты разглядываешь? - поинтересовался Максим.

- А это конопляные клопы, - сказал Никита.

- Какие конопляные клопы?

- Никогда не видел? - меланхолично спросил Никита. - Ну так посмотри.

Максим переместился поближе к листу бумаги. На нем лежали обломки сухой конопли примерно одного размера, миллиметра в два-три длинной, состоявшие из черенка листа и миллиметрового отрезка ножки - поэтому все они были одинаковой треугольной формы. Максим прикинул, сколько времени у Никиты должно было уйти на то, чтобы просеять целую гору травы, собирая эти кусочки, и с уважением посмотрел на приятеля.

- Так это ж шалашка, - сказал он, - какие это клопы.

- Я тоже так думал, - сказал Никита. - А ты в лупу посмотри.

Максим взял лупу и склонился над листом. Сначала он не замечал ничего необыкновенного в увеличившихся в несколько раз обломках листьев, но потом увидел на них странные симметричные полоски и внезапно узнал в этих полосках прижатые к брюшку лапки. И сразу же, как это бывает с ребусами, где нужно выделить осмысленный рисунок в хаотическом переплетении линий, произошла удивительная трансформация - весь лист, который только что был покрыт конопляным сором, оказался усеянным небольшими плоскими насекомыми буро-зеленого цвета, с длинной продолговатой головкой (ее Максим принимал за обломок ножки листа), треугольным жестким тельцем (у клопов были, видимо, рудиментарные крылья - можно было даже различить разделяющую их тоненькую линию), и лапками, которые были поджаты к телу и сливались с ним.

- Они дохлые, - спросил Максим, - или спят?

- Нет, - ответил Никита. - Это они притворяются. А если на них долго не смотреть, то они ползать начинают.

- Никогда бы не подумал, - пробормотал Максим. - Во, один шевелится. И давно ты их заметил?

- Вчера, - сказал Никита.

- Сам?

- Не, - сказал Никита. - Показали. Я тоже не знал.

- А много их в траве?

- Очень, - сказал Никита. - Считай, в каждом корабле штук двадцать. Это как минимум.

- А почему ж мы их раньше не замечали? - спросил Максим.

- Так они же очень хитрые. И планом прикидываются. Но зато такая примета есть - за день до того, как менты придут, они бегут с корабля, ну, короче, как крысы. Поэтому умные люди как делает - берут коробок травы, кладут его на шкаф, а сверху накрывают трехлитровой банкой. И если клопы выползают и залазят на стены банки, умные люди сразу собирают всю траву и везут на другой флэт.

- Так что, - сказал Максим, - выходит, они в каждом косяке есть?

- Практически да. Замечал - бывает, когда куришь, что-то трещит? И запах меняется?

- Так это же семена, - сказал Максим.

- Вот, - сказал Никита, - я тоже так думал раньше. А вчера специально косяк забил одними семенами - ничего подобного.

- Так что, это...

- Да, - сказал Никита. - Они.

Косяк в руке Максима щелкнул и выпустил тонкую и длинную струю дыма, словно в нем произошло извержение микроскопического вулкана. Максим испуганно поглядел на папиросу и перевел взгляд на Никиту.

- Во, - сказал Никита. - Понял?

- Так это ж на каждом косяке бывает раза по три, - побледнев, сказал Максим.

- О чем я и говорю.

Максим замолчал и задумался. Никита сел на пол и стал надевать кеды.

- Ты чего это? - спросил Максим.

- Стремак, - объяснил Никита. - Надо погулять пойти. У тебя часы есть?

- Нету.

- Тогда включи радио. Там объявят. В три часа надо на рынке быть.

Максим протянул руку к старому "Вэфу" и щелкнул ручкой. Передавали новости.

- Выступая на сессии Организации Объединенных Наций, - заговорил ксилофонический женский голос, - король Иордании Хусейн отметил, что американский план ближневосточного урегулирования представляется ему малоэффективным. Он заявил, что у арабских народов имеется свой план, о котором необходимо шире информировать международную общественность. А теперь несколько слов о событиях внутри страны. Из Кузбасса сообщают - на Новокраматорском металлургическом комбинате задута седьмая домна с начала пятилетки. Поясним радиослушателям, что в ранее принятой терминологии одна домна составляет десять стаканов, или сто кораблей, или тысячу косяков. Таким образом, семь ты...

Никита нагнулся над приемником и выключил его.

- Не дождемся, - сказал он. - Лучше на улице спросим.

- Тысяча косяков, - мечтательно повторил Максим, и выпучил глаза. - Эй, ты слышал, что сейчас передали?

- Да, - отозвался Никита. - А что?

- И тебя ничего не удивило?

- Нет.

- Ну ты даешь, - засмеялся Максим. - Совсем скурился чувак. Ты правда, что ли, ничего не заметил?

- А что я должен был заметить?

- Про пятилетку. Ведь пятилеток нет больше.

- Пятилеток нет, - сказал Никита. - Но пятилетний план остался. Его же на пять лет вперед сушили.

- А-а! - понял Максим.

- Пойдем быстрее, - сказал Никита, выглянув в окно, - пока во дворе пусто. Еще косяк возьмем?

- Не вопрос, - сказал Максим, и сунул папиросу в карман.

Никита задержался у двери.

- Стой, - сказал он, с сомнением глядя на Максима, - так не пойдет.

- Чего не пойдет?

- Вид у тебя стремный, вот чего. Переверни пилотку.

Максим послушно снял пилотку и нацепил ее желтой кисточкой вперед. Никита остался доволен и открыл дверь.

На улице дул ветер и было прохладно. Недавно прошел дождь, но асфальт уже успел высохнуть. Максим с Никитой вышли на дорогу и двинулись в гору, по направлению к блестящим воротам, образованным трубой теплоцентрали, которая выгибалась над дорогой в форме буквы "П".

- Слушай, - сказал Никита, - туда не пойдем.

- А чего?

- Вон, видишь, - сказал Никита, указывая на арку. - Что это за пэ такое?

Максим поглядел вперед.

- Брось, - сказал он, - это у тебя думка начинается. Идем.

Но после никитиных слов проходить под буквой "П" было довольно страшно, и Максим с Никитой перелезли через трубу в нескольких метрах справа от арки, промочив штаны в сырой траве и вымазав ноги в грязи. Никита внимательно посмотрел Максиму на ноги.

- Чего это ты в сапогах ходишь? - спросил он. - Жарко ведь.

- В образ вхожу, - ответил Максим.

- В какой?

- Гаева. Мы "Вишневый сад" ставим.

- Ну и как, вошел?

- Почти. Только не все еще с кульминацией ясно. Я ее до конца пока не увидел.

- А что это? - спросил Никита.

- Ну, кульминация - это такая точка, которая высвечивает всю роль. Для Гаева, например, это то место, когда он говорит,

что ему службу в банке нашли. В это время все вокруг стоят с тяпками в руках, а Гаев их медленно оглядывает и говорит: "Буду в банке". И тут ему сзади на голову надевают аквариум, и он роняет бамбуковый меч.

- Почему бамбуковый меч?

- Потому что он на бильярде играет, - пояснил Максим.

- А аквариум зачем? - спросил Никита.

- Ну как, - ответил Максим. - Постмодернизм. Де Кирико. Хочешь, сам приходи, посмотри.

- Не, не пойду, - сказал Никита. - У вас в подвале сургучом воняет. А постмодернизм я не люблю. Искусство советских вахтеров.

- Почему?

- А им на посту скучно было просто так сидеть. Вот они постмодернизм и придумали. Ты в само слово вслушайся.

- Никита, - сказал Максим, - не базарь. Сам, что ли, вахтером не работал?

Слева между холмами мелькнуло море, но дорога сразу же повернула вправо, и море исчезло. Впереди никого не было. Максим полез в карман, вынул оттуда косяк и закурил.

- Ну, работал, - сказал Никита, принимая дымящуюся папиросу, - только я чужого никогда не портил. А ты, даже когда в подвале этом еще не прижился, уже был паразит. Вот я тебя картину просил на три корабля обменять, помнишь?

- Какую? - фальшиво спросил Максим.

- А то не помнишь. "Смерть от подводного ружья в саду золотых масок", - ответил Никита. - А ты что сделал? Вырезал в центре треугольник и написал "хуй".

- Отец, - с холодным достоинством ответил Максим, - чего это ты пургу метешь, а? Мы ведь это проехали давно. Я тогда был художник-концептуалист, а это был хэппенинг.

Никита глубоко вдохнул дым и закашлялся.

- Говно ты, - сказал он, отдышавшись, - а не художник-концептуалист. Ты просто ничего больше делать не умеешь, кроме как треугольники вырезать и писать "хуй", вот всякие названия и придумываешь. И на "Вишневом Саде" вы тоже треугольник вырезали и "хуй" написали, а никакой это не спектакль. И вообще, во всем этом постмодернизме ничего нет, кроме хуев и треугольников.

- Художника-концептуалиста я в себе давно убил, - примирительно сказал Максим.

- А я-то думаю, чего это у тебя изо рта так воняет?

Максим остановился и открыл было рот, но вспомнил, что хотел одолжить у Никиты плана, и сдержался. Никита всегда так себя вел, когда чувствовал, что у него скоро попросят травы.

- Ты, Никита, прямо как участковый стал, - мягко сказал Максим. - Тот тоже жизнь объяснял. Ты, говорил, Максим, на производство идти не хочешь, вот всякую ерунду и придумываешь.

- Правильно объяснял. Ты от этого участкового отличаешься только тем, что когда он одевает сапоги, он не знает, что это эстетическое высказывание.

- А сам ты кто? - не выдержал Максим. - Может, скажешь, не постмодернист? Такое же говно в точности.

Но Никита уже успокоился, и его глаза подернулись прежней вялой меланхолией.

- А эта картина хорошая была, - сказал Максим. - "Смерть от подводного ружья." Она у тебя какого периода? Астраханского?

- Нет, - ответил Никита.- Киргизского.

- Да я же помню, - сказал Максим. - Астраханского.

- Нет, - сказал Никита. - Астраханского - это "Пленные негуманоиды в штабе киевского военного округа". У меня тогда был длинный киргизский период, потом короткий астраханский, а потом опять киргизский. Чего Горбачеву никогда не прощу, это что Среднюю Азию потеряли. Такую страну развалил.

- Думаешь, он хотел? - спросил Максим, стараясь увести беседу как можно дальше от опасной темы. - У него просто не было четкого плана действий.

Никита не поддержал разговора. Шоссе, по которому они шли, уводило все дальше от моря; вокруг были только голые холмы, и Максим подумал, что если опять начнется дождь, спрятаться будет некуда. Он начинал замерзать.

- Пошли обратно, что ли, - сказал он. - Эй, пяточку оставь!

Никита затянулся последний раз и отдал Максиму окурок.

- Зачем обратно, - сказал он. - сейчас повернем. Тут напрямик можно выйти.

От шоссе отходила узкая асфальтовая дорога. Вдоль нее стоял длинный деревянный забор, за которым возвышались недостроенный санаторий и пара подъемных кранов. Максим с тревогой подумал, что на дороге могут встретится собаки, но когда Никита свернул с шоссе, молча пошел следом. Вдруг в голову ему пришла неприятная мысль.

- Слушай, Никита, - сказал он, - а чего это мы про банку говорили?

- Это ты про "Вишневый сад" рассказывал.

- Нет, - сказал Максим, - раньше. Про конопляных клопов.

- А. Это коробок травы банкой накрывают, и смотрят - если клопы выползут, значит шухер.

Папироса в руке у Максима издала треск и выпустила длинную и тонкую струю дыма, похожую на ракетный выхлоп. Максим вздрогнул.

- Так, - сказал он, - а мы почему из дома вышли?

- Стремно стало, - сказал Никита. - Я подумал, а вдруг менты придут?

- Понятно, - сказал Максим и оглянулся. - А ну пошли быстрее.

Он стал таким бледным, что Никита, поглядев на него,

испугался и прибавил шагу.

- Куда спешить? - спросил он.

- Ты что, не понял ничего? - сказал Максим. - Нас сейчас брать будут.

Тут дошло и до Никиты. Он прибавил шагу, оглянулся и увидел на шоссе тормозящий у развилки желтый джип с голубой полосой вдоль борта - к сожалению, эти цвета сейчас не имели к независимой Украине никакого отношения.

- Стой, - сказал Никита и поглядел на Максима безумными глазами, - мы так не уйдем. Они на машине.

- А что ты предлагаешь?

- Давай ляжем у обочины и притворимся мертвыми. Они тогда мимо проедут и сделают вид, что нас не видят. На фига им лишнее дело заводить?

- Совсем рехнулся, - сказал Максим. - Надо спрятаться.

- А где здесь спрячешься?

- На свалке, - сказал Максим.

Слева от дороги начиналась огромная свалка. Точнее, это была не совсем свалка, а загаженная до невозможности площадка, на которой был склад стройматериалов - плит разных размеров и формы, бетонных кубов и труб, но мусора на ней было гораздо больше. Максим оглянулся и увидел, что милицейский джип свернул с шоссе на дорогу, по которой они с Никитой только что прошли.

- Бегом, - прошептал Максим, и кинулся в щель между двумя рядами плит. Никита побежал следом. Сзади послышалось приближающееся урчание мотора, а потом стихло.

- Из машины вышли! - взвизгнул Максим, поскользнулся на мокрой доске, упал, вскочил на ноги, завернул еще за одну кладку плит и нырнул в пустую бетонную трубу, лежавшую на сырых досках перед огромной горой пустых ящиков. Никита последовал за ним. Труба была диаметром почти в два метра, так что не надо было даже особенно пригибаться; Максим с Никитой пробежали ее всю и остановились, шумно дыша, у тупика, где стены смыкались резким конусом, в центре которого оставалось отверстие примерно с голову.

- Они нас видели? - спросил Никита.

- Тише! - прошептал Максим.

- Не услышат, - сказал Никита. - тут просто акустика такая. Не теряй голову.

- Кто голову теряет? - сказал Максим. - Я? Это я, что ли, предложил мертвым притвориться, как эти клопы?

Никита ничего не сказал и поглядел на дыру выхода - она белела метрах в пятнадцати и казалась совсем небольшой. В трубе было сыро. Никита перевел взгляд на Максима. Когда тот задумывался, его лицо менялось, теряло обычное выражение вежливого достоинства и становилось похожим на протез - таких лиц было очень много на фотографиях из архива министерства водного хозяйства СССР, часть которого случайно попала к Никите в

результате сложных двойных и тройных плановых обменов.

- Полчасика подождем, - сказал Максим, - а потом можно будет вылезти посмотреть. Тебя как, тащит еще?

- Ага, - сказал Никита.

- Меня тоже. Крутой. Я у тебя займу два корабля?

Никита кивнул.

- Черт, - сказал Максим, зная по опыту, что после условного согласия Никиты надо как можно быстрее перевести разговор на другую тему, - пилотку потерял. Наверно, когда поскользнулся.

- Нет, - попался Никита. - Ты ее раньше снял. Посмотри в карманах.

Максим полез в карман и вынул оттуда пачку "Казбека".

- Я тут одну вещь осознал, - сказал он. - Что папиросы "Казбек" на самом деле никакой не "Казбек".

- Почему?

- А посмотри. Написано "Казбек", а что нарисовано?

- Гора Казбек.

- Так это задний план, - сказал Максим. - Можно сказать, фон. А на переднем плане что?

Никита поглядел на пачку так, словно первый раз в жизни ее видел.

- Действительно, - сказал он.

- Вот то-то и оно. Черный всадник. А ты когда-нибудь думал, что это за черный всадник на переднем плане?

- Завязывай, - сказал Никита. - Опять думка начнется.

Максим собрался было что-то сказать, но Никита поднял палец.

- Тихо, - прошептал он.

Снаружи послышались голоса, и сразу стихли. Несколько минут было тихо, а потом Максим услышал ритмичный стук, словно кто-то постукивал пальцами по столу. Звук приближался, и скоро стало ясно, что это удары конских копыт. Дробное перестукивание несколько раз облетело вокруг трубы и стихло.

- Слушай, - приподнимаясь, сказал Максим, - По-моему, это мы зря в панику ударились. Чего стрематься? У нас и плана с собой больше нет. Пошли отсюда?

- Пошли, - согласился Никита и тоже встал с пола.

И вдруг в трубу подул ветер. Сначала его еще можно было принять за обычный сильный сквозняк, но не успел Максим сделать нескольких шагов, как ветер достиг такой силы, что сбил его с ног и потащил назад. Никита удержал равновесие и даже прошел еще несколько метров, сильно наклонясь вперед, но ветер усилился до того, что старые дощатые ящики, лежавшие перед круглой дырой выхода, стали срываться с места и катиться в трубу. От трех или четырех Никита увернулся, но ветер заставил его опуститься на четвереньки и схватиться за неровности бетона. Он оглянулся. Максим лежал в самом конце трубы, уже заваленный ящиками, и небольшая черная дырка над его головой страшно гудела, засасывая

воздух. Максим закричал, но Никита ничего не разобрал, потому что воздушный поток относил все слова назад. Мимо пролетело еще несколько ящиков, а потом один из них ударил Никиту по рукам, он разжал пальцы и вместе с ящиками покатился в конец трубы. Ветер стал еще сильнее, и ящики уже не катились по трубе, а летели по ней, сталкиваясь и ломаясь о стены и друг о друга. Никита закрыл уши ладонями и зажмурился, чувствуя, как гул становится все громче, и тонкие доски со всех сторон вдавливаются в его тело и трещат. Ветер стих так же внезапно, как начался.

- Эй, - крикнул Никита, - Максим! Ты живой?

- Живой, - ответил Максим. - А ты где?

- Тут, где же еще, - ответил Никита.

Спина Максима упиралась в крутой бетонный скос, а все остальное окружающее пространство было загромождено переломанными ящиками так плотно, что нельзя было даже пошевелиться. Судя по голосу, Никита был недалеко, метрах в трех-четырех за месивом из досок и оргалитовых листов, но виден он не был.

- Что это? - спросил Максим.

- А ты что, не понял? - переспросил Никита с некоторым, как показалось Максиму, злорадством. - Это нас в косяк забили.

- Кто? Менты?

- Откуда я знаю, - сказал Никита.

- Я, кажется, ногу сломал, - пожаловался Максим.

- Так тебе и надо, - сказал Никита. - Я сколько раз говорил, не верти пятки без табака. Но теперь уже, конечно, никакой разницы. Сейчас такое будет...

- А что будет?

- А ты, Максим, сам подумай.

Но думать уже не было нужды. Опять потянуло ветром, но на этот раз он принес с собой густые клубы дыма, и Максим с Никитой надолго закашлялись. Максим почувствовал волну обжигающего жара и увидел в щелях между досками красные отблески пока далекого огня. Потом все вокруг опять заволокло дымом, и Максим зажмурился - держать глаза открытыми стало невозможно.

- Никита! - крикнул он.

Никита не отвечал.

"Так, - стал соображать Максим, - Я в самом конце, а косяк - это затяжек восемь. Две уже было. Значит..."

На Максима обрушилась новая волна жара, и он почувствовал, что задыхается. По его рукам и лицу потек горячий деготь.

- Никита! - опять позвал он и попытался приоткрыть глаза. Сквозь дым сверкнуло багровое сияние, уже близкое, и там, где раньше звучал никитин голос, раздался оглушительный треск. Максим с трудом отвернул голову от дыры, в которую стягивался весь дым, и попытался вдохнуть немного воздуха. Это удалось.

"А если короткий косяк, - с ужасом подумал он, - то ведь и

за пять тяг можно... Господи! Если ты меня слышишь!"

Максим попытался перекреститься, но руки были намертво зажаты наваленными вокруг ящиками.

- Господи! Да за что это мне? - прошептал он.

- Неужели ты думаешь, - послышался громовой и одновременно задушевный голос из отверстия, в которое стягивался дым, - что я хочу тебе зла?

- Нет, - закричал Максим, вжимаясь в бетон от подступившего жара, - не считаю! Господи, прости!

- За тобой нет никакой вины, - прогремел голос. - Думай о другом.

10. ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ ВРАГА

В крышу автобусной остановки барабанил дождь. Наташа сидела на узкой железной лавке, забившись в холодный стеклянный угол, и плакала. Рядом сидел Сэм и ежился от долетающих брызг.

- Наташа, - позвал он и попытался отвести ее руки от лица.

- Сэм, - сказала Наташа, - не смотри на меня. У меня глаза потекли.

- Тебе надо успокоиться, - сказал Сэм. - Выпить чего-нибудь, или...

Он сунул два пальца в нагрудный карман рубашки, вынул оттуда длинную папиросу со скрученным концом, похожим на наконечник стрелы, и, с некоторым сомнением осмотрев ее, сунул в рот. Прикурив, он пару раз затянулся и похлопал Наташу по плечу.

- На вот, попробуй.

Наташа осторожно выглянула из-под ладоней.

- Что это? - спросила она.

- Марихуана, - ответил Сэм.

- Откуда у тебя?

- Не поверишь, - сказал Сэм. - Иду сегодня утром по набережной, она еще пустая была, и слышу - копыта стучат. Оборачиваюсь, смотрю - скачет всадник, весь в черном, в длинной такой бурке. Подъезжает ко мне, коня - на дыбы, и протягивает папиросу. Я и взял. И тут конь как заржет...

- А дальше? - спросила Наташа.

- Ускакал.

- Очень странно.

- Да нет, - сказал Сэм, - это, по-моему, древний татарский обычай. Я что-то похожее читал у Геродота, еще в колледже.

- А мне плохо не будет? - спросила Наташа.

- Будет хорошо, - сказал Сэм и затянулся еще раз.

Как бы подтверждая эти слова, папироса в его пальцах щелкнула и выпустила длинную узкую струю дыма. Наташа с опаской, словно это был голый электрический провод, взяла папиросу и

недоверчиво поглядела на Сэма.

- Я боюсь, - прошептала она, - я не пробовала никогда.

- Неужели ты думаешь, - нежно спросил Сэм, - что я хочу тебе зла?

Наташино лицо искривилось, и Сэм понял, что вот-вот она опять заплачет.

- За тобой нет никакой вины, - так же нежно сказал он. - Думай о другом.

Наташа сморгнула слезы, поднесла к губам папиросу и потянула в себя дым. Папироса снова щелкнула и с шипением выпустила синюю струйку.

- Что это щелкает? - спросила Наташа. - второй раз уже.

- Не знаю, - сказал Сэм. - Какая разница.

Наташа кинула окурок в покрытый пузырями ручей, текущий по асфальту прямо между ее ног. Окурок шлепнулся в воду, погас и поплыл, покачиваясь, вдаль; ручей водопадиком обрушивался с тротуара на мостовую, и когда картонная гильза перевалилась через бетонный бордюр, Наташа потеряла ее из виду.

- Видишь, Наташа, эти пузыри? - спросил Сэм. - Вот так и мы. Насекомые убивают друг друга, часто даже не догадываясь об этом. И никто не знает, что будет с нами завтра.

- Я даже не заметила, как он подлетел, - сказал Наташа. - Все машинально вышло.

- Он был пьян, - сказал Сэм. - И потом, кто же в ляжку кусает? Только самоубийцы. Это ведь самое чувствительное место.

Он положил руку на наташину ногу.

- Вот сюда, да?

- Да, - тихонько ответила Наташа.

- Не болит?

Наташа подняла на Сэма пустые и загадочные зеленые глаза.

- Поцелуй меня, Сэм, - попросила она.

Дождь постепенно стихал. Стеклянная стена остановки была оклеена выцветшими объявлениями. Впившись в наташины губы, Сэм заметил прямо напротив своего лица бумажку с надписью:"Дешево продается жирная собака. Звонить вечером, спросить Сережу." Полоски с телефонами были оборваны, а почерк был крупный, твердый, и наклоненный влево. Сэм перевел глаза. Рядом висело другое объявление: "Скромный молодой массажист приходит на дом. Оплата по договоренности." Из под него выглядывало третье объявление, в котором некто по имени Андрис выражал нетерпеливое желание купить кресло "Мемфис" из гарнитура "Атлантис".

- Ох, Сэм, - сказала Наташа, - меня никто так еще не целовал.

- Куда бы нам пойти, - сказал Сэм.

- У меня мать дома, - сказала Наташа, - а я с ней в ссоре.

- Может, ко мне в гостиницу?

- Что ты. Что про меня подумают. Тут же все всех знают. Уж

лучше ко мне.

- А мать?

- Она нас не увидит. Только у нее есть одна ужасная привычка - она все время вслух читает. Иначе до нее смысл не доходит.

- Далеко это?

- Нет, - сказала Наташа, - совсем рядом. Минут семь идти от силы. Сэм, я, наверно, страшная, да?

Сэм встал, вышел из-под навеса и поглядел вверх.

- Идем, - сказал он. - Дождь кончился.

За время дождя ведущая к пансионату грунтовка превратилась в сплошной разлив грязи, и увитый виноградом серебристый Ильич, торчащий на ее краю, казался носовой фигурой корабля, засосанного вязким рыжим месивом. Сначала Сэм пытался наступать в те места, где грязь казалась менее глубокой, но через несколько метров дорога стала казаться ему хитрым и злым живым существом, старающимся как можно сильнее нагадить ему за то время, пока он пользуется ее услугами. Он выбрался на траву и пошел по ней - ноги сразу промокли, но зато грязь с мокасин быстро обтерлась о сырые стебли. Наташа шла впереди, держа в каждой руке по тапочку и балансируя ими с удивительным изяществом.

- Почти пришли, - сказала она, - теперь направо.

- Но там же газон, - сказал Сэм.

- Да, - сказала Наташа, - живем мы скромно, но другие еще хуже. Вот сюда. Не поскользнись. Руку держи.

- Ничего, слезу. А, черт.

- Я же говорила, руку возьми. Ничего, застираем, за час высохнет. Теперь вперед и налево. Пригнись только, а то головой заденешь. Ага, вот сюда.

- Можно посветить?

- Не надо, мать проснется. Сейчас глаза привыкнут. Ты только тише говори, а то ее разбудишь.

- А где она? - шепотом спросил Сэм.

- Там, - прошептала Наташа.

Постепенно Сэм начал различать окружающее. Они с Наташей сидели на небольшом диване; рядом стояла тумбочка с двухкассетником и письменный стол, над которым висела полка с несколькими книжками. В углу тихонько трещал маленький белый холодильник, над дверце которого, как бы компенсируя очевидное отсутствие мяса внутри, помещался плакат с голым по пояс Сильвестром Стэллоном. Метрах в трех от дивана комната была перегорожена доходившей почти до низкого потолка желтой ширмой.

Сэм достал сигарету и щелкнул зажигалкой. Наташа попыталась поймать его за руку, но было уже поздно - комната осветилась, и из-за ширмы долетел тихий женский стон.

- Ну все, - сказала Наташа, - разбудил.

За ширмой что-то тяжело пошевелилось и прокашлялось, потом

зашуршала бумага, и тонкий женский голос начал громко и членораздельно читать:

- ...Но, конечно же, у всех сколько-нибудь смыслящих в искусстве насекомых уже давно не вызывает сомнения тот факт, что практически единственным квазиактуальным постэстетическим эпифеноменом современного литературного процесса является на сегодняшний день - разумеется, на эгалитарно-эсхатологическом внутрикультурном плане - альманах "Треугольный хуй", первый номер которого скоро появится в продаже. Обзор подготовили Всуеслав Петухов и Семен Клопченко-Конопляных. Примечание. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. Полет над гнездом врага. К пятидесятилетию со дня окукливания Аркадия Гайдара...

- Теперь можно вслух говорить, - сказала Наташа, - она не услышит ничего.

- И часто она так? - спросил Сэм.

- Целыми днями. Может, музыку включим?

- Не надо, - сказал Сэм.

- Дай я затянусь, - сказала Наташа, присаживаясь к Сэму на колени и вынимая из его пальцев горящую сигарету.

Сэм обнял ее за живот и нащупал под мокрой зеленой тканью горячую впадинку пупка.

- И получается, - монотонно читал за ширмой тонкий голос, - что прочесть его, в сущности, некому: взрослые - не станут, а дети ничего не заметят, как англичане не замечают, что читают по -английски. "Прощай! - засыпал я. - Бьют барабаны марш-поход. Каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава. Вот мы и разошлись. Топот смолк, и в поле пусто..."

- Как это она без света читает? - тихо спросил Сэм, :сцараясь отвлечь внимание Наташи от неловкой паузы, в которой была виновата неподатливая пластмассовая молния.

- Не знаю, - прошептала Наташа. - Сколько себя помню, все время одно и то же.

- ...Видишь мир глазами маленького мальчика, - читал голос, - и не из-за примитивности описанных чувств - они достаточно сложны - а из-за тех бесконечных возможностей, которые таит в себе мир "Судьбы барабанщика". Это как бы одно из свойств жизни, на котором не надо и нельзя специально останавливаться, равнодушная и немного печальная легкость, с которой герой встречает новые повороты своей жизни. "Никто теперь меня не узнает и не поймет, - думал я. - Отдаст меня дядя в мичманскую школу, а сам уедет в Вятку... Ну и пусть! Буду жить один, буду стараться. А на все прошлое плюну и забуду, как будто его и не было..." Вселенная, в которой живет герой, по-настоящему прекрасна: "А на горе, над обрывом, громоздились белые здания, казалось - дворцы, башни светлые, величавые. И пока мы подъезжали, они неторопливо разворачивались, становились вполоборота, поглядывая одно за другим через могучие каменные

плечи, и сверкали голубым стеклом, серебром и золотом..."

- Наташа, - сдался Сэм, - как это расстегнуть?

- Да она и не расстегивается, - хихикнула Наташа, - она так пришита, для красоты.

Она взялась за подол платья и одним быстрым движением стянула его через голову.

- Фу, - сказала она, - волосы растрепались.

- Но кто смотрит на этот удивительный и все время обновляющийся мир? - вопросил голос за ширмой. - Кто тот зритель, в чувства которого мы погружаемся? Можно ли сказать, что это сам автор? Или это один из его обычных мальчиков, в руку которому через несколько десятков страниц ложится холодная и надежная рукоять браунинга? Кстати сказать, тема ребенка-убийцы - одна из главных у Гайдара. Вспомним хотя бы "Школу" и тот как бы звучащий на всех ее страницах выстрел из маузера в лесу, вокруг которого крутится все остальное повествование. Да и в последних работах - "Фронтовых записях" - эта линия нет, нет, да и вынырнет: "Боясь, что ему не поверят, он вытягивает из-за пазухи завернутый в клеенку комсомольский билет... Я смотрю ему в глаза. Я кладу ему в горячую руку обойму... Ой, нет! Этот паренек заложит обойму не в пустую кринку..."

Расстегнув рубаху Сэма, Наташа прижала нежные присоски на своих ладонях к его покрытой
жесткими волосками груди.

- Но нигде эта нота, - усилился голос, - не звучит так отчетливо, как в "Судьбе барабанщика". Собственно, все происходящее на страницах этой книги - прелюдия к тому моменту, когда барабанной дроби выстрелов откликается странное эхо, приходящее не то с небес, не то из самой души лирического во всех смыслах героя. "Тогда я выстрелил раз, другой, третий... Старик Яков вдруг остановился и неловко попятился. Но где мне было состязаться с другим матерым волком, опасным и беспощадным снайпером!... Даже падая, я не переставал слышать все тот же звук, чистый и ясный, который не смогли заглушить ни внезапно загрохотавшие по саду выстрелы, ни тяжелый удар разорвавшейся неподалеку бомбы..."

Наташины ладони поползли вниз и наткнулись на что-то, на ощупь напоминающее теплый блок цилиндров гоночной машины. Наташа сообразила, что это место, откуда у Сэма растут лапки, нежно погладила его и повела ладонь ниже, пока не коснулась первого сочленения его покрытого короткой щетиной перепончатого брюшка.

- Oh yeah honey, - пробормотал Сэм, - I can feel it.

Его лапка легла на прохладную и твердую наташину спину и нащупала поросшее влажным мхом основание подрагивающего крыла.

- It's been my dream for ages, - прошептала Наташа с оптимистической интонацией лингафонного курса, - to learn american bed whispers...

- Убийство здесь, - откликнулся голос за ширмой, - мало чем отличается от, скажем, попыток открыть ящик стола с помощью напильника или от мытарств с негодным фотоаппаратом - коротко и ясно описана внешняя сторона происходящего, и изображен сопровождающий действия психический процесс, напоминающий трогательно простую мелодию небольшой шарманки. Причем этот поток ощущений, оценок и выводов таков, что не допускает появления сомнений в правильности действий героя. Конечно, он может ошибаться, делать глупости и сожалеть о них, но он всегда прав, даже когда неправ. У него есть естественное право поступать так, как он поступает. В этом смысле Сережа Щербачев - так зовут маленького барабанщика - без всяких усилий достигает того состояния духа, о котором так безнадежно мечтал Родион Раскольников. Можно сказать, что герой Гайдара - это Раскольников, который идет до конца, ничего не пугаясь, потому что по молодости лет и из-за уникальности своего жизнеощущения просто не знает, что можно чего-то испугаться, просто не видит того, что так мучит петербургского студента; тот облепляет свою топорную работу унылой и болезненной саморефлексией, а этот начинает весело палить из браунинга после следующего внутреннего монолога: "Выпрямляйся, барабанщик! - уже тепло и ласково подсказал мне все тот же голос. - Встань и не гнись! Пришла пора!" Отбросим фрейдистские реминисценции...

Сэм почувствовал, как его хоботок выпрямляется под проворными лапками Наташи, и разомлело посмотрел ей в лицо. От ее подбородка отвисал длинный темный язык с мохнатым концом, разделяющимся на два небольших волосатых отростка. Этот язык возбужденно подрагивал, и по нему скатывались темно-зеленые капли густой секреции.

- Eat me, - прошептала Наташа, потянула за длинные шершавые антенны, торчавшие из-под глаз Сэма, и он с жужжащим стоном вонзил хоботок в хрустнувший зеленый хитин ее спины.

- ...Всегда были сложные отношения с ницшеанством. Достоевский пытался пытался художественно обосновать его несостоятельность - и сделал это вполне убедительно. Правда, с некоторой оговоркой: он доказал, что такая система взглядов не подходит для выдуманного им Родиона Раскольникова. А Гайдар создал такой же убедительный и такой же художественно правдивый, то есть не вступающий в противоречие со сформированной самим автором парадигмой, образ сверхчеловека. Сережа абсолютно аморален, и это неудивительно, потому что любая мораль или то, что ее заменяет, во всех культурах вносится в детскую душу с помощью особого леденца, выработанного из красоты жизни. На месте пошловатого фашистского государства "Судьбы барабанщика" сережины голубые глаза видят бескрайний романтический простор, населенный возвышенными исполинами, занятыми мистической борьбой, природа которой чуть приоткрывается, когда Сережа спрашивает у старшего сверхчеловека, майора НКВД Герчакова,

каким силам служил убитый на днях взрослый. "Человек усмехнулся. Он не ответил ничего, затянулся дымом из своей кривой трубки (sic!), сплюнул на траву и неторопливо показал рукой в ту сторону, куда плавно опускалось сейчас багровое вечернее солнце."

Прижимаясь к быстро надувающемуся и твердеющему брюшку Сэма, уже багровому, Наташа сжала его всеми шестью лапками.

- Oh, - шептала она, - it's getting so big... So big and hard...

- Yeah baby, - нечленораздельно отвечал Сэм. - You smell good. And you taste good.

- Итак, - сказала женщина за ширмой, - что написал Гайдар, мы более-менее выяснили. Теперь подумаем, почему? Зачем бритый наголо мужчина в гимнастерке и папахе на ста страницах убеждает кого-то, что мир прекрасен, а убийство, совершенное ребенком - никакой не грех, потому что дети безгрешны в силу своей природы? Пожалуй, по-настоящему близок Гайдару по духу только Юкио Мисима. Мисиму можно было бы назвать японским Гайдаром, застрели он действительно из лука хоть одного из Св. Себастьянов своего прифронтового детства. Но Мисима идет от вымысла к делу, если, конечно, считать делом ритуально-садистское самоубийство после того, как его фотография в позе Св. Себастьяна украсила несколько журнальных статей о нарождающемся японском культуризме, а Гайдар идет от дела к вымыслу, если, конечно, считать вымыслом точные снимки переживаний детской души, перенесенные из памяти в физиологический раствор художественного текста. "Многие записи в его дневниках не поддаются прочтению, - пишет один из исследователей. - Гайдар пользовался специально разработанным шифром. Иногда он отмечал, что его снова мучили повторяющиеся сны "по схеме N1" или "по схеме N2". И вдруг открытым текстом, как вырвавшийся крик: "Снились люди, убитые мной в детстве..."

Голос за ширмой замолчал.

- Чего это она? - спросил Сэм.

- Уснула, - ответила Наташа.

Сэм нежно погладил колючий конец ее брюшка и откинулся на диван. Наташа тихонько сглотнула. Сэм подтянул к себе стоящий на полу кейс, раскрыл его, вынул оттуда маленькую стеклянную баночку, сплюнул в нее красным, завинтил и кинул обратно - вся эта операция заняла у него несколько секунд.

- Знаешь, Наташа, - сказал он. - По моему все мы, насекомые, живем ради нескольких таких моментов.

Наташа уронила побледневшее лицо на надувшийся темный живот Сэма, закрыла глаза, и по ее щекам побежали быстрые слезы.

- Что ты, милая? - нежно спросил Сэм.

- Сэм, - сказала Наташа, - вот ты уедешь, а я здесь останусь. Ты хоть знаешь, что меня ждет? Ты, вообще, знаешь, как я живу?

- Как? - спросил Сэм.

- Смотри, - сказала Наташа и показала овальный шрам на своем плече, похожий на увеличенный в несколько раз след от оспяной прививки.

- Что это? - спросил Сэм.

- Это от ДДТ. А на ноге такой же, от раствора формалина.

- Тебя что, хотели убить?

- Нас всех, - сказала Наташа, - кто здесь живет, убить хотят.

- Кто? - спросил Сэм.

Вместо ответа Наташа всхлипнула.

- Но ведь есть же права насекомых, наконец...

- Какие там права, - махнула лапкой Наташа. - А ты знаешь, что такое цианамид кальция? Двести грамм на коровник? Или когда в закрытом навозохранилище распыляют железный купорос, а улететь уже поздно? У меня две подруги так погибли. А третью, Машеньку, хлористой известью залили. С вертолета. Французский учила, дура... Права насекомых, говоришь? А про серно-карболовую смесь слышал? Одна часть неочищенной серной кислоты на три части сырой карболки - вот и все наши права. Никаких прав ни у кого тут не было никогда и не будет, просто этим, - Наташа кивнула вверх, - валюта нужна. На теннисные ракетки и колготки для жен. Сэм, здесь страшно жить, понимаешь?

Сэм погладил наташину голову, поглядел на украшенный плакатом холодильник и вспомнил Сильвестра Стэллона, уже раздетого неумолимым стечением обстоятельств до маленьких плавок, и оказавшегося на берегу желтоватой вьетнамской реки рядом с вооруженной косоглазой девушкой. "Ты возьмешь меня с собой?" - спросила та.

- Ты возьмешь меня с собой? - спросила Наташа.

Рэмбо секунду подумал. "Возьму," - сказал Рэмбо.

Сэм секунду подумал.

- Видишь ли, Наташа, - начал он, и вдруг оглушительно чихнул.

За ширмой что-то большое пошевелилось, вздохнуло, и оттуда монотонно понеслось:

- Закрывая "Судьбу барабанщика", мы знаем, что шептал маленькому вооруженному Гайдару описанный им теплый и ласковый голос. Но почему же именно этот юный стрелок, которого даже красное командование наказывало за жестокость, повзрослев, оставил нам такие чарующие и безупречные описания детства? Связано ли одно с другим? В чем состоит подлинная судьба барабанщика? И кто он на самом деле? Наверно, уже настала пора ответить на этот вопрос. Среди бесчисленного количества насекомых, живущих на просторах нашей необъятной страны, есть и такое - муравьиный лев. Сначала это отвратительное существо, похожее на бесхвостого скорпиона, которое сидит на дне песчаной воронки и поедает скатывающихся туда муравьев. Потом что-то

происходит, и монстр со страшными клешнями покрывается оболочкой, из которой через неделю-две вылупляется удивительной красоты стрекоза с четырьмя широкими крыльями и зеленоватым узким брюшком. И когда она улетает в сторону багрового вечернего солнца, на которое в прошлой жизни могла только коситься со дна своей воронки, она, наверно, не помнит уже о съеденных когда-то муравьях. Так, может, снятся иногда. Да и с ней ли это было?
Майор Е. Формиков. Весна тревоги нашей. Репортаж с учений магаданской флотилии десантных ледоколов...

11. КОЛОДЕЦ

Стебли травы сгибались под собственной тяжестью, образуя множество следующих друг за другом ворот, а сверху в зеленое ночное небо уходили светло-коричневые колонны огромных деревьев - собственно, их смыкающиеся кроны и были этим небом. Митя летел между стеблями, все время меняя направление, и после поворотов перед ним возникали новые и новые коридоры покачивающихся триумфальных арок, каждая из которых отличалась от других, и была, видимо, посвящена одному из его многочисленных подвигов. К сожалению, природа каждого из этих подвигов тоже все время менялась из-за ветра, шевелившего траву, и собственное величие делалось крайне зыбким. Трава светилась в темноте, когда ее сгибал ветер, или это свет появлялся из воздуха каждый раз, когда в нем перемещался один из стеблей, словно качающаяся трава выцарапывала его из темноты.

Внизу делала свои однообразные движения жизнь - мириады разноцветных насекомых ползли по земле, и каждое из них толкало перед собой навозный шар. Некоторые раскрывали крылья и пытались взлететь, но удавалось это немногим, да и они почти сразу падали на землю под тяжестью шара. Большая часть насекомых двигалась в одном направлении, к залитой светом поляне, которая иногда мелькала в просветах между стеблями. Митя полетел в ту же сторону и вскоре увидел впереди большой пень неизвестного южного дерева - он был совершенно гнилой и светился в темноте. Вся поляна перед ним была покрыта шевелящимся пестрым ковром насекомых; они завороженно глядели на пень, от которого исходили харизматические волны, превращавшие его в несомненный и единственный источник смысла и света во вселенной. Каким-то образом Митя понял, что эти волны были просто вниманием, отраженным вниманием всех тех, кто собрался на поляне.

Подлетев чуть ближе, он разглядел небольшую кучку насекомых, стоявших по периметру пня, повернувшись к поляне. Они были самыми разными - среди них были очень красивые древесные клопы с целыми мозаиками на хитиновых панцирях, черные богомолы с молитвенно сложенными лапками, осы, сверкающие скарабеи, множество стрекоз и бабочек с цветными крыльями; за их спинами

виднелось несколько строго-серых пауков, которые, впрочем, не очень лезли на глаза собравшимся внизу. Что происходило в самом центре пня, не было видно, и от этого возникало ощущение темной тайны - казалось, что там сидит очень грозное и могущественное насекомое, настолько могущественное, что видеть его не положено никому, и очень хотелось думать, что оно в глубине души хорошее и доброе. Насекомые на краю пенька легонько дирижировали лапками, как бы следуя беззвучной музыке, и в такт их движениям покачивалась собравшаяся внизу огромная толпа. Ее движения словно следовали неслышному мотиву, и так четко, что он был почти что слышен - казалось, на далеком органе играют мелодию, которая была бы даже величественной, если бы ее время от времени не прерывало непонятное "умпс-умпс". Но стоило перестать смотреть на пенек и ритмично покачивающуюся вокруг толпу насекомых, и сразу становилось ясно, что вокруг тишина.

Митя поднялся довольно высоко, и скоро пень оказался под ним - теперь он мог посмотреть, что находится в самом его центре, и от этой возможности стало чуть не по себе, особенно когда вспомнились разоблачения многочисленных тайн этого пня в газетах, которые продают муравьи в самых глубоких и темных переходах прорытого ими метрополитена. Решась, Митя опустил взгляд и вздрогнул.

В центре пня была лужа, в которой плавало несколько похожих на соленые огурцы гнилушек. Точнее, даже не в центре - пень был настолько гнилым, что от него оставалась только кора, а сразу за ней начиналась трухлявая яма, полная гнилой воды.

Митя представил себе, что случится, когда кора треснет и вода хлынет на живой ковер, покачивающийся вокруг пня, и ему стало страшно. И тут он заметил, что исходящий от пня свет странно мерцает - как будто кто-то со страшной скоростью гасит его и зажигает опять, выхватывая из темноты неподвижную толпу крошечных гипсовых насекомых, почти такую же, как миг назад, но все же немного иную.

Внизу непрерывным потоком ползли спешащие к пню насекомые, напирали на тех, кто прополз по этому же пути раньше, и втаптывали их в землю - словно живой разноцветный ковер стягивался к пню и подворачивался сам под себя.
Насекомые прыгали на пенек, и большая их часть срывалась вниз, попадая под лапки, шипы и рога наползающей со всех сторон смены, но некоторым удавалось подняться вверх, к тем, кто стоял на зеленовато светящемся краю; они очень проворно залезали туда, сразу же поворачивались таким образом, чтобы ни в коем случае не увидеть, что находится в центре пня, и принимались дирижировать, поддерживая и возобновляя неизвестно кем и когда выдуманную мелодию.

Митя полетел прочь. Было некому рассказать, что этот пенек вместе со всеми теми, кто на нем собрался, еще далеко не все, что есть в мире, и от этого делалось грустно, а еще грустнее

было от того, что и сам он в этом не был вполне уверен. Но, долетев до границы поляны, он увидел рассеянный свет, излучаемый не то травой, не то трущимся о нее ветром, вспомнил, что с ним было до того, как он попал на поляну с гнилым пнем, и успокоился. Над ним опять понеслись триумфальные арки согнутых стеблей, и чем дальше от поляны он улетал, тем меньше внизу оставалось спешащих к ней насекомых. Скоро их не осталось совсем, и тогда вокруг стали появляться цветы. Они казались посадочными площадками необычных цветов и форм, но испускали такой одуряющий запах, что Митя предпочитал любоваться ими на расстоянии, тем более, что на некоторых цветах копошились ушедшие от мира пчелы, уединения которых Митя не хотел нарушать.

В траве впереди мелькнул красный огонек, и Митя автоматически повернул к нему. Когда он оказался так близко, что на всем вокруг появился слабый красноватый отблеск, он полетел крадучись, подолгу зависая за широкими стеблями и незаметно перелетая от одного к другому. После нескольких таких маневров он выглянул из-за своего стебля и увидел на соседнем, прямо перед собой, двух очень странных, ни на кого не похожих красных жуков. На головах у них были большие желтые выросты, похожие на широкополые соломенные шляпы, а низ брюшка был, насколько Митя мог разглядеть, цвета хаки. Они сидели в полной неподвижности и задумчиво смотрели вдаль, чуть покачиваясь вместе со стеблем.

- Я думаю, - сказал один из жуков, - что нет ничего выше нашего одиночества.

- Если не считать эвкалиптов, - сказал второй.

- И платанов, - подумав, добавил первый.

- И еще дерева чикле, - сказал второй.

- Дерева чикле?

- Да, - повторил второй, - дерева чикле, которое растет в юго-восточной части Юкатана.

- Пожалуй, - согласился первый, - но уж этот гнилой пенек на соседней поляне никак не выше нашего одиночества.

- Это точно, - сказал второй.

Красные жуки опять задумчиво уставились вдаль.

- Что нового в твоих снах? - спросил через несколько минут первый.

- Много чего, - сказал второй. - Вот сегодня, например, я заметил далекий и очень странный мир, откуда нас тоже кто-то увидел.

- Неужели? - спросил первый.

- Да, - ответил второй. - Но тот, кто нас увидел, принял нас за две красные лампы на вершине горы, стоящей у моря.

- И что мы сделали в твоем сне? - спросил первый.

Второй выдержал драматическую паузу.

- Мы светились, - сказал он с индейской торжественностью, - пока не выключили электричество.

- Да, - сказал первый, - наш дух действительно безупречен.

- Ну так, - отозвался второй. - Но самое интересное, что тот, кто нас заметил, прилетел аж прямо сюда и прячется сейчас за соседним стеблем.

- В самом деле? - спросил первый.

- Конечно, - сказал второй. - Да ты ведь и сам знаешь.

- И что он собирается делать? - спросил первый.

- Он, - сказал первый, - собирается прыгнуть в колодец номер один.

- Интересно, - сказал второй, - а почему в колодец номер один? Он ведь точно так же может прыгнуть в колодец номер три.

- Да, - подумав, сказал первый, - или в колодец номер девять.

- Или в колодец номер четырнадцать, - сказал второй.

- Но лучше всего, - сказал первый, - это прыгнуть в колодец номер сорок восемь.

Митя вжался в стебель, слушая, как в нескольких метрах от него стремительно нарастают числительные, и тут ему на плечо легла чья-то рука и сильно его тряхнула.

Повернув голову, Митя увидел согнувшегося над ним Диму. Вокруг была площадка на вершине горы, над которой поднималась мачта с двумя красными фонарями (сейчас они уже не горели), рядом стояли две складных табуретки, а сам он лежал под кустом.

- Вставай, - сказал Дима. - У нас мало времени.

Митя поднялся, помотал головой, пытаясь вспомнить только что снившийся сон, но тот уже улетучился и оставил после себя только неясное ощущение.

Дима пошел по узкой тропинке, ведущей прочь от шеста с двумя красными лампами. Митя поплелся следом, еще позевывая, но через несколько десятков метров, когда тропинка превратилась в узкий карниз, под которым не было ничего, кроме стометровой пустоты и моря, остатки сна слетели с него окончательно. Тропинка нырнула в щель между скалами, прошла под низкой каменной аркой (тут у Мити мелькнуло неясное воспоминание, связанное со сном) и вышла в небольшую расщелину, заросшую темными кустами. Митя сорвал несколько холодных ягод терновника, кинул их в рот и сразу же выплюнул, увидев яркий белый череп, лежащий под кустом. Череп был маленький и узкий, наподобие собачьего, только меньше и тоньше.

- Там, - сказал Дима, показывая на кусты.

- Что? - спросил Митя.

- Колодец.

- Какой колодец? - спросил Митя.

- Колодец, в который ты должен заглянуть.

- Зачем?

- Это единственный вход и выход, - сказал Дима.

- Куда?

- Для того, чтобы на это ответить, - сказал Дима, - надо

заглянуть в колодец. Сам все увидишь.

- Да что это такое?

- По-моему, - сказал Дима, - ты сам знаешь, что такое колодец.

- Знаю. Приспособление для подъема воды.

- А еще? Помнишь, ты мне сам говорил про города и про колодец? Города меняют, а колодец остается одним и тем же?

- Помню. Это сорок восьмая гексаграмма, - сказал Митя, и опять подумал, что что-то очень похожее только что было с ним во сне. - Она так и называется - колодец. "Меняют города, но не меняют колодец. Ничего не утратишь, но и ничего не приобретешь. Уйдешь и придешь, но колодец останется колодцем... Если почти достигнешь воды, но не хватит веревки, и если разобьешь бадью, - несчастье!"

- Откуда это? - спросил Дима.

- Книга перемен.

- Ты ее что, наизусть знаешь?

- Нет, - с некоторым неудовольствием признался Митя. - Просто эта гексаграмма мне пять раз выпадала.

- Как интересно. И о чем она?

- О колодце. О том, что существует некий колодец, которым можно пользоваться. Точнее, сначала им нельзя пользоваться, потому что на первой позиции в нем нет воды, на второй ее нельзя зачерпнуть, а на третей ее некому пить. Зато потом все приходит в норму. Если я не путаю. А смысл примерно в том, что мы носим в себе источник всего, что только может быть, но поскольку первая, вторая и третья позиции символизируют недостаточно высокие уровни развития, на них этот источник еще не доступен. Вообще, символично, что к этой гексаграмме мы переходим от гексаграммы "истощение", на пятой позиции которой...

- Хватит, - перебил Дима. - Помнишь песню, которую мы слышали на набережной? Насчет того, где найти себя? Та, кто ее пела, совершенно не понимала, о чем она поет. И ты точно так же не понимаешь, о чем ты сейчас говоришь. А чтобы понять, что ты только что сказал, тебе надо заглянуть в колодец.

- А если я не пойду?

- Не пойти ты просто не можешь.

- Почему? - спросил Митя.

Дима посмотрел на его руки. Митя проследил за его взглядом, уставился на свои ладони и понял, что они больше не светятся в темноте. Еще несколько минут назад, когда они начинали дорогу к этому месту, они сияли - не таким ярким, как вчера, но чистым и ясно видным голубым светом.

- Вот именно поэтому, - сказал Дима. - Иначе все, что ты понял, исчезнет. И в лучшем случае ты успеешь написать еще пару идиотских стихотворений с непонятным тебе самому смыслом. Если, конечно, допустить, что он в них вообще есть.

Митя покраснел - хорошо, что не было видно в темноте.

- Меня иногда поражает твой апломб, - сказал он. - Стихи не обязательно должны содержать смысл. Ты просто не знаешь, что такое постмодернизм.

- Вот только этого не хватало - чтобы я знал, что это такое, - сказал Дима, выделив интонацией слово "знал".

Он развернул Митю на месте и слегка толкнул его вперед.

Кусты были густыми и колючими; прикрывая пальцами глаза, Митя сделал несколько шагов, поскользнулся и полетел вниз.

Он падал спиной вперед, хватаясь руками за рыхлые стены, падал очень долго, но вместо того, чтобы упасть на дно, впал в задумчивость. Время не то исчезло, не то растянулось - то, что он видел, менялось, не меняясь, каким-то образом все время оказываясь новым, а его пальцы все пытались уцепиться за тот же самый участок стены, что и в самом начале падения. Как и вчера, он чувствовал, что смотрит на что-то странное, на что не смотрел еще никогда в жизни, и вместе с тем смотрел всегда. Когда он попытался понять, что он видит, и найти в своей памяти нечто похожее, ему вспомнился обрывок виденного по телевизору фильма, где несколько ученых в белых халатах были заняты очень странным делом - вырезали из картона круги с небольшими выступами и насаживали их на сверкающий металлический штырь, словно чеки в магазине; картонные круги становились все меньше и меньше, и в конце концов на штыре оказалась человеческая голова, состоящая из тонких слоев картона; ее обмазали синим пластилином, и на этом фильм кончился.

То, что видел Митя, больше всего напоминало эти картонные круги: последним, самым верхним кругом был испуг от падения в колодец, предпоследним - опасение, что колючая ветка куста хлестнет по глазам, до этого была досада, что так быстро исчез приснившийся мир, где на длинной травинке беседовали два красных жука; еще раньше - страх перед летучей мышью, наслаждение полетом над залитыми луной камнями, озадаченность непонятным вопросом Димы, тоска от стука доминошных костей над пустой набережной и от того главным образом, что в собственной голове сразу стала видна компания внутренних доминошников, и так - ниже и ниже, за один миг - сквозь всю жизнь, сквозь все сплющившиеся и затвердевшие чувства, которые он когда-нибудь испытал.

Сначала Митя решил, что видит самого себя, но сразу же понял, что все, находящееся в колодце на самом деле не имеет к нему никакого отношения. Он не был этим колодцем, он был тем, кто падал в него, одновременно оставаясь на месте. Может быть, он был пластилином, скрепляющим тончайшие слои наложенных друг на друга чувств. Но главным было другое. Пройдя сквозь бесчисленные снимки жизни к точке рождения, оказавшись в ней и заглянув еще глубже, чтобы увидеть начало, он понял, что смотрит в бесконечность.

У колодца не было дна. Никакого начала никогда не было.

И тут же Митя увидел еще одно - все, что было в колодце под точкой, с которой он привык начинать свой личный отсчет, вовсе не было пугающим, за- или догробным (догробный мир, подумал он, надо же), таинственным или неизвестным. Оно всегда было рядом, даже ближе, чем рядом, а не помнил он про это потому, что оно и было тем, что помнило.

- Эй, - услышал он далекий голос. - Вылезай! Хватит. Не разбей бадью.

Он почувствовал, что его тянут за руку, потом по лицу прошлась ветка с острыми шипами, у глаз мелькнули черные листья, и он увидел перед собой Диму.

- Пошли отсюда, - сказал Дима.

- Что это было? - спросил Митя.

- Колодец, - сказал Дима таким тоном, словно открывал большую тайну.

- А я в него не упаду опять?

Дима остановился и с недоумением посмотрел на него.

- Мы не можем упасть в колодец, в котором и так находились целую вечность. Мы можем только выходить из него.

- А теперь я из него вышел?

- Не теперь, а тогда. Ты сейчас опять в нем. А когда ты его видел, ты высунул голову. Жизнь очень странно устроена. Чтобы вылезти из колодца, надо в него упасть.

- А зачем?

- Из каждого колодца ты можешь что-нибудь вынести. Они содержат бесценные сокровища. Точнее, сами по себе они ничего не содержат, и ты выходишь оттуда таким же, как вошел. Но в них ты можешь заметить то, что есть у тебя самого.

Митя погрузился в размышления и остаток пути шел молча.

- Я никаких сокровищ там не заметил, - сказал он, когда они вернулись на площадку под шестом маяка. - Я просто за один миг увидел свою жизнь. И даже больше.

- Вся жизнь, - ответил Дима, - и, как ты выразился, даже больше, существует один миг. Вот именно этот, который происходит сейчас. Это и есть бесценное сокровище, которое ты нашел. И теперь ты сможешь поместить в один миг все, что хочешь - и свою жизнь, и чужую.

- Но я не вижу того, что я нашел, - сказал Митя.

- Потому что ты нашел то, что видит, - ответил Дима. - Закрой глаза и посмотри.

- Куда?

- Куда хочешь.

Митя закрыл глаза и увидел в образовавшейся темноте - про себя он называл ее предвечной, потому что в детстве считал, что тонкие сияющие линии и мерцание возникают перед веками - ярко-синюю точку. Она была неподвижной, и но ее можно было странным образом направить на что угодно.

Митя услышал треск цикады, направил синюю точку на него, и

вспомнил далекий вечер, когда он встал на ноги - а произошло это очень рано, сразу же после того, как вылупился из яйца и упал на землю с дерева, в ветке которого началось его существование.

12. PARADISE

Сережа не помнил своих родителей. Он встал на ноги очень рано, сразу же после того, как вылупился из яйца и упал на землю с дерева, в ветке которого началось его существование. Это произошло на фоне удивительно красивого заката, в безветренный летний вечер, озвученный тихим плеском моря и многоголосым треском цикад, одной из которых он тоже мог когда-нибудь стать. Но эта перспектива маячила так далеко, что он даже не обдумывал ее, понимая, что если ему и суждено будет протрещать горловыми пластинками свою песню, то сделает это все равно уже не он, или не совсем он, потому что эти пластинки вырастают только у немногих, прошедших многолетний путь под землей и сумевших в конце концов выбраться на поверхность, забраться на дерево и окончательно вылупиться. Отчего-то он был уверен, что если это и случится с ним, то это будет тоже в летний вечер, такой же тихий и теплый.

Сережа вгрызся в землю, стараясь сразу приучить себя к тому, что это всерьез и надолго. Он знал, что шансов выбиться наружу мало, и помочь ему могут только трезвость и собранность, только способность прокопать дальше, чем другие, а мысль о том, что другие понимают то же самое, придавала дополнительных сил. Но детство есть детство, и первые несколько лет он провел, бесцельно разглядывая попадающиеся в земле предметы - некоторые из них можно было вынуть и повертеть в руках, а другие приходилось рассматривать прямо в почве. Особенно Сережа любил находить окна - погрузив в землю пальцы, он осторожно ощупывал их холодную твердую поверхность и расчищал землю, стараясь угадать, что увидит за стеклом.

Опыт всех этих лет, заполненных копошением в мягком российском суглинке (который однажды утром неожиданно оказался благодатным черноземом Украины), слился для него в одном обобщающем воспоминании - как он, поеживаясь от мороза, смотрит в только что расчищенное окно, за которым видны черные зимние сумерки вокруг ярко освещенной детской площадки, в центре которой, в пятне света, стоит снежная баба с воткнутым в голову частоколом морковок, очень похожая на статую Свободы, увиденную им в откопанном неподалеку от окна журнале. Стекло было разрисовано морозом, и узор на нем сильно напоминал маленькую пальмовую рощу; казалось, что эти пальмы качаются от его дыхания. За окно нельзя было пролезть, и Сережа долго стоял

возле него, тоскуя о непонятном, а потом стал рыть ход дальше, затаив в сердце нерасшифрованную мечту.

К тому времени, когда он стал задумываться, все ли делает верно, его жизнь стала рутинной, и состояла большей частью из очень похожих событий, повторяющихся в однообразной последовательности.

Перед ним, прямо перед головогрудью и лапами, был круг темной твердой земли. Сзади, за спиной, оставался прорытый к этому времени тоннель, но Сережа никогда не оглядывался и не подсчитывал, сколько метров или даже километров им пройдено. Он знал, что другие насекомые - например, муравьи - довольствуются достаточно короткой норкой, и он со своими зубчатыми лапами мог бы выполнить работу всей их жизни за несколько часов. Но он никогда не тешил себя такими сравнениями, зная, что стоит только остановиться и начать сравнивать себя с другими, как покажется, что он уже достаточно многого достиг, и пропадет необходимое для дальнейшей борьбы чувство острой обиды на жизнь.

Достигнутое им не существовало в виде чего-то такого, что можно было бы потрогать или сосчитать - оно состояло из тех встреч и событий, которые приносил ему каждый новый день. Проснувшись утром, он начинал рыть тоннель дальше, разгребая землю мощными передними лапами и отбрасывая ее задними. Через несколько минут среди серо-коричневых комков почвы появлялся завтрак. Это были тонкие отростки корней, из которых Сережа высасывал сок, читая при этом какую-нибудь газету, которую он обычно откапывал вместе с едой. Через несколько сантиметров из земли появлялась дверь на работу - промежуток между ней и завтраком был таким узким, что иногда земля осыпалась сама, без всяких усилий с его стороны. Сережа никак не мог взять в толк, как это он роет и роет в одном направлении, и все равно каждое утро откапывает дверь на работу, но зато понимал, что размышления об этом еще никого не привели ни к чему хорошему, и поэтому предпочитал особенно на эту тему не думать.

За дверями на работу оказывались присыпанные землей вялые сослуживцы, мимо которых следовало двигаться осторожно, чтобы они не поняли, что Сережа роет ход. Возможно, каждый из них тоже рыл свой ход куда-то, но если это и было так, они делали это очень скрытно. Сережа разгребал землю со своего кульмана, чуть расчищал окно, за которым виднелись наведенные вверх трубы, и начинал неторопливо рыть к обеду. Обед практически не отличался от завтрака, только земля вокруг была немного другая, более рыхлая, и из нее торчали медленно жующие лица товарищей по работе - это не раздражало, потому что их глаза были всегда закрыты. Обед был как бы пиком дня, после которого уже надо было начинать рыть дорогу домой, а работа в этом направлении всегда шла быстро. Через какое-то время Сережа разрывал дверь своей квартиры, медленно разгребал глину, за которой был телевизор,

и через пару часов, уже полусонный, докапывался до кровати.

Проснувшись, он поворачивался к стене, некоторое время смотрел на нее, пытаясь вспомнить только что кончившийся сон, а затем несколькими быстрыми ударами лап прорывал ее прямо до ванной комнаты. Дни были в целом одинаковы, только в субботу и воскресенье в своем движении вперед Сережа не натыкался на дверь, ведущую на работу. Иногда в выходные он откапывал одну или две бутылки водки, и тогда надо было немного покопаться в земле рядом - почти всегда удавалось отрыть голову и часть туловища кого-нибудь из друзей, чтобы вместе выпить и поговорить о жизни. Сережа твердо знал, что большая часть его знакомых не роет никакого тоннеля, но, тем не менее, знакомые попадались ему навстречу с удручающим однообразием. Иногда, правда, в земле оказывались приятные сюрпризы - например, из стены торчала нижняя часть женского туловища (Сережа никогда не раскапывал дальше поясницы, полагая, что это приведет ко многим проблемам), или пара банок пива, ради которого он позволял себе небольшую передышку, но большая часть его пути пролегала через работу.

Чтобы хоть как-то объяснить себе тот странный факт, что в своем выверенном по компасу движении вперед он регулярно прорывает насквозь пласты земли с совершенно одинаковыми вкраплениями, такими, как кульманы, сослуживцы и даже вид за окном, Сережа пользовался аналогией с поездом, идущим вперед, но все время приближающимся к шпале, которую невозможно отличить от предыдущей.

Впрочем, некоторые различия были - иногда контора, через которую он совершал свой дневной рывок (Сережа образовывал это слово от "рыть"), обновлялась - перемещались кульманы, менялась окраска стен, кто-нибудь появлялся или навсегда исчезал. Сережа отметил одну закономерность - если, например, он проползал через работу, где сгорал электрический чайник (сослуживцы любили пить чай), то на всех последующих работах, через которые он рыл свой ход, этот (или очень похожий) чайник тоже оказывался сгоревшим, пока Сережа не докапывался до такой работы, куда кто-нибудь приносил новый.

Работа была совсем несложной - надо было перечерчивать старые синьки на ватман, чем кроме Сережи занималось еще несколько сослуживцев. Обычно с утра они начинали длинный неспешный разговор, в котором невозможно было не участвовать. Говорили они, как это обычно бывает, обо всем на свете, но поскольку круг тем, которых они касались, был очень узок, Сережа замечал, что с каждым днем на свете остается все меньше и меньше того, что было когда-то раньше, в тот вечер, когда он сидел под веткой и слушал треск сумевших выбиться из-под земли цикад.

Неизбежное общение с сослуживцами действовало на Сережу не лучшим образом. У него стала меняться манера ползти - он стал сильно прижимать голову к земле, и иногда, раскапывая особенно крутую лестницу в буфет, помогал себе мордой. Одновременно он

стал немного по-новому понимать жизнь, и вместо прежнего желания прорыть тоннель как можно дальше, начал ощущать ответственность за свою судьбу. Однажды он заметил, что сидит за столом, чистит двумя руками карандаш и одновременно роется в ящике - роется чем-то таким, чего у него раньше просто не было. Сначала он решил, что сходит с ума, но, приглядываясь к сослуживцам, стал замечать у них по бокам чуть заметные полупрозрачные коричневатые лапки, которыми они ловко пользовались. Как оказалось, такие же лапки были и у него, просто в них раньше не возникало потребности, а теперь Сережа научился видеть их, а потом и употреблять в дело. Сперва они были слабыми, но постепенно окрепли, и Сережа стал доверять работу им, используя руки по их прямому назначению - рыть тоннель дальше и дальше вперед.

Но тоннель все равно каждый день приводил его на работу, где из рыхлых земляных стен глядели давно знакомые до последней черточки лица. В них была одна общая особенность - все они были украшены усами. Сережа никогда не придавал этому особого значения, но все-таки решил попробовать отпустить усы сам.

Примерно через месяц, когда они достаточно отросли, он заметил, что жизнь стала как-то полнее, а сослуживцы превратились в удивительно милых ребят с самыми разнообразными интересами. Понять все это ему помогли именно усы, мельчайшие движения которых позволяли воспринимать реальность с неизвестной раньше стороны. Он убедился, что жизнь можно не только видеть, но и ощупывать усами, как это делали все вокруг, и тогда она становится настолько захватывающей, что рыть тоннель дальше особо незачем. Его стали интересовать окружающие, но еще интересней было, что о нем думают другие. И как-то после рабочего дня, на вечеринке с коньячком, он услышал:

- Наконец-то ты, Сережа, стал одним из нас.

Эти слова произнесло одно из лиц, чуть выступающих из земляной стены. Остальные лица закрыли глаза и стали шевелить усами, как бы ощупывая Сережу, чтобы проверить - действительно ли он один из них. Судя по их улыбкам, они оказались вполне удовлетворены результатом.

- А кем это я стал? - спросил Сережа.

- Брось притворяться, - захохотали лица, - будто не понимаешь!

- Правда, - не сдавался Сережа, - кем?

- Тараканом, кем еще.

Услышав это, Сережа ощутил холодную волну, прошедшую по всему его телу. Он бросился к концу тоннеля, где висел календарь с портретом Никитая Второго (Сережа вспомнил, что сам повесил его сюда, когда решил, что уже отрыл свое), и принялся лихорадочно откидывать землю руками под хохот и улюлюканье оставшихся сзади усатых рож. Откопав дверь ванной, он быстро прорыл лаз к зеркалу, посмотрел на коричневую треугольную головку с длинными покачивающимися усами, и схватился за бритву. Усы с хрустом

облетели, и на Сережу поглядело его собственное лицо, только уже совсем взрослое, с заметными морщинами у глаз. "Сколько же я был тараканом?" - с ужасом подумал он, и вспомнил данную себе в детстве клятву обязательно прорыть ход на поверхность.

Откопав кровать, он упал на холодные простыни и заснул, а утром раскопал телефон и позвонил Грише, одному из друзей по яйцекладу, с которым уже давно не общался. Некоторое время они вспоминали тот далекий летний вечер, когда они свалились с ветки на землю и начали рыть ход на ее поверхность, а потом Сережа без обиняков поинтересовался, как жить дальше. Приятель сказал так:

- Нарой побольше бабок, а дальше сам увидишь.

Они договорились как-нибудь увидеться и распрощались. Повесив трубку, Сережа без всяких колебаний решил изменить маршрут и воспользоваться гришиным советом. После завтрака он стал рыть не вперед, а направо, и вскоре с облегчением заметил, что дверей на работу в земле перед ним не появилось. Вместо них попались дырявая немецкая каска, несколько сплющенных гильз и ксерокопия какой-то древней мистической книги, над которой он провел пару часов. Сереже еще не приходилось читать такой ахинеи - из книги следовало, что он не просто ползет по подземному тоннелю, но еще и толкает перед собой навозный шар, внутри которого он на самом деле этот тоннель и роет. После этого грунт долгое время был совершенно пустым, только изредка попадались корешки, которые Сережа пускал в пищу, а потом его воткнутая в землю лапка нащупала что-то твердое.

Разбросав желтоватую глину, Сережа увидел черный носок милицейского сапога. Он сразу все понял, аккуратно присыпал его землей и стал рыть влево, подальше от этого места. Еще несколько раз ему попадались выступающие из земли детали милицейской амуниции - дубинки, рации, стриженные головы в фуражках, - но насчет голов ему везло, потому что он все время откапывал их со стороны затылка, из чего следовало, что менты его не видят. Через некоторое время в земле стали попадаться бабки. Сначала это были отдельные бумажки, а потом стали появляться целые пачки - обычно они находились где-нибудь неподалеку от милицейских дубинок и сапогов. Сережа стал тщательно, как археолог, раскапывать землю вокруг попадавшихся ему предметов милицейского снаряжения, и редко когда уползал без нескольких сырых и тяжелых пачек, крест-накрест перехваченных бумажной лентой.

Он практически совсем забыл об осторожности, и один раз случайным движением руки отбросил землю с круглого милицейского лица, изо рта у которого торчал свисток. Лицо яростно посмотрело на него и надуло щеки, но прежде, чем успел раздаться свист, Сережа выдернул свисток и сунул милиционеру прямо в зубы денежную пачку. Лицо закрыло глаза, и Сережа, постепенно приходя в себя, двинулся дальше. Вскоре его пальцы нащупали предмет, наощупь показавшийся ему обычным милицейским сапогом. Расчистив землю, Сережа увидел слово "reebok", начал рыть вверх и скоро

откопал улыбающееся лицо Гриши.

- Вот и встретились, - сказал Гриша.

Бабки, которые Сережа нарыл по его совету, не произвели на Гришу никакого впечатления.

- Ты, пока не поздно, купи на них денег, - сказал он, и показал Сереже несколько зеленых банкнот. - И вообще, надо отсюда рыть как можно скорее.

Сережа и сам понимал, что кроме как отсюда, рыть просто неоткуда, но все же принял гришины слова к сведению и накрепко запомнил, что прежде всего надо откопать какое-то приглашение.

По-прежнему на его пути регулярно оказывалась дверь домой, телевизор, ванная и кухня, но теперь он начал выкапывать американские журналы и учить английский, на котором говорил с изредка появляющимися из стен лицами, которые дружелюбно улыбались и обещали помочь. И вот однажды, в длинной песчаной жиле, которую он разрабатывал уже целый месяц, он наткнулся на сложенную вчетверо белую бумажку. Это и было, как он понял, приглашение. Сережа не знал, что надо делать дальше, и решил на всякий случай держаться песчаного слоя. Несколько дней в песке не попадалось ничего интересного, а потом он ощутил под своими лапками каменную стену с вывеской; расчистив ее, он прочел "ОВИР". Дальше предметы стали попадаться с чудовищной быстротой - такой, что он даже не успевал как следует разобраться, что именно он выкапывает и кому именно дает взятки; в конце концов он заметил, что пухлого мешка бабок у него больше нет, зато есть несколько зеленых бумажек с портретом благообразного лысоватого толстяка.

Песчаная жила кончилась, и рыть ход стало намного труднее, потому что почва стала каменистой; особенно запомнились Сереже бетонные глыбы перед американским посольством, которые были такой величины, что приходилось или подкапываться под них, а это было опасно, потому что глыба могла упасть и раздавить, или рыть ход сбоку, сильно удлинняя дорогу. Посольство Сережа прополз очень быстро, откопал перила авиационного трапа, а потом расчистил от земли прямоугольный иллюминатор, в который почти целый день любовался облаками и океаном.

Дальше начинался слой рыхлого и влажного краснозема, и Сережа долго глядел на стену земли, за которой ждала неизвестность, перед тем как решился протянуть к ней свои мозолистые и усталые, но еще сильные лапки. Первой находкой в слое новой почвы оказалась пожилая негритянка в кабинке таможенного контроля, которая брезгливо спросила, есть ли у Сережи обратный билет. Потом выступила автобусная дверь, сразу за которой Сережа откопал яблочный огрызок и мятую карту Нью-Йорка.

Началась новая жизнь. Долгое время Сережа выкапывал из земли в основном пустые консервные банки, зачерствелые ломтики пиццы и старые "Ридерз Дайджесты", но он был готов к упорному

труду и не ждал небесной манны - тем более, что с небом было напряженно. Со временем он стал находить и деньги. Их было, конечно, куда меньше, чем когда-то попадалось бабок, и встречались они далеко не пачками, но Сережа не унывал. Из стен тоннеля часто выступали огромные пластиковые мешки с мусором и черные руки, протягивающие ему то маленькие пакетики кокаина, то приглашения на религиозные лекции, но Сережа старался не обращать на это внимания, больше улыбаться и быть оптимистом.

Постепенно мусора вокруг стало меньше, а в одно тихое утро, с трудом прокапывая ход между корней старой липы, Сережа обнаружил маленькую зеленую карточку - произошло это через день после того, как он узнал второе главное американское слово "У-упс" (первое, "Бла-бла-бла", ему сказал по секрету еще Гриша). Он понял, что сможет теперь найти работу, и действительно - не прошло и пары дней, как вскоре после завтрака он выкопал металлическое табло с горящим словом "work", взволнованно сглотнул слюну и взялся за дело. Новая работа оказалась очень похожей на старую, только кульман был другой, наклонный, и появлявшиеся из стен лица сослуживцев говорили по-английски. С энергичной улыбкой прокопав от обеда до табло со словами "don't work" (уже давно ему удалось соединить в одно целое пространство и время), он понял, что рабочий день окончен.

Теперь он стал откапывать указатели "work" и "don't work" каждый день, а кроме них, стал регулярно натыкаться на одни и те же блестящие дверные ручки, ступеньки и предметы быта вроде кондиционера, гудение которого было вездесущим и слегка напоминало ему вой московской вьюги, комплекта японской электроники, сковородок и кастрюль, из чего сам собой напрашивался вывод, что он теперь живет в собственной квартире.

Работа была совсем несложной - надо было переводить старые синьки в компьютерный код, чем, кроме Сережи, занималось еще несколько сослуживцев. Обычно с утра они начинали длинный неспешный разговор на английском, в котором Сережа постепенно научился участвовать. Общение с сослуживцами, безусловно, было для Сережи очень благотворным. Его манера ползти стала более уверенной, и скоро он заметил, что опять пользуется полупрозрачными коричневыми лапками, о которых успел позабыть со времени своей прошлой работы. Он снова отпустил усы (теперь они были с заметной сединой) - но не для того, чтобы слиться с окружающими, большинство из которых тоже было усатыми, а наоборот, чтобы придать своему облику такую же неповторимую индивидуальность, какой обладали они все.

Прошло несколько лет, заполненных мерцанием указателей "work" - "don't work". За это время Сережа успел обжиться и выкопал множество полезных предметов - машину, огромный телевизор и даже бачок с приспособлением для дистанционного слива воды. Иногда днем, оказавшись на работе, он раскапывал

окно своей конторы, и, не обращая внимания на врывающуюся оттуда духоту, выставлял наружу руку с дистанционным спускателем и нажимал на черную кнопку с изображением водопада. Ничего вроде бы не происходило, но он знал, что примерно в двух милях, там, где расположена его квартира, ревущий вихрь голубоватой воды накатывается на прохладные стенки унитаза. Правда, один раз он по ошибке нажал кнопку "reset" и потом три дня отмывал пол, потолок и стены, но зато после скандала с низеньким мужичком, назвавшимся его лендлордом, он стал относиться к квартире, как к живому существу, тем более, что ее название - "Ван Бедрум" - всегда казалось ему именем голландского живописца. Кроме того, он начал внимательно читать инструкции.

Иногда он откапывал собачий поводок из чего делал вывод, что гуляет с собакой. Саму собаку он никогда не раскапывал, но однажды, по совету журнала "Health Week", отвел ее к ветеринару-психоаналитику. Тот некоторое время перелаивался с невидимой собакой за тонким слоем земли, а потом Сережа услышал от него такое, что сразу же привязал поводок к торчащему из земляной стены бамперу грузовика из другого штата, огляделся (никого вокруг, естественно, не было) и торопливо пополз прочь.

По выходным он дорывался до парома на Нью-Джерси, раскапывал небольшое окошко в здании, где продавали билеты, и, вспоминая детство, подолгу смотрел на далекую белую статую Свободы - последние лучи заката окрашивали терновый венец на ее голове в морковный цвет, и она казалась огромной пожилой снегурочкой.

У него появилась близкая женщина, которую он откопал целиком, чтобы изредка говорить с ней о сокровенном, которого к этому времени у него набралось довольно много.

- Ты веришь, - спрашивал он, - что нас ждет свет в конце тоннеля?

- Это ты о том, что будет после смерти? - спрашивала она. - Не знаю. Я читала пару книг на эту тему. Действительно, пишут, что там какой-то тоннель, и свет в конце, но по-моему все это чистое бла-бла-бла.

Рассказав ей, что он когда-то чуть было не стал тараканом в далекой северной стране, Сережа вызвал у нее недоверчивую улыбку; она сказала, что он совершенно не похож на выползня из России.

- Ты по виду типичный американский кокроуч, - сказала она.

- У-упс, - ответил Сережа.

Он был счастлив, что ему удалось натурализоваться на новом месте, а слово "кокроуч" он понял как что-то вроде "кокни", только на нью-йоркский лад - но все же после этих слов в его душе поселилось не совсем приятное чувство. Однажды, довольно сильно выпив после работы, он раскопал свою квартиру, прорыл ход к зеркалу и, взглянув в него, вздрогнул. Оттуда на него смотрела коричневая треугольная головка с длинными усами,

уже виденная им когда-то давно. Сережа схватил бритву, и, когда мыльный водоворот унес усы в раковину, на него поглядело его собственное лицо, только уже совсем пожилое, даже почти старое. Он начал остервенело копать прямо сквозь разлетевшееся на куски под его лапами зеркало, и вскоре отрыл несколько предметов, из которых следовало, что он уже на улице - это был сидящий на табурете пожилой кореец (его лавка обычно начиналась в двух метрах под табуреткой) и табличка с надписью "29 east st." Окорябавшись о ржавую консервную банку, он начал быстро и отчаянно рыть вперед, пока не оказался в пласте глинистых сырых почв где-то в районе Гринвич Виллидж, среди уходящих далеко вниз фундаментов и бетонных шахт колодцев. Откопав вывеску с нарисованной пальмовой рощей и крупным словом "PARADISE", Сережа отрыл вслед за ней довольно длинную лестницу вниз, табуретку, небольшой участок стойки и пару стаканов с "водка-тоником", к которому уже успел привыкнуть.

Земляные стены только что вырытого им тоннеля дрожали от музыки. Хватив сразу два стакана, Сережа огляделся по сторонам. За его спиной был длинный узкий лаз, полный разрыхленной земли - он уходил в известность, из которой Сережа уже столько лет пытался найти выход. Впереди из земли торчала покрытая царапинами деревянная доска стойки и стаканы. Все-таки было непонятно - вылез он, наконец, наружу, или еще нет? И наружу чего? Вот это было самое непонятное. Сережа взял со стойки бледно-зеленый спичечный коробок и увидел те же пальмы, что были на вывеске, а еще раньше, в виде изморози - на каком-то окне из детства. Кроме пальм, на коробке были телефоны, адрес и уверение, что это "hottest place on island".

"Господи, - подумал Сережа, - да разве hottest place - это рай? А не наоборот? "

Из земляной стены перед ним появилась рука, сгребла пустые стаканы и поставила один полный. Стараясь держать себя в лапках, Сережа посмотрел вверх. Земляной свод, как обычно, нависал в полуметре над головой, и Сережа вдруг с недоумением подумал, что за всю долгую и полную усилий жизнь, в течение которой он копал, наверно, во все возможные стороны, он так ни разу и не попробовал рыть вверх. Сережа воткнул лапки в потолок, и на полу стала расти горка отработанной земли. Потом ему пришлось подтянуть к себе табуретку и встать на нее, а еще через минуту его пальцы нащупали пустоту. "Конечно, - подумал Сережа, - поверхность - это ведь когда не надо больше рыть! А рыть не надо там, где кончается земля!" Снизу раздалось щелканье пальцев, и, бросив туда кошелек с небольшой колодой кредитных карт (на том месте, где он только что сидел, теперь неподвижно лежал непонятно откуда взявшийся здоровенный темно-серый шар), Сережа схватился за край дыры, подтянулся и вылез наружу.

Вокруг был безветренный летний вечер, и сквозь листву деревьев просвечивали лиловые закатные облака. Вдали тихо

шумело море, и со всех сторон долетал треск цикад. Разорвав старую кожу, Сережа вылез из нее, поглядел вверх и увидел на дереве, которое росло у него над головой, ветку, с которой он свалился на землю. Сережа понял, что это и есть тот самый вечер, когда он начал свое длинное подземное путешествие, потому что никакого другого вечера просто не бывает, и еще он понял, о чем трещат - точнее, плачут - цикады. И он тоже затрещал своими широкими горловыми пластинами о том, что жизнь прошла зря, и о том, что она вообще не может пройти не зря, и о том, что плакать по всем этим поводам совершенно бессмысленно. Потом он расправил крылья и понесся в сторону лилового зарева над далекой горой, стараясь избавиться от ощущения, что копает крыльями воздух. Что-то до сих пор было зажато у него в руке - он поднес ее к лицу, увидел на ладони измятый и испачканный землей коробок с черными пальмами, и неожиданно понял, что английское слово "Paradise" обозначает место, куда попадают после смерти.

13. ТРИ ЧУВСТВА МОЛОДОЙ МАТЕРИ

Доедая последнюю мятую сливу, Марина совершенно не волновалась насчет будущего - она была уверена, что ночью найдет все необходимое на рынке. Но когда она решила вылезти и посмотреть, не ночь ли на дворе, и сползла с кучи слежавшегося под ее тяжестью сена, она увидела, что выхода на рынок нет, и вспомнила, что Николай заделал его почти сразу после своего появления. Сделал он все настолько аккуратно, что не осталось никаких следов, и Марина даже не могла вспомнить, где этот выход был. Она отчаянно огляделась: из черной дыры, перед которой лежал сплетенный Николаем половичок, тянуло ледяным ветром, а остальные три стены были совершенно одинаковыми - черными и сырыми. Начинать рыть ход заново нечего было и думать - не хватило бы сил, и Марина, бессильно зарыдав, упала на сено. В фильме, который она стала вспоминать, возможность такого поворота событий не предусматривалась, и Марина совершенно не представляла, что делать.

Наплакавшись, она несколько успокоилась - во-первых, ей не особенно хотелось есть, а во-вторых, еще оставались два тяжелых свертка, с которыми она вышла из театра. Решив перетащить их в камеру, Марина протиснулась в черную дыру и поползла по узкому и кривому лазу, в который намело довольно много снега. Через несколько метров она ощутила, что ползти ей очень трудно - бока все время цеплялись за стены. Ощупав себя руками, она с ужасом поняла, что за те несколько дней, что она пролежала на сене, приходя в себя после шока от гибели Николая, она невероятно растолстела; особенно раздалась талия и места, где раньше росли крылья - теперь там были настоящие мешки жира. В одном особенно узком участке коридора Марина застряла, и даже

решила, что теперь ей отсюда не выбраться, но все же после долгих усилий ей удалось доползти до выхода наружу. Баян и свертки лежали на том же месте, где она их и оставила, только были занесены снегом. Подумав, Марина решила не тащить с собой баян, и взяла назад только свертки, а баяном изнутри подперла крышку, закрывавшую вход в нору.

Кое-как вернувшись на место, Марина устало поглядела на серую газетную бумагу свертков. Она догадывалась, что найдет внутри, и поэтому не очень спешила их разворачивать. На бумаге крупным псевдославянским шрифтом было напечатано: "Магаданский муравей", а сверху был подчеркнутый девиз "За наш магаданский муравейник!", набранный готическим курсивом. Ниже была фотография, но что именно на ней изображено, Марина не поняла из-за корки засохшей крови, которой был покрыт весь низ свертка; единственное, что она разобрала из подзаголовков, это что номер воскресный и посвящен в основном вопросам культуры. Марину томило незнакомое физическое ощущение, и, чтобы развеяться, она решила немного почитать. Осторожно отвернув начало листа, она увидела с другой его стороны столбцы текста.

Первой шла статья майора Бугаева "Материнство". Увидев перед собой это слово, Марина ощутила, как у нее екнуло в груди. Со всем вниманием, на которое она была способна, она стала читать.

"Приходя в эту жизнь, - писал майор, - мы не задумываемся над тем, откуда мы взялись и кем мы были раньше. Мы не размышляем о том, почему это произошло - мы просто ползем себе по набережной, поглядывая по сторонам, и слушаем тихий плеск моря."

Марина вздохнула и подумала, что майор знает жизнь.

"Но наступает день, - стала она читать дальше, - и мы узнаем, как устроен мир, и понимаем, что наша первая обязанность перед природой и обществом - дать жизнь новым поколениям муравьев, которые продолжат начатое нами великое дело и впишут новые славные страницы в нашу многовековую историю. В этой связи считаю необходимым остановиться на чувствах молодой матери. Во-первых, ей свойственна глубокая и нежная забота о снесенных яйцах, которая находит выражение в постоянном попечении. Во-вторых, ее не оставляет легкая печаль, являющаяся следствием непрестанных размышлений о судьбе потомства, часто непредсказуемой в наше неспокойное время. И в-третьих, ее не покидает радостная гордость от сознания..."

Последнее слово упиралось в ссохшуюся коричневую корку, и Марина, хмурясь от нахлынувших на нее незнакомых чувств, перевела взгляд на соседний столбец.

"Для коммунистической партии Латвии я оказался чем-то вроде Кассандры,"- прочла она, и отбросила газету.

- А ведь я беременна, - сказала она вслух.

Первое яйцо Марина снесла незаметно для себя, во сне. Ей снилось, что она опять стала молоденькой самочкой и строит снеговика во дворе магаданского оперного театра. Сначала она слепила маленький снежок, потом стала катать его по снегу, и постепенно он становился все больше и больше, но почему-то был не круглым, а сильно вытянутым, и как Марина не старалась, она не могла придать ему круглую форму.

Когда она проснулась, она увидела, что во сне сбросила с себя штору и, разметавшись, лежит на сене, а на полу возле постели - в том месте, где раньше стояли сапоги Николая, - белеет предмет, точь-в-точь повторяющий странный снежный ком из ее сна. Марина пошевелилась, и на пол скатилось еще одно яйцо. Она испуганно вскочила, и ее тело начало содрогаться в неудержимых, но практически безболезненных спазмах. На пол упало еще несколько яиц. Они были одинаковые, белые и холодные, покрытые мутной упругой кожурой, а по форме напоминали дыни средних размеров; всего их было семь.

"Что ж теперь делать?" - озабоченно подумала Марина, и тут же ей стало ясно, что - надо было первым делом вырыть для яиц нишу.

Привычно откидывая совком землю, Марина прислушивалась к своим чувствам, и с недоумением замечала, что совсем не испытывает радости материнства, так подробно описанной майором Бугаевым. Единственными ее ощущениями были озабоченность, что ниша выйдет слишком холодной, и легкое отвращение к снесенным яйцам.

Видно, роды отобрали у нее слишком много сил, и, закончив работу, она ощутила усталость и голод. Есть можно было только то, что было в свертке, и Марина решилась.

- Я ведь это не для себя, - сказала она, обращаясь к кубу темного пространства, в центре которого она сидела на четвереньках. - Я для детей.

В первом свертке оказалась ляжка Николая в заскорузлой от крови зеленой военной штанине. Своими острыми жвалами Марина распорола штанину вдоль красного лампаса, и стянула ее, как колбасную шкурку. На ляжке у Николая оказалась татуировка - веселые красные муравьи с картами в лапках сидели за столом, на котором стояла бутылка с длинным узким горлышком. Марина подумала, что ничего, в сущности, не успела узнать про своего мужа, и откусила от ляжки небольшой кусок.

На вкус Николай оказался таким же меланхолично-основательным, каким был и при жизни, и Марина заплакала. Она вспомнила его сильные и упругие передние лапки, поросшие редкой рыжей щетиной, и их прикосновения к ее телу, раньше вызывавшие только скуку и недоумение, теперь показались ей исполненными тепла и нежности. Чтобы прогнать тоску, Марина стала читать клочки газеты, лежавшие перед ней на полу.

"Для негодования уже не остается сил, - писал неизвестный

автор, - можно только поражаться бесстыдству масонов из печально знаменитой ложи П-4 ("психоанализ-четыре"), уже много десятилетий измывающихся над международной общественностью, и простерших свою изуверскую наглость до того, что в центре мировой научной полемики благодаря их усилиям оказались два самых гнусных ругательства древнекоптского языка, которым масоны пользуются для оплевывания чужих национальных святынь. Речь в данном случае идет о выражениях "sigmund freud" и "eric bern" в переводе означающих, соответственно, "вонючий козел" и "эректированный волчий пенис". Когда же магаданская наука, последняя из нордических наук, стряхнет с себя многолетнее оцепенение и распрямит свою могучую спину?"

Марина не понимала, о чем идет речь, но догадывалась, что за газетным обрывком стоит неведомый ей мир науки и искусства, который она мимоходом видела на старом расписном щите возле моря: мир, населенный улыбающимися широкоплечими мужчинами с логарифмическими линейками и книгами в руках, детьми, мечтательно глядящими в неведомую взрослым даль, и небывалой красоты женщинами, замершими у весенних роялей и кульманов в тревожном ожидании счастья. Марине стало горько от того, что она никогда уже не попадет на этот фанерный щит, но это еще могло произойти с ее детьми, и она ощутила беспокойство за лежащие в нише яйца. Она подползла к ним поближе и стала внимательно их изучать.

Мутная пелена на их поверхности успела рассосаться, и стали видны зародыши. Они совершенно не походили на муравьев, и скорее напоминали толстых червяков, но следы их будущего строения были уже различимы. Пять из них были бесполыми рабочими насекомыми, а шестой и седьмой имели крылышки, и Марина с радостным испугом увидела, что один из них - мальчик, а другой - девочка. Она вернулась к кровати, надергала сена и тщательно обложила им яйца, потом накрыла их снятой с себя шторой и зарылась в остатки сена. Оно неприятно кололо голое тело, но Марина старалась не обращать внимания на это неудобство. Некоторое время она с нежностью глядела на получившееся гнездышко, а потом ее глаза закрылись, и ей начала сниться магаданская наука, распрямляющая спину под черным небом ледовитого океана.

На следующее утро она заметила, что хоть уже долгое время ничего не ела, но растолстела до такой степени, что не только потеряла возможность вылезти в коридор, но и в самой камере помещается лишь потому, что лежит по диагонали, головой к кладке яиц. Ей трудно было представить, что раньше она протискивалась в крохотный квадратный лаз, отверстие которого чернело на стене. Из-за складок жира на шее она даже не могла толком повернуть голову, чтобы посмотреть, какой она стала, но чувствовала, что там, за шеей, течет по своим законам жизнь большого самодостаточного тела, которое уже не совсем Марина - Мариной оставалась только голова с немногими мыслями и пара еще

подчиняющихся этой голове лапок (остальные были намертво придавлены брюхом к полу.) В теле бродили соки, в его недрах раздавались странные завораживающие звуки, и оно, совершенно не спрашивая у Марины ни разрешения, ни совета, иногда начинало медленно сокращаться или переваливалось с боку на бок. Марина думала, что дело тут в генах: за все время с тех пор, как она стала матерью, она съела только ляжку Николая, и то не потому, что сильно хотелось есть, а чтобы та не испортилась.

Шли дни. Но однажды она проснулась с чувством голода, который не походил ни на что из испытанного ею раньше: сейчас голодна была не худенькая девушка из прошлого, а огромная масса живых клеток, каждая из которых пищала тоненьким голосом о том, как ей хочется есть. Решившись, Марина подтянула к себе оставшийся сверток, развернула его и увидела бутылку шампанского. Сначала она обрадовалась, потому что так и не попробовала шампанского в театре, и часто думала, какое оно на вкус, но потом поняла, что осталась совсем без еды. Тогда она протянула лапки к яичной кладке, выбрала яйцо, в котором медленно дозревал бесполый рабочий муравей, подтянула его, и, не давая себе опомниться, вонзила жвала в хрустнувшую полупрозрачную оболочку. Яйцо оказалось вкусным и очень сытным, и Марина, до того, как пришла в себя и вновь приобрела контроль над своими действиями, съела целых три.

"Ну и что, - подумала она, чувствуя, как к горлу подступает сытая отрыжка, - пусть хоть кто-то останется. А то все вместе..."

Сильно захотелось шампанского, и Марина стала открывать бутылку. Шампанское хлопнуло, и не меньше трети содержимого белой пеной выплеснулось на пол. Марина расстроилась, но потом вспомнила, что точно так же было в фильме, и успокоилась. Шампанское ей не очень понравилось, потому что в рот из бутылки попадала только пузырящаяся пена, которую трудно было глотать, но все же она допила его до конца, отбросила пустую бутылку в угол и стала изучать газету, в которую та была упакована. Это тоже был номер "Магаданского муравья", но не такой интересный, как прошлый. Почти весь его объем занимал репортаж с магаданской конференции сексуальных меньшинств; это ей было скучно читать, но зато на большой групповой фотографии она нашла автора статьи о материнстве майора Бугаева - он был, как следовало из подписи, пятый сверху.

Отложив газету, Марина прислушалась к ощущениям от собственного тела. Не верилось, что все это толстое и огромное и есть она. Или, наоборот, этому огромному и толстому уже не верилось, что оно - это Марина.

"А вот начну с завтрашнего дня спортом заниматься, - чувствуя, как из живота медленно поднимается пузырящаяся надежда, подумала Марина, - похудею, опять пророю ход на юг, к морю... И найду того генерала, который Николая хвалил. Он на мне женится, и..."

Дальше Марина боялась даже думать. Но она ощутила, что она еще молода, еще полна сил, и, если не сдаваться обстоятельствам, вполне можно начать все сначала. Потом она задремала и спала очень долго, без сновидений.

Разбудили ее чавкающие звуки. Марина открыла глаза и обомлела. Из угла на нее смотрели два больших ничего не выражающих глаза. Сразу под глазами были острые сильные челюсти, которые быстро что-то перетирали, а ниже располагалось небольшое червеобразное тельце белого цвета, покрытое короткими и упругими чешуйками.

- Ты кто? - испуганно спросила Марина.

- Я твоя дочь Наташа, - ответило существо.

- А что это ты ешь? - спросила Марина.

- Яйца, - невинно прошамкала Наташа.

- А...

Марина поглядела на нишу с яйцами, увидала, что та совершенно пуста, и подняла полные укора глаза на Наташу.

- А что делать, мам, - сквозь набитый рот ответила та, - жизнь такая. Если б Андрюшка быстрее вылупился, он бы сам меня слопал.

- Какой Андрюшка?

- Братишка, - ответила Наташа. - Он мне говорит, значит, давай маму разбудим. Прямо из яйца еще говорит. Я тогда говорю - а ты, если б первый кожуру прорвал, стал бы маму будить? Он молчит. Ну, я и...

- Ой, Наташа, ну разве так можно, - прошептала Марина, покачивая головой и разглядывая Наташу. Она уже не думала о яйцах - все остальные чувства отступили перед удивлением, что это странное существо, запросто двигающееся и разговаривающее - ее родная дочь. Марина вспомнила фанерный щит у видеобара, изображавший недостижимо прекрасную жизнь, и попыталась в своем воображении поместить на него Наташу. Наташа молча на нее глядела, потом спросила:

- Ты чего, мам?

- Так, - сказала Марина. - Знаешь что, Наташа, сползай-ка в коридор. Там баян стоит. Принеси его сюда, только осторожней, смотри, чтобы крышка вниз не упала. Снегу наметет.

Через несколько минут Наташа вернулась с источающей холод черной коробкой.

- Теперь послушай, Наташа, - сказала Марина. - У меня была тяжелая и страшная судьба. У твоего покойного папы тоже. И я хочу, чтобы с тобой все было иначе. А жизнь очень непростая вещь.

Марина задумалась, пытаясь в несколько слов сжать весь свой горький опыт, все посещавшие ее долгими магаданскими ночами мысли, чтобы передать Наташе главный итог своих раздумий.

- Жизнь, - сказала она, отчетливо вспомнив торжествующую улыбку на лице завернутой в лимонного цвета штору сраной

уродины, - это борьба. В этой борьбе побеждает сильнейший. И я хочу, Наташа, чтобы победила ты. С сегодняшнего дня ты будешь учиться играть на баяне твоего отца.

- Зачем? - спросила Наташа.

- Ты станешь работником искусства, - объяснила Марина, кивая на черную дыру в стене, - и пойдешь работать в магаданский военный оперный театр. Это прекрасная жизнь, чистая и радостная (Марина вспомнила генерала со сточенными жвалами и парализованными мышцами лица), полная встреч с самыми удивительными людьми. Хочешь ты так жить? Поехать во Францию?

- Да, - тихо ответила Наташа.

- Ну вот, - сказала Марина, - тогда начнем прямо сейчас.

Успехи Наташи были удивительными. За несколько дней она так здорово выучилась играть, что Марина про себя решила - все дело в отцовской наследственности. Единственной нотной записью, которую они с Наташей нашли в "Магаданском муравье", оказалась музыка песни "Стража на Зее", приведенная там в качестве примера истинно русского искусства. Наташа стала играть сразу же, прямо с листа, и Марина потрясенно вслушивалась в рев морских волн и завывание ветра, которые сливались в гимн непреклонной воле одолевшего все это муравья, и размышляла о том, какая судьба ждет ее дочь.

- Вот такие песни, - шептала она, глядя на быстро скачущие по клавишам пальца Наташи.

Как-то Марина подумала о мелодии из французского фильма и напела дочке то, что смогла. Наташа сразу же подхватила мотив, сыграла его несколько раз, а потом поразмышляла и сыграла его несколько иначе, и Марина вспомнила, что именно так в фильме и было. После этого она окончательно поверила в свою дочь, и когда Наташа засыпала рядом, Марина заботливо накрывала шторой беззащитную белую колбаску ее тельца, словно Наташа была еще яйцом.

Иногда по вечерам они начинали мечтать, как Наташа станет известной артисткой, и Марина придет к ней на концерт, сядет в первый ряд, и даст, наконец, волю гордым материнским слезам. Наташа очень любила играть в такие концерты - она садилась перед матерью на фанерную коробку, прижимала баян к груди и исполняла то "Стражу на Зее", то "Подмосковные вечера"; Марина в самый неожиданный момент прерывала ее игру тоненьким криком "браво", и начинала истово бить друг о друга двумя последними действующими лапками. Тогда Наташа вставала и кланялась; выходило это у нее так, словно всю свою жизнь перед этим она ничего другого не делала, и Марине оставалось только клоком сена размазывать по лицу сладкие слезы. Она чувствовала, что живет уже не сама, а через Наташу, и все, что ей теперь нужно от жизни - это счастья для дочери.

Но шли дни, и Марина стала замечать в дочери странную

вялость. Иногда Наташа замирала, баян в ее руках смолкал, и она надолго уставлялась в стену.

- Что с тобой, девочка? - спрашивала Марина.

- Ничего, - отвечала Наташа и принималась играть вновь.

Иногда она бросала баян и уползала в ту часть камеры, которой Марина не могла видеть, и не отвечала на вопросы, занимаясь там непонятным. Иногда к ней приходили друзья и подруги, но Марина не видела их, а слышала только молодые самоуверенные голоса. Однажды Наташа спросила ее:

- Мама, а кто лучше живет - муравьи или мухи?

- Мухи-то лучше, - ответила Марина, - но до поры до времени.

- А после поры да времени?

- Ну как тебе сказать, - задумалась Марина. - Жизнь у них, конечно, неплохая, но очень неосновательная и, главное, без всякой уверенности в будущем.

- А у тебя она есть?

- У меня? Конечно. Куда я отсюда денусь.

Наташа задумалась.

- А в моем будущем у тебя уверенность есть? - спросила она.

- Есть, - ответила Марина, - не волнуйся, милая.

- А ты можешь так сделать, чтобы ее у тебя больше не было?

- Что? - не поняла Марина.

- Ну, можешь ты так сделать, чтобы не быть насчет меня ни в чем уверенной?

- А почему ты этого хочешь?

- Почему, почему. Да потому что пока у тебя будет уверенность в моем будущем, я отсюда тоже никуда не денусь.

- Ах ты дрянь неблагодарная, - рассердилась Марина. - Я тебе все отдала, всю жизнь тебе посвятила, а ты...

Она замахнулась на Наташу, но та быстро уползла в угол камеры, где Марина не могла ее даже видеть.

- Наташа, - через некоторое время позвала Марина, - слышишь, Наташа!

Но Наташа не отвечала. Марина решила, что дочь обиделась на нее, и решила больше ее не трогать. Опустив голову, она задремала. Утром на следующий день она очень удивилась, не нащупав рядом маленького упругого наташиного тельца.

- Наташа! - позвала она.

Никто не отозвался.

- Наташа! - повторила Марина и беспокойно заерзала на месте.

Наташа не отзывалась, и Марина испытала самую настоящую панику. Она попробовала повернуться, но огромное жирное тело совершенно ей не подчинялось. У Марины мелькнула мысль, что оно, может быть, еще в состоянии двигаться, но просто не понимает, чего Марина от него хочет, или не в состоянии расшифровать сигналы, идущие от мозга к его мышцам. Марина сделала колоссальное волевое усилие, но единственным ответом тела было

раздавшееся в его недрах тихое урчание. Марина попыталась еще раз, и ее голова немного повернулась вбок. Стал виден другой угол камеры, и Марина, изо всех сил выворачивая глаз, рассмотрела висящий под потолком небольшой серебристый кокон, состоящий, как ей показалось, из множества рядов тонких шелковых нитей.

- Наташа, - опять позвала она.

- Ну что, мам? - долетел из кокона тихий-тихий голос.

- Ты что это? - спросила Марина.

- Известно что, - ответила Наташа. - Окуклилась. Пора уже.

- Окуклилась? - переспросила Марина и заплакала. - Что ж ты меня не позвала? Совсем уже взрослая стала, выходит?

- Выходит так, - ответила Наташа. - Своим умом теперь жить буду.

- И что ты делать хочешь, когда вылупишься? - спросила Марина.

- А в мухи пойду, - ответила Наташа из-под потолка.

- Шутишь?

- И ничего не шучу. Не хочу так как ты жить, понятно?

- Наташенька, - запричитала Марина, - цветик! Опомнись! В нашей семье такого позора отроду не было!

- Значит, будет, - спокойно ответила Наташа.

На следующее утро Марина проснулась от скрипа. Висящий под потолком кокон слегка покачивался, и Марина поняла, что Наташа готова вылупиться.

- Наташа, - стараясь говорить спокойно, начала Марина, - пойми. Чтобы пробиться к свободе и солнечному свету, надо всю жизнь старательно работать. Иначе это просто невозможно. То, что ты собираешься сделать - это прямая дорога на дно жизни, откуда уже нет спасенья. Понимаешь?

Кокон треснул вдоль всей длинны, и из появившегося в его верхней части отверстия высунулась голова - это была Наташа, но совсем не та девочка, с которой Марина долгими вечерами играла в магаданские концерты.

- А мы, по-твоему, где живем? На потолке, что ли? - грубо отозвалась она.

- Смотри, - с угрозой сказала Марина, еле удерживая взгляд на коконе, - вернешься вся ободранная, яиц в подоле принесешь - на порог тебя не пущу.

- Ну и не надо, - отвечала Наташа.

Она уже разорвала стенку кокона, и вместо скромного муравьиного тельца с четырьмя длинными крыльями Марина увидела типичную молодую муху в блядском коротеньком платьице зеленого цвета с металлическими блестками. Наташа была, конечно, красива - но совсем не целомудренной и быстрорастворимой красотой муравьиной самки. Она выглядела крайне вульгарно, но в этой вульгарности было нечто завораживающее и притягательное, и

Марина поняла, что мордастый мужчина из французского фильма, случись ему выбирать между Мариной, какой она была в молодости, и Наташей, выбрал бы, несомненно, Наташу.

- Проститутка! - выпалила Марина, чувствуя, как к оскорбленным родительским чувствам примешивается женская ревность.

- Сама проститутка, - не оборачиваясь, отозвалась Наташа, занятая своей прической.

- Ты... Ах ты... - зашипела Марина, - на мать... Прочь из моего дома! Слышишь, прочь!

- Сейчас сама уйду, - сказала, заканчивая туалет, Наташа. - Больно надо.

- Немедленно! - закричала Марина. - Какими словами на мать! Прочь отсюда!

- И баян мне твой надоел, старая дура, - бросила Наташа. - Сама на нем играй, пока не подохнешь.

Марина уронила голову на сено и в голос зарыдала. Она ожидала, что через несколько минут Наташа опомнится и приползет извиняться, и даже решила не извинять ее сразу, а некоторое время помучить, но вдруг услышала у себя за спиной звяканье врезающегося в землю совка.

- Наташа, - закричала она, чудовищным усилием поворачивая голову, - что ты делаешь!

- Ничего, - ответила Наташа, - наружу выбираюсь.

- Так вон ведь выход! Ты что, хочешь все разрушить, что мы с отцом построили?

Наташа не ответила - она продолжала сосредоточенно копать, и какие бы материнские проклятия не обрушивала на ее голову Марина, даже не оборачивалась. Тогда Марина, как могла, приблизила голову к черной дыре в стене и завопила:

- Помогите! Люди добрые! Милиция!

Но ответом ей было только далекое завывание ледяного ветра.

- Спасите! - опять заорала Марина.

- Да чего ты орешь, - тихо сказала из-под потолка Наташа, - во-первых, добрых людей там нет, а во-вторых, все равно никто не услышит.

Марина поняла, что дочь права, и впала в оцепенение. Под потолком мерно позвякивал совок, так продолжалось час или два, а потом в камеру упал солнечный луч и ворвался полный забытых запахов свежий воздух; Марина вдохнула его и неожиданно поняла, что тот мир, который она считала навсегда ушедшим в прошлое вместе с собственной юностью, на самом деле совсем рядом, и там началась осень, но еще долго будет тепло и сухо.

- Пока, мама, - сказала Наташа.

"Улетает," - поняла, наконец, Марина, и закричала:

- Наташа! Сумку хоть возьми!

- Спасибо! - крикнула сверху Наташа, - я взяла!

Она чем-то прикрыла прорытую наверх дыру, и в камере опять

стало темно и холодно, но тех нескольких секунд, пока светило солнце, хватило Марине, чтобы вспомнить, как все было на самом деле в тот далекий полдень, когда она шла по набережной, и жизнь тысячью тихих голосов, доносящихся от моря, из шуршащей листвы, с неба и из-за горизонта, обещала ей что-то чудесное.

Марина поглядела на стопку газет и с грустью поняла, что это все, что у нее осталось - точнее, все что осталось для нее у жизни. Ее обида на дочь прошла, и единственное, чего она хотела - это чтобы Наташе повезло на набережной больше, чем ей. Марина знала, что дочь еще вернется, но знала и то, что теперь, как бы близко к ней не оказалась Наташа, между ними всегда будет тонкая, но непрозрачная стена - словно то пространство, где они когда-то играли в магаданские концерты, вдруг разделила доходящая до потолка комнаты глухая желтая ширма.

14. ВТОРОЙ МИР

- ... избавиться от ощущения, - говорил Митя, стоя с закрытыми глазами в центре площадки под шестом маяка, - что он копает крыльями пустоту, и из последних сил удерживая себя от догадки, что всю предшествовавшую жизнь он занимался именно этим. Пока вместе с сотнями других цикад он летел к далекой горе, второй раз в жизни видя мир таким, как он есть, вокруг стемнело, и ему стало казаться, что он потерял дорогу - хотя куда именно он летит, он твердо не знал, - но тут он вспомнил, что стоит между черными кустами терновника и торчащими из земли выветренными скалами причудливой формы, которые с того места, где он находился, казались просто участками неба без звезд...

Он несколько раз моргнул и слегка надавил на веки пальцами. За ними разлилось слабое голубоватое сияние, но яркой точки, которая сияла там несколько минут назад, уже не было.

- Все. Больше ничего не вижу, - сказал он. - И сколько все это продолжалось?

Дима пожал плечами.

- Хотя да, - сказал Митя. - Конечно.

- Цикады - наши близкие родственники, - сказал Дима. - Но они живут в совершенно другом мире. Я бы сказал, что это подземные мотыльки. Там все так же, как у нас, но совсем нет света.

Он повернулся и пошел вверх по тропинке. Митя пошел следом, и через минуту или две они вышли на плоскую площадку между скалами, один край которой обрывался в пустоту. Отсюда было видно море с широкой лунной дорогой - даже не дорогой, а целой взлетно-посадочной полосой - и еще были видно дрожащее сияние на берегу.

- Странно, - сказал Митя. - Как будто все то, к чему мы с таким трудом пытаемся всю жизнь вернуться, на самом деле никуда и не исчезало. Как будто кто-то завязывает нам глаза, и мы перестаем это видеть.

- Хочешь узнать, кто?

- Хочу, - сказал Митя.

- Это хорошо, что ты хочешь, - сказал Дима, - потому что в любом случае придется.

Митя вздрогнул.

- Что значит придется?

- Видишь ли, - печально сказал Дима, - своими недавними действиями ты растревожил одно очень могущественное существо. Ему все это ужасно не понравилось. И сейчас оно явится за тобой.

- А какое ему до меня дело? - спросил Митя.

- Оно считает, что ты находишься в его полной власти. Принадлежишь ему. А то, что ты пытаешься делать, этой власти угрожает. И это существо нападет на тебя с минуты на минуту.

- Кто это?

- Труп, - сказал Дима, как нечто само собой разумеющееся.

- Чей труп?

- Твой, - сказал Дима, - чей же еще.

- Ты хочешь сказать, что я умру?

- В каком-то смысле, - ответил Дима. - Когда я говорю "труп", я имею в виду, что тебя ждет тот, кто сейчас живет вместо тебя. На мой взгляд, самое худшее, что с тобой может произойти - это то, что он и дальше будет жить вместо тебя. А если умрет он, вместо него будешь жить ты.

- Кто это живет вместо меня? - спросил Митя. - И как труп может умереть?

- Хорошо, - сказал Дима, - не живет, а мертвеет. Это все слова. Неважно. Все равно бесполезно говорить. Иди и сам все увидишь.

- А ты? - спросил Митя.

- С ним можешь встретиться только ты сам, - сказал Дима. - И все, что случится дальше, тоже зависит только от тебя.

- Опять в кусты идти? - спросил Митя. - Сколько можно.

- Я не знаю, где он тебя найдет. Но он уже здесь. Совсем рядом.

- Где? - испуганно спросил Митя и вскочил на ноги.

Дима засмеялся и не ответил. Он подошел к краю площадки, почти к самому обрыву в море, и отвернулся, словно не желая иметь никакого отношения к тому, что происходит за его спиной.

Митя огляделся по сторонам. Вокруг были скалы самых разных форм; на некоторых из них росли пучки травы, которую шевелил ветер, из-за чего казалось, что шевелятся сами камни. Митя посмотрел на Диму. Его застывшая фигура казалась со спины темным каменным выступом, словно он превратился в одну из скал.

Больше на площадке ничего не было. Митя подошел к началу тропинки, по которой они только что прошли, и, цепляясь за кусты и камни, стал спускаться вниз. Прошлый раз он шел за Димой и даже не заметил, насколько трудно здесь идти - словно тогда вокруг было светлее. Теперь, когда Луну закрыл каменный гребень, приходилось нашаривать ногой следующий камень и наощупь находить ветки, чтобы схватиться за них. Через несколько метров Мите показалось, что он завис в темной пустоте, держась за несколько непонятно откуда взявшихся в ней каменных выступов, и нет никакой гарантии, что впереди окажется хоть какая-то опора. Он замер на месте.

"А куда я иду? - подумал он. - И зачем?"

Он закрыл глаза и попытался прислушаться к своим ощущениям и мыслям, но их не было. Было просто темно, прохладно и тихо. Можно было продолжить спуск вниз, а можно было вернуться на площадку, где остался Дима; казалось, что между этими двумя действиями нет никакой разницы.

Митя попытался сделать еще один шаг, и из под его подошвы вывернулся камень - он чуть не покатился вслед за этим камнем, но в последний момент успел схватиться за усеянную шипами ветку, которая глубоко расцарапала ему кожу на ладони. Камень несколько раз стукнулся о скалы, с шорохом врезался в листву, и опять стало тихо.

"Что же со мной происходит? - подумал Митя, облизывая кровоточащую ладонь. - Как это оказалось, что я стою в полной темноте, в непонятном месте, и дожидаюсь собственного трупа? Это что, я к свету летел, а прилетел вот сюда? Ведь я же совсем другого искал. Может, я и сам не знаю, чего, но никак не этого, точно."

Подул ветер, и внизу зашуршали невидимые листья.

"А может, он на мне опыты ставит. Сейчас пойду и скажу ему, что с меня хватит... Кто он такой, вообще, и откуда он взялся? С другой стороны, конечно, бессмысленный вопрос... Оттуда же, откуда и я. И говорит он тоже правильно. Но ведь я это и без него всегда знал. И еще много другого знал, кстати... Куда только это делось..."

Митя попытался вспомнить это другое, и перед ним, почти как в колодце, промелькнуло несколько отрывистых картин, вместе похожих на фильм, склеенный из разных слайдов. Оказалось, что лучшее связано с очень простым, таким, о чем никому и не расскажешь. Это были моменты, когда жизнь неожиданно приобретала смысл, и становилось ясно, что она на самом деле никогда его не теряла, а терял его Митя. Но причина того, что этот смысл становился виден опять, была непонятна, а картинки на сменяющихся в его памяти слайдах были самыми обычными - например, проходящие по ночному потолку полосы света, похожие на лучи зенитных прожекторов, которые никак не могут поймать люстру, или вид из поезда на длинное вечернее небо, уходящее в

просеку за пыльным окном, или несколько неотшлифованных бутылочных изумрудов на ладони. Но странное и невыразимое знание, связанное со всем этим, давно исчезло, а то, что осталось в памяти, было больше всего похоже на сохранившиеся фантики от конфет, съеденных каким-то существом, уже давно живущим в нем, постоянно и незаметно присутствующим в любой мысли (кажется, среди мыслей оно и жило), но все время прячущимся от прямого взгляда.

А сейчас, сразу же понял Митя, это существо, незаметно жевавшее его почти всю жизнь и сожравшее его почти целиком, просто не успело отпрыгнуть. Это и был труп.

Но с ним ничего нельзя было сделать - разве что подобрать камень побольше и ударить самого себя по голове.

Митя еще раз ощупал ногой темную пустоту внизу, повернулся и стал карабкаться назад. Лезть вверх было проще, и через минуту он уже был на ярко освещенной лунным светом площадке.

Дима стоял там же, в той же позе и так же неподвижно, и Митя с раздражением подумал, что в его поведении, пожалуй, слишком много мистического пафоса.

- Я все понял, - сказал он. - Понял, о чем ты говорил. Эй.

Он похлопал Диму по плечу, и тот медленно обернулся.

Это был не Дима.

Это было то самое существо, мысль о существовании которого за минуту перед этим мелькнула в митином сознании. Ошибиться было невозможно, хотя Митя не мог сказать, откуда у него возникла эта уверенность. Но в тот же момент, когда он увидел перед собой собственное лицо, только синее и усталое, он вспомнил место из старой японской книги, где человеку снится кошмар, в котором он бежит вдоль берега моря от самого себя, вставшего из гроба. С ним сейчас происходило то же самое, только не было гроба, берег моря находился далеко внизу, и просыпаться было некуда.

Митя попятился, и труп шагнул за ним. Митя кинулся к ведущей вниз тропинке, но, представив себе, как он снова повиснет на ветках, а сверху на него обрушится собственный труп, он затормозил, развернулся, чуть помешкал, решая, куда бежать, и почувствовал, как за левое плечо его схватила собственная ладонь.

То есть ладонь принадлежала тому, кто преследовал его, но одновременно он почувствовал, что сам взял кого-то рукой за плечо. И этот кто-то тоже был он сам. Митя завыл от ужаса, неловко ударил кулаком в ничего не выражающее лицо с закрытыми глазами, и тотчас почувствовал косой удар по собственной скуле. Труп медленно и немного карикатурно, в духе гигиеничных американских ужасов, поднял руки, схватил Митю за горло, и Митя почувствовал, что тоже кого-то душит. Он изо всех сил сжал пальцы и понял, что еще секунда, и он задохнется. Тогда он чуть ослабил хватку, и почувствовал, что может сделать вдох. Он убрал руки, и

одновременно разжались пальцы на его горле.

"Понятно", - подумал Митя, повернулся, поднял ногу, чтобы шагнуть, и почувствовал, что его за левое плечо опять схватила собственная ладонь. Он испытал мгновенный приступ ярости, лягнул труп ногой и, придя в себя, обнаружил, что стоит на четвереньках. Он встал, со свистом втягивая воздух в непослушные легкие. Это было тяжело не только потому, что от удара перехватило дыхание, а еще и потому, что пальцы трупа опять с тупым усердием сомкнулись на его шее, и чтобы сделать вдох, ему пришлось ослабить собственную хватку на холодном синем горле. Митя сделал еще одну попытку отцепиться от трупа, но хоть его движения были быстрыми и сильными, а труп двигался крайне медленно и вяло, не успел Митя повернуться, как на плечо ему опять легла собственная ладонь.

Митя обернулся к трупу, слегка - так, чтобы можно было дышать - сжал пальцами его горло и сказал:

- Ну что? Долго так стоять будем?

Труп не отвечал. Приглядевшись, Митя заметил, что его веки чуть приоткрыты, и он словно бы смотрит вниз. Труп тихо-тихо дышал и, как почему-то показалось Мите, пытался о чем-то вспомнить.

- Эй, ты! - позвал Митя.

- Сейчас, - сказал труп и опять тихо задышал.

"А может, - мелькнула у Мити мысль, - просто его задушить надо? А самому потерпеть чуть-чуть."

Он стал осторожно вдыхать, чтобы набрать в легкие достаточно воздуха, но почувствовал, что пальцы трупа сдавили его горло, и с каждой секундой их нажим становится сильнее. Митя попытался отодрать холодные пальцы от своего горла, но это не помогло - труп, кажется, решил задушить его первым. Митя всерьез испугался, и пальцы трупа на его горле тут же оторопело разжались.

"Нет, - подумал Митя, - так не выйдет. А может, перекрестить его? На всякий случай? Хуже ведь не будет."

Вдруг труп высвободил одну руку, торопливо перекрестил Митю и опять схватил его за горло.

"Не помогает," - подумал Митя, и вдруг понял, что все то, что он думает, думает не он, а труп.

- Эй, - раздался сверху димин голос, - ты еще долго с ним обниматься будешь?

Митя поднял глаза. Дима, свесив ноги, сидел на высоком камне в нескольких метрах справа и глядел на вяло текущую внизу схватку.

- Дай ему по яйцам, - посоветовал он. - А потом, когда согнется, замком по шее.

- Что с ним делать? - просипел Митя.

- Не знаю, - ответил Дима. - Это ведь не мой труп, а твой. Делай, что хочешь. Все в твоих руках.

Несколько минут Митя стоял напротив трупа, глядя ему в

лицо. Ничего ужасного в этом лице не было - оно было спокойным, усталым и грустным, как будто труп держался руками не за его горло, а за поручень вагона метро, в котором возвращался домой с давно обрыдлой работы.

- Если бы это, не дай Бог, происходило со мной, - наконец, сказал Дима со своего камня, - я бы перво-наперво как следует рассмотрел, кто передо мной стоит.

Митя еще раз поглядел на усталое лицо трупа, и заметил на нем почти неуловимую гримасу легкой грусти и обиды, тень какой-то несбывшейся мечты. Митя понял, какой именно мечты - его собственной. И вместо отвращения и страха он испытал к своему трупу искреннюю жалость, а как только это случилось, холодные пальцы опять сжали его горло. Но на этот раз Митя ясно чувствовал, что его душит внешняя сила, и никак не мог ослабить хватку на своем горле. Он изо всех сил пнул ногой голень трупа, и только ушиб пальцы ноги - казалось, он ударил железный столб. Перед его глазами замелькали разноцветные полосы и точки, он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, и понял, что задушив его, труп пойдет домой дочитывать Марка Аврелия.

И тут его внимание привлекло одно из плясавших перед его глазами цветных пятен. Точнее, как раз это маленькое голубое пятнышко не плясало, а оставалось на месте, поэтому Митя его и заметил. Это была та самая голубая точка, которая пропала после того, как он разглядел с ее помощью цикаду. Митя понял, что снова может смотреть с помощью этой точки, направил луч внимания на утомленное синее лицо перед своими глазами и почувствовал, что его пальцы сжимают уже не горло, а что-то мягкое и чуть влажное.

Перед ним на земле стоял большой навозный шар, и его руки уходили в него почти по локоть.

Он вытащил их, несколько раз брезгливо встряхнул, и повернулся к Диме, который спрыгнул с камня и подошел к шару.

- Что это? - спросил Митя.

- А то ты сам не знаешь, - сказал Дима. - Навозный шар.

Это было правдой. Митя знал, что это, и отлично знал, что с этим делать.

"Сколько ты у меня украл, - подумал он, с ненавистью глядя на шар, - ведь вообще все, что было, украл..."

Он поднял было ногу, собираясь пнуть его, но понял, что бить некого, и в этом было самое обидное. Осторожно, чтобы не увязли руки, он нажал на поверхность шара - тот стронулся с места неожиданно легко - подкатил его к обрыву и толкнул вперед.

Шар прокатился несколько метров по крутому склону, оторвался от него и исчез из виду. А через несколько долгих мгновений снизу долетел громкий всплеск.

Митя повернулся, медленно дошел до места, где сидел раньше, и сел прямо на землю, прислонясь спиной к камню.

- Странно, - сказал он после нескольких минут тишины, - но

я сейчас совершенно четко вижу, что эта точка всегда была у меня перед глазами. Абсолютно все время. Я просто никогда не обращал на нее внимания.

- Ты просто не знал, что можно обратить на нее внимание, - сказал Дима. - А есть еще очень много такого, на что ты сейчас точно так же не обращаешь внимания, потому что не знаешь, что это можно сделать.

- Например?

- Ты любишь читать книги. Но в них все время написано о ком-то другом. Тебе никогда не хотелось прочитать книгу о себе?

- Я ее еще только пишу, - сказал Митя.

- Кто "я"?

Митя показал на себя пальцем, и Дима засмеялся.

- Это сильное преувеличение, - сказал он. - Если ты увидишь эту книгу, ты это сам поймешь.

- А как ее увидеть?

- Ты же сам только что сказал. Обратить внимание.

Митя закрыл глаза и некоторое время сидел молча.

- Не могу, - сказал он.

- Потому что ты до сих пор считаешь, что эту книгу пишешь ты сам, - сказал Дима, - хотя тот "ты сам", который так считает, скорее и есть эта книга.

Он присел на корточки напротив Мити и прошептал:

- Что будет, если голубая точка перед твоими глазами посмотрит сама на себя?

- Сама на себя?

Митя зажмурился, и его лицо даже перекосилось от напряжения, так, что Дима снова засмеялся.

- Недавно ты упал вниз, - сказал он, - в колодец. Помнишь? А теперь попробуй упасть прямо вверх.

Вдруг у Мити в ушах громко хлопнуло, и он увидел, что перед ним опять не Дима. Перед ним был кто-то другой. И сидели они уже не на среди каменных выступов на маленькой земляной площадке, а совсем в другом месте, и не сидели, а просто находились, потому что сидеть там было не на чем. Собственно, и не они - Мити уже не было, а был только тот, на кого он смотрел.

Это была фигура в чем-то вроде длинного сияющего плаща - а может быть, так выглядели сложенные светящиеся крылья. Ее лицо и руки были чистым светом, но на них можно было смотреть так же, как на любые другие руки или лицо. Он знал все про эту фигуру, точнее - она знала все про него, но это было одно и то же, потому что это и был он сам. Но не тот, каким он себя знал.

То, что было перед ним, на самом деле не имело ни тела, ни какой-либо определенной формы. Но чтобы можно было смотреть на это, надо было придать ему какую-нибудь форму, что, как Митя понял, он и сделал совершенно автоматически. Ясно было только одно - все лучшее, настоящее, что он считал главным в себе и всю жизнь охранял от других и даже от самого себя, было просто

кривым и тусклым отражением того, что находилось сейчас перед ним. Все лучшее в его жизни было просто каплями свободы и счастья, которые медленно, по одной, просачивались к нему из неизвестного резервуара, из мира, где ничего, кроме свободы и счастья, не было. А сейчас дверь в этот мир широко распахнулась.

И Митя понял, что он всегда был просто искаженным и неполным отражением этого существа, его слабой и бессильной тенью.

И одновременно он понял, что всегда и был этим существом, а то, что он считал собой раньше, было просто солнечным зайчиком, лучом света, который упал на какую-то поверхность и образовал множество разноцветных пятен, так притянувших к себе его внимание, что то ли он стал думать, что он и есть эти разноцветные движущиеся пятна, то ли пятна стали думать, что они - это он.

Как будто он был изображением на экране, а сейчас изображение вдруг повернулось, посмотрело в ту точку, откуда падал свет, и увидело, что оно и есть эта точка и этот свет. Но что тогда было изображением? Митя посмотрел на него и увидел, что это тоже он.

У Мити мелькнула мысль, что все дело в экране, но когда он посмотрел на него, он увидел, что это тоже он сам, после чего стало совершенно непонятно, как это он смог упасть сам на себя и образовать изображение, которое тоже он.

Митя попытался назвать собой хоть что-нибудь из всего этого, и не смог. Он был всем этим, и абсолютно ничем - просто игрой света и тени, на которую смотрело то, что было им на самом деле, хотя на самом деле не было ничего такого, что было бы им - Митей, сидящим на холодной каменной поверхности огромного и прекрасного мира, прислонясь спиной к неровному выступу скалы.

Он встал и огляделся. Димы нигде не было видно. Потом он за метил слабый дрожащий свет, мелькнувший в расщелине между двумя скалами, и подумал, что Дима там. Дойдя до расщелины, он щелкнул зажигалкой, протянул ее вперед и шагнул через похожий на порог каменный выступ. Скалы смыкались над головой, образуя подобие высокой пещеры. Митя увидел впереди слабый огонек, как будто у Димы в руках догорала спичка, и позвал:

- Дима! Где ты?

Тот не ответил.

- Кто ты такой? - крикнул Митя и пошел вперед.

Огонек тронулся ему навстречу, и через несколько шагов его вытянутая вперед рука с быстро нагревающейся зажигалкой уперлась в непонятно как оказавшееся здесь зеркало в тяжелой полукруглой раме из темного дерева.

15. ЭНТОМОПИЛОГ

- То есть я как хочу сделать, Паш, - тонким тенорком говорил

Арнольду Сэм, - я туда поеду и возьму корыто, а назад своим ходом. Тут я корыто продам, а продам я его, Паша, круто. Они сейчас дорогие. И тогда у меня с прибабахом на два новых выйдет.

Они сидели, свесив ноги, на высоком деревянном заборе в начале набережной. Пальцы Сэма были вжаты в пластмассовые бока чемоданчика с такой силой, что их ногти побелели, а лицо было покрыто маленькими бусинками пота и до крайности сосредоточено; глядел он в сторону моря, но явно видел на его месте что-то другое.

- Но это, понятно, через баксы, - продолжал он, - а то их все сейчас продали, вот с рублями, козлы, и остались. Ты ведь понимаешь, Паш, не на голое место еду. А кстати, тебе охотничий билет нужен?

- Зачем это? - спросил Арнольд.

- А чтоб официально на стене висело. Если придут квартиру грабить - снимешь, и... Ты подумай только, Паш, какая сильная вещь! Я сейчас оформляю себе - четыре инстанции надо пройти, и везде взятки платишь. Выходит примерно два с полтиной. И еще у меня одна мысль есть...

Снизу послышался скрип, и Арнольд увидел приближающийся к забору навозный шар, облепленный зелеными и желтыми листьями.

"Уже осень," - подумал он с грустью.

За шаром бежал маленький мальчик.

- Эй, - крикнул он, - вас зовут! Просили к столикам подойти.

- Кого зовут? - спросил Арнольд. - И кто?

- Не знаю, - ответил мальчик. - Просто просили передать, что с Наташей плохо. Вы не знаете, где тут пляж? А то в тумане не видно ничего.

- Прямо, - сказал Арнольд и неопределенно махнул рукой.

- Спасибо, - недоверчиво сказал мальчик.

Он толкнул свой шар дальше, и Арнольд некоторое время глядел ему вслед, прислушиваясь к путанному бормотанию Сэма.

- А если ты хочешь, Паш, - говорил тот, - то поезжай со мной в Венгрию. Билет шестьдесят долларов, дорогой, но поехать стоит. И насчет ружья тоже подумай - вещь очень сильная...

Арнольд потряс его за плечо.

- Сэм, - сказал он, - очнитесь.

Сэм встрепенулся, помотал головой и поглядел по сторонам. Потом он раскрыл чемодан, поплевал красным в стеклянную баночку и спрятал ее назад.

- Это уже интересней, - своим обычным голосом сказал он, - здесь хоть какая-то перспектива видна. Что случилось?

- Не знаю, - сказал Арнольд. - С Наташей плохо.

- О господи, - сказал Сэм, - вот оно. Начинается.

Он спрыгнул на газон и стал ждать, пока Арнольд завершит сложные эволюции с переносом веса, полным оборотом жирного тела на сто восемьдесят градусов и повисанием на руках.

- Если хотите знать мое мнение, - сказал Арнольд, грузно приземлившись в траву, - в таких ситуациях надо вести себя жестко с самого начала. Иначе обоим будет только хуже. Никогда не подавайте никаких надежд.

Сэм ничего не сказал. Они вышли на набережную и молча пошли в сторону летнего кафе.

У одного из его столиков собралась небольшая толпа, и уже при первом взгляде на нее было ясно, что произошло что-то нехорошее. Сэм побледнел и побежал вперед. Растолкав зрителей, он протиснулся вперед и замер.

Со стола свисал, покачиваясь под ветром, узкий желтый лист липучки. К нему пристало несколько мелких листьев и бумажек, а в самом его центре, бессильно склонив голову, висела Наташа. Ее крылья были распластаны по поверхности листа и уже успели пропитаться ядовитой слизью; одно было отогнуто в сторону, а другое непристойно задрано вверх. Под ее закрытыми глазами чернели синяки в пол-лица, а зеленое платьице, когда-то пленившее Сэма своим веселым блеском, теперь потускнело и покрылось бурыми пятнами.

- Наташа! - вскрикнул Сэм, кидаясь вперед, - Наташа!

Его удержали. Наташа открыла глаза, заметила Сэма и с испугом поправила челку на лбу. Усилие, видимо, оказалось для нее чрезмерным - ее рука бессильно упала и впечаталась в ядовитый клей.

- Сэм, - с усилием открывая рот, сказала она, - хорошо, что ты пришел. Видишь, как...

- Наташа, - прошептал Сэм, - прости.

- Представляешь, Сэм, - тихо заговорила Наташа, - я ведь, как дура, перед зеркалом тренировалась. Плиз чиз энд пепперони. Думала, уеду с тобой...

Ветер донес от репродуктора над лодочной станцией еле слышную трель балалайки.

- ...Понимаешь, Сэм, не в Америку, а с тобой... Волновалась, как я там... Помнишь, как мы купаться ходили? А мама, представляешь, из своей шторы мне новое платье сшила. Я и не знала даже, смотрю - на диване лежит. Все говорила - Наташенька, поиграй мне еще на баяне, а то уедешь скоро насовсем... Только ей не говорите... Пусть лучше думает, что я не попрощавшись уехала...

Наташа опустила голову, и на ее длинных ресницах заблестели маленькие капельки слез.

- Осторожно, - раздался слева женский бас. - Пропустите-ка.

К столику подошла официантка с багровым лишаем на строгом, как у судьбы, лице. В ее руке была огромная алюминиевая кастрюля с красной надписью "III отряд". Она поставила ее на землю, вытряхнула туда остатки пищи из стоявших на столе тарелок, а потом одним движением сильной и жестокой ладони сорвала со стола лист липучки с Наташей, смяла его в маленький

желтый комок и кинула следом. Сэма опять удержали на месте чьи-то руки. Официантка прикрепила к столу свежую липучку, подхватила кастрюлю и пошла к следующему столу. Граждане стали расходиться, а Сэм все стоял на месте и глядел на свисающую со стола липкую желтую полоску.

- Пойдемте, Сэм, - услышал он тихий голос Арнольда. - Ей уже все равно не помочь. Идемте. Вам выпить надо, вот что. Пойдемте к Артуру, он сейчас в домик к покойному Арчибальду переехал. Две цистерны поставил и факс. Там тихо, уютно. Не смотрите только на эту липучку, я вас умоляю... Сэм, дайте человеку пройти...

Сэм шагнул в сторону, и мимо него прошла странная фигура в чем-то вроде серебристого плаща, край которого волочился по земле - а может быть, это были сложенные за спиной тяжелые длинные крылья.

Два крупных навозных шара необычного красноватого отлива раскатились в стороны, и навстречу поплыла длинная пустынная набережная. Далеко впереди стоял шезлонг, в котором полулежал еще один навозный шар, рыжевато-черный. Когда шезлонг оказался ближе, стало видно, что это толстый рыжий муравей в морской форме; на его бескозырке золотыми буквами было выведено "Іван Крилов", а на груди блестел такой огород орденских планок, какой можно вырастить, только унавозив нагрудное сукно долгой и бессмысленной жизнью. Держа в руке открытую консервную банку, он слизывал рассол с американской гуманитарной сосиски, а на парапете перед ним стоял переносной телевизор, к антенне которого были привязан треугольный белый флажок. На экране телевизора в лучах нескольких прожекторов пританцовывала стрекоза.

Налетел холодный ветер, и муравей, подняв ворот бушлата, наклонился вперед. Стрекоза несколько раз подпрыгнула, расправила красивые длинные крылья и запела:

- Только никому
Я не дам ответа
Тихо лишь тебе я прошепчу...

Рыжий затылок муравья, по которому хлестали болтающиеся на ветру черные ленточки с выцветшими якорями, стал быстро наливаться темной кровью.

Дмитрий сунул руки в карманы и пошел дальше. С его крыла сорвалась чешуйка и, качнувшись под ветром, приземлилась на покрытый облетевшими листьями бетон. Она была размером примерно с ладонь, с одного края лиловая, расщепленная на несколько темнеющих к концу хвостов, а с другого - белая, плавно сходящаяся в сияющую точку.

...Завтра улечу
В солнечное лето
Буду делать все, что захочу.

Владимир Набоков - "Превращение" Франца Кафки

Как бы тонко и любовно ни анализировали и ни разъясняли рассказ, музыкальную пьесу, картину, всегда найдется ум, оставшийся холодным, и спина, по которой не пробежит холодок. "...воспримем тайну всех вещей", - печально говорит себе и Корделии король Лир, - и таково же мое предложение всем, кто всерьез принимает искусство. У бедняка отняли пальто ("Шинель" Гоголя), другой бедняга **превратился в жука ("Превращение" Кафки)** - ну и что?

Рационального ответа на "ну и что?" нет. Можно разъять рассказ, можно выяснить, как подогнаны одна к другой его детали, как соотносятся части его структуры; но в вас должна быть какая-то клетка, какой-то ген, зародыш, способный завибрировать в ответ на ощущения, которых вы не можете ни определить, ни игнорировать. Красота плюс жалость - вот самое близкое к определению искусства, что мы можем предложить. Где есть красота, там есть и жалость, по той простой причине, что красота должна умереть: красота всегда умирает, форма умирает с содержанием, мир умирает с индивидом. Если "Превращение" Кафки представляется кому-то чем-то большим, нежели энтомологической фантазией, я поздравляю его с тем, что он вступил в ряды хороших и отличных читателей.

Я хочу поговорить о фантазии и реальности и об их взаимоотношении. Если мы примем рассказ "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда" за аллегорию - о борьбе Добра и Зла в человеке, - то аллегория эта ребяческая и безвкусная. Для ума, усмотревшего здесь аллегорию, ее театр теней постулирует физические события, которые здравый смысл считает невозможными; на самом же деле в обстановке рассказа, если подойти к ней с позиций здравого смысла, на первый взгляд ничто не противоречит обычному человеческому опыту. Я, однако, утверждаю, что при более пристальном взгляде обстановка в рассказе противоречит обычному человеческому опыту, и Аттерсон и остальные люди рядом с Джекилом в каком-то смысле не менее фантастичны, чем мистер Хайд. Если мы не увидим их в фантастическом свете, очарование исчезнет. А если уйдет чародей и останутся только рассказчик и учитель, мы очутимся в неинтересной компании.

История о Джекиле и Хайде выстроена красиво, но это старая история. Мораль ее нелепа, поскольку ни добро, ни зло фактически не изображены, они подаются как нечто само собой разумеющееся, и борьба идет между двумя пустыми контурами. Очарование заключено в искусстве стивенсоновской вышивки; но хочу заметить, что, поскольку искусство и мысль, манера и материал неразделимы, нечто подобное, наверное, присутствует и в структуре рассказа. Будем, однако, осторожны. Я все-таки думаю, что в художественном воплощении этой истории - если рассматривать форму и содержание по отдельности - есть изъян, не свойственный "Шинели" Гоголя и "Превращению" Кафки. Фантастичность окружения - Аттерсона, Энфилда, Пула, Лэнвона и их Лондона - не того же свойства, что фантастичность хайдизации доктора Джекила. Есть трещина в картине - отсутствие единства.

"Шинель", "Доктор Джекил и мистер Хайд" и "Превращение" - все три принято называть фантазиями. На мой взгляд, всякое выдающееся произведение искусства - фантазия, поскольку отражает неповторимый мир неповторимого индивида. Но, называя эти истории фантазиями, люди просто имеют в виду, что содержание историй расходится с тем, что принято называть реальностью. Так попробуем же понять, что такое реальность, дабы выяснить, каким образом и до какой степени так называемые фантазии расходятся с так называемой реальностью.

Представим себе, что по одной и той же местности идут три человека разных сословий. Один - горожанин, наслаждающийся заслуженным отпуском. Другой - профессиональный ботаник. Третий - местный фермер. Первый, горожанин, - что называется, реалист, человек прозаический, приверженец здравого смысла; в деревьях он видит деревья, а карта сообщила ему, что эта красивая новая дорога ведет в Ньютон, где можно отлично поесть в одном месте, рекомендованном ему сослуживцем. Ботаник смотрит вокруг и воспринимает ландшафт в точных категориях

растительной жизни, в конкретных видовых терминах, характеризующих те или иные травы и деревья, цветы и папоротники; мир флегматичного туриста (не умеющего отличить дуб от вяза) представляется ему фантастическим, смутным, призрачным, подобным сновидению. И наконец, мир местного фермера отличается от остальных двух тем, что он окрашен сильной эмоцией и личным отношением, поскольку фермер родился здесь, вырос и знает каждую тропку: в теплой связи с его будничным трудом, с его детством тысяча мелочей и сочетаний, о которых те двое - флегматичный турист и систематик-ботаник - даже не подозревают. Нашему фермеру неведомо, как соотносится окружающая растительность с ботанической концепцией мира; ботанику же невдомек, что значит для фермера этот хлев, или это старое поле, или тот старый дом под тополями, погруженные, так сказать, в раствор личных воспоминаний, накопленных за целую жизнь.

Таким образом, перед нами три разных мира - у троих обыкновенных людей разные реальности; и, конечно, мы можем пригласить сюда другие существа: слепца с собакой, охотника с собакой, собаку с хозяином, художника, блуждающего в поисках красивого заката, барышню, у которой кончился бензин... В каждом случае этот мир будет в корне отличаться от остальных, ибо даже самые объективные слова "дерево", "дорога", "цветок", "небо", "хлев", "палец", "дождь" вызывают у них совершенно разные ассоциации. И эта субъективная жизнь настолько интенсивна, что так называемое объективное существование превращается в пустую лопнувшую скорлупу. Единственный способ вернуться к объективной реальности таков: взять эти отдельные индивидуальные миры, хорошенько их перемешать, зачерпнуть этой смеси и сказать: вот она, "объективная реальность". Можно почувствовать в ней привкус безумия, если в окрестностях прогуливался сумасшедший, или совершенно изумительного вздора - если кто-то смотрел на живописный луг и воображал на нем миленькую пуговичную фабрику или завод для производства бомб; но в целом эти безумные частицы затеряются в составе объективной реальности, который мы рассматриваем в пробирке на просвет. Кроме того, эта "объективная реальность" будет содержать нечто, выходящее за рамки оптических иллюзий или лабораторных опытов. Она будет содержать элементы поэзии, высоких чувств, энергии и дерзновения (тут ко двору придется и пуговичный король), жалости, гордости, страсти - и мечту о сочном бифштексе в рекомендованном ресторанчике.

Так что, когда мы говорим "реальность", мы имеем в виду все это в совокупности, в одной ложке, - усредненную пробу смеси из миллиона индивидуальных реальностей. Именно в этом смысле (человеческой реальности) я употребляю термин "реальность", рассматривая ее на фоне конкретных фантазий, таких, как миры "Шинели", "Доктора Джекила и мистера Хайда" или "Превращения".

В "Шинели" и в "Превращении" герой, наделенный определенной чувствительностью, окружен гротескными бессердечными персонажами, смешными или жуткими фигурами, ослами, покрасившимися под зебру, гибридами кроликов с крысами. В "Шинели" человеческое содержание героя иного рода, нежели у Грегора в "Превращении", но взывающая к состраданию человечность присуща обоим. В "Докторе Джекиле и мистере Хайде" ее нет, жила на горле рассказа не бьется, не слышно этой интонации скворца: "Не могу выйти, не могу выйти", берущей за душу в стерновской фантазии "Сентиментальное путешествие".

Да, Стивенсон посвящает немало страниц горькой участи Джекила, и все-таки в целом это лишь первоклассный кукольный театр. Тем и прекрасны кафкианский и гоголевский частные кошмары, что у героя и окружающих нелюдей мир общий, но герой пытается выбраться из него, сбросить маску, подняться над шинелью. В рассказе же Стивенсона нет ни этого единства, ни этого контраста. Аттерсоны, Пулы, Энфилды преподносятся как обыкновенные, рядовые люди; на самом деле эти персонажи извлечены из Диккенса и представляют собой фантомы, не вполне укорененные в стивенсоновской художественной реальности, так же как стивенсоновский туман явно выполз из мастерской Диккенса, дабы окутать вполне обыкновенный Лондон.

В сущности, я хочу сказать, что волшебное снадобье Джекила более реально, чем жизнь Аттерсона. Фантастическая тема Джекила - Хайда по замыслу должна была контрастировать с обыкновенным Лондоном; а на самом деле контрастируют готическая средневековая тема с диккенсовской. И расхождение это иного порядка, чем расхождение между абсурдным миром и трогательно абсурдным Башмачкиным или между абсурдным миром и трагически абсурдным Грегором.

Тема Джекила - Хайда не образует единства с ее окружением, ибо фантастичность ее иного рода, чем фантастичность окружения. В Джекиле, по существу, нет ничего особенно трогательного или трагического. Мы восхищаемся великолепным жонглированием, отточенностью трюков, но эмоционально художество не пульсирует, и доброму

читателю глубоко безразлично, кто возьмет верх - Хайд или Джекил. Однажды, когда трезвомыслящий, но несколько поверхностный французский философ попросил глубокомысленного, но темного немецкого философа Гегеля изложить свою мысль сжато, Гегель отрезал: "Такие предметы нельзя изложить ни сжато, ни по-французски". Не углубляясь в вопрос, прав был Гегель или нет, попробуем все же определить в двух словах разницу между историей в кафкианско-гоголевском роде и историей стивенсоновской.

У Гоголя и Кафки абсурдный герой обитает в абсурдном мире, но трогательно и трагически бьется, пытаясь выбраться из него в мир человеческих существ, - и умирает в отчаянии. У Стивенсона ирреальность героя иного характера, нежели ирреальность окружающего мира. Это готический персонаж в диккенсовском окружении; он тоже бьется, а затем умирает, но к нему мы испытываем лишь вполне обычное сочувствие. Я вовсе не хочу сказать, что рассказ Стивенсона - неудача. Нет, в своем роде и по обычным меркам это маленький шедевр, но в нем всего лишь два измерения, тогда как в рассказах Гоголя и Кафки их пять или шесть.

Франц Кафка родился в 1883 году в немецкоязычной семье пражских евреев. Он - величайший немецкий писатель нашего времени. В сравнении с ним такие поэты, как Рильке, и такие романисты, как Томас Манн, - карлики или гипсовые святые. Он изучал право в Немецком университете в Праге, а с 1908 года служил мелким чиновником в совершенно гоголевской конторе, принадлежавшей страховой компании. Из ныне знаменитых произведений Кафки, таких, как романы "Процесс" (1925) и "Замок" (1926), почти ничего не было напечатано при жизни. Его самый замечательный рассказ "Превращение", по-немецки "Die Verwandlung", написан был осенью 1912 года и опубликован в октябре 1915-го в Лейпциге. В 1917 году у Кафки открылось кровохарканье, и остаток жизни, последние семь лет, он частично провел в санаториях Центральной Европы. На эти последние годы его короткой жизни (он умер в возрасте сорока одного года) пришелся счастливый роман; в 1923 году он поселился со своей возлюбленной в Берлине, неподалеку от меня. Весной 1924-го он отправился в санаторий под Веной, где и умер 3 июня от туберкулеза гортани. Похоронили его на еврейском кладбище в Праге. Своему другу Максу Броду он завещал сжечь все им написанное, включая опубликованные произведения. К счастью, Брод не исполнил его воли.

Прежде чем говорить о "Превращении", я хочу отмежеваться от двух воззрений. Я хочу решительно отмежеваться от идеи Макса Брода относительно того, что для понимания Кафки надо исходить из категорий святости, а отнюдь не литературы. Кафка был прежде всего художником, и хотя можно утверждать, что каждый художник в некотором роде святой (я сам это очень ясно ощущаю), я не согласен с тем, что в творчестве Кафки просматриваются религиозные мотивы. Также я хочу отвергнуть и фрейдистскую точку зрения. Биографы-фрейдисты вроде Нидера (Neider, "The Frozen Sea", 1948) утверждают, например, что "Превращение" произросло из сложных отношений Кафки с отцом и из чувства вины, не покидавшего его всю жизнь; они утверждают далее, будто в мифологической символике дети представлены насекомыми - в чем я сомневаюсь - и будто Кафка изобразил сына жуком в соответствии с фрейдистскими постулатами. Насекомое, по их словам, как нельзя лучше символизирует его ощущение неполноценности рядом с отцом. Но в данном случае меня интересует жук, а не книжные черви, и этот вздор я отметаю. Сам Кафка весьма критически относился к учению Фрейда. Он называл психоанализ (я цитирую) "беспомощной ошибкой" и теории Фрейда считал очень приблизительными, очень грубыми представлениями, не отражающими в должной мере ни деталей, ни, что еще важнее, сути дела. Так что фрейдистским подходом я пренебрегу еще и по этой причине и сосредоточусь на художественной стороне.

Сильнейшее влияние на Кафку оказал Флобер. Флобер, презиравший слащавую прозу, приветствовал бы отношение Кафки к своему орудию. Кафка любил заимствовать термины из языка юриспруденции и науки, используя их с иронической точностью, гарантирующей от вторжения авторских чувств; именно таков был метод Флобера, позволявший ему достигать исключительного поэтического эффекта.

Герой "Превращения" Грегор Замза - сын небогатых пражан, флоберовских обывателей, людей с чисто материалистическими интересами и примитивными вкусами. Лет пять назад старший Замза лишился почти всех своих денег, после чего его сын Грегор поступил на службу к одному из кредиторов отца и стал коммивояжером, торговцем сукном. Отец тогда совсем перестал работать, сестра Грета по молодости лет работать не могла, мать болела астмой, и Грегор не только содержал всю семью, но и подыскал квартиру, где они обитают ныне. Квартира эта, в жилом доме на Шарлоттенштрассе, если быть точным, разделена на сегменты так же, как будет разделено его тело. Мы в Праге, в Центральной Европе, и год на дворе - 1912-й; слуги дешевы, и Замзы могут позволить себе содержать служанку, Анну

(ей шестнадцать, она на год моложе Греты), и кухарку. Грегор постоянно разъезжает, но в начале повествования он ночует дома в перерыве между двумя деловыми поездками, и тут с ним приключается нечто ужасное. "Проснувшись однажды утром от беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Лежа на панцирно-твердой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый выпуклый, разделенный дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого еле держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами.

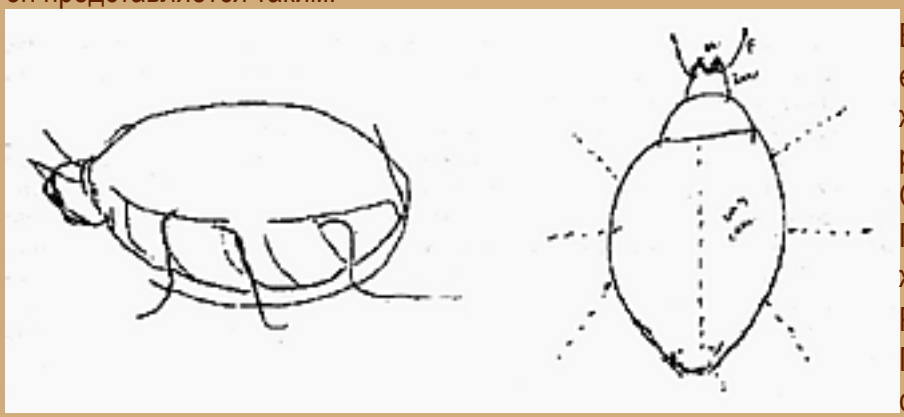
"Что со мной случилось?" - подумал он. Это не было сном<...>

Затем взгляд Грегора устремился в окно, и пасмурная погода - слышно было, как по жести подоконника стучат капли дождя, - привела его и вовсе в грустное настроение. "Хорошо бы еще немного поспать и забыть всю эту чепуху", - подумал он, но это было совершенно неосуществимо: он привык спать на правом боку, а в теперешнем своем состоянии он никак не мог принять этого положения. С какой бы силой ни поворачивался он на правый бок, он неизменно сваливался опять на спину. Закрыв глаза, чтобы не видеть своих барахтающихся ног, он проделал это добрую сотню раз и отказался от этих попыток только тогда, когда почувствовал какую-то неведомую дотоле, тупую и слабую боль в боку".

"Ах ты господи, - подумал он, - какую я выбрал хлопотную профессию! Изо дня в день в разъездах. Деловых волнений куда больше, чем на месте, в торговом доме, а кроме того, изволь терпеть тяготы дороги, думай о расписании поездов, мирись с плохим, нерегулярным питанием, завязывай со все новыми и новыми людьми недолгие, никогда не бывающие сердечными отношения. Черт бы побрал все это!" Он почувствовал вверху живота легкий зуд; медленно подвинулся на спине к прутьям кровати, чтобы удобнее было поднять голову; нашел зудевшее место, сплошь покрытое, как оказалось, белыми непонятными точечками; хотел было ощупать это место одной из ножек, но сразу отдернул ее, ибо даже простое прикосновение вызвало у него, Грегора, озноб".

В кого так внезапно превратился невзрачный коммивояжер, бедняга Грегор? Явно в представителя членистоногих (Arthropoda), к которым принадлежат насекомые, пауки, многоножки и ракообразные. Если "многочисленных ножек", упомянутых вначале, больше шести, то с зоологической точки зрения Грегор не насекомое. Но мне представляется, что человек, проснувшийся на спине и обнаруживший у себя шесть колеблющихся в воздухе ножек, вполне может счесть, что шесть - это "много". Предположим поэтому, что у Грегора шесть ног, что он насекомое.

Следующий вопрос: какое насекомое? Комментаторы говорят "таракан", что, разумеется, лишено смысла. Таракан - насекомое плоское, с крупными ножками, а Грегор отнюдь не плоский: он выпуклый сверху и снизу, со спины и с брюшка, и ножки у него маленькие. Он похож на таракана лишь в одном отношении: у него коричневая окраска. Вот и все. Зато у него громадный выпуклый живот, разделенный на сегменты, и твердая округлая спина, что наводит на мысль о надкрыльях. У жуков под надкрыльями скрыты хлипкие крылышки, и, выпустив их, жук может преодолевать в неуклюжем полете многие километры. Любопытно, что жук Грегор так и не узнал, что под жестким покровом на спине у него есть крылья. (Это очень тонкое наблюдение с моей стороны, и вы будете ценить его всю жизнь. Некоторые Грегоры, некоторые Джоны и Дженни не знают, что у них есть крылья.) Кроме того, у Грегора имеются сильные челюсти - жвалы. С помощью этих органов, поднявшись на задние ножки (на третью, сильную пару ножек), он поворачивает ключ в замке. Таким образом, мы получаем представление о длине его тела - около метра. По ходу рассказа он постепенно приучается пользоваться своими конечностями и усиками. Это коричневый, выпуклый, весьма толстый жук размером с собаку. Мне он представляется таким:



В оригинале старая служанка-поденщица называет его Mistkafer - "навозным жуком". Ясно, что добрая женщина прибавляет этот эпитет из дружеского расположения. Строго говоря, он не навозный жук. Он просто большой жук. (Должен сказать, что как Грегор, так и Кафка не слишком ясно видят этого жука.)

Рассмотрим внимательно метаморфозу Грегора. Перемена эта, поразительная и шокирующая, не столь, однако, странна, как может показаться на

первый взгляд. Пол Ландсберг (Paul L. Landsberg, "The Kafka Problem, ed Angel Flores", 1946), комментатор здравомыслящий, замечает: "Уснув в незнакомой обстановке, мы нередко переживаем при пробуждении минуты растерянности, чувство нереальности, и с коммивояжером подобное может происходить многократно, учитывая его образ жизни, разрушающий всякое ощущение непрерывности бытия". Чувство реальности зависит от непрерывности, от длительности. В конце концов, не такая уж большая разница - проснуться насекомым или проснуться Наполеоном, Джорджем Вашингтоном. (Я знавал человека, который проснулся императором Бразилии.)

С другой стороны, изоляция, странность так называемой реальности - вечные спутницы художника, гения, первооткрывателя. Семья Замза вокруг фантастического насекомого - не что иное, как посредственность, окружающая гения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Теперь я намерен поговорить о структуре. Часть первую можно разделить на семь сцен, или сегментов:

Сцена I. Грегор просыпается. Он один. Он уже превратился в жука, но человеческие впечатления еще мешаются с новыми инстинктами насекомого. В конце сцены вводится пока еще человеческий фактор времени.

"И он взглянул на будильник, который тикал на сундуке. "Боже правый!" - подумал он. Было половина седьмого, и стрелки спокойно двигались дальше, было даже больше половины, без малого уже три четверти. Неужели будильник не звонил? <...> Следующий поезд уходит в семь часов; чтобы поспеть на него, он должен отчаянно торопиться, а набор образцов еще не упакован, да и сам он отнюдь не чувствует себя свежим и легким на подъем. И даже поспей он на поезд, хозяйского разноса ему все равно не избежать - ведь рассыльный торгового дома дежурил у пятичасового поезда и давно доложил о его, Грегора, опоздании". Он думает, не сказаться ли больным, но решает, что врач больничной кассы нашел бы его совершенно здоровым. "И разве в данном случае он был бы так уж не прав? Если не считать сонливости, действительно странной после такого долгого сна, Грегор и в самом деле чувствовал себя превосходно и был даже чертовски голоден".

Сцена II. Трое членов семьи стучатся в его двери из передней, из гостиной и из комнаты сестры и разговаривают с ним. Все они - паразиты, которые эксплуатируют его, выедают его изнутри. Это и есть человеческое наименование зуда, испытываемого жуком. Желание обрести какую-нибудь защиту от предательства, жестокости и низости воплотилось в его панцире, хитиновой оболочке, которая выглядит твердой и надежной поначалу, но в конце концов оказывается такой же уязвимой, как в прошлом его больная человеческая плоть и дух. Кто из трех паразитов - отец, мать или сестра - наиболее жесток? Сначала кажется, что отец. Но худший здесь не он, а сестра, больше всех любимая Грегором и предающая его уже в середине рассказа, в сцене с мебелью. Во второй сцене возникает тема дверей:

"...в дверь у его изголовья осторожно постучали.

- Грегор, - услыхал он (это была его мать), - уже без четверти семь. Разве ты не собирался уехать?

Этот ласковый голос! Грегор испугался, услыхав ответные звуки собственного голоса, к которому, хоть это и был, несомненно, прежний его голос, примешивался какой-то подспудный, но упрямый болезненный писк.<...>

- Да, да, спасибо, мама, я уже встаю.

Снаружи благодаря деревянной двери, по-видимому, не заметили, как изменился его голос. <...> Но короткий этот разговор обратил внимание остальных членов семьи на то, что Грегор вопреки ожиданию все еще дома, и вот уже в одну из боковых дверей стучал отец - слабо, но кулаком.

- Грегор! Грегор! - кричал он. - В чем дело?

И через несколько мгновений позвал еще раз, понизив голос:

- Грегор! Грегор!

А за другой боковой дверью тихо и жалостно говорила сестра:

- Грегор! Тебе нездоровится? Помочь тебе чем-нибудь?

Отвечая всем вместе: "Я уже готов", Грегор старался тщательным выговором и длинными паузами между словами лишить свой голос какой бы то ни было необычности. Отец и в самом деле вернулся к своему завтраку, но сестра продолжала шептать:

- Грегор, открой, умоляю тебя.

Однако Грегор и не думал открывать, он благословлял приобретенную в поездках привычку и дома предусмотрительно запирать на ночь все двери".

Сцена III. Грегор с мучительным трудом выбирается из постели. Здесь планирует человек, а действует жук: Грегор еще думает о своем теле как о человеческом, но теперь нижняя часть человека - это задняя часть жука, верхняя часть человека - передняя часть жука. Грегору кажется, что жук, стоящий на шести ногах, подобен человеку на четвереньках, и, пребывая в этом заблуждении, он упорно пытается встать на задние ноги. "Сперва он хотел выбраться из постели нижней частью своего туловища, но эта нижняя часть, которой он, кстати, еще не видел, да и не мог представить себе, оказалась малоподвижной; дело шло медленно; а когда Грегор наконец в бешенстве напропалую рванулся вперед, он, взяв неверное направление, сильно ударился о прутья кровати, и обжигающая боль убедила его, что нижняя часть туловища у него сейчас, вероятно, самая чувствительная.<...> Но потом он сказал себе: "Прежде чем пробьет четверть восьмого, я должен во что бы то ни стало окончательно покинуть кровать. Впрочем, к тому времени из конторы уже придут справиться обо мне, ведь контора открывается раньше семи". И он принялся выталкиваться из кровати, раскачивая туловище по всей его длине равномерно. Если бы он упал так с кровати, то, видимо, не повредил бы голову, резко приподняв ее во время падения. Спина же казалась достаточно твердой; при падении на ковер с ней, наверно, ничего не случилось бы. Больше всего беспокоила его мысль о том, что тело его упадет с грохотом и это вызовет за всеми дверями если не ужас, то уж, во всяком случае, тревогу. И все же на это нужно было решиться.<...> Но даже если бы двери не были заперты, неужели он действительно позвал бы кого-нибудь на помощь? Несмотря на свою беду, он не удержался от улыбки при этой мысли".

Сцена IV. Он еще продолжает возиться, когда вновь вторгается тема семьи - тема многих дверей, и по ходу этой сцены он наконец сползает с кровати и с глухим стуком падает на пол. Переговоры здесь напоминают хор греческой трагедии. Из фирмы прислали управляющего - выяснить, почему Грегор не явился на вокзал. Мрачная стремительность этой проверки нерадивого служащего имеет все черты дурного сна. Снова, как и во второй сцене, переговоры через закрытые двери. Отметим их последовательность: управляющий говорит из гостиной слева; сестра Грета разговаривает с братом из комнаты справа; мать с отцом присоединились к управляющему в гостиной. Грегор еще способен говорить, но голос его искажается все сильнее, и вскоре его речь становится невнятной. (В "Поминках по Финнегану" Джойса, написанных двадцатью годами позже, две прачки разговаривают через реку и постепенно превращаются в толстый вяз и камень.) Грегор не понимает, почему сестра в комнате слева не пошла к остальным. "Вероятно, она только сейчас встала с постели и еще даже не начала одеваться. А почему она плакала? Потому что он не вставал и не впускал управляющего, потому что он рисковал потерять место и потому что тогда хозяин снова стал бы преследовать родителей старыми требованиями". Бедный Грегор настолько привык быть всего лишь инструментом, используемым семьей, что вопроса о жалости не возникает: он не надеется даже, что ему посочувствует Грета. Мать и сестра переговариваются через закрытую комнату Грегора. Сестру и служанку посылают за врачом и слесарем. "А Грегору стало гораздо спокойнее. Речи его, правда, уже не понимали, хотя ему она казалась достаточно ясной, даже более ясной, чем прежде, - вероятно, потому, что его слух к ней привык. Но зато теперь поверили, что с ним творится что-то неладное, и были готовы ему помочь. Уверенность и твердость, с какими отдавались первые распоряжения, подействовали на него благотворно. Он чувствовал себя вновь приобщенным к людям и ждал от врача и слесаря, не отделяя, по существу, одного от другого, удивительных свершений".

Сцена V. Грегор открывает дверь. "Грегор медленно продвинулся со стулом к двери, отпустил его, навалился на дверь, припал к ней стоймя - на подушечках его лапок было какое-то клейкое вещество - и немного передохнул, натрудившись. А затем принялся поворачивать ртом ключ в замке. Увы, у него, кажется, не было настоящих зубов, - чем же схватить теперь ключ? - но зато челюсти оказались очень сильными; с их помощью он и в самом деле задвигал ключом, не обращая внимания на то, что, несомненно, причинил себе вред, ибо какая-то бурая жидкость выступила у него изо рта, потекла по ключу и закапала на пол.<...> Поскольку отворил он ее таким способом, его самого еще не было видно, когда дверь уже довольно широко отворилась. Сначала он должен был медленно обойти одну створку, а обойти ее нужно было с большой осторожностью, чтобы не шлепнуться на спину у самого входа в комнату. Он был еще занят этим трудным передвижением и, торопясь, ни на что больше не обращал внимания, как вдруг услышал громкое "О!" управляющего - оно прозвучало как свист ветра - и увидел затем его самого: находясь ближе всех к двери, тот прижал ладонь к

открытому рту и медленно пятился, словно его гнала какая-то невидимая, неодолимая сила. Мать - несмотря на присутствие управляющего, она стояла здесь с распущенными еще с ночи, взъерошенными волосами - сначала, стиснув руки, взглянула на отца, а потом сделала два шага к Грегору и рухнула, разметав вокруг себя юбки, опустив к груди лицо, так что ее совсем не стало видно. Отец угрожающе сжал кулак, словно желая вытолкнуть Грегора в его комнату, потом нерешительно оглядел гостиную, закрыл руками глаза и заплакал, и могучая его грудь сотрясалась".

Сцена VI. Боясь увольнения, Грегор пытается успокоить управляющего.

"- Ну вот, - сказал Грегор, отлично сознавая, что спокойствие сохранил он один, - сейчас я оденусь, соберу образцы и поеду. А вам хочется, вам хочется, чтобы я поехал? Ну вот, господин управляющий, вы видите, я не упрямец, я работаю с удовольствием; разъезды утомительны, но я не мог бы жить без разъездов. Куда же вы, господин управляющий? В контору? Да? Вы доложите обо всем? Иногда человек не в состоянии работать, но тогда как раз самое время вспомнить о прежних своих успехах в надежде, что тем внимательней и прилежнее будешь работать в дальнейшем, по устранении помехи". Но управляющий с ужасом и как бы в трансе отступает к лестнице. Грегор устремляется за ним - здесь великолепная деталь - на задних ногах, "но тут же, ища опоры, со слабым криком упал на все свои лапки. Как только это случилось, телу его впервые за это утро стало удобно; под лапками была твердая почва; они, как он, к радости своей, отметил, отлично его слушались, даже сами стремились перенести его туда, куда он хотел; и он уже решил, что вот-вот все его муки окончательно прекратятся". Мать вскакивает и, пятясь от него, опрокидывает кофейник на столе; горячий кофе льется на ковер.

"- Мама, мама, - тихо сказал Грегор и поднял на нее глаза.

На мгновение он совсем забыл об управляющем; однако при виде льющегося кофе он не удержался и несколько раз судорожно глотнул воздух. Увидев это, мать снова вскрикнула..." Грегор, вспомнив об управляющем, "пустился было бегом, чтобы вернее его догнать; но управляющий, видимо, догадался о его намерении, ибо, перепрыгнув через несколько ступенек, исчез. Он только воскликнул: "Фу!" - и звук этот разнесся по лестничной клетке".

Сцена VII. Отец грубо загоняет Грегора обратно в комнату, топая ногами и одновременно размахивая палкой и газетой. Грегор не может пролезть в одну створку двери, но поскольку отец продолжает наступление, он не оставляет своих попыток и застревает. "Одна сторона его туловища поднялась, он наискось лег в проходе, один его бок был совсем изранен, на белой двери остались безобразные пятна; вскоре он застрял и уже не мог самостоятельно двигаться дальше, на одном боку лапки повисли, дрожа, вверху; на другом они были больно прижаты к полу. И тогда отец с силой дал ему сзади поистине спасительного пинка, и Грегор, обливаясь кровью, влетел в свою комнату. Дверь захлопнули палкой, и наступила долгожданная тишина".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сцена I. Первая попытка накормить жесткокрылого Грегора. Полагая, что его состояние - род противной, но не безнадежной болезни, которая со временем может пройти, его вначале сажают на диету больного человека - ему предлагают молоко. Нам все время напоминают о дверях - двери тихо открываются и закрываются в потемках. Из кухни через переднюю к его двери приближаются легкие шаги сестры, и, пробудившись от сна, он обнаруживает, что к нему в комнату поставили миску с молоком. В столкновении с отцом он повредил одну ножку; она заживет, но в этой сцене Грегор хромает и волочит ее по полу. Грегор - большой жук, но меньше человека и более хрупок, чем человек. Он направляется к миске. Увы, его все еще человеческий ум предвкушает сладкую похлебку из молока с мягким белым хлебом, а желудок и вкусовые бугорки жука не принимают еды млекопитающих. Хотя он очень голоден, молоко ему отвратительно, и он отползает на середину комнаты.

Сцена II. Тема дверей продолжается, и вступает тема длительности. Мы станем свидетелями того, как проходят дни и вечера Грегора в эту фантастическую зиму 1912 года, как он открывает для себя убежище под диваном. Но послушаем-ка и посмотрим вместе с Грегором через щелку в приоткрытой двери, что творится в гостиной слева. Отец его, бывало, читал вслух газеты жене и дочери. Теперь этого нет, квартира безмолвна, хотя и заселена по-прежнему; однако в целом семья начинает привыкать к ситуации. С их сыном и братом случилась ужасная перемена; тут-то, казалось бы, и выскочить на улицу, в слезах и с воплями о помощи, вне себя от горя - но нет, эти трое мещан живут себе как ни в чем не бывало.

Не знаю, читали ли вы года два назад в газетах о том, как совсем молоденькая девушка с молодым человеком убила свою мать. Начинается с совершенно кафкианской сцены: мать возвращается домой, застает дочь с молодым человеком в спальне, и молодой человек бьет мать молотком - несколько раз, после чего утаскивает. Но женщина еще корчится и стонет, и юноша говорит возлюбленной: "Дай молоток. Надо еще разок ее стукнуть". Вместо этого подруга дает ему нож, и он бьет мать ножом - много-много раз, до смерти, - воображая, вероятно, что это комикс: человека бьют, он видит много звездочек и восклицательных знаков, но потом оживает - к следующему выпуску. У физической жизни, однако, следующих выпусков нет, и девушке с юношей надо куда-то деть маму. "О, алебастр, он ее полностью растворит!" Конечно растворит, чудесная мысль - засунуть ее в ванну, залить алебастром, и дело с концом. А пока мама лежит в алебастре (напрасно лежит - может быть, алебастр не тот), девушка и юноша закатывают вечеринки с пивом. Сколько веселья! Пластинки с чудной музыкой, чудное пиво в банках. "Только в ванную, ребята, не ходите. В ванной черт знает что".

Я пытаюсь показать вам, что в так называемой реальной жизни мы иногда находим большое сходство с ситуацией из рассказа Кафки. Обратите внимание на душевный склад этих идиотов у Кафки, которые наслаждаются вечерней газетой, невзирая на фантастический ужас, поселившийся в их квартире. "До чего же, однако, тихую жизнь ведет моя семья", - сказал себе Грегор и, уставившись в темноту, почувствовал великую гордость от сознания, что он сумел добиться для своих родителей и сестры такой жизни в такой прекрасной квартире". Комната высокая и пустая, и жук постепенно вытесняет в Грегоре человека. Высокая комната, "в которой он вынужден был плашмя лежать на полу, пугала его, хотя причины своего страха он не понимал, ведь он жил в этой комнате вот уже пять лет, и, повернувшись почти безотчетно, он не без стыда поспешил уползти под диван, где, несмотря на то что спину ему немного прижало, а голову уже нельзя было поднять, он сразу же почувствовал себя очень уютно и пожалел только, что туловище его слишком широко, чтобы поместиться целиком под диваном".

Сцена III. Сестра приносит Грегору несколько блюд на выбор. Она уносит миску с молоком, правда, не просто руками, а с помощью тряпки, поскольку к посуде прикасался отвратительный монстр. Она, однако, умненькая, эта сестра, и подает ему целый набор - овощи с гнильцой, старый сыр, кости с белым застывшим соусом, - и Грегор набрасывается на угощение. "Со слезящимися от наслаждения глазами он быстро уничтожил подряд сыр, овощи, соус; свежая пища, напротив, ему не нравилась, даже запах ее казался ему несносным, и он оттаскивал в сторону от нее куски, которые хотел съесть". Сестра, давая понять, что ему пора удалиться, медленно поворачивает ключ в замке, а затем входит и убирает за ним; раздувшийся от еды Грегор в это время прячется под диваном.

Сцена IV. Роль сестры Греты увеличивается. Это она кормит жука; она одна входит в его логово, вздыхая и порой взывая к святым - семья ведь такая христианская. Чудесный эпизод, где кухарка, упав на колени перед матерью, просит рассчитать ее. Со слезами на глазах она благодарит за увольнение - словно отпущенная на волю раба - и, хотя никто ее не просил, торжественно клянется ни слова не говорить о том, что произошло в семье Замза. "Грегор получал теперь еду ежедневно - один раз утром, когда родители и прислуга еще спали, а второй раз после общего обеда, когда родители опять-таки ложились поспать, а прислугу сестра усылала из дому с каким-нибудь поручением. Они тоже, конечно, не хотели, чтобы Грегор умер с голоду, но знать все подробности кормления Грегора им было бы, вероятно, невыносимо тяжело, и, вероятно, сестра старалась избавить их хотя бы от маленьких огорчений, потому что страдали они в самом деле достаточно".

Сцена V. Гнетущая сцена. Выясняется, что, когда Грегор был человеком, семья обманывала его. Он поступил на эту кошмарную службу, желая помочь отцу, пять лет назад обанкротившемуся. "К этому все привыкли - и семья, и сам Грегор; деньги у него с благодарностью принимали, а он охотно их давал, но особой теплоты больше не возникало. Только сестра осталась все-таки близка Грегору; и, так как она в отличие от него очень любила музыку и трогательно играла на скрипке, у Грегора была тайная мысль определить ее на будущий год в консерваторию, несмотря на большие расходы, которые это вызовет и которые придется покрыть за счет чего-то другого. Во время коротких задержек Грегора в городе в разговорах с сестрой часто упоминалась консерватория, но упоминалась всегда как прекрасная, несбыточная мечта, и даже эти невинные упоминания вызывали у родителей неудовольствие; однако Грегор думал о консерватории очень определенно и собирался торжественно заявить о своем намерении в канун Рождества". Теперь Грегор подслушивает разъяснения отца касательно того, "что, несмотря на все беды, от старых времен сохранилось еще маленькое состояние и что оно, так как процентов не трогали, за эти годы даже немного выросло. Кроме того, оказалось,

что деньги, которые ежемесячно приносил домой Грегор - он оставлял себе всего несколько гульденов, - уходили не целиком и образовали небольшой капитал. Стоя за дверью, Грегор усиленно кивал головой, обрадованный такой неожиданной предусмотрительностью и бережливостью. Вообще-то он мог бы этими лишними деньгами погасить часть отцовского долга и приблизить тот день, когда он, Грегор, волен был бы отказаться от своей службы, но теперь оказалось несомненно лучше, что отец распорядился деньгами именно так". Семья считает, что эти деньги надо отложить на черный день, - но откуда тогда взять деньги на жизнь? Отец пять лет не работал, и на него мало надежды. Мать страдает астмой и зарабатывать деньги не в состоянии. "Или, может быть, их следовало зарабатывать сестре, которая в свои семнадцать лет была еще ребенком и имела полное право жить так же, как до сих пор, - изящно одеваться, спать допоздна, помогать в хозяйстве, участвовать в каких-нибудь скромных развлечениях и прежде всего играть на скрипке? Когда заходила речь об этой необходимости заработка, Грегор всегда отпускал дверь и бросался на прохладный кожаный диван, стоявший близ двери, потому что ему делалось жарко от стыда и от горя".

Сцена VI. Между братом и сестрой образуются новые отношения, связанные на этот раз не с дверью, а с окном. Грегор, "не жалея трудов, придвигал кресло к окну, вскарабкивался к проему и, упершись в кресло, припадал к подоконнику, что было явно только каким-то воспоминанием о чувстве освобождения, охватывавшем его прежде, когда он выглядывал из окна". Грегор или Кафка, видимо, полагают, что тяга Грегора к окну обусловлена человеческими воспоминаниями. В действительности же это типичная реакция насекомого на свет; на подоконниках всегда находишь разных пыльных насекомых - мотылька кверху лапками, увечную долгоножку, бедную козявку, запутавшуюся в паутине, муху, с жужжанием бьющуюся в стекло. Человеческое зрение Грегора слабеет, он уже не различает дом на другой стороне улицы. Общая идея насекомого доминирует над человеческими деталями. (Но не будем сами насекомыми. Изучим прежде каждую деталь рассказа; общая идея сложится сама собой, когда мы будем располагать всеми необходимыми данными.) Сестра не понимает, что у Грегора сохранилось человеческое сердце, человеческая чувствительность, понятия о приличии, смирение и трогательная гордость. Она ужасно расстраивает брата, когда бежит к окну, с шумом распахивает его, чтобы вдохнуть свежий воздух, и даже не пытается скрыть, что вонь в его логове для нее непереносима. Не скрывает она и тех чувств, которые вызывает у нее облик Грегора. Однажды, когда прошло уже около месяца после его превращения, "и у сестры, следовательно, не было особых причин удивляться его виду - она пришла немного раньше обычного и застала Грегора глядящим в окно, у которого он неподвижно стоял, являя собой довольно страшное зрелище.<...> Но она не просто не вошла, а отпрянула назад и заперла дверь; постороннему могло бы показаться даже, что Грегор подстерегал ее и хотел укусить. Грегор, конечно, сразу же спрятался под диван, но ее возвращения ему пришлось ждать до полудня, и была в ней какая-то необычная встревоженность". Это причиняло ему боль, и никто даже не понимал какую. Проявляя необыкновенную чуткость и пытаясь избавить сестру от мерзкого зрелища, Грегор "однажды перенес на спине - на эту работу ему потребовалось четыре часа - простыню на диван и положил ее таким образом, чтобы она скрывала его целиком и сестра, даже нагнувшись, не могла увидеть его,<...> и Грегору показалось даже, что он поймал благодарный взгляд, когда осторожно приподнял головой простыню, чтобы посмотреть, как приняла это нововведение сестра".

Заметьте, какой он хороший и добрый, наш бедный маленький монстр. Превращение в жука, исказившее, изуродовавшее его тело, кажется, еще ярче высветило его человеческую прелесть. Его крайнее бескорыстие, постоянная забота о нуждах родственников на фоне ужасного несчастья выступают особенно рельефно. Мастерство Кафки проявляется в том, как он накапливает, с одной стороны, энтомологические черты Грегора, все печальные подробности облика насекомого, а с другой - прозрачно и живо раскрывает перед читателем его нежную, тонкую человеческую душу.

Сцена VII. Переставляют мебель. Прошло два месяца. До сих пор его навещала только сестра; но, говорит себе Грегор, она еще ребенок и взяла на себя заботу обо мне только по детскому легкомыслию. Мать, наверно, понимает ситуацию лучше. И вот в седьмой сцене мать, хилая и бестолковая астматичка, впервые войдет к нему в комнату. Кафка тщательно подготавливает эту сцену. Грегор приобрел привычку ползать для развлечения по стенам и потолку. Это высшее из жалких блаженств, доступных жуку. "Сестра сразу заметила, что Грегор нашел новое развлечение - ведь, ползая, он повсюду оставлял следы клейкого вещества, - и решила предоставить ему как можно больше места для этого занятия, выставив из комнаты мешавшую ему ползать мебель, то есть прежде всего сундук и письменный стол". На помощь призвана мать. Мать направляется к двери с "возгласами взволнованной радости", но, когда она входит в таинственные покои, эта неуместная и автоматическая реакция сменяется красноречивым молчанием. "Сестра, конечно,

сначала проверила, все ли в порядке в комнате; лишь после этого она впустила мать. Грегор с величайшей поспешностью скомкал и еще дальше потянул простыню; казалось, что простыня брошена на диван и в самом деле случайно. На этот раз Грегор не стал выглядывать из-под простыни; он отказался от возможности увидеть мать уже в этот раз, но был рад, что она наконец пришла.

- Входи, его не видно, - сказала сестра и явно повела мать за руку".

Женщины возятся с тяжелой мебелью, и тут мать высказывает некую человеческую мысль, наивную, но добрую, беспомощную, но продиктованную чувством: "Разве, убирая мебель, мы не показываем, что перестали надеяться на какое-либо улучшение и безжалостно предоставляем его самому себе? По-моему, лучше всего постараться оставить комнату такой же, какой она была прежде, чтобы Грегор, когда он к нам возвратится, не нашел в ней никаких перемен и поскорее забыл это время". В Грегоре борются две эмоции. Жуку в пустой комнате с голыми стенами будет удобнее ползать: единственное, что ему нужно, это какой-нибудь отнорок, укрытие под тем же незаменимым диваном, а прочие человеческие удобства и украшения ни к чему. Но голос матери напоминает Грегору о его человеческом прошлом. К несчастью, сестра приобрела странную самоуверенность и считает себя экспертом по делам Грегора, в отличие от родителей. "Может быть, впрочем, тут сказалась и свойственная девушкам этого возраста пылкость воображения, которая всегда рада случаю дать себе волю и теперь побуждала Грету сделать положение Грегора еще более устрашающим, чтобы оказывать ему еще большие, чем до сих пор, услуги". Здесь любопытная нота: властная сестра, деспотичная сестра из сказок, командующая глупыми родственниками, гордые сестры Золушки, жестокий символ здоровья, молодости и цветущей красоты в доме горя и пыли. В конце концов они все-таки решают вынести мебель, но тяжелый сундук неохотно поддается их усилиям. Грегор в страшной панике. Его единственным хобби было выпиливание лобзиком, а лобзик он держит в сундуке.

Сцена VIII. Грегор пытается спасти портрет в рамке, которую он выпилил драгоценным лобзиком. Кафка разнообразит свои эффекты: каждый раз жук появляется перед родственниками в другой позе, в новом месте. Пока женщины возятся с письменным столом и не замечают его, он выскакивает из своего убежища, взбирается на стену и прилипает к портрету - сухим горячим брюшком прижимается к прохладному стеклу. От матери мало толку в этих такелажных работах, ее саму должна поддерживать дочь. Грета на протяжении всего рассказа остается сильной и бодрой, тогда как не только ее братом, но и родителями скоро (после сцены с метанием яблок) овладеет сонная одурь, грозящая перейти в тяжелое, распадное забытье. Грета же, с ее крепким здоровьем румяной молодости, станет им опорой.

Сцена IX. Несмотря на старания Греты, мать увидела Грегора - "огромное бурое пятно на цветастых обоях, вскрикнула, прежде чем до ее сознания по-настоящему дошло, что это и есть Грегор, визгливо-пронзительно: "Ах, боже мой, боже мой!", упала с раскинутыми в изнеможении руками на диван и застыла.

- Эй, Грегор! - крикнула сестра, подняв кулак и сверкая глазами.

Это были первые после случившегося с ним превращения слова, обращенные к нему непосредственно". Она выбегает в гостиную за какими-нибудь каплями, чтобы привести мать в чувство. "Грегор тоже хотел помочь матери - спасти портрет время еще было; но Грегор прочно прилип к стеклу и насилу от него оторвался; затем он побежал в соседнюю комнату, словно мог дать сестре какой-то совет, как в прежние времена, но вынужден был праздно стоять позади нее; перебирая разные пузырьки, она обернулась и испугалась; какой-то пузырек упал на пол и разбился; осколок ранил Грегору лицо, а его всего обрызгало каким-то едким лекарством: не задерживаясь долее, Грета взяла столько пузырьков, сколько могла захватить, и побежала к матери; дверь она захлопнула ногой. Теперь Грегор оказался отрезан от матери, которая по его вине была, возможно, близка к смерти; он не должен был открывать дверь, если не хотел прогнать сестру, а сестре следовало находиться с матерью; теперь ему ничего не оставалось, кроме как ждать; и, казнясь раскаянием и тревогой, он начал ползать, облазил все: стены, мебель и потолок - и наконец, когда вся комната уже завертелась вокруг него, в отчаянии упал на середину большого стола". Взаимное положение членов семьи изменилось. Мать (на диване) и сестра теперь находятся в средней комнате; Грегор - в комнате слева, в углу. "И, подбежав к двери своей комнаты, он прижался к ней, чтобы отец, войдя из передней, сразу увидел, что Грегор исполнен готовности немедленно вернуться к себе и что не нужно, следовательно, гнать его назад, а достаточно просто отворить дверь - и он сразу исчезнет".

Сцена X. Метание яблок. Отец Грегора переменился, и теперь он на вершине своего могущества. Это уже не тот человек, который устало лежал в постели и с трудом мог поднять в знак приветствия руку, а во время прогулок едва ковылял, опираясь на клюку. "Сейчас он был довольно-таки осанист; на нем был строгий синий мундир с золотыми пуговицами,

какие носят банковские рассыльные; над высоким тугим воротником нависал жирный двойной подбородок; черные глаза глядели из-под кустистых бровей внимательно и живо; обычно растрепанные седые волосы были безукоризненно причесаны на пробор и напомажены. Он бросил на диван, дугой через всю комнату, свою фуражку с золотой монограммой какого-то, вероятно, банка и, спрятав руки в карманы брюк, отчего фалды длинного его мундира отогнулись назад, двинулся на Грегора с искаженным от злости лицом. Он, видимо, и сам не знал, как поступит; но он необычно высоко поднимал ноги, и Грегор поразился огромному размеру его подошв".

Как всегда, Грегора чрезвычайно занимает движение человеческих ног, больших широких ступней, так не похожих на его копошащиеся конечности. Здесь вновь возникает тема замедленного движения. (Шаркающая ретирада управляющего тоже дана была в замедленном движении.) Теперь отец и сын медленно кружат по комнате. Маневры производятся так медленно, что даже не похожи на преследование. И тут отец начинает бомбардировать его яблоками - мелкими красными яблоками, за неимением в тесной гостиной других снарядов. Грегор загнан обратно в среднюю комнату, в свою насекомую резервацию. "Одно легко брошенное яблоко задело Грегору спину, но скатилось, не причинив ему вреда. Зато другое, пущенное сразу вслед, накрепко застряло в спине у Грегора. Грегор хотел отползти подальше, как будто перемена места могла унять внезапную невероятную боль, но он почувствовал себя словно бы пригвожденным к полу и растянулся, теряя сознание. Он успел увидеть только, как распахнулась дверь его комнаты и в гостиную, опережая кричавшую что-то сестру, влетела мать в нижней рубашке - сестра раздела ее, чтобы облегчить ей дыхание во время обморока, - как мать подбежала к отцу и с нее, одна за другой, свалились на пол развязанные юбки и как она, спотыкаясь о юбки, бросилась отцу на грудь и, обнимая его, целиком слившись с ним, - но тут зрение Грегора уже отказало, - охватив ладонями затылок отца, взмолилась, чтобы он сохранил Грегору жизнь".

Это конец второй части. Подведем итоги. Сестра стала относиться к Грегору с нескрываемой враждебностью. Когда-то, может быть, она его любила, но теперь он вызывает у нее гнев и отвращение. В госпоже Замза чувства борются с астмой. Она довольно механическая мать и по-своему, механически, любит сына; но вскоре мы убедимся, что и она готова отказаться от него. Отец, как уже было отмечено, достиг некоего пика внушительной и брутальной силы. С самого начала он жаждет нанести физический ущерб своему беспомощному сыну, и теперь брошенное им яблоко застряло в теле бедного насекомого Грегора.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сцена I. "Тяжелое ранение, от которого Грегор страдал более месяца (яблоко никто не отважился удалить, и оно так и осталось в теле наглядной памяткой), - тяжелое это ранение напомнило, кажется, даже отцу, что, несмотря на свой нынешний плачевный и омерзительный облик, Грегор все-таки член семьи, что с ним нельзя обращаться как с врагом, а нужно во имя семейного долга подавить отвращение и терпеть, только терпеть". Снова подхватывается тема дверей: по вечерам дверь из темной комнаты Грегора в освещенную гостиную оставляют открытой. В этой ситуации есть одна тонкость. В предыдущей сцене отец и мать были предельно энергичны: отец в роскошном мундире мечет маленькие красные бомбочки, символы плодовитости и мужества, а мать, несмотря на хилость бронхов, в самом деле двигает мебель. Но после пика наступает спад, слабость. Кажется, что сам отец чуть ли не на грани распада и превращения в хрупкого жука. Словно бы странные токи идут через эту открытую дверь. Болезнь ожуковления заразна, она как будто передалась от Грегора к отцу: вместе со слабостью, бурым неряшеством, грязью. "Отец вскоре после ужина засыпал в своем кресле; мать и сестра старались хранить тишину; мать, сильно нагнувшись вперед, ближе к свету, шила тонкое белье для магазина готового платья; сестра, поступившая в магазин продавщицей, занималась по вечерам стенографией и французским языком, чтобы, может быть, когда-нибудь позднее добиться лучшего места. Иногда отец просыпался и, словно не заметив, что спал, говорил матери: "Как ты сегодня опять долго шьешь!" - после чего тотчас же засыпал снова, а мать и сестра устало улыбались друг другу.

С каким-то упрямством отец отказывался снимать и дома форму рассыльного; и в то время как его халат без пользы висел на крючке, отец дремал на своем месте совершенно одетый, словно всегда был готов к службе и даже здесь только и ждал голоса своего начальника. Из-за этого его и поначалу-то не новая форма, несмотря на заботы матери и сестры, утратила опрятный вид, и Грегор, бывало, целыми вечерами глядел на эту хоть и сплошь в пятнах, но сверкавшую неизменно начищенными пуговицами одежду, в которой старик весьма неудобно и все же спокойно спал". Когда наступало время сна, отец неизменно отказывался идти в постель, несмотря на увещевания жены и дочери, и в

конце концов женщины брали его под мышки и поднимали из кресла. "И, опираясь на обеих женщин, медленно, словно не мог справиться с весом собственного тела, [он] поднимался, позволял им довести себя до двери, а дойдя до нее, кивал им, чтобы они удалились, и следовал уже самостоятельно дальше, однако мать в спехе бросала шитье, а сестра - перо, чтобы побежать за отцом и помочь ему улечься в постель". Мундир отца начинает напоминать наружный покров большого, но несколько потрепанного скарабея. Измотанная жена и дочь должны перемещать его из одной комнаты в другую и там - в постель.

Сцена II. Распад семьи Замза продолжается. Служанку увольняют, а нанимают, подешевле, поденщицу - огромную костистую женщину - на самые тяжелые работы. Замечу, что убирать и стряпать в Праге в 1912 году было сложнее, чем в Итаке в 1954-м. Замза вынуждены продавать семейные украшения. "Больше всего, однако, сетовали всегда на то, что эту слишком большую по теперешним обстоятельствам квартиру нельзя покинуть, потому что неясно, как переселить Грегора. Но Грегор понимал, что переселению мешает не только забота о нем, его-то можно было легко перевезти в каком-нибудь ящике с отверстиями для воздуха; удерживали семью от перемены квартиры главным образом полная безнадежность и мысль о том, что с ними стряслось такое несчастье, какого ни с кем из их знакомых и родственников никогда не случалось". Члены семьи полностью сосредоточены на себе, сил у них хватает только на то, чтобы выполнять свою каждодневную работу.

Сцена III. Последние человеческие воспоминания мелькают в сознании Грегора, и вызваны они еще живой потребностью заботиться о семье. Он даже вспоминает смутно девушек, которыми увлекался, "но, вместо того, чтобы помочь ему и его семье, оказывались, все [они] как один, неприступны, и он бывал рад, когда они исчезали". Эта сцена отдана Грете, которая со всей очевидностью выступает теперь как главный отрицательный персонаж. "Уже не раздумывая, чем бы доставить Грегору особое удовольствие, сестра теперь утром и днем, прежде чем бежать в свой магазин, ногою запихивала в комнату Грегора какую-нибудь еду, чтобы вечером, независимо от того, притронется он к ней или - как бывало чаще всего - оставит ее нетронутой, одним взмахом веника вымести эту снедь. Уборка комнаты, которой сестра занималась теперь всегда по вечерам, проходила как нельзя более быстро. По стенам тянулись грязные полосы, повсюду лежали кучи пыли и мусора. Первое время при появлении сестры Грегор забивался в особенно запущенные углы, как бы упрекая ее таким выбором места. Но если бы он даже стоял там неделями, сестра все равно не исправилась бы; она же видела грязь ничуть не хуже, чем он, она просто решила оставить ее. При этом она с совершенно не свойственной ей в прежние времена обидчивостью, овладевшей теперь вообще всей семьей, следила за тем, чтобы уборка комнаты Грегора оставалась только ее, сестры, делом". Однажды, когда мать затеяла большую уборку, изведя для этого несколько ведер воды - а Грегору сырость весьма неприятна, - происходит гротескная семейная ссора. Сестра разражается рыданиями; родители взирают на нее в беспомощном изумлении; "потом засуетились и они: отец, справа, стал упрекать мать за то, что она не предоставила эту уборку сестре; сестра же, слева, наоборот, кричала, что ей никогда больше не дадут убирать комнату Грегора; тем временем мать пыталась утащить в спальню отца, который от волнения совсем потерял власть над собой; сотрясаясь от рыданий, сестра колотила по столу своими маленькими кулачками; а Грегор громко шипел от злости, потому что никому не приходило в голову закрыть дверь и избавить его от этого зрелища и от этого шума".

Сцена IV. Любопытные отношения устанавливаются у Грегора с костистой поденщицей, которую он совсем не пугает, а скорее забавляет. Он даже нравится ей: "Поди-ка сюда, навозный жучок!" - говорит она. А за окном дождь - может быть, предвестие скорой весны.

Сцена V. Появляются постояльцы - три бородатых жильца, помешанных на порядке. Они - механические создания, их импозантные бороды - маскировка; на самом деле эти строгие господа - мерзавцы и прощелыги. Жильцы занимают спальню родителей, за гостиной слева. Родители перебираются в комнату сестры, справа от комнаты Грегора, а Грета вынуждена спать в гостиной - и своей комнаты у нее теперь нет, поскольку жильцы в гостиной ужинают и коротают вечера. Кроме того, три бородача привезли в обставленную квартиру еще и собственную мебель. У них дьявольская страсть к внешней опрятности, и все ненужные им вещи отправляются в комнату Грегора. То есть происходит обратное тому, что делалось с мебелью в сцене 7-й второй части, когда всю ее пытались из комнаты Грегора вынести. Тогда у нас был мебельный отлив, теперь - прилив, хлам приплывает назад, комната наполняется всякой всячиной. Любопытно, что Грегор, тяжело больной жук - рана с яблоком гноится, и он почти перестал есть, - получает удовольствие, ползая среди пыльной рухляди. В этой 5-й сцене третьей части, где совершаются все перемены, показано, как изменился характер

семейных трапез. Механическому движению бородатых ртов соответствуют механические реакции семьи Замза. Жильцы "уселись с того края стола, где раньше ели отец, мать и Грегор, развернули салфетки и взяли в руки ножи и вилки. Тотчас же в дверях появилась мать с блюдом мяса и сразу же за ней сестра - с полным блюдом картошки. От еды обильно шел пар. Жильцы нагнулись над поставленными перед ними блюдами, словно желая проверить их, прежде чем приступить к еде, и тот, что сидел посредине и пользовался, видимо, особым уважением двух других, и в самом деле разрезал кусок мяса прямо на блюде, явно желая определить, достаточно ли оно мягкое и не следует ли отослать его обратно. Он остался доволен, а мать и сестра, напряженно следившие за ним, с облегчением улыбнулись". Вспомним острый завистливый интерес Грегора к большим ногам; теперь беззубого Грегора интересуют и зубы. "Грегору показалось странным, что из всех разнообразных шумов трапезы то и дело выделялся звук жующих зубов, словно это должно было показать Грегору, что для еды нужны зубы и что самые распрекрасные челюсти, если они без зубов, никуда не годятся. "Да ведь и я чего-нибудь съел бы, - озабоченно говорил себе Грегор, - но только не того, что они. Как много эти люди едят, а я погибаю!"

Сцена VI. В этой великолепной музыкальной сцене жильцы, услышав скрипку Греты, играющей на кухне, и автоматически отреагировав на музыку как на своеобразный десерт, предлагают ей сыграть перед ними. Трое жильцов и трое хозяев размещаются в гостиной.

Не желая обидеть любителей музыки, замечу тем не менее, что в общем плане, с потребительской точки зрения, музыка является более примитивным, более животным видом искусства, чем литература и живопись. Я беру музыку в целом - не в плане личного творчества, воображения, сочинительства, а в плане ее воздействия на рядового слушателя. Великий композитор, великий писатель, великий художник - братья. Но я считаю, что воздействие, которое оказывает на слушателя музыка в общедоступной и примитивной форме, - это воздействие более низкого порядка, чем то, которое оказывает средняя книга или картина. Прежде всего я имею в виду успокаивающее, убаюкивающее, отупляющее действие музыки на некоторых людей - музыки в записи и по радио.

У Кафки в рассказе просто пиликает на скрипке девушка - это соответствует сегодняшней музыке, консервированной или эфирной. Кафка относился к музыке так, как я только что описал: он чувствовал в ней нечто животное, одурманивающее. Это отношение надо иметь в виду при интерпретации фразы, неверно понятой многими переводчиками. Сказано в ней буквально следующее: "Был ли Грегор животным, если музыка так волновала его?" То есть в бытность свою человеком он ее не очень любил, а теперь, став жуком, не может перед ней устоять: "Ему казалось, что перед ним открывается путь к желанной неведомой пище". Сцена развивается следующим образом. Сестра Грегора начинает играть жильцам. Игра привлекает Грегора, и он просовывает голову в гостиную. "Он почти не удивлялся тому, что в последнее время стал относиться к другим не очень-то чутко; прежде эта чуткость была его гордостью. А между тем именно теперь у него было больше, чем когда-либо, оснований прятаться, ибо из-за пыли, лежавшей повсюду в его комнате и при малейшем движении поднимавшейся, он и сам тоже был весь покрыт пылью; на спине и на боках он таскал с собой нитки, волосы, остатки еды; слишком велико было его равнодушие ко всему, чтобы ложиться, как прежде, по нескольку раз в день на спину и чиститься о ковер. Но, несмотря на свой неопрятный вид, он не побоялся продвинуться вперед по сверкающему полу гостиной".

Сперва никто его не замечает. Жильцы, "обманутые в своей надежде послушать хорошую игру на скрипке", отошли к окну и вполголоса переговаривались, явно дожидаясь окончания музыки. Но Грегору казалось, что сестра играет прекрасно. Он "прополз еще немного вперед и прижался головой к полу, чтобы получить возможность встретиться с ней глазами. Был ли он животным, если музыка так волновала его? Ему казалось, что перед ним открывается путь к желанной, неведомой пище. Он был полон решимости пробраться к сестре и, дернув ее за юбку, дать ей понять, чтобы она прошла со своей скрипкой в его комнату, ибо здесь никто не оценит ее игры так, как оценит эту игру он. Он решил не выпускать больше сестру из своей комнаты, по крайней мере до тех пор, покуда он жив; пусть ужасная его внешность сослужит ему наконец службу; ему хотелось, появляясь у всех дверей своей комнаты одновременно, шипеньем отпугивать всякого, кто подступится к ним; но сестра должна остаться у него не по принуждению, а добровольно; пусть она сядет рядом с ним на диван и склонит к нему ухо, и тогда он поведает ей, что был твердо намерен определить ее в консерваторию и что об этом, не случись такого несчастья, он еще в прошлое Рождество - ведь Рождество, наверно, уже прошло? - всем заявил бы, не боясь ничьих и никаких возражений. После этих слов сестра, растрогавшись, заплакала бы, а Грегор поднялся бы к ее плечу и поцеловал бы ее в шею, которую она, как поступила на службу, не закрывала ни

воротниками, ни лентами".

Средний жилец вдруг замечает Грегора, а отец, вместо того чтобы прогнать жука, как прежде, поступает наоборот: устремляется к троице, "стараясь своими широко разведенными руками оттеснить жильцов в их комнату и одновременно заслонить от их глаз Грегора своим туловищем. Теперь они и в самом деле начали сердиться - то ли из-за поведения отца, то ли обнаружив, что жили, не подозревая о том, с таким соседом, как Грегор. Они требовали от отца объяснений, поднимали в свою очередь руки, теребили бороды и лишь медленно отступали к своей комнате". Сестра бросается в комнату жильцов и быстро стелет им постели. Но отцом "видимо, снова настолько овладело его упрямство, что он забыл о всякой почтительности, с которой как-никак обязан был относиться к своим жильцам. Он все оттеснял и оттеснял их, покуда уже в дверях комнаты средний жилец не топнул громко ногой и не остановил этим отца.

- Позвольте мне заявить, - сказал он, подняв руку и поискав глазами также мать и сестру, - что ввиду мерзких порядков, царящих в этой квартире и в этой семье, - тут он решительно плюнул на пол, - я наотрез отказываюсь от комнаты. Разумеется, я ни гроша не заплачу и за те дни, что я здесь прожил, напротив, я еще подумаю, не предъявить ли мне вам каких-либо претензий, смею вас заверить, вполне обоснованных.

Он умолк и пристально посмотрел вперед, словно чего-то ждал. И действительно, оба его друга тотчас же подали голос:

- Мы тоже наотрез отказываемся.

После этого он взялся за дверную ручку и с шумом захлопнул дверь".

Сцена VII. Сестра полностью разоблачила себя; окончательное ее предательство фатально для Грегора.

"- Я не стану произносить при этом чудовище имя моего брата и скажу только: мы должны попытаться избавиться от него. <...>

- Мы должны попытаться избавиться от него, - сказала сестра, обращаясь только к отцу, ибо мать ничего не слышала за своим кашлем, - оно вас обоих погубит, вот увидите. Если так тяжело трудишься, как мы все, невмоготу еще и дома сносить эту вечную муку. Я тоже не могу больше.

И она разразилась такими рыданиями, что ее слезы скатились на лицо матери, которое сестра принялась вытирать машинальным движением рук". Отец и сестра согласны в том, что Грегор не понимает их, а посему договориться с ним о чем-либо невозможно.

"- Пусть убирается отсюда! - воскликнула сестра. - Это единственный выход, отец. Ты должен только избавиться от мысли, что это Грегор. В том-то и состоит наше несчастье, что мы долго верили в это. Но какой же он Грегор? Будь это Грегор, он давно бы понял, что люди не могут жить вместе с таким животным, и сам ушел бы. Тогда бы у нас не было брата, но зато мы могли бы по-прежнему жить и чтить его память. А так это животное преследует нас, прогоняет жильцов, явно хочет занять всю квартиру и выбросить нас на улицу".

То, что он исчез как человеческое существо и как брат, а теперь должен исчезнуть как жук, стало смертельным ударом для Грегора. Слабый и искалеченный, он с огромным трудом уползает в свою комнату. В дверях он оборачивается, и последний его взгляд падает на спящую мать. "Как только он оказался в своей комнате, дверь поспешно захлопнули, заперли на задвижку, а потом и на ключ. Внезапного шума, раздавшегося сзади, Грегор испугался так, что у него подкосились лапки. Это сестра так спешила. Она уже стояла наготове, потом легко метнулась вперед - Грегор даже не слышал, как она подошла, - и, крикнув родителям: "Наконец-то!", повернула ключ в замке". Очутившись в темноте, Грегор обнаруживает, что больше не может двигаться и, хотя ему больно, боль как будто уже проходит. "Сгнившего яблока в спине и образовавшегося вокруг него воспаления, которое успело покрыться пылью, он уже почти не ощущал. О своей семье он думал с нежностью и любовью. Он тоже считал, что должен исчезнуть, считал, пожалуй, еще решительней, чем сестра. В этом состоянии чистого и мирного раздумья он пребывал до тех пор, пока башенные часы не пробили три часа ночи. Когда за окном все посветлело, он еще жил. Потом голова его помимо его воли совсем опустилась, и он слабо вздохнул в последний раз".

Сцена VIII. Грегор мертв; утром служанка находит высохшее тело, и семью насекомых охватывает могучее, теплое чувство облегчения. Эту грань истории надо рассматривать внимательно и любовно. Грегор - человек в обличии насекомого; его родичи - насекомые в человеческом облике. Грегор умер, и насекомые их души сразу ощущают, что теперь можно радоваться жизни.

"- Зайди к нам на минутку, Грета, - сказала госпожа Замза с печальной улыбкой, и Грета, не переставая оглядываться на

труп, пошла за родителями в спальню".

Служанка распахивает окно настежь, в уличном воздухе уже чувствуется тепло: на исходе март, и насекомые пробуждаются от спячки.

Сцена IX. Чудесная картинка: жильцы угрюмо требуют завтрак, а вместо этого им показывают труп Грегора. "Они вошли туда и в уже совсем светлой комнате обступили труп Грегора, спрятав руки в карманах потертых своих пиджачков". Какое слово здесь ключевое? Потертые - на солнечном свету. Как в сказке, как в счастливом конце сказки: злые чары рассеиваются со смертью волшебника. Становится явным убожество жильцов, в них нет уже ничего грозного; семейство же Замза, наоборот, воспряло, исполнилось буйной жизненной силы, диктует условия. Сцена заканчивается повтором лестничной темы. Прежде по лестнице в замедленном движении отступал управляющий, цепляясь за перила. Сейчас г-н Замза велит присмиревшим жильцам покинуть квартиру. "В передней все три жильца сняли с вешалки шляпы, вытащили из подставки для тростей трости, молча поклонились и покинули квартиру". Спускаются три бородатых жильца, автоматы, заводные куклы; а семейство Замза, облокотясь на перила, наблюдает за их отбытием. Марши уходящей вниз лестницы, так сказать, моделируют членистые ножки насекомого; а жильцы, то исчезая, то появляясь опять, спускаются все ниже и ниже, с площадки на площадку, с сустава на сустав. В какой-то точке с ними встречается подручный мясника: сперва он виден внизу и поднимается им навстречу, а потом оказывается высоко над ними, гордо выпрямившийся, с корзиной на голове, полной красных бифштексов и сочных потрохов - сырого красного мяса, плодилища блестящих жирных мух.

Сцена X. Последняя сцена великолепна в своей иронической простоте. Весеннее солнце светит на сестру и родителей, пишущих - каллиграфия, членистые ножки, радостные лапки, три насекомых пишут три письма, - объяснительные записки своим начальникам. "Они решили посвятить сегодняшний день отдыху и прогулке; они не только заслуживали этого перерыва в работе, он был им просто необходим". Служанка, закончив утренние труды, уходит и с добродушным смешком говорит им: "Насчет того, как убрать это, можете не беспокоиться. Уже все в порядке". Г-жа Замза и Грета с сосредоточенным видом снова склонились над своими письмами, а г-н Замза, видя, что служанка намеревается рассказать все в подробностях, остановил ее решительным движением руки...

"- Вечером она будет уволена, - сказал господин Замза, но не получил ответа ни от жены, ни от дочери, ибо служанка нарушила их едва обретенный покой. Они поднялись, подошли к окну и, обнявшись, остановились там. Господин Замза повернулся на стуле в их сторону и несколько мгновений молча глядел на них. Затем он воскликнул:

- Подите же сюда! Забудьте наконец старое. И хоть немного подумайте обо мне.

Женщины тотчас повиновались, поспешили к нему, приласкали его и быстро закончили свои письма.

Затем они покинули квартиру все вместе, чего уже много месяцев не делали, и поехали на трамвае за город. Вагон, в котором они сидели одни, был полон теплого солнца. Удобно откинувшись на своих сиденьях, они обсуждали виды на будущее, каковые при ближайшем рассмотрении оказались совсем неплохими, ибо служба, о которой они друг друга до сих пор, собственно, и не спрашивали, была у всех у них на редкость удобная, а главное - она многое обещала в дальнейшем. Самым существенным образом улучшить их положение легко могла сейчас, конечно, перемена квартиры; они решили снять меньшую и более дешевую, но зато более уютную и вообще более подходящую квартиру, чем теперешняя, которую выбрал еще Грегор. Когда они так беседовали, господину и госпоже Замза при виде их все более оживлявшейся дочери почти одновременно подумалось, что, несмотря на все горести, покрывшие бледностью ее щеки, она за последнее время расцвела и стала пышной красавицей. Приумолкнув и почти безотчетно перейдя на язык взглядов, они думали о том, что вот и пришло время подыскать ей хорошего мужа. И как бы в утверждение их новых мечтаний и прекрасных намерений, дочь первая поднялась в конце их поездки и выпрямила свое молодое тело".

Подытожим основные темы рассказа.

1. Значительную роль в рассказе играет число три. Рассказ разделен на три части. В комнате Грегора три двери. Его семья состоит из трех человек. По ходу рассказа появляются три служанки. У трех жильцов три бороды. Три Замзы пишут три письма. Я опасаюсь чрезмерно педалировать значение символов, ибо, как только вы отрываете символ от художественного ядра книги, она перестает вас радовать. Причина в том, что есть художественные символы и есть банальные, выдуманные и даже дурацкие символы. Вы встретите немало таких глупых символов в психоаналитических и мифологических трактовках произведений Кафки - в модной смеси секса с мифологией, столь привлекающей

посредственные умы. Другими словами, символы могут быть подлинными, а могут быть банальными и глупыми. Абстрактное символическое значение истинно художественного произведения никогда не должно превалировать над прекрасной пламенеющей жизнью.

Так что акцент на числе три в "Превращении" имеет скорее эмблематический или геральдический характер, нежели символический. В сущности, роль его техническая. Троица, триплет, триада, триптих - очевидные формы искусства, как, например, три картины: юность, зрелость, старость - или любой другой троичный, трехчастный сюжет. Триптих означает картину или изваяние в трех отделениях, рядом, и как раз такого эффекта достигает Кафка, давая, например, три комнаты в начале рассказа - гостиную, комнату Грегора и комнату сестры, с комнатой Грегора в центре. Кроме того, трехчастное строение ассоциируется с тремя актами пьесы. И наконец, надо отметить, что фантазия Кафки подчеркнуто логична: что может быть родственнее логике, чем триада тезис - антитезис - синтез? Так что оставим кафкианскому символу "три" только эстетическое и логическое значения и полностью забудем обо всем, что вчитывают в него сексуальные мифологи под руководством венского шамана.

2. Другая тематическая линия - это линия дверей, отворяющихся и затворяющихся; она пронизывает весь рассказ.

3. Третья тематическая линия - подъемы и спады в благополучии семьи Замза; тонкий баланс между их процветанием и отчаянно жалким состоянием Грегора.

Есть и другие, второстепенные темы, но для понимания рассказа существенны только эти.

Обратите внимание на стиль Кафки. Ясность его речи, точная и строгая интонация разительно контрастируют с кошмарным содержанием рассказа. Его резкое, черно-белое письмо не украшено никакими поэтическими метафорами. Прозрачность его языка подчеркивает сумрачное богатство его фантазии. Контраст и единство, стиль и содержание, манера и материал слиты в нерасторжимое целое.

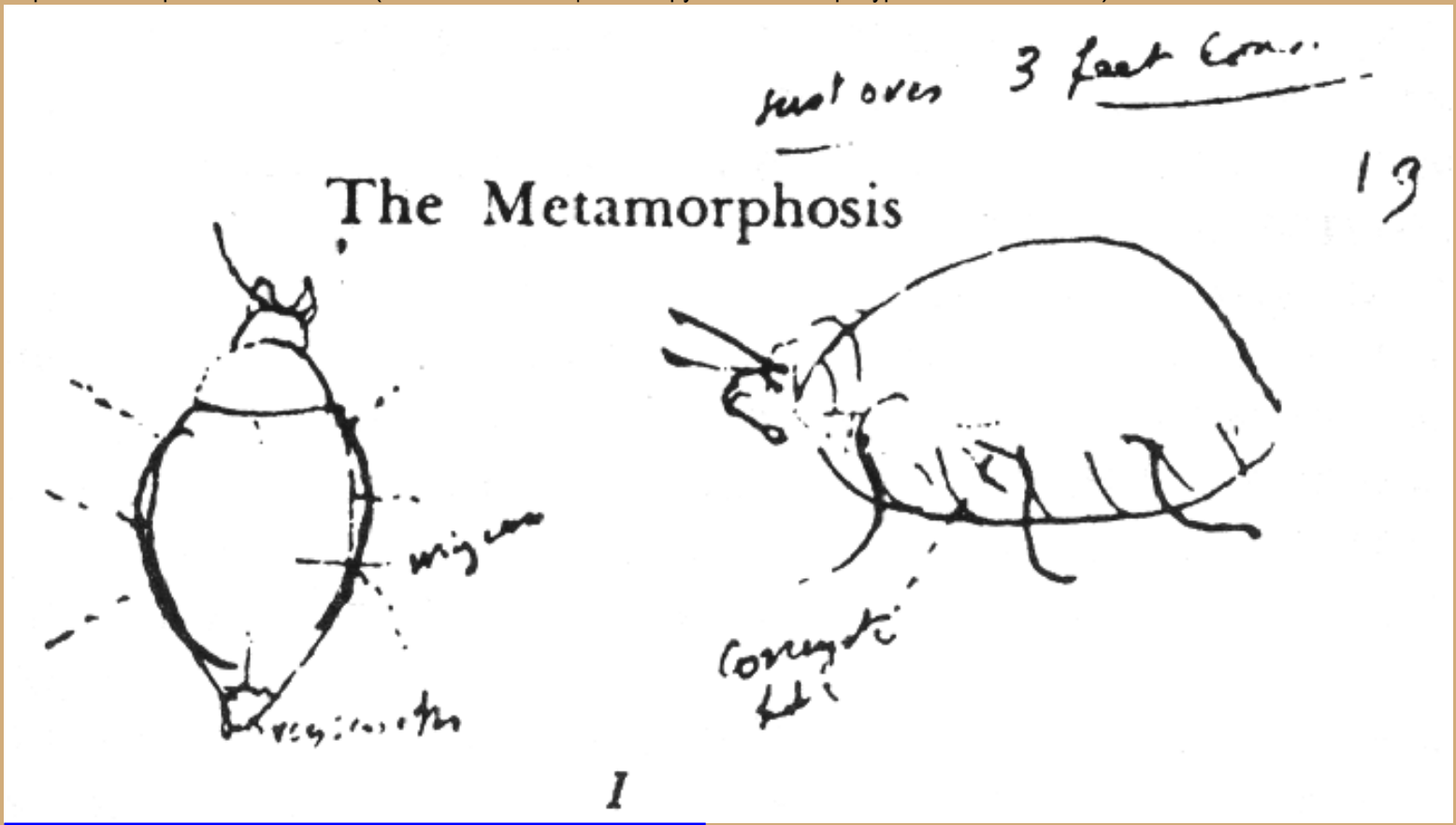
Владимир Набоков

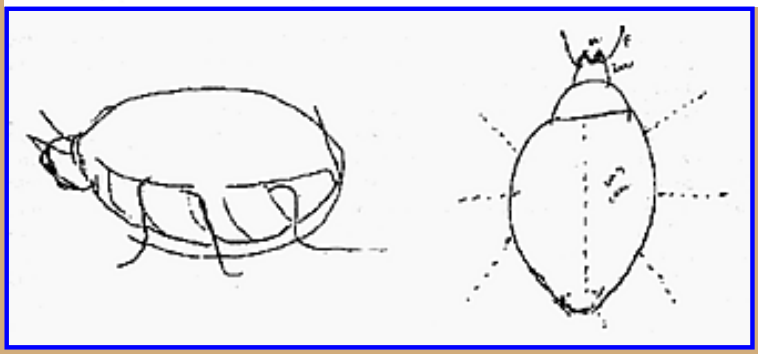
Перевод с английского В. Голышева

- **Рисунки Владимира Набокова к эссе о "Превращении" Франца Кафки (находки Риты Снайп)**
- **Фотография Владимира Набокова на энтомологической экскурсии (фото Хорста Таппе)**

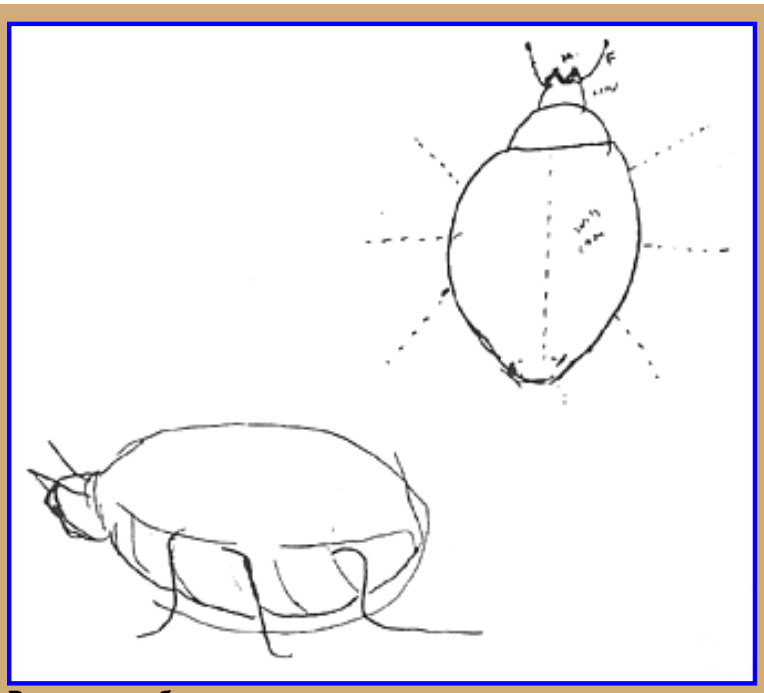
Рисунки Владимира Набокова к эссе о "Превращении" Франца Кафки (находки Риты Снайп)

Черновые наброски В. Набокова (В.Набоков - "Лекции по зарубежной литературе", М., 1998, с. 333)





Рисунки, опубликованные в журнале
"Иностранная литература"
(1997, N 11, с. 219)



Рисунки, опубликованные в книге
"Лекции по зарубежной литературе"
(М., 1998, с. 336)

Книжная графика Ивана Земцова

Иллюстрация к новелле Ф. Кафки "Превращение" (**Web: Иван Земцов**)

Иван Земцов родился в Пермской области, окончил институт в Нижнем Новгороде, живет и работает в Йошкар-Оле. Сферы его интересов далеки от жуков и колеоптерологии -- он профессионально занимается графикой, а работает в Научной библиотеке университета. Но его заинтересовал наш сайт и он любезно предложил использовать его рисунок на наших страницах (что мы с большим удовольствием и делаем!). Мы надеемся, что это не последний наш контакт с профессионалами в области искусства и литературы. Жуки неоднократно вдохновляли писателей и художников. Увидеть жуков их глазами, познакомиться с размышлениями искусствоведов и критиков на эту тему -- будет очень интересно и нам самим, и посетителям нашего сайта.

Если Вам понравился этот рисунок -- советуем Вам посетить **личный сайт Ивана Земцова**. Одна из его любимых тем в книжной графике -- фантастика. А еще он с удовольствием создает фирменные и товарные знаки. Его остросовременный стиль хорошо передает его собственная монограмма. Если Вам захочется **написать автору** -- будем рады: и он, и мы. Ведь одно из главных назначений Интернета -- образование новых связей.

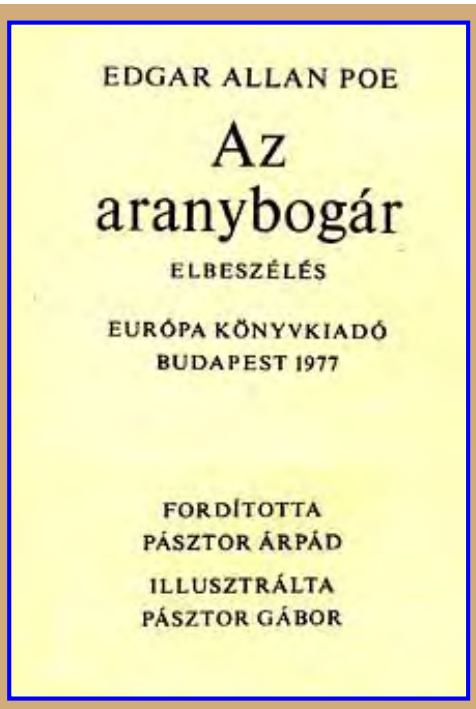
Андрей Лобанов, март 2000

"Золотой жук" Эдгара По - издания в разных странах с иллюстрациями разных художников

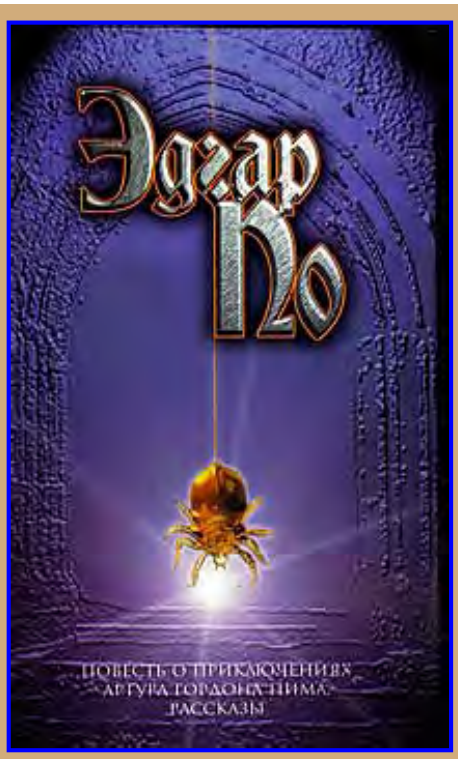
Рита Снайп & А.Г. Кирейчук & А.Л. Лобанов

"Золотой жук" Эдгара По занимает особое место в ряду литературных произведений, имеющих отношение к жукам. Жук не только фигурирует в названии, но и является важным смысловым элементом в фабуле. Какого именно жука имел в виду автор - вопрос спорный. Мы уже писали об этом. Тем более интересно посмотреть - как изображали "золотого жука" художники из разных стран. Рита Снайп подобрала книги для этой страницы. Александр Кирейчук отсканировал обложки и страницы книг, а Андрей Лобанов обработал изображения и скомпоновал их.

Миниатюрное венгерское издание размером со спичечный коробок



Российско-украинское издание 2000 года



ЗОЛОТОЙ ЖУК

Гляжу! Ах! Он кусает, как
Безумный.
Тарантул укусил его...
«Все не правда»

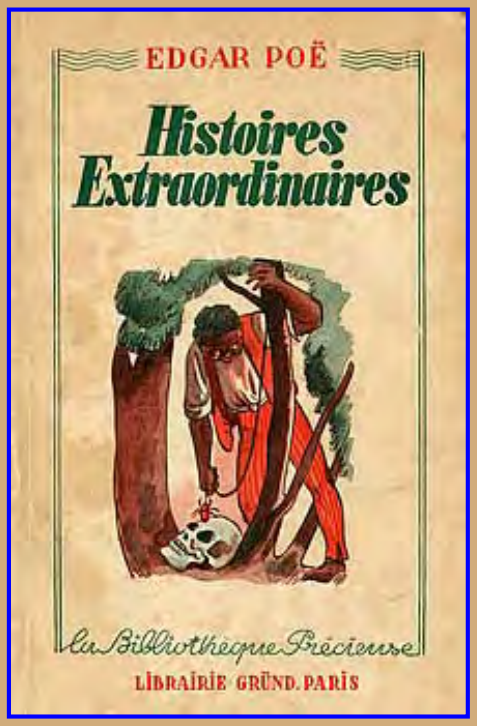
Много лет тому назад мне довелось близко познакомиться с неким Вильямом Леграном. Он происходил из старинной гугенотской семьи и был прежде богат, но неудачи, следовавшие одна за другой, довели его до нищеты. Чтобы избегнуть унижений, связанных с потерей богатства, он покинул Новый Орлеан, город своих предков, и поселился на Салливановом острове, побережье от Чарлстона в Южной Каролине.

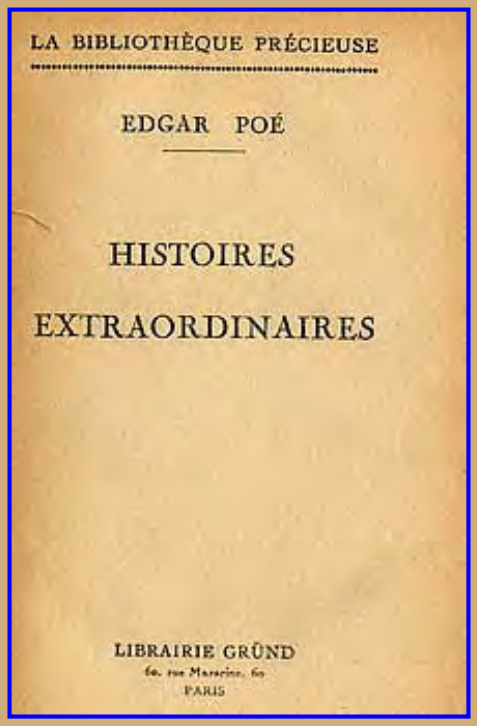
Это очень странный остров. Он тянется в длину миля на три и состоит почти что из одного морского песка. Ширина его нигде не превышает четверти мили. От материка он отделен едва заметным проливом, вода в котором с трудом пробивает себе путь сквозь тину и густой камыш — убежище болотных курочек. Деревьев на острове мало, и растут они плохо. Настоящего дерева не встретишь совсем. На западной оконечности острова, где возвышается форт Мультри и стоят несколько жалких строений, заселенных в летние месяцы городскими жителями, спасающимися от лихорадки и чарлстонской пыли,— можно увидеть низкую карликовую пальму. Зато весь остров, если не считать этого мыса на западе и белой, твердой, как камень, песчаной косы на востоке, покрыт частой зарослью душистого мирта, столь высоко ценимого английскими садоводами. Кусты его достигают нередко пятнадцати — двадцати футов и образуют непроходимую чащу, наполняющую воздух тяжким благоуханием и почти непроходимую для человека.

В сокровенных глубинах миртовой чащи, ближе к восточной, удаленной от материка оконечности острова, Легран соорудил себе хижину, где и обитал, когда я, по воле

6

Старинное французское издание





HISTOIRES EXTRAORDINAIRES

LE SCARABÉE D'OR

Oh ! oh ! qu'est-ce que cela ? Ce garçon a une folie dans les jambes ! Il a été mordu par la tarentule.

(Tout de travers)

Il y a quelques années, je me lisai intimement avec un monsieur William Legrand. Il était d'une ancienne famille protestante, et jadis il avait été riche ; mais une série de malheurs l'avait réduit à la misère. Pour éviter l'humiliation de ses désastres, il quitta la Nouvelle-Orléans, la ville de ses aïeux, et établit sa demeure dans l'île de Sullivan, près Charleston, dans la Caroline du Sud.

Cette île est des plus singulières. Elle n'est guère composée que de sable de mer et a environ trois milles de long. En largeur, elle n'a jamais plus d'un quart de mille. Elle est séparée du continent par une crique à peine visible, qui filtre à travers une masse de roseaux et de vase, rendez-vous habituel des poules d'eau. La végétation, comme on peut le supposer, est pauvre, ou, pour ainsi dire, naine. On n'y trouve pas d'arbres d'une certaine dimension. Vers l'extrémité occidentale, à l'endroit où s'élèvent le fort Moultrie et quelques misérables bâtisses de bois habitées pendant l'été par les gens qui fuient les poussières et les fièvres de Charleston, on rencontre il est vrai, le palmier nain sétigère ; mais, toute

68

Болгарское и польское издания

"Золотой жук" Эдгара По - издания в разных странах с иллюстрациями разных художников

Советское издание 1963 года для школьников

Персональная страница

Из личного фотоархива	Жуки в декоративно-прикладном искусстве	Жуки в рукоделии	Жуки в детских стихах
Жуки в ювелирных изделиях	Жуки на картинах известных художников	Жуки в музыке	Скарабей в искустве Древнего Египта и античности
Жуки и колеоптерологи в прозе	Жуки на выставке "ЗооАрт-2002"	Жуки в научно-популярных публикациях	Поздравления с праздниками

Рита Снайп
(Маргарита Николаевна Куликова)

По образованию - инженер;
по призванию - свободный художник;
главный эксперт нашего сайта по культурной энтомологии,
судья российской категории по парусному спорту

АДРЕС: Зверинская ул., 31, кв. 12
197198, Санкт-Петербург,
Россия
Дом. тел.: (812) 232-3681
E-mail: snipe_m@mail.ru

Рита Снайп (псевдоним, происходящий от английского "snipe" - кулик, корня настоящей фамилии и названия одного из классов яхт) родилась в Сибири, в Омске, училась в институте в Ленинграде и после этого стала петербурженкой. Работа в нашем Зоологическом институте оказала большое влияние на интересы и творчество Риты. Жизнь насекомых теперь находит отражение и в профиле ее домашней библиотеки, и в оформлении одежды, и в темах вышивок, и в батиках (особый вид росписи по тканям). Интересно, что о нашем сайте Рита узнала не от сотрудников ЗИН, а из газеты "На дне", где была опубликована заметка о сайте и о наших трудностях при отражении темы "Жуки в искусстве". С того момента Рита стала одним из самых активных авторов нашего сайта и с удовольствием нашла для него массу интересных материалов. Особый интерес к этому подогрело обнаружение в серьезном американском научном журнале "American Entomologist" огромных обзоров на темы захватившего многие страны движения "Культурная энтомология".

Эти краткие заметки были написаны мной в апреле 2001 года. С тех пор Рита сделала для развития нашего сайта так много, что переоценить ее вклад невозможно. Ею собраны материалы для нескольких десятков очень интересных страниц, касающихся всех жанров искусства и литературы. Как говорит сама Рита, у нее появился новый акцент в восприятии окружающей действительности - жуки в самых разных обличиях стали встречаться на каждом шагу, даже там, где ранее они бы остались незамеченными. Почти каждую неделю она приносит в редакцию сайта свои находки, которые я иногда не успеваю сразу оформлять в виде новых страниц. Теперь уже грех жаловаться, что в разделе "Жуки в искусстве и литературе" мало материалов. А в портфеле редакции еще много необработанных находок Риты. Конец 2001 года прошел у Риты "под знаком Скарабея" - ее увлечение темой скарабеев в древнеегипетском и античном искусстве вызвало лавину увлекательных фактов, книг, рисунков, которые частично уже опубликованы на нашем сайте. Я надеюсь, что наше сотрудничество с Ритой будет продолжаться и мы подарим любителям жуков еще много интересных сведений.

Андрей Лобанов, апрель 2001 - апрель 2002

Последнее обновление: 18 июля 2002 г.

- **Рита Снайп: из личного фотоархива**
- **Благодарственное письмо Чешского общества имени братьев Чапек**

Ян Ларри - "Необыкновенные приключения Карика и Вали"

Текст скопирован с сайта **LIB.RU**

1. **Часть I (главы 1-11)**
2. **Часть II (главы 12-18)**

- **Ян Ларри - "Необыкновенные приключения Карика и Вали" - часть 1 (главы 1-11)**
- **Ян Ларри - "Необыкновенные приключения Карика и Вали" - часть 2 (главы 12-18)**
- **К 100-летию со дня рождения Яна Ларри - очерк Евгения Харитонова**
- **Юбилейное издание "Необыкновенных приключений Карика и Вали" Яна Ларри (находка Риты Снайп)**

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

К 100-летию со дня рождения Яна Ларри - очерк Евгения Харитонова

Страница скопирована с сайта LIB.RU

Евгений ХАРИТОНОВ
Клуб Любителей Фантастики
газеты "Книжное обозрение".
30.11.2000

Ян Леопольдович Ларри [1900 - 1977]

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ-ФАНТАСТА В "СТРАНЕ СЧАСТЛИВЫХ"

Столетие со дня рождения Яна Ларри прошло незамеченным...

В декабре 1940 года на имя Сталина пришло необычное письмо:

"Дорогой Иосиф Виссарионович!

Каждый великий человек велик по-своему. После одного остаются великие дела, после другого - веселые исторические анекдоты. Один известен тем, что имел тысячи любовниц, другой - необыкновенных Буцефалов, третий - замечательных шутов. Словом, нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами.

Ни у одной исторической личности не было еще своего писателя. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека. Впрочем, и в истории литературы не найти таких писателей, у которых был бы один-единственный читатель...

Я беру перо в руки, чтобы восполнить этот пробел.

Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы.

Возможно, что мои литературные способности не встретят Вашего одобрения, но за это, надеюсь, Вы не осудите меня, как не осуждают людей за рыжий цвет волос или за выщербленные зубы. Отсутствие талантливости я постараюсь заменить усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам.

Дабы не утомить Вас и не нанести Вам травматического повреждения обилием скучных страниц, я решил посылать свою первую повесть коротенькими главами, твердо памятуя, что скука, как и яд, в небольших дозах не только не

угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей.

Вы никогда не узнаете моего настоящего имени. Но я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга - создает литературное произведение для единственного человека, и этот чудак, не придумав ни одного путного псевдонима, решил подписываться Кулиджары..."

К письму прилагались первые главы фантастической повести "Небесный гость" (всего автор успел переслать семь глав). Сюжет ее внешне незамысловат: Землю посещает пришелец с Марса, где, как выясняется, "советское государство существует уже 117 лет".

Рассказчик, выполняющий функции гида, знакомит инопланетянина с жизнью в СССР. Все последующее повествование представляет собой серию диалогов марсианина с представителями различных социальных слоев - писателем, ученым, инженером, колхозником, рабочим. Но до чего же много сказано в этих нескольких главках!

Вот, например, что говорит марсианин, ознакомившись с подшивкой советских газет:

"А скучноватая у вас жизнь на Земле. Читал, читал, но так ничего и не мог понять. Чем вы живете? Какие проблемы волнуют вас? Судя по вашим газетам, вы только и занимаетесь тем, что выступаете с яркими, содержательными речами на собраниях да отмечаете разные исторические даты и справляете юбилеи. А разве ваше настоящее так уж отвратительно, что вы ничего не пишете о нем? И почему никто из вас не смотрит в будущее? Неужели оно такое мрачное, что вы боитесь заглянуть в него?"

Дальше - больше. Посланец Марса узнает об ужасающей бедности страны, причиной которой является "гипертрофическая централизация всего нашего аппарата, связывающая по рукам и ногам инициативу на местах", о бездарности и бессмысленности большинства законов, о том, как выдумываются "враги народа", о трагическом положении крестьянства, о ненависти большевиков к интеллигенции и о том, что во главе большинства учебных заведений и научных учреждений стоят люди, "не имеющие никакого представления о науке".

С пронзительной прямотой загадочный автор сообщает о развале культуры: "Большевики упразднили литературу и искусство, заменив то и другое мемуарами да так называемым "отображением". Ничего более безыдейного нельзя, кажется, встретить на протяжении всего существования искусства и литературы. Ни одной свежей мысли, ни одного нового слова не обнаружите вы ни в театрах, ни в литературе".

А еще в повести было сказано о мнимости свободы печати, которая "осуществляется с помощью предварительной цензуры", и о боязни людей говорить правду.

Через четыре месяца после получения первого письма всемогущему НКВД все же удалось "вычислить" отправителя. Им оказался известный писатель, автор самой популярной детской фантастической книги конца 30-х "Необыкновенные приключения Карика и Вали" Ян Леопольдович Ларри. Он не был ярым антисоветчиком. Писатель искренне верил в то, что "дорогой Иосиф Виссарионович" пребывает в неведении относительно творящихся в стране безобразий.

11 апреля 1941 года Ларри был арестован. В обвинительном заключении говорилось:

"Посылаемые Ларри в адрес ЦК ВКП(б) главы этой повести написаны им с антисоветских позиций, где он извращал советскую действительность в СССР, привел ряд антисоветских клеветнических измышлений о положении трудящихся в Советском Союзе. Кроме того, в этой повести Ларри также пытался дискредитировать комсомольскую организацию, советскую литературу, прессу и другие проводимые мероприятия Советской власти".

5 июля того же года судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила Яна Ларри к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет (по статье 58-10 УК РСФСР).

x x x

Ян Леопольдович Ларри родился 15 февраля 1900 года. Относительно места его рождения до сих пор существует неясность. Согласно некоторым энциклопедиям и справочникам, он родился в Риге, но в своей автобиографии писатель указывает Подмосковье, где в то время работал его отец.

Жизнь никогда не жалела его - ни в детстве, ни потом, когда он добился литературной известности.

Осиротев в десятилетнем возрасте, Ян долгое время бродяжничал. Из детского приюта, куда его пытались пристроить, он сбежал. Работал мальчиком в трактире, учеником часовщика. Затем жил в семье педагога Доброхотова и даже экстерном сдал экзамены за курс гимназии. И снова - скитания по городам и весям России. Сразу после революции Ларри впервые приезжает в Петроград и пытается поступить в университет, но безрезультатно.

Спустя несколько лет он все-таки получит высшее образование на биологическом факультете Харьковского университета. А пока Ян Ларри вступает в Красную Армию, участвует в Гражданской войне, пока тиф, перенесенный дважды, не вынуждает будущего писателя покинуть военную службу.

Судьба привела его в Харьков, где он устроился в газету "Молодой ленинец". С 1923 года Ларри активно выступает как журналист, а уже в 1926-м в харьковских издательствах выходят в свет его первые книги - "Украдена Краіна" и "Грустные и смешные истории о маленьких людях", адресованные детям. В том же году молодой литератор перебирается в Ленинград, где работает в журнале "Рабселькор" и газете "Ленинградская правда".

С 1928-го Ян Ларри - на "вольных хлебах". Перспективный детский прозаик, тяготеющий к сказочно-фантастической форме, он много печатается. Одна за другой выходят книги "Пять лет" (1929, в соавт. с А.Лифшицем), "Окно в будущее" (1929), "Как это было" (1930), "Записки конноармейца" (1931). Однако за благосклонность издателей пришлось заплатить слишком высокую цену. Много позже в автобиографических заметках Ларри красноречиво опишет положение детского писателя в советской литературе 30-х годов:

"Вокруг детской книги лихо канканировали компрачикосы детских душ - педагоги, "марксистские ханжи" и другие разновидности душителей всего

живого, когда фантастику и сказки выжигали каленым железом... Мои рукописи так редактировали, что я и сам не узнавал собственных произведений, ибо, кроме редакторов книги, деятельное участие в исправлении "опусов" принимали все, у кого было свободное время, начиная от редактора издательства и кончая работниками бухгалтерии... Все, что редакторы "улучшали", выглядело настолько убого, что теперь мне стыдно считаться автором тех книжек".

После выхода в свет повести-утопии "Страна счастливых" (1931) имя писателя на несколько лет оказалось в "черных списках". Эта книга, написанная в жанре социальной фантастики, стала своеобразным прологом к "Небесному гостю". В "Стране счастливых" автор изложил не столько "марксистский", сколько романтический, идеалистический взгляд на коммунистическое будущее - изложил, отвергая тоталитаризм и моделируя возможность глобальной катастрофы, связанной с истощением энергетических запасов. Таким образом, светлый образ завтрашнего дня был "омрачен" предполагаемыми проблемами, порожденными человеческой деятельностью. Но присутствовала в повести и более явная крамола - в облике мнительного, коварного упрямца Молибдена. На кого намекал писатель, догадаться несложно. Только в начале 90-х со "Страны счастливых" был снят покров забвения.

Травля повести оказалась "последней каплей" для Ларри, который принял решение уйти из литературы. Устроившись в НИИ рыбного хозяйства и даже закончив при нем аспирантуру, Ян Леопольдович все же продолжал время от времени писать для ленинградских газет. Неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая литературная биография, если бы судьба не свела его с Самуилом Маршаком. А случилось это так. Самуил Яковлевич предложил известному географу и биологу академику Льву Бергу, под началом которого служил Ян Ларри, написать для детей научно-популярную книгу, посвященную науке о насекомых - энтомологии. Обсуждая детали будущей книги, они пришли к выводу, что знания следовало бы облечь в форму увлекательной научно-фантастической истории. Вот тогда-то академик и вспомнил о своем подчиненном, которому такая задача будет по силам.

Над "Необыкновенными приключениями Карика и Вали" Ян Ларри работал быстро и увлеченно, вдохновляемый поддержкой мэтра детской литературы. Но не так просто оказалось "пробить" повесть в Детиздате. В веселой истории о том, как чудаковатый профессор-биолог Иван Гермогенович Енотов изобрел препарат, позволяющий уменьшать предметы, а затем в компании с непоседливыми Кариком и Валей совершил познавательное и полное опасностей путешествие в мир растений и насекомых, "компрачикосы детских душ" усмотрели надругательство над могуществом советского человека. Вот характерный фрагмент одной из "внутренних" рецензий:

"Неправильно принижать человека до маленького насекомого. Так вольно или невольно мы показываем человека не как властелина природы, а как беспомощное существо... Говоря с маленькими школьниками о природе, мы должны внушать им мысль о возможном воздействии на природу в нужном нам направлении".

Многократно наступать на одни и те же грабли - занятие утомительное и нервное. Возмущенный Ян Леопольдович наотрез отказался переделывать текст в соответствии с "генеральной линией". Уж лучше вовсе не издавать повесть, решил он. Так бы, наверное, и вышло, если бы не своевременное вмешательство Маршака. Влиятельный, обладавший даром убеждения, Самуил Яковлевич решил судьбу произведения буквально в течение недели. И в февральском номере журнала "Костер" за 1937 год появились первые главы многострадальной повести. В авторской версии! В том же году "Необыкновенные приключенияЕ" вышли отдельной книгой - в Детиздате, разумеется. В 1940-м последовало второе, исправленное автором издание с чудесными иллюстрациями Г.Фетингофа. С тех пор книга переиздавалась неоднократно, а в 1987 году появилась ее двухсерийная телеверсия с Василием Ливановым в главной роли. [примечание читателя: актеры хорошие, а спецэффекты дешевка]

И вот ведь парадокс советской литературной жизни: сколь беспощадно ругали повесть Ларри до издания, столь же воодушевленно хвалили ее по выходе в свет. Книгу восторженно встретили не только читатели, но и официальная критика. Рецензенты отмечали научную грамотность и эрудицию писателя. О художественных достоинствах, как обычно, говорилось немного. Фантастику в те годы чаще всего рассматривали как придаток научно-популярной литературы.

Секрет долговечности сочиненной Яном Ларри истории кроется не только в увлекательности сюжета, не только в его оторванности от идеологических установок времени (хотя и это немаловажно). Главное - высокая степень литературной одаренности автора. Ларри очень гармонично совместил стилистические пространства литературы и науки, грамотно рассчитав пропорции в пользу первой компоненты. В повести нет многостраничных наукообразных лекций-поучений-разъяснений, обычных для фантастики 20-50-х годов. Язык легок и изящен, познавательный материал ненавязчиво и без грубых швов "впаян" в динамичный, насыщенный юмором и даже иронией приключенческий сюжет.

Не будет преувеличением сказать, что "Необыкновенные приключения Карика и Вали" стали лучшей советской научно-фантастической книгой второй половины 30-х (наряду с беляевскими "Прыжком в ничто" и "Ариэлем"). По праву входит она и в золотой фонд отечественной детской литературы.

x x x

15 лет пребывания в ГУЛАГе не сломили Яна Ларри, и после реабилитации в 1956 году он вернулся к литературному труду, сотрудничая с детскими журналами. Уже через пять лет после освобождения к юным читателям пришли сразу две замечательные книги - "Записки школьницы" и "Удивительные приключения Кука и Кукки". А одной из последних прижизненных публикаций писателя оказалась помещенная в "Мурзилке" сказка "Храбрый Тилли: Записки щенка, написанные хвостом".

18 марта 1977-го Яна Леопольдовича не стало.

Время неумолимо. В биографических справочниках по детской литературе 90-х годов выпуска по неведомым причинам отсутствует даже упоминание о Я.Ларри. А если вспомнить, что ни одно из литературных изданий не заметило его столетний юбилей, можно с печальной уверенностью констатировать: имя фантаста в самом ближайшем будущем рискует пополнить списки забытых литераторов. Столетие со дня рождения Яна Ларри прошло незамеченным.

Спасет ли нас ломехуза? (о книге В. Брагина "В Стране Дремучих Трав")

С.Д. Степаньянц

Книга В. Брагина "В стране дремучих трав" - любимое чтение моего детства. Сознаюсь сразу, что никогда не любила и избегаю до сих пор читать фантастику... Не потому, что я прагматик и предпочитаю информацию, приносящую ощутимую пользу, а просто потому, что мне скучно то, что далеко от реальной жизни или понятных эмоций... А вот у Брагина - вроде и фантастическая ситуация: человек уменьшается настолько, что живет среди травы и песка как в лесу, а маленький ручеек превращается для него в Великую Медленную Реку..., но так много серьезной и интересной информации об экологии и поведении животных - насекомых, моллюсков, рыб, рептилий и др. и написано об этом таинственно, завлекательно, философски и по-настоящему художественно. "Конечно, Солнцу нет дела до человека. Но у человека всегда было дело к Солнцу". А как мастерски выписаны пейзажи. "Звоны....Звоны стоят в воздухе. Летят брызги-осколки в разные стороны, а в брызгах и шарах играют лучи солнца. Звоны и краски! Здравствуй, звенящее росистое утро!"

Я не знаю, почему в результате я не стала энтомологом. Но убеждена, что ребенок залпом прочтет эту книгу, а, закрыв ее, станет внимательнее относиться к природе и живым существам. И уж во всяком случае юный человек станет добрее и мягче.

Чтобы написать эти комментарии, я снова сняла с полки книгу В.Брагина и внимательно перечитала. Я думала, что сейчас отнесусь к ней иначе, с высоты своего возраста и опыта, более критично, может быть. Ничего подобного! Сейчас я нашла в "Стране Дремучих Трав" массу того, что, естественно, не замечала в детстве.

Про пауков-аргиронет я впервые прочла в этой книге - в детстве меня увлекла идея использовать подводные воздушные колокола аргиронет в качестве скафандров. А нынче я с наслаждением читала о процессе строительства пауком каркаса для колокола.

Читая про подводную борьбу маленького человека с гигантской гидрой, могла ли я предполагать, что, спустя более полувека, я сама стану писать научно-популярную статью о гидрах.

Грациозный богомол. Он замирает, как бы глядя на солнце и сложив свои голенастые руки - словно в мольбе. Но в действительности это - сцена охоты богомола на кузнечика и детальное описание утреннего завтрака длинноногого жука.

Из книги Брагина я узнала так же впервые, что омерзительное по моим

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ПЕРУССКИХ ШКОЛ

Владимир Брагин

В СТРАНЕ ДРЕМУЧИХ ТРАВ

роман-сказка

Предисловие академика А. И. Варгина

Рисунки В. А. Милашевского

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

Издание четвертое

Научный редактор
профессор И. П. Шевельников

ОТ АВТОРА

предствлениям название "жук-навозник" можно заменить вполне эстетичным словом "скарабей" ...

Домики ручейников..., как разнообразен их строительный материал! Ведь так можно найти и трубочки с золотой инкрустацией...

Но самое потрясающее, что нашла я в книге Брагина это - существование жука-ламехузы (так в книге, хотя научное название Lomechusa). Вот ведь мерзавец этот жук - спаивает муравьев и, пользуясь их склонностью к дурману, пожирает муравьиное потомство. Сейчас, перечитывая книгу, я взялась философствовать. Ведь наша национальная черта "оттягиваться" с помощью алкоголя - сродни общению муравьев с ламехузой... Герои книги, попав в муравейник, воскликнули: "Ламехуза нас спасет!". Спасет ли ламехуза нас?

С.Д. Степаньянц, гидробиолог

Дружно волокут жука и муравьев. Они запутались на жучке.

СЛОВО «ЛАМЕХУЗА» РАЗГАДАНО

Крепкий пронзительный аромат, резкий запах ударил мне в лицо. Муравьиный запах был выразительный и острый, а этот — третий, острый и приятный. Я открыл глаза и услышал мальчика:

— Ламехуза! Ла-ме-хуза! Я красный и муравьям ламехуза!.. Где вы?

Голос Дунчика приближался. Но где же Дунчик?! Где? Только! Я вдруг и почувствовал крепкое пожатие человеческой руки.

— Дорогой мой гость! Я ведь вам говорил: ламехуза сильнее вас... Сюда, сюда, за ствол! — кричал у меня над ухом Дунчик, увлекая меня.

— Куда? Куда, Сергей Сергеевич?

— Не бойтесь, теперь им за до нас. Здесь у них ламехуза.

— Ламехуза?

— Ах, да! Вы не знаете, что такое ламехуза! Скорей, скорей!

Он схватил меня за руку.

С удивительным проворством, на четвереньках, а иногда полным, он перешагнул из галереи в галерею, спускался на одного этажа и другой по каким-то отвесным ходам.

Царапая плечо и лицо, часто ударяясь головой о какие-то перекладины, я спешил за ним.

— Потом, потом вам все объясню. Скорей! Сейчас муравьи не до нас: они начнут пьянствовать.

— Кто?

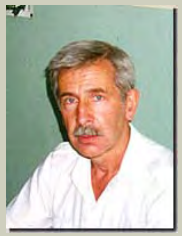
— Муравьи.

— Пьянствовать?

— Да, да! Чуть ламехуза появляется в муравейнике, как муравьи забывают о своих делишках, и с ламехуза,

Чуть ламехуза появляется в муравейнике, все муравьи забывают о своих.

Персональная страница



Сергей Сергеевич Ижевский

Профессор кафедры экологии и защиты леса Московского Государственного Университета Леса, доктор биологических наук

АДРЕС:

E-mail: **S.Izhevsky@mail.ru**
Интернет:
http://www.zin.ru/projects/invasions/insects/izhevsky.htm

ДАТА и МЕСТО РОЖДЕНИЯ:

7 декабря 1938 г.
г. Москва

НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ:

- Защита растений от вредителей и болезней
- Биологические методы борьбы с вредителями
- Инвазии и интродукция беспозвоночных

ОБРАЗОВАНИЕ:

- 1988 - доктор биологических наук - защита растений (ВИЗР, Санкт-Петербург)
- 1967 - кандидат биологических наук - лесная энтомология (Лесной институт, Москва)
- 1961 - специалист - лесная энтомология (Лесной институт, Москва)

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ПУБЛИКАЦИЙ: более 300

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, касающиеся жуков:

- Ижевский С.С. Некоторые свойства карбогидраз кишечника колорадского жука (Leptinotarsa decemlineata Say). "Научн. докл. высш. школы. Биол. н." 1973. No 9, 37-43.
- Ижевский С.С. Функциональные особенности ферментных систем кишечника насекомых фитофагов. //Вопр. экол. физиологии беспозвоночных. М. "Наука" 1974. 156-175.
- Ижевский С.С. Физиологическое действие минеральных солей на колорадского жука Leptinotarsa decemlineata Say. "Экология" 1976. No 4. 90-92.
- Smetnik A.I., Izhevsky S.S. The introduction and practical application of beneficial organisms for pest control in the USSR.// Proceed. of the Joint American-Soviet Conference on use of beneficial organisms in the control of crop pests. Wash. D.C. 1981. 33-34
- Ижевский С.С., Лобанов А.Л. Оптимизация режима выпуска периллюса против колорадского жука на основе использования имитационной модели "Ж. общ. биол." 1982. No 5, 659-669.
- Izhevsky S.S., Orlinsky A.D. Life history of the imported Scymnus (Nephus) reunioni predator of mealybugs. "Entomophaga" 1988. 33 (1). 101-114.
- Izhewsky S.S. Zum biologischen und wirtschaftlichen Nutzeffeckt von introduzierten Entomophagen. (12 Международ. симп. по энтомофауне Средней Европы. Киев. 1988. 92-95.
- Ижевский С.С. Итоги интродукции в СССР энтомофагов вредных растительноядных насекомых. "Энтомол. обозроение". 1988. Т.67.No 3. 449-456.
- Ижевский С.С. Результаты и проблемы интродукции энтомофагов в СССР. //Интродукция и применение полезных членистоногих в защите растений. АНСССР. Л. 1989. 5-14.
- Izhevsky et al. The state and prospects of biological plant protection method in the USSR. // Intern.Simposium on biological control imp. McAllen. Texas. 1989. 42-49.
- Ижевский С.С. Чужеземные вредители растений в СССР. "Защита растений" 1990. No 8. 30-32.
- Ижевский С.С., Зискинд Л.А. Эдовум - новый энтомофаг колорадского жука. "Защита растений" 1990. No 10. 29.
- Ижевский С.С. Биологический метод защиты леса. "Лесное хозяйство" 1991. No 8 5-8.
- Ижевский С.С. Адвентивные растительноядные насекомые как виды-мишени для использования интродуцированных энтомофагов //Карантинные вредители, болезни и сорные растения. Быково. 1991. Ч.2. 194-201.

- Ижевский С.С. Новые вредители тепличных растений. "Защита растений" 1992. No 12. 26-27.
- Ижевский С.С. Чужеземные насекомые в Закарпатье: занос, интродукция, эцезис. //Intern. Conf. The east Carpathians fauna; its present state and prospects of preservation. Uzhgorod. 1993. 192-194.
- Митякина О.Н., Зискинд Л.А., Ижевский С.С., Клименко А.А. Влияние температуры и влажности воздуха на преимагинальное развитие Edovum puttleri - яйцевого паразита колорадского жука. "Зоол. журнал" 1993. Т. 72. В.9., 118-124.
- Ижевский С.С., Митякина О.Н. Разведение эдовума - интродуцированного паразита яиц колорадского жука. "Защита растений" 1994. No 1. 21-22.
- Izhevsky S. et al. Viviparity and larval development of Platyphora quadrisionata (Germar) (Col.:Chrysomelidae) in Brazil. //Coleopteran Bulletin. 1994. 48. 3. 237-243.
- Ижевский С.С. Чужеземные насекомые как биозагрязнители. "Экология" 1995. No 2. 119-123.
- Izhevsky S.S., Akhatov A.K. Application of entomophages in greenhouses in Russia // Practice Oriented Results on Use and Production of Neem Ingredients and Pheromones. IV. 1996. 149-156.
- Ижевский С.С. Оптимизация химических обработок растений. "Защита растений". 1996. No 4. 12-14.
- Izevsky S.S. Ocuvanje prirodnih entomofaga u agrocenozam. "Biljni lekar" 1996. N 5. 456-461.
- Ижевский С.С. Вероятность заноса в Россию новых насекомых - вредителей подсолнечника. "Энтомол. обозрение". 1997. Т . 76. 2. 265-277.
- Ижевский С.С. Прогнозирование заноса чужеземных вредителей растений. "Защита растений". 1998. No 4. 39-41.
- Ижевский С.С. "Вторичные" вредители леса - новые объекты биологического контроля. //Биологическая и интегрированная защита леса. Пушкино 1998. 41-42.
- Ижевский С.С., Ахатов А.К. Интегрированные системы защиты тепличных культур. "Гавриш" 1999. No 1. 22-26.
- Ижевский С.С., Миронова М.К., Хорхордин Е.Г. Преодоление "пестицидного синдрома", спровоцированного появлением адвентивного насекомого фитофага. "Экология" 1999. No 1. 24-29.
- Ижевский С.С. Привлечение энтомофагов в агроценозы. "Защита растений" 1999. No 6. 37-38.
- Ижевский С.С., Жимерикин В.Н. Новые карантинные вредители картофеля. "Защита растений" 2000. No 3. 38-39.
- Ижевский С.С. Появление новых вредителей в теплицах. "Гавриш" 2000. No 4. 24-26.
- Ижевский С.С., Жимерикин В.Н. Методические указания по выявлению, локализации и ликвидации очагов кукурузного жука // Сб. инструктивных и методических материалов по карантину растений. Сыктывкар. 2000. 49-59.
- Ижевский С.С., Хорхордин Е.Г., Миронова М.К. Методические указания по разведению и применению хищного клопа ориуса. // Сб. инструктивных и методических материалов по карантину растений. Сыктывкар. 2000. 75-80.
- Ижевский С.С., Жимерикин В.Н. Методические указания по выявлению и предотвращению заноса на территорию РФ андийских картофельных долгоносиков. // Сб. инструктивных и методических материалов по карантину растений. Сыктывкар. 2000. 126-128.
- Ижевский С.С., Жимерикин В.Н. Западный кукурузный жук в Европе // Защита и карантин раст. №5. 2003. С. 30-32.
- Ижевский С.С. Метод оценки фитосанитарного риска // Защита и карантин раст. №9. 2003. С. 31-35.
- Ижевский С.С. Проникновение чужеземных растительноядных насекомых на территорию России. В кн. Инвазии чужеродных видов в Голарктике. Материалы росс.-америк. симп. по инвазийным видам. Борок 2003. С. 161-165.
- Ижевский С.С. Опасные последствия импорта растительной продукции //Гавриш. 2004. № 4, С.14-17.
- Ижевский С.С. Реалии и перспективы биологического контроля численности инвазионных вредителей растений // Защита и карантин раст. 2004. №10. С. 36-40.
- Ижевский С.С., Жимерикин В.Н. Западный кукурузный жук - потенциальная угроза аграрному сектору России // Проблемы прогнозирования чрезвычайных ситуаций. IV Научно-практическая конференция. М. 2005. С. 341-350.
- Ижевский С. С. Чего боятся европейские энтомологи? // Защита и карантин раст. № 4. 2005. С. 40-42
- Ижевский С.С. Хвоегрызущие чужеземцы // Лесная Россия. 2006. №3 (15). С. 31-34.
- Ижевский С.С. Негативные последствия применения пестицидов//Защита и карантин раст. 2006. № 5. С. 16-19

Монографии:

- Ижевский С.С. Словарь-справочник по биологической защите растений от вредителей. Academia. М. 2003. 206 стр.
- Ижевский С.С. и др. Вредители тепличных и оранжерейных растений (морфология, образ жизни, вредоносность, борьба). Товарищество научн. изд. КМК. М. 2004. 307 стр.
- Ижевский С.М., Никитский Н.Б., Волков О.Г., Долгин М.М. Иллюстрированный справочник жуков-ксилофагов - вредителей леса и лесоматериалов Российской Федерации. Тула. 2005. 218 с.
- Никитский Н.Б., Ижевский С.С. Жуки-ксилофаги - вредители древесных растений России. Справочник. Том II. Болезни и вредители в лесах России. М. Изд-во "Лесная промышленность". 2005.120 стр.
- Ижевский С.С., Ахатов А.К. Защита овощных тепличных культур от вредителей. Приложение к журналу "Защита и карантин раст.". 2006. 44 стр.

Последнее обновление: 3 февраля 2008 г.

- **С.С. Ижевский - список важнейших публикаций**
- **С.С. Ижевский - из личного фотоархива**

"Часы смерти" или губитель антиквариата

Домовый точильщик
Anobium pertinax (Anobiidae)

(из архива студенческой поры)

С.С. Ижевский

Мы с женой Любой долго не решались расстаться с двумя семейными реликвиями: старинным начала века беккеровским пианино и еще более древней угловой этажеркой, доставшейся в наследство от Любиной бабушки, жившей до Революции в собственном доме в Сокольниках. Разрушили его незадолго до войны, когда он совсем обветшал. До этого его успели заселить многочисленные жильцы, к основателям и владельцам дома не имевшие никакого отношения. Последним пришлось изрядно потесниться.

В двух небольших боковых комнатах, тесно, вплотную друг к другу заставленных различными шкафчиками, этажерками, книжными полками, кушетками, ширмами, напольными часами, пианино и жили бабушка с дедушкой и их дочь - Любина мама. Когда дом ломали, семье "предоставили", как тогда говорили, одну комнату в коммунальной квартире. Туда и перекочевали пианино и угловая этажерка. Они стояли, прислонившись друг к другу - последние представители вымирающего мебельного сословия. Остальная "родовая" мебель в единственной комнате поместиться не могла и была продана в "комиссионке" на Преображенском рынке или вынесена ночью во двор.

Давно умерли дедушка и бабушка. Мы живем в собственной малогабаритной квартире, недалеко от Любиных родителей. Когда-то в подарок на новоселье мы получили от них мебельные раритеты: "Беккер" и этажерку. Подрастающие наши дети требовали все больше "жизненного пространства", теснота стала всех угнетать. И вот мы, наконец, решились. На пианино никто в семье не играет. Антикварная этажерка "не вписывается" в современный интерьер, лишенный какой-либо еще старинной мебели. Хотя ее особенно жаль, поскольку для нас она не только своеобразное материальное звено между настоящим и прошлым. С этой черной инкрустированной трех полочной этажеркой связано семейное предание, так сказать, семейный фольклор.

Бабушка любила говорить, что от прошлого у нее осталось два музыкальных инструмента: беккеровское пианино и музыкальная этажерка. На недоуменные вопросы гостей она заявляла, что для того, чтобы понять ее, необходимо остаться ночевать в квартире, причем лечь спать непременно на ее диван. Это всегда заинтриговывало слушателей, и они требовали разъяснений. Но бабушка лишь улыбалась и назидательно поднимала указательный палец, молча склоняя к нему свою седую голову.

Любина мама рассказывала, что она долго не понимала "этот странный бабушкин юмор". Не понимала до тех пор, пока однажды бабушка не попала в больницу. Любина мама в это время впервые перебралась спать со своей раскладушки на бабушкин диван. И вот как-то, в ночной тишине, что в коммунальной квартире было редкостью, когда к ней долго не приходил сон, она вдруг услышала необычные звуки. Это было тонкое, еле слышимое тиканье, напоминающее стук часового маятника. Но то были явно не часы, поскольку тонкие звуки иногда прерывались, затем вновь возобновлялись. Иногда раздавался своеобразный дуэт, который внезапно прекращался. На какой-то миг можно было услышать и тикающее трио, после которого вновь звучало длительное тикающее соло. Любина мама после недолгих раздумий поняла, что это и есть звучание бабушкиной "музыкальной" этажерки.

Бабушке не становилось лучше, врачи предсказывали неизбежный печальный конец. Любина мама и дедушка

навещали ее ежедневно вплоть до самой кончины. И каждую ночь слышны были "часики", как для себя Любина мама назвала открытый ею бабушкин секретный музыкальный инструмент.
Спустя некоторое время после похорон Любина мама рассказала дедушке о своем открытии. Знал ли дед об этом "тиканье", спросила она.

- Знал, конечно, - ответил дед. Еще давно, когда бабушка впервые заговорила о "музыкальной этажерке", он догадался, что означает эта "музыка". "Тиканье" производили внутри деревянной этажерки мельчайшие жучки-точильщики. Этот звук - ничто иное как призывный клич к спариванию. Совсем как весенняя дробь дятла. Но в отличие от него точильщик свою любовную песню "поет", ударяясь о стенку хода грудным щитком.

Он рассказал об этом бабушке. Но та, оказывается, провела свои собственные изыскания. И вычитала в одном немецком романе что это - toten uhr (смертный час или часы смерти). Звук, предвещающий близкую кончину кого-либо из обитателей квартиры. Она сразу же решила, что именно ее кончину. Но сказала о своем открытии одному деду, а для всех придумала свою шутку о двух домашних "музыкальных инструментах".
Эту старую историю Люба узнала от мамы. Позже познакомили с нею меня, а затем и наших подросших детей. Ими она воспринята была как забавный курьез, придававший некую значительность давно умершей не дождавшейся правнуков прабабушке. Сама же вещица у молодого поколения не вызывала ни малейшего интереса. Это еще более склоняло нас к решению расстаться с музыкальной этажеркой .
И вот однажды в доме появился оценщик, приглашенный из антикварного магазина, что недавно возродился в Камергерском переулке. Им оказался маленький сухонький аккуратно одетый пожилой господин. Чем-то неуловимым он напоминал старого семейного доктора. Именно таким мы и представляли оценщика антиквариата. Странным лишь казался в его руке абсолютно новый модный кожаный кейс. Присев на предложенный стул, господин оценщик цепким профессиональным взглядом быстро просканировал нашу вполне стандартную обстановку, моментально выделив интересующие его объекты. К его приходу они были полностью освобождены от нагруженных на них предметов; от них отодвинули все обычно заслонявшие их стулья, коробки с книгами и чемоданы.
- Разрешите ознакомиться? - спросил он.
- Конечно, конечно - ответила Люба и сняла с заранее освобожденной от вазочек, статуэток и фотографий верхней крышки Беккера еще бабушкой вышитую дорожку. - Он не совсем у нас настроен, - как бы извиняясь, произнесла она, - в семье давно никто не играет.
- Это не главное, - произнес оценщик.

Я полагал, я был просто уверен, что первое, что он сделает, это откроет инструмент и своими цепкими пальцами пронесется по клавишам с какой-нибудь тест-мелодией. Отнюдь. Он поступил так, как поступил бы именно семейный доктор. Не спеша, поднял с пола на колени кейс. Открыл его, вынул и положил на стол большой блокнот и дорогую авторучку. Затем оттуда же извлек, что бы вы думали? - как мне показалось, обычный медицинский стетоскоп. Лишь несколько позже я уловил некоторое отличие извлеченного инструмента от привычного мне истинного стетоскопа: мембрана у него была не металлическая, а то ли резиновая, то ли пластиковая и располагалась не вбок, а вперед раструбом.

Вставив в уши концы эластичных трубок, господин оценщик (а может быть правильнее, подумал я - доктор-антиквар?), подошел к "Беккеру", оглянулся на нас, произнес: - Требуется тишина, - и стал выслушивать "пациента". Эта процедура не потребовала много времени. Быстро прослушав боковые стенки и крышку, доктор (простите, - антиквар) опустился на колени и приступил к исследованию ножек пианино. На это пошло больше времени. Наконец он встал, вынул из ушей трубки, огладил брюки и что-то произнес про себя. Мне послышалось немецкое: toten uhr. Вслух же было сказано:

- Как обычно... - Затем присел на стул, что-то записал в блокнот, после чего указал ручкой на этажерку и спросил: - Эта?

- Да-да, - ответила Люба. - Это очень старинная этажерка. Я думаю - середины прошлого века.

Процедура в точности повторилась. Для полного обследования "пациента" этажерку потребовалось выдвинуть из угла. Задняя ее стенка и ножки подверглись особенно тщательному прослушиванию.

Вернувшись к столу, оценщик вновь что-то написал, после чего вырвал исписанный лист, оставив себе копию, протянул его Любе и произнес: - Сожалею, предметы не реализуемы. Они погибли. Прошу подписать вот здесь и оплатить услуги.

- В чем дело? Почему же? - взволновано спрашивала Люба, - Ведь это очень хорошие старинные вещи. Нам сказали по телефону из Вашего магазина, что они их очень интересуют.

- Увы, - сказал оценщик, аккуратно укладывая свой медицинский прибор и блокнот в кейс. - Их погубил мебельный точильщик. Это, к сожалению, распространенное явление. Меня удивляет, что Вы сами не знали об этом. Как давно пианино и этажерка находятся у Вас?

- Всю жизнь, - сказала Люба. - Это бабушкины вещи, семейная реликвия. В этой квартире они стоят пятнадцать лет, с тех пор как мы сюда переехали.

- Положим, Вы не замечали летные отверстия - на пианино их пока не так много, а на этажерке масса, хотя и с задней стороны. Но муку-то буровую как Вы не могли не заметить, ведь она все время сыпется.

- Какую муку? - переспросила Люба.

- Буровую, - четко повторил оценщик, приподнимаясь со стула.

- Я замечала, что в том углу всегда накапливается больше пыли, - как бы оправдывалась Люба. - Но я почти ежедневно протираю пол и мебель.

- Еще один парадокс жизни, - впервые за визит улыбнулся наш гость. - Если бы Вы были менее аккуратны, Вы стали бы более богаты. Не убирай так тщательно у пианино и этажерки хотя бы неделю, Вы непременно давным-давно обратили бы внимание на кучки буровой муки, которая высыпается из просверленных точильщиком отверстий. И приняли бы своевременные меры по их спасению. И взамен вещиц получили бы от нас очень хорошие деньги - инструмент и этажерка, по сути, очень не плохи. А так... - он развел руками: С чем и разрешите раскланяться.

Спрятав в портмоне гонорар за визит, оценщик направился к двери.

Тут уж не удержался от вопроса я: - Скажите, пожалуйста, ведь эти отверстия, летные, как вы их назвали, вы ведь увидели сразу. Зачем же вам понадобилось еще это "медицинское" прослушивание?

- Видите ли, бывает, что летные отверстия - следы, свидетельство, как говорят англичане - evidence , былого заселения мебели точильщиком. За многие годы они могли исчезнуть. Мне важно было удостовериться, работают ли часы смерти .

Мы с Любой молча переглянулись.

- Есть, знаете ли, такое поверие... - вероятно хотел просветить нас антиквар.

- Да, мы в курсе, - поспешила прервать его Люба.

- Этажерка ваша, как я понимаю, "зазвучала" давно. А вот в пианино жуки перебрались, недавно. Вероятно раньше вещи не соприкасались. А теперь они и на пианино "играют" - неудачно скаламбурил оценщик. - И эти предметы для

вас представляют исключительно духовную ценность. Вряд ли их что-либо спасет. Храните их как память. Но лучше - освободитесь от них совсем.

И, вежливо кивнув, он вышел.

Как только захлопнулась дверь, мы бросились в угол к нашим любимым потерпевшим фиаско "Беккеру" и "музыкальной этажерке", опустились перед ними на колени и стали тщательно осматривать и ощупывать их. Если бы в этот момент из школы вернулись дети, они решили бы что их родители сошли с ума: истово молятся предметам собственной обстановки. Конечно же, мы тотчас обнаружили, что задние стенки и ножки нашего антиквариата испещрены мелкими, точно сделанными тонким шильцем, отверстиями. Когда я постучал по задней ножке этажерки, из некоторых действительно посыпался светло-желтый порошок, напоминающий тонкую мука. С диагнозом "доктор" не ошибся. Мы посмотрели с Любой друг на друга и грустно рассмеялись.

- Как же я забыла бабушкину историю! - горестно воскликнула Люба. - Как я могла!

- Ничего, не горюй, - утешал ее я. - В сборнике семейного фольклора появился еще один сюжет. А значит история семьи продолжается.

С.С. Ижевский, 2001

София Степаньянц - "Ледибедик Мыч"

Сказка для маленьких

Знаешь ли ты, дружок, кто такие ледибедики? Никогда не встречался с ними?! Да это неправда! Ты вспомни как следует! Ведь они сами частенько приходили к тебе в гости. Только ты думал, что их принес ветер и пел смешную песенку:

"Божья коровка, улети на небо,
Там твои детки кушают конфетки..."

На самом деле это и были настоящие маленькие ледибедики. И вовсе они не на небе живут, а на земле, среди множества цветов, среди зеленых листьев и душистых трав.

Там, где много солнца, а от травинок на землю падает тенистая прохлада, где листья, лишь подует шаловливый ветерок, шелестят, словно шепчут друг другу страшные тайны, там, радуясь приволью, резвятся и летают на красных в черную крапинку крылышках малюсенькие непоседы, ужасные проказники, забавные Ледибедики.

У них, как и у тебя, есть мамы, которые приносят им на завтрак и обед самых вкусных тлей. Их папы каждый день ходят на работу, или, как твой папа, улетают в очень далекие края, а потом возвращаются и привозят ледибедикам невероятно интересные подарки. Есть у них бабушки и дедушки, которые, как и твои, страсть как не любят, когда ледибедики балуются и безобразничают.

Но скажу тебе по-секрету, маленькие ледибедики ужасные, просто невероятные шалуны. И никак не могут они удержаться, чтобы не побаловаться, попрыгать, подраться или вдруг взять да и улететь, взмахнув своими красными в черную крапинку крылышками, да так спрятаться, что никто их не может отыскать целый час или два.

А если взрослые ушли из дома и оставили ледибедиков, как больших, одних, тут уж все стоит вверх дном. Ледибедики прямо не знают, что бы им придумать и от радости, что их никто не ругает, прямо даже скачут в комнате через прыгалку, ездят вверх ногами на игрушечном коне, как в настоящем цирке, тузят друг друга, а вместо того, чтобы улечься в кровать и уснуть, кидаются подушками и громко-громко визжат. Просто горе с этими непослушными ледибедиками!

Но бывает так, мне известно это совершенно точно, что ледибедики делаются очень хорошими. Это тогда, когда они хотят, чтобы мама купила им новую машину, или ракету, или плюшевого мишку, или, что уж совсем расчудесно, настоящий двухколесный велосипед. Тогда они прячут шалости под матрацы своих маленьких кроваток и становятся тихими-тихими. Они рассматривают книжки с картинками и даже не рвут странички, выучивают на память всякие стишки и песенки, или рисуют яркими красками. Бабушка на них не нахвалится, дедушка асм лично ходит с ними гулять, а мама даже боится, что они может быть заболели... Вот ведь какие хитрые ледибедики.

Однажды (просто страшно об этом вспомнить!) самый маленький ледибедик по имени Мыч решил покататься верхом на кузнечике. Кузнечик Кобылкин жил неподалеку. Он очень не любил, когда на нем ездили верхом и никому не

разрешал забираться к себе на спину, даже кузнечатам, пусть хоть они совсем-совсем хорошие, не плаксы и вообще свои-родные. Но Мыч был очень упрямый. Мама всегда ему говорила, чтобы он даже и не думал кататься на кузнечике, а то будет плохо... Но Мыч был такой упрямый и непослушный! И вот, когда мама ушла за тлями к обеду, а бабушка с дедушкой отправились за пенсией на почту, Мыч тихонько отмотал паутинку у соседа Тенетуса (это у пауков вместо веревки) и убежал из дома... Он полетел к домику кузнечика Кобылкина и заглянул в окно. Кузнечата в это самое время читали книжку, а кузнечик чистил лапки, чтобы скакать куда-то по делам.

- Ага! - подумал Мыч - Сейчас я на тебе покатаюсь! Он забрался на очень высокую траву Иван-чай, обмотался паутинкой-веревкой то есть и стал ждать. Когда кузнечик вышел из дома и собрался скакать по делам, Мыч прыгнул к нему на спину и быстро привязал паутинку к лапке кузнечика. Мыч был очень маленький и кузнечик не сразу заметил, что на его спине кто-то пристроился. Он скакал к огромному грибу-подосиновику, где его ждала хорошая знакомая саранча. Повстречавшись с саранчей, кузнечик хотел сказать ей "Здрасьте!". Только поднял лапку (кузнечики всегда говорят лапками), как увидел, что к ней привязана паутинка, а за паутинку держится ледибедик Мыч.

Ох и рассердился же кузнечик! Он подпрыгнул выше самой высокой осоки, потом потерся лапкой о веточку вереска, перетер паутинку и скинул со своей спины проказника Мыча. Мыч и ахнуть не успел, как повалился на землю и стукнулся об огромный камень. Потом покатился под горку и упал в канаву. Он очень больно ушибся!

Полежав в канаве, Мыч решил лететь домой: хотел расправить крылышки, красные в черную крапинку, но заплакал от боли. Он сломал одно крылышко, красное в черную крапинку. Что же делать бедному Мычу далеко-далеко от дома, в глубокой канаве? Вот как бывает, когда не слушаешься родителей!

Тем временем солнце спряталось за тучу, стало темно, загремел гром, засверкала молния и полил дождь. Мыч совсем промок в канаве и было ему очень страшно. Кое-как выбрался он из канавы, охая и плача заполз под большой гриб-подосиновик, закутался в мох и уснул. Во сне он увидел маму, бабушку и старшего брата ледибедика Тэка. А еще ему приснился папа, как будто бы он вернулся из далеких стран и привез Мычу огромный пистолет, который стреляет лимонадом, мороженым и конфетами.

Целый час, а может и два проспал Мыч под большим грибом-подосиновиком. Проснулся он от того, что кто-то толкал его в бок и кричал - Эй, бродяга, вставай, если не хочешь, чтоб тебя съела злая землеройка! Это был голос Тэка! Мыч открыл глаза. Он действительно увидел Тэка и так обрадовался, что забыл про больное крылышко, про дождь и про ужасное приключение. Он обнял Тэка, забрался к нему на спину и вместе братья полетели домой.

Дома ужасно волновались, куда подевался крошечный Мыч и не забодал ли его жук-Носорогов. Бабушка даже плакала. Увидев Мыча на спине у Тэка, все обрадовались и забыли его отругать. Ему перевязали крылышко, уложили в кроватку и накрыли клетчатым одеяльцем.

Мама строго смотрела на непослушного Мыча и сказала, что никогда больше не будет покупать ему конфеты, игрушки и не поведет его в детское кино про Буратино, ни в кукольный театр, ни в цирк смотреть на клоунов и дрессированных многоножек. Но Мыч пообещал всегда теперь вести себя хорошо, слушаться взрослых ледибедиков и даже старшего брата Тэка. И еще он попросил маму ничего не рассказывать папе, когда папа вернется из далеких-далеких стран.

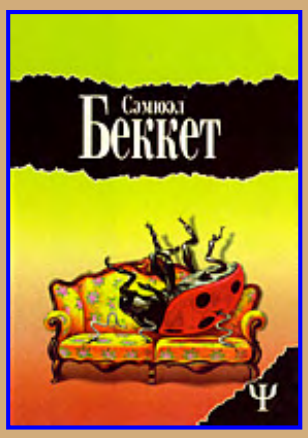
Вот какие истории происходят с маленькими ледибедиками. Я знаю еще многое множество таких историй и расскажу их тебе, если захочешь.

С.Д. Степаньянц

Жуки и колеоптерологи в прозаических произведениях (находки Риты Снайп)

Пьер Грипари - "Мадемуазель Скарабей"

Болеслав Прус - "Фараон"



Сэмюэл Беккет - "Мерфи"

И опять жук на обложке! На этот раз - божья коровка, нарисованная с вполне научной достоверностью. Но в тексте романа С.Беккета (перевод с английского и французского А.Панасьева и А.Жировского) найти упоминание жуков не удалось. Очевидно художник В.Сердюков использовал в своем рисунке аллегории, которыми полон роман - образец авангардной литературы XX века. Сэмюэл Беккет (1906-1989) - лауреат Нобелевской премии 1969 года в области литературы. Книга подготовлена издательством "Ника-Центр" (Киев), а напечатана в Санкт-Петербурге в 1999 году.

Ондржей Секора - "Приключения муравья Ферды"

Георгий Балл - "Жук - Кривая Горка"

Антун Крингс - "Божья коровка Настя"

Энн Бронте - "Агнес Грей"

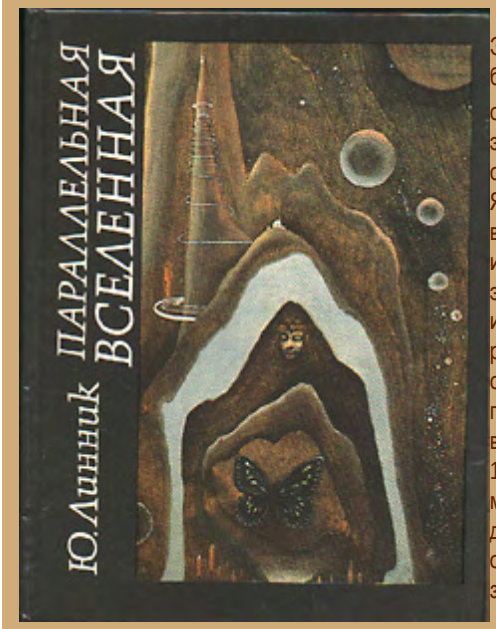
Владимир Набоков - "Отчаяние"

Эвелин Уэллс - "Нефертити"

Мэри Стюарт - "Терновая обитель"

- Пьер Грипари - "Мадемуазель Скарабей"
- Ондржей Секора - "Приключения муравья Ферды"
- Георгий Балл - "Жук - Кривая Горка"
- Болеслав Прус - скарабеи в романе "Фараон"
- Антун Крингс - "Божья коровка Настя"
- Энн Бронте - поэтичное толкование биологии светляков в романе "Агнес Грей"
- Владимир Набоков - образ личинки жука в романе "Отчаяние"
- Эвелин Уэллс - новый взгляд на роль скарабея в Древнем Египте в романе "Нефертити"
- Мэри Стюарт - семиточечная божья коровка в романе "Терновая обитель"

Павел Корзунович представляет одну из любимых книг: Юрий Линник - "Параллельная вселенная"



Эта страница и следующие за ней главы из книги Юрия Линника появились у нас только благодаря инициативе и трудам **Павла Корзуновича** - недавно появившегося на нашем сайте, но уже много сделавшего для нас автора. Сначала Павел напомнил мне об этой увлекательной книге, незаслуженно забытой на нашем сайте. А потом без лишних слов отсканировал три десятка страниц, превратил их в текст и прислал в нашу редакцию. Я перечитал эти главы и снова поразился способности Юрия Линника находить высокую поэзию во внешнем облике и в жизнедеятельности самых обычных жуков. А сколько интереснейшей информации и удивительных фактов он успевает сообщить в своих лаконичных эссе (язык не поворачивается назвать их просто очерками) о каждом из двадцати выбранных им семейств! Все семейства выделены и названы верно (только вот рогачи именованы рогачиками, но ведь речь идет именно о маленьких северных видах; да светляки числятся среди мягкотелок, но так и было в "Определителе насекомых европейской части СССР" 1965-го года) и даже идут в порядке, принятом в научных публикациях. Книга "Параллельная вселенная" была издана почти четверть века назад в Петрозаводске (издательство "Карелия", 1987, 223 с.), возможно - не переиздавалась, и поэтому может быть неизвестна молодым колеоптерологам и любителям жуков. А прочесть эти прекрасные этюды о жуках должен каждый, кому небезразличны шестиногие животные и окружающая нас природа. Поэтому от имени авторов и посетителей сайта я хочу еще раз поблагодарить Павла Корзуновича за проделанную им работу и за доставленное всем нам удовольствие!

Мне тоже захотелось внести свою лепту и я сделал иллюстрированный указатель к "Школе жуков" Юрия Линника, собрав со страниц нашего сайта, книг и других сайтов Интернета фотографии и рисунки, изображающие участников "Школы" в природе.

Андрей Лобанов, декабрь 2001 г.

Юрий Линник

Полночь. Детство. Легкий-легкий стук.
Бьется о стекло зеленый жук.

Полусонный, вскочишь поневоле:
Кто тебя средь ночи разбудил?
Бронзовка! Вся в зыбком ореоле
От своих вращающихся крыл.

Но ее жужжанье и сиянье
Странно преломилось в полусне, -
Это прилетели марсиане,
И с визитом просятся ко мне.

Вот она, багряная звезда! -
Ты в окне маячила тогда...

И тебя дремотное сознанье
С бронзовкой связало потому...
Я готов! - чудесное посланье
От жука я с радостью приму.

Вот скафандр; вот выпуклая маска;
Вот какой-то символ на спине.
Стук в окно... Наверно, это сказка -
Память детства просится ко мне.

Жужелицы	Карапузики	Ощупники	Хищники	Рогачики
Пластинчатоусые	Приутайки	Мягкотелки	Малашки	Щелкуны
Златки	Блестянки	Божьи коровки	Огнецветки	Нарывники
Усачи	Листоеды	Трубковерты	Слоники	Короеды

Авторы использованных на странице фотографий и рисунков:

- Alena Cepicka
- Stanislav Krejcik
- Jim Rowan
- Виталий Гуменюк
- Павел Корзунович
- Сергей Кузнецов
- Сергей Майоров
- Михаил Мандельштам

- **Юрий Линник - "Школа жуков" (главы из книги "Параллельная вселенная")**

Фотографы и снимки жуков

Павел Владимирович Корзунович

Заместитель начальника аппаратной Центра Радиовещания и Радиосвязи N 1, фотограф-любитель

АДРЕС:

Москва, Россия

Тел.:

E-mail: pashakorz@rambler.ru

ДАТА и МЕСТО РОЖДЕНИЯ:

14 августа 1958 г.

г. Москва

Павел Владимирович Корзунович стал автором нашего сайта самым приятным для нас путем - вышел на наш сайт, получил от него удовольствие и не оставил это при себе, а написал нам слова благодарности и предложил свое участие. Первые же его фотографии жуков в природе нам очень понравились. **Снимок сражающихся жуков-оленей** просто великолепен и будет использоваться на нашем сайте неоднократно.

Так как Павел Владимирович - гость нашего сайта, а для гостей форма персональных страниц не регламентируется жестко, то для рассказа о нем и его увлечении я передаю слово ему самому.

А. Лобанов, ноябрь 2001

Помещенным на сайте снимкам 10-15 лет. Сделаны они были в 80-х годах прошлого века (XX-го разумеется!). А началось все с книги Юрия Аракчеева "Джунгли во дворе". Прочитав ее, я буквально заболел макросъемкой. А далее было знакомство с Юрием через научного сотрудника Зоологического музея МГУ Елену Михайловну Антонову. И пошло-поехало. Ю.Аракчеев научил меня очень многому. Не утаивая своих секретов, он научил меня этому великолепному делу - фотоохоте на насекомых. Правда больше я "специализировался" по бабочкам и растениям, но и жуки (как впрочем и другие "букашки") привлекали меня не меньше. Я всегда просил друзей, отправляющихся в туристические поездки и командировки, чтобы привезли мне интересную "букашечку". Так и появились снимки реликтового усача и розалии (из Уссурийского края), привозили даже куколок бабочек из которых выводились имаго и я фотографировал их "живьем", правда уже не в их естественном ареале.

Большого дубового усача мне привез знакомый, который жил в Азербайджане. Все остальное - это Подмосковье. Жуки-олени из южной полосы России. А ведь я помню, как в 60-е годы в пионерском лагере в ближнем Подмосковье мы ловили этих жуков и потом устраивали "бои"!!! Не редкость были и носороги, а в Москве во дворе летали махаоны! Сейчас и "облезлую" капустницу редко увидишь!

Фотографировал я на немецкую обратимую пленку ORWO фотоаппаратом Zenit с комплектом колец. И теперь дома хранятся сотни слайдов. После 90-х годов с пленкой стало труднее и съемки несколько поубавились. Зато с появлением видеокамеры появилась возможность снимать на нее, а затем через компьютер оцифровывать. Видеоматериал прислать трудно - объем слишком велик! А раньше с проектором и слайдами даже выступал на предприятиях и в школах, рассказывая людям об интереснейшем мире насекомых! И главная награда - неподдельный интерес и изменение отношения к "этим букашкам"!

П.В. Корзунович, ноябрь 2001

Последнее обновление: 10 июля 2006 г.

- **Жуки на персональном сайте макрофотографа Павла Корзуновича**
- **П.В. Корзунович: "Тайны дремучих полян" (научно-художественная повесть)**
- **П.В. Корзунович: фотографии жуков**
- **П.В. Корзунович: портреты жуков (фотографии цифровой камерой)**
- **Анимации П.В. Корзуновича на нашем сайте**
- **Весенняя фотоохота на божьих коровок (фотографии П.В. Корзуновича)**
- **Из жизни подмосковного леса - апрельский фоторепортаж Павла Корзуновича**
- **Майская встреча с майкой (Meloidae: Meloe sp.)**
- **Из интимной жизни листоедов - фотографии Павла Корзуновича**
- **От идиллии до драмы - из жизни долгоносиков (фотографии Павла Корзуновича)**
- **Жуки крупным планом: чернопятнистый рагий Rhagium mordax (Cerambycidae) - фото Павла Корзуновича**
- **Жуки крупным планом: перевязанный восковик Trichius fasciatus (Scarabaeidae) - фото П.Корзуновича**
- **Жуки крупным планом: взлет бронзовки (Scarabaeidae: Cetoniinae) - фото П.Корзуновича**
- **Жуки крупным планом: скакун (Carabidae: Cicindelinae) - фото П.Корзуновича**
- **П.В. Корзунович: фотографии жуков в природе (весна 2005 г.)**
- **П.В. Корзунович: фотографии жуков в природе (весна 2006 г.)**
- **П.В. Корзунович: фотографии жуков в природе (весна 2007 г.)**
- **П.В. Корзунович: портреты золотистой бронзовки (Cetonia aurata) в стиле "гламур"**
- **П.В. Корзунович: фотографии жуков в природе (лето 2008 г.)**
- **Фантастические жуки-рогачи - коллажи Павла Корзуновича**

Жук-зимник Hiprotomus viktotolamus в "Пространстве Готлиба" Д.Липскерова (нашла Т.Д.Березина)

Очень интересную находку сделала для нашего сайта Татьяна Дмитриевна Березина. Она первой заметила, что в новом романе Дмитрия Липскерова "Пространство Готлиба" постоянно фигурирует жук. Жук живет в руке (под кожей) у героя романа, но ему (жуку) отведена автором такая важная роль, что его вполне можно считать героем книги. Жук имеет латинское название - Hiprotomus viktotolamus. Автором определено и его систематическое положение - он относится к семейству жуков-рогачей-зимников (об этом сообщает своему человеку-хозяину сам говорящий жук). О достоинствах и недостатках постмодернистского романа, содержащего элементы ирреальности и заканчивающегося разоблачением мистификации, можно спорить. Но очевидно, что для колеоптерологов и любителей жуков эта книга - по роли в ней жука - становится в ряд с "Превращением" Кафки и "Жизнью насекомых" Пелевина. Галерея человеко-жуков этих двух авторов теперь пополнилась мыслящим жуком-эндопаразитом человека. Мы постараемся продолжить показ самых интересных для жуколюбов страниц романа. А пока предлагаем посетителям сайта попытаться разгадать смысл латинского названия жука и написать нам о вызванных им ассоциациях.

Роль жука в книге настолько важна и автор сообщает столько биологических подробностей, что это произведение вполне может послужить предметом литературоведческого анализа и посылкой к созданию отдельного эссе (вроде **набоковского анализа "Превращения"** Франца Кафки).

УДК 882
ББК 84(2 Рос)
Л 63

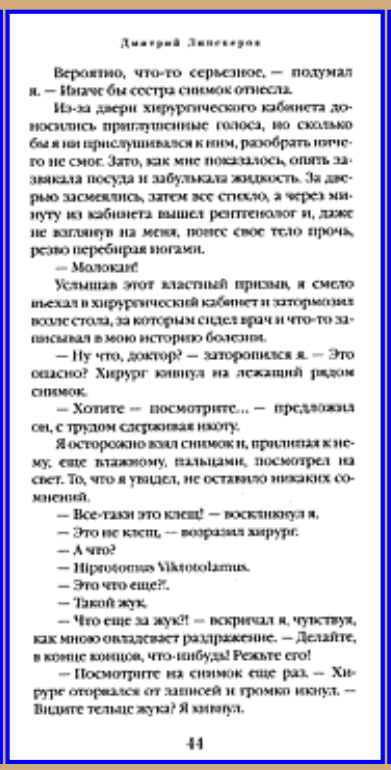
Художественное оформление и макет художника Андрея Бондаренко

Липскеров Д.
Л 63 Пространство Готлиба: Роман. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 416 с.

ISBN 5-04-088186-X

УДК 882
ББК 84(2 Рос)

© Дмитрий Липскеров, 2001
© Оформление. А. Бондаренко, 2001
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2002



Дмитрий Липскеров

Вероятно, что-то серьезное, — подумал я. — Иначе бы сестра снимок отнесла.

Из-за двери хирургического кабинета доносились приглушенные голоса, но сколько бы я ни прислушивался к ним, разобрать ничего не смог. Зато, как мне показалось, опять зазвякала посуда и забулькала жидкость. За дверью засмеялись, затем все стихло, а через минуту из кабинета вышел рентгенолог и, даже не взглянув на меня, понес свое тело прочь, резво перебирая ногами.

— Молокан!

Услышав этот властный призыв, я смело въехал в хирургический кабинет и затормозил возле стола, за которым сидел врач и что-то записывал в мою историю болезни.

— Ну что, доктор? — заторопился я. — Это опасно? Хирург кивнул на лежащий рядом снимок.

— Хотите — посмотрите... — предложил он, с трудом сдерживая икоту.

Я осторожно взял снимок и, прилипая к нему, еще влажному, пальцами, посмотрел на свет. То, что я увидел, не оставило никаких сомнений.

— Все-таки это клещ! — воскликнул я.

— Это не клещ, — возразил хирург.

— А что?

— Hiprotomus Viktotolamus.

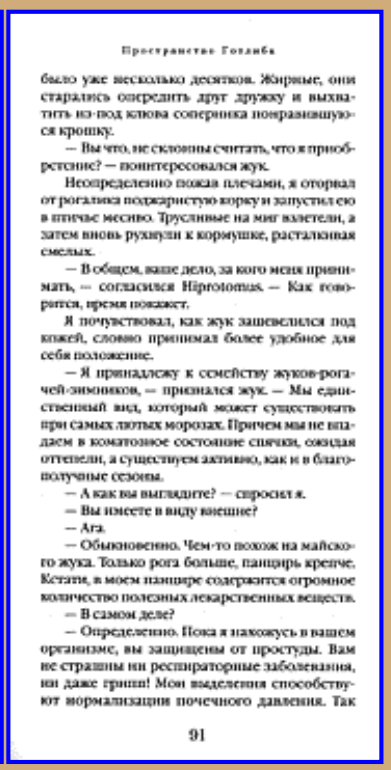
— Это что еще?!.

— Такой жук.

— Что еще за жук?! — вскричал я, чувствуя, как много овладевает раздражение. — Делайте, в конце концов, что-нибудь! Режьте его!

— Посмотрите на снимок еще раз. — Хирург оторвался от записей и громко икнул. — Видите тельце жука? Я кивнул.

44



Пространство Готлиба

было уже несколько десятков. Жирные, они старались опередить друг дружку и выхватить из-под клюва соперника понравившуюся крошку.

— Вы что, не склонны считать, что я приобретение? — поинтересовался жук.

Неопределенно пожав плечами, я оторвал от рогалика поджаристую корку и запустил ею в птичье месиво. Трусливые на миг взлетели, а затем вновь рухнули к кормушке, расталкивая смелых.

— В общем, ваше дело, за кого меня принимать, — согласился Hiprotomus. — Как говорится, время покажет.

Я почувствовал, как жук зашевелился под кожей, словно принимал более удобное для себя положение.

— Я принадлежу к семейству жуков-рогачей-зимников, — признался жук. — Мы единственный вид, который может существовать при самых лютых морозах. Причем мы не впадаем в коматозное состояние спячки, ожидая оттепели, а существуем активно, как и в благополучные сезоны.

— А как вы выглядите? — спросил я.

— Вы имеете в виду внешне?

— Ага.

— Обыкновенно. Чем-то похож на майского жука. Только рога больше, панцирь крепче. Кстати, в моем панцире содержится огромное количество полезных лекарственных веществ.

— В самом деле?

— Определенно. Пока я нахожусь в вашем организме, вы защищены от простуды. Вам не страшны ни респираторные заболевания, ни даже грипп! Мои выделения способствуют нормализации почечного давления. Так

91

Жуки в "Приключениях Тома Сойера" Марка Твена

Обложка книги из серии "Библиотека для детей" (Санкт-Петербург, Лениздат, 1993 г., художник Т.А. Крутихина)

Постоянно интересующийся развитием нашего сайта **Александр Федорович Емельянов** (кстати, он был в молодости колеоптерологом, а не цикадологом) неоднократно напоминал о пробеле в нашем перечислении упоминаний жуков в произведениях классической прозы - у нас не фигурировал знаменитый эпизод с жуком в церкви из книги Марка Твена "Приключения Тома Сойера". И вот дошла очередь и до этой книги. Наличие в Интернете полного текста повести позволило быстро провести микроисследование и найти, помимо самого памятного, еще два эпизода с жуками. Ниже мы приводим целиком главу про жука в церкви и фрагменты еще двух глав.

В первом эпизоде с колеоптерологической точки зрения все ясно - героем там выступает крупный рогач.

В девятой главе интересная ошибка (и только у одного переводчика!) - у Твена речь идет явно о жуке-точильщике, именуемом у многих народов "часами смерти" (у нас есть **подробный рассказ С.С. Ижевского об этом жуке**), а в переводе Н. Дарузес говорится о жуке-могильщике, который здесь совсем не при чем. Интересно, что К. И. Чуковский оказался более сведущим в энтомологии, и в его переводе "Тома Сойера" жук совершенно верно назван точильщиком. Если Ваши дети еще не читали эту повесть, то лучше раздобудьте им перевод Корнея Ивановича.

Еще более случайными персонажами являются божья коровка и навозник в 14-ой главе. Возможно, что шары в Северной Америке катают немногие навозники, и наши скарабеидологи смогли бы определить жука до рода.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера

```
---------------------------------------------
Текст с сайта "Библиотека Максима Мошкова" - www.lib.ru
---------------------------------------------
     Пер. с англ. Н. Дарузес,
     изд. ХудЛит, Москва, 1977 г.
     OCR Палек, 1998 г.
     Названия глав из перевода К. Чуковского:
     изд. Лениздат, С-Петербург, 1993 г.
---------------------------------------------
```

ГЛАВА V

ЖУК-КУСАКА И ЕГО ЖЕРТВА

Около половины одиннадцатого зазвонил надтреснутый колокол маленький церкви, а скоро начал собираться и народ к утренней проповеди. Ученики воскресной школы разбрелись по всей церкви и расселись по скамейкам вместе с родителями, чтобы быть все время у них на глазах. Пришла и тетя Полли. Сид и Мэри сели рядом с ней, а Тома посадили поближе к проходу, как можно дальше от раскрытого окна и соблазнительных летних видов. Прихожане заполнили оба придела: престарелый и неимущий почтмейстер, знавший лучшие дни; мэр со своей супругой - ибо в городишке имелся и мэр, вместе с прочими ненужностями; судья; вдова Дуглас - красивая, нарядная женщина лет сорока, добрая душа, всем известная своей щедростью и богатством, владелица единственного барского дома во всем городе, гостеприимная хозяйка и устроительница самых блестящих праздников, какими мог похвастать Сент-Питерсберг; почтенный согнутый в дугу майор Уорд со своей супругой; адвокат Риверсон, новоявленная знаменитость, приехавшая откуда-то издалека; местная красавица в сопровождении стайки юных покорительниц сердец, разряженных в батист и ленты. Вслед за девицами ввалились целой гурьбой молодые люди, городские чиновники, - полукруг напомаженных вздыхателей стоял на паперти, посасывая набалдашники своих тросточек, пока девицы не вошли в церковь; и, наконец, после всех явился Примерный Мальчик Вилли Мафферсон со своей мамашей, с которой он обращался так бережно, как будто она была хрустальная. Он всегда сопровождал свою мамашу в церковь и был любимчиком городских дам. Зато все мальчишки его терпеть не могли, до того он был хороший; кроме того, Вилли постоянно ставили им в пример. Как и всегда по воскресеньям, белоснежный платочек торчал у него из заднего кармана - будто бы случайно. У Тома платка и в заводе не было, поэтому всех мальчиков, у которых были платки, он считал франтами.

После того как собралась вся паства, колокол прозвонил еще один раз, подгоняя лентяев и зевак, и в церкви водворилось торжественное молчание, нарушаемое только хихиканьем и перешептыванием певчих на хорах. Певчие постоянно шептались и хихикали в продолжение всей службы. Был когда-то один такой церковный хор, который вел себя прилично, только я позабыл, где именно. Это было что-то очень давно, и я почти ничего о нем не помню, но, по-моему, это было не у нас, а где-то за границей.

Проповедник назвал гимн и с чувством прочел его от начала до конца на тот особый лад, который пользовался в здешних местах большим успехом. Он начал читать не очень громко и постепенно возвышал голос, затем, дойдя до известного места, сделал сильное ударение на последнем слове и словно прыгнул вниз с трамплина:

О, мне ль блаженствовать в раю, среди цветов покоясь,
Тогда как братья во Христе бредут в крови по пояс!

Он славился своим искусством чтения. На церковных собраниях его всегда просили почитать стихи, и как только он умолкал, все дамы поднимали кверху руки и, словно обессилев, роняли их на колени, закатывали глаза и трясли головами, будто говоря: "Словами этого никак не выразишь, это слишком хорошо, слишком хорошо для нашей грешной земли".

После того как пропели гимн, его преподобие мистер Спрэг повернулся к доске объявлений и стал читать извещения о собраниях, сходках и тому подобном, пока всем не начало казаться, что он так и будет читать до второго пришествия, - странный обычай, которого до сих пор придерживаются в Америке, даже в больших городах, невзирая на множество газет. Нередко бывает, что чем меньше оправданий какому-нибудь укоренившемуся обычаю, тем труднее от него отделаться.

А потом проповедник стал молиться. Это была очень хорошая, длинная молитва, и никто в ней не был позабыт: в ней молились и за церковь, и за детей, принадлежащих к этой церкви, и за другие церкви в городке, и за самый городок, и за родину, и за свой штат, и за всех чиновников штата, и за все Соединенные Штаты, и за все церкви Соединенных Штатов, и за конгресс, и за

президента, и за всех должностных лиц; за бедных моряков, плавающих по бурному морю, за угнетенные народы, стонущие под игом европейских монархов и восточных деспотов; за тех, кому открыт свет евангельской истины, но они имеют уши и не слышат, имеют глаза и не видят; за язычников на дальних островах среди моря; а заключалась она молением, чтобы слова проповедника были услышаны и пали на добрую почву, чтобы семена, им посеянные, взошли во благовремении и дали обильный урожай. Аминь.

Зашелестели юбки, и поднявшиеся со своих мест прихожане снова уселись. Мальчик, о котором повествует эта книга, нисколько не радовался молитве: он едва ее вытерпел, и то через силу. Во все время молитвы он вертелся на месте; не вникая в суть, он подсчитывал, за что уже молились, - слушать он не слушал, но самая суть давно была ему наизусть известна, известно было также, что после чего будет сказано. И когда пастор вставлял от себя что-нибудь новенькое, Том ловил ухом непривычные слова, и вся его натура возмущалась: он считал такие прибавления нечестными и жульническими. В середине молитвы на спинку скамьи перед Томом уселась муха и долго не давала ему покоя - она то потирала сложенные вместе лапки, то охватывала ими голову и с такой силой чесала ее, что голова чуть не отрывалась от туловища, а тоненькая, как ниточка, шея была вся на виду; то поглаживала крылья задними лапками: и одергивала их, как будто это были фалды фрака; и вообще занималась своим туалетом так невозмутимо, словно знала, что находится в полной безопасности. Да так оно и было; как ни чесались у Тома руки поймать ее, они на это не поднимались: Том верил, что в один миг загубит свою душу, если выкинет такую штуку во время молитвы. Однако при последних словах проповедника его рука дрогнула и поползла вперед, и как только сказано было "аминь", муха попалась в плен. Тетя Полли поймала его на месте преступления и заставила выпустить муху.

Проповедник прочел текст из Библии и пустился рассуждать скучным голосом о чем-то таком неинтересном, что многие прихожане начали клевать носом, хотя, в сущности, речь шла о преисподней и вечных муках, а число праведников, которым предназначено было спастись, пастор довел до такой ничтожной цифры, что и спасать-то их не стоило, Том считал страницы проповеди: выйдя из церкви: он всегда знал, сколько страниц было прочитано, зато почти никогда не знал, о чем читали. Однако на этот раз он заинтересовался проповедью, хотя и ненадолго. Проповедник нарисовал величественную и трогательную картину того, как наступит царство божие на земле и соберутся все народы, населяющие землю, и лев возляжет рядом с ягненком, а младенец поведет их. Но вся возвышенная мораль и поучительность этого величественного зрелища пропали для Тома даром: он думал только о том, какая это будет выигрышная роль для главного действующего лица, да еще на глазах у всех народов; и ему самому захотелось быть этим младенцем, конечно, при условии, что лев будет ручной.

После этого его мучения возобновились, потому что дальше пошли всякие сухие рассуждения. Но вдруг он вспомнил, какое у него имеется сокровище, и извлек его на свет. Это был большой черный жук со страшными челюстями - "щипач", как называл его Том. Он сидел в коробочке из-под пистонов. Первым делом жук вцепился ему в палец. Само собой, Том отдернул палец, жук полетел в проход между скамейками и шлепнулся на спину, а палец Том засунул в рот. Жук лежал, беспомощно шевеля лапками, не в силах перевернуться. Том косился на него, всей душой стремясь его достать, но жук был очень далеко, так что никак нельзя было дотянуться. Другие прихожане, не чувствуя никакого интереса к проповеди, тоже нашли в жуке развлечение и начали искоса поглядывать на него. Тут в церковь забежал чей-то пудель, одурелый и разморенный от летней жары и тишины. Он соскучился в заточении и жаждал перемены. Завидев жука, он сразу ожил и завилял хвостом. Он оглядел добычу, обошел ее кругом, обнюхал издали, еще раз обошел кругом; потом осмелел, подошел поближе и обнюхал; потом оскалил зубы и попробовал схватить жука, но промахнулся; попробовал еще и еще раз; начал входить во вкус этого занятия;

улегся на живот, так чтобы жук был у него между передними лапами, и продолжал игру; наконец утомился играть с жуком и стал рассеян и невнимателен. Он начал клевать носом, голова его опустилась, мордой он дотронулся до жука, и тот в него вцепился. Раздался пронзительный визг, пудель замотал головой, жук отлетел шага на два в сторону и опять шлепнулся на спину. Зрители по соседству тряслись от смеха, некоторые уткнулись в платки, женщины закрылись веерами, а Том был совершенно счастлив. У пса был глупый вид, да он, должно быть, и чувствовал себя дураком, но в душе был полон возмущения и жаждал мести. Он подошел к жуку и осторожно атаковал его снова: стал ходить вокруг и бросаться на него со всех сторон, хватал лапами землю в каком-нибудь дюйме от жука, щелкал зубами еще ближе и мотал головой так, что уши болтались. Однако немного погодя ему опять надоело играть с жуком; он погнался за мухой, но не нашел в этом ничего интересного; побежал за муравьем, держа нос у самого пола, но и это ему скоро надоело; он зевнул, вздохнул и, совсем позабыв про жука, уселся на него! Раздался дикий вопль, полный боли, и пудель стрелой помчался по проходу; отчаянно воя, он пробежал перед алтарем, перескочил с одной стороны прохода на другую, заметался перед дверями, с воем пронесся обратно по проходу и, совсем одурев от боли, с молниеносной быстротой начал носиться по своей орбите, словно лохматая комета. В конце концов обезумевший от боли страдалец прыгнул на колени к хозяину; тот выкинул его за окно, и вой, полный скорби, все ослабевая, замер где-то в отдалении.

К этому времени все в церкви сидели с красными лицами, задыхаясь от подавленного смеха, а проповедь застыла на мертвой точке. Вскоре она возобновилась, но шла спотыкаясь и с перебоями, ибо не было никакой возможности заставить паству вникнуть в ее смысл: даже полные самой возвышенной скорби слова прихожане, укрывшись за высокой спинкой скамьи, встречали заглушенным взрывом нечестивого смеха, словно бедный проповедник отпустил что-то невероятно смешное. Для всех было истинным облегчением, когда эта пытка кончилась и проповедник благословил паству.

Том Сойер шел домой в самом веселом настроении, думая про себя, что и церковная служба бывает иногда не так уж плоха, если внести в нее хоть немножко разнообразия. Одна только мысль огорчила его: он ничего не имел против того, чтобы пудель поиграл с его жуком, но все-таки уносить жука с собой щенок не имел никакого права.

ГЛАВА IX

ТРАГЕДИЯ НА КЛАДБИЩЕ

В этот вечер, как и всегда, Тома и Сида отослали спать в половине десятого. Они помолились на ночь, и Сид скоро уснул. Том лежал с открытыми глазами и ждал сигнала, весь дрожа от нетерпения. Когда ему уже начало казаться, что вот-вот забрезжит рассвет, он услышал, как часы пробили десять! Горе, да и только! Ворочаться и метаться, как ему хотелось, он не мог, опасаясь разбудить Сида. И он лежал смирно, глазея в темноту. Его окружала гнетущая тишина. Мало-помалу из этой тишины начали выделяться самые незначительные, едва заметные звуки. Стало слышно тиканье часов. Старые балки начали таинственно потрескивать. Чуть-чуть поскрипывала лестница. Это, должно быть, бродили духи. Мерный, негромкий храп доносился из комнаты тети Полли. А тут еще начал назойливо чирикать сверчок, - а где он сидит, не узнаешь, будь ты хоть семи пядей во лбу. Потом его бросило в дрожь от зловещего тиканья **жука-могильщика** в стене, рядом с изголовьем кровати, - это !!

ошибка переводчика !!

значило, что кто-нибудь в доме скоро умрет. Потом ночной ветер донес откуда-то издали вой собаки, а на него едва слышным воем отозвалась другая где-то еще дальше. Том весь измучился от нетерпения. Он был твердо уверен, что время остановилось и началась вечность, и невольно начинал уже дремать; часы пробили одиннадцать, но он этого не слыхал. И тут, когда ему уже стало что-то сниться, к его снам примешалось заунывное мяуканье. В соседнем доме стукнуло окно, и это разбудило Тома. Крик: "Брысь, проклятая!" - и звон пустой бутылки, разбившейся о стенку сарая, прогнали у него последний сон; в одну минуту он оделся, вылез в окно и пополз по крыше пристройки на четвереньках. Он осторожно мяукнул раза два, пока полз; потом спрыгнул на крышу сарая, а оттуда на землю. Гекльберри Финн был уже тут с дохлой кошкой. Мальчики двинулись в путь и пропали во мраке. Через полчаса они уже шагали по колено в траве за кладбищенской оградой.

.....

ГЛАВА XIV

ЛАГЕРЬ СЧАСТЛИВЫХ ПИРАТОВ

Проснувшись утром, Том не сразу понял, где находится. Он сел, протер глаза и осмотрелся. И только тогда пришел в себя. Занималось прохладное серое утро, и глубокое безмолвие лесов было проникнуто отрадным чувством мира и покоя. Не шевелился ни один листок, ни один звук не нарушал величавого раздумья природы. Бусинки росы висели на листьях и травах. Белый слой пепла лежал на головнях костра, и тонкий синий дымок поднимался кверху. Джо с Геком еще спали.

И вот где-то в глубине леса чирикнула птица, ей ответила другая, и сейчас же послышалась стукотня дятла. Постепенно стал белеть мутный серьга свет прохладного утра, так же постепенно множились звуки, и все оживало на глазах. Мальчик, задумавшись, глядел, как пробуждается и начинает работать природа. Маленький зеленый червяк полз по мокрому от росы листу, время от времени поднимая в воздух две трети туловища и точно принюхиваясь, потом двигался дальше. Это он меряет лист, сказал себе Том, и когда червяк сам захотел подползти к нему поближе, Том замер, едва дыша, и то радовался, когда червяк подвигался ближе, то приходил в отчаяние, когда тот колебался, не свернуть ли ему в сторону. И когда наконец червяк остановился на минуту в тягостном раздумье, приподняв изогнутое крючком туловище, а потом решительно переполз на ногу Тома и пустился путешествовать по ней, мальчик возликовал всем сердцем: это значило, что у него будет новый костюм - конечно, раззолоченный мундир пирата. Вот неизвестно откуда появилась процессия муравьев, путешествующих по своим делам; один из них, понатужившись, отважно взвалил на спину дохлого паука впятеро больше себя самого и потащил вверх по стволу дерева. Коричневая с крапинками божья коровка взбиралась по травинке на головокружительную высоту. Том наклонился к ней и сказал:

Божья коровка, скорей улетай.

В твоем доме пожар, своих деток спасай.

Она сейчас же послушалась и улетела, и Том нисколько не удивился: он давно знал, что божьи коровки очень легковерны, и не раз обманывал бедняжек, пользуясь их простотой. Потом протащился мимо навозный жук, изо всех сил

толкая перед собой шар; и Том дотронулся до жука пальцем, чтобы посмотреть, как он подожмет лапки, притворяясь мертвым. Птицы к этому времени распелись вовсю. Дрозд-пересмешник сел на дерево над головой Тома и трель за трелью принялся передразнивать пение своих соседей. Потом вспышкой голубого огня метнулась вниз крикливая сойка, села на ветку так близко от Тома, что он мог бы достать до нее рукой, и, наклонив голову набок, стала разглядывать чужаков с ненасытным любопытством. Серая белка и еще какой-то зверек покрупнее, лисьей породы, пробежали мимо, изредка останавливаясь на бегу и сердито цокая на мальчиков: должно быть, звери в этом лесу никогда еще не видели человека и не знали, пугаться им или нет. Все живое теперь проснулось и зашевелилось; длинные копья солнечного света пронизывали густую листву; две-три бабочки гонялись одна за другой, перепархивая с места на место.

.....

Персональная страница

Тема жуков в творчестве братьев Стругацких

Владимир Иванович Борисов

Библиограф,
критик,
переводчик,
специалист по информатике

Систематическая специализация: Фантастические жуки (Sciencefictionidae)

АДРЕС:
а/я 55
г. Абакан-17
Республика Хакассия
655017 Россия
E-mail: sauron@shans.khakassia.ru
Internet: http://www.rusf.ru/about/authors.htm#borisov

ДАТА и МЕСТО РОЖДЕНИЯ:
25 ноября 1951 г.
село Бея
Хакасской АО
Красноярского края

Владимир Иванович Борисов принадлежит к числу самых "сетевых" авторов нашего сайта - тех, которые сами нашли в мировой паутине наш сайт и сами сочли нужным принять в нем участие, прислав по этой же сети свои материалы. Его **замечательное научное исследование темы жуков в творчестве братьев Стругацких** так понравилось редакции, что было размещено на сайте немедленно, почти без всяких правок. Иногда при повторном прочтении такие статьи производят уже меньшее впечатление. В случае эссе Владимира Ивановича все наоборот. С каждым разом его исследование все больше поражает тщательностью и исчерпывающим знанием предмета.

В.И. (для знатоков фантастики он - БВИ) окончил Томский институт АСУ и радиоэлектроники (1973) по специальности "Автоматизация и механизация процессов обработки и выдачи информации". Работал в Пермском НИИ управляющих машин и систем, Алтайском НИИ химической технологии, Абаканском технологическом отделе ВГПТИ, на заводе "Абаканвагонмаш".

Но увлечение научной фантастикой пересилило все остальное. Сейчас БВИ в первую очередь библиограф, критик, переводчик. Он - организатор клубов любителей фантастики в Абакане: "Гонгури", "Центавр", "Массаракш". БВИ - вице-координатор группы "Людены", занимающейся исследованием творчества братьев Стругацких. Еще он - редактор-издатель ньюслеттеров "Понедельник", "Громозека", "Тарантога", "Tolkien News" и фэнзина "Проксима". БВИ - один из авторов первой отечественной "Энциклопедии фантастики" (1994) и составитель знаменитой двухтомной энциклопедии "Миры братьев Стругацких" (1999).

БВИ - автор более 500 статей по фантастике, нескольких переводов с польского, английского, испанского, болгарского, немецкого, чешского. Солидная подготовка в области информатики помогает БВИ в его многогранной сетевой деятельности: он - разработчик информационно-поисковой системы "Фантастика"; организатор и модератор сетевых конференций в ФИДО: RU.LUDENY, PVT.NIICHAVO, RU.SF.BIBLIOGRAPHY; архивариус странички братьев Стругацких (http://www.rusf.ru/abs/), ведущий разделов "Календарь" и

"Текущая библиография" на сайте "Русская фантастика"; один из авторов интернетовской "Экстелопедии фэнтези и научной фантастики" (**http://www.magister.msk.ru/library/extelop/**). Заслуги БВИ получили недавно официальное признание - он стал Лауреатом премии им. И.А.Ефремова (2001) -- за вклад в развитие и пропаганду фантастики.

Я искренне горжусь тем, что наш сайт привлек внимание такого маститого специалиста, и надеюсь на продолжение нашего сотрудничества с БВИ на радость любителям жуков и научной фантастики.

А. Лобанов, сентябрь 2001 г.

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ПУБЛИКАЦИЙ В.И. БОРИСОВА: более 500

ВАЖНЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия в 2 томах. Составитель В.И.Борисов. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica. 1999.

Библиография научной фантастики: Заметки читателя // Сов. библиогр. -- 1984. -- # 2. -- С. 69-75.

Эксперименты фантастов // Урал. следопыт (Свердловск), 1990. -- # 1. -- С. 27.

Оцениваем фантастику // Там же. -- 1990. -- # 2. -- С. 52.

Новое или старое? // Там же. -- 1990. -- # 3. -- С. 53.

Фантазии, в которые веришь // Там же. -- 1990. -- # 4. -- С. 51.

Человек и его окружение // Там же. -- 1990. -- # 5. -- С. 51.

Художник и время // Там же. -- 1990. -- # 6. -- С. 51.

Владимир Борисов: "За каждым мифом таится доля реальности" / Ведущий Э.Геворкян // Если (М.). -- 2000. -- # 11. -- С. 238-244.

Последнее обновление: 20 сентября 2001 г.

Ганс Христиан Андерсен - "Навозный жук"

Блуждая по страницам Интернета, на которых есть упоминания жуков, я обнаружил, что у Андерсена есть сказка, целиком посвященнная жуку-навознику. Текст этой сказки скопирован с одного из самых полных собраний сказок этого автора - двухтомника, изданного в 1969 году. Точно определить таксономическое положение героя сказки очень трудно, несмотря на то, что одно из действующих лиц вроде бы и произносит вслух его латинское название. Скорее всего - это навозник-землерой из рода Geotrupes. Впрочем - судите сами!

Андрей Лобанов, октябрь 2002 г.

Ганс Христиан Андерсен

СКАЗКИ И ИСТОРИИ. т. 2

Редактор Н. Сметкова

Художественный редактор А. Чалова

Технический редактор В. Алексеева

Корректор В. Урес

Сдано в набор 15/VIII 1969 г. Подписано к печати 28/X 1969 г. Тип. бум. № 2. Формат 84×108 1/32 — 20,5 печ. л. 34,44 усл. печ. л. 34,107 уч.-изд. л. Тираж 150 000 экз. Заказ № 614. Цена 1 р. 18 к.

Издательство «Художественная литература» Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская ул., 26

НАВОЗНЫЙ ЖУК

Лошадь императора удостоилась золотых подков, по одной на каждую ногу.

— За что?

Она была чудо как красива: с тонкими ногами, умными глазами и великолепною гривою, ниспадавшей на ее шею длинною лентой. Она носила своего господина в пороховом дыму, под градом пуль, слышала их свист и жужжание и сама обращалась от них, одним прыжком перескочила со своим всадником через упавшую лошадь врага и тем спасла золотую корону императора и самую жизнь его, что подороже золотой короны. Вот за что она и удостоилась золотых подков, по одной на каждую ногу.

А навозный жук тут как тут.

— Спорим, великие мира сего, порою уж малые! — сказал он. — Хотя и не в величии, собственно, тут дело! — И он протянул свои тощие ножки.

— Что тебе? — спросил кузнец.

— Золотые подковы! — ответил жук.

— Ты, видно, не в своем уме! — сказал кузнец. — И тебе золотых подков захотелось?

— Да! — ответил жук. — Чем я хуже этой скотины, за которою еще надо ухаживать? Честь со, корми да пои! Разве кто не из императорской конюшни?

— Да за что лошади дают золотые подковы? — спросил кузнец. — Ваняек ли тебе?

— Вдомек? Мне вдомек, что меня хотят оскорбить! — сказал навозный жук. — Это прямая обида мне! Я не стерплю, уйду куда глаза глядят!

— Провалишай! — сказал кузнец.

— Невежа! — ответил навозный жук, вылез на конюшню, отлетел немножко и очутился в красивом цветнике, где благоухали розы и лаванда.

— Правда ведь, здесь чудо как хорошо? — спросила жука шестикрылая белая хорошка, красная и в черных крапинках. — Как тут сладко пахнет, как все красиво!

— Ну, я привык к лучшему! — ответил навозный жук. — По-моему, тут прекрасно?! Даже не одной навозной кучи!..

И он отправился дальше, под сень большого лежал. По стеблю ползла гусеница.

— Как хорошо божий мир! — сказала она. — Солнышко греет! Как весело, приятно! А после того как я немного засну, или умру, как это говорится, я проснусь уже бабочкой!

— Да, да, воображай! — сказал навозный жук. — Так вот вы и полезли бабочками! Я из императорской конюшни, но и там никто, даже любимая лошадь императора, которая допускает теперь мои золотые подковы, не пообразует себе ничего такого. Получить крылья, полетите?! Да, вот мы так сейчас улетим! — И он улетел. — Не хотелось бы сердиться, да поневоле рассердишься!

Тут он бухнулся на большую навозную кучу, полежал-полежал, да и заснул.

Вдруг кто-то, какой прыгучий лошадь! Навозный жук проснулся от этого шума и хотел было поскорее уползти в землю, да не тут-то было. Он барахтался, барахтался, пробовал уползть и на спине и на боках — улететь нечего было и думать, то все напрасно. Нет, правда, он не выберется отсюда никогда! Он и остался лежать, как лежал.

Досадно простоволосился немножко; жук сжмурил вслед с глаз и увидел нежданное что-то белое: это была хозяйка, что разлеживала бельё. Жук добрался до него и запрыгал в складку мокрого полотна. Конечно, это было не то, что заревцы в теплый навоз в конюшне, но лучшего ничего здесь не представлялось, и он остался тут на весь день и на всю ночь, — дождь все лил. Утром навозный жук вылез; увидел он сторожа был на ключах.

На кочке сидели две лягушки, глаза их так и блестели от удовольствия.

— Сладкая погодка! — сказала одна. — Какая свежесть! Этот хорек чудесно задерживает воду! У меня даже задние лапки зачесались: так бы вот и попрыгала!

— Хотела бы я знать, — сказала другая, — пошла ли где-нибудь засточка, что летает так далеко, лучший климат, чем у нас? Этакие дожди, сырость — чудо! Право, словно сидишь в сырой канаве! Кто не радуется такой погоде, тот не сын своего отечества!

— Вы, значит, не бывали в императорской конюшне? — спросил их навозный жук. — Там и сыро, и тепло, и пахнет чудесно! Вот к чему я привык! Там каждая по мне, да сто не поспишь с собою в дорогу! Нет ли здесь, в саду, хоть паренька, где бы зеленью особо, кроме меня, могла найти приют и чувствовать себя как дома?

Но лягушки не поняли его или не хотели понять.

— Я никогда не спрашиваю два раза! — сказал навозный жук, повторив свой вопрос три раза и всячески не добившись ответа.

Жук отправился дальше и натолкнулся на черепок от горшка. Ему не следовало бы лезить тут, но раз он лез, под ним можно было найти приют. Под ним жило несколько семейств уховерток. Им простора не требовалось — было бы общество. Уховертки необыкновенно нежные матери, и у них поэтому каждый малютка был чудом ума и красоты.

— Наш сынок помоложе! — сказала одна мамаша. — Милая живинка! Его завечнейшая забава — заползти в ухо к священнику. Он сможет еще долго помолчать, ублажая его от сумасбродств. Ах, какая это радость для матери!

— А наш вон, — сказала другая, — едва вылупился, а уж сейчас за шалости! Такой живчик! Ну, да надо же молодым перебеситься! Дети — большая радость для матерей!

Не врала ли, господин навозный жук? — Они узнали пришельца по фигуре.

— Вы оба правы! — сказал жук, к ужасу тех, кто пригласили его пропеть к ним, если только он мог подлезть под черепок.

— Надо нам заглянуть и на моих малышей! — сказала третья, а потом и четвертая мамаша. — Ах, это семейное наличие и такие забавные! Они всегда едят себя хорошо, если только у них не болит животик, а от этого в их возрасте не убережешься!

И каждая мамаша рассказывала о своих детках: детки тоже вмешивались в разговор и пускали в ход свои клешни на хвостиках — деревяшки ими навозного жука за усы.

— Чего только не выдумают эти малышки! — сказали мамаши, потом от усталости им все это уже надоело навозному жуку, и он спросил, далеко ли еще до парника.

— О, далеко, далеко! Он по ту сторону канавы! — сказали в один голос ужасные. — Надеюсь, что ни одна из моих детей не вздумает отправиться в такую даль, а то я умру!

— Ну, а я попробую добраться туда! — сказал навозный жук и ушел не прощаясь — это самый вежливый тон.

У канавы он встретил своих сородичей, таких же навозных жуков.

— А мы тут живем! — сказали они. — У нас прекрасно! Минуты просим в наше жалкое местечко! Вы, верно, утомились в пути?

— Да! — ответил жук. — Пока дождь лил, я все лежал на листе, а такая чистота хоть кого увалит, не то что меня. Пришлось постоять и под глиняным черепком на сквозняке, ну и схватил ревматизм в надкрылье! Хорошо наконец очутиться среди своих!

— Вы, может быть, из парника? — спросил старший из навозных жуков.

— Подлиннее! — сказал жук. — Я из императорской конюшни; так же родился с золотыми подковами на ногах. И путешествую я по секретному поручению. Но вы не расспрашивайте меня, я все равно ничего не скажу.

И навозный жук уполз вместе с ними в теплую грязь. Там сидели три молодые барышни из же породы и хихикали, не зная, что сказать.

— Они еще не проснулись! — сказала мать, и те опять замяукали, на этот раз от смущения.

— Прекрасные барышни и не встречал даже в императорской конюшне! — сказал жук-путешественник.

— Ах, не испортите мне моих девочек! И не заговаривайте с ними, если у вас нет серьезных намерений!.. Впрочем, они у нас, конечно, есть, и я даю вам свое благословение!

— Ура! — закричали остальные, и жук стал женихом. За помолвкою последовала и свадьба — зачем откладывать?

Следующий день прошел хорошо, второй — так себе, а на третий уже приходилось подумать о пропитании: жене, а может быть, и детям.

«Вот-то подцепил меня! — сказал он себе. — Так я и я не подцеп!»

Так и сделал — ушел. День нет его, ночь нет его — жена осталась вдовою. Другие навозные жуки объяснили, что пришли в сильное настоящего бродяги. Еще бы! Жена теперь осталась у них на шее!

— Так пусть она опять считается барышней! — сказала мамаша. — Пусть живет у меня потрежему. Плюнем на этого негодяя, что бросил ее!

А он перешел канаву на капустном листке. Утром явились двое людей, увидели жука, взяли его и принялись вертеть в руках. Оба были страсть какие ученые, особенно мальчик.

— «Аллах видит черного жука на черном камне черной скалы» — так ведь сказано в Коране? — спросил он, называя навозного жука по-латыни, сказал, к какому классу насекомых он принадлежит.

Старший ученый не согласился мальчику брата жука с собою домой — за столом, у них уже имелись такие же хорошие экземпляры. Жуку такая речь показалась неприлично, он взял да и вылетел из рук ученых. Теперь прелесть у него высохла, и он мог облететь довольно далеко, долетел до самой теплицы и очень удобно проскользнул тут, — одно окно стояло открытое. Забравшись туда, жук поспешил зарыться в свежий навоз.

— Ах, как славно! — сказал он.

Скоро он заснул и увидел во сне, что лошадь императора пала, а он господин навозный жук получил ее золотые подковы, причем ему позволили дать и еще две. То-то было приятно! Проснувшись, жук поползал и отправился. Какая роскошь! Огромные пальмы всюду раскинули

в вышине свои листья, сквозь которые просвечивало солнце; внизу же всюду земелька трава, пестрели цветы, отменно красные, янтарно-желтые и белые, как свежевыпавший снег.

— Бесподобная растительность! То-то будет вкусно, когда все это станет! — сказал навозный жук. — Зашел в кладовую! Здесь, верно, живет кто-нибудь из моих родственников. Надо отправиться за поиски, найти кого-нибудь, с кем можно свести знакомство. Я ведь горд и горжусь этим! — И жук пополз, думая о своем сне, о новой лошади и о золотых подковах.

Вдруг его схватила чьи-то рука, стиснула, принялась вертеть и поворачивать...

В теплицу пришла семейка садовника с товарищем; они увидели навозного жука и вздумали позабавиться с ним. Жука завернули в виноградный листок и положили в теплый карман пиджака. Он было принялся там вертеться, карабкаться, но мальчик прихлопнул его рукой и побежал вместе с товарищем в конец сада, к большому пруду. Там они посадили жука в старый сломанный деревянный башмак, укрепили в середине его щепочку вместо мачты, привязали к ней жука шерстинкой и спустили башмак на воду. Теперь жук попал в шкиперы и должен был отправиться в плавание.

Пруд был большой-пребольшой: навозному жуку казалось, что он плывет по океану, и это до того его перепугало, что он упал навзничь и задрыгал ножками.

Башмак отплыл от берега почтенно, но как только он отплыл чуть подальше, один из шалунятков залучил его шпилькою, вытолкал по воде и протянул его обратно. Но вот башмак отплыл опять, и как раз в эту минуту мальчуганов так настойчиво позвали домой, что они вмиг забыли и думать о башмаке. Башмак же уплыл все дальше и дальше. Какой ужас! Улететь жук не мог — он был привязан к мачте.

В листе и тому сравнялся жуку.

— Какая сумасшедшая погода! — сказала она. — У нас тут можно сдуреть, нагреться на солнышке! Вам тут очень жарко.

— Болтаете, сами не знаете что! Не видите, что мы, я привязан?

— А я нет! — сказала муха и улетела.

— Вот когда я узнал свет! — сказал навозный жук. — Как он широк! Я один только передочек! Сначала меня обходит золотыми подковами, потом мне приходится лежать на мокром полосе, стоять на сквозняке, и, наконец, мне привязывают жену! Едва же я делаю смелый взгляд в свет, осматриваюсь и приглядываюсь, является мальчишка и привязывает меня, связанного, в бурное море! А лошадь императора щеголяет себе в золотых подковах! Вот что меня больше всего мучит. Но на этом свете справедливости не ищи! История моя очень поучительна, а что толку, если ее никто не знает? Да свет и недостоин знать ее, иначе он дал бы золотые подковы мне, когда лошадь императора протянула за мною ноги. Получи я золотые подковы, я бы стал украшением конюшни, а теперь я постой для всех, свет лишился меня, а жену жалко!

Но конец всему, видно, еще не наступил: на пруду появилась лодка, а в ней сидели несколько молодых девушек.

— Вот плывет деревянный башмак! — сказала одна.

— И бедный жук привязан крепко-накрепко! — сказала другая.

Они поравнялись с башмаком, вытащили его, одна из девушек достала ножницы и осторожно обрезала шерстинку, не причинив жуку ни малейшего вреда. Выйдя на берег, она посадила его на траву.

— Пошли, пошли, лети, лети, пока можешь! — сказала она жуку. — Свобода — великое благо!

И навозный жук помчался прямо в открытое окно какого-то большого строения, а там устало опустился на тонкую, мягкую, длинную грудь любимой лошади императора, стоявшей в конюшне, родной конюшне жука. Жук крепко вцепился в грудь лошади, старясь отдышаться и прийти в себя от усталости.

— Ну, вот я и снова на любимой лошади императора, как всегда! Что я говорю? Теперь мне все равно! Вот это мысль! И верная! «За что лошадь удостоилась золотых подков?» — спросил меня тогда кучер. Теперь-то я понимаю! Она удостоилась их из-за меня!

И жук вмиг повеселел.

— Путешествие проясняет мысли! — сказал он. Солнышко светит прямо на меня и светит так красиво! — Свет, я скажу, не что-то уж дурен! — продолжал рассуждать навозный жук. — Надо только уметь за него взяться!

Да и как не быть свету хорошим, если любимая лошадь императора удостоилась золотых подков из-за того только, что на ней сидит верхом навозный жук?

— Теперь я поползу к другим жукам и расскажу, что для меня сделали! Расскажу и обо всех прелестях заграничного путешествия и скажу, что отныне буду сидеть дома, пока лошадь не наносит своих золотых подков.

Артур Конан Дойл - "Охотник за жуками"

Казалось бы, что за 5 лет мы соединенными усилиями собрали все произведения классической прозы, в которых жуки играют важную роль. И вдруг такая находка - **Илья Любечанский** сообщил о рассказе Конана Дойла, где не только слово "жуки" есть в названии, но и среди действующих лиц присутствуют колеоптеролог-любитель и колеоптеролог-профессионал. Все упоминания жуков очень корректны - классик остается классиком даже в мелочах. Мы позволили себе скопировать текст новеллы с **грандиозного сайта Библиотеки Максима Мошкова.**

Декабрь 2004 г.

Артур Конан Дойл

Охотник за жуками

Перевод Е. Нестеровой
Артур Конан Дойл известный и неизвестный
Перстень Тота. Сборник рассказов. М., СП "Квадрат", 1992.
OCR - М.Н. Бычков (E-mail: bmn@lib.ru)

Текст с сайта: http://www.lib.ru/

- Вас интересует какой-нибудь странный случай? - спросил доктор. - Что ж, друзья мои, как-то со мной произошел действительно очень странный случай. Надеюсь, он не повторится, ибо по всем законам вероятности вряд ли на долю человека выпадает дважды пережить подобное. Хотите верьте, хотите нет, но все произошло именно так, как я вам рассказываю.

Я только что стал врачом, но еще не начал заниматься практикой. Жил я в ту пору в комнате на Гауэр-стрит. Вы и теперь легко найдете этот дом, хотя с тех пор нумерация изменилась. Если вы идете от станции метро, то на левой стороне улицы увидите дом с окнами в форме арки. В то время домом владела вдова по фамилии Мурчисон, и у нее жили трое студентов-медиков и один инженер. Я занимал комнатушку наверху - конечно, самую дешевую, но тогда и эта плата казалась мне огромной. Мои скромные ресурсы таяли с каждым днем; нужно было срочно найти какую-нибудь работу. Но я не хотел заниматься обычной врачебной практикой, меня привлекали чисто научные исследования. С юных лет я увлекался зоологией. Однако я почти сдался и уже был готов всю жизнь тянуть лямку врача, как вдруг мои сомнения закончились весьма

неожиданным образом.

Однажды утром я пролистывал страницы "Стэндард". Ничего нового в газете не было, и я уже собирался отложить ее в сторону, как вдруг мне на глаза попалось любопытное объявление. Вот что там говорилось: "Приглашается врач на один или несколько дней. Он должен быть физически сильным человеком, обладать крепкими нервами и решительностью. Это должен быть энтомолог - предпочтительно специалист по жесткокрылым насекомым.

Обращаться надлежит сегодня до двенадцати часов по адресу: Брук-стрит, 77-Б".

Я уже сказал, что увлекался зоологией. Из всех разделов этой науки меня больше всего привлекали насекомые, а лучше всего я знал жуков. Существует великое множество коллекционеров бабочек, но я считаю, что жуки во сто крат интереснее и разнообразнее. К тому же на наших островах их гораздо легче поймать, чем бабочек. Именно поэтому я и заинтересовался жуками; моя коллекция насчитывала около сотни экземпляров. Что касается других требований, о которых говорилось в объявлении, я знал, что нервы у меня крепкие. Кроме того, я был победителем среди работников медицинского персонала больниц по толканию тяжестей. В общем, я считал, что был именно тем человеком, который требовался. Через пять минут я сидел в кэбе и направлялся на Брук-стрит.

По дороге я ломал голову, пытаясь догадаться, что за работа меня ждет - уж очень странными казались требования. Физическая сила, решительность, медицинское образование, знание жуков - какая могла быть связь между всем этим?

Кроме того, удручало, что дело, которым нужно было заниматься, видимо, было не постоянным, а менялось день ото дня - в объявлении тоже говорилось об этом. Чем больше я думал, тем нелепее казались мне требования. Но, размышляя об этом, я вновь и вновь возвращался к главному. Что бы ни случилось, терять мне было нечего, я сидел почти без денег и был готов к любому приключению, самому отчаянному - лишь бы положить в карман несколько честно заработанных соверенов. {Соверен - золотая монета в 1 фунт стерлингов. (Прим. пер.)} Человек боится потерпеть неудачу, если за нее придется расплачиваться, но мне платить судьбе было просто нечем, Я был похож на игрока с пустыми карманами, которому позволили еще разок попытать счастья.

Дом номер 77-Б оказался внушительным зданием тускло-коричневого цвета, с плоским фасадом. Он носил налет той подчеркнутой респектабельности и серьезности, который присущ архитектуре эпохи королей Георгов.

Когда я вышел из кэба, из дверей дома появился молодой человек и быстро зашагал по улице. Поравнявшись, он бросил на меня неприязненный взгляд. Я воспринял это как хороший знак: молодой человек был похож на отвергнутого претендента, и если он так возмущенно воспринял мое появление, это могло означать только одно - место пока оставалось вакантным. Полный надежд, я поднялся по широким ступенькам и постучал в дверь тяжелым дверным молотком. Мне открыл напудренный лакей в ливрее. Видимо, я имел дело с богатыми людьми.

- Слушаю вас, сэр, - сказал лакей.

- Я пришел по объявлению.

- Очень хорошо, сэр, - ответил лакей. - Лорд Линчмер сейчас примет вас в библиотеке.

Лорд Линчмер! Имя это смутно мелькнуло в памяти, но я не мог припомнить, что я слышал об этом человеке. Следуя за лакеем, я прошел в большую комнату, уставленную шкафами с книгами. За письменным столом сидел человек небольшого роста. У него были приятные черты лица. Щеки гладко выбриты, длинные волосы, тронутые сединой, зачесаны назад. Зажав в правой руке мою визитную карточку, он внимательно осмотрел меня с головы до ног. Затем дружелюбно улыбнулся, и я почувствовал, что, по крайней мере, моя внешность отвечала его требованиям.

- Вы пришли по моему объявлению, доктор Гамильтон? - спросил он.

- Да, сэр.

- Вы считаете, что обладаете всеми необходимыми качествами, о которых там говорится?

- Думаю, да, сэр.

- Судя по вашему виду, вы человек сильный.

- Надеюсь, сэр.

- И решительный?

- Думаю, да.

- Вы когда-нибудь рисковали жизнью?

- Пожалуй, нет.

- Но считаете, что в этом случае будете действовать быстро и хладнокровно?

- Надеюсь, сэр.

- Да, я уверен в этом. И уверен именно потому, что вы не притворяетесь другим в такой непривычной для вас обстановке. Что касается личных качеств, думаю, нам нужен именно такой человек. Теперь перейдем к следующему вопросу.

- Что вас интересует?

- Поговорите-ка со мной о жуках.

Мне показалось, он шутит, но, напротив, лорд Линчмер выжидательно приподнялся над столом. В глазах его промелькнула тревога.

- Боюсь, вы не очень разбираетесь в жуках! - воскликнул он.

- Напротив, сэр, это одна из тех областей, где, мне кажется, я кое-что знаю.

- Очень рад слышать это. Пожалуйста, расскажите, что вы знаете о жуках.

Я рассказал. Не думаю, что я поведал что-то оригинальное на эту тему. Я просто дал краткую характеристику жуков, перечислил наиболее распространенные виды, упомянул о некоторых экземплярах из собственной небольшой коллекции и коснулся статьи "Забытые жуки", которую когда-то опубликовал в "Энтомологическом журнале".

- Как! Вы не только коллекционер, не только простой собиратель жуков? - Его глаза просто светились от радости.

- Безусловно, вы и есть тот единственный человек во всем Лондоне, который мне и нужен. Я так и думал, что среди пяти миллионов должен непременно оказаться такой человек, трудность только в том, как его разыскать. Мне очень повезло, что я вас нашел.

Он ударил в гонг, стоявший на столе. Вошел лакей.

- Попросите леди Росситер соблаговолить спуститься сюда, - сказал лорд

Линчмер, и спустя несколько минут в комнату вошла дама. Она была небольшого роста, средних лет и очень похожа на лорда Линчмера: такие же удивительно живые черты лица и черные волосы, тронутые сединой. Выражение тревоги, которое я заметил на его лице, было свойственно и ей, и далее в большей степени. Ее чело, казалось, омрачало какое-то большое горе.

Лорд Линчмер представил меня. Она повернулась ко мне лицом, и я вздрогнул, увидев большой полузаживший шрам над правой бровью. Он был частично скрыт пластырем, но, тем не менее, я понял, что рана была серьезной и совсем свежей.

- Лорд Гамильтон - именно тот человек, который нам нужен, Эвелин, - сказал лорд Линчмер. - Он коллекционирует жуков и даже написал статьи на эту тему.

- Неужели?! - воскликнула леди Росситер. - Тогда, должно быть, вы слышали о моем муже. Каждый, кто знает что-нибудь о жуках, наверняка слышал о сэре Томасе Росситере.

Тут для меня впервые в этом странном деле забрезжил тонкий луч света. Наконец-то появилась какая-то связь между всеми этими людьми и жуками. Сэр Томас Росситер был мировым авторитетом в этом вопросе. Он всю жизнь изучал жуков и написал о них фундаментальное исследование. Я поспешил уверить леди Росситер, что, разумеется, читал труды ее мужа и высоко ценю их.

- А вы встречались с моим мужем? - спросила она.

- Нет.

- Что ж, тогда встретитесь, - решительно заявил лорд Линчмер.

Леди Росситер стояла возле стола, положив руку ему на плечо. Теперь, когда я увидел их рядом, мне стало ясно, что это брат и сестра.

- Ты действительно готов пойти на это, Чарльз? Это очень благородно с твоей стороны, но мне так больно слышать об этом. - Ее голос дрожал от волнения, и мне показалось, лорд Линчмер тоже был растроган, хотя и делал усилия, чтобы скрыть волнение.

- Да, да, дорогая, все решено, обо всем договорились. Ведь другого способа просто не существует.

- Нет, ведь есть еще один.

- Эвелин, я тебя никогда не покину, слышишь, никогда! Все будет хорошо, поверь, все обязательно образуется. И, конечно, сам Бог помогает нам: ведь он вкладывает в наши руки такой замечательный инструмент!

Мне стало неловко: я почувствовал, что они совершенно забыли о моем присутствии. Но лорд Линчмер внезапно вспомнил обо мне и о моей работе.

- Я хочу, доктор Гамильтон, чтобы вы целиком были в моем распоряжении. Я хочу, чтобы вы отправились со мной в небольшое путешествие. Вы должны всегда быть рядом и обещать делать все, о чем я вас попрошу, не задавая никаких вопросов, хотя это и может показаться вам странным.

- Пожалуй, это довольно большие требования.

- К сожалению, я не могу объяснить точнее: я и сам не знаю, как пойдут дела. Но можете быть уверены, что вас не попросят совершать что-то безнравственное. Обещаю, что когда все будет кончено, вы будете гордиться тем, что участвовали в таком деле.

- Если все хорошо кончится, - прошептала леди Росситер.

- Совершенно верно, если все это хорошо кончится, - подтвердил лорд

Линчмер.

- А ваши условия? - спросил я.

- Двадцать фунтов в день.

Я был изумлен, услышав сумму, и, наверное, это было написано у меня на лице.

- Вероятно, когда вы прочли объявление, вас поразило столь странное сочетание необходимых качеств, - продолжал лорд Линчмер. - И, разумеется, такие разносторонние таланты должны цениться высоко. Не скрою, ваши обязанности могут быть весьма трудными и даже опасными. Кроме того, возможно, через день-два все кончится.

- Дай-то Бог! - вздохнула его сестра.

- Итак, доктор Гамильтон, могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

- Без сомнения, - заверил я. - Вы только должны рассказать, в чем состоят мои обязанности.

- Первое, что вам придется сделать, - это вернуться домой. Приготовьте все, что может вам понадобиться, для небольшого загородного путешествия. Мы отправимся прямо сегодня в 3.40 с Паддингтонского вокзала.

- А куда нам нужно ехать?

- До Пэнгборна, Ждите меня у кассы в 3.30. Билеты будут у меня. Всего доброго, доктор Гамильтон! И, кстати, посоветую вам захватить с собой две вещи, если, конечно, они у вас есть. Первое - коробку для жуков, а второе - палку, и чем толще она и тяжелее, тем лучше.

Как вы легко догадаетесь, мне было над чем поразмыслить после того, как я покинул дом на Брук-стрит. Наконец я отправился на встречу с лордом Линчмером на Паддингтонский вокзал. Вся эта фантастическая затея не выходила у меня из головы; мысли теснились, обгоняя друг друга. Я придумал тысячу объяснений, одно другого невероятнее. Однако я чувствовал, что истинная причина может оказаться еще неправдоподобнее. Наконец, я бросил все попытки объяснить происходящее и сосредоточился на том, чтобы в точности выполнить указания лорда Линчмера. Итак, держа в руках саквояж, коробку для коллекции и увесистую трость, я дожидался у кассы Паддингтонского вокзала, когда появился лорд Линчмер. Он был еще ниже ростом, чем я полагал, хрупкий и несколько болезненный. Он заметно нервничал - даже больше, чем утром. На нем было длинное свободное пальто с поясом, и я заметил, что в руке он сжимает тяжелую трость.

- Я купил билеты, - сказал он, шагая по платформе. - А вот и наш поезд. У нас отдельное купе - по дороге мне нужно с вами уточнить кое-что.

Все, что он хотел уточнить, могло уместиться в одной фразе: я обязан помнить, что нахожусь здесь для его охраны и не должен отходить от него ни на минуту. Он повторял это во время всего нашего путешествия с настойчивостью, которая лишний раз убеждала, что нервы у него вконец расстроены.

- Да, - сказал он, наконец заметив мои взгляды, - да, доктор Гамильтон, я действительно нервничаю. Я ведь всегда был не храброго десятка, и робость моя - следствие слабого здоровья. Но душой я человек твердый и могу смотреть в лицо опасности даже тогда, когда и более хладнокровный наверняка спасовал бы. И я сейчас поступаю отнюдь не вынужденно, а из чувства долга, хотя, без

сомнения, иду на отчаянный риск. Если дело обернется плохо, я вполне могу претендовать на звание мученика.

Эти бесконечные загадки стали мне надоедать. Я почувствовал, что пора положить им конец.

- Думаю, было бы лучше, сэр, если бы вы мне полностью доверились. Ведь невозможно действовать, если не представляешь своей цели. А ведь я даже не знаю, куда мы направляемся.

- Ну, в этом нет никакой тайны, - ответил он. - Мы едем в Деламер Корт, где живет сэр Томас Росситер - тот самый, чьи труды вы так хорошо знаете. Что касается цели нашей поездки, то не думаю, что сейчас стоит подробно посвящать вас в мои дела. Могу сказать, что мы - я говорю "мы", имея в виду и мою сестру, леди Росситер, которая разделяет мои взгляды, - так вот, мы действуем с одной целью: предотвратить семейный скандал. И вы, надеюсь, поймете, что я не склонен давать какие-нибудь объяснения без крайней нужды. Конечно, если бы я просил вашего совета - тогда другое дело. Но сейчас я нуждаюсь в вашей активной помощи и буду время от времени указывать вам, каким образом вы можете мне помочь.

Больше говорить было не о чем. Да и о чем спорить бедняку, которому вдруг стали платить по двадцать фунтов в день? Но, тем не менее, я почувствовал, что лорд Линчмер поступает по отношению ко мне не совсем порядочно. Он хотел превратить меня в пассивное орудие - вроде дубинки в своей руке. Но, учитывая его повышенную возбудимость, я понимал, что скандал был для него крайне нежелателен, и поэтому он не будет доверять мне, пока не появятся веские причины. Если я хочу раскрыть тайну, то должен положиться на собственные глаза и уши. Тем не менее, я был уверен, что сумею разобраться в этом запутанном деле.

Деламер Корт расположен в пяти милях от Пэнгбурна, и это расстояние мы проехали в открытом экипаже. Лорд Линчмер все время пребывал в глубокой задумчивости и ни разу не раскрыл рта. Мы почти приехали, когда он наконец заговорил и сообщил мне некоторые сведения. То, что я услышал, меня порядком удивило.

- Вы, наверное, не знаете, что я тоже врач?

- Нет, сэр, первый раз слышу.

- Да, в молодости я получил медицинское образование. В те времена от титула лорда меня отделяла целая вечность. Правда, у меня не было случая заняться медицинской практикой, но, тем не менее, считаю, что это полезные знания. Я никогда не жалел о годах, посвященных изучению медицины. - Мы приехали, вот и ворота в Деламер Корт.

Мы приблизились к двум высоким колоннам, увенчанным геральдическими чудовищами, которые располагались по краям входа в извилистую аллею. Поверх кустов благородного лавра и рододендронов я увидел длинное здание с островерхой крышей, увитое плющом. Его архитектура гармонично сочеталась с теплым, сочным цветом старого кирпича. Я с восхищением рассматривал этот прелестный дом, когда мой спутник нервно дернул меня за рукав.

- Вот и сэр Томас, - прошептал он. - Пожалуйста, поговорите с ним о жуках - выложите ему все, что знаете.

Из отверстия в живой изгороди из лавра появилась высокая тощая фигура, необычайно угловатая и костлявая. Человек держал в руке мотыгу, он был в

рабочих рукавицах. Тень от широкополой шляпы скрывала лицо, но меня поразили его суровое выражение, неправильные черты и плохо ухоженная борода. Экипаж остановился, и лорд Линчмер спрыгнул на землю.

- Дорогой Томас, как поживаете? - сердечно спросил он.

Но эта сердечность отнюдь не вызвала ответного отклика. Владелец поместья пристально посмотрел на меня поверх плеча своего шурина, и я услышал обрывки фраз: "Мое желание хорошо вам известно... Ненавижу посторонних;.. Нет оправдания... Совершенно непростительно..." Последовало неясное бормотание, объяснения, и, наконец, эта пара подошла к экипажу.

- Доктор Гамильтон, позвольте представить вас сэру Томасу Росситеру, - сказал лорд Линчмер. - Вы убедитесь, что у вас много общего.

Я поклонился. Сэр Томас стоял в напряженной позе, с яростью глядя на меня из-под широких полей своей шляпы.

- Лорд Линчмер говорит, будто бы вы разбираетесь в жуках, - сказал он. - И что же вы о них знаете?

- Знаю то, что прочитал в вашей работе о жесткокрылых насекомых, сэр Томас, - ответил я.

- Назовите названия наиболее известных видов английских скарабеев, - потребовал он.

Я не ожидал экзамена, но, к счастью, был готов. Похоже, мои ответы удовлетворили лорда Росситера, потому что его суровое лицо немного прояснилось.

- Ну, что ж, вы прочли мою книгу с немалой пользой, сэр, - сказал он. - Нечасто я встречаю людей, которые проявляют интерес к подобным делам. Ведь находят время для таких никчемных занятий, как спорт или светские развлечения, а вот на жуков и внимания не обращают. Смею вас уверить, что большинство идиотов, живущих в этой части Англии, даже не знают, что я написал эту книгу - я, первый человек в мире, открывший истинную функцию надкрылий у насекомых! Рад видеть вас, сэр, и, без сомнений, смогу показать вам некоторые экземпляры, которые вас заинтересуют.

Он взобрался в экипаж и поехал с нами к дому, рассказывая мне по пути о последних исследованиях, которые он делал, препарируя божью коровку.

Я уже упомянул, что сэр Томас Росситер носил большую шляпу, нависавшую до бровей. Войдя в дом, он снял ее, и я сразу заметил одну особенность. Его лоб, от природы высокий и казавшийся еще больше от залысин, находился в непрестанном движении. Какая-то нервная слабость держала мускулы в постоянном спазме, и это иногда вызывало странное подергивание, которое я раньше никогда не встречал. Это стало особенно заметно, когда мы вошли в кабинет. Он повернулся к нам, и я увидел неподвижный взгляд его серых глаз, смотревших из-под дергающихся бровей.

- Мне очень жаль, - сказал он, - что здесь нет леди Росситер, она была бы вам так рада. Кстати, Чарльз, Эвелина сказала тебе, когда вернется?

- Она собиралась остаться в городе еще на несколько дней, - отозвался лорд Линчмер. - Знаете, у женщин накапливается столько дел, стоит им провести какое-то время за городом. А у моей сестры в Лондоне столько друзей.

- Ну, что ж, она вольна решать сама, не хочу вмешиваться в ее планы. Но я буду рад, если она вернется поскорее. Без нее здесь очень одиноко.

- Именно этого я и боялся, вот почему и заехал. Мой юный друг, доктор Гамильтон, разделяет ваше увлечение. Вот я и подумал, что вам будет приятно побеседовать с ним, поэтому и взял его с собой.

- Я веду весьма уединенную жизнь, доктор Гамильтон, и не очень жалую незнакомых, - молвил хозяин. - Иногда мне приходит в голову, что мои нервы начинают сдавать. Путешествия, которые я совершал в молодости, охотясь за жуками, нередко заводили меня в места, где свирепствовала малярия и другие болезни. Но такой собрат-коллекционер, как вы, всегда желанный гость в моем доме, и я буду рад показать вам свою коллекцию. Не хвастаясь, скажу, что это лучшая коллекция в Европе.

Без сомнения, так оно и было. В огромном дубовом шкафу с неглубокими выдвижными ящиками хранились тщательно классифицированные жуки со всего света: черные, коричневые, синие, зеленые, пестрые. Время от времени лорд Росситер протягивал руку и из бесчисленных насекомых, нанизанных на иголки, извлекал какой-нибудь редкий экземпляр. Осторожно держа его, как реликвию, он описывал особенности жука и те обстоятельства, при которых тот попал в коллекцию. По-видимому, ему не часто доводилось иметь дело с прилежными слушателями, и он все говорил и говорил, пока не спустились сумерки и удар гонга не оповестил, что пора одеваться к обеду. За все время лорд Линчмер не проронил ни слова. Он стоял рядом с шурином, и я видел, как он бросает на своего родственника странные вопросительные взгляды. Лицо его выражало сильное возбуждение. Мне показалось, что я читаю в его взгляде одобрение, симпатию и ожидание. Я мог с уверенностью утверждать, что лорд Линчмер чего-то ждал и боялся, но чего именно, догадаться не мог.

Вечер прошел тихо и очень приятно, и я бы чувствовал себя вполне свободно, если бы не эта постоянная напряженность лорда Линчмера. Что касается нашего хозяина, я убедился, что при близком знакомстве это был очень приятный человек. Он часто с любовью говорил о своей жене и о маленьком сыне, которого недавно отдали в частную школу. Без них дом стал совсем не тот, пожаловался он. Если бы не его научные занятия, он просто не знал бы, как жить дальше. После обеда мы некоторое время курили в бильярдной и наконец пораньше отправились спать.

Именно тогда у меня впервые вспыхнуло подозрение, что лорд Линчмер немного не в своем уме. Когда хозяин удалился, он последовал за мной в мою комнату.

- Доктор, - быстро зашептал он, - вы должны немедленно пойти со мной. Эту ночь вы проведете в моей спальне.

- Что вы имеете в виду?

- Я предпочел бы не объяснять. Но это входит в круг ваших обязанностей. Моя комната неподалеку от вашей, и вы можете вернуться к себе прежде, чем слуга придет будить вас.

- Но зачем все это?

- Если вам обязательно нужна причина, извольте: я боюсь оставаться один.

Все это весьма напоминало признаки безумия, но веский аргумент в виде двадцати фунтов стерлингов способен побороть многие возражения. Я последовал за ним в комнату.

- Однако здесь только односпальная кровать, - заметил я.

- В ней и будет спать один из нас.
- А второй?
- Второй должен сторожить.
- Но объясните: чего ради? Можно подумать, на вас собираются нападать.
- Не исключено, что именно это я и думаю.
- Но в таком случае, почему бы не запереть дверь?
- Может быть, я хочу, чтобы на меня напали.

Все больше и больше это напоминало поведение сумасшедшего. Но мне не оставалось ничего другого, как подчиниться. Пожав плечами, я уселся в кресло рядом с погасшим камином.

- Значит, мне придется сторожить? - уныло спросил я.
- Мы будем дежурить по очереди. Вы сторожите до двух, а я - все остальное время.
- Хорошо.
- Тогда разбудите меня в два.
- Непременно.
- Не смыкайте глаз ни на минуту и, если услышите что-нибудь, немедленно будите. Немедленно - слышите?
- Можете на меня положиться.

Я пытался говорить так же серьезно, как и он.

- Только, ради Бога, не усните, - напомнил он и, сняв только куртку, улегся, укрывшись одеялом.

Это было довольно тоскливое бдение, и мне становилось еще печальнее, когда я размышлял о всей нелепости этой ситуации. Предположим, у лорда Линчмера есть причина подозревать какую-то опасность в доме сэра Росситера. Тогда почему бы не запереться на замок, защитив себя таким простым способом? Ответ, что он, возможно, и сам желает, чтобы на него напали, звучит просто нелепо. Как можно хотеть, чтобы на тебя напали? Да и кому придет в голову нападать на него? Совершенно ясно, что лорд Линчмер страдал какой-то манией, а в результате всей этой глупой истории я должен не спать всю ночь. И, однако, как ни абсурдно казалось все это, я решил в точности выполнить все указания, пока находился в его распоряжении. Поэтому я устроился возле потухшего камина и стал слушать громкое тиканье часов где-то в коридоре внизу. Они громко били каждые четверть часа. Казалось, мое бдение будет длиться вечно. В доме стояла глубокая тишина, нарушаемая только тиканьем часов. На столике у моего локтя горела маленькая лампа, отбрасывая круг света на мой стул, но в углах комнаты было темно. Лорд Линчмер мирно посапывал на своей кровати. Я завидовал его спокойному сну. То и дело мои веки смыкались, но каждый раз чувство долга приходило на помощь.

Я тер глаза и щипал себя с твердой решимостью довести это нелепое бдение до конца.

Мне это удалось. Внизу часы пробили два, и я положил руку на плечо спящего. Он мгновенно проснулся и сел. Лицо его было встревожено.

- Что-нибудь услышали?
- Нет, сэр. Просто сейчас два часа.
- Очень хорошо. Я посторожу, можете ложиться спать.

Я залез под одеяло - как и он, не раздеваясь, - и мгновенно уснул. Последнее, что я видел, - это круг от лампы, освещавший маленькую

сгорбленную фигуру лорда Линчмера и его напряженное, встревоженное лицо.

Не знаю, сколько времени спал. Проснулся я оттого, что кто-то резко дернул меня за рукав. Было темно, но по запаху горячего масла я понял, что лампу только что погасили.

- Скорее! Скорее! - зашептал лорд Линчмер прямо мне в ухо.

Я спрыгнул с кровати; он все еще тянул меня за руку.

- Быстрее сюда! - прошептал он, увлекая меня в угол. - Тише! Слушайте!

В тишине ночи я услышал, как кто-то крадется по коридору. После каждого шага идущий останавливался. Иногда в течение минуты наступала тишина, затем вновь раздавался шорох и скрип половиц. Мой компаньон весь дрожал от возбуждения. Его рука, все еще сжимавшая мой рукав, тряслась, как ветка на ветру.

- Кто это? - прошептал я.

- Это он!

- Сэр Томас?

- Да.

- Что же он хочет?

- Тише! Не двигайтесь, пока я не скажу!

Я услышал, как кто-то пытается открыть дверь. Раздался слабый скрип, и я увидел тонкую полоску света. Видимо, лампа горела где-то далеко внизу, в коридоре, но этого было достаточно, чтобы из темной комнаты различить то, что происходило снаружи. Дверь медленно открывалась, и полоска света становилась все шире и шире. Я увидел темную фигуру мужчины. Он сидел на корточках, напоминая большого уродливого карлика. Наконец дверь открылась настежь, и посередине отчетливо вырисовалась эта зловещая фигура. Вдруг человек резко выпрямился - казалось, в комнату впрыгнул тигр - и... Бух! Бух! Бух! - последовало три страшных удара чем-то тяжелым по кровати.

Я был так потрясен увиденным, что замер на месте и пришел в себя только от крика лорда Линчмера, звавшего на помощь.

Через распахнутую дверь падал свет, и я мог хорошо видеть происходящее.

Маленький лорд Линчмер изо всех сил вцепился в горло своему шурину. Он храбро повис на нем, напоминая игрушечного бультерьера, сражающегося с поджарой борзой. Высокая сухопарая фигура металась по комнате, стараясь сбросить своего противника, но тот вцепился крепко, хотя громкие испуганные вопли показывали, что силы были слишком неравны. Я бросился на помощь, и вдвоем нам удалось повалить сэра Томаса на землю, хотя он и ухитрился укусить меня в плечо. Несмотря на мою молодость, вес и силу, мы долго отчаянно боролись, прежде чем совладали с ним. Нам удалось скрутить ему руки поясом от его собственного халата. Я держал его за ноги, а лорд Линчмер пытался зажечь лампу. В это время послышался шум; в комнату вбежали дворецкий и два лакея, разбуженные нашими криками. С их помощью мы справились с пленником, и теперь он лежал на полу с пеной на губах, свирепо глядя на нас. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: перед нами опасный маньяк, а тяжелый молоток, лежавший на кровати, ясно указывал, как страшны были его намерения.

- Не трогайте его! - закричал лорд Линчмер, когда мы подняли сопротивлявшегося пленника на ноги. - После возбуждения он впадает в ступор. Похоже, это уже началось.

Пока лорд Линчмер говорил, конвульсии сумасшедшего стали слабеть, голова упала на грудь, и он как будто погрузился в сон. Мы повели его по коридору и уложили в его кровать. Он лежал, не приходя в сознание и тяжело дыша.

- Вы двое останетесь его сторожить, - приказал лорд Линчмер. - А теперь, доктор Гамильтон, если вы не против, вернемся ко мне, и я дам объяснения, которые так долго откладывал из-за страха перед скандалом. И, ручаюсь, что бы ни случилось, вы никогда не пожалеете, что помогли мне сегодня ночью.

- Все объясняется довольно просто, - продолжал он, когда мы остались одни. - Мой бедный шурин - превосходный человек, любящий муж и достойный отец. Но он родом из семьи, где сумасшествие передается из поколения в поколение. Неоднократно он был одержим мыслью об убийстве. И, что самое горькое, он всегда нападает на человека, к которому больше всего привязан. Чтобы избежать опасности, пришлось отправить его сына в частную школу. Тогда он попытался напасть на мою сестру - свою жену. Ей удалось бежать, она отделалась ранами, которые вы, возможно, заметили, когда встретили ее в Лондоне. Понимаете, когда он в здравом уме, то ничего не помнит и поднял бы на смех любое предположение, что вообще способен нанести вред тому, кого так любит. А это часто, как вам известно, характерно для подобных заболеваний: крайне трудно убедить больного в его болезни.

Мы стремились изолировать его прежде, чем он обагрит руки кровью, но это было довольно сложно. Он живет отшельником и не принимает никаких врачей. Кроме того, для нашей цели было необходимо, чтобы врач сам убедился в его сумасшествии - а ведь, за редким исключением, он выглядел вполне здоровым, как вы или я. Но, к счастью, незадолго до приступов у него всегда появляются определенные симптомы - как будто Господь подает знак, чтобы мы были начеку. Главные симптомы - нервные подергивания на лбу - вы, наверное, заметили. Они начинаются за три-четыре дня до приступа безумия. Как только такие признаки появились, его жена немедленно под каким-то предлогом отправилась в Лондон и нашла убежище в моем доме на Брук-стрит.

Оставалось убедить врача в болезни сэра Томаса - без этого было бы невозможно поместить его туда, где он не сможет причинить вреда окружающим.

Но как привести к нему в дом врача - это была главная проблема. Мне пришло в голову использовать его увлечение жуками и симпатию к тем, кто разделяет эту привязанность. Я поместил объявление в газете, и мне посчастливилось встретить именно вас, ибо вы оказались как раз тем человеком, который и был нам так необходим. Ведь нужен был смелый человек, так как я знал, что сумасшествие можно доказать только в случае покушения на жизнь, и у меня были все основания полагать, что теперь он нападет на меня, так как в моменты безумия он всегда испытывал ко мне нежнейшую симпатию. Думаю, остальное вы дополните сами. Я не знал, что приступ произойдет именно ночью, но допускал это вполне возможным, ибо в таких случаях кризис падает на ранние утренние часы. Сам я человек нервный, но я не видел другого способа избавить свою сестру от смертельной опасности. Надеюсь, нет необходимости спрашивать, подпишете ли вы бумагу, подтверждающую болезнь.

- Без сомнения! Но ведь в таком деле нужны подписи двух врачей.

- Вы забыли, что я сам врач и обладаю степенью. Все нужные бумаги

здесь, на столе, и если вы соблаговолите подписать, пациента можно отправить в больницу уже утром.

Так я посетил дом сэра Томаса Росситера, знаменитого охотника за жуками. Это была моя первая ступень на лестнице успеха, ибо леди Росситер и лорд Линчмер оказались верными друзьями и никогда не забывали, что я помог им в трудную минуту. Сэр Томас находится в больнице, и, говорят, лечение идет успешно. Но я до сих пор уверен, что останься я еще на одну ночь, я бы непременно запер дверь изнутри.

Павел Крусанов: "Мало пишут о жесткокрылых"

Гость нашего сайта - **Александр Федорович Емельянов** - принес в конце прошлого года номер "Литературной газеты" (N 38, 17-23 сентября 2003 г.) со статьей (интервью с писателем Павлом Крусановым), название которой не может оставить спокойным сердце жуколюба: **"Мало пишут о жесткокрылых"**. А у редактора сайта еще и болезненный вопрос возник к автору претензии - "Неужели почти 3 тысячи веб-страниц нашего сайта о жесткокрылых - это мало?!". Захотелось выяснить - а пишет ли о жесткокрылых сам Павел Крусанов? Оказалось, что известный русский писатель не только любит и коллекционирует жуков, но и часто упоминает их в своей замечательной прозе. И теперь, когда мы готовы ответить на встречные вопросы посетителей сайта, редакция может предложить всем познакомиться с первоисточником. Статья большая и Вы можете выбрать удобный для Вас вариант:

- копия части газетной полосы (472 килобайта) - изображение слева;
- веб-вариант статьи на сайте "Литературной газеты" - изображение справа;
- **просто текст статьи с сайта ЛГ**.

Результаты моего небольшого расследования - смотрите ниже.

ИМЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 8

Павел Крусанов:

«Мало пишут о жесткокрылых»

Павел Крусанов:

"МАЛО ПИШУТ О ЖЕСТКОКРЫЛЫХ"

Павел Васильевич КРУСАНОВ родился в 1961 году в Ленинграде. Ранние школьные годы провел в Египте. Публикуется с 1989 года. Самые известные книги: "Укус ангела", "Бессмертник", "Бэн-бэй". Финалист литературных премий: "Северная Пальмира" (1996), АБС-премия (2001), "Национальный бестселлер" (2003). Коллекционирует жесткокрылых. Женат, имеет двух сыновей. Работает в издательстве "Амфора". Один из заметных и многообещающих авторов в современной российской литературе.

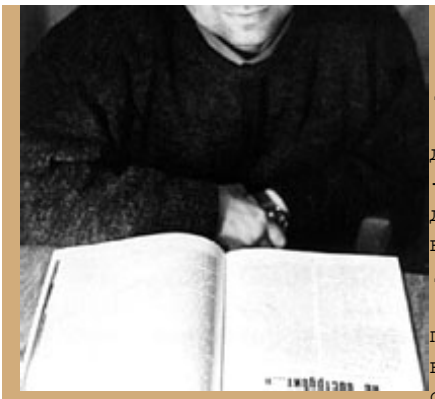
– Мы с вами находимся на Московской книжной ярмарке. Вас сюда привела работа. Но о работе потом. Закончилось лето. Вы только что вернулись из отпуска. Где отдыхали? Только не говорите, что на Канарах. И где вообще российскому писателю, по вашему мнению, лучше проводить отпуск?

– Два месяца я жил с семьей в деревне в Псковской губернии, в тридцати километрах от Пушкиногорских Гор. Удивительные места. Свидетельствую авторитетно, так как провожу там лето вот уже одиннадцатый год подряд. Щедрая и очень расположенная к человеку природа – даже непонятно, за что. Попробуйте лечь на траву где-нибудь в Перпиньяне – вас от колючек будет не отодрать. Вообще в российской глубинке красот хватает. В июле мы путешествовали с другом на двух машинах: были на Западной Двине, Днепре, Десне, в верховьях Волги, на Селигере. Мы же в столицах собственной страны не видим. А напрасно. Зрелище роскошное и вместе с тем поучительное. Это в без всякого прекраснодушия говорю. Здесь не просто впечатлений – все увиденное, услышанное, впитанное становится частью личного опыта. Даже дождь, бьющий в лицо и по коленям.

Как уже сказано выше - Павел Васильевич Крусанов не только собирает жуков, но и часто использует их названия и образы в своей художественной прозе. Беглый просмотр одного из самых популярных его романов - "Укус ангела" - дал вот такой "улов":

Павел Крусанов

УКУС АНГЕЛА



(фрагменты с упоминанием жуков)

.....

Слева мирно топорщился лес. Справа голубело огромное поле долгунца. Впереди играли с Буяном в салки глазастые жуки-скакуны - проворные и азартные, они отлетали на три сажени вперед, дожидались в горячем дорожном прахе неторопливого жеребчика и вновь неслись взапуски.

.....

Подобные послойные вскрытия текста производились как правило по указанию самой книги: старик нашептывал в кожаный корешок задачу, а в ответ из-под кипарисовой крышки слышались скрежет и пощелкивание, будто в спичечном коробке возился большой жук, после чего Бадняк открывал инкунабулу в нужном месте и, применяя уместные техники, получал что хотел.

.....

Ему нравились беспутные утехи среди жуков-оленей и голиафов, каштановых носорогов и торопливых жужелиц, махаонов маака, всплескивающих крыльями из зеленого перламутра, и мадагаскарских ураний, словно он хотел обмануть свое зрение и восполнить красотой богомолов и палочников, медленных чернильных стрекоз и плавунцов, пожирающих рыбью мелюзгу, телесные несовершенства Клюквы.

.....

Клюква взглянула на Отца Империи и, не умея скрыть отвращение, содрогнулась: покрытая копошащимися мухами кожа лопалась и отслаивалась на его лице, из провалов рта, ушей и глазниц ползли наружу черви и глянцевые черные жуки с подвижными брюшками, по голенищам сафьяновых сапог стекала зловонная черно-зеленая жижа. Державой правил мертвец.

.....

Мать не желала мести, помыслы ее были прозрачны и до странного робки: она хотела вновь напоить свое сердце тем восторгом и чувственным великолепием, каким оно переполнялось в дни ее сладкого заточения в населенном жуками и бабочками серале министра войны...

.....

По существу, наделив Брылина очами Лодейникова, Легкоступов лишил его детства и позволил видеть только то, что позволил. Вот это:

Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.

[Стихи Николая Алексеевича Заболоцкого
(07.05.1903 - 14.10.1958)]

.....

В рассказе "Петля Нестерова" Павел Крусанов упоминает жуков только один раз, но зато там повезло полужесткокрылым (т.е. клопам) - гладыш фигурирует два раза и даже с латинским названием.

Павел КРУСАНОВ
"Отковать траву"
Рассказы, повесть.
СПб.: Борей-Арт, 1999.
ISBN 5-7187-0281-0
С. 134-156:

ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА
(фрагменты с упоминанием жуков и клопов)

.....

Ночью в вентиляционной отдушине скреблись жесткие жуки и

курлыкали голоса умерших. Что мне, черной птице с зеленой грудкой, делать с собственным сиротством? Если его много, и оно всегда тут?

.....

Известно мнение, будто средь людей каждый первый - маска, но не всяк понял, что внутри него сидит какой-то старший зверь или, скажем, флора. Однако это пустое: таких, как я, - одна на десять тысяч. Нарядившись, снаружи мы, как все, а копнешь немного, и нате вам: тушканчик, желто-карий шершень, плоское брюшко гладыша, ряска или, чего доброго, крысолов. По правде, нас, конечно, больше, но остальные маскам уступили, поэтому чувствуют себя скверно и от людей неотличимы.

.....

Ступай, дорогой, и пусть тебе навстречу не выйдет маска, под которой - гладыш (Notonecta glauca), способный выпить тебя через хищный хоботок. Ступай.

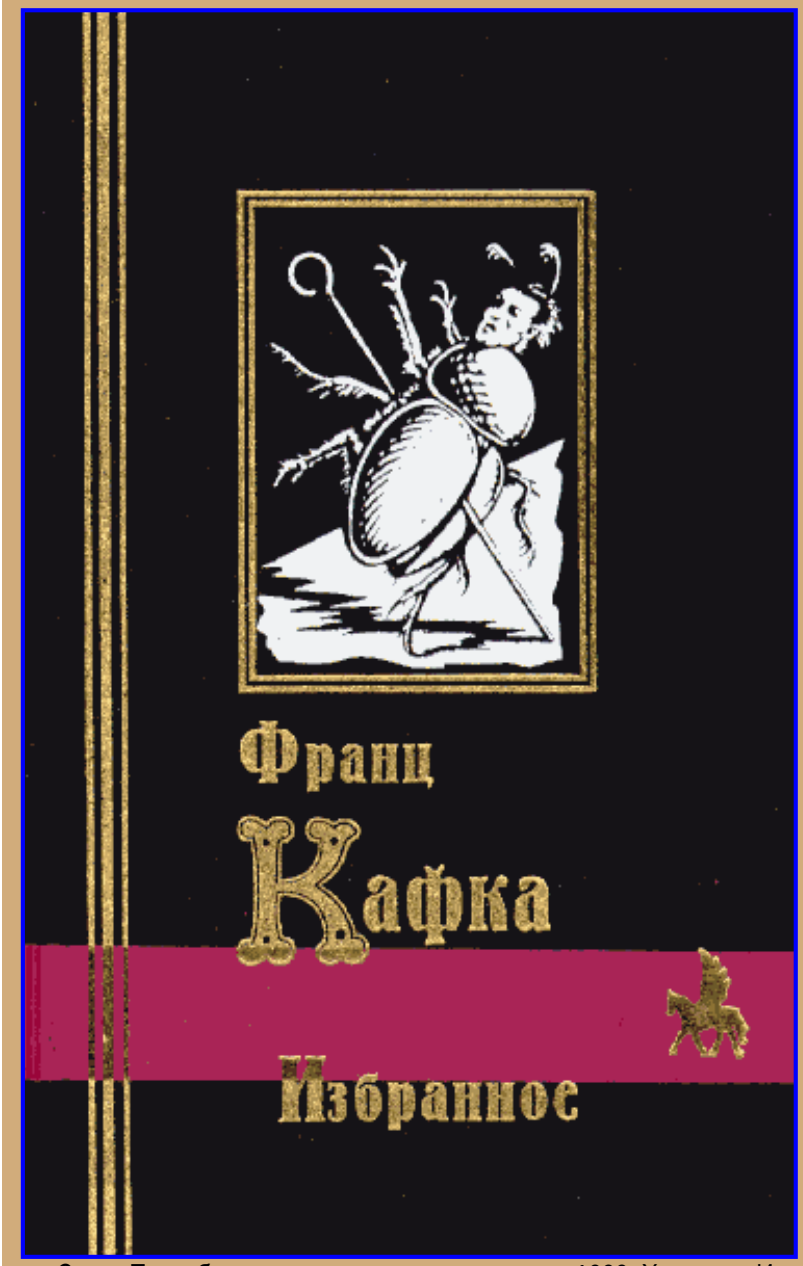
.....

Наверное и в других произведениях Павла Крусанова встречаются жуки. Может быть какой-нибудь крусановед (**по примеру стругацковеда Владимира Борисова**) напишет когда-нибудь для нашего сайта эссе на эту тему? А может быть сам Павел Васильевич посмотрит на наши страницы и ему захочется написать уже только об одних жесткокрылых? Мы были бы счастливы привлечь такого именитого автора!

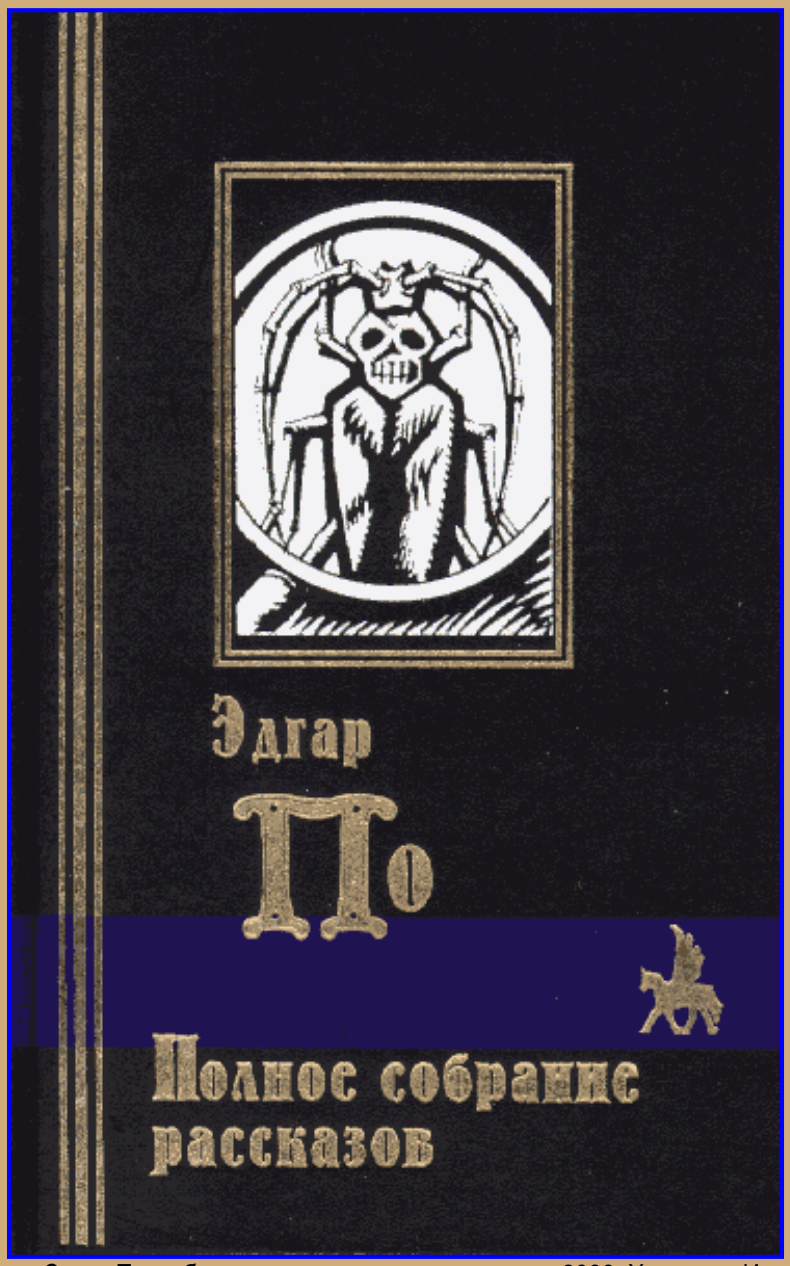
Андрей Лобанов
январь 2004 г.

- **"Мало пишут о жесткокрылых" (текст статьи из "Литературной газеты" - интервью с Павлом Крусановым)**
- **Павел Крусанов и тема жуков в его прозе (эссе Елены Кухаренко)**
- **Жуки в произведениях Павла Крусанова (обзор Елены Кухаренко)**

Жуки на обложках книг серии "Библиотека мировой литературы"



Санкт-Петербург, издательство "Кристалл", 1999. Художник И. Г. Мосин.



Санкт-Петербург, издательство "Кристалл", 2000. Художник И. Г. Мосин.

Жуки в латышских детских книгах (из библиотеки Дмитрия Тельнова)

Один из самых активных авторов нашего сайта **Дмитрий Тельнов** (Латвия, Рига) прислал большую подборку отсканированных обложек и страниц о жуках из книжек своих детей. Посмотрите - что читают о жуках латышские дети!

Латышские сказочки
про жуков

Сказка М.Старасте
"Желудек"

Латышский перевод
сказки Владимира Сутеева
"Кораблик"

Оригинальная
"трехмерная" книга

- **Латышские сказочки про жуков (из библиотеки Дмитрия Тельнова)**
- **Оригинальная "трехмерная" книжка про божью коровку (из библиотеки Дмитрия Тельнова)**

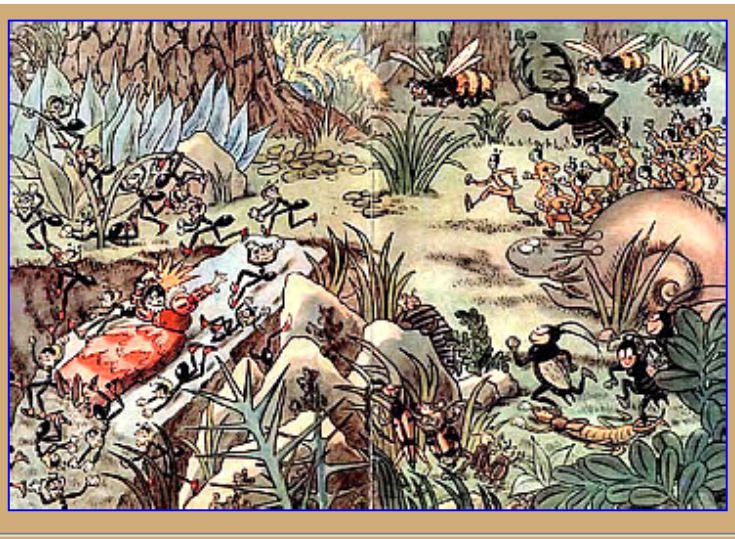
Ондржей Секора - "Муравьи не сдаются" (находка Елены Кухаренко)

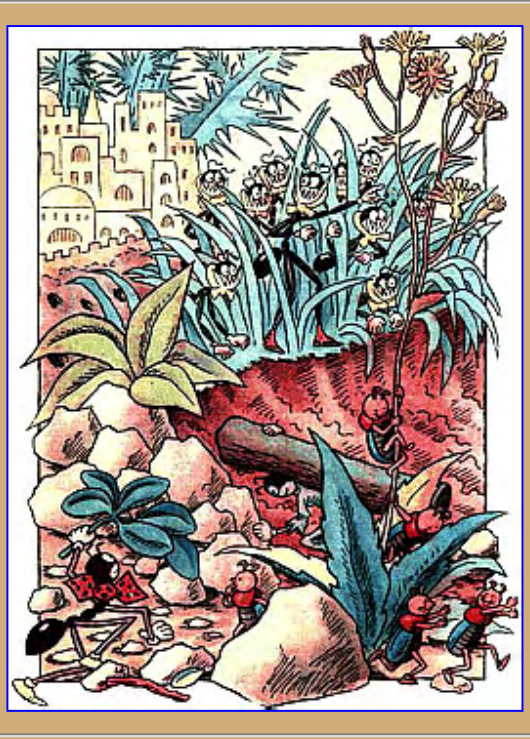
Елена Кухаренко

С огромным интересом и удовольствием посетила ваш сайт и хочу внести свою лепту в его развитие. На страничке Риты Снайп упоминается сказка **Ондржея Секоры "Приключения муравья Ферды".** Есть еще и другая книга О.Секоры о муравье Ферде - "Муравьи не сдаются". Это совсем другая история, но и в этой истории жуки играют важную роль - жук Дровосек, жук Рогач и светлячки помогают муравьям строить муравейник и бороться с захватчиками-отрокарами, а зловредные жуки-карапузики наоборот вредят, коварно проникая в муравейник и пожирая муравьиные яички. Книга проиллюстрирована автором. Кстати, "Приключения муравья Ферды" тоже издавались с авторскими рисунками (в издании, упомянутом на сайте, другой художник - Н. Гольц). В Интернете книгу "Муравьи не сдаются" - **можно найти на сайте "www.fictionbook.ru"** .

Ниже я скопировала обложку этой книги и несколько картинок с жуками, а в начале страницы - обложка "Приключений", изданных с рисунками автора.

Желаю всем посетителям сайта успехов в жукознании!





Черно-белые рисунки из этой книги собраны ниже в две композиции.

Виталий Бианки - роль жуков в "Приключениях муравьишки" (исследование Людмилы Лобановой)

Среди книжек своих детей я нашла незаслуженно забытую на сайте сказку Виталия Бианки "Приключения муравьишки". Дети очень любят эту книжку и переживают за судьбу маленького муравья, который спешит к себе домой и боится опоздать к закрытию муравейника. В спасении муравьишки принимают участие многие насекомые и жуки сыграли там решающую роль. Сначала его везла жужелица (судя по детальному рисунку - золотистоямчатая, из рода Карабусов). Потом ему помогал блошак - не очень точно нарисованная земляная блошка. А на предпоследнем этапе муравьишка летел на майском жуке - опять прекрасный рисунок, по которому специалист может, наверное, определить жука до вида.

Если Вы не читали своим детям эту замечательную сказку - обязательно прочтите.

Л.А. Лобанова,
февраль 2003 г.

В 2004 г. на сайте любителей макрофотографии появилась **оригинальная версия этой сказки,** иллюстрированная снимками **П.В.Корзуновича.** Советуем посмотреть ее!

Виталий Бианки - роль жуков в "Приключениях муравьишки" (исследование Людмилы Лобановой)

Картофельная ботва для муравьишки – лес густой. Тут и со здоровыми рогами целый день бежать, а солнце уж низко.

Вдруг слышна муравьишка – пишет кто-то:

— А ну, муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся муравьишка – стоит рядом жучок-блошонок, чуть не земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

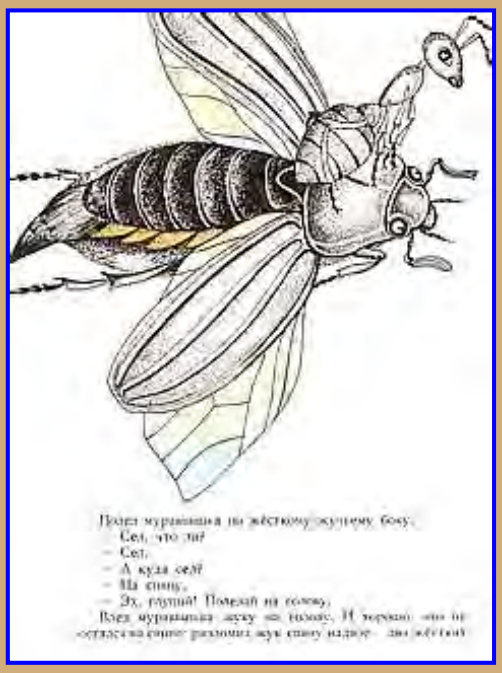
— А кто большой? Лезь, говорю.

Кое-как укрестился муравей на спине у блошака. Только только навоз поставил.

— Влез?

— Ну, влез.

— А влез, так держись.



Полез муравьишка на жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез муравьишка жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил жук спину надвое – два жёстких

Виталий Бианки - малоизвестная колеоптерологическая сказка (находка Н.Е.Захаровой)

Казалось бы, что за три с лишним года мы собрали на сайте сведения обо всех литературных произведениях, где в роли героев выступают жуки. Новая находка **Н.Е.Захаровой** опровергла это мнение. Она принесла книжку всем известного и уже представленного на сайте писателя Виталия Бианки. Жуки - почти единственные действующие лица в этой сказке и фигурируют на всех страницах и на обложках. Сюжет развивается захватывающе динамично (сказка написана в жанре репортажа). Повадки разных интересных жуков описаны в книге довольно точно. Отступления от принятой жуковедами номенклатуры невелики ("бронзовики" и "блестяки" вместо "бронзовок" и "блестянок"). И только одна грубая систематическая ошибка немного портит впечатление - к жукам автор причислил клопов-щитников, а старательно воспроизводившая облик жуков из разных семейств художница в рисунках подчеркнула их "клопиные" черты. Эту ошибку можно детям объяснить, а во остальном сказка очень познавательна и должна входить в круг чтения детей жуковедов и жуколюбов.

А. Лобанов, март 2003 г.

В 2005 г. в поле зрения редакции попало еще одно - более раннее - **издание этой книги.** Тот же самый "Репортаж со стадиона Жукамо", та же самая художница - Елена Нецкая, но совсем другие рисунки. Обязательно сравните эти два издания, разделенные промежутком почти в 20 лет.

А. Лобанов, декабрь 2005 г.

Виталий Бианки - малоизвестная колеоптерологическая сказка (находка Н.Е.Захаровой)

Виталий Бианки - малоизвестная колеоптерологическая сказка (находка Н.Е.Захаровой)

Виталий Бианки - малоизвестная колеоптерологическая сказка (находка Н.Е.Захаровой)

Виталий Бианки - раннее издание сказки "Репортаж со стадиона Жукамо"

Впервые об этой книжке мы узнали почти 3 года назад от Н.Е.Захаровой. А недавно ее подарил нашему сайту **В.А.Кривохатский.** И она могла бы пролежать в редакции без применения довольно долго, если бы на нее не обратила внимание **С.В.Андреева.** Она добросовестно и с прекрасным качеством отсканировала все книжку и мы с удовольствием помещаем этот коллективный труд на сайт, ибо оказалось, что это и та, и одновременно не та книга. Здесь Вы можете видеть издание 1957 года **(а на предыдущей странице - 1975 г.),** и, хотя, автор тот же, и даже художница та же, но страницы выглядят совсем по-другому. Налицо некая "эволюция" взгляда Елены Нецкой на героев книги. Лучше или хуже стали рисунки - судить посетителям этих страниц, но качество воспроизведения изображений и текста здесь лучше и именно этот вариант удобнее читать детям. Снова необходимо отметить, что в тексте В.Бианки есть небольшие отступления от принятой жуковедами номенклатуры ("бронзовики" и "блестяки" вместо "бронзовок" и "блестянок"). И только одна грубая систематическая ошибка - к жукам автор причислил клопов-щитников.

А. Лобанов, декабрь 2005 г.

Виталий Бианки - раннее издание сказки "Репортаж со стадиона Жукамо"

Кроме Жука-Олени, Жука-Носорога и Жука-Усача с женами, на стадионе собрались: жуки Светлячи, Бабочки, Блестяки, Щитники, Долгоносики, Златки, Крюковики, Каратушки, Коровки, Головки и прищёл сам ученый Музейный Жук.

У входа на стадион стал в почетный караул рослый Жук-Медяк. Что такое? Кажется, он становится на голову, вверху ногами?

Говорят, это с ним бывает. Просто он не очень-то разбирается, где у него голова, где — ноги.

Все жуки по местам. Нет ещё только Жука-Щелкуна. А он должен участвовать...

Гоп!

Состязания начинаются!

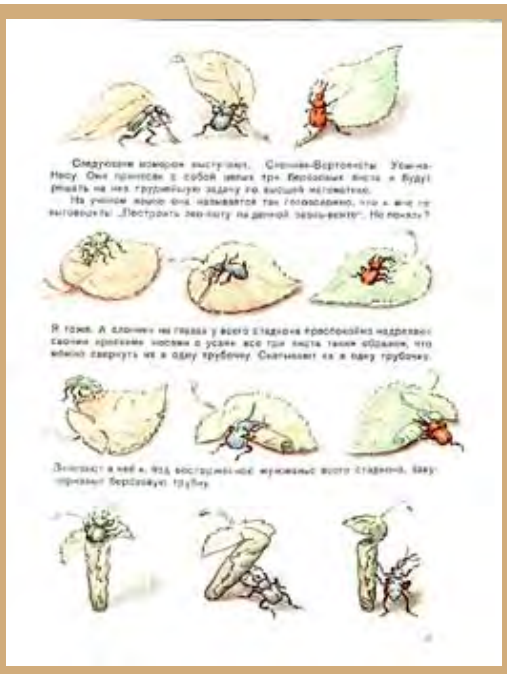
Первыми выступают Жука-Быстроноги, — составляются в быстрого бега. Секунды — в высотных прыжках; за ними: Часовщики — в тяжелых, Точильщики — в точечных, Пилильщики — в пиленых, в скрипе — Жука-Скрипуны. Жужелицы состязаются в жужжанье. Весёлые Магнитщики тащат длинную гусеницу. Навозники-Скарабеи быстро скатывают лепешки на футбольные мячи, мягкие шары. Листоеды притащили берёзовый лист, прилепили его к верёвочке на столбах — и на глазах у всех прикрепили его к кружеву. А Притворяшки-Вори попадали на спину — и ловко притворились мертвыми!

На этом закончилась первая часть программы. Перерыв. А Жука-Щелкуна всё нет... Как жаль? Сколько было интересных номеров!

Вторая часть программы. Высшие науки. Выступают Жуки-Типографы.

На стадионе — большой кусок сосновой коры. Типографы прогрызли на нем замысловатый лабиринт. Ищу вход в него. Попробуйте войдите и не заблудитесь!

Если заблудитесь, — возвращайтесь назад и начинайте с начала. Подчиняйтесь умным, обин, внимайтесь неумолимо, пока не разгрызете всей хитрости переплетения ходов и не попадете в самое сердце их, куда острые травки показывают сами хитроумные Жуки-Типографы.



Следующим номером выступают Сенная-Вертолеты. Усики-Ножи. Они принесли с собой целых три бесцветных листа и будут решать на них труднейшую задачу по высшей математике.

На учении языке она называется так: геометрия, что в переводе на человеческий: „Построить земную поверхность на данной земли-вектор". Не понял?

Я тоже. А пока мы на глазах у всего стадиона преспокойно надрезают своими крепкими носами и усами все три листа таким образом, что можно свернуть их в одну трубочку. Сматывают их в одну трубочку.

Вставляют в нее и, под восторженные жужжания всего стадиона, закупоривают бесцветную трубку.

Последним номером программы выступает Жук-Бомбардир-артиллерист.

Чтобы побольше взлететь на пальбу, хлебный Жук-Пушка отрезался на пищевой. Вот чудак! Ведь это на опасно!..

Бомбардир отвернулся в полуоборот, он изображает на себе пушку. Прицеливается... Огонь!.. Выстрел, перелетел. Вторая... Струйка едкой жидкости пробивает мишень, — бац! — и Пушка, бедный Пушка, летит вверх тормашками!

Шум, гости сели на стадионе. Все встают со своих мест. Сенная объявит, кому присуждён первый приз.

Вы стойте, стойте, — что так тихо?.. Ищем этот?..

Так и есть! Жук-Щекуш пожаловал. Стойте тихо!

Поздравляем, поздравляем! Всё уже кончилось.

Приглашаем — к ужину! Он, какой молодец! Ушко назначен. Растянулся на земле во весь свой длиннейший рост... А комарики-комаринки, не достать ему до ушка, не перевернуться. Мучается на спине.

Вот ужин. И нашим к трапезу приказал. Ой сил ждать пьянства.

Вдруг — щелк! — как даст головой об пол! Удар!

Подскочил. Опять упал на спину... Ещё удар! Подбросил себя головой к воздуху, перевернулся — и опять на все свои шесть ножек!

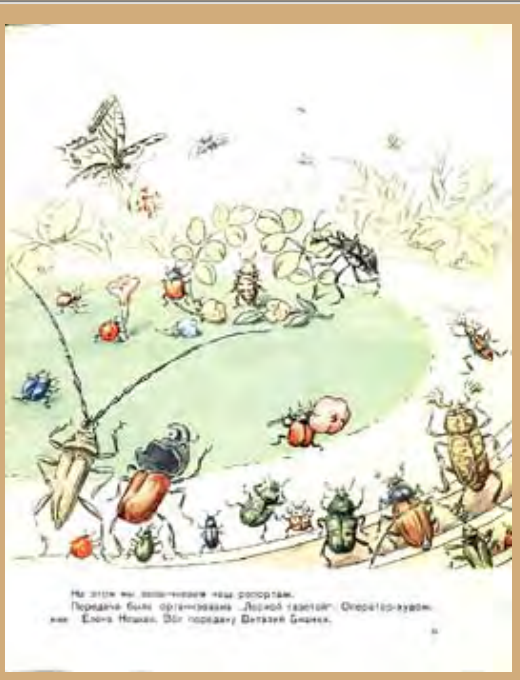
Вот так пошел! Жук-Модник от удивления даже с головы на ноги стал.

А Щекуш — слушайте, слушайте! — говорит:

— Тут тебе головой работать надо! Видал, как мои крабы?

И — подумайте только! — сколько тут ни было жуков, все единогласно присудили Щекушу первый приз.

Вот как у жуков головы работают!



На этом мы заканчиваем наш репортаж.

Передача была организована „Лесной газетой". Оператор-кукольник — Елена Нешко. Обо городу Виталий Бианки.

Виталий Бианки - раннее издание сказки "Репортаж со стадиона Жукамо"

Жуки-грибовики в обучении детей счету (из библиотеки Эдвина Тельнова)

Недавно мой сын Эдвин получил в подарок от британских друзей большую великолепно иллюстрированную книжку "The Rain Forest Counts!" - своеобразное пособие для обучения детей счету. На странице с цифрой 5 для подсчета даны жуки-грибовики (семейство Erotylidae). Правда, в английском названии допущена ошибка и эти жуки ошибочно обозначены как "erolytus beetles" вместо "erotylus beetles". Но книжка очень красива и так велика, что даже не влезла на мой домашний сканер. Поэтому фраза с этой страницы немного усеклась, а полностью она звучит так: "5 erotylus beetles scurry busily around" (во фразе именно 5 слов!).

Дмитрий Тельнов
январь 2003 г.

"Жук-рогач" - рассказ Марии Елагиной (найден Ритой Снайп в газете "Gaude")

Рассказ Марии Елагиной я нашла в студенческой газете "Gaude". Один из главных героев - жук-олень. Я думаю, что моя находка будет интересна посетителям сайта и хорошо дополнит нашу библиотеку. Сравните эту новеллу с **былью Валентины Ахметзяновой о жуке-усаче.** На фотографии, конечно, не жук и за нее мы ответственности не несем.

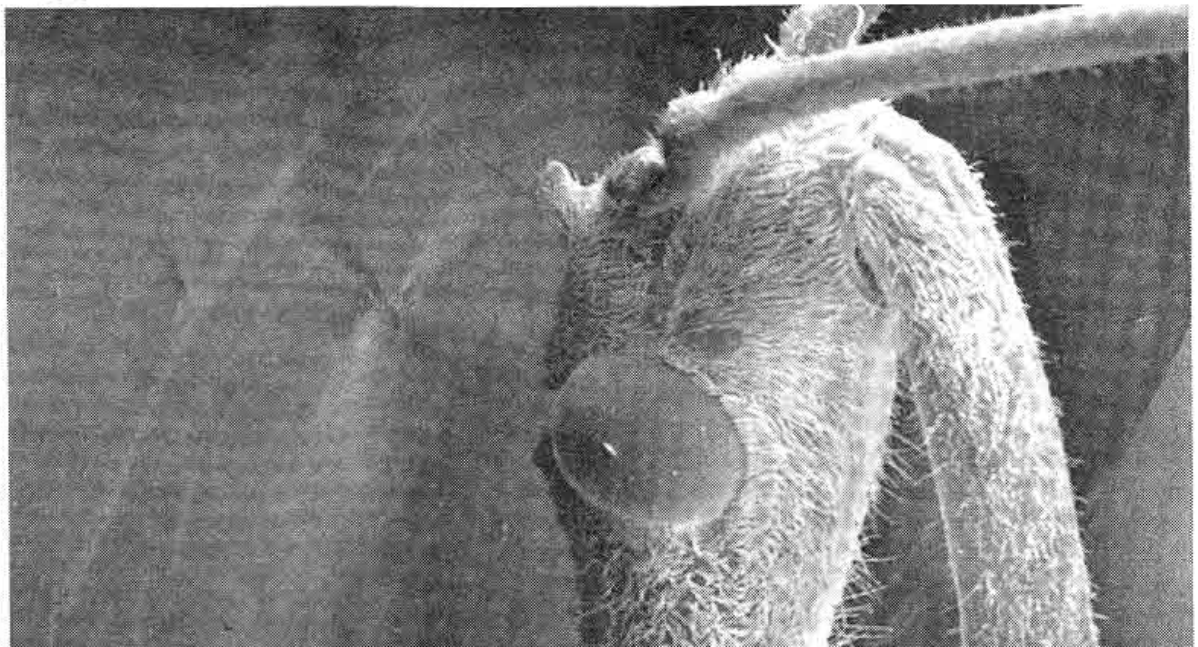
Рита Снайп, *январь 2005 г.*

рассказ

Жук-рогач

Каждое лето я гостил у бабушки с дедушкой в горной деревушке на Черном море. Здесь всегда было тепло, пахло травами, а небо было высоким и синим. Дом наш стоял почти на окраине, но был ближе к реке и к лесу. Кусты вишни по утрам стучались в окно, я, быстро одевшись, выбегал на кухню, где стояла большая русская печь, из которой бабушка вытаскивала горячий хлеб.

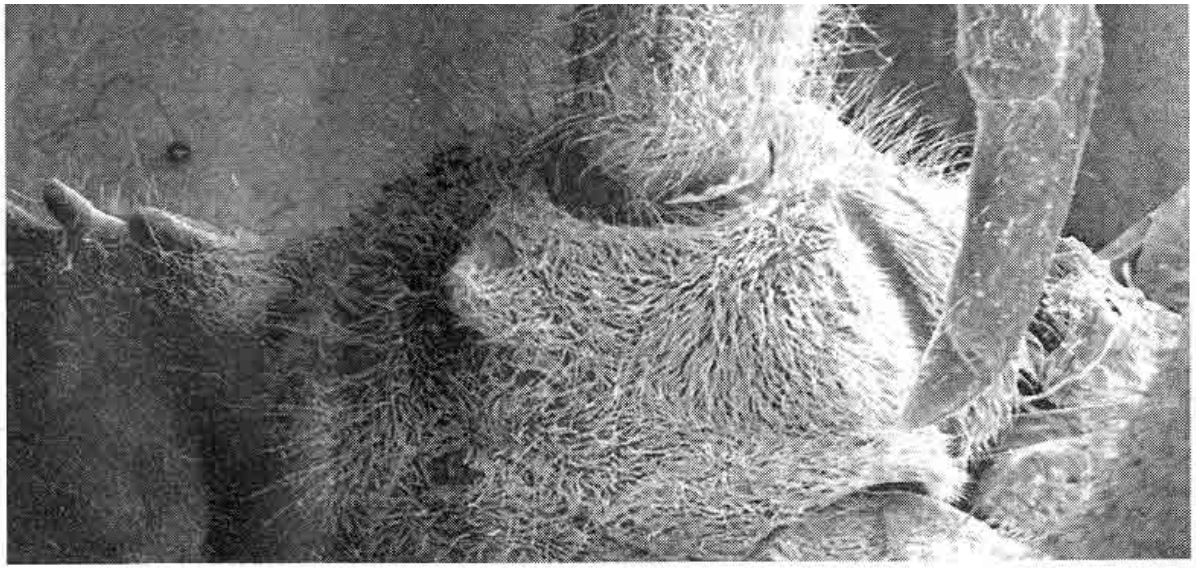
Дед мой был стариком широкоплечим, с большими руками, лицо в мелкую морщинку. Он всегда был одет в темно-зеленые штаны из грубой ткани, выцветшую на солнце рубаху, непременно расстегнутую до груди, на голову при выходе из избы он надевал шерстяную кепку. Он садился за стол и первым делом закатывал рукава, поэтому я хорошо помню его наполовину загорелые руки с выступающими жилами. Дед резал хлеб, я смотрел, как шевеля усами, а я, прикасаясь губами к дедову уху, громко рассказывал ему: «Де-е, это – жук-олень или рогач, он черный, а надкрылья коричневые. Самец должен быть длиною в 7,5 см, а мой, де-е, целых 8! Понимаешь, мой жук 8 см длиной! Я измерил!» Дед чуть заметно улыбался и кивал мне, потом взял жука в одну руку и стал ощупывать другой. Я видел, что дед удивлен и рад за меня,



сыплются крошки от золотистой корочки, и думал о том, что когда-то, наверное, мой дед был настоящим богатырем. Хотя теперь все знали, что мой дед почти совсем слеп и глух, но его могучая, уверенная фигура ни на секунду не выдавала этих недугов. Он ловко и уверенно передвигался не только по избе, но и по окрестностям деревушки, становился все более неразговорчивым и нелюдимым.

Однажды, плутая по тропинкам леса, я остановился как вкопанный: по лесной дорожке мне навстречу полз огромнейший жук с большими рогами. Я, передвигаясь за ним на корточках, и, в конце концов, положив его на одну ладошку и прикрыв сверху другой, помчался что есть мочи в избу, чтобы показать свою находку. Когда я убрал ладошку, что была сверху, бабушка отшатнулась и пробурчала: «Ишь какой ОгрОмный! Какой рОгатый!» Она нашла мне пластмассовую коробку с прозрачной крышкой, и я, проделав дырочки в крышке, аккуратно нес своего питомца по направлению к дому Крюковых, что был на другой стороне реки, где жили молодые учителя со своим годовалым сыном. Там я надеялся узнать, что это за жук. Павел Андреевич (так звали молодого учителя) открыл предо мной биологический энциклопедический словарь и помог найти на иллюстрации точь-в-точь такого же рогача.

Вечером я потянул деда к столу и, открыв коробку, выпустил жука на клеенку в цветочек. Жук стоял неподвижно, едва а я как зачарованный не переставал делиться с дедом: «Ой, де! Это же настоящий клад! Вот Петров обзавидуется: он все время то лягушек каких-то привозит, то мух зеленых! А где ему такого жука сыскать! А я буду показывать его всем, отдам потом в живой уголок, и все будут говорить: "О, этого жука наш Федька привез!" А, де, как ты думаешь? А рога, какие у него рога, если бы ты только видел! Он и впрямь настоящий олень! А может, и какие-нибудь профессоры придут, будут наблюдать, ведь он такой здоровый, больше даже, чем в энциклопедии описан!» Так я думал, как вдруг мои мечты прервал чуть слышный треск или скрип, какой бывает, когда наступаешь ногой на какое-нибудь насекомое. Я смотрел на стол и не мог поверить своим глазам: под сильной рукой, на которую опирался дед, чтобы встать, лежал уже придавленный жук, едва шевеливший усами. Я перевел взгляд на деда. Он замер, на лице читалась растерянность.



Помню, той ночью дед несколько раз поднимался, тихо выходил во двор, и через полуоткрытую дверь проникал запах табака, я же кутался с головой в одеяло, не желая этого замечать, да и к тому же раздавленный дедовой рукой жук все отчетливее вставал перед глазами.

На следующий день я должен был уезжать домой, каникулы подошли к концу. В городе Петров, как всегда, притащил на линейку какую-то очередную живность, ребята толпой окружили его, а он что-то громко им рассказывал. Я же стоял в стороне и чувствовал бесконечную грусть. Когда нам на биологии рассказывали про жуков, я переводил взгляд во двор школы, на плакате жук был вдвое меньше, чем видел я.

А зимой пришла маленькая посылка с письмом от бабушки, мама жадно читала письмо, чуть шевеля губами, а я тем временем разворачивал небольшую прозрачную коробку. В ней, под дубовыми листьями и травинками, шевелились чьи-то черные усы. Жук медленно выполз сначала на край коробки, потом на поверхность стола, демонстрируя свои мощные рога. «Как же он нашел его для меня со своими-то глазами», – думал я, и чувство преданности и бесконечной доброты разливались теплотой в моей груди.

«Дед помер», – неожиданно проговорила мать и положила письмо на стол.

Мария ЕЛАГИНА

"Он живой и светится..." - жук-светляк в рассказ Виктора Драгунского

В нашей большой коллекции художественной прозы о жуках все-таки время от времени обнаруживаются досадные пробелы. Внезапно я заметил, что у нас нет трогательного рассказа Виктора Драгунского о мальчике Дениске, который предпочел живого светляка игрушечному автомобилю. Это новелла входит в цикл "Денискины рассказы", который стал уже почти классикой.
Текст заимствован из **Online библиотеки детской литературы.**

А. Лобанов
Май 2005 г.

Виктор Драгунский
Денискины рассказы

Москва, "Планета детства", "Издательство Астрель", "АСТ", 2000
OCR: Michael Seregin

"ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ..."

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все еще не было...
И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака - они были похожи на бородатых стариков...
И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.
И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:
- ЗдорОво!
И я сказал:
- ЗдорОво!
Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

- Ого! - сказал Мишка. - Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?
Я сказал:
- Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.
Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее.
Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придет мама. Но она все не шла. Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лег на песок.
Тут Мишка говорит:
- Не дашь самосвал?
- Отвяжись, Мишка.
Тогда Мишка говорит:
- Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!
Я говорю:
- Сравнил Барбадос с самосвалом...
А Мишка:
- Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?
Я говорю:
- Он у тебя лопнутый.
А Мишка:
- Ты его заклеишь!
Я даже рассердился:
- А плавать где? В ванной? По вторникам?
И Мишка опять надулся. А потом говорит:
- Ну, была не была! Знай мою доброту! На!
И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял ее в руки.
- Ты открой ее, - сказал Мишка, - тогда увидишь!
Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зеленый огонек, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звездочка, и в то же время я сам держал ее сейчас в руках.
- Что это, Мишка, - сказал я шепотом, - что это такое?
- Это светлячок, - сказал Мишка. - Что, хорош? Он живой, не думай.
- Мишка, - сказал я, - бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звездочку, я ее домой возьму...
И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зеленый, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит мое сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.
И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.
Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:
- Ну, как твой самосвал?
А я сказал:
- Я, мама, променял его.
Мама сказала:

- Интересно! А на что?
Я ответил:
- На светлячка! Вот он, в коробочке живет. Погаси-ка свет!
И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоем смотреть на бледно-зеленую звездочку.
Потом мама зажгла свет.
- Да, - сказала она, - это волшебство! Но все-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?
- Я так долго ждал тебя, - сказал я, - и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.
Мама пристально посмотрела на меня и спросила:
- А чем же, чем же именно он лучше?
Я сказал:
- Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Елена Косинова - "Господин Навозный жук" (из сказок с деревенского двора) - находка И.С.Смирнова

И.С. Смирнов

Эти прелестные сказки я нашел в "НГ Ex Libris" - еженедельном литературном приложении к "Независимой газете" (номер 38 (387) от 19 октября 2006 г.). Я думаю, что они доставят удовольствие не только Вашим детям. Для обладателей большого принтера - **есть большой файл (900 Kb),** а на экране можно почитать сказки по кусочкам.

12 ЧЕТВЕРГ 19 ОКТЯБРЯ 2006

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

НГ EX LIBRIS
Приложение к Независимой газете

Круглое, плоское, желтое и тяжелое

Сказки с деревенского двора и с хозяйского подоконника

Елена Косинова

Господин навозный жук

В одном деревенском дворе за сараем, где держали лошадей, была большая навозная куча. Хозяином ее был Навозный жук. Он всегда ходил разодетый как франт – его зеленый блестящий пиджак переливался на солнце, а на голове была надета того же цвета шляпа с куриным пухом вместо пера.

Навозный жук считал себя важным господином, притом очень хозяйственным. Целый день он делал навозные шарики и скатывал их в свою навозную кучу. Дело в том, что Навозный жук хотел построить себе дворец. И если люди строят свои дворцы из камня, Навозный жук в силу своей природы собирался построить его из навоза. День и ночь он трудился, не покладая рук, дело было грязное, но необходимое. Замок из навоза рос у соседей на глазах. Даже Петух приходил смотреть, как растет монументальное сооружение.

Но вот однажды Навозный жук в поисках навоза наткнулся на необычную находку. Это было не похоже ни на одну вещь, которую он когда-либо видел. Это нечто было круглое, плоское, желтое и вообще довольно тяжелое. Стал жук думать, для чего эта штука предназначена.

– Возможно, – рассуждал он, – эту штуку можно применить как наковальню, чтобы ковать на ней навозные шарики и чтобы из них получались не шарики, а кирпичи. Возможно, дом из навозных кирпичей будет выглядеть интереснее, но столько лишней работы! Нет, пожалуй, как наковальня эта штука не подойдет.

– Ну, хорошо, тогда, может быть, я сделаю из этой штуковины ворота в замок? Вот это будет вид! Блестящие, как солнце, ворота будут привлекать внимание всей округи. Да ко мне будут на экскурсии ходить! – восклицал Навозный жук. Но потом он подумал:

«Нет, эта штука слишком тяжела для моего дома. Дверные косяки вряд ли выдержат такую нагрузку. Нет, этот вариант тоже не подходит. Для чего же это предназначено?»

Так и не решив, для чего применяют блестящую штуковину, Навозный жук все-таки решил прихватить ее к себе в дом.

– Может быть, – рассуждал он, – я смогу продать ее кому-нибудь подороже. Возможно, что это обломок какого-нибудь древнего строения или изделие неземного существа. Мне могут дать за этот кругляшек кучу навозных шариков, и я смогу достроить свой дворец и жить припеваючи. Может быть, я сделал какое-то неизвестное мне открытие! Тогда меня, конечно, ждет слава!

Что прислали с неба господину Навозному жуку?

Рисунок: Лена Иванова

– Ну, это... – начал Навозный жук и наклонился поближе к блестящей штуковине, чтобы ее рассмотреть.

– Смотрите, смотрите, он кланяется! – закудахтала золотая монета! Надо же, как она здесь очутилась? И как раз кстати! Найму работников, пусть разбросают эту кучу по полю, будет отличное удобрение.

– Это так нелепо – есть из общей миски, – качала головой Свинка, – вы только посмотрите на их внешний вид, они заплыли жиром!

Елена Косинова - "Господин Навозный жук" (из сказок с деревенского двора) - находка И.С.Смирнова

жить припеваючи. Может быть, я сделал какое-то неизвестное мне открытие? Тогда меня, конечно, ждет слава!

Покатил он диковинку к своей навозной куче. По дороге встретил соседку Курицу. Курица стала спрашивать его:

– Что это ты катишь, Навозный жук?

– Ты что, Курица, не знаешь, что это такое? – возмущенным голосом спросил ее жук?

– Первый раз вижу такую вещь,– смутилась Курица,– извините, господин жук, что я пристаю к вам с глупыми расспросами, но ведь я совсем неученая.

– Ну, это… – начал Навозный жук и наклонился пониже к блестящей штуковине, чтобы ее рассмотреть.

– Смотрите, смотрите, он кланяется! – закудахтала Курица.

– Кланяйтесь, кланяйтесь, – пролетело по всему двору.

Когда Навозный жук обернулся, то увидел, что все стоят перед ним, низко склонившись.

«Видать, чего-то знают, чего не знаю я», – подумал Навозный жук и тоже поклонился блестящей штуковине.

С тех пор каждый день все приходили на поклон к неизвестному посланию. Навозный жук стал самым

Навозный жук стал самым уважаемым господином, потому что он был хранителем блестящей штуковины

– Это мне прислали с неба,– сообщил Курице Навозный жук,– послание называется!

– Неужто, неужто?– закудахтала Курица. – Надо скорее предупредить всех. Это же сенсация!

И она побежала сообщить соседям об этой новости.

Вскоре возле навозной кучи собралась целая толпа. Пришел даже сам Петух.

– Ну, и что это за ерунда? – спросил Петух.

– Да как вы смеете, господин Петух, – воскликнул Навозный жук, – это же послание! Послание с небес о чем-то важном и таинственном!

– А о чем именно, господин Навозный жук? Может, вы растолкуете нам? – закудахтали, загоготали и закрюкали остальные.

уважаемым господином, потому что он был хранителем блестящей штуковины.

В его обязанности входило протирать ее, чтобы лучше блестела. А чтобы подойти поближе к неизвестному посланию, нужно было принести жуку навозный шарик.

Дворец Навозного жука от этого рос не по дням, а по часам и вырос даже выше роста господина Свиньи и, возможно, вырос бы еще выше, как вдруг в один прекрасный солнечный день к навозной куче пришел человек.

– Ничего себе, какая куча навоза! – воскликнул человек. – Такое впечатление, что тут целый год не убирали. А это что такое, – удивился человек, увидев возле навозной кучи что-то блестящее. – Да это ведь золотая монета! Надо же, как она здесь очутилась! И как раз кстати! Найму работников, пусть разбросают эту кучу по полю, будет отличное удобрение.

Так он и сделал. А Навозному жуку пришлось строить свой дом заново. Но он не отчаивался.

– Может, небо пошлет мне еще что-нибудь, – рассуждал он, – и я снова буду в почете. Уж я найду ему применение, будьте спокойны, – бормотал он вслух, скатывая навозные шарики.

Свинка и кошка

Жила-была одна Свинка. С розовым таким пятачком. И жила она не где-нибудь в грязном сарае, как все обычные свиньи, а в хозяйском доме. Свинка страшно гордилась своим положением. Она любила смотреть вниз из окна во двор и всегда разговаривала свысока со всеми его обитателями.

– Эй, вы, свиньи, – кричала со своего подоконника Свинка, – что, не берут вас хозяева в дом? То-то же! Смотрю я на вас, какие вы чумазые, немытые, – аж противно! А меня хозяева каждую неделю моют и не какой-нибудь, а мягкой тряпочкой, чтобы не повредить мои нежные бочка.

– Эй, вы, утки, – кричала уткам Свинка, – где вы научились так ходить? Переваливаетесь с боку на бок, словно неваляшки. А меня вот хозяева сами на руках носят!

Так Свинка дразнилась на всех обитателей двора.

Но была у нее одна подружка. В хозяйском доме жила еще Кошка. Кошка тоже любила сидеть на подоконнике и смотреть во двор. Часто две подружки сидели рядышком и вели вполне светские беседы.

– Вы знаете, – говорила Кошка, – народ внизу опустился до того, что купается в грязной луже! Вы только посмотрите на это!

– По-моему, это просто свинство,– отвечала Свинка,– никакого понятия о чистоте! О тазиках с теплой водой, о мыле и тому подобном.

– Это так неэстетично – есть из общей миски, – качала головой Свинка, – вы только посмотрите на их внешний вид, они заплыли жиром!

– Вот-вот, – говорила Кошка, – не зря нас взяли хозяева в дом. Сюда абы кого не возьмут, ведь родились мы не в грязном сарае или на помойке!

В таком духе разговаривали на подоконнике две подружки и в тот день, когда в комнату вбежали их хозяева – Вова и Таня. Хозяином Свинки был Вова, а Кошка была Таниной. Дети тихонько прикрыли за собой дверь и о чем-то шептались между собой. Потом они подошли к подоконнику. Вова взял в руки Свинку и сказал Тане:

– По-моему, достаточно тяжелая.

– Мои, по-моему, тоже,– ответила Таня, беря в руки Кошку. – Такая симпатичная была кошка!

– Почему это была? – возмутилась Кошка.

– Да-да, я тоже заметила, – сказала Свинка, – последнее время вы как-то неважно выглядели.

– У меня тоже симпатичная Свинка, ну и что? – сказал Вова, разглядывая Свинку. – Но если уж мы решили, то решили.

– Хорошо, – сказала Таня, – тогда давай вместе на три-четыре.

– Три-четыре! – посчитал Вова, и они бросили Свинку и Кошку на пол.

По всей комнате зазвенели пятачки и копейки.

– Должно хватить,– сказал Вова после того, как они были собраны и подсчитаны.

– А ты не расстраивайся, – сказал он Тане, – мы купим еще новую копилочку, даже лучше прежней. Хочешь, сегодня пойдем, и когда выберем подарок маме, выберем тебе копилку.

Вскоре на окне появились другие Свинка и Кошка. Они также обсуждали события, происходящие во дворе. А Витя и Таня ждали, когда наступит папин день рождения. ■

Мария Грипе - "Навозный жук летает в сумерках" (необычная повесть для детей) - находка И. С.Смирнова

И.С. Смирнов

В россыпях очень ценного сайта "BiblioГИД" я нашел аннотацию книги, с которой стоит познакомить своих детей посетителям нашего сайта. Помимо слова "жук" в названии и довольно реального огромного навозника на обложке, в книге наверняка много интересного о роли жуков в истории и в искусстве.

Мария Грипе
Навозный жук летает в сумерках
Повесть. Перевод с шведского
М., ОГИ, 2004. 382 стр. с илл.

BiblioГИД КНИГИ и ДЕТИ

Книга за книгой
Коротко

Книги 2004 года

Грипе М. Навозный жук летает в сумерках...: Повесть / Пер. с швед. М.Б.Лидковской. — М.: ОГИ, 2004. — 382 с.: ил. — (Дети ОГИ: Книжки на вырост).

Имя шведской писательницы Марии Грипе стало известно у нас с середины 1970-х годов, когда на русском языке появились её повести о мальчике по имени Эльвис Карлссон. Повести эти, милые и трогательные, сразу же нашли своего читателя, который с нетерпением принялся ждать новых переводов книг Грипе. Однако их не последовало. Почему? Вопрос долгое время оставался открытым. Но вот недавно в издательстве «ОГИ» вышла повесть «Навозный жук летает в сумерках» (обратите внимание, написана она была в 1978 году), и всё стало ясно. В те, как их сейчас называют, «застойные» годы повесть просто не могли у нас напечатать. Слишком в ней много было мистического, странного, пограничного, чтобы вписаться в круг чтения советского школьника.
Но Бог с ней, с политикой. Вернёмся к повести.
Её атмосфера необычна и томительно тревожна. На фоне вполне детективной истории о поисках современными шведскими подростками египетской статуи, привезённой в деревеньку Рингарюд в начале XIX века, происходит масса странных и таинственных вещей. К тому же, все эти сюжетные хитросплетения изрядно сдобрены философией и мистикой. Казалось бы, для детской книжки такой «набор» слишком тяжёл, даже неподъёмен. Ан нет. Повесть читается легко и, можно сказать, на одном дыхании. А мысль, которая определяет повествование, мысль о том, что всё в мире неразрывно связано, всё перетекает друг в друга и становится единым целым... Эта самая мысль входит в душу как-то незаметно, заставляя иначе видеть и чувствовать мир.
Странную книгу написала Мария Грипе. Не детектив, не сказку, не фэнтези. Повесть эта вообще не укладывается в прокрустово ложе литературных жанров. Да и стоит ли насильно втискивать хорошую книжку куда бы то ни было? Поверьте, не стоит.
Напоследок лишь одна цитата из Карла Линнея, к которой шведская писательница не раз возвращается в повести:

Неудивительно,
что я не вижу Бога,
раз я не могу разглядеть даже то существо,
которое живёт во мне.

Мария Грипе настойчиво пытается подтолкнуть читателей к поискам этого загадочного существа, обитающего внутри каждого из нас.

И.Казюлькина

И.Казюлькина

Дональд Биссет - "Жук-философ", "Жук и бульдозер" и другие сказки (находка Н.Е.Захаровой)

Замечательный английский сказочник и актер шекспировского театра Дональд Биссет, твердо знает, что на этом свете может быть все, потому, что все может быть. Человек в лифте случайно нажал две кнопки «Вниз» и «Вверх». Лифт разорвался пополам, но у пассажира случайно оказался зонтик. Он раскрыл его, спустился на нем, как на парашюте, и выходя, сказал лифтерше: «Здравствуйте».

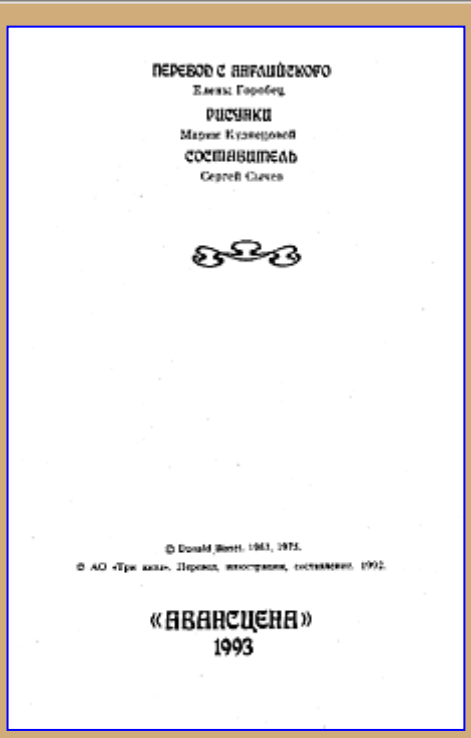
Вот и мы говорим всем читателям «Здравствуйте!», приглашая их в эту умную сказочную книгу.

Роман Сеф.

Н.Е. Захарова

В сборнике "Потерянный день рождения" английского писателя и актера Дональда Биссета я встретила сразу две сказки, в которых жуки не только фигурируют в названиях, но и являются героями. Биссет замечательный выдумщик и его сказки с интересом прочтут не только дети, но и взрослые. Краткую характеристику автору дал Роман Сеф, а Мария Кузнецова оформила книгу затейливыми рисунками. Правда, найти книгу будет нелегко - ее выпустило 15 лет назад АО "Три кита" в Москве.

Дональд Биссет
СКАЗКИ
ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
«ТРИ КИТА»
1993



ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Елены Горобец
РИСУНКИ
Марии Кузнецовой
СОСТАВИТЕЛЬ
Сергей Сычев

© Donald Bisset. 1963, 1975.
© АО «Три кита». Перевод, иллюстрации, составление. 1992.

«АВАНСЦЕНА»
1993

ЖУК — ФИЛОСОФ

Тяда Фрод жил в доме № 8 по Западной дороге. В комнате, по одну сторону от его портрета, стояла великолепная роза в небольшом стеклянном кувшине, а по другую сторону — часы, по имени Тим.

— Ах... Какая бесполезная вещь — часы, — сказала со вздохом роза сама себе, — они совсем не пахнут. Только вещи, которые приятно пахнут, действительно красивы.

— Какая все-таки глупая вещь — роза, — думали белые часы, — она не показывает времени. Ведь красив только тот, кто знает толк во времени.

Тут мимо проползал черный усатый жук. Он взглянул на часы и розу и с сочувствием подумал: «Хм... Бедняги. Они не очень-то черные». Жук поспешил прочь, ведь у его бабушки был сегодня день рождения, и он собирался ее навестить.

Потом воробей заглянул в окно и усмехнулся, увидев часы и розу.

3

— Ха-ха! Что толку в том, что только тикать или пахнуть, если не умеешь летать? Что может быть прекрасней полета?

— Плавание, — сказала золотая рыбка из банки и ударила хвостом по воде.

— Мяуканье, — сказала кошка, прыгая с подоконника в сад.

— Раскачиваться на деревьях, — сказал ветер, пробегая по садовой дорожке.

— Поднимать ветер, — сказали деревья, качаясь в глубине сада.

Часы и роза все еще спорили, когда дядя Фред возвратился домой со своей женой.

А что ты о себе скажешь? — спросили они его.

— Ну, — сказал дядя Фред, — я полагаю, это зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— Именно так, дорогой, — подтвердила его жена. — Я думаю, ты всем хорош!

И она поцеловала дядю Фреда.

ЖУК и БУЛЬДОЗЕР

Однажды тигр по имени Сэм, лежал в кровати и спал. Солнце светило ярко, и было очень жаркое утро, но Сэм спал. Он был ленивым тигром и мог иногда проспать почти целый день.

Но тут мимо проходил жук.

— Ого! — сказал жук Уильям. — Эта кровать кажется удобной.

И он забрался в постель, рядом с Сэмом. Вскоре Уильям тоже крепко спал.

Когда Сэм наконец проснулся, он был чрезвычайно удивлен, увидев жука. Ему совсем не понравился Уильям в собственной постели. Набрав полную грудь воздуха, тигр дунул так сильно, как только мог и... разбудил жука.

«Ну и ветреный же сегодня день», — сказал Уильям сам себе, цепляясь лапками за простыню. Растерявшийся тигр дунул еще сильнее, но так и не смог прогнать жука.

И тут Сэму пришла в голову хорошая мысль: «А не лизнуть ли мне его? Он может подумать, что идет

дождь, встанет и поторопится домой». И тигр лизнул Уильяма.

«Хм! Кажется день, ко всему еще и сырой», — подумал жук, забравшись поглубже в белье.

Бедный Сэм! Что ему надо еще сделать, чтобы заставить Уильяма уйти? Тогда тигр поднялся и побрел через весь лес к дому, где жил бульдозер по имени Батч.

— Помоги мне, пожалуйста, столкнуть жука с моей кровати, — попросил Сэм.

— Хорошо, — согласился Батч и поехал вслед за тигром.

Посмотреть на борьбу жука и бульдозера собрались почти все звери леса. Батч начал сталкивать Уильяма с кровати. Жук изо всех сил вцепился в постель Сэма и сопротивлялся. Батч толкал. И Уильям толкал. Туда — сюда. Батч выгонял Уильяма, а Уильям — Батча.

Наконец жук все-таки сдался, вытолкнулся, и побежал рассказывать своим братьям и сестрам о невиданной битве.

Батч так устал после сражения, что разглядев получше удобную кровать Сэма, подумал: «Не вздремнуть ли мне?» — и улегся на место Уильяма.

Сэм был раздосадован еще больше, ведь когда в твоей постели спит жук — это плохо, но бульдозер — это еще хуже.

Сэму пришлось принести воды, отыскать немного масла и накрыть стол, несколько поодаль от своей кровати. Затем тигр разбудил Батча.

— Ты не голоден? — спросил Сэм.

— Разумеется, — ответил бульдозер.

— Вон там есть немного масла и воды, — сказал тигр и показал на накрытый стол. Батч был очень доволен. Тотчас спрыгнул с кровати и побежал к угощению.

Сэм сразу поспешил залезть в постель.

«Теперь кровать вся моя! — думал тигр. — Кажется, наконец-то я смогу хорошенько выспаться».

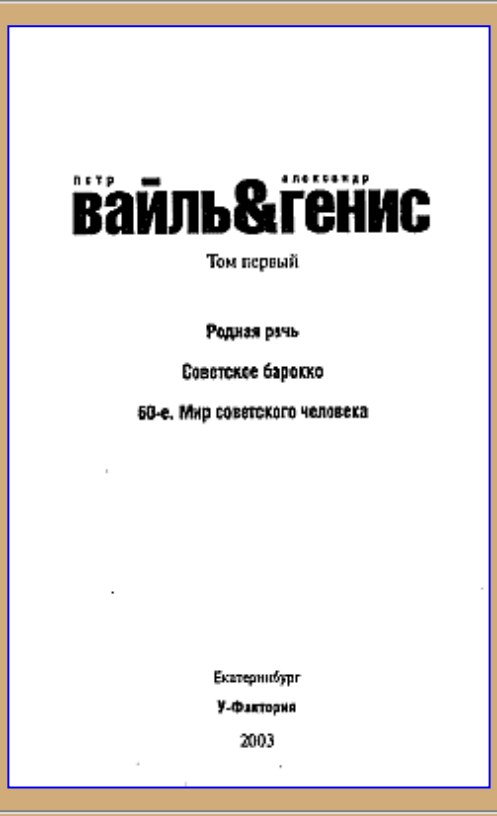
Он съел бутерброд с маслом, запил молоком и вскоре уснул.

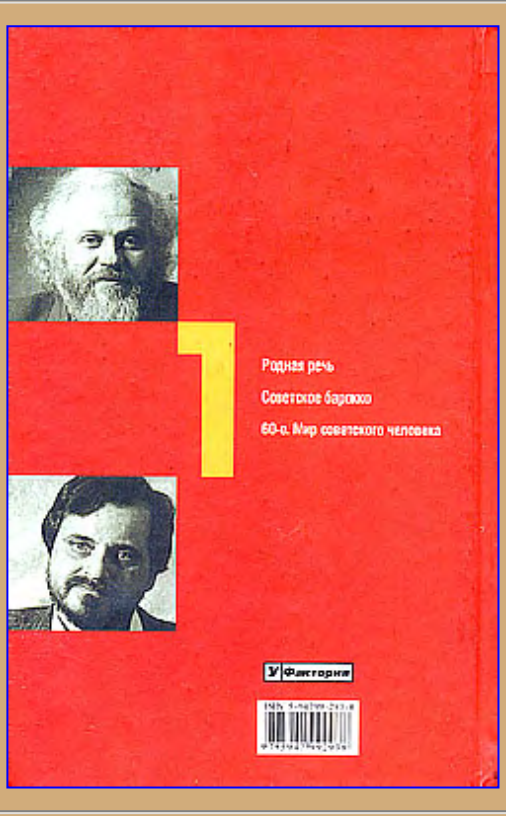
П. Вайль, А. Генис - "Формула жука" (... Жук - ключ ко всем проблемам...) - находка И.С.Смирнова

И.С. Смирнов

Как известно, в романе И.С.Тургенева "Отцы и дети" в двух фразах Базарова упоминается жук:
"Я нашел довольно редкий экземпляр водяного жука, Dytiscus marginatus, знаешь? Я тебе его покажу."
.....
"Это все романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука."
(И.С. допускает здесь ошибку в латыни - окаймленный плавунец называется по-научному Dytiscus marginalis).

Каково же было мое удивление, когда я прочел литературоведческо-философское эссе П.Вайля и А.Гениса "Формула жука", которое во многом построено именно на этих двух фразах. Ниже я привожу данные источника и те страницы эссе, где упоминается жук.





ББК 71.1
В14

Художественное оформление
и макет А. Бондаренко

Вайль Петр, Генис Александр

В14 Собрание сочинений: В 2 т. Том 1. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — 960 с.

ISBN 5-94799-293-0 (т. 1)
ISBN 5-94799-294-9

Двухтомник Петра Вайля и Александра Гениса, остроумных писателей и тонких исследователей, хорошо известных в России и на Западе, позволит нашему читателю *впервые* познакомиться со всеми шестью книгами, написанными соавторами. В «русский» том вошли книги об отечественной словесности: «Советское барокко» (в США этот труд опубликован в 1982 году под названием «Современная русская проза») и посвященная классикам «Родная речь» (1990), а также монография «60-е. Мир советского человека» (1988).

ББК 74.1

ISBN 5-94799-293-0 (т. 1)
ISBN 5-94799-294-9

© Вайль П., Генис А., 2003
© Бондаренко А., оформление, 2003
© Издательство «У-Фактория», 2003

Родная речь

уроки изящной словесности

Формула жука

Тургенев

«Отцы и дети» — сдвали не самая шумная и скандальная книга в русской литературе. Авдотья Панаева, очень не любившая Тургенева, писала: «Я не запомню, чтобы какое-нибудь литературное произведение наделало столько шуму и возбудило столько разговоров, как повесть Тургенева „Отцы и дети". Можно положительно сказать, что „Отцы и дети" были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги в руки».

Именно то обстоятельство, что с этих пор книгу берут в руки как раз на школьной скамье и лишь изредка после, лишило тургеневскую вещь романтического звездного ореола. «Отцы и дети» воспринимаются как произведение социальное, служебное. И на самом деле таковым роман и является. Просто следует, видимо, разделять то, что возникло благодаря замыслу автора и что — вопреки,

в силу самой природы искусства, которое отчаянно сопротивляется попыткам поставить его на службу чему бы то ни было.

Тургенев своей книгой вполне лапидарно описал новое явление. Явление определенное, конкретное, сегодняшнее. Такой настрой задан уже самым началом романа: «— Что, Петр? не видать еще? — спрашивал 20 мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко».

Для автора и для читателя было весьма существенно, что на дворе стоял именно такой год. Раньше Базаров не мог появиться. Достижения 40-х годов XIX века подготовили его приход. На общество произвели сильное впечатление естественнонаучные открытия: закон сохранения энергии, клеточное строение организмов. Выяснилось, что явления жизни можно свести к простейшим химическим и физическим процессам, выразить доступной и удобной формулой. Книга Фохта, та самая, которую Аркадий Кирсанов дает прочесть своему отцу, — «Сила и материя», — учила: мозг выделяет мысль, как печень — желчь. Таким образом, сама высшая деятельность человека — мышление — оборачивалась физиологическим механизмом, который можно проследить и описать. Тайн не оставалось.

Потому Базаров легко и просто трансформирует основное положение новой науки, приспосабливая его для разных случаев жизни: «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все

романтизм, чепуха, гниль, художество», — говорит он Аркадию. И логично заканчивает: «Пойдем лучше смотреть жука».

Базаров совершенно справедливо противопоставляет два мировоззрения — научное и художественное. Только столкновение их закончится не так, как ему представляется неизбежным. Собственно, об этом книга Тургенева — точнее, в этом ее роль в истории русской литературы.

В целом идеи Базарова и сводятся к тому, чтоб «смотреть жука» — вместо того, чтобы раздумывать над загадочными взглядами. Жук — ключ ко всем проблемам. В базаровском восприятии мира господствуют биологические категории. В такой системе мышления жук — попроще, человек — посложнее. Общество — тоже организм, только еще более развитый и сложный, чем личность.

Тургенев разглядел новое явление и испугался его. В этих невиданных людях ощущалась неведомая сила. Чтобы осознать ее, он и стал записывать: «Я все эти лица рисовал, как бы я рисовал грибы, листья, деревья; намозолили мне глаза — я и принялся чертить».

Конечно, не следует вполне доверять авторскому кокетству. Но справедливо то, что Тургенев изо всех сил старался соблюдать объективность. И добился этого. Собственно, как раз это и произвело такое сильное впечатление на тогдашнее общество: непонятно было — за кого Тургенев?

Сама повествовательная ткань предельно объективирована. Все время ощущается нехарактерный

для русской словесности нулевой градус письма там, где речь идет о социальном явлении. Вообще, от чтения «Отцов и детей» остается странное впечатление невыстроенности сюжета, рыхлости композиции. И это тоже результат установки на объективность: будто пишется не роман, а записная книжка, заметки на память.

Но исполнение в изящной словесности важнее замысла. Тургенев — художник, и это главное. Персонажи книги — живые. Язык — яркий. Как замечательно говорит Базаров об Одинцовой: «Богатое тело. Хоть сейчас в анатомический театр».

Но тем не менее схема проступает сквозь словесную ткань. Тургенев написал роман с тенденцией. Не в том дело, что автор открыто встает на чью-то сторону, а в том, что во главу угла поставлена социальная проблема. Это роман на тему. То есть — как сказали бы сейчас — ангажированное искусство.

Однако здесь и случается столкновение научного и художественного мировоззрений, и происходит то самое чудо, которое напрочь отрицал Базаров. Книга никак не исчерпывается темой противостояния старого и нового в России конца 50-х годов XIX столетия. И не только потому, что талант автора нарастил на умозрительный остов качественный художественный материал, имеющий самостоятельную ценность. Разгадка «Отцов и детей» лежит не над схемой, а под ней — в глубокой философской проблеме, выходящей за рамки и века и страны.

вынужден сражаться на чужой территории. Тургенев даже подсказывает, что против Базарова — нечто куда более важное и сильное, чем Кирсанов с пистолетом: «Павел Петрович представлялся ему большим лесом, с которым он все же должен был драться». Иными словами, у барьера — сама природа, естество, миропорядок.

И окончательно Базаров добит, когда становится понятно, почему от него отреклась Одинцова: «Она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидала за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие».

Это важнейшее признание. Тургенев отказывает хаосу, который несет Базаров, даже в величии, оставляя за ним лишь одно неприглядное голое неустройство.

Потому и умирает Базаров унизительно и жалко. Хотя и тут автор сохраняет полную объективность, показывая силу духа и мужество героя. Писарев даже считал, что своим поведением перед лицом смерти Базаров положил на весы ту последнюю гирьку, которая перетянула, в конечном счете, в его сторону.

Но куда более существенна причина смерти Базарова — царапина на пальце. Парадоксальность гибели молодого, цветущего, незаурядного человека от столь ничтожной мелочи создает масштаб, который заставляет задуматься. Убила Базарова не царапина, а сама природа. Он снова вторгся своим грубым ланцетом (на этот раз буквально) преобразователя в заведенный порядок жизни и смерти — и пал его жертвой. Малость причины здесь только

подчеркивает неравенство сил. Это осознает и сам Базаров: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!»

Тургенев не потому убил Базарова, что не догадался, как приспособить в российском обществе это новое явление, а потому, что обнаружил тот единственный закон, который хотя бы теоретически не берется опровергать нигилист.

Роман «Отцы и дети» создавался в пылу полемики. Русская литература стремительно демократизировалась, поповские сыновья теснили покоящихся на «принципах» дворян. Уверенно шли «литературные Робеспьеры», «кутейники-вандалы», стремящиеся «стереть с лица земли поэзию, изящные искусства, все эстетические наслаждения и водворить свои семинарские грубые принципы» (все это — слова Тургенева).

Это, конечно, преувеличение, гипербола — то есть инструмент, который, естественно, больше подходит разрушителю-цивилизатору, чем культурному консерватору, каким был Тургенев. Впрочем, он этим инструментом пользовался в частных беседах и переписке, а не в изящной словесности. Публицистический замысел романа «Отцы и дети» преобразовался в убедительный художественный текст. В нем звучит голос даже не автора, а самой культуры, которая отрицает в этике формулу, а для эстетики не находит материального эквивалента. Цивилизаторский напор разбивается об устои культурного порядка, и многообразие жизни не удается свести «к жуку», на которого надо идти смотреть, чтобы понять мир.

"Жук и его имя (жуки в творчестве А. Милна)" - эссе Е. А. Кухаренко

Елена Кухаренко

Собственно, речь пойдет главным образом об одном жуке - жуке по имени Александр. У А. Милна есть замечательное стихотворение, которое называется "Forgiven", в нем жук Александр является главным действующим лицом. Вот как это стихотворение выглядит в оригинале.

Forgiven

A.A. Milne

I found a little beetle; so that Beetle was his name,
And I called him Alexander and he answered just the same.
I put him in a match-box, and I kept him all the day ...
And Nanny let my beetle out -
Yes, Nanny let my beetle out -
She went and let my beetle out -
And Beetle ran away.

She said she didn't mean it, and I never said she did,
She said she wanted matches and she just took off the lid,
She said that she was sorry, but it's difficult to catch
An excited sort of beetle you've mistaken for a match.

She said that she was sorry, and I really mustn't mind,
As there's lots and lots of beetles which she's certain we could find,
If we looked about the garden for the holes where beetles hid -
And we'd get another match-box and write BEETLE on the lid.

We went to all the places which a beetle might be near,
And we made the sort of noises which a beetle likes to hear,
And I saw a kind of something, and I gave a sort of shout:
"A beetle-house and Alexander Beetle coming out!"

It was Alexander Beetle I'm as certain as can be,
And he had a sort of look as if he thought it must be Me,
And he had a sort of look as if he thought he ought to say:
"I'm very very sorry that I tried to run away."

And Nanny's very sorry too for you-know-what-she-did,
And she's writing ALEXANDER very blackly on the lid,
So Nan and Me are friends, because it's difficult to catch
An excited Alexander you've mistaken for a match.

Очень славное стихотворение. И на эти слова написана славная песенка, которая так и называется "ALEXANDER BEETLE" (**http://www.lastfm.ru/music/Melanie/_/Alexander+Beetle**).

Однако в русском переводе этому жуку с его именем фатально не везет.
Вот как выглядит перевод этого стихотворения на русский (кто автор перевода - не знаю).

Простила

Я в саду жука поймала, говорю ему: "Привет!
Вас зовут, наверно, Джозеф?"
"Дж-жоз-зефф", слышу я в ответ.
Он в коробке из-под спичек целый день потом жужжал.
Няня крышку приоткрыла,
Только крышку приоткрыла,
Ну немножко приоткрыла
И мой Джозеф убежал!
Няня вовсе не хотела. Получилось все случайно:
Ей понадобились спички подогреть решила чайник.
Говорит, ей очень жалко. Я сама чуть не реву!
Говорит, что знает место, где в саду жуки живут.
Долго мы потом гуляли по тропинке вдоль кустов,
Мы скрипели и шуршали, чтоб приманивать жуков.
И уже найти пропажу мы отчаялись, как вдруг
Из какой-то тесной норки выползает Джозеф-жук!
Я его узнала сразу - ну конечно, это он!
И меня узнал он тоже, но немного был смущен.
Так он выглядел, как будто собирался мне сказать:
Я уж-жасно сож-жалею, что з-задумал убеж-жать".

Няню я давно простила. Няня мой хороший друг.
А на спичечной коробке написали ДЖОЗЕФ-ЖУК.
Крупно, черным написали на обклейке коробка,
Чтобы было невозможно спутать спички и жука.

Ну почему Джозеф-то, скажите на милость?! Ведь, учитывая то, что автора зовут **Алан Александр Милн**, имя жука вряд ли выбрано случайно!

Присутствие в произведениях А. Милна жука Александра не ограничивается этим стихотворением. Александр появляется также в историях о Винни-Пухе. Он ***«самый крошечный Родственник и Знакомый Кролика, тот, который думал, что видел однажды ногу Кристофера Робина, но был в этом не вполне уверен, потому что он легко мог и ошибиться»***. Вот он на одной из иллюстраций Эдуарда Назарова, в левом нижнем углу, вместе с другими представителями своего семейства (семейства Козявок, по Заходеру) присутствует при вручении Кристоферу Робину **лизорюции**, на другой замыкает арьергард **искпедиции**, которая не обошлась без его участия. Правда, он ***«так испугался, решив, что вся экспедиция говорит ему "тсс", что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешно отправился домой. Его звали Сашка Букашка»***.
Видите, какая коллизия опять приключилась с почтенным жуком Александром? В пересказе Бориса Заходера он превратился в ***Сашку Букашку***. И не узнать того самого жука из стихотворения, хотя Милн опять-таки указывает вполне определенно: «***His name was Alexander Beetle***». А в переводе Виктора Вебера жук Александр приобретает уже вообще какой-то прибалтийский колорит теперь он ***Алекс Жукалекс*** из семейства Жукалексов. Только в переводе Вадима Руднева жук сохранил свое гордое имя ***Александр Жук***. А

как зовут его в переводе Ирины Токмаковой (если он там вообще присутствует) уж прямо и не знаю. Между прочим, в оригинале у Милна есть упоминание еще об одном представителе жучиного семейства по имени Торопливый (Торопыга? Торопыжка?) Генри Henry Rush. В заходеровском пересказе его нет, но в веберовском есть (Генри Торопыжекс из семейства Жукалексов) и у Руднева есть там он почему-то зовется Анри Пти.

Казалось бы, жук Александр личность малозначительная. А он, между тем, попал чуть ли не в учебник по психологии Е.А.Чечеткина в лекции по когнитивной типологии расстройств личности (**http://www.psy-analyst.ru/eche/3super1.asp**) использовала персонажи из «Винни-Пуха» для иллюстрации типов расстройств личности. Сашка Букашка был приведен в качестве примера избегающей личности. Для людей такого типа характерно сочетание тревоги с печалью, боязнь быть отвергнутыми и стремление избегать ситуаций, в которых их могут оценивать. Но ведь это все про Сашку Букашку! А поведение персоны с солидным именем Александр может быть расценено исключительно как разумная осторожность и достойная всяческих похвал осмотрительность.

Как известно, как вы яхту назовете, так она и поплывет.

(Интересно, а как обстояли дела с личностью и ее расстройствами у самого Александра Милна?)

Эдвин Хернле - "Майский жук и пчела" - сказка (находка Е. А.Кухаренко)

Е.А. Кухаренко

МАЙСКИЙ ЖУК И ПЧЕЛА

Однажды сырым весенним днем золотисто-коричневая пчела и майский жук отправились на поиски пропитания. Ветерок доносил откуда-то издалека аромат цветов. И захотели они их отыскать.

— Полетим вместе,— сказал майский жук,— я большой и сильный, а у тебя есть страшное жало. Так что мы удачно дополняем друг друга и можем принести друг другу пользу.

Эдвин Хернле
Майский жук и пчела

(Сказки немецких писателей.
Лениздат, 1989.
Сост. А.К.Славинская,
художник В.Л.Непомнящий)

Сказка довольно скучная, назидательная, с явно выраженным политическим подтекстом. Иначе, видимо, и быть не могло, учитывая то, что автор - сын миссионера и член Социалистической партии Германии с 1910 года.
Жук в этой сказке оказался политически близоруким, как-то не на те ценности сделал ставку, за что и поплатился.

Роберт Асприн - "Война жуков и ящериц" - фантастический роман (находка Е.А.Кухаренко)

Е.А. Кухаренко

Роберт Асприн
Война жуков и ящериц
(Robert Asprin. The Bug Wars)
Издательство АСТ, 1999 г. (Перевод с англ. Н.К.Кудряшова). 413 с.

В 2001 г. в том же издательстве вышел сборник **"Жуки, финансы и все, все, все"**, куда помимо "Войны жуков и ящериц" вошло еще несколько ранних романов Асприна.
"Война жуков и ящериц" - фантастический роман о межпланетной борьбе имперских войск расы пресмыкающихся с расой насекомых (собственно жуков-то там практически и нет). Все это очень сильно отличается от асприньских МИФов.
Другие названия романа: "Войны империи Тзен"; "Боевая элита Империи" (под этим названием роман имеется в **Библиотеке Максима Мошкова**).

Примечание редактора.*Ничего удивительного в том, что в романе "The Bug Wars" отсутствуют жуки - нет. Это типичная, повторяемая сотни раз, ошибка переводчиков в понимании слова "bug". А заглянуть из-за него в хороший словарь - им недосуг. И вот кочует этот, кем-то однажды запущенный неверный перевод, из издания в издание. А слово "bug" к жукам имеет очень косвенное отношение. Основной его перевод - "клоп". Второе значение - "насекомое" (в бытовом понимании, в отличие от "insect" - насекомое в строгом научном смысле). Именно это значение ("насекомое") имел в виду Р.Асприн, называя свой роман. Третье зоологическое значение - обычно множественное "bugs" - не имеет эквивалента в русском языке, ибо подразумевает всё множество мелких беспозвоночных животных - насекомых, пауков, клещей, многоножек и даже червей и улиток. Отдаленно подходит только перевод - "жучки, букашки и другие козявки" или уж только "козявки", но никак не "жуки". (Веб-мастер нашего сайта М.Б.Дианов предложил оригинальное слово для перевода "bugs" - "сикарахи").*

Еще один вариант книжки Ондржея Секоры "Приключения муравья Ферды" (находка Н.А. Виноградова)

Н.А. Виноградов

Встретил еще один вариант книжки Ондржея Секоры "Приключения муравья Ферды".
Другие варианты нашли **Рита Снайп** и **Елена Кухаренко**.

Игорь Куберский - "Жук-носорог" - рассказ (находка Н.А.Виноградова)

Н.А. Виноградов

Игорь Куберский.
Жук-Носорог.

Рассказ

Его я обнаружил в бассейне, вернее - в одном из двух прикрытых пластмассовыми крышками отверстий, куда струи воды с противоположной стороны сгоняли всякий поверхностный мусор - шелуху от сосновых шишек, иглы, какие-то коричневые почечки, утонувших ос, научившихся пить налету, но гибнущих при нашем бурном вторжении в голубое прохладное плескалище, десяти метров в длину, пяти в ширину, и не менее двух - в глубину. Ступая босиком по горячим розовым плитам, я подошел, приподнял круглую крышку, чтобы выгрести этот плавающий легкий сор, и он был там - ножками кверху, довольно крупный жук-носорог, почти такой же, что нарисован в детской энциклопедии

"Насекомые" (одной из пятидесяти книг серии под названием "Узнай мир" - гордости моего издательства). Не знаю, каких знаний не хватало этому бедному жуку-носорогу, и что его потянуло к бассейну, но факт - он утонул. Я вынул его из корзинки, опущенной в отверстие, на дне которой голубели еще не растворившиеся таблетки вещества, дезинфицирующего воду, и понес показывать дочери и жене. Жук был недвижим, то есть мертв, но и в смерти своей сохранивший абсолютно адекватные прижизненному состоянию черты - мощный рог, переднюю часть с широким воротником, как у динозавра по имени трицератопс, мощные ляжки волосатых лапок, цепкие, раздвоенные крючочки на концах.

Жука этого, как представителя испанской фауны и прекрасного натурщика для художника анималиста, я положил на тумбочку в своей комнате, с тем чтобы по окончании отпуска взять с собой в Питер. Жук мне не мешал, соответствовал своему статусу, позволяя разглядывать себя, если мне этого хотелось, когда я застревал перед недающейся строкой или словом...

Я жил на втором этаже в отдельной комнате с террасой и видом на сад и бассейн, а прямо перед террасой, которая во второй половине дня частично сдавалась на пару часов лучам знойного солнца, данный вид перекрывала огромная сосна, в чей оранжевой-зеленый испод - стволы, ветки, хвоя - упирался мой взгляд, едва я утром открывал глаза. В этом отдельном райском сосновом мире проживали белки, сороки, пара горлиц и еще какие-то невзрачные птички, меньше воробья, каждое утро чирикавшие мне одно и тоже на скороговорке испанского: "fiesta-fiesta-fiesta", что есть праздник по-нашему. Так оно, в общем, и было, только вот жуку-носорогу не повезло.

На четвертый день я, сам не знаю почему, взял этого жука и вынес на террасу - прямо на солнечный свет, почти горячий, но еще приятный, утренний. Вспомнив, что насекомым для движения нужно тепло, так уж устроена их мышечная система, я положил жука на нагретую плиту камня, лапками вверх, и произошло то, что и предполагалось в теории: жук стал шевелить своим передними конечностями - едва-едва, но вполне различимо, словно приветствуя меня из того мира, в котором он в основном пока и пребывал. Поначалу я не поверил своим глазам, но это было так - жук продолжал слегка поводить конечными сочленениями передних лапок, будто не только приветствуя, но и пытаясь разогнать туман беспамятства перед своими глазами.

- Он жив! - заорал я и позвал жену и дочку. Обе подтвердили мои наблюдения, и дочка побежала на кухню готовить жуку питательный бульон из апельсинового сока с добавкой сахара - как-никак у жука давно не было и маковой росинки во рту. Мы поместили жука прямо в блюдце с питательным раствором, всеми шестью лапами в него, четыре из которых, к сожалению, оставались пока неподвижны, и он, совершенно явно приникнув ртом к лужице, стал ее пить. Он выпил ее почти всю, после чего замер, как заснул. Дочь отмыла его чистой водой от сладкого, заодно и само блюдце, чтобы не привлекать сладкоежек ос, и постелила жуку постель из лепестков роз, что цвели по всему саду.

Дочь ушла, а я сел снова за работу. Написав странички полторы романа, который я без видимого прогресса мучаю уже девятый год, я снова отвлекся на жука, подумав, что если он проснется, то, полный сил, отдохнувший и посвежевший, непременно удерет, - потому подошел и перевернул его на спину, ножками вверх. В такой позиции и здоровый жук не перевернется, пока не зацепится за что-нибудь близлежащее, не то, что наш бедолага. Жук не протестовал - так и лежал на спине, задрав все лапы вверх, что можно было трактовать трояко, как мольбу или выражение радости жизни, или полную капитуляцию.

Утром следующего дня, я вынес его под солнечные лучи, и жук снова зашевелился.. Причем, не только лапками, но и передней своей частью, поводя ею из стороны в сторону, как запасной футболист, готовящийся к выходу на поле. Дочь немедленно принесла ему завтрак из тех же блюд, и жук, если вчера он пил, чуть ли не лежа на брюхе, то сегодня, четко упираясь в фаянс передними лапками, стал медленно, по-носорожьи, наклонять свою могучую переднюю часть, так что даже приоткрыл желтоватую перемычку своего мягкого тела между жесткими темно-коричневыми хитиновыми оболочками, защищавшими его. Был он немножко похож на рыцаря, закованного в латы, вернее, на его, рыцаря, бронированное средство передвижения. Впрочем, на носорогах, кажется, не воевали. На сей раз он выпил не так много, как вчера, и снова замер, не распрямляя туловища.

Сон жука, видимо, создавал особую атмосферу в моей комнате, тонкий мир, в который я окунал кончик гелевой ручки,

чтобы почерпнуть оттуда недостающие мне слова и оттенки образов - в тот день сочинялось особенно легко и празднично. Но на следующий день снова начались творческие проблемы. Как мы с жуком условились, я вынес его на террасу, под тепло - жук не шевелился. Мы приготовили ему завтрак - жук не проявил к нему никакого интереса. Мы отнесли жука вниз и показали хозяину дома, для которого, чтобы заглянуть в тонкий мир, не требовались никакие жуки. И услышали от него: да он у вас мертвый - **muerto**. Поскольку это прозвучало почти так же, как по-русски, то было вдвойне убедительным, хотя мы и пробовали поначалу возражать, говоря что еще недавно он пил, шевелился, поводил плечами. "No, muerto" - с улыбкой был нам ответ, и в конце концов нам пришлось согласиться с тем, что так оно и есть... Для перевозки в Россию я положил жука в упаковку из-под флакона для глазных капель. Я не знал, должен ли заполнять таможенную декларацию по поводу перевозки столь экзотического существа, но, когда наши чемоданы не прибыли вслед за нами в Пулково 2, грешным делом подумал, что это все из-за жука, которого обнаружили электронные средства таможенного контроля. Впрочем, на следующий день чемоданы нашлись, и жук оказался там, где и должно. Теперь он лежит, неживой, на полке в гостиной, уже не ожидая, что когда-нибудь его нарисуют...

Да, занятно, что по-русски и по-испански слово "мертвый" звучит и пишется почти одинаково - явно из санскрита. А еще интересно, что глаголы "жить" и "умереть" в испанском языке весьма близки друг к другу по форме и звучанию. Сами посудите: **morar** и **morir**.

Design and Support
by Zoological Institute RAS, St.-Petersburg, Russia

English Version Russian Version

Beetles (Coleoptera) and Coleopterists

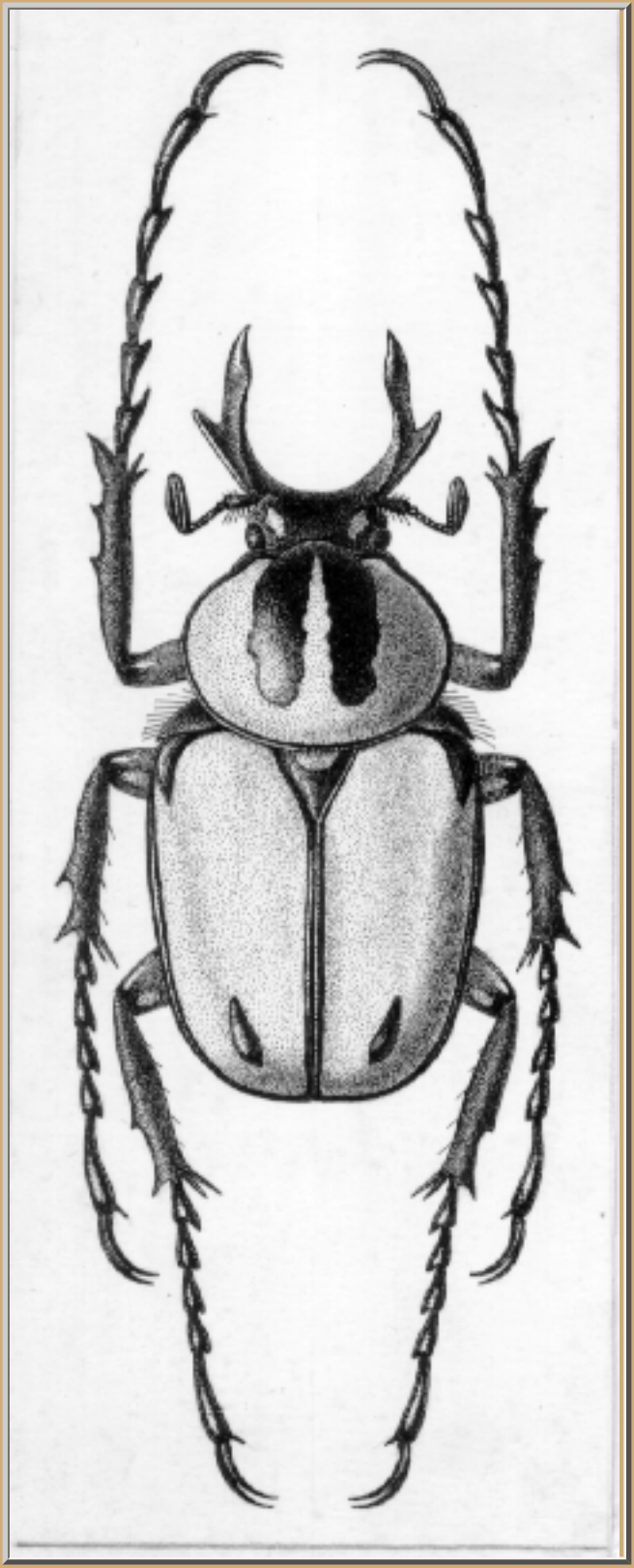
Morimonella bednariki Podany
Photo by A.Miroshnikov

- Introduction
- Morphology and Anatomy
- Biology and Ecology
- Distribution
- Taxonomy and Phylogeny
- Beetles World and Man
- Coleopterists (Personalia)
- Collections
- Publications
- Images
- Databases
- Beetles and Internet
- About this site
- News, Guides and Indexes

Beetles or Coleoptera (scientific Latin name) are the order including the largest number of species not only in the class of insects (Insecta), but also in the entire animal kingdom (Animalia). Not less than a quarter of all animal species on our planet are beetles. Beetles occur in every part of the world and in nearly every type of habitat. Beetles are studied by a special area of zoology - coleopterology. Studies of beetles have been conducted at the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences (RAS), St.Petersburg, since its foundation. The well-known coleopterists E. Menetries, A. P. Semenov-Tian-Shansky, G.G. Jacobson, A.N. Reichardt, M.E. Ter-Minasian, O.L. Kryzhanovsky and many others worked at the Zoological Institute. The Coleoptera Department at the Laboratory of Insect Taxonomy of the Zoological Institute is the centre of Coleoptera studies in Russia. The Head of the Department and the Laboratory is the eminent coleopterist Prof. G.S. Medvedev. Coleopterists of the Zoological Institute in co-operation with their colleagues from other research institutions decided to establish and maintain in the Internet a special Web-site on Coleoptera and coleopterists, which should be of interest to specialists and to those who have only started to take interest in beetles, or have just come across our pages. Welcome to the world of beetles and specialists studying them!

Echo

Введение



Жуки или жесткокрылые (Coleoptera) составляют один из примерно 30 отрядов класса насекомых (Insecta). Во многих отношениях отряд жуков ярко выделяется из остальных насекомых и поэтому является излюбленным объектом интереса и изучения как у профессиональных ученых, так и у любителей природы.

Жуки -- самый большой по числу известных науке видов отряд не только в классе насекомых, но и во всем животном мире. Наиболее авторитетные подсчеты свидетельствуют о том, что уже сейчас описано более 350000 видов жуков. И каждый год это число еще увеличивается примерно на 2000 видов (**Zoological Record**). Если учесть, что вся фауна Земли оценивается примерно в 1400000 видов, то получается, что жуки составляют более четверти всех известных животных. Но и это еще не все. Недавние попытки тотальных сборов насекомых с нескольких видов тропических деревьев в бассейне Амазонки показали, что среди найденных таким способом жуков более 50% являются новыми для науки (Erwin, 1982; 1997). При этом фауны разных видов деревьев настолько отличаются друг от друга, что можно прогнозировать существование еще нескольких сот тысяч или даже миллионов видов жуков (по крайним оценкам -- до 7 миллионов).

Жуки наиболее обильны в тропиках, но они приспособились к жизни во всех широтах и почти во всех местообитаниях, к питанию любыми веществами органического происхождения. Поэтому жуки практически вездесущи. Их не нашли пока только на материке Антарктиды (но жуки живут на субантарктических островах), в открытом море (но жуки обильны на морских побережьях) и на высочайших горах выше черты вечных снегов (но очень интересные виды жуков встречаются высоко в горах летом у самой этой черты). Многие виды жуков достигают высокой численности. Все эти факторы обеспечивают всеобщую известность жуков. Жуки, вместе с кошками, собаками и птицами, являются первыми животными, которых учится узнавать едва начавший говорить ребенок.

Жуки чрезвычайно разнообразны не только по величине и окраске, но и по форме тела, скульптуре наружных покровов, наличию всевозможных выростов и т.п. И если по великолепию и разнообразию расцветок бабочки может быть и превосходят жуков, то в области фантастического многообразия форм у жуков нет конкурентов. Поэтому жуки -- неисчерпаемый источник вдохновения для писателей,

скульптуров, художников, специалистов по орнаментам и создателей узоров для тканей. Вероятно по этой же причине, а также из-за предельной простоты сохранения мертвых экземпляров, жуки -- излюбленный объект коллекционирования.

Многие виды жуков являются серьезными вредителями сельского и лесного хозяйства, хранящихся продуктов и изделий из дерева, кожи, меха, тканей. Другие виды, наоборот, испытывают неудобства от хозяйственной деятельности человека и постоянно сокращают свою численность или вообще исчезают с лица Земли. Некоторые обычные виды жуков чутко реагируют на чистоту природной среды и могут служить удобными индикаторами вносимых человеком загрязнений. Поэтому знания о жуках необходимы не только профессиональным зоологам, но и специалистам по защите растений, агрономам, лесоводам, музейным специалистам и работникам пищевой промышленности, экологам, сотрудникам заповедников и многим другим специалистам.

Изучением всех насекомых занимается специальная отрасль зоологии -- энтомология. В свою очередь в энтомологии изучение жуков уже давно выделилось в отдельную науку -- колеоптерологию. Соответственно, специалистов, занимающихся жуками, называют колеоптерологами.

В Зоологическом институте Российской Академии наук (далее будет применяться аббревиатура ЗИН) колеоптерология имеет давние и славные традиции. В основе ведущихся в ЗИН исследований лежит собственная коллекция жуков -- одна из крупнейших в мире, содержащая сейчас не менее 6 миллионов экземпляров. Начало этой коллекции было положено еще в 1714 году Петром I при создании Кунсткамеры. Заметный скачок в развитии исследований жуков связан с именем Эдуарда Менетрие -- известного во всем мире энтомолога. После него в Зоологическом музее, а позднее -- в созданном на его основе ЗИН, работала целая плеяда крупнейших колеоптерологов: А. Ф. Моравиц, А. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Г. Якобсон, А. Н. Рейхардт, А. А. Рихтер, Е. Л. Гурьева, М. Е. Тер-Минасян, О. Л. Крыжановский.

Сейчас в отделении жесткокрылых Лаборатории систематики насекомых ЗИН под руководством энтомолога с мировым именем, профессора Глеба Сергеевича Медведева работают 6 научных сотрудников и 3 лаборанта. Еще несколько сотрудников формально числятся в других подразделениях ЗИН, но активно работают в отделении жесткокрылых. Наш небольшой коллектив и наша огромная коллекция являются общепризнанным неформальным центром колеоптерологических исследований в России и в странах, ранее входивших в СССР. Сохраняется и мировое значение наших исследований и нашей коллекции. В отделение постоянно приезжают зарубежные специалисты, а наши сотрудники каждый год выезжают работать по приглашениям крупнейших западных музеев. Подготовленные и опубликованные у нас определители жуков, монографические работы и ревизии отдельных групп традиционно высоко оцениваются коллегами и используются как в России, так и за ее пределами.

Учитывая все возрастающее значение публикаций в Интернете, как средства интеграции научных исследований в мировом масштабе и пропаганды научных достижений, наш коллектив решил создать и поддерживать в сети Интернет собственный сайт, посвященный жукам и ученым-колеоптерологам. С помощью своих коллег из других учреждений мы надеемся сделать этот сайт одним из самых интересных и богатых оригинальной информацией в мировой информационной сети.

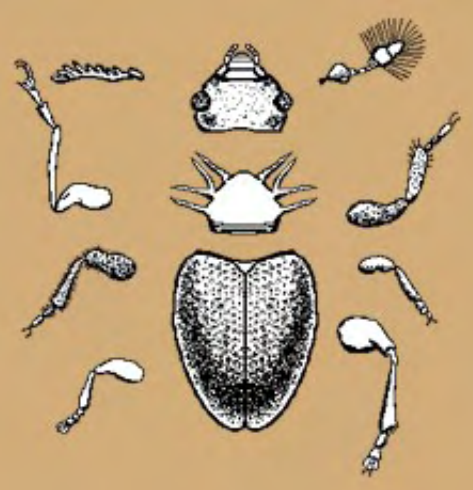
А.Л. Лобанов, *1999*

Echo

- **Важнейшая литература по общим вопросам колеоптерологии**

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

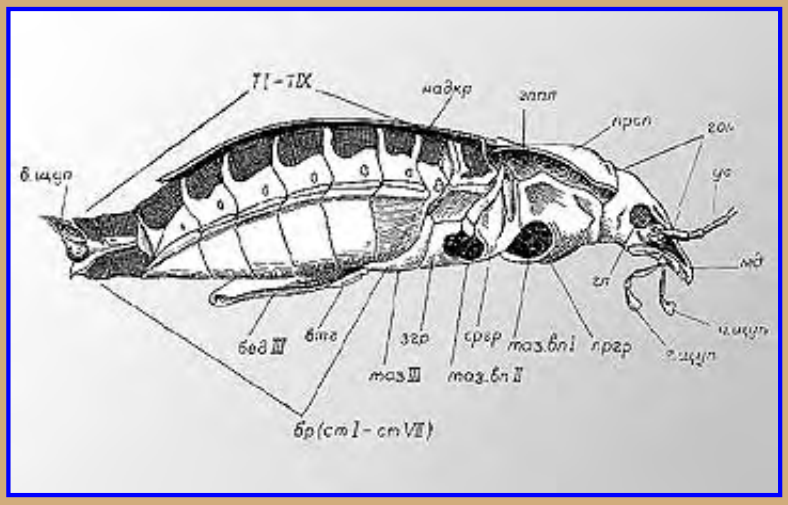
Морфология и анатомия

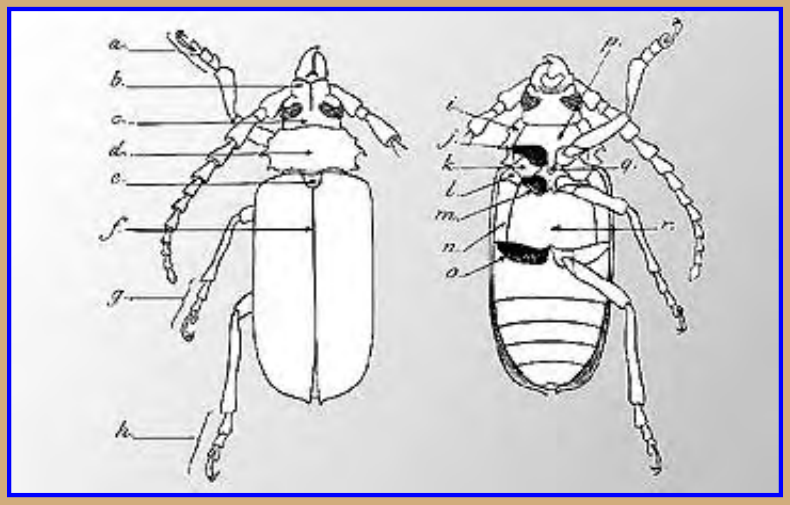


И любитель, и профессионал, увидев жука, в первую очередь обращают внимание на его внешний вид, на особенности его наружного строения. Как и вообще в зоологии, так и в колеоптерологии, изучением строения тела занимается специальная наука -- морфология. Существуют две точки зрения на сферу охвата этой науки. Одни зоологи считают, что морфология (учение о формах) изучает как внешнее, так и внутреннее строение животного. В соответствии с этим они делят это учение на наружную морфологию (или эйдономию) и внутреннюю морфологию (или анатомию). Такой точки зрения, например, придерживался крупнейший энтомолог Г.Я. Бей-Биенко в своем учебнике общей энтомологии (1980). Другие специалисты считают морфологию учением только о внешнем строении тела, а анатомию независимым от морфологии учением о внутренннем строении (например: Захваткин, 1986). Нам больше импонирует первая точка зрения, поэтому мы будем рассматривать наружную морфологию и анатомию как единое целое. А упор в материалах нашего сайта будет сделан на внешнее строение жуков, как более интересное для попавших к нам в гости любителей и более важное для колеоптерологов-систематиков. Профессионалы могут нам возразить и заметить, что анатомия не менее важна. Но все-таки описания новых видов жуков и диагнозы более высоких таксонов сплошь и рядом публикуются без рассмотрения деталей внутреннего строения, а обратная картина (анатомия без наружной морфологии) в описаниях и диагнозах жуков не встречается никогда.

Тело жуков, как и всех других насекомых, образовано тремя отделами: **головой**, **грудью** и **брюшком**. В каждом из этих отделов можно проследить разделение на отдельные сегменты (кольца), но наиболее явно оно проявляется у жуков в брюшке и менее всего очевидно на голове. У предков насекомых тело было почти равномерно сегментировано и не делилось на отделы, которые образовались у современных насекомых в результате дифференциации и слияния отдельных сегментов.

Подробное описание строения жуков мы решили разделить на три части, в соответствии с делением на отделы. Здесь же рассмотрим еще только литературу по морфологии жуков. Общее представление о строении насекомых и, в частности, жуков можно получить в руководствах и учебниках по энтомологии. Кроме уже названных можно порекомендовать "Руководство по зоологии" (Догель и др., 1951), "Курс общей энтомологии" (Шванвич, 1949) и переводной учебник (Росс, Росс, Росс, 1985). Несколько хуже обстоит дело с русскоязычной литературой по морфологии именно жуков. Непревзойденным остается описание наружного строения и внутренней организации жуков в капитальном руководстве Г.Г. Якобсона (1905). Только там можно найти названия всех частей тела жука сразу на пяти языках - русском, латинском, немецком, французском и английском.





Достаточно подробные данные по морфологии жуков содержатся во введениях к крупным определителям жуков европейской части СССР (Крыжановский, 1965) и Дальнего Востока России (Криволуцкая, 1989). Из иностранных руководств нельзя не упомянуть англоязычные (Arnett, 1963; Crowson, 1981), французское (Jeannel, 1949) и немецкое (Freude, Harde, Lohse, 1964). Особый интерес представляет трехтомная монография (Matsuda, 1965, 1970, 1976), в которой каждый том посвящен одному их трех отделов тела насекомого -- морфологии жуков там уделено достаточно много внимания. Из общих руководств по насекомым не потерял своего значения и известный англоязычный учебник (Imms, 1930).

Пока обзоры по морфологии всех жуков в целом еще не написаны -- мы предлагаем вашему вниманию очерк морфологии всех фаз развития для **водных жуков России**, подготовленный А.Г. Кирейчуком для "Определителя водных беспозвоночных России".

А.Л. Лобанов, 1999

ЛИТЕРАТУРА

Бей-Биенко Г.Я.
Общая энтомология. - Москва, 1980. 416 с.

Догель В.А., Ежиков И.И., Кузнецов Н.Я. и др.
Руководство по зоологии. Т. 3, ч. 2. Беспозвоночные (..., насекомые, ...). - Гос. изд-во "Советская наука", М., 1951. 608 с.

Захваткин Ю.А.
Курс общей энтомологии. - Москва, 1986. 320 с.

Криволуцкая Г.О.
Отряд Coleoptera - Жесткокрылые, или жуки // Определитель насекомых Дальнего Востока СССР. Т. 3, ч. 1. Л-д, 1989. С. 8 -- 44.

Крыжановский О.Л.
Отряд Coleoptera - Жесткокрылые, или жуки. Введение // Определитель насекомых европейской части СССР. Т. 2. М. -- Л-д, 1965. С. 5 -- 18.

Росс Г., Росс Ч., Росс Д.
Энтомология. - Москва, 1985. 573 с.

Шванвич Б.Н.
Курс общей энтомологии. - Изд-во "Советская наука", М.-Л., 1949. 900 с.

Якобсон Г.Г.
Введение // Жуки России и Западной Европы. С.-Петербург, 1905. С. 1 -- 176.

Arnett R.H.
The Beetles of the United States. - Washington, 1963. 1112 p.

Crowson, R.A.
The natural classification of the families of Coleoptera. EW. Classey Ltd., Middlesex, 1967. 214 p.

Crowson R.A.
The Biology of the Coleoptera. - London, 1981. 802 p.

Freude H., Harde K.W., Lohse G.A.
Die Kaefer Mitteleuropas. Band 1. - Krefeld, 1964. 214 S.

Imms A.D. etc.
A General Textbook of Entomolog. - London, 1930. 720 p. + 607 figs.

Jeannel R., Paulian R. etc.
Traite de zoologie (puble sous la direction de Pierre-P. Grasse). Tome IX. Insectes. - Paris, 1949. 1118 p.

Matsuda R.
Morphology and evolution of the insect head // Memoirs. American Entomological Institute. 1965. N 4. 334 p.

Matsuda R.
Morphology and evolution of the insect thorax // Memoirs of the Entomological Society of Canada. 1970. Vol. 76. 431 p.

Matsuda R.
Morphology and evolution of the insect abdomen - with special reference to developmental patterns and their bearings upon systematics. - Oxford & New York. 1976. 532 p.

Villiers A.
Cerambycidae. Faune des coleopteres de France. Vol. 1. Paris. 1978. 612 p.

- **Общие сведения о строении жуков**
- **Тератология - уродства и аномалии развития жуков**

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Биология и экология

- Жизненный цикл
- Размножение жуков
- Питание
- Поведение и образ жизни
- Жизненные формы жуков
- Фенология
- Места обитания
- Симбиотические связи
- Враги и паразиты

Географическое распространение

Коллаж М.Б.Дианова
(фото жука - В.Н.Танасийчука)

Географическое распространение -- одна из важнейших характеристик любого таксона животных, будь то вид, род или семейство. Это положение бесспорно справедливо и для жуков. Ареал (территория или совокупность территорий, где встречается данный таксон) всего отряда жуков огромен и, возможно, является рекордным по площади среди ареалов других отрядов наземных животных. Жуки населяют практически все пригодные для их обитания части суши. Их нет только на ледниковых щитах Антарктиды и Гренландии, на некоторых арктических островах и в зоне вечных снегов высокогорий. Однако, например, в Гималаях они встречаются еще на высоте 6000 м, а на Памире -- выше 4500 м. Населены ими также почти все внутренние водоемы. Такое экспансивное распространение жесткокрылых отразил в своем коллаже наш Web-мастер М.Б.Дианов.

Закономерности распространения животных на земном шаре изучает специальная наука -- зоогеография. Существуют разные точки зрения на выделение внутри этой науки составляющих ее дисциплин. Для энтомологов, использующих зоогеографию как один из инструментов изучения той или иной группы насекомых, нам кажется вполне возможным ограничиться выделением трех дисциплин, представляющих три этапа типичного исследования закономерностей географического распространения таксона.

Первым этапом обычно является изучение локальных фаун -- составление списков видов для отдельных местностей. Этим вопросом ведает фаунистика -- специальный раздел зоогеографии. После накопления достаточной информации о локальных фаунах исследователь обычно переходит к фиксации ареалов отдельных таксонов. Обычно начинают с ареалов видов, а затем переходят к определению ареалов групп видов, подродов, родов и таксонов более высокого ранга. Изучением ареалов и классификацией их типов занимается хорология (или ареалогия). Получение данных о фаунах и ареалах позволяет перейти к заключительному этапу прикладного зоогеографического исследования -- делению исследуемой части земного шара (или всего земного шара) на зоогеографические выделы или регионы в соответствии с характером их фаун и границами ареалов таксонов разного ранга. Занимающуюся этим дисциплину называют региональной или аналитической зоогеографией или зоогеографическим районированием.

Обилие видов жесткокрылых, разнообразие образа их жизни, глубокая древность многих групп (нередко с триаса) и интенсивная адаптивная радиация в ряде семейств обусловили исключительное многообразие типов ареалов жуков. Это сильно затрудняет установление основных закономерностей их географического распространения. Ареалы видов настолько разнообразны, что проводить их типизацию очень сложно. Поэтому колеоптерологи предпочитают анализ ареалов на уровне подродов, родов, триб, подсемейств и семейств.

Жуки с давних пор успешно применялись в зоогеографических целях. А.П.Семенов-Тян-Шанский создал детально разработанную схему зоогеографических подразделений Палеарктической области на основе распространения

жесткокрылых (1936), предложил интересную гипотезу о происхождении альпийских фаун (1937), а в своих работах по систематике касался многих проблем исторической зоогеографии (1898, 1900, 1934; Семенов-Тян-Шанский и Щеголева-Баровская, 1935). В последние десятилетия заслуживают внимания зоогеографические работы на колеоптерологических материалах О.Л.Крыжановского (1965, 1971, 1976, 1980, 1983, 1987), И.К.Лопатина (1977, 1980), Э.Г.Матиса (19??), Г.М.Абдурахманова (1984, 1987) и других ученых.

Среди зарубежных энтомогеографов назовем лишь нескольких, которые одновременно были и крупными систематиками жесткокрылых. Француз Р.Жаннель в своих многочисленных трудах по систематике и фаунистике уделял большое внимание зоогеографическим проблемам. Он опубликовал ряд работ, специально посвященных зоогеографии (Jeannel, 1942, 1961 и др.). Швед К.Линдрот занимался главным образом энтомофауной севера Европы и Северной Америки. В своих исследованиях он сумел поднять зоогеографию до уровня почти точной науки. Основные его труды посвящены фаунам Фенноскандии, Ньюфаундленда, Канады и Аляски, но были у него также работы по становлению фауны Азорских о-вов, Новой Зеландии и др. (Lindroth, 1945-1949, 1955, 1957, 1961-1969, 1963, 1976, 1979 и др.). Американец Л.Гресситт выполнил, главным образом на материале по Cerambycidae и Chrysomelidae, ряд важных исследований по энтомофауне Восточной и Юго-Восточной Азии и Папуасской области и дал краткий, но содержательный обзор по общей зоогеографии насекомых (Gressitt, 1965-1967, 1974 и др.). Австралиец П.Дарлингтон, главным образом на материалах о распространении жужелиц, создал целый ряд великолепных зоогеграфических работ, посвященных в основном Южному полушарию (Darlington, 1943, 1949, 1952-1971, 1957, 1961, 1965). Интересные обобщения типов ареалов для высших таксонов жуков (трибы, подсемейства, семейства) сделал англичанин Р.Кроусон в зоогеографической главе своего капитального труда по биологии жуков (Crowson, 1981).

Часто энтомологи, которые не накопили достаточного собственного фаунистического материала, стремятся использовать готовую систему энтомогеографического районирования суши земного шара. Но, выбирая одну из имеющихся, нужно сначала рассмотреть вопрос о принципах выделения крупных зоогеографических областей и зоогеографического районирования вообще. Этот вопрос является одним из главнейших в современной зоогеографии, поскольку эти принципы до сих пор недостаточно разработаны и во многом дискуссионны. Многие авторы полагают, что схемы зоогеографического районирования, основанные на детальном исследовании ареалов таксонов и фаунистических комплексов и на выяснении исторически обусловленных различий между фаунами, должны уступить место простому зонально-ландшафтному делению, и что изучение зоот (то-есть животного населения в ландшафтах и ландшафтных зонах) представляет главную и даже единственную задачу современной зоогеографии. Оптимальное решение лежит где-то посредине. Возможность объединения двух крайних направлений заключается в том, что зональные рубежи оказываются таковыми для большинства организмов, а размытость рубежей позволяет отвлекаясь от частностей совмещать границы ареалов разных типов, лежащие около зонального рубежа.

Распределение животных зависит от многих факторов, на действие которых разные группы животных и растений реагируют по разному. Но природа Земли едина и все населяющие Землю виды растений и животных связаны друг с другом в своем существовании: более тесно с теми, с которыми они живут на одной территории; более опосредованно (в разной степени) - со всеми остальными. Важнейшим фактором географической географической дифференциации является климат. Он определяет зональное распределение живых организмов, которое и внешне и по существу наиболее ярко проявляется в растительном покрове. А от характера растительности зависят практически все другие организмы, только в разной степени. Эти взаимосвязи и зависимости определяют главенство биогеографического районирования над над частными общезоогеографическими, энтомологическими, колеоптерологическими и еще более частными делениями (например, только по жужелицам - карабидогеографическое).

Другое важное обстоятельство заключается в том, что единственного биогеографического деления не может быть в принципе, также как и слишком частных, как, например, колеоптерологических. Деление зависит от принципов, положенных в его основу, а принципы могут быть разными. Поиск наиболее универсальных принципов не единственное направление в зоогеографии.

Наиболее простым и естественным для систематиков является путь районирования по таксономически важным показателям - ареалам видов, ареалам родов, эндемизму разных рангов, сочетаниям ареалов и сгущениям их границ. Но могут использоваться и другие подходы, основанные на учете численности видов, анализа их распределения по типам местообитаний (стациям) и т.п.

Зональный подход в крайнем выражении игнорирует конкретный состав организмов на конкретной территории. Зона степей или прерий есть, например, в Евразии и Северной Америке, но видовой и родовой состав ее населения резко различается потому, что эти биоты развивались практически независимо, хотя и от сходных источников. Крайний фаунистический подход игнорирует зоны, объединяя территории только по составу, придавая частным особенностям распределения конкретных групп первостепенное значение. Поэтому в таких делениях находка нового вида или выяснение того, что данный вид распространен шире, приводит (каждый раз) к видоизменению схемы.

Общегеографический подход позволяет рассматривать распределение отдельных групп на общеприродном фоне, позволяет понять распространение плохоизученных групп по отрывочным данным и предсказать с той или иной степенью надежности истинный полный ареал по немногим случайным находкам.

Задача совмещения достоинств фаунистических и биогеографических районирований является, повидимому, важнейшей для будущего развития зоогеографии. Такая задача не может быть полноценно решена без опоры на распространение частных групп и, следовательно, без создания многочисленных частных районирований при последующем (и постоянном) их суммировании. При частном зоогеографическом районировании кроме традиционного подхода "снизу" (от конкретных видовых ареалов к округам и провинциям) возможен и подход "сверху" - от мелких выделов общего биогеографического районирования путем их комбинирования и создания частной иерархии пригодной именно для данной группы организмов.

Традиционный (исторически -- исходный) путь зоогеографического районирования нашел яркое воплощение в схеме деления Палеарктики А.П. Семенова-Тян-Шанского (1936), в которой, кстати, очень многие границы совпадают с зональными. В этой схеме и объединения имеют ярко выраженный зональный характер (например, Палеархеарктика получена объединением неморальной и субтропической зон восточного подсектора Палеарктики). Дальнейшую разработку этого направления в масштабе всего Земного шара предпринял колеоптеролог О.Л. Крыжановский в своей **последней работе.**

Движение с противоположной стороны ("сверху") использовал энтомолог А.Ф. Емельянов (1974), предложивший схему деления Голарктики, которая, по его мнению, совмещает главнейшие принципы зонального и исторического подходов. Ее можно использовать для уяснения распространения плохо изученных групп и для первичного упорядочения материала. Эта схема уже используется как основа для частного зоогеографического районирования.

А.Ф. Емельянов, А.Л. Лобанов,
ноябрь 1999

ЛИТЕРАТУРА

Абдурахманов Г.М. Причины различий состава горной энтомофауны Восточной и Западной частей Большого Кавказа // Доклады АН СССР, 1984, т. 274, N 1.

Абдурахманов Г.М. Восточный Кавказ - глазами энтомолога. - Махачкала, 1987. 136 с.

Емельянов А.Ф. Предложения по классификации и номенклатуре ареалов. - Энтом. обозр, 1974, т. 53, в. 3, с. 497-522.

Крыжановский О.Л. Состав и происхождение наземной фауны Средней Азии. - Л. Наука, 1965, 420 с.

Крыжановский О.Л. Основные закономерности состава фауны Histeridae (Coleoptera) Евразиатского континента. - Зоол. ж., 1971, т. 50, в. 12, с. 1813-1817.

Крыжановский О.Л. О принципах зоогеографического районирования суши. - Зоол. ж., 1976а, т. 55, вып. 7, с. 965-975.

Крыжановский О.Л. К вопросу о предмете зоогеографии и методах зоогеографических исследований. - Ж. общ. биол. 1976б, т. 37, N 5, с. 762-768.

Крыжановский О.Л. Об объеме и зоогеографическом расчленении Палеотропического доминиона.- В кн.: Современные проблемы зоогеографии. М. Наука, 1980, с. 61-81.

Крыжановский О.Л. Основные закономерности состава и распределения энтомофауны Афганистана. - В кн.: Экология и биогеография в Афганистане. М., Наука, 1981, с. 101-114.

Крыжановский О.Л. Принципы единого зоогеографического районирования суши на основе распространения наземных беспозвоночных.- Ж. общ. биол., 1987, т. 48, вып. 1, с. 66-71.

Крыжановский О.Л. Состав и распространение энтомофаун земного шара. М., Товарищество научных изданий КМК. 2002. 237 с.

Куренцов А.И. О зоогеографических округах Приморского края.- В кн.: Комаровские чтения. Владивосток, 1947, в. 1, с. 5-35.

Куренцов А.И. Вопросы зоогеографии южных частей Дальнего Востока.- Зоол. ж., 1959, т. 38, N 2, с. 153-166.

Куренцов А.И. Зоогеография Приамурья.- М.-Л., "Наука", 1965, 128 с.

Куренцов А.И. Зоогеография Дальнего Востока СССР на примере распространения чешуекрылых - Rhopalocera.- Новосибирск, Наука, 1974. 158 с.

Лобанов А.Л., Медведев Г.С., Абдурахманов Г.М. Новый подход к использованию фаунистических данных в зоогеографическом районировании // Зоол. журн. 1995. Т. 74, Вып. 11. С. 131-140.

Лопатин И.К. Основы зоогеографии.- Минск, Вышэйшая школа, 1980, 199 с.

Лопатин И.К. Зоогеография.- Минск, Вышэйшая школа, 1989, 356 с.

Семенов-Тян-Шанский А.П. Географическое распространение жуков кравчиков (триба Lethrini, сем. Scarabaeidae) в связи с их классификацией. - Изв. АН СССР, 1934, т. VII, в. 9, с. 1387-1402.

Семенов-Тян-Шанский А.П. Пределы и зоогеографические подразделения Палеарктической области для наземных сухопутных животных на основании географического распределения жесткокрылых насекомых. М.-Л. Изд. АН СССР, 1936, 16 с., 1 карта.

Семенов-Тян-Шанский А.П. Основные черты истории развития альпийских фаун. - Изв. АН СССР, отд матем. и естеств. наук, 1937, с. 1211-1222.

Семенов-Тян-Шанский А.П. и Т.И. Щеголева-Баровская. Монография рода Apatophysis Chevr. (Coleoptera, Cerambycidae).- Энтом. обозр., 1935, т. 26, в. 1-4, с. 59-90.

Ball G.E., R.Freitag. Zoogeography (p. 174-190) - in: R.Freitag. A Revision of the genus Evarthrus LeC. (Coleoptera, Carabidae). - Quest. Entom., 1969, v. 5, p. 89-212.

Bell R.T. Zoogeography of Rhysodidae. - Do beetles travel on driftwood? - In: T.L.Erwin, G.E.Ball, D.R.Whitehead (eds.). Carabid beetles. - Hague, Junk publ., 1979, p. 331-342.

Darlington P.J. Carabidae of mountains and islands. Data on the evolution of isolated faunas and on atrophy of wings. - Ecol. monographs, 1943, v. 13, p. 37-61.

Darlington P.J. Beetles and continents. A review of "La genese des faunes terrestres". by R.Jeannel. - Quart. Review of Biol. 1949, 24(4), p. 342-345.

Darlington P.J. The Carabid beetles of New Guinea, pt. I-IV.- Bull. Mus. Compar. Zool., Harvard college: 1952, vol. 107, N 3, p. 89-252; 1962, vol. 126, N 3, p. 321-564; 1966, vol. 137. N 1, p. 1-250; 1971, vol. 142, N 2, p. 129-337.

Darlington P.J. Zoogeography. - New York, 1957, 657 p. (русск. перевод, Зоогеография. - М., Прогресс, 1966, 518 стр.

Darlington P.J. Australian Carabid beetles V Transition of wet forest faunas from New Guinea to Tasmania. - Psyche, 1961, vol. 68, p. 1-24.

Darlington P.J. Biogeography of the southern end of the world. - Cambridge, Mass., Harvard univ. press, 1965, 236 p.

Gressit. Chrysomelid beetles from Papuan subregion. 1 - Pacif. Insects, 1965, vol. 7, N 1, p. 131-189; 2 - ibid., 1965, vol. 7, N 3, p. 387-449; 3 - ibid., 1966, vol. 8, N 3, p. 777-800; 4 - ibid., 1967, vol. 9, p. 295-340; 551-562.

Gressit J.L. Insect Biogeography. - Ann. Rev. Entomology, 1974, vol. 19 pp. 293-321.

Jeannel R. Monographie des Trechinae. Morphologie comparee et distribution geographique d'une group des Coleopters. Livr. I-III. - L'Abeille, Paris, 1926, t. 32, p. 221-550; 1927, t. 33, p. 1-592; 1988, t. 35, p. 1-808.

Jeannel R. La genese des faunes terrestres. Elements de la biogeographie. - Paris, 1942, 514 p., VIII tabl.

Jeannel R. Coleopteres Carabiques de la region Malgache. I-III. - Faune de l'Empire Francaise. Paris, 1946, t. VI, 372 p.; 1948, t. X, p. 373-766; 1949, t. XI, p. 767-1046.

Jeannel R. La Gondvanie et le peuplement de l'Afrique. - Ann. Mus. Afrique Centr., Zool., 1961, t. 102, 142 p.

Kryzhanovsky O.L., Atamuradov Kh.I. Zoogeography of Coleoptera in Turkmenistan. - In: Fet V., Atamuradov K.I. (eds.) Biogeography and Ecology of Turkmenistan, Netherlands, 1994, p. 403-418.

Lindroth C.H. Die fennoskandischen Carabidae. Eine tiergeographische Studie. I-III. - Goteborgs k. Vet. och Vitt. Samh. Handl., ser. B., 1945, Bd. 4, N 1, 709 s.; N 2, 277 s; 1949, N 3, 911 s.

Lindroth C.H. The Carabid beetles of Newfoundland including French islands St.Piere and Miquelon. - Opusc. Entom., 1955, Suppl. 12, 160 p.

Lindroth C.H. The faunal connections between Europe and North America.- Stockolm, 1957, 344 p.

Lindroth C.H. The ground beetles (Carabidae, excl. Cicindelinae) of Canada and Alaska, pt. I-VI. - Opusc. entom., 1961, suppl. 20, p. 1-208; 1963; suppl. 24, p. 209-408; 1966, suppl. 29, p. 408-648; 1968, suppl. 33, p. 649-944; 1969, suppl. 34, p. 945-1192; suppl. 35, p. I-XLIII.

Lindroth C.H. The fauna history of Newfoundland, illustrated by Carabid beetles. - Opusc. Entom., 1963, suppl. 23, 112 p.

Lindroth C.H. Distribution and distributional centers of North Atlantic insects. - Bull. Entom. Soc. N. Amer., Baltimore, 1968, v. 14: 91-95.

Reichardt H. A synopsis of the genera of Neotropical Carabidae (Insecta: Coleoptera).- Quaest. Entomol., 1977, 15; p. 346-493.

Reichardt H. The South American Carabid fauna: endemic tribes and tribes with African relationships. - In: T.L. Erwin, G.E.Ball, D.R.Whitehead (eds.). Carabid beetles. Hague, 1979, p. 319-326.

Ronquist, 1994. Ancestral areas and parsimony. Syst. Biol., vol. 43.

Szumik, Cuezzo, Goloboff and Challup, 2002. An optimality criterion to determine areas of endemism. Syst. Biol., vol. 51.

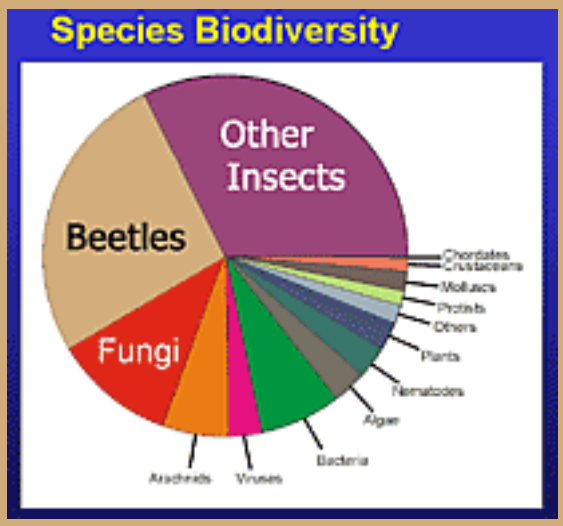
Szumik, Goloboff, 2004. Areas of endemism. An improved optimality criterion. Syst. Biol., vol. 53.

Информация о книгах по биогеографии и зоогеографии на нашем сайте:

- **О.Л. Крыжановский - "Состав и распространение энтомофаун земного шара"**
- **Г.М. Абдурахманов, И.К. Лопатин и др. - "Основы зоологии и зоогеографии"**
- **В.Г. Мордкович - "Биогеография" (избранные лекции)**
- **"Биологические инвазии" - новая коллективная монография зоологов ЗИН РАН**

- **Биогеографическое районирование**
- **Важное пособие по географическому распространению жуков (О.Л.Крыжановский, 2002)**
- **Документальное свидетельство глобального распространения жуков**
- **Расширение ареалов жуков**
- **Фауны жуков крайне маленьких территорий**
- **Избранная литература по вопросам панбиогеографии**
- **С.Д.Степаньянц и др.: "Обзор концепций биполярности: история и примеры ..."**
- **Избранная литература по вопросам биполярности распространения организмов**
- **Общие вопросы и история изучения отдельных фаун**

Систематика и филогения



Животные подразделяются на:
а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных,
в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен,
е) сказочных, ж) бродячих собак,
з) включенных в настоящую классификацию,
и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых,
л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти,
м) и прочих, н) только что разбивших кувшин,
о) издалека кажущихся мухами.

Хорхе Борхес, "Аналитический язык Джона Уилкинса"
Собр. соч. в 3 томах. СПб, "Полярис", 1994. Т. 2, с. 87.

Х. Борхес придумал блестящий фантастический пример совершенно непригодной классификации, имеющей целый букет пороков. Самые страшные из них: наличие нескольких несвязанных оснований классификации и взаимные пересечения выделенных в классификации таксонов. Реальные классификации жуков конечно не имеют столь явных недостатков, но и идеальными их назвать трудно. Самые уязвимые места в известных системах отряда жесткокрылых - выбор признаков для выделения таксонов в различных узлах древа классификации и установление критериев для таксономических категорий разных рангов.

Хорошая классификация должна быть в первую очередь полезной - давать возможность свести огромное число существующих в природе видов к обозримому числу объединяющих виды групп. Такая классификация особенно необходима для жуков, число описанных видов которых уже приближается к 400 тысячам, а еще несколько миллионов ждут своего описания. Как видно из приведенной выше диаграммы - жуки составляют примерно четверть всех известных живых организмов Земли. Такое огромное число видов даже трудно представить. Современные классификации (или системы) отряда жуков включают около 150 семейств. Это уже вполне обозримое множество. Хороший специалист по жукам помнит признаки и внешний облик представителей примерно 100 семейств. Манипулируя названиями этих 100 таксонов ему гораздо легче объясниться с коллегой, найти нужный раздел в определителе или каталоге, ориентироваться в большой коллекции. Трудно представить себе эти действия, если бы в распоряжении колеоптеролога были бы только названия 350-400 тысяч видов, упомнить которые не в состоянии никто.

Правилами построения классификаций (или систем таксонов) ведает особый раздел зоологии - систематика. Для того, чтобы говорить о классификации всерьез, нужно уяснить хотя бы два термина - систематическая категория и таксон. И еще надо понять, что любая классификация - субъективна и условна. Реально в природе существуют только виды. Любые их объединения - это домысел человека. Итак, систематическая (или таксономическая) категория - это общее название одного из уровней объединения видов в классификации. Сходные виды объединяются в роды, близкие роды - в семейства, похожие семейства - в отряды, отряды - в классы, классы - в типы, типы всех животных объединены в одно царство - животные (по-латыни - Animalia). Здесь перечислены только основные, обязательные уровни зоологической классификации. Существуют еще не менее четырех десятков промежуточных уровней - промежуточных систематических категорий. Таксон - это одно возможное объединение конкретных видов в одну из систематических категорий. Просто "отряд" - это систематическая категория, а "отряд жуки" - это таксон. Просто семейство - это систематическая категория, а семейство жуков-листоедов - это таксон. Из-за большого объема многих семейств жуков (тысячи и десятки тысяч видов) в их систематике особое значение имеют две систематические категории, находящиеся между семейством и родом - подсемейство и триба.

Проблемой макроклассификации жесткокрылых - на уровнях от отряда до семейств - занимались многие колеоптерологи. Наиболее научно обоснованной и принимаемой многими специалистами сейчас можно считать **систему отряда, разработанную видными колеоптерологами** Дж. Лоуренсом и А. Ньютоном (Lawrence, Newton, 1995). Однако в большинстве случаев на нашем сайте используется несколько отличающаяся от этой системы, более привычная и упрощенная классификация, в которой пока не приняты некоторые, уж очень революционные, изменения Лоуренса и Ньютона. **Эта упрощенная система** (она включает только семейства жуков, встречающиеся в Палеарктике - т.е. в Европе и в нетропических частях Азии и Африки) имеет двойное назначение. С одной стороны она отражает современные научные представления о системе отряда жесткокрылых. С другой стороны она имеет чисто утилитарное назначение и должна служить основой для создания прикладных руководств, доступных определителей, учебников и популярных книг. Поэтому в ней пришлось отказаться от слишком экстремальных новшеств и чересчур кардинальных изменений, особенно, если они касаются общепринятых и имеющих практическое значение семейств. Эта классификация - плод коллективного творчества. В ней учтены предложения и замечания ряда российских специалистов - О.Л.Крыжановского, Г.С.Медведева, А.Г.Кирейчука, Б.А.Коротяева, С.Э. Чернышева, А.В.Фролова и других.

Для специалистов, серьезно занимающихся проблемами макроклассификации жесткокрылых, более интересна чисто **научная, оригинальная классификация отряда**, разрабатываемая А.Г.Кирейчуком и учитывающая взгляды крупнейшего колеоптеролога XX века **Роя Кроусона**. В эту классификацию включены и вымершие семейства жуков, а для ныне живущих семейств указано примерное время их обособления в ходе эволюции.

А.Л. Лобанов, май 2002 г.

- **Научные очерки о семействах жуков**
- **Наиболее известные предшествующие классификации жуков**
- **Наши оригинальные классификации жуков**
- **Спорные вопросы макросистемы отряда жесткокрылых**
- **Иллюстрированная классификация жуков**
- **Атлас жуков России (коллективный проект, посвященный 100-летию книги Г.Г.Якобсона "Жуки России")**
- **Филогения жуков**
- **Палеоколеоптерология и геологическая история жуков**
- **Определители жуков и биологическая диагностика**

- Объем отряда жесткокрылых (число описанных и неописанных видов)
- Зоологическая номенклатура
- Выдающиеся теоретики зоологической систематики
- Нил Эвенхус: Оборотная сторона основной проблемы таксономии: восемь шагов к таксономической Нирване
- Новости систематики и фаунистики жуков

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Мир жуков и человек

Dynastes hercules L.
Фото: www.colostate.edu/Depts/Entomology/images/beetle.gif

- Самые известные жуки
- Жуки в искусстве и литературе
- Жуки в лингвистике
- Жуки и здоровье человека
- Вредные жуки и борьба человека с ними
- Полезные для человечества жуки
- Жуки-рекордсмены
- Популярные очерки и рассказы о семействах жуков
- Жуки в "Красных книгах" и вопросы охраны редких видов жуков
- Разведение и содержание жуков
- Жуки в научно-популярных публикациях
- Жуки в научном творчестве школьников
- Жуки в дизайне технических устройств и предметов быта
- Жуки и кибернетика (жуки-киборги и т.п.)
- Жуки и мода
- Изображения жуков в садах и на полях
- Жуки в рекламе, в названиях и эмблемах фирм и учреждений
- Жуки в географических названиях
- Жуки в играх для персонального компьютера
- Жуки-игрушки и жуки в головоломках
- Изображения жуков в быту: на кухне, на обеденном столе и в серванте
- Жуки в славянском толковании снов - новая находка Риты Снайп (или - о верном способе разбогатеть)
- Жуки в криминалистике
- Курьезы номенклатуры жуков (2)

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Ученые-колеоптерологи, любители жуков и история колеоптерологии

Колеоптерологию - науку о жуках - создали и развивают колеоптерологи: профессиональные научные работники и любители. Но в материалах, имеющихся в Интернете на сотнях сайтов и страниц о жуках, очень мало уделяется внимания роли этих специалистов. А о российских колеоптерологах сведений вообще почти нет. Одна из задач нашего сайта - исправить это положение. "Человеческому фактору" мы будем уделять особое внимание. Смеем надеяться, что уже сейчас наш сайт уникален в мировой информационной паутине, ибо содержит несколько десятков персональных и мемориальных страниц, построенных по определенному плану и дающих достаточно полное представление о достижениях и традициях петербургской колеоптерологической школы. Мы думаем, что скоро нам удастся собрать под крышей нашего сайта сведения о большинстве российских колеоптерологов, а также о наших коллегах из стран СНГ, и сделать его центром информации об исследованиях жуков во всей России и в бывшем СССР.

Информация о колеоптерологах содержится в 4 разделах нашего сайта, которые выделены по строго формальным признакам. Логическим центром является раздел "Наш коллектив". В нем помещены анкеты специалистов, работающих сейчас в штате ЗИН РАН. Никакой "беллетристики" сами о себе мы не помещаем, но каждый из нас может присоединить к своей стандартной персональной странице любое количество страниц с любой, интересной хотя бы для части посетителей сайта, информацией.

Раздел "Наши предшественники" содержит данные только о тех ушедших от нас ученых, которые работали в штате ЗИН или достаточно долго проработали с нашей коллекцией, внесли в нее значительный вклад и опубликовали на основе нашей коллекции капитальные труды по жесткокрылым. Статьи в этом разделе начинаются одинаково построенной "шапкой", а далее содержат написанный в свободном стиле рассказ об одном из наших предшественников. Авторами в этом разделе могут выступить все желающие.

Всем, кто связан с сотрудниками ЗИН сейчас или был связан раньше, посвящен самый большой раздел "Наши коллеги". Страницы в нем тоже строятся строго по стандарту и обязательно содержат представление специалиста, написанное одним из наших сотрудников. Мы считаем звание "коллеги сотрудников ЗИН" достаточно почетным и "присвоить" его может только кто-то из нашего коллектива, включающего на сегодня 12 человек. Авторами в этом разделе могут выступать только они.

Для всех, кто хочет иметь персональную страницу на нашем сайте, но еще не заслужил статус "нашего коллеги", а также для тех авторов сайта, которые не являются колеоптерологами, организован раздел "Гости нашего сайта". Там мы не будем требовать соблюдения строгой формы. И написать там о специалисте может любой (в том числе и он сам). Необходимы только самые важные сведения: дата и место рождения, подробный адрес с указанием электронной почты (E-mail) и фотография (желательно). Все остальное - произвольно.

А.Л. Лобанов, ноябрь 1999

- **Наши предшественники (от Менетрие до Г.С. Медведева)**
- **Наш коллектив**
- **Наши коллеги**
- **Гости нашего сайта**
- **Очерки по истории колеоптерологии**
- **Наши экспедиции**

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Коллекции

- Наша коллекция
- История изучения насекомых Ленинградской области (коллекции, фаунистические списки)
- Другие важные коллекции
- Важнейшие мировые коллекции насекомых и их стандартные аббревиатуры
- Методы сбора жуков
- Составление коллекций жуков

Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Наши публикации и важнейшая библиография

- "Фауна СССР" - самое авторитетное издание монографий по жесткокрылым в России
- Определители жуков
- Каталоги и списки жуков
- Ревизии отдельных групп
- Журналы, в которых много наших статей
- Авторефераты диссертаций по жесткокрылым
- CD-ROM - компьютерные компакт-диски
- Важнейшие публикации по жукам (наши и других авторов)
- Наша книжная полка (новые и старые книги о жуках и не только о них)
- Наша библиотека
- Жесткокрылые в материалах съездов Русского энтомологического общества
- Конгрессы, симпозиумы и конференции по жесткокрылым
- Издательства, выпускающие книги и журналы по энтомологии

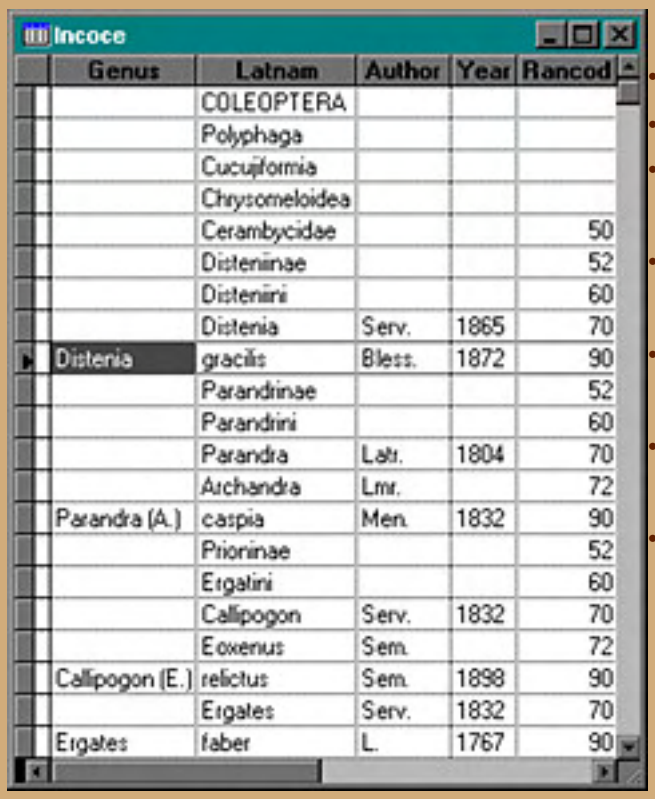
Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи

Изображения жуков

- Атлас жуков России (коллективный проект к 100-летию книги Г.Г.Якобсона "Жуки России")
- Атлас преимагинальных стадий жуков (коллективный проект)
- Иллюстрированные атласы жуков на нашем сайте (указатель из коллажей Павла Корзуновича)
- Веб-версия иллюстраций из книги Г.Г.Якобсона "Жуки России"
- Веб-версия иллюстраций из книги E. Reitter "Die Kaefer des Deutschen Reiches"
- Веб-версия "Biologia Centrali-Americana" - электронный атлас жуков Центральной Америки (350 таблиц)
- Галерея изображений жужелиц на сайте "Carabidae of the World" (Россия)
- Художники и рисунки жуков
- Фотографы и снимки жуков
- Наиболее полные иконографии жуков
- Документальные фильмы о жуках

Жуки (Coleoptera)
и колеоптерологи

Наши базы данных



Incoce

Genus	Latnam	Author	Year	Rancod
	COLEOPTERA			
	Polyphaga			
	Cucujiformia			
	Chrysomeloidea			
	Cerambycidae			50
	Disteniinae			52
	Disteniini			60
	Distenia	Serv.	1865	70
Distenia	gracilis	Bless.	1872	90
	Parandrinae			52
	Parandrini			60
	Parandra	Latr.	1804	70
	Archandra	Lmr.		72
Parandra (A.)	caspia	Men.	1832	90
	Prioninae			52
	Ergatini			60
	Callipogon	Serv.	1832	70
	Eoxenius	Sem.		72
Callipogon (E.)	relictus	Sem.	1898	90
	Ergates	Serv.	1832	70
Ergates	faber	L.	1767	90

- Список семейств жуков России
- Списки видов для семейств жуков России
- Списки жуков Ленинградской области (Санкт-Петербургской губернии)
- Списки видов и родов отдельных семейств для различных регионов
- Региональные списки видов жуков, включающие несколько семейств
- ZInsecta - новый сайт Зоологического института с энтомологическими базами данных
- Перечни основного содержания интерактивных баз данных нашего сайта

Жуки (Coleoptera)
и колеоптерологи

Жуки в Интернете

- Русскоязычные сайты (жуки, насекомые, общезоологические)
- Сайты, целиком посвященные жукам
- Страницы о жуках на различных сайтах
- Энтомологические сайты
- Жуки на энтомологических сайтах проекта BUGWOOD в США
- Зоологические сайты
- Zoo-сайты Олега Берлова
- Сайты по биоразнообразию, охране природы и защите растений
- Персональные и мемориальные страницы колеоптерологов
- Наиболее интересные каталоги и указатели ресурсов Интернета
- Различные сайты и страницы, интересные для колеоптерологов

Новости, указатели и прочее

- Новости нашего сайта
- Контекстный поиск по всем страницам сайта
- Алфавитный указатель семейств жуков Палеарктики (упоминания на страницах сайта)
- Анализ посещаемости сайта: текущий рейтинг страниц и авторов (11 мая - 20 августа 2008 г.)
- Праздничная страница
- XX век - важнейшие достижения колеоптерологии
- Как устроен наш сайт (карта сайта)
- Иерархический список страниц (древо сайта)
- Приглашаем всех к сотрудничеству (для потенциальных авторов)
- Для желающих попасть в разделы "Наши коллеги" или "Гости нашего сайта"
- Правила представления материалов (фотографий и др.) для публикации на нашем сайте
- Доска объявлений
- Пермутационный указатель к заголовкам всех страниц сайта

О сайте и его авторах

Этот сайт создан по инициативе **А.Л. Лобанова** в 1999 году сотрудниками **Отделения жесткокрылых** Лаборатории систематики насекомых Зоологического института РАН и их коллегами. Сайт был создан и первоначально развивался при частичной поддержке РФФИ (гранты N 96-07-89086 и N 99-07-90315) и ГНТП "Биоразнообразие" (2.1.91. бр). В 2002 году РФФИ предоставил редколлегии сайта специальный грант N 02-07-90105-в (руководитель - д.б.н. А.Г. Кирейчук) для дальнейшего развития сайта, создания полноценной английской версии и разработки для сайта колеоптерологических баз данных.

Все сотрудники Отделения принимали участие в сборе материалов и написании текстов. Но на **страницу авторов** помещены (и впредь будут помещаться) только те, кто сделал что-то сверх заполнения своей анкеты или персональной страницы: написал еще какой-либо текст или предоставил изобразительный материал. Мы приглашаем к сотрудничеству всех желающих и будем рады, если страница авторов будет постоянно пополняться новыми лицами. Советы и необходимая информация для потенциальных авторов -- **на специальной странице** нашего сайта. В наполнении сайта принимают участие большинство отечественных колеоптерологов и многие зарубежные специалисты. К 2004 году круг авторов сайта увеличился до 200 с лишним человек.

Наш сайт постоянно дополняется и редактируется. Основные изменения фиксируются на специальной странице **"Новости нашего сайта"**. Довольно много страниц пока содержат только иллюстрации или вообще пусты. Сначала мы хотели сделать такие страницы невидимыми, но потом решили, что вид чистых листов с заголовками скорее привлечет новых авторов и ускорит наполнение сайта. Поэтому просим не удивляться виду пустых страниц - с каждой неделей их число неуклонно уменьшается.

Редколлегия не имеет возможности досконально проверять все материалы, предоставляемые многочисленными авторами для публикации на нашем сайте. В тех случаях, когда на Web-странице явно указан автор - ответственность за достоверность, качество и оригинальность информации целиком возлагается на него. Редколлегия оставляет за собой право снимать с сайта материалы, в которых выявлены серьезные дефекты или нарушения норм авторского права. Редколлегия будет благодарна всем пользователям сайта за критические замечания и сообщения о конкретных ошибках в опубликованных материалах.

Редакционная коллегия сайта:

А.Г. Кирейчук (научный редактор) **AK3929@AK3929.spb.edu**

М.Б. Дианов (Web-мастер и Web-дизайнер) **mix@zin.ru**

А.Л. Лобанов (Web- и бильд-редактор) **all@zin.ru**

А.И. Халаим (редактор английской версии) **hymenopt@zin.ru**

А.Г. Пономаренко **aponom@paleo.ru**

М.Г. Волкович **polycest@zin.ru**

Д.В. Власов **mp@yarmp.yar.ru**

D. Telnov **telnov@parks.lv**

M.V.L. Barclay **m.barclay@nhm.ac.uk**

A. Nilsson **anders.nilsson@bmg.umu.se**

Адрес:

Отделение жесткокрылых
Лаборатория систематики насекомых
Зоологический институт РАН
Университетская наб. 1
Санкт-Петербург 199034
Россия
Тел. (812) 328-12-12
Факс (812) 328-02-21
E-mail: **all@zin.ru**
webmaster@zin.ru

Сайт впервые выставлен в Интернет 29 ноября 1999 года.

Статистика сайта:
общее число страниц - 13049 (49 пока пусты; заполнение = 99.6%)
общее число иллюстраций - 48787 (включая 439 портретов участников сайта)
общее число ссылок на ресурсы Интернета - 1570

Наш сайт зарегистрирован в следующих поисковых системах и каталогах:

31 ДЕНЬ
07 ДНЕЙ
24 ЧАСА
СЕГОДНЯ
НА ЛИНИИ
Yndex
Rambler
АПОРТ 2000
РЕЙТИНГ 301195 mail.ru 137 82
1000 STARS
become number one
Золотой УРЛ
up.ru каталог русского интернета
1.by.ru вездесущий поиск
Наш Питер
ЖЕНСКИЕ СТРАСТИ passion.ru
Каталог Интернет
каталог И.СУСАНИН
ИНТЕРНЕТ
УЧАСТНИК Rambler's TOP 100
Дхыьфшэ
URL каталог. Ресурсы сети Интернет
BioScience NET
Russia on the Net
МУЗЕИ РОССИИ www.museum.ru
Избранное
Echo
Weblist RU
THE LIST of RUSSIAN web-servers
КИРИЛЛ и МЕФОДИЙ
WIN KOI-8 MAC LAT
РОССИЯ ОНЛАЙН
РАЗМЕЩЕНО В vum.ru

БОЛЕЕ 20 000 ССЫЛОК
Biodan .narod.ru
Golden URL
животный мир
Лучшие сайты о животных

Последнее изменение страниц сайта - 20 января 2010 г.

- **Портретная галерея авторов сайта**
- **Наш сайт и его авторы в зеркале средств массовой информации**
- **Наш сайт в научных публикациях**
- **Наш сайт глазами его авторов**